МИР В ВОЙНАХ

Я БЫЛ АДЬЮТАНТОМ ГИТЛЕРА

Николаус фон Белов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Бывший полковник геринговской «люфтваффе», ряд лет прослуживший военным адъютантом Гитлера по ВВС, принадлежал к узкому окружению нацистского фюрера. Он был в курсе преступных планов и дел военно-политической верхушки Третьего рейха и мог непосредственно наблюдать ее специфические нравы и повадки. Поэтому его воспоминания содержат много любопытных и малоизвестных фактов, которые привлекут внимание читателей, интересующихся историей Второй мировой войны и фашистской агрессии против СССР. Автор является очевидцем многих крупных событий вплоть до разгрома гитлеровской Германии и самоубийства ее главаря в Имперской канцелярии.

- Николаус фон Белов
  -
  - Предисловие
  - От автора
  - Глава I
  - Вступление в должность
  - Первые впечатления
  - Установление деловых связей
  - Стиль жизни Гитлера, его окружение, распорядок дня и методы работы
  - Адъютантура, командование сухопутных войск и вооруженных сил
  - Особое положение Геринга
  - Имперский «Партийный съезд труда»
  - Маневры вермахта
  - Государственный визит Муссолини
  - Мирные недели
  - Гражданская война в Испании
  - 5 ноября 1937 года
  - Первое пребывание в «Бергхофе»
  - Посещение «Мессершмитт-АГ»
  - Планы создания бомбардировщиков
  - Завершение года
  - Смерть Людендорфа
  - Новогодний прием
  - День рождения Геринга
  - Скандал вокруг Бломберга
  - Кризис из-за Фрича

- Смещение Хоссбаха
- Роль Кейтеля
- Странный эпилог
- Шмундт
- Рейхенау – главнокомандующий сухопутных войск?
- Крупные перемены
- Активность Геринга – пассивность Гитлера
- Несостоятельность генералов
- Послеродовые боли
- Гитлер в Мюнхене
- Шушниг на Оберзальцберге
- Речь в рейхстаге 20 февраля
- Аншлюс Австрии
- Предвыборная поездка
- Государственный визит в Италию
- Операция «Грюн» {111}
- На авиационной базе в Барте, 13 июня 1938 г.
- Вмешательство Геринга в дела сухопутных войск
- Новый стиль руководства
- Зона воздушной обороны «Запад»
- Запоздалое вооружение люфтваффе?
- Глава II
- Отставка Бека
- Инспекционная поездка на Западный вал
- Создание войск СС
- Имперский партийный съезд «Великогермания»
- Визит Чемберлена на Оберзальцберг
- «Чайный домик»
- Бад-Годесберг
- Мюнхен
- Усилия по вооружению
- 9 ноября 1938 г.
- Проблемы вооружения люфтваффе
- Итог 1938 года
- Новая Имперская канцелярия
- Отношения между Гитлером и сухопутными войсками
- Германия – Польша
- Речь в рейхстаге 30 января
- Новая структура люфтваффе
- Спуск на воду «Бисмарка»
- Овладение «остатком Чехии»
- Вступление в Прагу
- Русский вопрос
- Польша

- Спуск на воду «Тирпица»
- Операция «Вайс»
- 50-летие Гитлера
- Речь в рейхстаге 28 апреля
- Поездка на Западный вал
- Совещание 23 мая
- Югославский государственный визит
- Летние поездки
- Германо-русское сближение
- Инцидент с Альбрехтом
- Обострение ситуации
- Рехлин, 3 июля 1939 г.
- Последние недели перед войной
- Германо-русское соглашение
- Последние дни перед войной
- 3 сентября
- Рассуждения в момент начала войны
- Глава III
- Ставка фюрера
- Польская кампания
- Бои за Варшаву
- Стиль командования Гитлера
- Гитлер, Гальдер, Браухич
- Решение о наступлении на Западе
- Покушение в пивном зале «Бюргербройкеллер»{187}
- Соображения Гитлера и план операции
- События конца года
- Подготовка операции «Везерское учение»
- Споры вокруг плана операции
- Тодт – министр вооружения и боеприпасов
- Миссия Самнера Уэллеса
- «Везерское учение»
- Наступление на Западе
- Дюнкерк
- Победа и перемирие
- Продолжение войны против Англии
- Различия в характерах Гитлера и Геринга
- Планирование операции «Морской лев»
- Раздача высоких чинов
- Заседание рейхстага 19 июля
- Воздушная битва за Англию
- «Морской лев» – отложить или отказаться?
- Домашние дрязги
- Встречи с Петэном, Лавалем и Франко

- Россия, Англия, Балканы, Гибралтар
- Молотов в Берлине
- «Барбаросса»
- Приоритеты в вооружении
- Критические голоса
- Разбить Россию, чтобы ударить по Англии?
- Решения
- Средиземное море. Северная Африка
- Оперативный план против России
- Перед Балканской кампанией
- «Марита»
- Мацуока
- Отношение Гитлера к русскому противнику
- Балканская кампания
- Полет Гесса в Англию
- Крит
- Потеря «Бисмарка»
- Последние приготовления в канун 22 июня
- Глава IV
- «Волчье логово»
- Первые успехи
- Мельдерс и Галланд
- Споры о направлении главного удара
- Муссолини и Хорти на фронте
- Досадный инцидент с Канарисом
- «Окончательное решение»
- Осень 1941-го: Россия, протекторат, Северная Африка
- Вопросы вооружения люфтваффе
- Лечение в Констанце
- Объявление войны Соединенным Штатам Америки
- Зимний кризис
- Сепаратный мир с Россией?
- Перенапряжение сил
- Гитлер и генералы сухопутных войск
- От Удета к Мильху
- Мальта
- Прорыв линейных кораблей через Ла-Манш
- Смещение Гепнера
- Шпеер как преемник Тодта
- Весенняя стабилизация
- Обострение воздушной войны
- Планы летней кампании
- Заседание рейхстага 26 апреля
- Захват Крыма

- Полет к Кессельрингу и Роммелю
- Звезда Геринга клонится к закату
- Летнее наступление
- Раздор между Гитлером и Йодлем
- Увольнение Гальдера
- Мое 35-летие
- Бомбежка городов и разрушение промышленных предприятий
- Грозящая опасность под Сталинградом
- Экзекуция под Винницей
- Британское наступление в Северной Африке
- Сталинград
- Отставка Редера
- Касабланка
- Северная Африка
- Манштейн и Гитлер
- Весеннее наступление Манштейна
- Упреки в адрес люфтваффе
- Планирование «Цитадели»
- Тунис
- Визиты наших союзников
- Гитлер требует усиления зенитной обороны
- Беседа с Ширахом в Вене
- Гитлер критикует люфтваффе
- Размолвка Гитлера с Ширахом
- «Цитадель»
- 40-летие военной службы Шперрле
- Отпадение Италии
- Разрушение Гамбурга
- Самоубийство Ешоннека
- Трудное положение на Восточном фронте
- Операция «Ось»
- Мысли о сепаратном мире
- Глава V
- Высадка англо-американцев на Сицилии
- Дальнейшее обострение воздушной войны
- Несгибаемость Гитлера
- Подготовка к англо-американскому вторжению
- Прочность обороны
- Показ самолета «Ме-262»
- Конференция в Тегеране
- Штаб национал-социалистического руководства в ОКВ
- Тяжелое положение на рубеже 1943-1944 гг.
- Вопросы вооружения

- Обращение к фельдмаршалам 27 января
- Потеря Крыма
- Увольнение Манштейна и Клейста
- Бои в Италии
- Воздушные налеты на военные предприятия
- Слухи о покушении
- Ханна Райч
- Боевые действия на Востоке
- Оккупация Венгрии
- Усилия в области военного производства
- Новая Ставка фюрера?
- Гибель Хубе
- Возвращение Шпеера
- Гитлер и Геринг
- «Мирная жизнь» в «Бергхофе»
- Неприятности с «Ме-262»
- Налеты на гидрогенизационные заводы
- Новая задача
- «Фау-1» в действии
- Вторжение
- Роммель говорит Гитлеру правду
- Успехи союзников на Западе
- Гибель Дитля
- Второе вторжение?
- Разгром группы армий «Центр»
- Свадьба Хевеля
- Прощание с Оберзальцбергом
- 20 июля
- Преследования
- Резкое ухудшение моего здоровья
- Лечение и выздоровление
- Вести из Ставки фюрера
- Возвращение в «Волчье логово»
- Намерения, соображения, иллюзии
- «Ареопаг»
- Бесперспективное положение
- Арденнское наступление – последняя попытка
- Выхода больше нет
- Начало конца
- Последняя речь Гитлера перед гауляйтерами
- Надежды на «Ме-262»
- Кольцо замыкается
- Прощание с женой
- Последние дни в бункере фюрера

- Смещение Геринга
- Назначение Грайма
- 27-29 апреля
- Бегство из Берлина
- В английском плену и заключении
- Нюрнберг
- Хронология событий
- 1937 г.
- 1938 г.
- 1939 г.
- 1940 г.
- 1941 г.
- 1942 г.
- 1943 г.
- 1944 г.
- 1945 г.
- 1946 г.
- Примечания

Николаус фон Белов
Я был адъютантом Гитлера

{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста.

Предисловие

Эта книга, несомненно, привлечет внимание всех тех читателей, которые интересуются историей Второй мировой войны и агрессии, осуществленной против Советского Союза гитлеровской Германией, 55-ю годовщину великой Победы над которой мы отмечаем в наступившем 2000 году. Она охватывает драматический период всемирной истории от подготовки и начала этой войны до самоубийства нацистского фюрера в бункере Имперской канцелярии 30 апреля 1945 г. Несмотря на прогитлеровскую тенденциозность мемуариста, книга эта тем не менее объективно обладает определенной познавательной ценностью. Она знакомит нас с некоторыми неизвестными или малоизвестными фактами и событиями не столь отдаленного прошлого, расширяет и дополняет наши представления о том, что происходило в то время в лагере нашего политического и военного врага. В ней раскрываются побудительные мотивы его действий, показывается механизм принятия Гитлером и высшим командованием вермахта важнейших политических и военных решений нередко всемирно-исторического характера. Поэтому независимо от намерений и взглядов автора воспоминания его носят разоблачительный характер.

Тем не менее следует предупредить даже хорошо осведомленного и начитанного читателя, что даже при очевидной достоверности описываемых автором фактов и событий (запросто игнорировать которые нельзя) к их интерпретации фон Беловым, к его суждениям и выводам необходимо отнестись критически. Не следует упускать из вида, что (хотя и не являясь рьяным национал-социалистом и считая себя стоящим «вне политики» профессионалом-военным, в силу присяги добросовестно исполняющим свой долг) он верой и правдой служил преступному фашистскому режиму и до самого финала оставался убежденным приверженцем Гитлера, правда, в душе порой не одобряя его отдельные действия и поступки. Несомненно и желание автора «очеловечить» и «облагородить» образ этого монстра, преступника № 1 против мира и человечности, на совести которого – десятки миллионов жертв бесчеловечной войны, геноцида (в частности «холокоста») и политических репрессий. Показная корректность, любезность и даже внимательность этого мастера рассчитанных на публику театральных эффектов, скажем, к своим ближайшим сотрудникам и личной обслуге, ничего не меняют в действительном облике кровавого злодея.

Напомним, к примеру, как в ходе настоящей бандитской «разборки» Гитлер «замочил» в «Ночь длинных ножей» 30 июня 1934 года ставших опасными ему своих недавних сообщников-штурмовиков во, главе с закадычным «братком» Эрнстом Ремом, как круто расправлялся он с неугодными или отпавшими от него генералами и офицерами, о его общеизвестной грубости и приступах необузданной ярости по отношению к подчиненным. Все это автор смягчает, рисуя пастельными красками чуть ли не благостный образ фашистского тирана и его «художническую натуру», а также некоторые подробности его личной жизни.

Однако предоставим развернутую аргументированную критику или опровержение ряда суждений и утверждений автора военным историкам и специалистам-германистам, выступающим во всеоружии фактов и положений, твердо установленных Судом народов в Нюрнберге и исторической наукой.

Примечательна и сама личность автора. Полковник авиации Николаус фон Белов получил свою первоначальную летную подготовку в авиационном училище в г. Липецке в СССР, на территории которого (в обход Версальского договора 1919 г., запрещавшего побежденной Германии иметь военную авиацию, танковые войска, военно-морской флот и химическое оружие) в 1920-х – начале 1930-х годов, с согласия советского правительства, при активном содействии командования Красной Армии, было создано несколько секретных военно-учебных центров, которые готовили офицерские кадры для будущего вермахта. Потом находился на командных должностях. Начиная с 1937 г. вплоть до горького для него конца фон Белов изо дня в день непосредственно общался с Гитлером, с которым его на протяжении многих лет связывали не только служебные, но и личные доверительные отношения. Будучи военным адъютантом «фюрера и рейхсканцлера» Третьего рейха по авиации, герингoвской «люфтваффе», он имел редкостную, поистине уникальную возможность из первых уст слышать высказывания, мнения и намерения нацистского диктатора, которые тщательно воспроизводит в своих воспоминаниях, а также выполнять его конкретные приказания и поручения. Именно ему продиктовал Гитлер свое обращение к немецкому народу по случаю начала Второй мировой войны.

Аристократу по происхождению, принадлежавшему к прусской элитной военной касте (его дядя еще в Первую мировую войну был генералом от инфантерии), человеку образованному и довольно интеллигентному, ранее – строевому офицеру-летчику, фон Белову довелось быть свидетелем, а отчасти и непосредственным участником крупных исторических событий, в

значительной мере определивших лицо первой половины XX века. Ведь по своему служебному положению он принадлежал к самому узкому кругу военных сотрудников и приближенных Гитлера как Верховного главнокомандующего вермахта. Это позволяло ему быть постоянно в курсе замыслов, планов и дел военной верхушки рейха. Он хорошо знал нравы, повадки и амбиции этой среды, в которой чувствовал себя своим среди своих. Ему были знакомы отдельные частные разногласия высшего генералитета (главным образом, сухопутных войск и авиации) с фюрером по некоторым кадровым и оперативно-тактическим вопросам, хотя по вопросам стратегическим и при осуществлении его преступных агрессивных, захватнических планов они в общем и целом действовали в полном согласии с ним.

Будучи по природе своей наблюдательным, способным к анализу и самостоятельным суждениям, обладая цепкой памятью, фон Белов с педантичностью хорошо вышколенного генштабиста и немецкой основательностью, в почти дневниковой, зачастую лаконичной и лишенной эмоций форме, фиксировал все виденное, а также и слышанное им от своего высокого и притом весьма словоохотливого шефа. Более того, он имел возможность не только постоянно общаться, но и беседовать с фюрером в служебной или приватной обстановке, а порой даже возражать ему по специальным вопросам, касавшимся действий авиации или ее вооружения, в которых Гитлер, к слову, неплохо разбирался. Можно с полным основанием полагать, что бывший ефрейтор Первой мировой войны, награжденный офицерским орденом Железного креста I степени, обладал отнюдь не меньшими военными способностями и познаниями, да и соображал в военном деле ничуть не хуже семинариста-недоучки, столь же незаслуженно, как и он сам, претендовавшим на славу «величайшего полководца всех времен и народов».

Автор дает далеко не однозначный, во многом противоречивый и непривычный для нашего читателя образ Гитлера, резко расходящийся с созданным сталинской пропагандой и сталинистской историографией примитивным стереотипом «бесноватого фюрера». Каким бы экспансивным и непредсказуемым «психом», допустим, ни был нацистский главарь, дебилом он никак не являлся, и отказать ему в уме никоим образом нельзя. Даже Молотов, самонадеянно считавший, что в августе 1939 г. они со Сталиным обвели Гитлера вокруг пальца, признал (правда, с «небольшим» запозданием – на несколько десятилетий): «Гитлер не был дураком, очень способный человек!..» (Цит. по сб. «Откровения и признания». М., 1996, с. 10). А Сталин, хорошо знавший толк в культе личности,

представлявшем собою сочетание лживой, оглупляющей пропаганды мессианской роли «фюрера», или «вождя» (что в переводе одно и то же), с политическим террором, при подписании в Кремле в ночь на 23 августа 1939 г. германо-советского пакта – видимо, от избытка дружеских чувств или по холодному расчету – даже выпил за здоровье Гитлера, ибо, сказал он, «знает, как сильно любит немецкий народ своего фюрера!» (Там же, с. 64). Сообщить об этом тосте своему народу он все-таки поостерегся.

В данной связи уместно привести разумную, взвешенную и вполне объективную оценку Гитлера как политического и военного противника, данную осенью 1971 г. Г. К. Жуковым. В беседе с Константином Симоновым выдающийся советский полководец сказал:

«Вообще у нас есть неверная тенденция. Читал я тут недавно один роман. Гитлер изображен там в начале войны таким, каким он стал в конце. Как известно, в конце войны, когда все стало расползаться по швам, он действительно стал совсем другим, действительно стал ничтожеством. Но это был враг коварный, сильный… И если брать немцев, то конечно же они к нему не всегда одинаково и не всегда отрицательно относились. Наоборот. На первых порах восхищались им. Успех следовал за успехом. Авторитет у него был большой, и отношение к нему внутри. Германии, и в частности со стороны германского военного командования, было разное на разных этапах. А когда мы его изображаем с самого начала чуть ли не идиотиком, – это уменьшает наши собственные заслуги. Дескать, кого разбили? Такого дурака! А между тем нам пришлось иметь дело с тяжелым, опасным, страшным врагом. Так это и надо изображать…». (Цит. по: Константин Симонов. Сегодня и давно. М., 1980, с. 239. Выделено нами. – Г. Р.).

Примерно такую же эволюцию отношения к Гитлеру, как со стороны германского военного командования, претерпело и отношение к нему (а также к развязанной им войне, которая стала угрожать теперь существованию самого рейха) и со стороны фон Белова, хотя он и продолжал (не без некоторого душевного трепета) восхищаться фанатической «несгибаемостью» фюрера. Сам же Гитлер, по утверждению автора, уже летом 1944 г., после сокрушительного разгрома группы армий «Центр» в Белоруссии, перестал верить в победу: у него произошла «ужасающая потеря чувства реальности», он маниакально продолжал безнадежно проигранную войну, а облик его приобрел «мрачные черты».

Что же касается фон Белова, то он на рубеже 1943-1944 гг., по его словам, «больше не верил в победу, но еще не верил в

поражение», будучи убежден, что «Гитлеру все же удастся найти политическое и военное решение». Но еще гораздо раньше, сразу после нападения на Польшу и начала Второй мировой войны, как откровенно пишет он, у него «в мозгу засел некий страх, в котором я как офицер сам себе не хотел сознаться. Ведь 2 августа 1934 г., после смерти фельдмаршала Гинденбурга, я принял присягу на верность Адольфу Гитлеру и чувствовал себя связанным ею». С осени же 1944 г., признается фон Белов, «единственный выход я видел только в смерти Гитлера».

Но осознание необходимости избавиться от Гитлера не привело верного своей ложно понимаемой присяге полковниках активному действию против губителя Германии. А ведь имея прямой доступ к фюреру, он вполне мог ценою своей жизни убрать фюрера выстрелом в упор. Трусость? Нерешительность? Нет, оправдывается он:

«Меня спрашивали, нет ли какого-либо способа отстранить Гитлера от власти, иначе говоря, – убить. Я категорически отрицал. Вот уже шесть лет я служил адъютантом фюрера и замечал, что его доверие ко мне постоянно росло. Я был полон решимости выполнять свою задачу, что бы ни произошло. Пусть поворота добиваются другие, раз считают его неизбежным».

Вот, в сущности, почему прусский дворянин фон Белов не встал в ряды тех своих сотоварищей по офицерскому сословию и социальной принадлежности, которые (как истинный патриот своего народа потерявший в боях в Северной Африке руку и глаз отважный полковник граф Клаус Шенк фон Штауффенберг) попытались на краю гибели не допустить падения собственной страны в пропасть национальной катастрофы, куда ее увлекал за собой Гитлер.

20 июля 1944 г. бомба Штауффенберга взорвалась в «Волчьем логове». Гитлер остался жив, а потому заговор потерпел неудачу и его главные участники были безжалостно уничтожены. Сам же фон Белов, присутствовавший в момент взрыва на оперативном совещании у фюрера, получил ранение в голову и оказался на время контужен.

Впрочем, оказывается, не все даже в лагере противников нацистского фюрера по войне хотели его скорейшей гибели. Одним из них был… Сталин, о чем свидетельствует в своих воспоминаниях «Разведка и Кремль» (М., 1996, с. 133) бывший начальник Управления спецопераций НКВД СССР генерал Павел Судоплатов. Еще в 1943 г. Сталин в самый последний момент отказался от уже подготовленного боевиками этой секретной службы (с помощью ее агента – знаменитой в Германии русской киноактрисы и любимицы фюрера Ольги Чеховой) убийства

Гитлера, ибо это не отвечало его политическим расчетам: он вдруг испугался, как бы западные союзники не заключили сепаратный мир с новым германским правительством, оставив его с носом. А потому кровопролитная война продолжалась, по-прежнему проливалась кровь. Гитлер же стал возлагать свои надежды на «чудо-оружие» (ракеты «Фау» и первый в мире реактивный истребитель), а также на раскол между союзниками, который спасет его от полного поражения, как когда-то спас его кумира – прусского короля Фридриха II в Семилетней войне (1756-1763).

В своих воспоминаниях автор дословно приводит (в ряде случаев по частично сохранившимся или восстановленным записям) не предназначавшиеся для огласки предельно откровенные высказывания Гитлера, дающие яркое представление об образе и ходе его мыслей и действительных намерениях.

Так, фон Белов подтверждает на основании своих бесед с Гитлером, что основной движущей силой всех внешнеполитических акций нацистского лидера служили его грубо окрашенный в расистские и антисемитские тона махровый антикоммунизм, навязчивая идея борьбы против «еврейского большевизма» как главной угрозы для Германии и Европы. Запугивая Запад «большевистской опасностью» и прикрывая этим свое стремление к мировому господству, Гитлер призывал его к созданию единого фронта против СССР (прежде всего – при активном участии Англии, которая, однако, не пошла на это, боясь нарушения к выгоде рейха традиционно оберегаемого ею «равновесия сил» в Европе и установления германской гегемонии на этом континенте).

Автор приводит и циничные оценки Гитлером германо-советского пакта 1939 г. (с секретным дополнительным протоколом), который тот считал просто выгодным для себя тактическим маневром, «браком не по любви, а по расчету», верность которому он нарушит (впрочем, как и «умный и опасный» Сталин), лишь только это ему потребуется. Из аналогичных высказываний фюрера явствует, что потайным сговором о совместном разделе Восточной Европы его, как тогда говорили, «заклятый друг» – советский диктатор помог ему напасть на Польшу и тем самым развязать Вторую мировую войну. Недаром, по свидетельству постоянного представителя Риббентропа при фюрере посланника Хевеля, узнав о готовности Сталина подписать пакт, Гитлер с ликованием воскликнул: «Ну, теперь весь мир у меня в кармане!» (Цит. по: Откровения и признания, с. 60).

Приводимые в книге высказывания Гитлера и факты

объективно опровергают получившую хождение версию о якобы готовившемся нападении СССР на Германию в июле 1941 г., в силу чего фашистская агрессия против нашей страны (как в пропагандистских целях утверждал Гитлер) якобы являлась «превентивной» войной, «упреждающим ударом» с целью отражения именно данного нападения.

Эта версия была выдвинута бывшим советским разведчиком В. Резуном (В. Суворовым) в его нашумевшей книге «Ледокол» и вызвала оживленную полемику. Она, к примеру, поддержана известным телеведущим Е. Киселевым в телефильме о Сталине как человеке, одержимом идеей насильственного осуществления мировой революции методом войны, а также широко обсуждалась, при активном участии самого Резуна, в телесериале «Последний миф». Несмотря на некоторые аргументы в ее пользу, версия эта достаточно убедительных – а главное, документальных – доказательств и подтверждений не имеет. Сторонники ее в своем обличительном пафосе против Сталина (у которого и без того хватает политических преступлений и военно-стратегических просчетов) вольно или невольно (последнее касается добросовестно заблуждающихся), так сказать, дают индульгенцию Гитлеру за его агрессию против Советского Союза. Поэтому большинство авторитетных российских и германских историков эту концепцию отвергает как недостоверную и фактически оправдывающую нападение гитлеровской Германии на СССР летом 1941 г.; она, по сути, повторяет пропагандистское обоснование этого нападения нацистским главарем. Вместе с тем вряд ли приходится сомневаться в том, что Сталин действительно собирался наступательным образом вмешаться в ход Второй мировой войны и, вероятно, нанести удар по гитлеровской Германии в благоприятный для себя момент, однако гораздо позже. Это, по его расчетам, должно было произойти тогда, когда Германия окажется обессиленной войной на Западе, а отнюдь не в пору ее ошеломительных успехов, т. е. вскоре после сокрушительного разгрома Франции и захвата почти всей Европы, между тем как СССР в ходе советско-финской войны 1939-1940 гг. показал низкую боеспособность и неподготовленность своей армии к большой войне. (Полемику по этому вопросу см., в частности: сб. Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? М., 1995; Д. Волкогонов. Ленин. Политический портрет, кн. 2. М., 1994; А. Мерцалов, Л. Мерцалова. Сталинизм и война. М., 1998; С. Сергеев. Не в свои сани. – Независимая газета, 12.12.1999; Werner Maser. Der Wortbruch. Hitler, Stalin und der Zweite Weltkrieg. Mьnchen, 1994; Г. -А. Якобсен. 1939-1945. Вторая мировая война. Хроника и документы. М., 1998; Л. Гинцберг.

Спрос на небылицы. «Ледокол» Виктора Суворова дрейфует на отечественных телеэкранах. – Известия, 11.2.2000; Г. Заславский, В. Анфилов. Дай Бог, чтобы не последний» [миф]. – 12.2.2000 и др.). Между тем автор воспоминаний подчеркивает: войну против Советского Союза с целью его разгрома Гитлер, мнивший себя орудием Провидения и спасителем Германии от большевизма, издавна провозглашал делом всей своей жизни, которое он не желает оставлять своим преемникам.

Фон Белов свидетельствует, что Гитлер конкретно обдумывал нападение на СССР уже с марта 1940 г. Летом-осенью того же года по его приказу началась генштабистская разработка плана «Барбаросса», а 18 декабря 1940 г. он дал известную директиву № 21, предписывавшую вермахту «разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии» (Цит. по: В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма. М. /1973, т. 2, с. 86).

Вот что пишет автор о подлинных планах Гитлера и о его намерении именно летом 1941 г., в нарушение германо-советского договора, напасть на СССР. Еще в октябре 1940 г.

«Гитлер не раз заводил с Кейтелем и Йодлем разговоры, в которых выражал свою мысль достаточно ясно: в следующем году он должен начать борьбу против России. Свое намерение фюрер подкреплял убеждением, что в 1942 г. Россия будет в состоянии выступить против Германии, а потому он хочет сам напасть на нее в 1941 г. Гитлер придерживался взгляда, что значительная часть России сможет быть „сделана“ за срок с мая до сентября, ибо в 1942 г. он должен быть опять готов к борьбе против Англии. Меня эта ясная и четкая формулировка решения не поразила: в последние недели я не раз слышал его высказывания на эту тему» (с. 309. Здесь и далее выделено нами. – Г.Р.).

Задавая риторический вопрос «Как пришел Гитлер к решению напасть на Россию, еще не победив Англию?», фон Белов констатирует:

«Это, казалось мне, – главный вопрос войны. Он был убежден в том, что Англия ожидает помощи в своей борьбе за Европу и, судя по ходу войны в эти зимние месяцы [1940-41 г.], видит ее в лице Америки и России. […]. Положение же в России Гитлер оценивал так: русские смогут вмешаться в ход войны уже осенью 1942 г. Германо-русский союз он отнюдь не рассматривал как гарантию мира на многие годы. Сталин хочет дождаться того момента, когда германские силы окажутся ослабленными боями на Западе, и тогда без всякой опасности для себя вмешаться в европейские сражения. В любом случае, фюрер хотел русское наступление упредить, ибо знал, что одновременно Германия на

все стороны сражаться не может. Поэтому план его состоял в том, чтобы убирать одного противника за другим. – будь то переговорами, будь то войной. […] 1941 году предназначалось стать исключительно годом столкновения с Россией. Гитлер построил приготовления к нему так, что был готов напасть примерно в середине мая. Таким образом фюрер намеревался ослабить русских настолько, что они прекратят борьбу и оп сможет сосредоточить все силы для удара по Англии» (с. 317-318). Уже в декабре 1940 года «нападение на Россию было для него делом решенным» (с. 313).

Отсюда следует: агрессия Гитлера против СССР никоим образом не являлась спонтанной и вынужденной упреждающей, превентивной, мерой для предотвращения вполне определенного и конкретного, якобы уже подготовленного нападения СССР на Германию летом 1941 года. Она была издавна запрограммированным, заранее задуманным и тщательно спланированным актом, закономерно вытекавшим из всей военно-политической и стратегической концепции Гитлера, а также из «идейно-теоретических» установок национал-социализма.

Ни о каких сколько-нибудь серьезных признаках будто бы готовившегося тогда Сталиным нападения на Германию в воспоминаниях фон Белова не говорится, а от столь осведомленного, компетентного и внимательного наблюдателя, как он, такие признаки, имейся они в действительности, наверняка не могли бы укрыться.

Более того, фон Белов отмечает, что после визита Молотова в Берлин в ноябре 1940 года СССР действительно готовился к войне с Германией, но к войне оборонительной (с. 344). Таким образом, факт агрессии гитлеровской Германии против СССР, вопреки существовавшему договору о ненападении, остается несомненным.

Победа над гитлеровской Германией в Великой Отечественной войне досталась нам очень дорогой ценой, и об этом мы не смеем забывать, празднуя ее 55-ю годовщину. Мы заплатили за нее (по, предположительно, заниженным официальным данным) 27 миллионами жизней наших соотечественников, и цифра эта минимум в три с половиной (если не в четыре) раза превышает людские потери противника. Это во многом объясняется массовыми довоенными репрессиями (прежде всего против командного состава Красной Армии), а также политическими просчетами и имевшими катастрофические последствия оперативно-стратегическими ошибками Сталина (о чем подробно говорится в недавно вышедшем четырехтомном

научном труде российских историков «Великая Отечественная война. 1941-1945. Военно-исторические очерки»).

Вступив в новый век и новую эру, человечество, если оно хочет жить и процветать в условиях мира, демократии, гуманизма и цивилизации, должно усвоить поучительные уроки истории ушедшего XX столетия. Это в первую очередь значит: до конца преодолеть и искоренить одно из самых гнусных и отвратительных явлений недавнего прошлого – гитлеризм, национал-социализм в любой его форме и ипостаси. Фашизм, под каким бы флагом и в каком бы обличье, со свастикой или без оной, ни выступал, какими бы демагогическими лозунгами и ностальгией по «сильной руке» и тому подобным формам диктатуры и тоталитаризма ни маскировал свою коричневую человеконенавистническую суть, больше не имеет права на существование – нигде и никогда. Ради этого отдали свои жизни павшие в Великой Отечественной войне против гитлеровской Германии.

Григорий Рудой, ветеран Великой Отечественной войны.

2000 г.

От автора

Почти восемь лет – с 16 июня 1937 г. до 29 апреля 1945 г. – я в качестве адъютанта от люфтваффе{1} входил в состав «адъютантуры вооруженных сил при фюрере и рейхсканцлере» Адольфе Гитлере и таким образом являлся самым непосредственным очевидцем успехов и падения национал-социалистического господства в Германии. После его краха – сначала офицеры разведок и следователи, а потом и различные историки – зачастую спрашивали меня о пережитом мною и о моих впечатлениях. Я отвечал на их вопросы чистосердечно и в меру своей осведомленности и лишь при допросах после пленения в Бад-Ненндорфе, а также в Нюрнберге сознательно уходил от истины. Представляют ли мои изложенные в книге сведения и взгляды действительно интерес и ценность для исторической науки и для знания этой главы германской истории вообще, пусть судят читатели и специалисты.

Дать самому себе отчет о тех годах, которые изменили мою до той поры нормальную военную карьеру, побудили меня неоднократно повторяющиеся запросы историков, многочисленные беседы в семейном кругу, с родственниками, друзьями, бывшими сослуживцами. Я не просто хочу удостовериться в фактах и датах, но и пытаюсь обрести для себя ясное понимание всего того, чему я оказался тогда свидетелем.

Я начал свою службу в Имперской канцелярии всего лишь 30-летним гауптманом{2} люфтваффе, смысл жизни для которого состоял в том, чтобы летать, и, прямо скажу, был совсем не в восторге от этой перемены в моей судьбе, поскольку тогда, в соответствии с моим предыдущим жизненным путем, мог вполне надеяться на должность командира авиационной группы. Теперь же мне предстояло покинуть войска и занять пост, требовавший больше светских и дипломатических способностей, чем профессиональных военных знаний командира эскадрильи.

Главнокомандующий люфтваффе Геринг{3} был тогда ближайшим доверенным человеком фюрера и рейхсканцлера. Их взаимоотношения возникли еще в годы борьбы национал-социалистического движения [против Веймарской республики и за установление своей диктатуры] и были настолько устойчивы, что выдержали многие испытания военного времени. Мне предстояло не только включиться в эти устоявшиеся взаимосвязи, но и найти свое место внутри адъютантуры рядом с такими яркими личностями, как Хоссбах{4} и Путткамер{5}.

Должности адъютанта часто завидуют, в большинстве случаев

не зная о связанных с нею рутинных обязанностях и роли статиста.

Конечно, бывали и такие полковые адъютанты, которые «командовали» за своих командиров. Но подобные исключительные случаи даже отдаленно не могут идти в сравнение с моей деятельностью. Я никогда не поддавался искушению «делать политику» и влезать в дела, скажем, начальника генерального штаба люфтваффе или начальника управления ее личного состава, не говоря уже самого Геринга или же статс-секретаря министерства авиации. Я пытался найти компромиссное решение в трудных ситуациях, мог предостеречь, осторожно подправить и, к сожалению, лишь изредка подбодрить. Однако я всегда без обиняков высказывал свою точку зрения, если, разумеется, меня спрашивали о ней.

Притом мне доводилось глубже, чем это шло на пользу молодому офицеру, заглянуть в процесс рокового развития люфтваффе. Чем дальше, тем безрадостнее становилось собственными глазами видеть развал этого самого молодого вида вооруженных сил, не имея никакой возможности предотвратить его. Для меня никак не было сухой статистикой, когда я читал донесения о том, как мои камерады, с которыми связаны мои безмятежные лейтенантские годы, ведут на фронте бесперспективную борьбу. Не раз я снова пытался вернуться в войска. Но Гитлер меня не отпускал. Когда я в начале войны стал добиваться этого, он дал мне понять, что война и так скоро закончится. Вот тогда можно будет и поговорить об этом. Мои повторные просьбы во время похода на Запад Гитлер воспринимал весьма несдержанно, заявляя, что он сам определит, сколько мне служить при нем лично. Фюрер не любил, чтобы в его окружении появлялись новые лица. До персональных изменений дело доходило только в исключительных случаях. То же самое относилось и к Путткамеру и Шмундту{6}.

В качестве скромной компенсации мне остались редкие полеты. В мирное и в военное время я, не особенно заботясь о разрешении, использовал для этого любую предоставлявшуюся возможность и летал на всех имевшихся у нас типах самолетов – от «Шторьха» до «Ме-262».

Гитлер до самого конца придавал большое значение тому, чтобы я оставался на его стороне. Но внутренне я отошел от него в период моего лечения после 20 июля 1944 г. {7} Мне стало тогда ясно: только его личность – препятствие к окончанию ставшей бессмысленной войны. Но возникшие за многие годы отношения взаимного доверия между нами продолжались; они долгое время делали меня слепым, не давая мне увидеть темные

стороны его господства и препятствуя возникновению у меня таких же мыслей, которые обуревали в последние месяцы войны Шпеера{8}.

Написание воспоминаний о временах моего адъютантства поставило меня перед большими трудностями. Дневники мои в конце войны были уничтожены. Часть из них я сжег сам, а о сожжении находившихся на Оберзальцберге{9} позаботился

Путткамер. Мне непонятно, каким образом английский историк Дэвид Ирвинг смог прийти (в предисловии к своей книге «Гитлер и его полководцы», 1975) к утверждению, будто мои дневники «вероятно, находятся в Москве»{10}.

Все остальные материалы моя жена уничтожила, когда английские войска подходили к имению ее родителей. Поэтому в своей рукописи я опирался преимущественно на собственную память.

Я начал свои заметки еще в английском плену, стараясь запечатлеть отдельные события и процессы так, как они сохранились в моих воспоминаниях. Когда в начале 70-х годов я закончил напряженную работу над ними, эти заметки стали важной основой возникавшей с временными перерывами рукописи. Огромную помощь мне оказала отличная память моей жены, с которой я в годы моего адъютантства вел доверительные беседы. Она разделяла мои заботы и тревоги, которыми я не мог столь откровенно поделиться, пожалуй, ни с кем другим. Я благодарен за ценные указания и моему брату. В период его службы в качестве офицера генерального штаба в Управлении боевой подготовки генштаба сухопутных войск у нас вплоть до лета 1942 г. часто бывала возможность подробно поговорить о занимавших и обременявших меня делах. Нередко он после таких встреч делал краткие, отражающие суть наших бесед записи, которые ему удалось сохранить даже в конце войны; они очень помогли мне уточнить некоторые факты.

В своих воспоминаниях я пытался по возможности не поддаваться влиянию других мемуарных свидетельств и воздействию волны той отнюдь не служащей установлению истины литературы о том времени, которая появилась вскоре после окончания войны. Я принял ее к сведению, но это не очень-то побуждало меня самому выступить со своей публикацией. Я имею в виду прежде всего поистине фантастическое изображение всего происходившего в последние недели войны в бункере фюрера в Имперской канцелярии. Разумеется, недели эти были особенно угнетающими. Но я не видел, что здесь царило бы настроение отчаяния и конца света, заглушаемое алкоголем. Конечно, возникали человеческие конфликты и сложности, как

это случается всегда, когда люди различных темпераментов и характеров оказываются скученными в небольшом пространстве, да я и не мог заглянуть в любой уголок многочисленных подземных помещений Имперской канцелярии. Но мы всячески стремились поддерживать нормальное несение военной службы. Солдатам наверняка было легче, чем другим, и в тяжелых ситуациях сохранять самообладание и выдержку. Мысль о том, что нашим войскам в эти дни приходится испытывать несравнимо-большие испытания на фронте, так или иначе очень помогала мне держаться. Во всяком случае, в хорошо сработавшемся узком кругу сотрудников Гитлера это уже давно было нормальным поведением. В более широком окружении фюрера кризисные ситуации наверняка возникали чаще. Именно эти картины, вероятно, более отчетливо сохранились в памяти хотя и регулярных, но отнюдь не постоянных посетителей бункера из других военных служб.

Однако я не хотел бы присоединиться к хору тех, кто громогласно проклинает теперь то, чему они прежде поклонялись, и, оказывается, заранее в точности знали, что все произойдет именно так, как оно произошло. К тому же по окончании войны я намеревался найти себе новую профессию и потому был вынужден заглядывать в будущее. После освобождения из плена у меня имелось слишком мало времени для устройства своей новой жизни, чтобы погружаться в прошлое. С другой стороны, эти годы дали мне необходимую дистанцию. Но я отнюдь не претендую на то, чтобы сказать самое последнее слово в описании тех лет, которые запечатлелись в моем сознании за время пребывания вблизи Гитлера. Пожалуй, мои воспоминания все же могут послужить созданию ясной картины тех исторических событий, которые со времени возникновения Первой мировой войны столь радикально изменили облик Европы и всего мира и свидетелем, а отчасти и соучастником которых я был в течение ряда лет.

По своему внутреннему ощущению, в значительной мере сформированному родительским домом и семьей, я никогда не желал быть никем иным, как солдатом. К концу моих школьных лет я стал добиваться зачисления меня кандидатом в офицеры в 12-й пехотный полк (в Хальберштадте). Велико же было мое огорчение, когда меня сначала забраковали из-за небольшой близорукости. Тогда я впервые за всю военную службу воспользовался семейными связями, чтобы осуществить свое намерение. Мой дядя, бывший командующий 14-й (17-й) армией генерал пехоты в отставке Отто фон Белов, вступился за меня. Благодаря ему в апреле 1928 г. я был все-таки зачислен.

Моя карьера началась в какой-то мере необычно, поскольку до направления в полковой учебный батальон меня вместе с 20 другими претендентами на офицерский чин откомандировали в «Германскую школу транспортной авиации» в Шляйсхайме. Это явилось для меня весьма радостным событием: я смог еще до откомандирования в VI военный округ (Мюнетер) пройти психотехническое тестирование. Радость и гордость мои были в те дни велики. За год пребывания в Шляйсхайме у меня проявился определенный талант летчика. Затем меня вместе с моими сослуживцами направили в авиационное училище, готовившее летчиков-истребителей. Оно находилось в Советском Союзе, в городе Липецке{11}, неподалеку от Воронежа в центральной части европейской России. Уже сама по себе поездка через Ригу и Москву по железной дороге дала мне примечательные впечатления о простой жизни в этой стране, которая медленно, но очевидно оправлялась от последствий Первой мировой войны и последовавшей за ней войны Гражданской. Время, проведенное в Липецке, было поучительно и плодотворно не только с точки зрения обучения летному мастерству. Там я познакомился с будущим генералом фон Шенебеком, с которым мне впоследствии приходилось неоднократно соприкасаться по делам службы; наши товарищеские отношения продолжаются и по сей день. Учебные занятия, полностью заполнявшие нашу жизнь, начиналась в 5 часов утра. Хотя мы и носили штатскую одежду, военный характер этого учебного заведения не вызывал никаких сомнений. С русским населением у нас контактов почти не было, они лишь изредка поддерживались с русскими курсантами училища.

1 октября 1929 г. я приступил к своей службе в 12-м пехотном полку, в котором пробыл до весны 1933 г. Нормальная пехотная служба прерывалась лишь курсами для фенрихов{12} в пехотном училище в Дрездене (начальник – генерал-майор Лист, будущий фельдмаршал{13}). Незабываемым для меня остался тогдашний капитан Эрвин Роммель{14}, обучавший нас пехотному делу.

В это время, вплоть до моего производства в лейтенанты (1 октября 1932 г.), я дважды проходил летные двухнедельные курсы в Рехлине, которыми руководил Вильгельм Биттрих, уже тогда одаренный офицер, а впоследствии командир 2-го танкового корпуса СС и генерал войск СС.

1 июля 1933 г. я официально расстался с сухопутными войсками и перешел во все еще замаскированную люфтваффе. Поначалу я провел две совершенно безрезультатные полетные недели в Италии. Итальянцы не проявили никакой склонности

дать нам что-либо полезное. В Липецке я научился куда большему, чем там.

Первоначально меня использовали в качестве летчика-корректировщика целей для сухопутных войск в одной сравнительно небольшой эскадрилье, базировавшейся на аэродроме Штаакен около Берлина. В этом пока еще спокойном году я научился мало чему новому, однако насладился волнующей близостью столицы рейха. Утром, еще до начала служебного дня, я совершал прогулки верхом вместе с тогдашним капитаном из министерства рейхсвера Артуром Шмидтом, в имении которого познакомился со своими будущими тещей и тестем. Мы дружны еще с того времени.

Перевод на должность командира эскадрильи в 132-ю истребительную эскадру в Деберице осенью 1934 г. означал для меня в служебном отношении расставание со спокойной жизнью в Штаакене. Командовал этой эскадрой, будущей 2-й истребительной эскадрой «Рихтхофен»{15}, до марта 1934 г. майор кавалер фон Грайм{16}. Через полгода я получил должность адъютанта истребительной группы, командиром которой являлся будущий генерал фон Деринг. Известными питомцами Деберица стали Кессельринг{17} и Вефер{18}. С обоими генералами у меня возникли товарищеские отношения.

20 февраля 1936 г. подразделения 134-й истребительной эскадры (командир будущий генерал Динорт), в состав 7-й эскадрильи которой я входил, передислоцировались в Липпштадт, где мы получили приказ участвовать 7 марта 1936 г. в занятии германскими войсками дотоле ремилитаризованной Рейнской области. Моя эскадрилья стартовала там, покружилась над Кельном и, разумеется, над его знаменитым собором и приземлилась в районе Дюссельдорфа. Вскоре она была переименована в 5-ю эскадрилью 134-й истребительной эскадры «Хорст Вессель»{19} , из которой потом вышла 132-я истребительная эскадра «Шлагеттер»{20}. Когда я приступил к исполнению моих новых обязанностей начальника Управления личного состава люфтваффе, за моими плечами было нечто большее, чем девять лет службы в качестве «авиационного командира, прошедшего боевую подготовку в пехоте».

Николаус фон Белов

Детмольд, август 1980 г.

Глава I
Июнь 1937 г. – июль 1938 г.

«Время так называемых неожиданностей прошло», – заявил Гитлер в своей речи, произнесенной в рейхстаге 30 января 1937 г. Эта фраза переходила в Германии из уст в уста. Гитлеровские «неожиданности» предыдущих лет (например, 26 февраля 1935 г. – создание люфтваффе как самостоятельной третьей части вооруженных сил наряду с сухопутными войсками и военно-морским флотом; 16 марта 1935 г. – введение всеобщей воинской повинности; 8 марта 1936 г. – вступление германских войск в демилитаризованную Рейнскую область) вызвали у немецкого народа восторг и нашли у него большое одобрение. Все меры, направленные на то, чтобы сбросить оковы Версальского договора, пользовались популярностью. Провозглашение Гитлером намерения не предпринимать в 1937 г. ничего, что могло бы вновь повергнуть мир в состояние удивления и беспокойства, было воспринято с удовлетворением.

Мы, солдаты, тоже приветствовали провозглашенное успокоение и надеялись на известную стабилизацию существующего положения, которая была крайне необходима для боевой подготовки германских вооруженных сил. Со времени занятия нашими войсками Рейнланда я в чине капитана занимал должность командира эскадрильи истребителей, дислоцированной на аэродроме Дюссельдорф-Лохаузен. Строительство авиационной базы и обучение летчиков-истребителей требовали много времени и больших усилий. Отношения между вооруженными силами и партией стояли на втором плане. О возвещавшемся пропагандой равнозначном положении партии и вооруженных сил не могло быть и речи. Мой командир полковник фон Деринг считал так же. Но он верил в то, что в лице главнокомандующего – генерал-полковника Геринга авиация благодаря его положению и влиянию имеет своего заступника и это идет на пользу нам, солдатам. Отношения между партией и вооруженными силами, полагал Деринг, никогда не могут быть лишены напряженности. Здесь преимущественно консервативные идеи солдат сталкиваются с «революционными идеями»{21} национал-социализма. Процесс приспособления потребует много времени.

Весной 1937 г. у меня появились основания предполагать, что будут предприняты персональные перестановки, которые намечал командир истребительной группы «Кондор» в Испании.

Предстоявшая мне командировка в эту страну с целью моего генштабистского обучения настраивала на недоверчивый лад. Но Деринг успокоил меня. Ни о каких кадровых заменах ему ничего не известно. И даже моей свадьбе, которая должна состояться вскоре, это никак не угрожает.

Такова была военная и моя личная ситуация, когда 15 июня в имении родителей моей будущей жены в Ниенхагене, вблизи Хальберштадта, я получил по телефону приказание завтра же прибыть в Берлин, чтобы в полдень явиться в министерство авиации к начальнику Управления личного состава. Мне были даны детальные указания, в каком именно мундире я должен предстать перед высоким начальством. Это меня немного обескуражило, и я, естественно, стал задавать вопросы, желая выяснить, чего мне ждать от этого неожиданного вызова. Ответы были уклончивы, что заставило меня призадуматься.

По своему прежнему опыту я знал, что предписанная мне для явки парадная форма обычна только по таким случаям, когда присутствует сам «главнокомандующий всеми вооруженными силами» или же я должен явиться лично к нему. Отличие от обычной для представления формы с портупеей, кортиком, в фуражке и полуботинках состояло в том, что следовало приколоть большую орденскую планку, которая обычно носилась только на парадном мундире или вечернем костюме на «больших» светских приемах.

Из прессы я знал, что капитан Мантиус, адъютант Гитлера по люфтваффе, несколько недель назад разбился во время полета. Мне было не слишком трудно связать свой вызов в министерство авиации с необходимостью замещения вакантной адъютантской должности. Вполне понятно, такая возможность меня очень взволновала. В разговорах и предположениях, какую роль это может сыграть при данных обстоятельствах в моей служебной и личной жизни, и прошел тот вечер. Ночь я почти не спал. Мне было тогда 29 лет.

Вступление в должность

На следующее утро, это была среда, 16 июня 1937 г., я рано поутру выехал в Берлин, чтобы ровно в 9 часов доложить о своем прибытии начальнику Управления личного состава люфтваффе. Им уже несколько недель являлся полковник кавалер фон Грайм, под началом которого я два года назад некоторое время служил в истребительной эскадре «Рихтхофен» в качестве адъютанта штаба группы. Встреча наша была сердечной. Но я зря надеялся что-либо узнать от него. Он сообщил мне только то, что в 10 часов я должен явиться к Герингу, а там уж узнаю все остальное.

Служебная вилла Геринга находилась в садах позади здания министерства авиации, раскинувшихся между бывшими прусскими учрежденческими строениями в треугольнике, образованном площадью Лейпцигерплац и улицами Лейпцигерштрассе и Принц Альбрехтштрассе{22}. Она почти вплотную примыкала к зданию бывшей прусской палаты депутатов, которое теперь получило название «Дом летчиков» и в котором размещался также «Аэроклуб».

Точно в 10.00 я вошел в эту виллу, и после недолгого ожидания меня провели через обширную приемную в неожиданно огромный кабинет Геринга. Четыре высоких стеклянных двери, ведшие на террасу, говорили о том, что этот кабинет был создан из четырех помещений поменьше. Безвкусно обставленный, он производил впечатление одновременно и представительского, и жилого. Я еще с довольно большого расстояния увидел в центре кабинета самого Геринга, сидевшего за своим большим письменным столом и почти заслоненного высокими фотографиями, стоявшими перед ним. Он попросил меня подойти поближе и встать рядом с письменным столом. Я отдал ему честь вытянутой вперед рукой и доложил о своем прибытии. Он стал внимательно меня разглядывать, а потом задал несколько вопросов, я ведь неженат? Я подтвердил, добавив, что собираюсь жениться в ближайшие дни. С выражением удивления и неудовольствия на лице Геринг дал понять, что об этом ему ничего не известно. Но затем очень быстро перешел к делу и спросил меня, знаю ли я, что мне предстоит. Я с чистой совестью ответил «нет». Тогда он сообщил мне, что я должен стать адъютантом Гитлера по люфтваффе, и тут же задал вопрос, хочу ли и могу ли я принять эту должность. Я даже не успел поразмыслить, так как он продолжал: если я не в состоянии быть преданным Гитлеру душой и телом как его «постоянный спутник», то обязан немедленно сказать об этом. Я должен быть

приверженцем фюрера «по внутреннему убеждению». На вопросы Геринга я ответил утвердительно. Я просто не мог себе представить, чтобы это назначение как-то изменило мой офицерский статус. Ведь в 1934 г. я принес присягу на верность Адольфу Гитлеру{23}.

Незабываемым осталось для меня и другое высказывание Геринга. Он сказал мне, что как военный адъютант я подчиняюсь только одному Гитлеру и должен примерно на два года всецело посвятить себя этой задаче. В своей деятельности и при выполнении мною задач, касающихся Главного командования люфтваффе (ОКЛ{24}), я должен советоваться с его обер-адъютантом полковником Бодешатцем. Тот остается, как и прежде, личным офицером связи Геринга с Гитлером и к моим делам касательства не имеет. Геринг приказал мне отправиться в Имперскую канцелярию, где находится адъютантура вооруженных еил, и явиться там к полковнику Хоссбаху. Он, Геринг, в 13 часов будет у фюрера и лично представит меня ему. Я должен ждать его там.

Я был рад, что этот разговор не застал меня совершенно врасплох. Геринг сообщил мне о поистине не будничном назначении и дал необычную для молодого офицера должность. Правда, подлинное значение некоторых его тогдашних высказываний я в тот момент не уразумел и полностью осознал их закулисные причины только в ближайшие месяцы. Но отправляясь в Имперскую канцелярию, я об этих закулисных причинах ничего не знал и не догадывался. Мне все еще не было ясно, состоялось ли уже мое новое назначение или последнее слово остается за самим Гитлером. Прежде всего мне предстояло явиться к полковнику Хоссбаху. Он для меня совсем неизвестным человеком не был. Я шел к нему с явным предубеждением. В имперском военном министерстве слава у него была неважная. Критические высказывания о нем офицеров генерального штаба сухопутных войск доходили и до моего слуха.

Первым в помещениях «адъютантуры вооруженных сил при фюрере и рейхсканцлере», как именовалось наше учреждение, я встретил адъютанта по военно-морскому флоту корветтен-капитана{25} Карла-Йеско фон Путткамера. Высокого роста, светловолосый, с изысканной внешностью, курящий сигары и скупой на слова. Таково было мое первое впечатление. Немного погодя появился и полковник Хоссбах. Я представился по всей форме, поскольку хорошо знал, какое большое значение он придает таким внешним проявлениям чинопочитания, за что полковник и носил прозвище «Последний пруссак». Он воспринял меня благожелательно и тут же предложил пройти с ним в

квартиру фюрера, чтобы я смог лично доложить тому о своем прибытии в его распоряжение. Мне пришлось возразить, что я получил указание от своего главнокомандующего ожидать его, ибо он сам представит меня. Хоссбах принял это к сведению с недовольством, но все же попросил Путткамера в надлежащий момент проводить меня в квартиру фюрера. Затем он удалился. Мое первое впечатление о нем оказалось именно таким, каким я и ожидал. Неконтактный, блюдущий дистанцию между собой и нижестоящими, он буквально смотрел на молодого «галстучника»{26} из люфтваффе сверху вниз.

Через некоторое время мы с Путткамером отправились в путь по длинным коридорам, связывавшим наши служебные помещения с квартирой фюрера в старом здании Имперской канцелярии, которое было построено еще в XVIII в. и в котором со времени образования Германской империи в 1871 г. находилась резиденция первого рейхсканцлера князя Отто фон Бисмарка и всех последующих. Гитлер, став рейхсканцлером, полностью обновил это здание по проекту мюнхенского архитектора профессора Людвига Трооста.

После нашего марша по коридорам мы добрались до малого вестибюля, а оттуда проследовали в большой в главной части пале. Там уже находилось большое число штатских и людей в различной форме, преимущественно из рядов партии, СА и СС{27} . Разумеется, на меня со всех сторон устремились удивленные взгляды, сопровождаемые примерно такими репликами: «Ага, новичок!». Одни подходили поздороваться сами, другим меня представлял Путткамер. Запомнился же мне только личный шеф-адъютант Гитлера обергруппенфюрер СА{28} Вильгельм Брукнер. Он весьма любезно помог мне пройти через этот первый «строй шпицрутенов» в еще чуждом мне окружении. Вокруг царило большое оживление. Мне показалось все это настоящей «биржей новостей».

Прибытие Геринга дало о себе знать уже издалека. С улицы послышались громкие возгласы «Хайль!», затем команды, звуки останавливающихся у портала автомашин и щелканье каблуков эсэсовской охраны. Все присутствующие вытянули руку вперед в знак «германского приветствия». Сам же он (это я потом мог наблюдать часто) отвечал на приветствия со всех сторон довольно развязно, почти никому не подавая руки, будь то даже имперский министр или рейхсляйтер партии. Я доложился ему и получил указание ждать, пока он меня не позовет. Поскольку многое было для меня в новинку, время прошло быстро, а затем служитель пригласил меня следовать за ним. Пройдя через две большие двустворчатые двери, я через несколько шагов оказался в так

называемом Малом салоне и очутился прямо лицом к лицу с вошедшим с другой стороны вместе с Герингом Гитлером. Я все-таки успел отдать честь и уже хотел было отрапортовать по уставу о своем прибытии, но тут инициативу перехватил Геринг, представив меня фюреру. Тот подал мне руку и поздоровался со мной без соблюдения принятой формы и совсем не по-военному.

Первые впечатления

Под названием «путч Рема» речь в действительности идет об учиненной Гитлером 30 июня 1934 г. и вошедшей в историю под названием «Ночь длинных ножей» кровавой расправе (руками СС и гестапо под главенством Гиммлера и Геринга) со своими сообщниками по партии и соперниками в борьбе за абсолютную власть. Они отражали настроения мелкобуржуазной массы нацистского движения, требовавшей осуществления демагогических псевдосоциалистических обещаний фюрера («второй национальной революции») создания вместо регулярной армии «народного войска» милиционного типа, основным костяком которой должны были служить СА. Поэтому они представляли определенную опасность для германского монополистического капитала и рейхсвера. Эта кровавая акция Гитлера против своих личных соперников и оппозиционных элементов в собственной партии, совершенная менее чем за полгода до убийства (1 декабря 1934 г.) Кирова и начала массовых репрессий в СССР, получила одобрение Сталина. По свидетельству А. Микояна (приведенному в кн.: В. Бережков. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993, с. 14,), Сталин отозвался о нацистском фюрере так: «Гитлер, о, какой молодец! Вот как надо поступать с политическими противниками!».

До этого я уже дважды встречался с Гитлером. Первый раз летом 1934 г., вскоре после путча Рема{29}. Тогда Бломберг{30} по случаю выступления фюрера перед генералами сухопутных войск в офицерском казино на военном полигоне Цоссен-Ютербог представил ему своего сына Акселя и меня. Вторая встреча произошла в марте 1935 г. в связи с посещением Гитлером истребительной эскадры «Рихтхофен» в Штаакене и Деберице, в которой я тогда служил адъютантом штаба группы. Для меня эта встреча явилась обычным представлением новому начальнику, что по опыту моей военной карьеры было мне знакомо.

Но гораздо больше мысли мои занимало все более ясное осознание того факта, что с этого дня моя карьера и солдатская профессия круто изменились.

Затем, после моего короткого и четкого рапорта, Геринг покинул Имперскую канцелярию. Сняв фуражку и парадный ремень, я вместе с присутствовавшими, а также Брукнером и Путткамером последовал на обед. Из Малого салона через более обширное помещение – курительную комнату (так она называлась еще со времен Бисмарка) – мы прошли в столовую. В этом огромном, почти квадратном зале стоял большой круглый стол с

дюжиной стульев, а рядом – еще четыре круглых стола поменьше с шестью стульями около каждого. Гитлер занял место за большим столом спиной к окну. На противоположной стене над большим буфетом висела картина художника Каульбаха «Явление Богини солнца».

Я нашел себе место за одним из боковых столов. Наконец-то можно немного расслабиться. Официальная часть закончена, и теперь я могу наблюдать, задавать вопросы и пытаться воспринять и окружающих, и происходящее. Гитлер сидел несколько вкось от меня, но был мне хорошо виден. Застольный разговор вращался вокруг последних событий в Испании и Москве. От этой первой совместной с Гитлером трапезы мне запомнились несколько его реплик по адресу Англии. Он считал, что Великобритания должна наконец осознать и уразуметь, какую угрозу представляет для Европы большевизм и как жестоко и систематично Сталин добивается своих целей. Ну а если Европа будет держаться заодно, эту угрозу с Востока удастся предотвратить. Как я потом слышал, эти реплики Гитлера были связаны с предстоявшим и обеспокоившим его визитом имперского министра иностранных дел барона фон Нейрата{31} в Лондон.

Обед продлился не очень долго. Примерно через час Гитлер встал из-за стола, ибо на послеобеденное время у него были назначены различные встречи. Мне пришлось поспешить за ним, чтобы выяснить еще вопрос о дате начала моей службы: ведь я собирался через десять дней жениться. Иначе говоря, не успев приступить к выполнению своих должностных обязанностей, я сразу оказался вынужден просить отпуск. Я обрисовал Гитлеру свою ситуацию, и он проявил полное понимание, как мне показалось, даже с некоторой сердечностью дав свое полное согласие.

Я был немного обескуражен тем, что мне в первый же день довелось узнать Гитлера с этой неожиданной стороны. Мое представление о его личности возникло под впечатлением той роли, какую он играл в общественной жизни, а также его качеств как фюрера партии. К партии же я относился с определенной сдержанностью и недоверием. Эти сомнения все больше и больше переносились на самого Гитлера и, в силу его политических решений 1935 и 1936 гг., именно в последнее время невыгодно воздействовали на мое первоначально положительное впечатление о нем.

Первые дни я в своем новом положении отнюдь не чувствовал себя счастливым: никого не знал, не имел контакта с другими офицерами и казался самому себе одиноким и всеми покинутым в

огромной людской толпе. Настроенный по отношению к НСДАП{32} весьма скептически, я здесь постоянно имел дело с партайгеноссен{33}. Мой отчий дом тоже был совершенно далек от моего теперешнего окружения. Короче, я не находил точек соприкосновения с теми людьми, вместе с которыми мне теперь доводилось работать. Пришлось переваривать множество новых впечатлений, знакомиться с бесчисленным количеством новых людей и настраиваться на многие абсолютно необычные для меня вещи.

Но прежде всего мне все-таки хотелось узнать, каким именно образом я попал на это видное место. При нашем прощании в Дюссельдорфе Деринг рассказал мне, что адъютант начальника Управления личного состава люфтваффе запросил его, считает ли он меня годным для этой должности при Гитлере. Сам же начальник данного управления и начальник генерального штаба ВВС выбрали меня на основании моих служебных характеристик и хотят предложить мою кандидатуру Герингу. Деринг не скрыл моей скептической политической позиции, но заявил, что как солдата и офицера он, учитывая характер, поведение и образование, считает меня пригодным для этой должности, особенно если моя служебная деятельность будет ограничена военными вопросами. Итак, мое назначение прошло вполне нормальным порядком.

Несмотря на это, я не утаил своих сомнений от моего командира. Едва заглянув в этот новый для меня мир, я сразу ощутил, что здесь мне будет не совсем по себе. Оба других адъютанта – по сухопутным войскам и военно-морскому флоту – показались мне людьми сухими и чужими. Надеяться на человеческие контакты, к которым я привык в общении со старшими офицерами в люфтваффе, не приходилось. Люди, которых я видел вокруг себя и с которыми познакомился в Имперской канцелярии, были мне далеки решительно во всем. Нечего и говорить, что Деринг пытался меня подбодрить, но убедить меня ему не удалось.

К тому же я знал отношение этого офицера к Гитлеру и его политике. Однажды, когда я спросил Деринга насчет его мнения о Гитлере, он в своем уверенном, светском стиле ответил китайской поговоркой: «Великие люди – беда для общества».

В первые же дни моей службы при Гитлере передо мной возникли особые задачи.

Я воспользовался случаем побеседовать с полковником Боденшатцем, личным адъютантом Геринга, чтобы договориться с ним о совместной работе. Он стал мне большой подмогой. Владея искусством жизни, полковник умел держаться в стороне от

всяческих интриг. Когда вырисовывалась трудная ситуация, он удалялся, по его выражению, на «ничейную полосу» и оказывался недосягаемым даже по телефону, однако сохраняя при необходимости контакт. Как часто он звонил мне потом с «нейтральной полосы»!

Боденшатц обеспечил себе известную степень самостоятельности и поддерживал добрые отношения с важными лицами государства, вооруженных сил и партии, не переходя притом определенной грани доверительности и подчеркнуто держа дистанцию. Товарищеское отношение офицеров люфтваффе, даже при возрастных различиях, я почувствовал с самого начала также и с его стороны, и это облегчало мне мою работу. Я получал он него ту поддержку, в которой мне отказывал Хоссбах, хотя тот, как пруссак по своему менталитету, был мне ближе, чем баварец Боденшатц. 23 июня меня впервые назначили дежурным адъютантом. Моя обязанность состояла в том, чтобы в течение всего дня быть в квартире фюрера досягаемым для него по военным вопросам: появится ли у Гитлера какое-нибудь желание что-либо выяснить или передать, потребуется ли соединить его с министерством или с одним из главнокомандующих родов войск, за это отвечал я. Хоссбах придавал большое значение тому, чтобы дежурство военных адъютантов ограничивалось тем временем, когда Гитлер осуществляет свои функции рейхсканцлера, главы государства и Верховного главнокомандующего вооруженными силами. Все же партийные дела или частные пожелания (включая посещение концертов и театров) к службе военных адъютантов отношения не имеют, а входят в компетенцию исключительно его личных адъютантов.

В тот день вечером предстояло посещение Гитлером тогдашней «Дойче опер» в Шарлоттенбурге. Там давал гастроли миланский театр «Ла Скала» – исполнялась «Богема» Пуччини, одна из моих любимых опер. Мне удалось дать понять Брукнеру, что я охотно поехал бы туда. Тот с удовольствием согласился, мне даже показалось, он рад, что нашел сопровождающего для Гитлера. Тот тоже сразу согласился, но поразился тому, что офицер из его личного окружения проявляет интерес к музыке. Я узнал, что, оказывается, Хоссбах и Путткамер бывали счастливы, когда им удавалось уклониться от музыкальных мероприятий. Гитлер сразу же спросил меня, а знаю ли я «Богему». Его явно удивило, что я слушал эту оперу не раз в Ганновере, Дрездене и Берлине. А я до тех пор и не подозревал, какая тесная связь у Гитлера с музыкой. В тот вечер он оживленно говорил о Байройте{34} и Вагнере.

В июле, вскоре после моего возвращения из свадебного путешествия, мне снова выпал случай для личного разговора с Гитлером. Я должен был дать ему на подпись представление трех главнокомандующих видов вооруженных сил о производстве их офицеров в очередной чин. Для этого мне пришлось лететь в Байройт, так как Гитлер во время летнего Вагнеровского фестиваля, как обычно, жил у Винифред Вагнер{35} – вдовы сына композитора Зигфрида Вагнера.

Гитлер принял меня перед завтраком в гостиной рядом с большим музыкальным салоном. Здесь он чувствовал себя прекрасно и раскованно, как четыре недели назад в «Дойче опер». Я впервые ощутил, какую собственную энергию он передавал окружающим, заставляя их ощутить живость своего характера, свою склонность к чему-либо, любое свое настроение. У Винифред Вагнер ему жилось как дома. Здесь он наслаждался жизнью частного лица. Ни с какой другой семьей он не поддерживал такой дружбы: тут царило местоимение «ты», на которое Гитлер был скуп. Музыка, как и сам дом Вагнера, была для него прибежищем, особенно в вихре бурных политических событий.

Поставив последнюю подпись под документами, Гитлер предложил мне остаться в Байройте и вместе с ним вечером послушать «Парсифаль». Я попросил разрешения отказаться: «Документы, подписанные Вами, мой фюрер, должны как можно скорее оказаться в Берлине!» – «Все в порядке, но Вы можете вернуться потом. И захватите с собой Вашу жену! А Брукнер пусть позаботится о билетах в театр и квартире!».

Между Берлином и Байройтом ежедневно курсировал «Ю-52». 27 июля мы с женой прилетели в этот город в качестве гостей Гитлера. На следующий день в большой гостевой ложе Гитлера в «Княжеской галерее» мы слушали «Зигфрида». Гостей пригласили на ужин, стиль и тон которого были непринужденными. Брукнер, без всяких предисловий взяв мою жену под руку, представил ее фрау Вагнер и Гитлеру, а тот поцеловал ей руку. С этого часа мы стали считаться принадлежащими к его кругу.

Установление деловых связей

Отсутствие Гитлера в Берлине в июле 1937 г. дало мне возможность вработаться и побывать у ряда руководящих лиц вооруженных сил, государства и партии, с которыми мне по моей новой должности придется соприкасаться чаще всего. Разумеется, начал я с имперского министерства авиации. Тут мне пригодилось то, что почти всех генералов и очень многих офицеров я знал еще со времен создания люфтваффе, с 1933 г., а частично по различным учебным авиационным командам рейхсвера как в рейхе, так и в России. Это очень облегчило мою работу. Большинство встретили меня весьма дружески, а некоторые – даже сердечно: например, тогдашний начальник генерального штаба люфтваффе генерал-лейтенант Штумпф{36} который как раз стал преемником Кессельринга,

Официально и строго в служебных рамках – совсем не так, как я ожидал, – прошла моя встреча со статс-секретарем имперского министерства авиации генералом авиации Мильхом{37}, хотя он и знал меня по различным служебным и светским мероприятиям. Для этого у него имелись две причины.

Первая: за несколько недель до того Геринг провел реорганизацию министерства и Главного командования военно-воздушных сил (ОКЛ), сильно затронувшее интересы Мильха. В период формирования люфтваффе Мильх в качестве статс-секретаря Геринга являлся его постоянным заместителем по ВВС и воздушному транспорту. Полномочия его были необъятны, и в своей неуемной жажде деятельности он умел ими пользоваться. Мильху подчинялись все учреждения имперского министерства авиации, включая Военно-воздушное управление. Теперь это управление из его подчинения было изъято при одновременном переименовании в генеральный штаб люфтваффе, начальник которого по рангу отныне был равнозначен статс-секретарю. Сотрудничество прежнего начальника Военно-воздушного управления генерал-лейтенанта Кессельринга и Мильха сопровождалось многими трудностями личного и делового характера, что шло во вред делу.

К новому начальнику генерального штаба Штумпфу (прежнему начальнику Управления личного состава люфтваффе) Мильх питал доверие гораздо большее. Но насколько эта новая организация способствовала делу, вызывало сомнение не только в министерстве. Функционирование ее зависело от того, какое время Геринг установил себе для решения поставленных задач и проблем, а также от их координации внутри министерства. От

всех, кто провел последние годы в ОКЛ, не укрылось, что Геринг с недоверием наблюдал усиление власти Мильха и говорил, что хочет снова взять руководство в свои руки. Заслуги Мильха в становлении люфтваффе были известны. Он руководил ее построением, созданием авиационной промышленности, всесторонней координацией этих мер внутри вооруженных сил, а также со всеми гражданскими учреждениями и партийными инстанциями.

Правой рукой его был генерал Вефер, первый начальник генерального штаба люфтваффе, к несчастью для нее, погибший при полете еще в 1936 г. Я, как уже упоминалось, нередко встречался с ним в связи с осуществлявшимся им обучением летчиков. Между ним, 50-летним генералом, и нами, молодыми лейтенантами, существовали в Штаакене выходившие за служебные рамки отношения доверия и согласия, которые можно было назвать почти сердечными. Как человек и солдат, Вефер был личностью, выделяющейся на общем фоне. Он умел использовать противоречия между Герингом и Мильхом на благо люфтваффе. Гармоничное сотрудничество всех подразделений министерства и командных инстанций в войсках было именно его заслугой. Теперь, в 1937 г., когда Геринг стремился к полной власти и частично отстранил Мильха, его очень не хватало. К тому же эта реорганизация в министерстве сопровождалась персональными перестановками. Поменялись как раз начальники важнейших управлений. За год до того Техническое управление возглавил Эрнст Удет{38}. В лице Удета и Грайма, нового начальника Управления личного состава ВВС, Геринг назначил на ответственные посты в люфтваффе двух летчиков, награжденных орденом «Le Merke»{39}. Хотя первоначально они и подчинялись статс-секретарю Мильху, но как кавалерам этого высокого ордена Геринг был для них более сильным связующим звеном, чем тот.

В лице Штумпфа, Удета и Грайма в июне 1937 г. были найдены генералы безупречного характера и образцовых человеческих качеств. Их повсюду высоко ценили. Но каждый, кто их знал, одновременно сожалел, что они взяли на себя те задачи, для выполнения которых у них не имелось ни какой-либо предварительной учебной подготовки, ни опыта. Тем самым Геринг показал, что при назначении на высокие посты он придает гораздо большее значение натуре, а не деловым качествам. Но, к сожалению, этим он доказал и то, что не придавал должного значения наличию у своих назначенцев необходимой профессиональной квалификации.

Позднее я понял, что Геринг боялся – пусть даже в ограниченной профессиональной области – превосходства своих

подчиненных. Это явилось для него основанием ставить на командные посты в люфтваффе только тех генералов, которые были ему хорошо знакомы и о которых он знал, что опасны они ему быть не могут, какова была и причина такого его отношения к Мильху.

Мильх, начиная с 1933 г., когда стала создаваться люфтваффе, находился в свете рампы больше, чем какой-нибудь другой офицер. Еще до 1933 г. он в качестве генерального директора авиакомпании «Люфтганза» проявил себя квалифицированным менеджером, в противоположность кое-каким другим призванным из запаса офицерам. Его выдающийся, но требующий полной отдачи стиль работы в сочетании со здоровым честолюбием постоянно создавал ему все новых и новых завистников, которые подкапывались под него, стараясь очернить в глазах Геринга и Гитлера. Эти завистники преследовали Мильха до самого краха Третьего рейха и даже после его смерти в 1971 г. поливали грязью. Я знал Мильха с 1934 г. как человека наилучших человеческих и профессиональных качеств. К сожалению, мало кто из наших офицеров вел себя так же мужественно, открыто и с сознанием собственной ответственности перед своим главнокомандующим, а после 1945 г. – с таким же достоинством перед американскими судьями и тюремщиками, как фельдмаршал Мильх. К нему относятся слова: «Мужская гордость перед королевским троном». Он до конца остался верен самому себе.

Гибель Вефера в 1936 г. и лишение командной власти Мильха в 1937 г., несомненно, не могли остаться без последствий. Но при нашей встрече он не сказал об этом ни слова. Однако нетрудно было понять, что фактическое понижение в должности Герингом сильно задело его.

Второй причиной холодного тона нашей беседы была моя новая должность. Хоссбах действовал на Мильха, как красная тряпка на быка, и из своей антипатии к тому он не делал никакой тайны. Мильх предупредил меня о враждебной настроенности Хоссбаха в отношении люфтваффе. Хоссбах, мол, генштабист сухопутных войск, решительнейшим образом выступающий против самостоятельности люфтваффе как вида вооруженных сил. По его мнению, с которым в генеральном штабе сухопутных войск весьма считаются, люфтваффе может быть действенным оружием только при ее полном подчинении командованию этих войск. «Поверьте мне, Белов, – саркастически бросил Мильх, – весь генеральный штаб сухопутных войск воображает, что наши самолеты смеют взлетать только после стартового сигнала господина фон Фрича{40}! Армия вообще до сих пор так и не

заметила, что происходит в воздухе и что однажды упадет, как снег на голову, на германскую пехоту. Наши предложения по военной промышленности постоянно критикуются сухопутными войсками. Генеральный штаб все еще верит в наши „фоккеры“ времен 1916 г. А в общем, когда наши „Ю-52“ получат для следующей войны по несколько бомб себе под брюхо, вот тогда и можно начинать!»

Мильх резким тоном предупредил меня: ни в коем случае не подпадать под влияние Хоссбаха, а отстаивать интересы люфтваффе. Это – требование не только Геринга, но и Гитлера: превратить люфтваффе в самостоятельную часть вооруженных сил. Он обязал меня немедленно докладывать ему о любых признаках тех соображений или мероприятий, которые могут помешать ее формированию. Я вышел от статс-секретаря, сознавая, что на высшем уровне руководства вооруженными силами проблемы и разногласия принципиального характера приняли значительный размах и приобрели серьезное значение. Но я еще не знал, играют ли здесь главную роль деловые или же личные причины.

Непринужденно и приятно прошли мои встречи в министерстве авиации со Штумпфом и Удетом. Две противоположные по складу своего характера личности. Штумпф – солдат, а Удет – любезный человек и фанатичный летчик, которому выпала задача, до которой он не дорос.

Так сказать, в собственном доме я встретился для знакомства с Ламмерсом{41} , Майсснером{42} и Лутце{43}. Ламмерс являлся тогда статс-секретарем и как начальник Имперской канцелярии был правой рукой Гитлера в решении всех вопросов имперского кабинета. Осенью 1937 г. он был назначен имперским министром, также, как и прежний статс-секретарь и начальник президентской канцелярии Майсснер.

Оба они были типичными представителями прусских чиновников высшего сорта – интеллигентными и светскими людьми (а отнюдь не бюрократами), полностью, во всех деталях владевшими своим ремеслом и имевшими многолетний практический опыт, а потому способными управлять правительственным аппаратом в сфере своей компетенции. Ламмерс к тому же распоряжался особым представительским фондом Гитлера, выплачивавшим регулярные и разовые пособия и дотации чиновникам и офицерам. В компетенцию Майсснера входили щекотливые протокольные дела, вопросы представительства и награждения орденами. Майсснер накопил огромный опыт еще со времен Эберта{44} и Гинденбурга. Его изворотливость и юмор помогали ему преодолевать многие

подводные камни. Гитлер его ценил. Когда однажды Майсснер докладывал ему, Гитлер, указывая на один документ, сказал: «Майсснер, эту бумагу мне дал Геббельс! Тут что-то говорится о вашей дружбе с евреями и о ваших отношениях с нашими политическими противниками. Если хотите, взгляните! А я эту бумажку читать не желаю!». Поскольку у нашей адъютантуры было немало общих дел с канцелярией Майсснера, он принял меня особенно сердечно.

Встречи для знакомства с обоими высшими партийными функционерами, кабинеты которых находились в здании Имперской канцелярии, были краткими и деловитыми, хотя с этими двумя рейхсляйтерами{45} мне в дальнейшем приходилось встречаться чаще, чем с другими министрами. Бойлер являлся начальником Канцелярии фюрера НСДАП. Через эту инстанцию в Имперскую канцелярию поступали для принятия мер всякие направленные Гитлеру военнослужащими ходатайства и прошения о помиловании. Поэтому контакт с нею становился все более тесным, чему содействовали весьма симпатичные адъютанты Бойлера. Некоторые из них во время войны стали офицерами авиации и служили в люфтваффе. Лутце же, начальник штаба СА, в Берлин только наезжал, так как штаб его находился в Мюнхене. Для его берлинского бюро были отведены в Имперской канцелярии несколько помещений, что было очень полезно для нашего личного контакта по вопросам сотрудничества между армией и штурмовиками.

Особенно важными для меня явились представления по службе трем главнокомандующим – Бломбергу, Фричу и д-ру honoris causa{46} Редеру{47}. Встречи с Фричем и Редером прошли сухо и носили строго деловой характер; так же они прошли и с их адъютантами. И Фрич, и Редер вместе с их окружением, включая и здания, в которых они жили, показались мне пережитками кайзеровских времен. Беседы с ними, впрочем, оказались малозначительны.

Иначе обстояло дело с Бломбергом. Здесь чувствовалась живость в общении, более свободном и непринужденном по форме. Наличие в адъютантуре представителей трех составных частей вооруженных сил способствовало этому и внешне. Сам я стал относиться к Бломбергу по-иному. Благодаря дружбе с его сыном Акселем во времена нашей общей службы в истребительной эскадре «Рихтхофен» я знал военного министра давно и даже бывал в его доме, моя жена – тоже. На мои отношения с Бломбергом оказали влияние прежде всего две поездки на Север, участвовать в которых он меня пригласил. Фельдмаршал имел обыкновение проводить свой отпуск в

морских поездках на каком-нибудь военном корабле. Летом 1935 г. мы на борту такого корабля под названием «Хелла» посетили Копенгаген, Осло и Стокгольм. В октябре 1936 г. на «Грилле» мы вместе плавали по норвежским фьордам и водам от Нарвика до Нордкапа. Среди участников – кроме самого фельдмаршала и обоих его сыновей – находился и будущий начальник штаба оперативного руководства ОКВ тогдашний полковник Йодль{48}, что возымело особенное значение в Норвежской кампании 1940 г.

Хотя в служебном отношении я по своей новой должности с Бломбергом никаких дел не имел, личный контакт с ним и его семьей очень помог мне. С его адъютантом по авиации Бем-Тетгельбахом, которого я знал по службе в люфтваффе, а также по совместному плаванию по северным водам на «Хелле», я продолжал дружить и дальше, что весьма содействовало мне в моих делах. Кстати, Бем-Теттельбах заверил меня, что в моем назначении адъютантом Гитлера по люфтваффе фельдмаршал никакого участия не принимал и к выбору моей кандидатуры был непричастен. Геринг просто, как то было принято, уведомил его об этом по служебной линии через Управление личного состава люфтваффе. Узнать это мне было очень приятно: я убедился, что при моем назначении обошлось без всякой протекции.

В качестве инородного тела в штабе Бломберга я воспринимал тогдашнего генерал-лейтенанта Кейтеля{49}, начальника Управления вооруженных сил министерства рейхсвера. Мое представление ему было кратким и формальным. Он показался мне каким-то неловким.

Стиль жизни Гитлера, его окружение, распорядок дня и методы работы

Первые задания Гитлер дал мне в Берлине. Я увидел теперь, как шла при нем жизнь в Имперской канцелярии и в квартире фюрера. До начала войны никаких существенных изменений в этом отношении не произошло. Штандарты фюрера на крыше Имперской канцелярии, а также приход и уход посетителей были несомненным знаком его присутствия.

Нижние помещения квартиры фюрера представляли собой удачное сочетание репрезентативности и домовитости. Здесь все соответствовало одно другому. Обычно Гитлер принимал посетителей – имперских министров, послов, генералов, деятелей искусства, господ из сферы хозяйства, порой и своих родственников, а также известные и дружественные ему семьи (такие, например, как Вагнеры и фрау Трооост) – в музыкальном салоне. Визиты приходились по большей мере на время чаепития и редко когда длились больше часа. Музыкальный салон служил и для просмотра кинофильмов.

В курительной же комнате собирались гости Гитлера, приглашенные на чай, обед или ужин. Он любил заканчивать день сидя после просмотра фильма со своими гостями и сопровождающими его лицами у камина. Из курительной можно было пройти в столовую, а оттуда – в Зимний сад и через него в тот зал, в котором устраивались государственные банкеты.

Зимний сад – примерно 25-30 метров длиной и 8-10 метров шириной с длинным фронтом окон, выходящих в сторону парка, – использовался Гитлером больше, чем остальные помещения. Широкие ковровые дорожки вели от столовой к выходу в парк в конце Зимнего сада. По этим дорожкам Гитлер имел обыкновение прохаживаться взад-вперед со своими собеседниками, чаще всего ими бывали Геринг, Гесс{50} и Геббельс{51}. С Герингам такой разговор мог продолжаться три часа, а то и дольше. Со временем, когда военные проблемы все больше начинали выдвигаться на передний план, военные адъютанты зачастую становились невольными спутниками Гитлера на таких «прогулках».

На верхнем этаже квартиры фюрера можно было через устланную красным велюровым ковром прихожую пройти в личные апартаменты Гитлера. Они состояли из библиотеки, гостиной, спальни и ванной. Рядом с помещением для охраны

была оставлена небольшая комната для Евы Браун{52}. Далее располагались комната для слуг и небольшая буфетная. Из прихожей через не очень большой холл путь вел в боковое крыло, где находились помещения для гитлеровских секретарш и машинисток фюрера, а тремя ступенями, ведущими вниз, можно было спуститься к комнатам адъютантов. Здесь имели свои помещения также имперский шеф печати д-р Отто Дитрих{53} и командир эсэсовского полка личной охраны Гитлера обергруппенфюрер СС Зепп Дитрих{54}. Оба они принадлежали к самому узкому кругу тех сотрудников, от которых требовалось быть досягаемыми для Гитлера и днем, и ночью.

По другую сторону верхнего холла перед покоями Гитлера находилась маленькая, предназначенная лишь для личного пользования приватная столовая. Отсюда можно было проследовать в Большой зал заседаний в центральной части пале. В период войны, когда зал был оборудован для обсуждения обстановки на фронтах, Гитлер пользовался этим проходом постоянно. Таковы были помещения, в которых было суждено пройти ближайшим годам моей жизни.

Постепенно я знакомился с теми людьми, с которыми мне потом приходилось иметь дело чаще всего. Шеф-адъютантом и одновременно начальником «Личной адъютантуры фюрера» был обергруппенфюрер СА Вильгельм Брукнер, охотно помогавший мне и ставший для меня дружелюбным советчиком. Он служил офицером еще в Первую мировую войну. У меня установился с ним особенно хороший и дружеский контакт, который распространился и на наших жен, все больше приобретая личный характер. Что касается бригаденфюрера СС Юлиуса Шауба, то он был выдвинут на должность адъютанта из состава сопровождавшей фюрера команды безопасности. Оба они примкнули к Гитлеру еще до 1923 г. и вместе с ним отбывали тюремное заключение в Ландсберге.

Еще один адъютант, гауптман в отставке Фриц Видеман{55}. В Первую мировую войну был начальником ефрейтора-вестового Адольфа Гитлера. После войны он тщетно добивался зачисления в рейхсвер. Услышав, что Видеман ищет себе подходящее занятие, Гитлер, хорошо помнивший его, предложил ему должность своего третьего личного адъютанта.

К тому времени Видеман имел чин бригаденфюрера НСКК{56}. Контакт с ним я установил легко.

Четвертый адъютант, Альберт Борман, доводился младшим братом рейхсляйтеру Мартину Борману{57}, тоже был «старым борцом» и имел теперь высокий чин в том же НСКК. Курьезно, что оба брата друг с другом не разговаривали, хотя часто

встречались, сопровождая фюрера, или же сидели за одним столом. Поводом для ссоры, как говорили, служило то, что рейхсляйтер не признавал женитьбы младшего брата. С течением времени мне казалось это тем более удивительным, поскольку послуживший яблоком раздора брак позже распался.

Как шеф личной адъютантуры, Брукнер распределял и контролировал служебные обязанности сотрудников узкого штаба фюрера, но начальником ее он все же не был. Почти все подчинялись непосредственно Гитлеру. В первую очередь это относилось к секретаршам и врачам – профессорам д-ру Карлу Брандту, д-ру Гансу-Карлу фон Хассельбаху, д-ру Хазе и д-ру Тео Мореллю{58}.

Весьма крупную роль как непосредственный подчиненный Гитлера, к тому же необычайно любимый им, играл упомянутый выше обергруппенфюрер СС Зепп Дитрих. Он являлся не только командиром лейб-полка охраны Гитлера, но и начальником команды сопровождения фюрера и таким образом – главным лицом, ответственным за его безопасность. Это был тип рубаки, служившего образцом верности и надежности. Зепп Дитрих без обиняков и, не стесняясь в выражениях, высказывал любому, в том числе и Гитлеру, свое мнение, причем в форме предельно четкой, но не оскорбительной. Был он человек скорее простой, чем образованный, но обладал здравым умом, и все уважали его именно за такой склад характера.

Далее к штабу Гитлера принадлежали «домашний интендант» Каннеберг, пилот самолета фюрера Ганс Баур, его водитель Эрих Кемпка{59} и другие личные шоферы, начальники команд сопровождения Геше и Шедле, а также начальники команды уголовной полиции Раттенхубер и Хегль. Особое положение занимали его камердинеры: Карл Краузе, Гейнц Линге, Ганс Юнге, а позднее дополнительно Бусман и Арндт. Краузе пришел в 1934 г. из военно-морского флота, между тем как другие принадлежали к полку «Адольф Гитлер». Одновременно несли службу два камердинера. С самого пробуждения Гитлера до пожелания ему «спокойной ночи» один из них был обязан постоянно находиться поблизости и явиться по первому же его знаку. Краузе в 1940 г. вернулся во флот, а Юнге погиб после откомандирования в полк личной охраны.

Хочу особо сказать о двух лицах: рейхсляйтере Отто Дитрихе как имперском шефе прессы и о Мартине Бормане. Дитрих, соответственно своей должности, отвечал за непрерывное информирование Гитлера о самых последних сообщениях печати всего мира. Он или его секретарь должны были всегда находиться под рукой. Мартин Борман до 1941 г. являлся связным между

Гитлером и Гессом. Позднее он как секретарь Гитлера и начальник Партийной канцелярии был подключен и к вопросам государственного руководства. Оба рейхсляйтера не принадлежали к личному штабу Гитлера, но постоянно находились в его окружении.

Этот круг лиц существовал исключительно для служебного обслуживания Гитлера. Все жили совместной с ним жизнью, будь то в Берлине, Мюнхене, на горе Оберзальцберг, в поездках или позже, во время войны, в Ставке фюрера. Для этого круга, включая военных адъютантов, Гитлер был «шеф». Внешне выглядевший большим, личный состав его штаба для расписанной строго по часам службы был скорее мал. Служебное время каждого в отдельности не ограничивалось 8 часами, для некоторых сотрудников рабочий день длился от 14 до 16 часов. Несмотря на эту перегрузку еще в мирное время, число их до конца войны не изменилось. Этот столь различный по своему составу штаб как в мирное, так и военное время функционировал весьма хорошо и бесперебойно, а методы его работы себя вполне оправдывали. Но опасность параллелизма все же существовала. Каждый чувствовал себя подчиненным одному Гитлеру и ответственным только перед ним самим.

Распорядок дня Гитлера определял и наш. Работа с ним шла почти непринужденно. В обращении со своим штабом он был любезен и корректен. Когда фюрер находился в Берлине, мы собирались около 10 часов утра в нашем бюро в Имперской канцелярии. Обычно Гитлер раньше этого времени из своих апартаментов не выходил. Прежде всего нам, адъютантам, предоставлялась возможность задать вопросы, и Гитлер давал нам свои первые указания или же сам ставил вопросы, которые возникали у него при ночном чтении огромного числа документов, а также сообщений зарубежной прессы. Страдая бессонницей, Гитлер работал особенно много по ночам. Он говорил, что тогда у него есть покой для размышлений. Время до обеда заполнялось различными совещаниями и обсуждениями, они должны были заканчиваться до 14 часов, но чаще затягивались. Соответственно отодвигалось и время обеда, иногда на час-два, а порой и больше.

За едой Гитлер в эти первые дни августа 1937 г. подробно рассказывал о своих впечатлениях от певческого праздника в Бреслау{60} и взволновавших его выступлениях австрийских народных ансамблей.

Они, несомненно, произвели на него неизгладимое впечатление. Однако в таких высказываниях фюрер был осторожен и выбирал выражения, подходящие для данного круга

слушателей. Он сознательно и с большой охотой обсуждал какую-либо тему, когда с определенной целью хотел высказать свое мнение одному или нескольким застольным гостям. Порой Гитлер говорил только сам, а бывало, возникала и оживленная дискуссия – например, когда Геббельс в своей циничной манере пытался загнать гостя в угол. Фюрер с интересом прислушивался к спору, радуясь этой словесной схватке и ее исходу.

Беседы за столом{61} бывали иногда весьма интересными и захватывающими, но иногда и очень скучными. Для тех, кто присутствовал на этих трапезах регулярно, кое-что звучало повторением, а кто, может быть, раз в год, – «откровением». Насчет действительного содержания приписываемых Гитлеру высказываний в таких случаях у меня есть собственное мнение. Мне приходилось сталкиваться со многими фальшивыми воспроизведениями высказываний якобы из уст фюрера, но на самом деле являющимися вымыслами кого-нибудь из тех, кто «был при сем», однако остался далек от подлинного содержания беседы.

После обеда следовали дальнейшие назначенные встречи. Если собеседником Гитлера был офицер или генерал, адъютант по соответствующему виду вооруженных сил был обязан находиться поблизости. Для остальных адьютантов рабочий день на этом заканчивался. Только дежурный военный адъютант оставался до тех пор, пока фюрер ночью не уйдет к себе. Гитлер имел также привычку к вечеру тоже на время удаляться в свои апартаменты, чтобы почитать или отдохнуть. При хорошей погоде он охотно совершал прогулку по парку Имперской канцелярии.

Днем Гитлер никогда за письменным столом не работал, если только не приходилось срочно подписывать документы. Но и при этом предпочитал долго не засиживаться. Этот несколько своеобразный стиль, при котором фюрер избегал письменных заявлений о намерениях или указаний, заставлял его окружение, а именно адъютантов, выполнять странную функцию посредников. Мы получали приказы и распоряжения устно, а затем зачастую должны были записывать их, чтобы превратить в указания. Эта «передача приказов» происходила, как правило, без потери времени. Порой такие устные указания бывали плодом его интуиции в данную минуту, незрелыми идеями. Неправильная их интерпретация или передача могла иметь тяжелые последствия. На этой почве в случае недоразумения или утрирования намерений Гитлера и мог почти сам по себе возникать столь типичный для Третьего рейха вопрос: «А фюрер об этом знал?».

В этом заключался имевший решающее значение недостаток всей правительственной системы. Никто не мог потом с

уверенностью сказать, чего же Гитлер хотел или что именно он имел в виду, когда давал то или иное устное распоряжение, поскольку его первоначальная «инициатива» прошла через несколько рук. Ужин, если программа не предполагала никакого визита или мероприятия в городе, назначался на 20 часов. Обычно вечерний круг бывал уже, чем обеденный. Зачастую даже не были заняты все места за главным столом в столовой. Адъютанты старались найти таких гостей на вечер, которые были бы достаточно разговорчивы и с которыми Гитлер охот но бы беседовал. К этому кругу принадлежали имперский театральный сценограф Бенно фон Арент, профессор Шпеер или же Генрих Гофман{62} ; обычно бывал и командир самолета фюрера Баур. Регулярно присутствовали личный и военный адъютанты и один из врачей. Трапеза протекала точно так же, как и днем. Вечером разговоры велись больше на общие темы, чем о политических событиях дня.

Предпочтительными темами для Гитлера являлись история, искусство или наука.

В заключение обычно демонстрировался кинофильм. За ужином слуга клал перед Гитлером список фильмов. В этот список Геббельс вставлял хорошие и интересные иностранные фильмы. Что касается немецких, то зачастую они еще не шли в общедоступных кинотеатрах. Если же в списке значился какой-нибудь новый киношлягер, то, бывало, вечером появлялся Геббельс, чтобы узнать мнение фюрера о фильме, а иногда и повлиять на это мнение. Фильмы показывали в музыкальном салоне. На просмотре мог присутствовать весь персонал квартиры фюрера, в том числе слуги, горничные, команда сопровождения и ожидающие своих хозяев шоферы гостей.

После просмотра Гитлер отправлялся в курительную ком нату и вместе с гостями и своим штабом располагался у камина. Подавались напитки, по вкусу каждого – от чая до шампанского. Если вечер длился долго, предлагались также печенье и сдоба разных сортов. Вечерняя беседа велась на самые разные темы и на различных уровнях; кончалась она, по большей части, около двух часов ночи. Секретарши Гитлера на обедах и ужинах в Имперской канцелярии не присутствовали. Иначе было на его вилле «Бергхоф» и позже в Ставке фюрера.

Весьма своеобразным являлось воздействие поведения окружения Гитлера и его посетителей на него самого. Мне рассказывали, что в первые годы после овладения властью он держался гораздо свободнее и непринужденнее. Говорили об изменениях в его характере. У меня же возможностей для сравнения не имелось, но я считал, что контакт с ним установить

легко. По натуре своей Гитлер отнюдь не был неконтактным, но все зависело от того, как к нему подходили. Он обладал очень тонким чутьем и даром хорошей наблюдательности, позволявшими ему сразу определять, с какой установ кой относились к нему люди, с которыми он встречался на своем пути. Пример – Шпеер и Хоссбах. Разумеется, в окружении фюрера находились и льстецы, и подхалимы, которые к месту и не к месту заискивающе улыбались, но большого влияния на Гитлера они не оказывали. Сильно влиял на его поведение, по-моему, тот факт, что многие посетители видели его лишь изредка и потому сами держались на удалении от него либо по причине собственной неуверенности или почтительности, либо даже из-за страха перед ним. Многие же старые партайгеноссен еще «времен борьбы»{63} приходили к нему реже, а потому, хотя и будучи с ним хорошо знакомы, все-таки величали его «герр Гитлер». Зато появлялись и новые люди, для которых фюрер был недосягаемо высоко стоящим на незримом пьедестале. Параллельно росла и его внешняя сдержанность, причиной чему служило не отсутствие контактности, а углубленная сосредоточенность Гитлера на новых политических и военных идеях и планах. Тем не менее самонадеянные люди, искавшие контакта с ним и открытые по отношению к нему, этот контакт находили.

Нимб, окружавший Гитлера с тех пор, как он принял на себя выполнение задач главы государства, еще больше подчеркивался обращением к нему «мой фюрер!». Невольно напрашивается сравнение с «Вашим величеством» – формулой, резко очерчивающей дистанцию. Правда, такое подобострастие выражение нашего народного характера. «Гражданский кураж» уже давно потерян. К сожалению, за годы моей службы у Гитлера мне приходилось слишком часто видеть это, особенно у старшего поколения, которое не поняло обеих революций{64}, не говоря уже о том, чтобы воспринять их.

Необходимо было твердо противодействовать «коричневому окружению» Гитлера. Именно по собственной инициативе я мало общался с этими людьми и не искал контактов с ними. Но никаких трудностей у меня из-за этого не возникало. Мы, солдаты, были в гитлеровском окружении аутсайдерами. К нам относились хотя и с уважением, но и с недоверием. Для меня прошло немало времени, пока лед не был сломлен. Как часто меня спрашивали об этом в кругу моих знакомых и друзей! Доверие к Гитлеру было всеобщим, но критика по отношению к так называемому «маленькому Гитлеру» была широко распространенной и небезосновательной.

Пребывание Гитлера в Берлине и Имперской канцелярий

определялось его обязанностями рейхсканцлера и главы государства. Насколько это позволяли те времена, он снова уезжал в Мюнхен и Южную Германию. Там он провел и последние дни августа 1937 г. Тогда адъютанты по вооруженным силам еще не сопровождали его в таких поездках. Это имело место лишь от случая к случаю, когда проходили военные совещания, а ездил с Гитлером полковник Хоссбах.

Адъютантура, командование сухопутных войск и вооруженных сил

Я использовал это время для того, чтобы освоиться с Берлином и своей новой должностью. Прежде всего решил выяснить, какие обязанности падали на меня в рамках адъютантуры вооруженных сил. Ответы, которые я получил от Хоссбаха и Путткамера, были весьма неопределенны. Ясным для меня стало только одно: я должен заниматься просьбами и ходатайствами о помиловании, поданными военнослужащими и их родственниками. Эта работа отнимала у меня примерно час в день. Хоссбах был одновременно начальником Центрального отдела генерального штаба сухопутных войск и, ведая персональными вопросами всех его офицеров, пользовался особым доверием начальника этого штаба генерала Бека{65}. Корветтен-капитан фон Путткамер являлся и офицером связи военно-морского флота с генеральным штабом сухопутных войск. Оба они имели служебные кабинеты в здании военного министерства. В отсутствие Гитлера в Берлине бывало и так, что они целыми днями в Имперской канцелярии не появлялись. На мой вопрос, чем занимались мои предшественники, я узнал, что прежде адъютанты от люфтваффе тоже занимали должность при своем командовании, лишь от случая к случаю появляясь на службе у фюрера. Только мой непосредственный предшественник по своей основной должности являлся адъютантом Гитлера по ВВС, не занимая никакой должности в министерстве авиации. Такое же указание насчет моих должностных обязанностях я получил от Геринга. Таким образом, мое должностное положение существенно отличалось от обязанностей Хоссбаха и Путткамера.

Хоссбаху были известны амбициозные притязания Геринга и те указания, которые тот давал моему предшественнику. Вскоре после моего назначения он высказал мне свои соображения насчет нашего должностного положения и обязанностей. При этом Хоссбах подчеркнул свою точку зрения: военные адъютанты фюрера не должны стоять между Гитлером и главнокомандованием вооруженных сил, а также между их составными частями. Они призваны быть органами этих составных частей. По его предложению, в 1934 г. для военных адъютантов Гитлера было введено наименование «адъютант вооруженных сил при фюрере и рейхсканцлере». Сравнивая

положение адъютантов кайзера в вильгельмовские времена, он подчеркивал, что аллюры генерал-адъютантов и флигель-адъютантов не должны теперь повторяться. Я спросил Хоссбаха, соответствует ли это мнению Гитлера о положении его военных адъютантов и его указаниям насчет их служебных обязанностей. Хоссбах ответил утвердительно. Хотя я и получил от Геринга другое поручение, мне показалось целесообразным не возражать и выждать; когда и как мне предоставится возможность выяснить эти противоречия.

Сам же Хоссбах полностью разделял воззрения Фрича и Бека. По принципиальным вопросам руководства сухопутными войсками и всеми вооруженными силами ОКХ{66} выступало против Бломберга, то есть против главнокомандования вермахта. Промежуточная позиция Бломберга между Гитлером и ОКХ год от года становилась все более затруднительной. Со стороны Хоссбаха он не находил той помощи, в которой нуждался.

С приходом Гитлера к власти в 1933 г. в лице Бломберга министром рейхсвера был назначен находящийся на действительной службе солдат и ему была номинально передана командная власть над сухопутными войсками, военно-морским флотом и люфтваффе. Как солдат, Бломберг, понятным образом, посвятил себя преимущественно решению военных задач. С 1935 г. – после переименования поста Бломберга в пост «имперского военного министра и главнокомандующего вооруженными силами» и введения всеобщей воинской повинности – Фрич и Бек боролись за непосредственное подчинение сухопутных войск Гитлеру по всем вопросам военного руководства. Они в первую очередь стремились отстранить Бломберга и его штаб вооруженных сил от всех мер по подготовке использования сухопутных сил в возможных военных конфликтах. Оба они требовали в случае мобилизации, чтобы только главнокомандующий сухопутными войсками имел право в качестве верховного главнокомандующего осуществлять командование также над военно-морским флотом и люфтваффе. Разногласия проистекали не только из различия взглядов на вопросы руководства и функций возглавляющих органов. Я убедился, что оправдываются мои прежние выводы насчет того, что Фрич, Бек и многие другие генералы и офицеры генерального штаба сухопутных войск, в том числе и Хоссбах, отвергают Бломберга в качестве пригодного верховного главнокомандующего вооруженными силами потому, что для них он слишком послушен Гитлеру.

Было известно, что командование сухопутных войск, а также большое число генералов и офицеров их генштаба считают

Гитлера парвеню. Они хотели маршировать и дальше в старом духе, по пути прусской королевской армии и рейхсвера, вплоть до создания гитлеровского вермахта{67}, не желая ничего знать о новом, национал-социалистическом мировоззрении.

Мои друзья-летчики в штабе Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ{68}), следили за напряженностью в отношениях между ним и ОКХ с большой тревогой. На мой вопрос, насколько Главное командование люфтваффе, а тем самым и Геринг, в курсе этой борьбы за власть, они отвечали: «Само собою разумеется». Мой же дальнейший вопрос: «А Гитлер?» – они оставляли без ответа. Еще больше, чем эта внутренняя борьба за власть, меня поразило то, что генеральный штаб сухопутных сил, как мне упорно внушал Мильх, все еще не желал считать люфтваффе самостоятельной частью вооруженных сил. Никакой необходимости в существовании генерального штаба люфтваффе, мол, нет, а есть только конкуренция Геринга с генеральным штабом сухопутных войск. Офицеры этого генерального штаба не признавали офицеров генштаба люфтваффе своими равноправными коллегами. При этом даже не принималось во внимание, что многие из генштабистов-летчиков получили соответствующее образование в военной академии генерального штаба сухопутных войск, а уже потом перешли в люфтваффе.

Исключение составляла только точка зрения начальника отдела обороны страны полковника Йодля. Он полностью осознал значение люфтваффе и ее задач в современной войне и стремился содействовать сотрудничеству сухопутных войск с авиацией в решении тактических вопросов. От этого сотрудничества ОКВ ждало некоторых успехов на предстоявших маневрах вермахта. Но офицеры сухопутных войск имели малое представление о взаимодействии танков и авиации на поле боя. Они еще не осознали даже и самого значения самих танковых войск. Мне эти взгляды были совершенно непонятны, ибо еще в 1934 г, то есть тремя годами раньше, я принимал участие в учениях сухопутных войск на военном полигоне Ютербог, проводившихся с целью отработки взаимодействия танков с авиацией. Правда, летали мы тогда еще на небольших спортивных самолетах, а танки были из картона. Но командование все же пришло к ценному выводу о необходимости сотрудничества, который мы у себя в люфтваффе оценили и использовали при обучении летного состава. Сотрудничество это «внизу» было лучше, чем «наверху»!

Особое положение Геринга

Трудности имелись и со стороны Главного командования люфтваффе (ОКЛ). Недавно проведенная Герингом реорганизация министерства авиации вызвала в ОКВ опасения. Особое положение Геринга в государстве и в руководстве вооруженных сил уже тогда затрудняло сотрудничество с ним. Ведь как главнокомандующий люфтваффе он по всем военным вопросам и со всеми своими авиационными частями и учреждениями был подчинен военному министру Бломбсргу. Однако как министр воздушного транспорта он был с ним на одном уровне в качестве члена правительства. Ну а как ближайший друг Гитлера стоял выше Бломберга! Это чрезвычайно затрудняло сотрудничество двух главнокомандующих и отрицательно сказывалось на работе генеральных штабов. Пренебрежительное отношение Геринга к генералам сухопутных войск не являлось тайной для них. А те, в свою очередь, злословили насчет «солдат-любителей» во главе с Герингом и Мильхом. Для узколобости этих генералов характерно, что они отказывали в пригодности этим двум капитанам периода Первой мировой войны в праве, в обход карьерной лестницы, быть генералами и выполнять функции таковых. Хоссбах даже и не скрывал от меня, что Геринг и Мильх в его глазах – дилетанты в военном деле.

Мнение руководства по этому поводу сообщил мне полковник Боденшатц. Картина, которую он пожелал мне нарисовать, была такова: Хоссбах, на взгляд Геринга, – противник Гитлера и его руководства вооруженными силами. Геринг, само собою разумеется, знал о схватках за власть между ОКВ и ОКХ и неоднократно говорил об этом с Гитлером. Для Геринга таких тем, по которым он не мог бы говорить с ним, не существовало. Это шло еще со «времен борьбы». И наоборот, Гитлер обсуждал с Герингом все тревожащие его проблемы, будь то вопросы политики или события внутри вермахта и партии. При этом постоянно большую роль играли вопросы персонального характера. Гитлер всегда прислушивался к мнению Геринга, а мнение фюрера и его любое высказывание служили для того направляющей нитью. В своей критике руководства сухопутных войск оба они придерживались одинаковой точки зрения. Она состояла в следующем. Военно-морской флот и люфтваффе национал-социалистическое государство и его руководящую роль признали. Генералы же сухопутных войск, за редким исключением, воспринимаются как инородное тело, а тех из них, кто все-таки за это государство и его руководящую роль, сами они

упрекают в «бесхарактерности».

Имперский «Партийный съезд труда»

6 сентября 1937 г. я встретил Гитлера в аэропорту Нюрнберга и затем сопровождал его в этот город на «Партийный съезд труда». Злые языки болтали, что это название было выбрано для имперского съезда НСДАП именно потому, что специально предназначенная для того территория, на которой проводились его массовые мероприятия (Parteitaggelande), была подобна одной огромной строительной площадке. Гитлер со своей свитой расположился в отеле «Дойчер хоф». Здесь же разместились все рейхсляйтеры и гауляйтеры. Адъютанты по вермахту производили в этом «коричневом окружении» впечатление чужаков. Продолжительная поездка по городу дала почувствовать ту суматоху, в которой нам предстояло постоянно пребывать до 13 сентября.

Последний день партсъезда, понедельник, был объявлен «Днем вермахта». Это был для нас, военных адъютантов, единственный день в Нюрнберге, когда перед нами стояли определенные задачи. В первой половине дня мы с фюрером выехали на Цеппелиново поле{69}, представлявшее собой огромную четырехугольную арену, на которой выстроились солдаты сухопутных войск, военно-морского флота и люфтваффе. Гитлер произнес с трибуны краткое обращение, а затем объявил, что после съезда будет проведена демобилизация первого контингента, отслужившего два года воинской повинности. «Вы отдали Германии два года своей жизни, – обратился он к ним, – и тем способствовали обретению Германским рейхом свободы в своих внешних делах и сохранению мира». Затем состоялась имитация боя с участием пехоты и танков, а после этого – парадное прохождение войск, над которыми проносились эскадрильи истребителей и бомбардировщиков.

Во второй половине дня Гитлер произнес в Зале конгрессов с нетерпением ожидавшуюся речь. В ней он высказал свою точку зрения по казавшимся ему наиболее важным текущим вопросам внутренней и внешней политики. Присутствовали все, кто занимал какое-то заметное положение в государстве, партии и вермахте. Фюрер долго готовился к этой речи, и она прозвучала призывом к западным демократиям, которых он предостерегал насчет «генерального наступления жидовского большевизма на нынешний общественный строй и против всех наших духовных и культурных ценностей». Такого, заявил он, еще не бывало во всем мире со времен появления христианства, победного шествия ислама или эпохи Реформации. «В нынешней Советской России

пролетариата евреи занимают 80% всех руководящих постов», – утверждал Гитлер. Указав на «красную революцию» в Испании, против которой выступил с оружием Франко, он заклинал «большую семью европейских народов» осознать «огромность всемирной опасности большевизма». К тому же Гитлер высказал опасение, что большевизм нарушит равновесие сил в Европе.

Как и всегда после своих крупных речей, по возвращении в отель Гитлер сразу же удалился в собственные апартаменты, чтобы принять ванну. Тем временем салоны отеля наполнялись людьми в серой, синей и коричневой форме. Вечером Дня вооруженных сил все находившиеся в Нюрнберге генералы и адмиралы стали гостями Гитлера, в их честь был устроен банкет. По сравнению с руководителями партии, которые привыкли к жизни и обычаям гитлеровской штаб-квартиры в Нюрнберге, они держались скованно и неловко. Нам, адъютантам, то и дело приходилось помогать им хоть как-то почувствовать себя в своей тарелке. Торжественным закрытием партсъезда послужило торжественное прохождение частей вермахта «гусиным шагом» перед порталом отеля. Гитлер принимал этот парад с балкона, окруженный генералами и руководителями партии.

Маневры вермахта

К имперскому партийному съезду примыкало посещение Гитлером маневров в Мекленбурге, в последний день которых ожидался приезд Муссолини.

19 сентября Гитлер своим специальным поездом прибыл в район маневров. Его личный штаб был дополнен всего лишь одним офицером генерального штаба сухопутных войск. Хоссбах, с согласия Гитлера, выбрал для этого своего заместителя по Центральному отделу военного министерства майора генштаба фон Грольмана, которого он намечал сделать собственным преемником, будучи сам намечен фюрером в адъютанты по вермахту. Замена должна была произойти весной 1938 г. К сожалению, дело до этого не дошло, хотя Грольман (впоследствии, в 1958-1961 гг., ставший первым уполномоченным по военным делам бундестага ФРГ) оказался тогда ценным во всех отношениях приобретением нашей адъютантуры.

Спецпоезд Гитлера на время маневров стал его «штаб-квартирой», и он охотно жил в нем. Когда позволяли погода и время, фюрер часто совершал прогулки с господами из своего штаба. Поезд не отличался особенной роскошью, но был оборудован практично. Позади двух локомотивов был прицеплен вагон с машинами и багажом, за ним следовал вагон-салон, в передней трети которого находилось жилое помещение с длинным столом и восемью стульями. Через проход размещались купе. Сначала жилое и спальное купе Гитлера с ванной, а затем – два купе для обоих шеф-адъютантов, еще одно – для двух слуг и служебные (в том числе кухня). Далее следовали вагон для криминальной полиции и команды сопровождения, вагон-ресторан, два вагона для гостей, адъютантов, врачей и секретарш, а также вагон для прессы и замыкающий – еще один с автомашинами.

Внешний вид состава был вполне единообразный, все вагоны одинаковой формы и покрыты одной и той же темно-зеленой краской. Каждый пассажир этого спецпоезда должен был иметь при себе проездной билет первого класса. Мы, принадлежащие к окружению Гитлера, кроме того, имели годичные проездные билеты. Маневры проводились по инициативе Бломберга, готовил их полковник Йодль как начальник Отдела обороны страны Управления вооруженных сил. Гальдер{70} (тогда еще – Второй обер-квартирмейстер»генерального штаба сухопутных войск) являлся начальником руководящего штаба, а сам начальник генерального штаба генерал Бек, казалось, ограничивался ролью

наблюдателя.

Подготовка и проведение этих маневров, призванных проверить новую систему организации верховной командной власти в виде ОКВ, а также сотрудничество между ним и Главными командованиями сухопутных войск, военно-морского флота и люфтваффе, с самого начала страдали от спора между ОКВ и ОКХ о структуре высших органов и верховных командных полномочиях. Но все-таки в целом их можно было считать удавшимися, и это – заслуга Йодля. Ему, специально предназначенному начальником генерального штаба сухопутных войск на важный пост в ОКВ, приходилось нелегко.

В частности, ему доставалось множество упреков от ОКХ. Но Йодль неуклонно шел своим путем Ни в его, ни Бломберга или его начальника Кейтеля намерения не входило как-либо урезать ответственность Главных командований и их генеральных штабов. Военно-морской флот и люфтваффе тоже не ощущали их на себе. Это опасение имелось только у сухопутных войск. Поводом для разногласий служили, в частности, темп и объем вооружения. Армия стремилась к медленному и систематичному продвижению в данном направлении, а Гитлер усматривал в этом сопротивление его требованиям. Генеральный штаб сухопутных войск использовал потому во время маневров любую возможность разъяснить и наглядно продемонстрировать Гитлеру правильность и необходимость своих представлений о вооружении.

Хоссбах ежедневно информировал Гитлера о стратегической и тактической обстановке, лежавшей в основе маневров, и прежде чем утром покинуть поезд, докладывал ему программу на предстоящий день. В течение дня Гитлер встречался с целым рядом генералов, сообщавших ему дальнейшие подробности и докладывавших о ходе маневров. Мне вспоминаются, до клады обоих обер-квартирмейстеров: 1-го – Манштейна{71} и 2-го – Гальдера. Они избегали всяких подробностей, ибо не очень-то доверяли пониманию Гитлером стратегических и тактических вопросов.

Самому же мне пришлось убедиться в обратном. В один из дней маневров мы посетили позиции зенитной батареи. Гитлер осмотрел орудия и приборы управления огнем, а потом втянул меня в разговор. Его отнюдь не дилетантские вопросы, хотя и носили общий характер (об организации и структуре зенитных частей и т. п.), свидетельствовали, однако, о знании дела. Ему были хорошо известны тактико-технических данные зенитных орудий, их дальнобойность, а от меня он хотел узнать их скорострельность. Ответ я ему дать не смог и уже хотел подозвать

командира батареи, но Гитлер не счел это нужным и двинулся дальше. О зенитной артиллерии я не имел никакого представления, поскольку мы, летчики-истребители, называли это «беллетристикой». На сей раз Гитлер ограничился общей темой противовоздушной обороны: от зенитной артиллерии он ожидал большего эффекта, чем от истребительной авиации. Самолет как боевое оружие и его разнообразное применение были ему тогда еще неизвестны. Я, конечно, вступился за свой род оружия и его значение для противовоздушной обороны. Но он дал мне понять, что главной задачей авиационных соединений считает нападение, то есть придает главное значение бомбардировщикам.

Авиации на этих маневрах можно было видеть мало, хотя было задействовано более 1000 самолетов. Сверх рамок маневров в первый день был произведен учебный воздушный налет на Берлин, чтобы проверить готовность к отражению вражеской авиации, а также взаимодействие гражданской ПВО, полиции, пожарной службы и «Красного Креста» при внезапном нападении с воздуха. Берлин впервые пережил затемнение. На маневрах проверялось также взаимодействие сухопутных войск с бомбардировщиками и штурмовиками в нападении и обороне. Поскольку Гитлер в заключительном обсуждении итогов маневров участия не принимал, о том, дало ли взаимодействие сухопутных войск с люфтваффе ожидаемые результаты, я ничего не слыхал. Но должен констатировать, что офицеры сухопутных войск, с которыми я потом беседовал, сочли применение самолетов интересным оживлением поля боя, но никакого серьезного значения для наземного сражения ему придавать не хотели. Насколько по-иному это оказалось потом на войне!

Особенный аттракцион на маневрах показал Удет. Он впервые совершил полеты на только что созданном самолете «Физелер-Шторьх». В сопровождении Мильха Удет неожиданно садился в расположении какого-либо штаба или части прямо на лугу или выгоне для скота. Тем самым он доказывал превосходные возможности использования этого «шторьхчика» в качестве связного или курьерского самолета.

Государственный визит Муссолини

Дожидаться окончания маневров Гитлер не стал. 25 сентября он принял Муссолини в Мюнхене. Спецпоезд ночным рейсом доставил нас на юг Германии. Фюрер занимался предстоящим визитом еще на маневрах. Во время обедов в вагоне-ресторане он не раз излагал нам свои мысли о Муссолини и Италии. Нет никакого сомнения в том, что свой политический ангажемент в отношении Италии Гитлер предпринял только в силу его симпатии к дуче, никоим образом не находя полного одобрения собственных советников. Со времени их первой встречи в 1934 г. в Венеции на политической сцене кое-что изменилось. Тогда Муссолини опасался – инстинктивно, наверняка, верно – усиления Германии и считал хорошее взаимопонимание с Австрией наилучшей защитой от возможных эксцессов со стороны рейха. В результате своих предпринятых в одиночку действий против Эфиопии (Абиссинии) Муссолини подвергся по решению Лиги Наций санкциям, которые затрудняли его положение. Германия, с октября 1933 г. уже не являвшаяся членом Лиги Наций, воспользовалась случаем поддержать Италию. Братство по оружию обеих стран в Испании привело к признанию Германией итальянской аннексии Эфиопии. Тогда Муссолини и заговорил впервые об «оси Берлин – Рим». Затем последовало признание обоими государствами националистического испанского правительства генерала Франко. Когда федеральный канцлер Шушниг весной 1937 г. во время своего визита в Венецию попросил Муссолини оказать поддержку Австрии против Германии и ее усиливающегося влияния в этой стране, тот повернулся к нему спиной. С тех пор Гитлер прилагал усилия, чтобы вступить с Муссолини в прямой разговор.

Визит Муссолини в Германию начался с Мюнхена. Его прибытие на Главный вокзал было назначено на 10 часов утра 25 сентября. Хозяином встречи в Мюнхене выступала НСДАП. Руководство гау приняло соответствующие меры для организации народного ликования. Улицы и привокзальная площадь почернели от людской толпы. Вокзал и фасады прилегающих зданий были украшены гирляндами и бесчисленными итальянскими флагами, а также полотнищами со свастикой. Спецпоезд подошел к платформе точно в указанное время. Состоялась сердечная встреча. Я стоял всего в двух метрах от фюрера и дуче и мог хорошо разглядеть их лица и жесты. Оба они радовались этой встрече.

Гитлер сопроводил гостя в отель «Принц-Карл-пале», а сам

сразу же отправился на свою частную квартиру на втором этаже сдаваемого внаем дома на площади Принцрегентплац, 16. Там Муссолини немного позднее посетил его. В присутствии немецкого переводчика состоялась продолжавшаяся примерно час беседа. Дуче вполне хорошо говорил по-немецки, так что перевода не потребовалось. Он передал гостеприимному хозяину грамоту и атрибуты «почетного члена фашистской милиции» – этот жест был расценен многими по-разному. Но Гитлер при посещении Италии в 1938 г. с государственным визитом надел в честь Муссолини подаренный нарукавный знак и был при кортике.

День в Мюнхене прошел в обычных церемониях, положенных при государственном визите: возложение венков, завтрак, прием и парад. Прохождение лейб-штандарта СС «Адольф Гитлер» и лейб-штандарта СА «Галерея полководцев{72}» настолько импонировали Муссолини, что он даже заговорил о немедленном введении парадного «гусиного шага» в Италии. Примерно в 19 часов фюрер вместе со своим гостем отправился на вокзал. Оба поднялись в свои спецпоезда, чтобы ехать на маневры в Мекленбурге.

Дню 26 сентября предшествовал своеобразный пролог. Собственно говоря, это был последний день маневров, когда ничего впечатляющего и интересного произойти уже не могло. Но Муссолини захотел, по настоянию Гитлера, составить себе впечатление о германском вермахте. Хоссбаху пришлось искать выход. Он нашел его в том, что маневры закончили на день раньше, а Муссолини устроили показуху. На местности был с большой помпой разыгран бой. Кругом гремело, орудия и пулеметы были выдвинуты на боевые позиции, танковые подразделения имитировали атаку, беспрерывно проносились бомбардировщики и штурмовики. Да, тут было что поглядеть! Казалось, все это произвело на гостей впечатление. Муссолини проявил интерес. Полагаю, спектакль этот подействовал на него сильнее, чем планировалось показать в строгом подобии боевой обстановки. Присутствовал и итальянский военный министр, но о наличии у него военной компетентности и речи не могло идти. Констатация этого поразила Гитлера.

Во второй половине дня люфтваффе на полевом полигоне зенитной артиллерии Вустров, что на побережье Балтийского моря, провела весьма впечатляющие боевые стрельбы из тяжелых и легких зенитных орудий по воздушным и наземным целям. Применение зенитных орудий калибра 88 мм для борьбы с танками вызвало у некоторых присутствовавших офицеров сухопутных войск раздражение: они увидели в этом

вмешательство люфтваффе в их задачи.

27 сентября государственный визит гармонично продолжился: днем – осмотр заводов Крупна в Эссене, а вечером – прибытие Гитлера и его гостей в Берлин Не в последнюю очередь благодаря ликованию берлинцев и образцовой организации программы эти дни стали для меня незабываемыми.

28 сентября Муссолини по собственному желанию посетил Потсдам и Сан-Суси. Вечером совместная программа продолжилась большим митингом на Олимпийском стадионе. Кульминационным пунктом явились речи Гитлера и Муссолини. Оба государственных деятеля подчеркнули необходимость сохранения мира. Фюрер превозносил Италию как страну, которая в послевоенные годы не участвовала в унижении немецкого народа. Дуче произнес свою речь на немецком языке, и берлинцы наградили его за это особенно сильными аплодисментами. Ось Берлин – Рим, сказал он, служит гарантом непоколебимой решимости стоять плечом к плечу, что бы ни случилось. Берлинцы восприняли эту речь хорошо. Но тут начался небольшой дождь, и они с юмором стали вместо «дуче, дуче!» скандировать: «душе, душе!» [что по-немецки значит «душ»].

После отъезда Муссолини Гитлер показал себя убежденным в том, что в его лице он приобрел честного друга Германии.

Мирные недели

Посетив выставку «Созидающий народ» в Дюссельдорфе 2 октября, приняв назавтра участие в праздновании «Дня благодарения урожаю» и в открытии 5 октября очередной ежегодной кампании «Зимняя помощь», проходившей на сей раз под лозунгом «Народ помогает сам себе!», Гитлер в середине месяца выехал в Южную Германию, чтобы пробыть там в своей личной резиденции «Бергхоф» на горе Оберзальцберг до конца месяца, а потом вернуться в Берлин.

Я провел эти недели в имперском министерстве авиации и на аэродромах в Штаакене и Деберице. Подполковник Ешоннек{73}, начальник оперативного отдела (отдел 1а) генерального штаба люфтваффе, предложил мне наряду с моей службой в Имперской канцелярии посещать занятия в «Высшем училище военно-воздушных сил» в Гатове, которое являлось предварительной ступенью для поступления в академию люфтваффе, а тем самым для получения образования офицера генерального штаба ВВС. Очередной курс начнется 1 сентября и продлится три месяца. Я с воодушевлением принял это предложение…

В народе была тогда распространена надежда на длительный период мира. Массы верили Гитлеру, что он сохранит мир именно потому, что сам провел Первую мировую войну на фронте. К тому же был велик страх перед коммунизмом, с которым мы познакомились после войны и у нас в Германии в связи с волнениями и восстаниями. Популярностью пользовались меры по пересмотру «Версальского диктата», широкое распространение получил антисемитизм. Гитлер считался спасителем, устранившим социальную нужду и осуществившим для «фольксгеноссен» равенство шансов на хорошую жизнь. В результате всех этих достижений многие в Германии были убеждены в том, что они переживают подлинный подъем народа, и видели в Адольфе Гитлере вождя, ведущего их в счастливое будущее. Фюрер стал «идолом» масс. Он мог требовать всего чего угодно, и народ шел за ним. Краткие годы существования экономически и политически слабой Веймарской республики не смогли сделать из монархистов демократов. А отсюда понятно, что Гитлер своими очевидными успехами привлек к себе все слои народа. В этом и состоит непостижимый для нас сегодня факт, что Гитлер почти до самого конца войны имел народ на своей стороне. «Адольф знает, что делать!» или «Адольф сумеет!» – эти слова можно было слышать даже в последние дни, когда враг уже стоял в стране, а война была проиграна. Теневые стороны режима

во внимание не принимались.

В конце октября отдохнувший и посвежевший, Гитлер вернулся с Оберзальцберга в Берлин. Имперская канцелярия снова оживилась. Множество любопытствующих устремилось к обеденному столу фюрера. Гитлер очень прямодушно рассказывал о двух посетителях Оберзальцберга. Первым был Ага-хан, председатель Лиги Наций и лидер одной мусульманской секты в Индии. Гитлер, как казалось, откровенно говорил о проблемах, затрагивающих Германию и Англию. Одобрив исторические взгляды Ага-хана на судьбы Европы, он выразил свою симпатию исламу. Вторым визитером явился бывший английский король Эдуард VIII, герцог Виндзорский{74}, со своей супругой. Визит этот соответствовал новым политическим установлениям в Германии, поэтому их сопровождал руководитель «Германского трудового фронта» д-р Роберт Лей{75}. Герцогская супружеская пара произвела на Гитлера глубокое впечатление. Подтвердилось его утверждение, что при Эдуарде VIII германо-английские отношения развивались лучше, чем в настоящее время.

Гражданская война в Испании

Совершенно ясно, что Гитлер (как он охотно делал) использовал обе оказии для того, чтобы неофициальным путем довести свои взгляды по текущим политическим вопросам до правильных адресатов в Англии. Тогдашний германский посол в Лондоне, а позднее имперский министр иностранных дел фон Риббентроп{76} наблюдал эти приватные беседы с экс-королем с опасением, боясь, что это нанесет ущерб его дипломатической деятельности. Напряженность между Англией и Германией объяснялась различием их позиций в отношении Гражданской войны в Испании и затрудняла достижение Гитлером его цели – добиться прочного взаимопонимания с Великобританией. Постоянно заседавший в Лондоне «Комитет по невмешательству», в котором Германию представлял Риббентроп, по его донесениям, больше содействовал отравлению атмосферы в отношениях между Германией и Англией, чем ее разрядке.

С точки зрения политики взаимопонимания с Англией, позиция Гитлера по отношению к испанской Гражданской войне испытывала колебания. Но большевистское вмешательство на стороне красных вновь и вновь побуждало его не ослаблять своих усилий в поддержку Франко. Против этого говорили донесения военных и политических германских органов в Испании о коррупции среди руководящих франкистов. Упущения Франко в военном командовании затягивали все решения и меры каудильо на латиноамериканский манер. Гитлер даже не удивлялся доходившим до него иногда раздраженным вопросам немецких офицеров легиона «Кондор», а правильно ли они вообще делают, что, учитывая все эти безобразия, сражаются на франкистской стороне.

Ко всему прочему Гитлеру пришлось заниматься еще и сварой между обеими высшими германскими инстанциями в Испании. По настоянию Зарубежной организации НСДАП германским послом при Франко был назначен крупный знаток местных условий генерал Вильгельм Фаупель. Он хотел выиграть войну, чтобы самому стать победителем, а потому потребовал срочно перебросить в Испанию две-три германских дивизии, в чем ему, естественно, было отказано Берлином. Тщеславие Фаупеля очень быстро привело к его непреодолимой конфронтации с генералом Шперрле{77}, командиром легиона «Кондор».

Тот поставил вопрос ребром: «Или Фаупель, или я». После тщательного изучения конфликта штабом Верховного

главнокомандования вермахта (ОКВ) и министерством иностранных дел Гитлер решил спор в пользу Шперрле. Фаупеля в августе отозвали.

Я лично знал обоих «боевых петухов» и, как и многие другие, не удивился такому ходу событий. Но он бросал свет на споры из-за компетенции внутри высших органов рейха, которые не умели сами решать пустяковые проблемы, а доводили их до высшей инстанции – до Гитлера. Шперрле, который и дальше шел в Испании напролом, был 1 ноября заменен генералом Фолькманом.

Я с интересом следил за развитием событий не только потому, что знал действующих лиц, но и потому, что в круг моих обязанностей в адъютантуре вооруженных сил входило поддерживать контакт с «Особым штабом „В“ – штабом связи между вермахтом и легионом „Кондор“ в Испании.

С тех пор как Гитлер вернулся в Берлин, он зачастую казался рассеянным. Подолгу общался с Герингом и Гессом. Из его застольных бесед и разговоров по вечерам можно было понять, что его все больше занимали мысли насчет позиции великих держав в отношении Германии. Все чаще кульминацией его высказываний служило желание убедить англичан в опасности противодействующего русского империализма. Коммунистическое мировоззрение, которое в России можно сравнить со своего рода религией, мол, в сочетании с диктаторским режимом недооценивать никак нельзя. Он, Гитлер, кое-что в этом деле понимает, ведь национал-социализм тоже свершил в Германии такое чудо, какого никто не ожидал. Тогда почему же это невозможно в России? Но Англия близоруко все еще держится за «Версаль». Он постоянно испытывает возмущение, когда читает в зарубежной прессе о праве испанцев на самоопределение, а в то же самое время отказывают в этом праве немцам, проживающим в Австрии, Чехословакии, Польше! «И при всем при том Риббентроп постоянно хочет, чтобы я принял английских политиков! Но и Нейрат тоже считает это никчемным. Из этого ничего не выйдет!». Таковы примерно были тирады Гитлера о политике Англии, а мы никак не могли взять их в толк. Пока однажды загадка не разрешилась.

5 октября Рузвельт произнес по случаю освящения моста в Чикаго речь, которая вошла в историю под названием «Карантинная». Гитлер воспринял ее весьма серьезно. Суть высказываний американского президента состояла в требовании международного «карантина» против наций-«агрессоров». Под ними он подразумевал Италию за ее абиссинскую войну, Японию – за ее нападение на Китай, а также Германию – за отказ и впредь

считать для себя обязательными условия Версальского договора. Рузвельт сказал, что 90% населения Земли подвергается угрозе со стороны 10%. Эти цифры особенно возмутили Гитлера, ибо данное соотношение служило ясным доказательством того, что русских тот агрессорами не считает. Типичным для позиции Гитлера явилось его намерение определить, какие именно внутриполитические причины вынудили Рузвельта совершить такой поворот в своей политике. При этом он обнаружил ужасающее падение американской экономики и скачкообразный рост безработицы за последние месяцы. Отсюда Гитлер сделал вывод: Рузвельт ищет выход из экономической катастрофы в правительственных военных заказах. Дабы получить согласие конгресса, он должен натравливать американскую общественность на вышеназванные государства во главе с Германией. Геринг энергично поддержал такой ход мыслей фюрера.

5 ноября 1937 года

Усиливающиеся во всем мире антигерманские настроения, как их видел Гитлер, должны были оказать свое влияние на совещание 5 ноября 1937 г. Оно вошло в историю из-за «протокола Хоссбаха», сыгравшего такую большую роль на Нюрнбергском процессе. Бломберг через Хоссбаха попросил фюрера о проведении заседания для обсуждения главнокомандующими составных частей вермахта вопроса о вооружении и сырьевых ресурсах.

К назначенному времени, 16 часам, Бломберг, Геринг, Фрич и Редер приехали в Имперскую канцелярию со своими адъютантами и экспертами по вооружению. В квартире фюрера их встретили и проводили в Зимний сад его военные адъютанты. Сопровождающие остались в курительной комнате. Бросалось в глаза, что по желанию Гитлера был приглашен и имперский министр иностранных дел барон фон Нейрат. Гитлер вошел в Зимний сад в сопровождении Хоссбаха, держа в руках несколько исписанных листков бумаги. Камердинер закрыл стеклянные двери и задернул занавеси. Часы показывали 16 часов 15 минут. Всеобщее гадание, что бы это значило, в курительной комнате. Про себя мы отметили, что Гитлер еще никогда не проводил совещаний верхушки вермахта совместно с имперским министром иностранных дел. Особенно любопытным и обеспокоенным был личный адъютант фюрера Видеман, который как раз готовился к поездке в Соединенные Штаты.

20 часов 50 минут. Двери открываются. Главнокомандующие и Нейрат со своим сопровождением, которое так долго ожидало их, покидают квартиру фюрера. Все мы молча констатируем, что совещание прошло за закрытыми дверями.

Вскоре после этого совещания Гитлер отбывает в Мюнхен на обычные торжества по случаю марша 1923 г. к «Галерее полководцев», затем он отправится в свою личную резиденцию на Оберзальцберге. 14 ноября я выезжаю туда, еще не зная, что явилось причиной моего вызова.

Перед отъездом Хоссбах пригласил меня и Путткамера к себе в кабинет и с серьезным видом сообщил нам, что совещание 5 ноября имеет принципиальное значение и мы должны знать об этом. Он сделал запись совещания, и нам следует ее прочесть. Сначала дал протокол Путткамеру, а потом мне. Запись имела объем примерно 15-20 стандартных страниц и была сделана знакомым мне почерком Хоссбаха, скорее большими, чем маленькими буквами. Мне все еще помнится, как Хоссбах сказал

нам, кому именно он даст ее прочесть и где она будет окончательно храниться. Гитлеру он сможет ее показать не ранее конца месяца, ибо тот вернется из своей поездки в Аугсбург 21 или 22 ноября.

Содержание протокола общеизвестно по экземпляру, представленному Международному военному трибуналу в Нюрнберге в 1946 г. Оригинал рукописи Хоссбаха до сих пор не обнаружен. Соответствуют ли и насколько именно оба текста друг другу, с уверенностью поэтому никто определить не может. Сам же я могу сказать, что, насколько мне помнится, текст оригинала был короче, чем нюрнбергский. Предположение, что Хоссбах в силу своего отношения к Гитлеру и его речи сделал запись тенденциозной, я считаю необоснованным.

О содержании же нюрнбергского документа могу сообщить только то, что некоторые пассажи и темы 1937 г. я однозначно узнаю. Остальные части текста кажутся мне новыми. Мое тогдашнее впечатление было таково: Гитлер хотел дать общую оценку европейской политической и военной обстановки во взаимосвязи со своими мыслями и планами относительно будущего Германии. Он желал, при наличии определенных политических предпосылок, присоединить к рейху Австрию и Чехословакию, сделав это не позднее 1943-45 гг. После указанного срока, считал он, можно ожидать изменения соотношения сил в Европе лишь не в нашу пользу. В таком случае он предполагал вражду Франции и Англии с Германией. Но не припоминаю, чтобы в записи назывались Польша, Россия и США. Из речи Гитлера и последовавшего за нею обсуждения, которое нам обрисовал Хоссбах, мне запомнилось только то, что Бломберг, Фрич и Нейрат весьма настойчиво предостерегали насчет враждебности со стороны Англии и Франции в любом случае и в любое время. При насильственном территориальном изменении, осуществляемом Германией, следует считаться с возможностью их вмешательства.

Тот факт, что Хоссбах проинформировал Путткамера и меня о содержании совещания, показало мне: оно имело особенное значение для него самого, а тем самым также для Фрича и Бека. Но я еще слишком недолго принадлежал к гитлеровскому штабу, чтобы оценить это в полной мере. Я считал вполне само собою разумеющимся, что фюрер как ответственный политик и Верховный главнокомандующий провел со своими авторитетными советниками совещание по оценке положения, причем его планы на 1943-45 гг. тогда, в 1937 г., показались мне слишком далекими, а потому и неактуальными. Никакого обсуждения высказываний Гитлера между нами троими не было.

Путткамер и я просто приняли эту запись к сведению, а Хоссбах подчеркнул, что она является совершенно секретной. Мне тогда и в голову не приходило, чтобы Гитлер мог готовить планы, выходящие за пределы возможного.

Первое пребывание в «Бергхофе»

С моим первым пребыванием в «Бергхофе» у меня связаны два воспоминания. Здесь я впервые познакомился с Евой Браун, а во-вторых, однажды Гитлер стал меня расспрашивать насчет моей предыдущей военной карьеры. Круг лиц, с которыми он общался на Оберзальцберге, был мне совсем неизвестен. В Берлине мне сказали только, что жизнь Гитлера здесь, в горах, носит весьма приватный характер и, вполне понятно, у него гостят и дамы. Еве Браун в то время было 25 лет, а Гитлеру шел 49-й год. Держалась она скромно и сдержанно, даже во время обеда или ужина. С гостящими дамами Гитлер держался так же, как и с женщинами вообще. Непосвященный едва ли смог бы заметить, что между ним и Евой Браун существуют особые отношения. Она всегда производила впечатление очень ухоженной молодой женщины, в соответствии со своим типом хорошо выглядевшей и жизнерадостной.

Однажды, прогуливаясь по холлу взад-вперед, Гитлер высказал мне свои мысли насчет Италии. Испытываемое им глубокое уважение к Муссолини и сделанному дуче побудило его к завышенной оценке Италии и итальянцев. Я с этим не согласился, сославшись на собственный опыт, приобретенный во время трехмесячного обучения в итальянской авиации в 1933 г. Сказал, что хотя итальянцы и хорошие летчики, но относятся к летному делу, как к спорту. Гитлер слушал молча и никаких вопросов не задавал. Свой ответ он дал мне спустя полгода в Риме.

Мне показалось, фюрер гораздо больше интересуется тем, что я могу рассказать ему о России. Со времени моего пребывания там прошло восемь лет. С тех пор наверняка и в России тоже произошло многое. Но одно представлялось мне достойным упоминания: мы были удивлены сноровкой русских механиков, работавших в мастерских и обслуживавших наши самолеты. На вопрос, что думаю я об этой стране и ее людях, я обрисовал Гитлеру две вещи, которые тогда произвели на меня большое впечатление. Поблизости от Липецка находилась лишь частично огороженная местность для учебного бомбометания, куда почти не допускались жители окрестных деревень. Они пытались пасти там свой скот. Однажды сдетонировала неразорвавшаяся бомба, убившая несколько детей, а также лошадей. Русские предъявили счет на возмещение стоимости лошадей, а о детях никто и слова не промолвил. Людей хватает! Лошади ценились куда выше. Затем я рассказал Гитлеру о раскисавших после дождя дорогах.

Летом из-за ливней они становились непроезжими для автомашин. На нашей тогдашней учебной территории, где не все улицы были заасфальтированы, всякое движение транспорта прекращалось. К счастью, летом дороги быстро просыхали, но осенью, уже в сентябре, я сам убедился в том, это была сплошная глина.

Впечатления от пребывания в «Бергхофе» не покидали меня и в Берлине и являлись предметом оживленных бесед в доме Бломберга, где я с женой несколько дней гостил после моего возвращения. Там мы встречались в дружеском кругу с самим фельдмаршалом, его сыном и дочерью. Бломбергу был знаком приватный стиль на вилле фюрера. Слышал он и о Еве Браун, и о ее роли в жизни Гитлера. Бломберг являлся единственным имперским министром, происходившим не из рядов партии. То, что фюрер приблизил его к себе и неоднократно приглашал в «Бергхоф», служило признаком особого доверия. Даже Геринг еще ни разу не сидел за одним столом с Евой Браун!

Несмотря на оживленную беседу, сам хозяин дома в тот вечер был сдержанным и рассеянным. Не хватало его открытости и живых рассказов. Вообще-то Бломберг представлял собой тип «образованного солдата», но в тот вечер это было как-то незаметно. Я спросил моего друга Акселя, что тяготит сегодня его отца, но он о служебных заботах его ничего не знал. Однако одна из реплик Акселя дала мне понять: озабоченность фельдмаршала вызвана какими-то личными проблемами. Только в декабре его дочь Дорле поведала моей жене, что овдовевший отец хочет снова жениться. Она и вся родня, как можно было понять, чувствуют себя из-за его выбора невесты совершенно несчастными.

Посещение «Мессершмитт-АГ»

22 ноября 1937 г. Гитлер после закрытия партсъезда НСДАП посетил в Аугсбурге фирму профессора Мессершмитта «Баварские авиазаводы». К тому времени она была переименована в «Мессершмитт-АГ{78}». Посещение состоялось по совместному желанию Рудольфа Гесса и самого Мессершмитта. Оба они дружили уже много лет. Поводом явились впечатляющие первые успехи «Бф-109» (позже назван «Ме-109»), сконструированного Мессершмиттом и его инженерами. Примерно в то же самое время первые машины этого типа использовались истребительной группой легиона «Кондор» в Испании и показали, что по своим летным качествам они превосходят русский истребитель «И-16», который у нас называли «Рата». Незадолго до этого дня, 11 ноября 1937 г., шеф-пилоту фирмы Мессершмитта удалось на «Бф-109», достигнув скорости 610,95 км в час, установить во славу Германии абсолютный рекорд для самолетов наземного базирования.

Опираясь на эти успехи, Мессершмитт имел все основания принимать Гитлера с гордостью и удовлетворением. Имперское министерство авиации было представлено на осмотре группой офицеров и инженеров Технического управления во главе с Мильхом и Удетом. Присутствовал ли Геринг, сейчас не помню. Между Мильхом и Мессершмиттом существовала известная всем неприязнь еще с тех времен, когда Мильх был генеральным директором акционерной компании «Люфганза». Последствием этой ссоры являлось лишь то, что сотрудничество имперского министерства авиации с Мессершмиттом длительный период шло с помехами и лучший немецкий авиаконструктор не использовался люфтваффе в полную силу.

Еще при осмотре завода мы получили наглядный пример этого. Мессершмитт, войдя вместе с Гитлером в цех, попросил его взглянуть на новую конструкцию. Раскрыли большие ворота в соседний цех, и перед взорами присутствующих предстала модель нового четырехмоторного дальнего бомбардировщика – предшественника сконструированного уже во время войны, но так и не запущенного в серийное производство «Ме-264». Мессершмитт сообщил, что дальность его полета с тонной бомбового груза равна 600 км. Господа из имперского министерства авиации тут же усомнились в этих данных.

Гитлер проявил сдержанность. В области самолетостроения он такими же познаниями, как в области кораблестроения или танкостроения, а также производства танков, не обладал. Но

фюрер счел, что все-таки возможно сконструировать такой четырехмоторный бомбардировщик, который сможет уйти от истребителей. Однако если истребители уже обладают скоростью 600 км в час, этот бомбардировщик должен летать с минимальной скоростью 650 км в час. Поэтому следует пренебречь броней и оборонительным оружием такого «скоростного бомбардировщика» ради его скорости. Тем самым можно будет избежать опасности воздушного боя.

Мильх подтвердил, что люфтваффе уже довольно давно дала заказ на самолет с такими летными характеристиками. Мессершмитт стал оспаривать, доказывая, что двухмоторные или четырехмоторные самолеты с такой высокой скоростью в настоящее время производиться в Германии не могут, потому что у нас нет соответствующих моторов. Гитлер же счел правильным отдать приоритет четырехмоторному бомбардировщику. Мильх в ответ заметил, что сырьевая база ограничивает возможности люфтваффе, а потому она намерена считать приоритетным выпуск двухмоторного скоростного бомбардировщика. Никакого решения после этой дискуссии принято не было.

Планы создания бомбардировщиков

В последующие недели я пытался разузнать побольше в Техническом управлении имперского министерства авиации и генеральном штабе люфтваффе насчет закулисных причин разговоров у Мессершмитта. Сообщенные мне в Техническом управлении сведения о запланированных или заказанных новых бомбардировщиках были противоречивы.

В генеральном штабе я обратился к подполковнику Ешоннеку – начальнику оперативного отдела, который высоко котировался там. В противоположность многим офицерам этого штаба, отдававшим люфтваффе сухопутным войскам, Ешоннек еще с Первой мировой войны был офицером-летчиком. В рейхсвере он нес службу как в его генеральном штабе, так и в войсках, а через командования тогдашних тайных авиационных училищ и учебных лагерей поддерживал связь с авиацией. В люфтваффе он тоже побывал на различных должностях и в войсках, и в ее генеральном штабе. Долгое время он был начальником оперативного отдела этого штаба, а также адъютантом Мильха. Геринг, хотя и не скрывавший своей антипатии к бывшим офицерам генерального штаба сухопутных войск пожилого возраста, все больше обращался к Ешоннеку, а не к начальнику генерального штаба люфтваффе генералу Штумпфу. Но это их сотрудничеству не помешало, зато охладило отношения между Мильхом и Ешоннеком. Тут играли роль не только личные, но и другие, не особенно известные причины. Эти неприязненные отношения, шедшие во вред люфтваффе, сохранились до смерти Ешоннека в 1942 г. Я не могу разделять вложенное в уста Бломберга мнение, что «тяжелые условия в имперском министерстве авиации возникли в результате поведения Мильха» – ведь ответственным главой министерства являлся Геринг.

Лично я с самого начала питал к Ешоннеку большое доверие. Через него я поддерживал контакт с Главным командованием люфтваффе и имел возможность знакомиться с работой ее различных инстанций. Благодаря этому мне удавалось также получать всякие материалы и составить себе собственное мнение, чтобы действительно компетентно информировать Гитлера и действовать в соответствии с намерениями руководства люфтваффе.

Ешоннек в ответ на мои вопросы информировал меня о планировании и ходе создания бомбардировщиков. Желание Гитлера строить скоростной бомбардировщик не было новым. Такое требование выдвигал еще Вефер, первый начальник

генерального штаба люфтваффе. Военно-воздушные силы имели свои предприятия, в частности фирму «Юнкерс» в Дессау, которая получила соответствующий заказ на конструирование двухмоторного самолета. Его вооружение и оснащение подлежало существенному ограничению ради скорости, значительно превышающей скорость истребителей. Этот самолет, «Ю-88», во время испытательных полетов уже показывал 500-километровую скорость. На мою реплику, а может ли он достигнуть границы 600 км в час, Ешоннек ответил: только что поставленный рекорд скорости стал возможен лишь при «причесанном», то есть форсированном, моторе. Серийную же модель придется использовать с имеющимися в настоящее время моторами и полным оснащением, то есть со всем необходимым вооружением и радиоаппаратурой, а потому летать она сможет со скоростью не более 500 км в час. Такова же, насколько нам известно, и примерная скорость ожидаемых новых английских самолетов. Впрочем, дальнейший план выпуска «Ю-88» предусматривает установку на нем более сильных моторов, но они, как и для «Ме-109», начнут поступать не ранее чем через год. Ешоннек считал, что в виде «Ю-88» люфтваффе получит идеальный бомбардировщик.

Мы говорили и о задачах авиации оперативного назначения, а также о потребности в дальних бомбардировщиках. Здесь тоже надо сконструировать вариант «Ю-88». Начатое еще при Вефере, согласно его стратегической концепции, конструирование четырехмоторных бомбардировщиков Геринг приказал приостановить. Первые машины, «Ю-89» Юнкерса и «До-19» Дорнье, уже год назад свое отлетали и превратились теперь в груду ржавого металла или использовались по другому назначению. «Ю-89» вскоре поднялся в воздух в форме «Ю-90» у компании «Люфтганза». Геринг принял это решение в пользу «Ю-88» также и ввиду напряженного положения с сырьем. Вместо одного четырехмоторного самолета можно было выпустить два двухмоторных с дополнительным эффектом: Геринг рассчитывал на более высокую производительность.

На мой вопрос, по чьему предложению или совету и когда именно Геринг принял это решение, Ешоннек ответить не смог. Наверно, это произошло тогда, когда сам Ешоннек еще командовал эскадрой в Грайфевальде. В остальном же он был убежден, что с проектом выпуска четырехмоторного бомбардировщика «Ме-264» в Аугсбурге ничего не выйдет.

Итак, тогда было принято роковое решение: люфтваффе четырехмоторного бомбардировщика не получит.

Завершение года

Последние недели 1937 г. и первые дни 1938 г. прошли, как мне помнится, без особенных событий.

Однажды во второй половине дня Гитлер поехал на чай к госпоже фон Дирксен – вдове посла{79}, салон которой еще с 1933 г. являлся местом встреч фюрера с консервативными слоями общества.

Фрау фон Дирксен ожидала приезда Гитлера и пригласила 8-10 гостей. Из них я запомнил, в частности, Августа Вильгельма, принца Прусского{80}. Прежде хозяйка дома устраивала свои приемы в отеле «Кайзерхоф», чтобы быть как можно ближе к тогдашней штаб-квартире Гитлера и находиться в курсе дел нацистского движения. Став сторонницей фюрера и его политического движения, она вела в консервативных кругах прогитлеровскую пропаганду. Гитлер пользовался, причем с некоторым успехом, такими встречами для знакомства с этими кругами, чтобы воздействовать на них и привлечь на свою сторону.

Мне было любопытно встретиться с моими «товарищами по сословию», но я, пожалуй, ожидал гораздо большего. Гости на меня никакого особенного внимания не обратили. Гитлер держался умело, но все же скованно и часа через полтора уехал обратно в Имперскую канцелярию. Для меня не явилось неожиданностью услышать от него, что в салоне Дирксен он больше бывать не будет. Собравшиеся там гости – только просто любопытствующие, которые разглядывают его, словно «диковинного зверя», и в сущности никогда не понимали. Да и мне, посчитал он, не может быть по себе в этом кругу монархистов. В тот день Гитлер последний раз встретился с принцем Августом Вильгельмом.

Нет сомнения, что за этим приемом у фрау фон Дирксен скрывалось стремление к восстановлению монархии. И она, и принц Август Вильгельм придерживались взгляда, что влияние на ход событий нельзя приобрести, стоя в стороне от них, а чтобы достигнуть своей цели, надо искать контакта там, где сосредоточена тогдашняя власть. Но Гитлер к тому времени уже полностью отказался от идеи восстановления монархии. Реплика Геббельса той зимой подтвердила это. В узком кругу в Имперской канцелярии министр похвалялся, что он – тот самый человек, который отвратил Гитлера от намерения вернуться к монархии. При этом его просто распирало от гордости, и он тыкал указательным пальцем в свою грудь.

Декабрь проходил в квартире фюрера под знаком подготовки к Рождеству. Адъютанты Гитлера составляли список тех, кто получит от него подарок. Круг этих лиц был довольно широк. Начинался он с жен имперских министров и высших функционеров партии, а кончался домашним персоналом фюрера. Наряду с отдельными лицами Гитлер раздавал подарки и формированиям вермахта, полиции и СС, охранникам Имперской канцелярии и его резиденции на Оберзальцберге.

Гитлеровский домоправитель Каннеберг получил поручение закупить подарки. Эти подарки были разложены на длинных столах в Большом обеденном зале, и Гитлер сам определял, что и кому дарить. Его личный адъютант Шауб помогал ему и в эти дни держался с весьма загадочной миной на лице. За несколько дней до праздника моей жене был вручен пакет с дюжиной кофейных чашечек из майсенского фарфора, а я получил золотые карманные часы, на крышке которых были выгравированы мои имя и фамилия и дата: «Рождество 1937 г.»

Однажды в декабре нас, военных адъютантов, ждал и другой сюрприз. Хоссбах поведал мне и Путткамеру, что Гитлер распорядился выдать нам из своего представительского фонда, возглавляемого д-ром Ламмерсом, по 100 марок каждому в качестве пособия. Хоссбах добавил, что сам он принимает подарочные деньги от Гитлера вопреки своим убеждениям. Я же думал иначе. Мне вовсе не претило получить деньги, ибо я считал, что это моей независимости никак не затрагивает, особенно в финансовой области. К тому же мое жалование капитана гораздо меньше, чем полковника Хоссбаха. Да и в представительских целях мы при нашем служебном положении должны были сильно тратиться на свой гардероб.

После эффектного сентябрьского визита Муссолини приезд главы венгерского правительства, а затем югославского премьер-министра Стояновича в январе 1938 г. оказался спокойнее. Венгры считались друзьями Германии, а потому встреча с ними прошла в сердечной атмосфере. Визит югославского премьера и его супруги длился несколько дней. Стоянович имел здесь хорошую репутацию: будучи сербом, он является поклонником Германии. Это считалось чем-то из ряда вон выходящим, и германские органы во главе с самим Гитлером вовсю старались не разочаровать югославских гостей.

Официальные государственные приемы заканчивались обычно около 23 часов. Но на этих обоих приемах Гитлер после завершения официальной части через адъютантов приглашал узкий круг наиболее известных ему лиц в курительную комнату побеседовать у камина. К их числу в данном случае

принадлежали супружеская пара Геббельсов, д-р Брандт с женой, я, тоже с женой, несколько молодых дам и обе дочери крупного кельнского фабриканта Мюленса. А под конец вечера Брукнер забирал из украшавших обеденный стол ваз цветы и дарил букеты дамам.

Смерть Людендорфа

Еще в дни подготовки к рождественским праздникам пришла весть из Мюнхена, что находится при смерти генерал Людендорф{81}. Гитлер посетил умирающего в начале декабря. Отношения между ним и Людендорфом к тому времени серьезно охладились; вину за это частично приписывали второй жене генерала Матильде. Но Гитлер не позабыл, что в 1923 г. Людендорф плечом к плечу шел с ним во время марша к «Галерее полководцев». Верность фюрера своим старым соратникам{82} была той причиной, по которой он так близко к сердцу принял смерть Людендорфа. Генерал скончался 20 декабря 1937 г. Согласно его завещанию и желанию вдовы, местом последнего упокоения Людендорфа должна была стать родная усадьба, а не, как хотел Гитлер, национальный мемориал, подобный воздвигнутому Гинденбургу в Танненберге. Поэтому предусматривалась лишь назначенная на 22 декабря государственная панихида у «Галереи полководцев» в Мюнхене.

21 декабря вечером мы покинули Берлин и целую ночь в жуткий холод и снежную пургу ехали в Мюнхен. Наш поезд прибыл с трехчасовым опозданием. Там тоже царила настоящая зима. Государственная панихида началась в 12 часов у Ворот Победы. За лафетом с гробом шли, отдавая последние почести прославленному генералу, Гитлер и Бломберг вместе с главнокомандующими трех частей вермахта или их личными представителями. Надгробную речь у «Галереи полководцев» произнес Бломберг. Фюрер возложил венок. Прогремел ружейный салют. Но бросалось в глаза, что на этом государственном акте отсутствовали многие ожидавшиеся лица. Например, мы слышали, что должен прибыть из Берлина специальный состав с дипломатами и военными атташе, но он пришел с огромным опозданием, а прибывшие смогли принять участие лишь в траурной процессии к месту захоронения. Венок от кайзера, проживавшего в эмиграции в Голландии, был возложен уже на могиле. Это явилось счастливой случайностью: ведь во время государственной панихиды право возложить венок имел один только Гитлер.

По завершении траурной церемонии Гитлер направился в свою мюнхенскую резиденцию, где его ждала автомашина для поездки на Оберзальцберг. До этого Бломбергу удалось накоротке переговорить с ним. Мы, военные адъютанты, попрощались с фюрером и немедленно выехали в Берлин. Рождественский вечер Гитлер провел в Мюнхене, а следующие дни до начала января –

на горе Оберзальцберг.

Новогодний прием

Как и во все времена и во всех странах, официальная жизнь в 1938 году началась в столице рейха новогодним приемом для дипломатического корпуса. Гитлер ввел такой порядок, что этот прием не обязательно должен был проходить, как прежде, точно 1 января, а и позднее, в интересах тех, кто желал использовать первые дни января для новогодних поездок и отпусков. В этом году новогодний прием в «Особняке рейхспрезидента» был назначен на 11 января. Гитлер использовал для него этот старинный дворец, который служил жилой и служебной резиденцией и местом официальных дипломатических приемов как Эберту, так и Гинденбургу.

Гитлер отправился туда пешком из своей квартиры, и путь его пролегал параллельно Вильгельмштрассе через сады министерств. Для этого он велел пробить в смежных стенах двери. Мне пришлось увидеть такую довольно странную для моих тогдашних представлений о фюрере процессию в первый и последний раз. Впереди шествовал сам Адольф Гитлер во фраке, черном пальто, в цилиндре и белых перчатках, а за ним – мы, адъютанты, в парадной форме. Его самого смешила эта процессия. Но еще больше он был недоволен помещениями в «Особняке рейхспрезидента», которые при нынешнем значении рейха были недостаточно репрезентативны для официальных дипломатических приемов. По окончании церемонии мы услышали, как он говорил, что новогодний прием здесь и в такой форме состоялся в последний раз. Мне кажется, я не ошибусь, сказав, что в тот же день он вызвал к себе генерального инспектора по строительству Альберта Шпеера и спросил его, может ли тот до новогоднего приема 1939 г. построить Новую Имперскую канцелярию. После короткого размышления Шпеер это задание принял.

День рождения Геринга

12 января Геринг праздновал свое 45-летие. В числе поздравителей всегда бывал Гитлер. Во время пребывания фюрера в его доме Геринг никаких посетителей не принимал. Гитлер приехал с самым небольшим сопровождением: только личные адъютанты и я. Сам Геринг наслаждался своим днем рождения и радовался множеству ценных подарков. Гитлер знал его слабость к картинам, особенно старых мастеров, среди которых тот предпочитал Лукаса Кранаха. На сей раз фюрер вручил ему картину XIX в.; насколько мне помнится, это была «Соколиная охота» работы Ганса Макарта. Затем Гитлер заговорил о страсти Геринга к охоте.

Атмосфера в доме Геринга по таким праздничным случаям бывала раскованной и непринужденной. Заметно, что хозяйка дома умела придать всему какую-то приватную и семейную ноту. Гитлер обращался с ней особенно галантно. Сам же Геринг в собственных апартаментах, также и в присутствии фюрера чувствовал себя совершенно вольготно и не испытывал никакой скованности, в отличие от своей манеры держаться в Имперской канцелярии. Там он напускал на себя какую-то отчужденность, чуть ли не забывая поздороваться с окружающими, и стремился как можно скорее встретиться с Гитлером.

В тот день мне опять особенно резко бросилось в глаза различие между этими обоими руководящими политиками рейха. За время службы в истребительной эскадре «Рихтхофен» в 1934-35 гг. мне не раз приходилось видеть Геринга по служебным и светским поводам. 10 апреля 1935 г. я был гостем на его свадьбе, а годом позже – приглашен на бал в Государственной опере. И оба раза я видел такую роскошь, какой больше не существовало в Берлине с кайзеровских времен. Появление и поведение Геринга запомнились мне сильнее, чем Гитлера. Мы, летчики, питали к Герингу доверие. Он был один из нас. А Гитлер – далек и недосягаем. С таким ощущением я и поступил на службу к фюреру.

Но теперь, после полугода службы при Гитлере, все стало наоборот. Чем ближе я узнавал Геринга, тем больше у меня появлялось причин для недовольства им. Во всем праздновании дня рождения проявлялась тяга к выставляемой напоказ роскоши, и это очень контрастировало с простотой Гитлера. На этом фоне он казался сдержанным и почти незаметным. Мне эта его скромность импонировала. А помпезность Геринга я находил некрасивой и даже иногда неуместной. Фюрер старался не

подавать виду, что сам зачастую думает так же. Он учитывал менталитет Геринга и радовался тому, что его манеры нравятся народу. Связи Геринга с людьми хозяйства и с консервативными кругами стали важны для Гитлера. Однако огромное различие между ними не влияло на их отношения взаимного доверия, возникшие еще во «времена борьбы». Фюрер не принимал ни одного важного политического или военного решения, не посоветовавшись предварительно с Герингом.

Мое внутреннее критическое отношение к Герингу очень угнетало меня в моем служебном положении. Гитлер был моим шефом, а Геринг – моим главнокомандующим. Его верность Гитлеру облегчала мою задачу адъютанта по люфтваффе. После шести месяцев службы в штабе Гитлера мне стало ясно: я подчиняюсь фюреру не только в силу долга военного повиновения, следовать за ним меня заставляют убеждение и доверие к нему. Я и не предполагал тогда, какое тяжкое бремя ляжет на меня вскоре в связи с этим.

Скандал вокруг Бломберга

12 января произошла женитьба имперского военного министра генерал-фельдмаршала фон Бломберга. Накануне телефонный звонок подтвердил мне, что бракосочетание, о котором я услышал еще в начале декабря от его детей, состоится завтра.

Я поделился новостью с Путткамером, а тот проинформировал о ней Хоссбаха. В это самое время в Имперскую канцелярию явился адъютант Бломберга майор Рибель, чтобы передать его категорический приказ: о деталях церемонии венчания следует сообщить не Хоссбаху, а Штаубу.

Для всех офицеров действовало предписание: перед своей свадьбой достигнуть с непосредственным вышестоящим начальником «консенсуса о женитьбе». Именно так и действовал Бломберг; он, как я позже узнал, при подходящем случае сообщил Гитлеру, что его будущая супруга происходит из «простых кругов», и попросил его быть свидетелем при бракосочетании. Из окружения Геринга я слышал, что незадолго до того с аналогичной просьбой Бломберг обратился и к нему.

Миссия Рибеля 11 января в квартире фюрера удивила нас связанной с нею секретностью. Бломберг запретил даже дать сообщение в прессе. Но адъютанты разъяснили фельдмаршалу, что о его женитьбе следует объявить публично. Тот факт, что снова появилась госпожа фон Бломберг, все равно не утаить. Тогда он неохотно согласился на такую огласку в печати: «Имперский военный министр и генерал-фельдмаршал фон Бломберг сочетался 12 января законным браком с фрейляйн Грун. Свидетелями были фюрер и рейхсканцлер, а также генерал-полковник{83} Геринг».

Официальная регистрация брака была произведена в большом зале имперского военного министерства совсем просто, без всякой торжественности. Дети Бломберга не присутствовали. Супруги сразу же отправились в свадебное путешествие.

В этой неожиданной обстановке, еще даже не предчувствуя надвигающихся на нас неприятностей, мы искали объяснение происшедшего. Бломбергу было почти 60, овдовел он в мае 1932 г. Дочери, ведшие все эти годы его дом, собирались выходить замуж. Отец оказался одиноким. Гитлер и Геринг отнеслись к решению Бломберга с полным пониманием. Для фюрера тот был представителем знатных кругов дворянского офицерства, человеком чести, которому он слепо доверял. Он считал Бломберга, 30 января 1933 г. вошедшего в состав его кабинета в

качестве имперского министра рейхсвера, персоной грата и гарантом верности своему правительству со стороны консервативных кругов Германии. По моему впечатлению, Гитлер уважал Бломберга как генерала и человека, был ему благодарен и гордился доверительными личными отношениями с ним.

Не успел Бломберг провести со своей женой несколько дней отпуска в отеле «Оберхоф» в Тюрингском лесу, как ему из-за смерти 90-летней матери пришлось срочно вернуться в Берлин. Там он уединенно жил в своей казенной квартире. Дети его с опасением и озабоченностью следили за событиями в отчем доме, но о новой жене ничего не знали. Адъютант Бломберга от люфтваффе Бем-Теттельбах тоже рассказывал мне о каком-то странном поведении фельдмаршала. Он не раз встречался у него дома с новой женой, но тот так и не представил ей своего адъютанта. Мы задавали себе вопрос, почему фельдмаршал избегал «показать» свою жену. Сразу после женитьбы Бломберга Гитлер отбыл на несколько дней в Мюнхен и возвратился в Берлин 24 января. Я нес службу и ожидал его прибытия в Имперской канцелярии, а потому был немало удивлен, когда в квартире фюрера неожиданно появились Хоссбах и Геринг, который держал в руках какую-то папку. Присутствовали Видеман и Боденшатц, оба – с серьезными лицами. Вошел Гитлер, приветствовал всех вытянутой рукой и немедленно уединился с Герингом в своих апартаментах. Как оказалось, новая фрау фон Бломберг будто бы – «дама с прошлым», притом – профессиональным. В городе уже говорят об этом повсюду. Слух этот был сам по себе достаточно неприятен, ибо супруге фельдмаршала фон Бломберга предстояло стать «первой леди». Ведь Гитлер неженат, а Бломберг по рангу стоит после него на втором месте. Я счел все это пустой болтовней и выдумкой. Такая невероятная авантюра никак не вязалась с Бломбергом. Беседа Гитлера с Герингом была очень продолжительной. Лишь только тот покинул квартиру фюрера, Гитлер сразу удалился к себе, даже не попрощавшись и не произнеся ни единого слова. Подавленный, с тяжелыми мыслями, я поехал домой. Мы еще долго говорили с женой о Бломберге. Услышанное мною только что в квартире фюрера подтвердило тревожные высказывания его детей, Дорле и Акселя.

Лишь постепенно я узнал подробности о тех событиях, которые привели к таинственному разговору Гитлера с Герингом вечером 24 января 1938 г. Первой колесо закрутила пресса своими сообщениями о новом браке Бломберга. Один полицейский чиновник из соответствующего отдела берлинского полицей-президиума прочел в газете заметку об этом. Фамилия

«Грун» (как мне поведал по телефону Бем-Теттельбах) показалась ему знакомой. Недолго думая, он порылся в картотеке и нашел регистрационную карточку некой «Евы Грун». (Мне, правда, непонятно, почему в «Готском альманахе» за 1939 г. новая жена Бломберга названа Элизабет Грунов). Чтобы не быть обвиненным в служебной халатности, чиновник положил на стол своему непосредственному начальнику карточку вместе с газетной заметкой. Затем эта карточка через несколько дней по служебной лестнице попала к полицей-президенту Берлина графу Гельдорфу{84}. Начальник берлинской полиции связался по телефону с адъютанту-рой Бломберга и попросил о приеме фельдмаршалом или Кейтелем. При этом он придавал особое значение тому, чтобы в служебных помещениях Бломберга его увидело как можно меньше людей. Бем-Теттельбах выполнил желание Гельдорфа. Тот появился в здании министерства с папкой в руках и попросил разрешения поговорить лично с фельдмаршалом. Поскольку Бломберга на месте не оказалось, его, на чем он настоял, провели к Кейтелю. Гельдорф спросил Кейтеля, знает ли тот в лицо новую жену фон Бломберга и может ли опознать ее по фотографии, которую он захватил с собой. Кейтель ответил отрицательно: нет, лично жену Бломберга еще ни разу не видел и пожелал, чтобы Гельдорф оставил ему документ, дабы потом он смог поговорить с Бломбергом по его возвращении. Гельдорф отказался – время не терпит! Тогда Кейтель переадресовал его к Герингу: тот, мол, видел эту женщину при венчании и сможет идентифицировать ее. Штаб Бломберга насчет содержания документа не догадывался и «отфутболивание» Гельдорфа к Герингу у него никаких подозрений не вызвало. Ведь Геринг как прусский премьер-министр и министр внутренних дел так и так являлся для берлинского полицей-президента непосредственным начальником.

Граф Гельдорф, будущий участник движения Сопротивления, вел себя по отношению к Бломбергу столь порядочно, что стремился дать тому первым увидеть документ о своей жене, зато Кейтель – столь же непростительно. Его реакцией и ошибкой было то, что он в отсутствие Бломберга направил Гельдорфа к Герингу. Это явилось той несчастной случайностью, которая послужила началом трагедии. Тот факт, что Гельдорф хотел пройти к Бломбергу незамеченным и неузнанным, говорит о следующем: он предполагал, что фельдмаршал о прошлом своей жены ничего не знает, и желал дать ему шанс на непривлекающий внимания выход из создавшегося положения.

Но так или иначе Гельдорф все же отправился к Герингу и

вручил ему документ. По свидетельству Боденшатца, Геринг был совершенно обескуражен и потрясен прочитанным. Позднее Боденшатц отвергал все обвинения в адрес своего шефа, будто бы тот оказал какое-то влияние на фабрикацию этого документа, подтверждая, однако, что Бломберг в декабре 1937 г. побывал у Геринга и попросил его о помощи в устранении своего соперника. Геринг решил проблему, отправив того за границу. Ставший известным, поступок Геринга дал пищу для слуха, будто он помог фельдмаршалу уж слишком охотно, чтобы открыть Бломбергу путь к этому браку и таким образом ввергнуть его в беду. Но никаких доказательств такого утверждения нет. Хотя Геринг, несомненно, и стремился сам занять пост главнокомандующего вооруженными силами, на такую подлость я считаю его не способным. Геринг знал отношение Гитлера к Бломбергу, Фричу и другим руководящим генералам сухопутных войск. Знал он и о признании фюрером приоритета этих войск перед другими составными частями вермахта. Полагать само собою разумеющимся, что в случае ухода Бломберга Геринг стал бы его преемником, никак нельзя.

Но Геринг, с присущей ему способностью приспосабливаться, во время визита Гельдорфа молниеносно сообразил: именно теперь он сможет использовать возникшую ситуацию себе на пользу! Вместо того чтобы прежде всего пойти с документом к самому Бломбергу, Геринг решил в качестве вернейшего паладина Гитлера взять сию преиеприятнейшую миссию на себя. Он знал, что инцидент сильно заденет фюрера, а потому хотел оказать ему поддержку.

Содержание беседы Гитлера и Геринга 24 января так и осталось неизвестным. Можно предположить, что не иначе проходил и разговор Гитлера с Хоссбахом, которого он вызвал в Имперскую канцелярию в 2 часа ночи, но, поскольку тот был в постели, разговор был отложен до утра. Хоссбах уже знал от Боденшатца, что Геринг, получив неприятную новость насчет жены Бломберга, отправился к Гитлеру и делал вид, будто не очень-то и жаждет встревать в это дело. Фюрер же разбираться в личных проблемах Бломберга считал себя неправомочным – такую миссию он охотно предоставил Герингу.

Оба следующих дня Гитлер провел совсем уединенно. Все встречи устраивал только в своих личных апартаментах, чего прежде я за ним не наблюдал. Появлялся лишь за обеденным столом.

Это придавало атмосфере в Имперской канцелярии что-то зловещее. Из-за общей неосведомленности о происходящем все чувствовали себя какими-то скованными, ощущали тревогу и

страх. В этот день, 25 января, первый день крупного кризиса, Хоссбах стал важнейшим собеседником Гитлера и непрерывно находился при нем. Мне это казалось само собою разумеющимся и правильным, ибо Хоссбах еще с 1934 г. был советником Гитлера по всем вопросам сухопутных войск и руководства вооруженными силами в целом. Он знал и все события, и всех лиц. Ему были известны все мысли фюрера по военным вопросам. Время от времени посещал Гитлера и Геринг. Мы смотрели на эти визиты с недовольством, ибо его критическое отношение к сухопутным войскам не было для нас тайной, как и его тщеславное желание занять место Бломберга. Но мы знали, что благодаря Хоссбаху представительство сухопутных войск находится в хороших руках. Гитлер нередко следовал его советам и считался с его точкой зрения. День прошел для нас, непосвященных, в большом напряжении. Об обсуждавшемся за закрытыми дверями мы так ничего и не узнали.

Только 26 января нам стало известно о тех роковых событиях, которые вызвала вторичная женитьба Бломберга. Имея такую жену, фельдмаршал никоим образом на своем посту оставаться не мог. Гитлер поручил Герингу поехать к Бломбергу и спросить его, что он сам думает по этому поводу. По сообщениям Геринга, содержание полицейского документа ошеломило фельдмаршала и он уже стал было раздумывать, не расстаться ли с женой. В противном случае, как пояснил Геринг, ему придется отказаться от занимаемой должности. Но Бломберг и от своей отставки, и от развода отказался. С этим известием Геринг вернулся к Гитлеру. Стало ясно: Бломберг должен уйти.

Я был согласен с Акселем Бломбергом и Бем-Теттельбахом, что до бракосочетания фельдмаршал о прошлом своей жены ничего не знал. Иначе на такой брак он никогда бы не решился. Нам было очевидно: эта женщина свое прошлое от него скрыла. Но ошибкой Бломберга было то, что при своей эксклюзивной должности имперского военного министра сам он до женитьбы не разобрался как следует в подробностях прошлой жизни своей будущей супруги.

Главными советчиками Гитлера в деле Бломберга являлись Геринг и Хоссбах, которые были едины в своей позиции против фельдмаршала. Геринг стремился заполучить его пост, а Хоссбах желал, чтобы пост этот занял Фрич. Оба хорошо знали Гитлера и умели на него влиять. Но влияние каждого из них на фюрера было неодинаково.

Само собою разумеется, Гитлер больше прислушивался к Герингу, чем к Хоссбаху. Сам фельдмаршал упрекал обоих в нетоварищеском поведении. Аксель Бломберг сказал мне с

большой горечью, что ни тот, ни другой с самого начала не предприняли ни одной попытки вступиться за его отца и помочь ему незаметно исправить свою ошибку. Обвинение же в недостойном поступке могло быть выдвинуто только в том случае, если бы он вступил в этот брак, заранее зная о предыдущей жизни своей новой жены. Но у отца не было возможности проверить данные, содержавшиеся в компрометирующем его документе.

Аксель считал, что Геринг и Главное командование сухопутных войск захотели вынести отцу приговор.

Точку зрения сына по-человечески можно было вполне понять. Но по государственным соображениям Хоссбах имел все основания действовать в истории с Бломбергом именно так. Он знал положительное отношение Гитлера к офицерскому корпусу и должен был сделать все для того, чтобы в моральном отношении ни на одного высокопоставленного офицера не легло бы никакого пятна позора. Но сколь необходимо было попытаться урегулировать все это тактично, показывало дело Фрича.

Кризис из-за Фрича

После того как вопрос об отставке Бломберга был решен, само собой разумеющимся для Хоссбаха являлось то, что его преемником станет Фрич. Поначалу и Гитлер тоже склонялся к такой точке зрения. Но затем он вытащил на свет Божий документ, который имелся еще с давних пор. Этот документ якобы доказывал противозаконные гомосексуальные извращения Фрича. Гитлер аргументировал происходящее так: если Бломберг столь провинился в выборе жены, он, фюрер, должен отсюда сделать вывод, что и выдвинутые против Фрича обвинения тоже верны, а потому видит себя вынужденным провести расследование.

Разговор между Гитлером и Хоссбахом насчет Фрича велся за закрытыми дверями и очень возбудил обоих собеседников. Фюрер приказал Хоссбаху о его содержании никому ничего не рассказывать. Но тот позволил себе возразить: ведь Фрич – его главнокомандующий, а потому он чувствует себя обязанным сообщить ему о выдвинутых против него обвинениях. Вечером 25 января Хоссбах побывал у Фрича и проинформировал его, а 26-го доложил Гитлеру содержание разговора с ним.

Весь день 26 января поначалу казалось, что Хоссбах поступил верно. Мы с облегчением вздохнули, услышав, что ему удалось повлиять на Гитлера в смысле назначения Фрича преемником Бломберга на посту имперского военного министра и главнокомандующего вооруженных сил. Но необычное оживление в Имперской канцелярии давало понять, что битва еще идет. Сначала появился имперский министр юстиции д-р Гюртнер{85}, а затем и «рейхсфюрер СС и начальник германской полиции» Гиммлер{86}. Это было дурным знаком для Фрича. В течение дня становилось все яснее, что враждебное по отношению к руководству сухопутных войск влияние Геринга на фюрера усиливается.

Вечером к Гитлеру явился сам Фрич, а потом вскоре его дважды посетил начальник генерального штаба Бек. Ему пришлось прийти в штатском, чтобы не привлекать внимания к тому, что в Имперскую канцелярию входит и выходит столь много генералов. Как я потом слышал, эти визиты к Гитлеру устроил Хоссбах. Но самым унизительным для Фрича в этот вечер стало то, что ему в присутствии Гитлера (был ли при том Геринг, не знаю, но предполагаю) была устроена очная ставка с названным в документе свидетелем обвинения – каким-то уголовником. Этот недостойный трюк, да еще в личных апартаментах главы

государства, подействовал на меня угнетающе. Но поскольку при том опять же присутствовал в качестве советчика Хоссбах, я все-таки решил, что в интересах быстрого решения дела в пользу Фрича без этой очной ставки обойтись было нельзя.

После обеда с прощальным визитом у Гитлера побывал и Бломберг. Он был уже в штатском. Примечательно, что потом его попросили свой уже запланированный отъезд из Берлина отложить. В первой половине 27-го Бломберг еще раз посетил Гитлера. Теперь он производил впечатление человека более раскованного и спокойного. Аудиенция, вопреки ожиданию, длилась долго. Как я узнал позднее, во время этой беседы фюрер обсуждал с ним как личные вопросы самого Бломбер-га, так и Фрича в качестве его преемника.

В ночь с 26 на 27 января и в первой половине 27-го Гитлер, под сильнейшим влиянием Бломберга и Геринга, принял свое решение. Прежде всего ошеломляюще подействовало то, что он, не дожидаясь результатов расследования по делу Фрича, приказал немедленно найти нового главнокомандующего сухопутными войсками. Фюрер захотел воспользоваться случаем, чтобы избавиться от Фрича. Второй обескураживающей неожиданностью стало появление в Имперской канцелярии Кейтеля тоже в штатском. Затем мы с величайшим удивлением услышали, что Гитлер не желает назначать Бломбергу никакого преемника и принимает его функции на себя, а Кейтеля назначает начальником собственного штаба в ранге имперского министра с титулом «начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта» (ОКВ).

Это решение фюрера вызвало в главных командованиях составных частей вермахта оживленную дискуссию. Меня атаковали вопросами и расспросами со всех сторон. Разумеется, в связи с последними событиями в Имперской канцелярии стало возникать множество всяких слухов, и я слышал о многих странных комбинациях. Сильнее всего была распространена точка зрения, что это – удар партии по вермахту, так сказать, месть за удар, нанесенный в свое время по Рему и СА. Гитлер, мол, не упустил случая захватить при этом в свои руки полную власть над вооруженными силами.

Мне же картина представлялась иной. Бломберга теперь упрекали в том, что это именно он навел Гитлера на мысль самому стать Верховным главнокомандующим вермахта; может быть, они даже беседовали вдвоем об этом. Желаемый фюрером разговор с Бломбергом 27 января объяснялся некоторой растерянностью Гитлера. Поэтому он и пригласил еще раз к себе фельдмаршала, который все эти пять лет стоял на его стороне.

Что может быть понятней этого? Гитлер знал, что Геринг только и ждет как бы стать преемником Бломберга. Боденшатц дал мне указание походатайствовать перед фюрером за назначение на пост Верховного главнокомандующего вермахта Геринга. Гитлер же в ответ совершенно ясно возразил мне: Геринг для этого не годится. Он ничего не смыслит в военной технике, он далек от элементарных задач руководства вермахтом. У него и без того есть огромное дело – Четырехлетний план{87}, да к тому же он еще и командует люфтваффе. А передачи командования ею кому-нибудь другому, скажем, Мильху, он никогда не допустит.

Такое же предложение насчет Геринга и с таким же отрицательным результатом сделал Гитлеру и Бломберг. Серьезность проблемы его преемника заключалось в том, что не было альтернативы. Не потому, что Гитлер не смог найти в сухопутных войсках генерала, подходящего на пост Верховного главнокомандующего вермахта, а потому, что Геринг дал понять: будучи главнокомандующим люфтваффе, он никакому армейскому генералу как главе всех вооруженных сил подчиняться не станет, фюрер не должен ждать от него этого. Возможно, тем самым Геринг хотел навязать свое назначение преемником Бломберга. Таким образом, Гитлер оказался в весьма трудном положении и должен был радоваться тому, что в беседе с Бломбергом выход все же был найден. Не стремление Гитлера к расширению своих командных полномочий, а требование Геринга о предоставлении ему еще большей власти – вот что было причиной, по которой фюрер принял решение самому стать преемником Бломберга. Имей Гитлер намерение по собственной инициативе устранить Бломберга и Фрича, нашлись бы более элегантные средства и пути осуществить это без скандальных историй.

Было бы неправильно приписывать Гитлеру желание приобрести тем самым всю командную власть над вермахтом. Он и так обладал ею со времени смерти Гинденбурга 2 августа 1934 г., когда стал главой государства и, следовательно, также Верховным главнокомандующим вермахта.

Другие господа из окружения Гитлера разделяют мою личную точку зрения, что он никогда не был так шокирован чьим-либо поведением, как женитьбой Бломберга. За восемь лет моей адъютантской службы мне не доводилось видеть ничего подобного. Даже полет Рудольфа Гесса в Англию в 1941 г. внутренне не затронул фюрера так сильно. С этим же скандалом для него рухнул целый мир. До данного инцидента глубокое уважение Гитлера к генералам было непоколебимым.

Смещение Хоссбаха

Следующую и еще более суровую неожиданность мне и Путткамеру в процессе этого трехдневного кризиса (как мы потом доверительно называли между собой все происшедшее) принесло 28 января. Гитлер высказал Кейтелю свое желание избавиться от Хоссбаха. Мы не находили этому решению оправдания и отказывались понимать его. Как мог фюрер в такой ситуации расстаться с этим офицером, которого он знал и которому доверял более трех лет!? Все мы считали Хоссбаха единственным приемлемым советчиком по всем вопросам руководства сухопутными войсками, включая и очень важное дело замещения высших постов в них. Путткамер дважды попытался вступиться за него перед Гитлером, считая, что увольнять Хоссбаха не следует. Гитлер проявил понимание этого демарша, но сказал, что решение его – необратимо. Реплика фюрера, что при последнем разговоре с Хоссбахом он оценил его как человека, подтвердила мое мнение: отношение Гитлера к нему не носило какого-то предвзятого личного характера. Гитлер воспринял поступок Хоссбаха (вопреки его категорическому приказу, проинформировавшего Фрича о существовании компрометирующего генерала документа) серьезнее, чем поначалу казалось. Только через два дня после разговора фюрер оформил его увольнение через Кейтеля, что глубоко задело Хоссбаха. Эти два дня стали для него роковыми: во-первых – неудачное, но желаемое им самим двойное подчинение начальнику генерального штаба сухопутных войск Беку и одновременно Гитлеру, а во-вторых – враждебность Геринга. Тот факт, что Хоссбах был смещен всего через два дня после своего непослушания Гитлеру, дает право сделать вывод, что и в этом сказалось влияние Геринга на фюрера.

Сам я находил поведение Хоссбаха в отношении Гитлера понятным, а как попытку вступиться за своего главнокомандующего – достойным уважения. Но я не могу не упрекнуть его за то, что он пошел на риск в неподходящий момент, поставив под угрозу и себя, и собственную должность. В своей оценке положения вечером 25 января Хоссбах должен был, безусловно, учесть, что он – единственный из офицеров сухопутных войск, кто пользовался доверием Гитлера. Только он один был в состоянии повлиять на фюрера в их интересах. Эту возможность он сразу же поставил на карту потому, что чувствовал себя не адъютантом фюрера, а доверенным лицом Фрича и Бека. Я и по сей день придерживаюсь точки зрения, что,

отреагируй Хоссбах иначе, и, несмотря на все обвинения и интриги против Бломберга и Фрича, можно было все же повлиять на принятие фюрером решения в пользу обоих генералов. Однако характер Хоссбаха, его моральные устои, его представление о профессии офицера не позволили ему пойти на компромиссы или же половинчатые действия. Доверить этому бескомпромиссному офицеру выполнение такой задачи, которая требовала наряду с твердостью также и гибкости, было ошибкой генерального штаба сухопутных войск.

Роль Кейтеля

В эти дни у Путткамера произошел разговор с Кейтелем, которого он резко упрекал за его поведение. Кейтель{88}, говорил он, без какой-либо опаски и возражений воспринял точку зрения Гитлера насчет историй с Бломбергом и Фричем. Его же долгом офицера было, особенно в случае с Фричем, прежде чем высказать свою позицию фюреру, самому разобраться в этом деле. Упреки Путткамера не произвели на Кейтеля никакого впечатления.

Насчет поведения Кейтеля следует сказать, что он, в противоположность своему предшественнику Рейхенау{89}, прямого контакта с фюрером не имел, за небольшим исключением в виде служебных встреч. Сам по себе он в качестве начальника штаба Бломберга никаких попыток сближения с Гитлером не предпринимал, хотя для его служебной карьеры это было бы полезно. Хоссбах тоже держал Кейтеля подальше от фюрера, опасаясь как бы он, подобно Рейхенау, не приобрел на него влияния. Таким образом, 27 января Кейтель оказался совершенно не подготовленным к этой ситуации, до которой еще не дорос. Он был хорошим военным организатором и потому переведен на должность, непосредственно подчиненную Бломбергу. Своей репутацией толкового офицера-генштабиста Кейтель был обязан прежде всего собственному неутомимому усердию и солдатской вышколенности. На политическом же и дипломатическом паркете он держался неуклюже.

Современным генералом Кейтеля назвать было нельзя. Для этого он слишком мало понимал в технике. Но мне сразу бросилось в глаза его какое-то утрированное тщеславие, причем относившееся не к собственной персоне, а к своей семье и своей фамилии. Будучи сыном самостоятельного нижнесаксонского землевладельца, он гордился тем, что достиг такого высокого положения. Но гораздо большей ответственности по сравнению со своей прошлой должностью Кейтель еще не осознавал. Поэтому в те кризисные дни он не сумел поддержать тесного контакта с руководящими генералами сухопутных войск, а обсуждал ситуацию только с подчиненным ему полковником Йодлем. Тем самым Кейтель с самого начала подверг себя упреку в том, что захотел отдалиться от армии и ее командования и поддакивал Гитлеру{90}. От этой дурной славы первых дней своего пребывания в новой должности он так и не смог избавиться никогда. В результате потом его зачастую оценивали неверно.

Странный эпилог

Путткамер рассказал мне и такой примечательный эпизод. Последний военно-морской адъютант Бломберга корветтен-капитан фон Вангенхайм, узнав о причине его отставки и переговорив с Редером, пришел к убеждению, что должен вмешаться в это дело. В военно-морском флоте распространилось предположение, что фельдмаршал всей правды о своей жене не знал, ибо тогда действовал бы по-другому. Поэтому Вангенхайм счел своей задачей напомнить Бломбергу об офицерском понятии чести. 29 января он выехал в Рим, где находился фельдмаршал, и потребовал от своего бывшего шефа сделать соответствующие выводы и развестись. Бломберг отказался. Тогда Вангенхайм заявил ему, что он запятнал и свою собственную честь, и честь офицера. Поэтому ему остается только один выход: лишить себя жизни, и положил на стол перед Бломбергом пистолет. От Бем-Теттельбаха я узнал, что произошло дальше. Бломберг позвонил из Рима Герингу, а также написал письмо Кейтелю, в котором сообщил, что обещал Гитлеру не накладывать на себя руки. Фюрер сказал ему: «Германии сейчас мертвый военный министр не нужен».

По возвращении в Берлин Вангенхайм вместе с Боденшатцем был вызван к Герингу. Тот находился в состоянии сильного раздражения и стал упрекать Вангенхайма в том, что его «самодеятельность» могла привести к чрезвычайно серьезным осложнениям. При этом Геринг добавил, что отчасти он шаг Вангенхайма понимает, но его вмешательство следует назвать необдуманным и самонадеянным. В то время как Путткамер поступок Вангенхайма одобрял, я его поездку в Рим считал ненужной и его точку зрения не разделял. Для меня было достаточно знать, что умышленно Бломберг не сделал ничего такого, что могло бы опозорить и его личную честь, и честь офицерского корпуса. История эта показала, сколь легкомысленно обошлись тогда с понятием чести. Впрочем, думаю, фельдмаршал любил свою жену и именно потому не разошелся с ней. Об этом говорит то, что они прожили вместе в Бад-Висзее до самой смерти Бломберга в 1946 г.

Шмундт

Теперь речь шла о том, чтобы найти преемника Хоссбаху. Гитлер поручил Кейтелю подыскать генштабиста, пользующегося доверием как его самого, так и Кейтеля, а не кого-либо другого. Тем самым фюрер намекал на двойственное положение Хоссбаха. Это указание Гитлера насчет преемника Хоссбаха давало понять его реакцию на события последних дней.

28 января 1938 г. «адъютантом вермахта при фюрере и рейхсканцлере» был назначен офицер генерального штаба майор Рудольф Шмундт. Ему исполнился 41 год, прибыл он из Лигница, где занимал должность начальника оперативного отдела (1а) штаба 18-й дивизии. Предложил его Кейтель, знавший этого офицера. Шмундт вступил в свою новую должность в необычайно трудных условиях. Как офицер генерального штаба, он преклонялся перед генералом Беком, однако тот при официальном представлении принял его сухо и формально. Этот прием горько разочаровал только что прибывшего в Берлин и ничего не знавшего о происходящем здесь Шмундта. Ведь генштаб был для него дом родной, а тут вдруг начальник этого штаба отнесся к нему так холодно. Аналогичным образом принял его и Хоссбах, отказавшийся передавать ему дела и переадресовавший его к Путткамеру, который случайно присутствовал при этой сцене. Более глубокая причина холодного приема Беком и нетоварищеского поведения Хоссбаха лежала в самоубийственном противостоянии ОКВ и ОКХ. С точки зрения Бека и Хоссбаха, Шмундт являлся «отступником», который при помощи приказа Гитлера избавился от подчинения начальнику генерального штаба сухопутных войск. Я был поражен низостью Хоссбаха по отношению к более молодому по стажу службы камераду. Мое уважение к нему уменьшилось даже сильнее, чем в связи с его, как мне виделось, ошибочными оценками во время кризиса Бломберг – Фрич.

Преодолеть трудности начального периода Шмундту помог Путткамер. Они знали друг друга еще по Потсдаму, где тот служил в 9-м пехотном полку, в частности в должности полкового адъютанта. Хорошим другом Шмундта еще с тех времен был полковник Хеннинг фон Тресков{91} – впоследствии принявший руководящее участие в Сопротивлении против Гитлера.

По моему первому впечатлению, Шмундт являлся полной противоположностью своему предшественнику. Если у того всякая сердечная теплота начисто отсутствовала, то Шмундт обладал явной коммуникабельностью, которую должен проявлять

офицер в отношениях с сослуживцами и подчиненными. К тому же Шмундт явно умел радоваться. Как и все вышедшие из рейхсвера офицеры, он был только солдат. Теперь же в его новой должности люди и новые задачи ставили перед ним, наряду с чисто военными, проблемы и политические. Ему пришлось сильно перестраиваться, для чего у него, однако, на основе обучения и характера имелись все предпосылки.

Я познакомился со Шмундтом 30 января, когда мы вечером собрались поглядеть на факельное шествие СА. Гитлер с балкона Имперской канцелярии приветствовал марширующие колонны. Государственный министр Майсснер, обычно по поручению фюрера, приглашал по таким случаям в Имперскую канцелярию видных лиц государства и партии, а также гостей вместе с их дамами к застолью Гитлера. В этом году такое светское мероприятие в самые критические дни своеобразно и весьма сильно контрастировало с настроением в окружении фюрера. Сам он желал, чтобы это очередное празднование памятного дня взятия власти{92} прошло так же, как проходило из года в год, дабы слухи о событиях последних дней не получили питательной почвы. Естественно, всех гостей мучило любопытство и они ожидали узнать что-то новое. Я же радовался хоть какой-то возможности отвлечься от своих мыслей.

Пока Гитлер следил за прохождением СА, мы подкреплялись холодными закусками и горячительными напитками. Именно в этом кругу Шмундт впервые и появился официально в Имперской канцелярии. Он был очень рад помощи моей жены, которая незаметно разъяснила ему, кто есть кто. А еще раньше она, увидев наше подавленное состояние, выразилась довольно резко: «У вас такой вид, будто налопались блевотины!» – тем самым очень точно охарактеризовав наше настроение.

Рейхенау – главнокомандующий сухопутных войск?

В числе первых задач Шмундту выпало вместе с Кейтелем быть советчиком Гитлера при выборе нового главнокомандующего сухопутными войсками. Поначалу фюрер имел в виду Рейхенау. Но против этого выступили все генералы, с которыми он разговаривал в те дни, особенно Кейтель и Рундштедт{93}, являвшийся самым старым по выслуге армейским генералом. Они опасались, что назначение Рейхенау на этот пост вызовет кризис в такой форме, что об отставке попросит еще большее число генералов. Рейхенау считался «пронырой» и «наци-офицером», ибо поддерживал постоянный контакт с партией. Кейтель сумел уговорить Гитлера отказаться от этой идеи по той причине, что Рейхенау не обладает необходимыми качествами. У него репутация человека ленивого и поверхностного, интересующегося больше делами политическими, чем военными.

Единодушное отклонение Рейхенау генералами явилось для меня непонятным. В 1934 г. во время кризиса из-за Рема он решительно взял на себя инициативу со стороны вермахта против СА, убедив Бломберга и Гитлера в необходимости пресечь попытки главаря штурмовиков установить их влияние на сухопутные войска. Таким образом, армии следовало быть ему весьма благодарной. Но генералы, во главе с Кейтелем, расценивали деяния Рейхенау иначе. Они опасались его превосходства. Пусть Рейхенау и «наци-офицер», но он генерал современного склада, кое-что смыслящий в военной технике да и не боящийся раскрыть рот, чтобы убедительно высказывать Гитлеру свое мнение и свои взгляды. В отличие от Браухича Рейхенау держался с Гитлером уверенно и самонадеянно.

Кейтель выступал за назначение Браухича{94} и получил от Гитлера поручение обсудить с последним все связанные с этим деловые вопросы. Подробности мне неизвестны. Слышал только, что до назначения Браухича велись беседы еше с несколькими генералами, и делаю отсюда вывод, что достигнуть согласия было трудно. Определенную роль играла здесь и проблема приватного характера. Браухич развелся с женой и собирался жениться вновь. Гитлер выделил на это требующиеся средства из своего личного фонда, которым управлял начальник его личной канцелярии Бойлер. Это послужило неудачным стартом. Удивляюсь, что фюрер пошел на такой выход. Была ли альтернатива Рейхенау – Браухич единственной? Кейтель торопил: он опасался, как бы

Гитлер опять не вернулся к кандидатуре Рейхенау. Меня потрясло, что генералы сухопутных войск куда более горячо добивались назначения генерала фон Браухича, чем реабилитации генерал-полковника барона фон Фрича.

Крупные перемены

Я был просто потрясен, когда 4 февраля 1938 г. узнал о масштабе перестановок и отставок. Геринг воспользовался случаем, чтобы избавиться в люфтваффе от тех старых генералов, которые были в 1934-1935 гг. возвращены на военную службу для создания этого вида вооруженных сил после того, как большинство их незадолго до того уволили из рейхсвера по сокращению штатов. Таким образом, их во второй раз отправили на пенсию. Сухопутные войска поступили так же, уволив ряд генералов старшего возраста, которым и так предстоял вскоре уход на пенсию. В генеральном штабе Бек уволил генерал-лейтенанта фон Манштейна, который занимал пост 1-го обер-квартирмейстера, а также являлся его заместителем и предназначался стать его преемником. Его место занял генерал-лейтенант Гальдер. Манштейн стал командиром дивизии в Лигнице: еще на прошлогодних маневрах вермахта Гитлер обратил на него внимание за четкие доклады обстановки.

Второе персональное изменение коснулось начальника Управления личного состава ОКХ. Фюрер потребовал его замены. Прежний начальник управления генерал фон Шведлер имел репутацию слишком консервативного. Снимая его, Гитлер рассчитывал на проведение нового курса в духе национал-социалистического воспитания армии. Преемником Швеллера был назначен младший брат Кейтеля генерал-майор Бодевин Кейтель. От кого исходило это предложение – от Браухича или от «большого» Кейтеля, – не знаю. Во всяком случае, последнему именно в этой напряженной ситуации следовало бы избежать упрека в семейственности. Но для доходившей до него критики он оказался слишком толстокож. Эта толстокожесть помогла ему в дальнейшем сохранить здоровье, а вот его младший брат физически своих обязанностей не выдержал. Путткамер еще тогда без обиняков разъяснил «большому» Кейтелю, что его брат начальником данного управления быть не сможет – вмешательство это оказалось тщетным.

Однако полной неожиданностью явилась для меня замена на посту имперского министра иностранных дел. Нейрату пришлось освободить свое место для Риббентропа. Таково было желание Гитлера. Но его беспокоило, как бы сообщение об этой замене в сочетании с военными перестановками не было воспринято мировой общественностью в качестве признака слабости системы. Сам же он намеревался достигнуть эффекта прямо противоположного. А потому ему показалось целесообразным

вместе с персональными перемещениями в вермахте произвести и другие замены в высших имперских органах. Однако у общественности все-таки возникло впечатление, что Гитлер уволил последних консервативных министров, чтобы поставить на их место верных ему национал-социалистов. Это не отвечало действительности. Новые господа в сухопутных войсках придерживались таких же консервативных воззрений, что и их предшественники.

Риббентроп был для партии аутсайдером{95}. Ведь, являясь самостоятельным торговцем, он успешно вел свои коммерческие дела и внутри страны, и за границей и был независим; к тому же свой контакт с Гитлером он установил без содействия партии.

Итак, Риббентроп пришел на пост имперского министра иностранных дел, не имея за плечами многих лет дипломатической службы и не будучи «старым борцом». При вступлении на этот пост он был встречен в Берлине не очень-то дружественно. Новый министр производил впечатление человека высокомерного и неконтактного и не умел снискать себе друзей. Однако Бем-Теттельбах, бегло говоривший по-английски и сопровождавший весной 1937 г. Бломберга в Лондон на коронацию Георга VI, рассказывал мне о корректном поведении супружеской пары Риббентропов на этих торжествах и многих связанных с ними светских мероприятиях. По его словам, Риббентроп произвел в дипломатических кругах весьма хорошее впечатление. Но в Берлине ходили и другие слухи, и распространялись они быстрее, чем положительные{96}.

Гитлер ценил Риббентропа и его советы. На рубеже 1937-38 гг. он передал фюреру памятную записку о германо-английских отношениях, которая, по моим наблюдениям, могла оказать влияние на его решение о замене тогдашнего министра иностранных дел. Во всяком случае, в то время мне не раз доводилось слышать от фюрера, что в вопросе о пересмотре Версальского мирного договора ему приходится рассчитывать на противодействие Англии. Риббентроп тоже подтвердил ему то, что услышал от Мильха и Удета: Англия усиленно вооружается. Мол, она решилась на войну, если ее интересы в Европе окажутся задетыми. Политическое и военное равновесие всегда стоит для Англии в центре ее внешней политики.

Памятную записку Риббентропа в полном объеме я прочел спустя уже многие годы после войны, в 1972 г., и постфактум понял, какую роль для Гитлера ей предназначалось сыграть в начале 1938 г. Риббентроп знал о его симпатии к Англии и своим меморандумом хотел предостеречь фюрера от недооценки английских политиков и их решимости защищать британские

интересы в Европе. Гитлер это предостережение понял, но в своем собственном духе.

Сегодня я убежден в том, что выводы Гитлера из памятной записки Риббентропа повлияли на его решения во время кризиса Бломберг – Фрич. Переход от «я могу ждать» к «я не смогу терять времени» произошел именно в те дни – между 24 января и 4 февраля 1938 г.

Активность Геринга – пассивность Гитлера

Угнетающие события конца января – начала февраля дали мне случай наблюдать поведение Гитлера в кризисной ситуации. Я увидел полную противоположность тому, что ожидал. Как и множество людей в Германии, я считал его тогда энергичным, уверенным в себе и стремящимся к решениям фюрером. Ничего подобного я в дни кризиса наблюдать не смог. Женитьба Бломберга вызвала у него настоящий шок, поставила перед неподготовленной ситуацией и потребовала от него решения. Из всего услышанного и увиденного я уяснил себе: Гитлер не знает, что ему делать. Это послужило мне доказательством, что смещения генералов он до кризиса 24 января не желал и не готовил. Имей он после беседы 5 ноября 1937 г. намерение поменять верхушку вермахта, у него было достаточно времени подыскать новых главнокомандующих. Герингу, казалось, была знакома нерешительность Гитлера в непредусмотренных ситуациях, и он знал, какой надо дать тогда совет фюреру и как повлиять на него, за исключением тех случаев, когда тот после долгих размышлений приходил к собственному мнению и затем уже с трудом поддавался или же вообще не поддавался никаким воздействиям.

Мне впервые стало ясно: экспромтом (к чему особенно имел склонность бывший летчик-истребитель Геринг) Гитлер никакого решения принять не может. Я пришел к выводу, что эта противоположная предрасположенность и есть причина их близкой доверительности и сотрудничества еще со «времен борьбы». Гитлер нуждался в Геринге для принятия своих решений. Как часто я слышал от него перед важными решениями: «Об этом я должен сначала переговорить с Герингом» или «А что говорит насчет этого Геринг?»!

Во время кризиса Бломберг – Фрич у нас поэтому часто складывалось впечатлене, словно правит Геринг, а не Гитлер. Геринг с его способностью быстро схватывать и молниеносной реакцией оказывал влияние на его действия. Что при этом Геринг преследовал и свои собственные цели, сомнений нет. Сам по себе, без влияния своих партийных советчиков, Гитлер, по здравому размышлению, возможно, принимал бы решения другие. Этому препятствовал Геринг.

В поисках объяснения недостаточной решительности Гитлера в принятии решений я столкнулся с его натурой художника. По

своему темпераменту он любил непринужденную вольную жизнь человека искусства, но ему не удалось систематично посвятить себя одной профессии. Короткое время до войны он с успехом рисовал в Вене и Мюнхене акварели и на это жил. Но после Первой мировой войны и ее несчастливого исхода в нем взяло верх другое желание – его фанатическая любовь к фатерланду. Как Риенци Рихарда Вагнера, он в конце концов уверовал в то, что призван спасти свое отечество. Но от склада характера и качеств художника он избавиться не смог.

Каждый художник живет в мире интуиции и ассоциаций. Они приходят не по команде, нужно время для их созревания. Политик, в котором по-новому проявилась натура Гитлера, в большинстве случаев не может воспринимать эпоху по своей прихоти. А если он воспринимает ее так, то совершает ошибку. Все крупные успешные решения Гитлера в первые годы до 1937 г. и в последующие годы, которые я уже провел при нем, он долго обдумывал и соответственно планировал их. Лично готовил во всех деталях и прежде всего заботился о выборе подходящего момента. До 1941 г. фюрер мог себе это позволить. А дальше уже диктовал враг, вынуждавший его принимать срочные решения. Это противоречило его натуре и вело к катастрофе.

Несостоятельность генералов

Я пришел к горькому выводу о несостоятельности генералов. У них тоже не хватало решительности в действиях. Они имели различные взгляды насчет национал-социализма, а также и насчет собственных задач и обязанностей. Некоторые с презрением говорили о «богемском ефрейторе»{97}, но все-таки оставались на своих постах и подчинялись ему, объясняя это тем, что таким образом уберегают вермахт от худшего. Держали дистанцию, ибо не знали, как вести себя с диктатором. Руководство сухопутных войск не желало замечать национал-социализма, хотя при этом ему было известно, что основная масса армии, а также ее офицерский корпус думали иначе и стояли на стороне Гитлера. Единодушия в ней больше не существовало. Между командованием и войсками возникала брешь даже при том, что оно, в общем и целом, старалось скрыть свое скептическое отношение к Гитлеру и национал-социализму. Зато органы партии хорошо знали об антинацистских воззрениях некоторых ведущих генералов. В результате партийная и государственная верхушка с подозрением относилась к сухопутным войскам и армия лишилась своего издавна неприкасаемого положения. Таким образом, кризис из-за Бломберга и Фрича возымел дурные долгосрочные последствия.

В этой связи в памяти моей остались два события. Однажды на квартире фюрера Геббельс в узком кругу, с особенным оживлением заговорив о происшедшем, сказал (передаю по смыслу): если бы дюжина генералов сама ушла в отставку, фюрер был бы вынужден уступить. Более ясно выразить то, какую битву проиграли сухопутные войска и вооруженные силы в целом, было невозможно.

4 февраля я встретился со своим братом в отеле «Кайзерхоф». Он тогда, будучи капитаном, проходил обучение в военной академии сухопутных войск. В этом кругу молодых офицеров о происшедших событиях знали только по слухам, но тем не менее живо обсуждали. Я рассказал брату все что знал, и он запомнил самое важное: подписание соответствующих документов состоится именно сегодня. По его воспоминаниям, я был особенно взволнован тем, что ни один из руководящих генералов не обратился к Гитлеру с настойчивым требованием реабилитировать генерал-полковника барона фон Фрича.

Насколько я могу судить, главная ошибка Гитлера в эти дни заключалась в том, что по вопросу обвинения Фрича он принял поспешное решение. Но генералы сухопутных войск не

использовали этот инцидент для открытой оппозиции ему, на которую имели право и которая являлась их долгом. Они не только не воспрепятствовали Гитлеру, но косвенно содействовали тому, что тот ход развития, который, как они считали, им следует остановить, а именно – политика фюрера в военной области – теперь набирал обороты.

Наибольшую пользу для усиления своих властных позиций извлек из ошибок обеих сторон Геринг. В лице Бломберга пал его последний соперник в борьбе за благорасположение фюрера.

Мои переживания во время этих событий были столь сильны, что ничего подобного за все восемь лет моей адъютантской службы я не переживал. Это, вне всякого сомнения, было связано с разочарованием, вызванным несостоятельностью генералов, к которым я до той поры, само, собою разумеется, питал уважение. Мои взгляды разделяли и другие. Своих единомышленников я находил и в Имперской канцелярии, и в главных командованиях родов войск. Консервативные круги рейха считали эту битву проигранной не только в результате решений Гитлера, но и из-за самого развития событий, а также из-за поведения главных действующих лиц из этих кругов.

Сам же я был глубоко потрясен поведением своих товарищей по сословию, но опасения насчет дальнейшего хода развития таил в себе. Следствием стала неустойчивость моего физического состояния, мучившая меня до самого конца войны. К тому же меня как адъютанта Гитлера по люфтваффе возмущало поведение Геринга. Фюрер ожидал от него совета и помощи в принятии решений в области государственной политики, а тот давал ему эти советы, исходя из собственных интересов. Я все больше отворачивался от Геринга и принимал сторону Гитлера.

В эти годы – 1937-м и 1938-м, – когда оппозиция генералов становилась ему все яснее, Гитлер неоднократно давал понять, что его меры против Бломберга и Фрича были правильны. Я слышал это из его уст неоднократно. И каждый раз с усилием сдерживался от возмущения, вспоминая, какую возможность упустили генералы из-за своего неправильного поведения перед лицом диктатора. Такое же впечатление возникло и у Шмундта, когда он узнал подробности. Все это давило на него, когда ему приходилось находиться между Гитлером и офицерским корпусом сухопутных войск. Но Шмундт смирился со свершившимися фактами и с ошибками своего предшественника.

Уже в 1938 г. я пришел со своими друзьями к единому мнению, что кризис Бломберг – Фрич стал судьбоносным для сухопутных войск. Не злоумышленность, а человеческие недостатки и слабости – вот что оказало свое влияние на ход

истории. Если бы Гитлер показал себя к тому времени «злодеем» или «преступником», то, по моему разумению, генералы решились бы действовать иначе. Ведь история с Бломбергом и Фричем фюрером не планировалась, а явилась результатом ошибок всех ее участников. В данной связи я слышал тогда слова о «самоубийстве генералов». К сожалению, сказать, кто первый произнес эти слова, я теперь не могу. Исход кризиса Бломберг – Фрич послужил началом поворота в истории Третьего рейха.

Послеродовые боли

5 февраля Гитлер созвал генералов и объяснил им причины принятых мер. К концу дня собрался имперский кабинет, чтобы заслушать заявление фюрера о происшедших событиях. Лично я ни на одной из этих встреч не присутствовал, а только видел, как министры с озабоченными лицами покидали Имперскую канцелярию. Разумеется, через несколько дней я уже знал все подробности. В обоих случаях председательствовал сам фюрер и говорил он о событиях последних дней в верхушке вооруженных сил и сухопутных войск. Никакое обсуждение места не имело, а поэтому назвать эту последнюю при жизни Гитлера встречу министров его правительства «заседанием» никак нельзя.

О деле Фрича Гитлер сообщил, что учрежденным для того военным судом в связи с предъявленными генералу обвинениями начато следствие. Учитывая эту меру, все, зная законы, полагали, что следует дождаться его окончания. Но так или иначе Фрич был отстранен, а новым главнокомандующим сухопутных сил уже стал Браухич. Многие видели в этом предрешение приговора. Так или иначе, но успокоения в кабинеты главнокомандований вермахта, сухопутных войск, военно-морского флота и люфтваффе это не внесло. Обнародование в прессе обширных кадровых перестановок вызвало новую волну споров, предположений и суждений. Многие офицеры и чиновники министерств, а также главных командований проводили немалую часть своего служебного дня, информируя других или подпитываясь информацией сами. И при этом каждый хвастался, что знает о событиях лучше остальных. Важничанье не знало границ. В тогдашней ситуации это было особенно дурно, потому что подаваемые с помпой россказни только плодили всякие безосновательные слухи.

Из кругов сухопутных войск, в том числе генерального штаба, я постоянно слышал вопрос: почему же Геринг не стал преемником Бломберга? Ведь он пользуется авторитетом и в армии, да к тому же послужил бы, с одной стороны, широкой спиной для сухопутных войск при защите их от партии, а с другой – привил бы им положительное отношение к Гитлеру и новому государству. Решение фюрера не назначать Геринга на место Бломберга долгое время оставалось самым широким кругам неизвестным. В результате получил новую питательную почву слух, будто Гитлер поступил так, чтобы самому непосредственно осуществлять всю верховную командную власть над вермахтом. Я встречался с таким мнением часто, но мне лишь изредка

удавалось убедить своих собеседников насчет подлинных, по моему представлению, причин.

Постоянный натиск и вечное стремление Геринга действовать привели к его вмешательству в дела командования вермахта, в организационные проблемы сухопутных войск и проблемы кадровые. Например, снова встал вопрос о структуре командных органов вооруженных сил, причем теперь не только сухопутных войск, но и военно-морского флота. Стали поговаривать даже о создании военно-морского министерства и министерства сухопутных войск. Кейтель ожесточенно боролся за объединенное командование вермахта и не испытывал никаких затруднений в том, чтобы его добиться, поскольку это отвечало намерениям Гитлера.

Не в последнюю очередь благодаря темпераменту Геринга и его поведению в кругу своих сотрудников события минувших недель не смогли сохраниться в тайне, как то было бы желательно. Геринг занимает различные посты, а следовательно, в силу своих многочисленных полномочий и поставленных перед ним задач, имея весьма расширенный круг сотрудников, он открыто говорит о вещах, которые его волнуют, кому попало, независимо от того, что должно оставаться секретным, а что нет. Это приводило к тому, что становились известными многие конфиденциальные дела и взгляды. Поскольку по большей части речь шла о вещах, касавшихся сухопутных войск, откровенность Геринга улучшению отношений между главными командованиями армии и люфтваффе никак не способствовала. Но и в министерстве авиации дело Фрича расценивали так же, как в сухопутных войсках. Надеялись, что производимое по распоряжению Гитлера военно-судебное расследование предъявленных обвинений приведет к полной реабилитации генерал-полковника. Однако Бек по-прежнему оставался мишенью для нападок со стороны люфтваффе за то, что он выступал против признания ее самостоятельным видом вооруженных сил. В высших органах люфтваффе так же сожалели насчет его дальнейшего пребывания на посту начальника генерального штаба сухопутных войск, как и приветствовали позицию Хоссбаха.

Но у имперского министерства авиации имелись и свои заботы. В январе, еще до кризиса Бломберг – Фрич, Геринг ограничил полномочия статс-секретаря генерала Мильха и подчинил непосредственно себе Управление личного состава люфтваффе и Техническое управление. Отношения между Герингом и Мильхом дошли до точки замерзания. Но обособиться друг от друга они не решились. Гитлер придавал значение тому, чтобы Мильх оставался в министерстве, ибо ставил его

профессиональные знания и умение в области авиации выше, чем соответствующие качества самого Геринга.

Новое положение Гитлера как Верховного главнокомандующего вермахта придало и большую, чем прежде, роль его военным адъютантам, одновременно поставив перед ними новые задачи. Это прежде всего коснулось Шмундта, но затронуло и нас с Путткамером. Гитлер распорядился, чтобы отныне мы вместе с адъютантом вермахта постоянно сопровождали его, независимо от того, куда он выезжал и где находился. Первая поездка но этому распорядку состоялась в начале февраля с кратким пребыванием в Мюнхене и на Оберзальцберге. «Дорожным чтивом» нам послужили составляемые имперским шефом печати д-ром Дитрихом или его секретарем Гейнцем Лоренцем сводки с откликами зарубежной прессы. Эти «белые листки» от 4-5 февраля, раздаваемые каждые несколько часов, сообщали о поразительных для всего мира кадровых перемещениях. Из сообщений следовало, что принятые меры рассматривались за границей в общем и целом как своего рода правительственные заявления. Английские газеты писали о расширении власти Гитлера.

Гитлер в Мюнхене

Распорядок дня Гитлера в Мюнхене был подобен берлинскому, но имел чисто приватный характер. По нему самому было заметно, что в этом городе он чувствует себя «дома». Однако нити, связывающие его с политикой, не прерывались и здесь. Сопровождение фюрера отвечало за то, чтобы он, где бы ни находился, был в любой момент досягаем и мог созвониться со столицей рейха. Гитлер придавал большое значение тому, чтобы его по телефону, телеграфу или через партийную штаб-квартиру постоянно держали в курсе событий.

Я на сей раз сразу по приезде фюрера прямо с вокзала отправился к себе на частную квартиру на площади Принцрегентплац и уединился в своей комнате с домоправительницей фрау Винтер, которая тут же сообщила ему все домашние новости. Она постоянно поддерживала контакт с Евой Браун и немедленно соединила его с ней по телефону. А пока мы, адъютанты, пили кофе и ожидали, когда нам объявят программу дня. Прежде всего Гитлер вызвал дежурного личного адъютанта и поручил ему выяснить, кто именно из намеченных гостей к обеду находится сейчас в городе. К мюнхенскому окружению фюрера принадлежали (они как раз и приглашались отобедать вместе с ним) фотограф, он же фоторепортер, профессор Гофман, вдова архитектора Трооста, гауляйтер Вагнер, автор проекта задуманной Гитлером перестройки Мюнхена профессор Гизлер, рейхсляйтер Борман, иногда – Шпеер, а также Герман Эссер{98}.

Программа дня началась с посещения мастерской фрау Троост. Оттуда Гитлер поехал обедать в «Остериа Бавариа». Этот ресторанчик фюрер любил еще со «времен борьбы», здесь он чувствовал себя особенно вольготно. Использовать пребывание Гитлера в Мюнхене для того, чтобы пообщаться с ним, всегда умела англичанка Юнити Митфорд, а потому она заблаговременно заняла себе здесь место. Вошедший Гитлер пригласил ее за свой стол. Она приходилась близкой родственницей лидеру английских фашистов сэру Освальду Мосли и была горячей поклонницей Гитлера. Ее политическими связями он пользовался в своих целях. Фюрер предупредительно, но дипломатично побеседовал с нею, поинтересовавшись политической обстановкой в Англии. Сам он тоже высказал свои взгляды на эту страну и ее политику, на германо-английские отношения, предполагая, что она, собеседница, донесет его мысли до своих соотечественников…

Беседы Гитлера в «Остериа» протекали непринужденнее, чем в Берлине или на Оберзальцберге. Объяснялось это тем, что стол был невелик, за ним могли плотно усесться всего человек семь-восемь. Гитлер здесь о политике никогда не говорил. Остальные посетители старались уловить каждое слово – так хотелось услышать, о чем беседуют за столом фюрера! Чаще всего разговор шел об искусстве, городских строительных проектах и связанных с этим вопросах. Мюнхенским гостям фюрера предоставлялся случай высказать ему свои пожелания и жалобы. Поэтому Борман всегда имел при себе толстый блокнот, чтобы записывать указания Гитлера или его высказывания.

После обеда отправлялись в «Дом германского искусства», где Гофман показывал фюреру картины и скульптуры. Если же предстояла очередная ежегодная выставка, Гитлер мог оставаться там даже несколько часов, чтобы до заседания жюри дать свою оценку экспонатам.

Суждения его носили весьма критический характер; мне не раз доводилось слышать, что уровень мюнхенских художественных выставок все еще не отвечает его вкусу{99}. Качество живописи и ваяния, по его мнению, может повыситься только через годы и десятилетия. В живописи Гитлер застрял в XIX веке. Если не говорить об импрессионизме и экспрессионизме, он был за продолжение традиций эпохи сентиментального натурализма. Для искусства это означало регресс, а отнюдь не революцию. Однако Гофману приходилось не однажды выслушивать его упреки, и даже тогда, когда выставлялась хорошая картина художника современного направления, он изголялся над нею. Гофман сразу сориентировался и как член жюри стал отбирать для выставки только то, что нравилось Гитлеру. Он являлся также уполномоченным фюрера по закупке картин.

На чаепитие Гитлер охотно отправлялся в «Чайную Карлтон». Сидя за столом в углу зала, он мог вместе со своими гостями и сопровождением спокойно и почти незаметно для окружающих попивать чай.

Летом его излюбленным местом служило кафе в «Доме германского искусства» с открытой террасой, выходящей в сад.

Во время поездок по городу или окрестностям от взгляда Гитлера не ускользало ничего. Он очень не любил, чтобы его обгоняли даже большие партайфюреры. Однажды на моих глазах его на бешеной скорости подрезала автомашина, в которой сидел рейхсляйтер Франк{100}, будущий генерал-губернатор Польши. Гитлер узнал его и через Бормана строго предупредил.

Шушниг на Оберзальцберге

Одновременно с сообщениями от 4 февраля было объявлено и о созыве рейхстага 20-го числа. Ему предстояло заслушать «Заявление имперского правительства», иначе говоря речь Гитлера. Подготовка ее послужила главной целью пребывания фюрера на Оберзалъцберге. Поэтому вполне понятно, что к нему обратился с просьбой принять его фон Папен{101}, только что в рамках больших перемен снятый с поста германского посла в Вене. Гитлер почувствовал себя обязанным удовлетворить эту просьбу, чтобы, вероятно, помочь ему преодолеть шок от проведенной без всякого предварительного уведомления отставки.

Разговор происходил наедине и длился дольше, чем ожидалось. Было нетрудно догадаться, что речь шла насчет австрийской проблемы и обсуждали они ее подробно. Австрийские национал-социалисты рвались к власти, а это было равнозначно аншлюсу Австрии к рейху. Самостоятельность ее находилась в опасности.

Беседа Гитлера с Папеном закончилась полной гармонией, и прощание было сердечным. Причин фюрер не скрывал. Папен предложил, чтобы Гитлер вскоре пригласил австрийского федерального канцлера Шушнига{102} на Оберзальцберг для беседы о назревших проблемах. Фюрер спонтанно подхватил это предложение, вновь назначил Папена послом в Австрии и поручил ему немедленно связаться с врнским правительством, чтобы договориться о дате встречи. Гитлер еще не говорил ни о вступлении германских войск в Австрию, ни ее аншлюсе. Он намеревался лишь потребовать, чтобы австрийские национал-социалисты были включены в состав правительства. Таким образом, пребывание фюрера в «Бергхофе» приняло другой оборот. Работу над речью в рейхстаге пришлось отложить. Все мысли Гитлера теперь были направлены на встречу с Шушнигом. Она должна была состояться в субботу, 12 февраля. Я получил задание обеспечить присутствие Кейтеля и еще одного-двух генералов сухопутных войск и люфтваффе, производящих особенно воинственное впечатление. Я назвал двух командиров корпусов – генералов Рейхенау и Шперрле. Фюрер с восторгом согласился. Я позвонил обоим в Мюнхен, не раскрывая смысла его приказания явиться.

Гитлер ожидал встречи с Шушнигом с напряжением. Австрия была его родиной, и мы находили понятным, что он надеялся в результате разговора с ним соединить обе страны в один союз,

который сорвался в 1918 г. из-за сопротивления стран Антанты.

12 февраля в начале дня прибыли Риббентроп и Кейтель, а потом и оба генерала. Гитлер принял их в большом холле своей виллы «Бергхоф» и объяснил обоим, что вызвал их лишь ради внешнего устрашающего эффекта. Их присутствие должно без всяких слов дать понять австрийским визитерам, что в случае необходимости наготове стоят и солдаты. Кейтель должен привыкнуть к тому, что ему придется замещать его на переговорах, если сам он по какой-либо причине вести их не сможет.

Папен встретил Шушнига и его статс-секретаря по иностранным делам д-ра Гвидо Шмидта, а также сопровождавшего адъютанта на германо-австрийской границе в районе Зальцбурга и доставил их на Оберзальцберг. Гитлер ожидал гостей внизу на ступенях лестницы в виллу. После взаимного представления и обычных в таких случаях фраз Гитлер и Шушниг поднялись на первый этаж в личный кабинет фюрера. Беседа их продолжалась много часов, а тем временем Риббентроп, Папен и Шмидт вели переговоры в холле. К обеду, на котором присутствовал и я, были приглашены Шперрле и Рейхенау. Разговор крутился вокруг самых разных тем. Шперрле рассказал о своих действиях в Испании, чем дал Гитлеру возможность указать на опасность большевизма. Первоначально предусматривалось, что встреча и закончится этим обедом. Как дурной признак для предыдущего хода переговоров мы восприняли тот факт, что они продолжатся и во второй половине дня. Поздно вечером, даже не оставшись на ужин, австрийцы уехали. Ни на одной из бесед я непосредственно не присутствовал, но никаких признаков какого-либо необычного оттенка этих бесед не замечалось.

Гитлер сам рассказал нам о них и поделился своими впечатлениями. Он потребовал от Шушнига прекратить преследовать национал-социалистов в Австрии, а тех из них, кто арестован, выпустить из тюрем и лагерей. Пост австрийского министра внутренних дел должен занять национал-социалист или человек, близкий партии. В качестве такового Гитлер назвал д-ра Зейсс-Инкварта{103}. В подписанном обоими главами правительств протоколе Шушниг дал заверение, что выполнит эти требования, но одновременно сослался на австрийскую конституцию, по которой изменения в составе кабинета может произвести только лишь федеральный президент Австрии. Итогами переговоров Гитлер остался недоволен.

Следующие дни он провел на Оберзальцберге в ожидании ответа Шушнига, который тот обещал дать в течение трех дней. 15 февраля ответ пришел, подтвердив принятие

«Берхтесгаденского соглашения» от 12 февраля. 16 февраля было объявлено о переформировании кабинета министров в Вене. Д-р Зейсс-Инкварт стал министром внутренних дел и одновременно министром безопасности Австрии. Вот теперь Гитлер был доволен! Он велел опубликовать в печати сообщение, что оба канцлера 12 февраля решили принять такие меры, в результате которых между обоими государствами должны установиться «тесные дружественные отношения».

За все эти дни, проведенные в его личной резиденции «Бергхоф», Гитлер лишь однажды заговорил со мной о последних изменениях в сухопутных войсках. Очевидно, под впечатлением встречи с Рейхенау он обмолвился, что предпочел бы назначить главнокомандующим сухопутными войсками именно его, но все были против. Фюрер назвал в данной связи фамилии Кейтеля, Бека и Рундштедта. Гитлер расхваливал Рейхенау и Шперрле, считая, что их присутствие возымело свое действие на Шушнига.

Речь в рейхстаге 20 февраля

16 февраля Гитлер выехал в Берлин, 18-го ему предстояло открывать Международную автомобильную выставку, а на 20 февраля было назначено заседание рейхстага. Пришлось одновременно готовить две речи. Для первой он написал конспект собственноручно, а речь в рейхстаге продиктовал. В последние дни и часы перед тем, как она будет произнесена, в квартире фюрера царила непривычная атмосфера. Все встречи отложены. Сам он даже не появлялся регулярно к обеду, а все время находился в личном кабинете. Там поставили пишущую машинку, и Гитлер диктовал прямо на нее двум попеременно сменявшимся секретаршам. Продиктовав несколько страниц, он тут же начинал их править. После этого текст снова перепечатывался и клался ему на стол. Случалось и так, что речь перепечатывалась дважды и даже трижды. Адъютант должен был все время находиться на месте, чтобы немедленно запросить из соответствующих инстанций статистические данные и другие необходимые материалы.

20 февраля я сопровождал Гитлера в «Оперу Кролля», где рейхстаг заседал со времени пожара в его здании в 1933 г. Мы, адъютанты, заняли свои места в первом ряду позади правительства. Геринг, председатель рейхстага, открыв заседание несколькими фразами, предоставил слово фюреру. Это было скорее не заседание, а сборище всех руководящих лиц партии. Речь фюрера напряженно ожидали по всей Германии да и во всех столицах зарубежных государств. Последние события заставили весь мир прислушаться к его словам.

Речь Гитлера давала понять, что он желал представить отчет о сделанном им за пять лет своего пребывания у власти, исполнившиеся 30 января 1938 г. Фюрер, как обычно, размахнулся очень широко и для доказательства подъема Германии с 1933 г. привел массу статистических данных. Когда же он дошел до перемен в верховном командовании вермахта и в главном командовании сухопутных войск, мне показалось досадным, что в качестве повода для прошений Бломберга и Фрича об отставке фюрер сослался на их состояние здоровья, как о том было официально объявлено 4 февраля в сообщениях печати. Среди присутствовавших в «Опере Кролля» не было, пожалуй, никого – ни депутата, ни дипломата, – кто бы не знал уже о закулисных причинах. Гитлер нашел дружественные слова для Польши, саркастические – для английской прессы, которая (как я имел возможность убедиться во время поездок в Мюнхен и

на Оберзальцберг) в течение нескольких дней сообщала о кризисе Бломберг – Фрич весьма критически. Фюрер высказался и по австрийскому вопросу, упомянул об угнетении 10 миллионов немцев по ту сторону границ рейха, но поблагодарил Шушнига за его готовность сообща найти путь для смягчения напряженности в отношениях между обеими странами. Не имел ли он при этом в виду, что Шушниг возьмет на себя такую же роль в Австрии, какую в Германии сыграл Папен для прихода Гитлера к власти? Такое сравнение пришло мне на ум еще 12 февраля, когда я увидел Папена и Шушнига вместе в «Бергхофе».

Грандиозная по замыслу речь Гитлера вызвала эхо весьма различное. Основная масса народа отреагировала на нее одобрительно или же нейтрально, небольшая часть консервативного слоя была возмущена или подавлена словами о событиях, связанных с Бломбергом и Фричем. Такие же чувства испытывал и я сам. По сравнению с другими речами Гитлера, до или после, эта речь привычного восторга не вызвала. Вопреки партии и национал-социализму широкие массы народа в основе своей являлись консервативными. Только один лишь фюрер пользовался неограниченным доверием, был почитаем и любим. Но именно в те дни критика в адрес партийных функционеров, этих, как их называли, «маленьких гитлеров», впервые была перенесена и на него самого. Но новые события быстро вновь отвлекли общественное внимание.

Через три дня после речи Гитлера в рейхстаге Шушниг выступил перед австрийским парламентом. Из его слов было легко понять, что он еще отнюдь не убежден в разрядке отношений между Австрией и Германией. Но фюрер воспринял эту речь спокойно, почти не отреагировав на нее.

Мое здоровье за последние недели довольно сильно ухудшилось, врачи четкого диагноза никак поставить не могли и считали, что мне надо просто отдохнуть. Гитлер посоветовал мне обратиться к д-ру Мореллю. Я сделал это с отвращением, но был поражен, узнав его как врача совсем с другой, не известной мне стороны – его непривлекательная внешность меня уже не смущала. Верх взяло доверие к добросовестному и вдохновенному медику. Теперь я лучше смог понять то доверие, какое питал к нему фюрер. Никаких органических заболеваний Морелль у меня не обнаружил, недомогания мои объяснялись неврозами. Чтобы избавиться от них, сделал я вывод из его диагноза, мне следовало бы сменить профессию. Мне были вредны постоянные вечерние и ночные бдения в штабе Гитлера и волнения моей повседневной службы. По совету Морелля мне пришлось отправиться в санаторий.

Аншлюс Австрии

Во время пребывания в горном санатории в Оберсдорфе я как-то от политики отошел и событиями не очень интересовался. Из газет я узнал, что 9 марта Шушниг, находясь в Инсбруке, заявил о предстоящем в воскресенье, 13 марта, народном голосовании в Австрии. Принимать в нем участие имели право только австрийцы, достигшие 24-летнего возраста. Они должны были ответить «да» или «нет» на вопрос о независимости Австрии. Этот избирательный маневр показался мне довольно подозрительным, особенно из-за его срочного проведения. Но причин для беспокойства для себя лично я в этом не увидел.

Посреди ночи на 11 марта я неожиданно был разбужен посыльным из местного почтового отделения: меня срочно вызывали к междугородному телефону. Меня предупредили: звонок – из Имперской канцелярии. У аппарата оказался Путткамер: я должен немедленно вернуться в Берлин! Я принял это невсерьез и ответил: даже не подумаю! Мне были знакомы телефонные розыгрыши со стороны ночных гостей Гитлера, желающих повеселиться. Предполагая, что стал жертвой подобных забав, я отреагировал на слова Путткамера с раздражением. Но тот не отставал. Постепенно я заметил, что он просто в отчаянии от своей неспособности убедить меня. Под конец он заявил: посмотри газеты! Вот тогда я наконец-то понял, что этот ночной звонок связан с событиями в Австрии, и ответил: выезжаю немедленно.

11 марта рано утром я экспрессом выехал из Оберсдорфа в Берлин. Напротив меня в купе сидел статс-секретарь министерства внутренних дел д-р Вильгельм Штуккарт. Он меня не знал, а я с ним не заговаривал. Но тот факт, что он ехал в Берлин, указывал на предстоящие важные события. Во второй половине дня я прибыл в столицу и сразу же поехал в Имперскую канцелярию. Там было полно народа. Я должен был немедленно доложить о своем прибытии фюреру. Он встретил меня со смехом, рассказав присутствующим о ночном разговоре, о котором узнал от Путткамера, и даже отпустил по этому поводу пару шуток, очень мило сказав мне: «Вы должны завтра обязательно присутствовать при этом!».

Да что же такое должно было произойти завтра? В ответ я услышал: «Будет унифицирована Австрия!». Что привело к этому, какие события предшествовали? Со всех сторон я по частям узнавал самые последние новости, пока не сложилась цельная картина. Она была такова. Встреча Гитлера с Шушнигом 12

февраля на Оберзальцберге настолько ободрила национал-социалистов в Австрии, что они стали еще энергичнее добиваться выполнения своих требований. Назначенным плебисцитом Шушниг хотел доказать, что большинство австрийского народа стоит на его стороне, а не на стороне Гитлера. Однако это народное «голосование», как я узнал, должно было пройти в форме народного «опроса». Оказывается, Зейсс-Инкварт, уже ставший в Вене министром внутренних дел, указал на то, что конституция Австрии народного «опроса» в такой форме, в какой его хотел провести Шушниг, не предусматривает. Федеральный канцлер не дал сбить себя с толку и известил о своем намерении Италию, Англию и Францию, а Берлин поставить в известность не счел нужным. Гитлеру пришлось узнать об этой новости из прессы и из сообщений радио. Он сразу же вызвал к себе эмиссара Клаузнера, руководителя австрийских национал-социалистов, и тот 9 марта рассказал ему подробности. Сначала фюрер дошедшим до него из Вены сообщениям верить не хотел, но теперь отреагировал молниеносно. Он почувствовал себя спровоцированным Шушнигом, увидел в его действиях нарушение Берхтесгаденского соглашения и приказал готовить вступление германских войск в Австрию. Вот что мне рассказали в Имперской канцелярии.

Результатом всего этого явилась порядочная неразбериха, ибо и политики, и солдаты были совершенно не подготовлены и оказались перед задачей, для решения которой обычно потребовалось бы гораздо больше времени. Гитлер вновь принял решение не после долгих размышлений, а сразу, ибо причиной этого быстрого решения послужили события в Австрии. Для поддержки он вызвал Геринга. Риббентроп в это время делал прощальные визиты в Лондоне – дополнительный признак того, что инцидент с Австрией на повестке дня не стоял и вовсе не служил (как тогда утверждалось) цели отвлечь внимание от дела Фрича.

Войдя вечером И марта в Имперскую канцелярию, я увидел Геринга активно действующим. Будучи полностью «хозяином положения», он чувствовал себя в своей стихии. Я оказался здесь как раз в тот момент, когда Шушниг заявил о своем уходе в отставку и ожидалось назначение Зейсс-Инкварта на пост федерального канцлера. Геринг непрерывно говорил с Веной по телефону, большинство этих его телефонных переговоров проходило в более или менее большой аудитории. Среди присутствующих я видел Нейрата, Бормана, Гиммлера, Геббельса, Кейтеля, Папена и Браухича.

Я смог понять, что австрийский федеральный президент

Миклас все еще медлит с назначением Зейсс-Инкварта. Поэтому обсуждался вопрос, следует ли вермахту вступить в Австрию или же нет. Но поскольку приказ войскам необходимо было (чтобы завтра все прошло как положено) отдать до 19.30, Геринг настаивал на том, чтобы Зейсс-Инкварт продолжал выполнять свои обязанности и прислал в Берлин телеграмму с просьбой к германскому правительству направить в Австрию войска с целью избежать кровопролития. Таким образом, Зейсс-Инкварт оказался вынужденным по настоянию Геринга по телефону запросить введения германских войск. А вскоре Миклас объявил о его назначении федеральным канцлером. Но было слишком поздно. Приказ уже поступил в войска. Акция началась. Люфтваффе было приказано загрузить свои бомбардировщики пропагандистскими материалами, листовками и флагами со свастикой, которые следовало на другой день разбрасывать над Австрией. Незадолго до того Шушниг в своем последнем обращении по радио к народу дал приказ австрийским войскам при возможном вступлении в страну вермахта отходить без сопротивления. Итак, стало ясно: завтрашнее вступление в Австрию сможет произойти в форме мирного занятия ее территории. Я никогда не сомневался, что именно так оно и будет.

Еще до своего отъезда на лечение я слышал, что наша адъютантура должна увеличиться на одного офицера. От кого исходило это требование, не знаю. Но предполагаю, в этом было заинтересовано ОКВ. Хотя Шмундт и был офицером сухопутных войск, Гитлер считал его человеком ОКВ. Однако сухопутные войска желали, как во времена Хоссбаха, иметь прямой доступ к Гитлеру без посредства ОКВ. Фюрер с этим согласился, но потребовал, чтобы это ни в коем случае не был офицер генерального штаба. Как я потом слышал, Шмундт тоже приветствовал усиление адъютантуры офицером сухопутных войск, так как это означало для него лично уменьшение нагрузки. Но в подборе кандидатуры он не участвовал и нового офицера не знал. Я же познакомился с ним впервые в тот бурный вечер. Это был 32-летний капитан Герхард Энгель из 27-го пехотного полка в Ростоке. Теперь нас, адъютантов, было четверо, по одному от каждой составной части вермахта, а также Шмундт в качестве старшего, так сказать, «Primus inter pares»{104}. В течение следующих пяти лет мы работали вместе дружески и без помех в качестве адъютантов нового Верховного главнокомандующего вермахта. Теперь мы стали военными адъютантами Гитлера, а не, как прежде, так называемыми «офицерами связи» фюрера с нашими видами вооруженных сил. Для меня ничего нового в этом не было. Личная адъютантура Гитлера одновременно была

усилена и еще двумя молодыми фюрерами СС – Вюнше и Вальсом, которые выполняли обязанности офицеров-ординарцев.

В субботу, 12 марта 1938 г., в 8 часов утра Гитлер вылетел с берлинского аэродрома Темпельхоф в Мюнхен-Обервизенталь. Три «Ю-52» предназначались для многочисленных сопровождающих. Большинство из них не знали ни о цели полета, ни о его местоназначении. Мы приземлились в Мюнхене около 10 часов, нельзя было не считаться с тем, что все это может оказаться акцией военного характера. В самолете Гитлера вместе с ним впервые летел Кейтель. По прибытии офицер командования Мюнхенского военного округа прямо на аэродроме доложил фюреру обстановку. Затем, мы пересели на знакомые нам по прошлогодним маневрам трехосные серые автомашины, и колонна устремилась вперед. Двигаясь с большой скоростью в открытых машинах при ледяной стуже, мы около 12 часов дня прибыли в Мюльдорф-на-Инне. Здесь фюрера встретил генерал фон Бок{105} – командующий 8-й армией (которая в самом спешном порядке была сформирована из дислоцированных в Баварии соединений сухопутных войск; кроме того, ей был придан переброшенный из Берлина полностью моторизованный лейб-штандарт СС «Адольф Гитлер»{106}). Бок доложил о передвижениях наших войск. Вот уже два часа как германские войска перешли границу Австрии, ликующее население встречает их с цветами. Имперский шеф печати дал обобщенную сводку первых откликов из заграницы.

После короткого разбора обстановки фюрер решил немедленно ехать дальше, в Линц. Никаких политических и военных осложнений он не ждал.

Около 15 часов мы выехали к р. Инн в районе Браунау, на границу между Австрией и Германией. На мосту возникла пробка из военных автомашин и жителей приграничных населенных пунктов. Машина Гитлера с трудом въехала на австрийскую территорию и в город, где он родился. Ликование было неописуемым. Звонили колокола, 120-километровая поездка от Браунау до Линца была подобна триумфальной. Мы продвигались куда медленнее, чем ожидали. Все шоссе были забиты колоннами вступающих войск, а в городах и деревнях мы едва прокладывали себе путь среди ликующих толп.

С наступлением темноты мы наконец прибыли в Линц. Люди уже часами ожидали на улицах появления Гитлера. На Рыночной площади был черно от людей. О продолжении поездки нечего было и думать, фюреру пришлось выйти из машины и пешком проделать путь до ратуши. Там его уже ожидал Зейсс-Инкварт. Они вместе поднялись на балкон. Я стал свидетелем

исторического момента, и он произвел на меня глубокое и незабываемое впечатление. Звучал колокольный звон, раздавались нескончаемые выкрики «Хайль!». Зейсс-Инкварту с трудом удалось добиться тишины и произнести слова своего приветствия. В кратком обращении Гитлера к собравшимся чувствовалась его глубокая взволнованность.

Сопровождаемые бесконечными возгласами «Один народ, один рейх, один фюрер! », мы поехали в отель «Вайнцингер». Суматоха в этом отеле, пока все наконец не разобрались, была неописуемой. Гостиничная кухня с трудом выдерживала такой натиск. Позвонить по телефону было совершенно невозможно. Имелась только правительственная связь для главы германского государства.

У гражданского аппарата фюрера дел было полно. Надо было писать законы, поэтому из Берлина затребовали Штуккарта, он прибыл в воскресенье. Уже вечером 12 марта Гитлер в оживленной беседе дал понять, что «никаких полумер» не желает. Сам он то находился под впечатлением невероятного ликования австрийского населения, то давал пищу для сообщений зарубежной прессы. Хотя иностранные газеты критиковали шаг фюрера и во множестве тенденциозных комментариев самым резким образом предупреждали насчет его последствий, но тем не менее признавали присоединение Австрии к рейху свершившимся фактом.

Штуккарт подготовил «Закон о воссоединении Австрии с Германским рейхом», и Гитлер подписал его в тот же день. Тем самым Австрия объявлялась «землей Германского рейха». Закон устанавливал дату проведения народного голосования – 10 апреля. Другое распоряжение провозглашало, что австрийское федеральное войско должно немедленно присягнуть на верность Гитлеру и таким образом стать составной частью германского вермахта. А затем произошло нечто и мне непонятное. Фюрер поручил гауляйтеру гау Саар-Пфальц Йозефу Бюркелю провести реорганизацию нацистской партии в Австрии, а позже назначил его имперским комиссаром по воссоединению Австрии с Германским рейхом, дав ему далеко идущие полномочия. По нашему мнению, тот факт, что Бюркель после плебисцита о присоединении Саарской области к Германии организовал там нацистскую партию, вовсе не означал его пригодности для Австрии. Саарец Бюркель должен был восприниматься людьми в «Остмарке» (как отныне стали именовать Австрию) в качестве инородного тела. Впоследствии выяснилось, что он действительно оказался наиболее непригодным для Австрии, и в 1940 г. Гитлер отправил его обратно в Саар. Но до этого он

причинил Вене много зла.

В понедельник, 14 марта, мы выехали в Вену. Ликование и восторг снова сопровождали нас на почти 200-километровом пути. Только во второй половине дня мы достигли бывшей столицы Австрии. В пригородах на нашу колонну особенного внимания еще не обратили. Но чем ближе к центру, тем больше людей стояло вплотную к кромке тротуара, а на фасадах домов можно было увидеть множество флагов со свастикой. Когда мы доехали до «Ринга»{107}, ликование приняло формы, близкие к экстазу. Гитлер остановился в отеле «Империал», в котором еще чувствовалась атмосфера «k. und k.» – «кайзеровско-королевских» времен. Перед отелем собралась огромная толпа, непрерывно выкрикивавшая: «Хотим видеть нашего фюрера!». К вечеру он несколько раз показывался на балконе.

Во вторник на «Площади героев» перед венским Хофбургом был организован большой митинг. Гитлер произнес с балкона большую речь. Он закончил ее ставшей известной фразой: «Как фюрер германской нации и рейхсканцлер я перед лицом истории заявляю о вступлении моей родины в Германский рейх!». Тем временем напротив памятника погибшим в Первую мировую войну, что установлен на «Ринге», соорудили небольшую трибуну, с которой фюрер во второй половине дня принял парад германских войск, уже вступивших в Вену. За немецкими солдатами промаршировал встреченный населением с особенным восторгом полк австрийской армии. В заключение прошел эсэсовский лейб-штандарт Гитлера. А в небе в это время в парадном строю проносились самолеты люфтваффе.

В промежутке между этими двумя торжественными мероприятиями Гитлер покинул отель и с небольшим сопровождением опять направился на кладбище (13 марта он побывал в Леондинге на могиле своих родителей). Поскольку я мало что знал о его прошлой личной жизни, причину этой поездки узнал лишь позже. Он захотел посетить могилу своей племянницы Гели Раубаль{108}, с которой долго жил вместе; в 1931 г. она покончила самоубийством в его квартире. Гитлер подошел к могиле один и оставался там долго. Мы могли только издали наблюдать за ним.

Перед отлетом из Вены Гитлер принял еще кардинала Инницера; встречу устроил Папен, а фюрер охотно согласился. Этим жестом он хотел подчеркнуть данное им Бюркелю указание сохранить независимость католической церкви в Австрии, что он и обещал кардиналу. Сообщение о посещении фюрера кардиналом привлекло особенное внимание прессы и оказало определенное воздействие.

Во время обратного полета в Мюнхен я приводил в порядок свои незабываемые впечатления последних дней. Открыто проявленным ликованием австрийский народ спонтанно выразил свое одобрение аншлюсу к Третьему рейху, а тем самым и приверженность праву наций на самоопределение. Сам Гитлер находился под впечатлением не ожидавшегося в такой форме успеха, он был глубоко тронут очень личными воспоминаниями о своей родине и связи с нею.

Совсем по-другому выглядела та картина, которую мне довелось наблюдать в отеле. Вернейшие сподвижники Гитлера – Борман, Гиммлер, Гейдрих{109} и Бюркель – говорили только об одном – об «унификации» Австрии. Шок, испытанный мною от назначения Бюркеля, усилился. Не приведет ли теперь то угнетение, которому подвергались в последние годы правления Шушпига австрийские национал-социалисты, к соответствующим контрмерам с их стороны? Переданные Бюркелю полномочия казались мне большой опасностью для достойной любви Австрии к рейху. Это было той каплей горечи, которая отравляла мне радость аншлюса.

Для нас, солдат, впечатления, связанные с Гитлером во время «дней аншлюса», были внове. Повсюду, где бы он ни появлялся, немецкие солдаты тоже встречали его с ликованием и приветствовали, но не обычным отданием чести по-военному – приложенной к головному убору рукой, а по-нацистски – рукой, вытянутой вверх. Это побудило Гитлера, Кейтеля и Шмундта 3 мая 1938 г. распоряжением по вооруженным силам ввести порядок, по которому солдаты тоже были обязаны приветствовать фюрера «германским приветствием». Впрочем, долгое время, вплоть до 20 июля 1944 г., все же сохранялось традиционное отдание чести по-военному.

Встреча Гитлера в Мюнхене, а во второй половине дня в Берлине была потрясающей. Ожидавший прибытия фюрера на аэродроме Темпельхоф Геринг обрушил на него целый водопад приветственных фраз. По прибытии в Имперскую канцелярию фюреру снова и снова приходилось выходить к берлинцам на балкон. Опьянение триумфом все еще не ослабло, когда через два дня, вечером 18 марта, Гитлер отправился в рейхстаг держать речь. В ней он обрисовал события, приведшие к вступлению вермахта в Австрию, и изложил причины, побудившие его столь быстро осуществить аншлюс. Он вновь в резких выражениях охарактеризовал позицию Великобритании, причем больше ссылаясь на сообщения английской прессы, чем на официальные заявления.

Основная масса народа, включая все его сословия, видела в

аншлюсе логический ход истории. Она не могла забыть несправедливость Версальского мирного договора 1919 г., в котором воссоединение Австрии с рейхом запрещалось Антантой. Слова, что присоединение Австрии к Германии является их «семейным делом», я находил весьма меткими. Казалось, заграница со временем тоже поймет это именно так.

В австрийском законе от 13 марта 1938 г. «О воссоединении Австрии с Германским рейхом» указывалось: все австрийцы – мужчины и женщины старше 20 лет – 10 апреля 1938 г. должны тайным голосованием по вопросу об аншлюсе решить судьбу своей страны. В речи 18 марта Гитлер объявил о роспуске германского рейхстага и назначил выборы нового, тоже на 10 апреля. В ходе совместного голосования немецкий и австрийский народы должны были подтвердить правильность политики фюрера и избрать первый великогерманский рейхстаг.

Предвыборная поездка

Как и в канун каждых выборов, Гитлер и на сей раз отправился в длительную предвыборную поездку. За период с 25 марта по 9 апреля он произнес 14 речей. Сопровождал его в этой поездке по «старому рейху» и «Остмарку» я. Речи его предназначались не только избирателям, ибо фюрер не сомневался в том, что подавляющее большинство обоих народов даст ему свое согласие на воссоединение Германии и Австрии. Слова его в первую очередь адресовались заграница. Красной нитью через все речи Гитлера проходили обвинение держав-победительниц 1918 г. и осуждение заключенного в парижском пригороде Сен-Жермен договора с Австрией, а также протест против Версальского договора с Германией. Провозглашенное президентом США Вудро Вильсоном «самоопределение народов», тоже способствовавшее тому, что германская армия сложила оружие, так и осталось неосуществленным для немецкого народа. Фюрер говорил о «насилии над правом» со стороны государств, победивших в Первой мировой войне, и об отказе ими немецкому народу в праве на самоопределение. Речи свои он обычно произносил без заранее составленного текста, пользуясь лишь немногими записками. Такие речи звучали темпераментнее и захватывали аудиторию сильнее, чем те, которые он зачитывал. Повсюду его встречали с ликованием и воодушевлением.

В этой поездке мне довелось наблюдать Гитлера и во время его публичных выступлений, и при его беседах с различными руководящими лицами государства и партии, а также в замкнутой обстановке спецпоезда в кругу хорошо знакомых ему людей. Он не произносил ни одного лишнего слова и говорил только то, что требовалось. Я все больше понимал, почему фюрер приобрел столько приверженцев и снискал себе такую любовь. Это объяснялось не только его успехами в экономической и социально-политической областях, а также в сфере внешней политики. Нет, это было в гораздо большей степени именно доверие к фюреру Адольфу Гитлеру, производившему на людей привлекательное и человечное впечатление, это была его способность понимать заботы и нужды народа. Однако образ Гитлера 1938 г., естественно, в результате последующих событий совершенно изменился, приобретя мрачные черты. Не умолчу, что той весной я вместе с другими целиком восхищался им.

Но два наблюдения все же заставили меня призадуматься. Во время этой предвыборной поездки мне бросилось в глаза, что стоило Гитлеру выйти на трибуну, как он начинал думать лишь о

пропагандистском воздействии своего выступления и своих слов на публику. В его же высказываниях и репликах в совсем узком кругу я слышал нечто другое. С момента вступления вермахта 12 марта в Австрию фюрер вот уже почти четыре недели находился под впечатлением окружавшего его всеобщего ликования. Это вызвало у него такое чувство, что своей политикой он выполняет наказ всех немцев и потому обязан не ослаблять усилий, направленных на благо народа и рейха. Дальнейшим следствием явилось убеждение Гитлера: кроме него самого, нет в Германии ни сейчас, ни в ближайшем будущем никого, кто может решить поставленную перед немецким народом задачу. Это породило в нем сознание своей мессианской роли, в результате чего он стал терять реальную почву под ногами.

После своей последней речи в Вене Гитлер в ночь с 9 на 10 апреля выехал в Берлин, чтобы там ожидать результатов голосования. В том, что «за» выскажутся свыше 90%, никто не сомневался. Сомневаться можно было только насчет того, не окажется ли этот итог (как уже случалось на проходивших ранее нацистских выборах) результатом всяческих манипуляций: ведь каждый гауляйтер стремился дать по своей гау самые высокие цифры! Сам же я никаких сомнений не испытывал. Манипуляции с голосами оказались незначительными. Окончательный итог 10 апреля гласил: «за» – 99,08% в «старом рейхе» и 99,75% – в Австрии. По моему мнению, это отвечало тогдашнему отношению народа к правлению Гитлера. Я и сегодня придерживаюсь той точки зрения, что после аншлюса Австрии «против» было в Германии не больше полумиллиона имевших право голоса. Слова фюрера в его речи в рейхстаге 18 марта действовали успокаивающе. «Дайте мне четыре года, – примерно так заявил он, – и я сделаю внешне завершенный аншлюс завершенным и внутренне!». После бурных первых месяцев 1938 г. это звучало весьма понятно. Прежде всего покой нужен был нам, солдатам, для дальнейшего построения вермахта. Мирное вступление в Австрию позволило осознать недостатки организационного и технического рода.

Пасху 1938 г. я провел в качестве дежурного адъютанта в «Бергхофе». Фюрер пригласил туда и мою жену. Приглашение это явилось для нас неожиданным, но объяснялось оно очень просто. Гитлер сказал: в Берлине или во время служебных поездок он с личной жизнью своих адъютантов считаться не может, так пусть пребывание на Оберзальцберге послужит им хоть какой-то компенсацией.

В «Бергхофе» я общался все с тем же кругом лиц, что и с первых дней моей службы при Гитлере. Ева Браун всегда

появлялась вместе со своей сестрой Гретль или двумя близкими подругами. Здесь же находились супруги Борманы и Шпееры, а также Брандт и Морелль, шеф печати Дитрих и Генрих Гофман. Дополняли этот круг два личных адъютанта и две секретарши. Четыре дня прошли в непринужденных беседах в приватной атмосфере, без каких-либо особых служебных дел. Фюрер до самой войны носил здесь всегда штатскую одежду. Во время трапез и долгими вечерами он часто беседовал об Австрии. О назначении Бюркеля уполномоченным партии в Вене и «Остмарке» он говорил, что национал-социалистическое мировоззрение последнего ему сейчас важнее, чем учет своеобразия венцев. Кстати, в дальнейшем хозяйничанье Бюркеля вызвало довольно недружественное отношение австрийцев к национал-социализму.

Государственный визит в Италию

По случаю своего дня рождения, 20 апреля, Гитлер выехал в Берлин, но вскоре вернулся на Оберзальцберг, так как перед предстоящим вскоре визитом в Италию хотел провести несколько спокойных дней в «Бергхофе».

Непривычной показалась мне его продолжительная беседа перед отъездом, 21 апреля, с Кейтелем и Шмундтом. Европейские кабинеты с каждой неделей все более критически реагировали на ошеломляюще быстрое германо-австрийское объединение. В такой же мере проявляли свое беспокойство и «фольксдойче{110}» в Чехословакии и Польше.

Австрия служила им наглядным примером, и призыв «Домой в рейх!» все громче раздавался особенно в Судетской области. Германия, в соответствии с провозглашенным после Первой мировой войны союзниками принципом «самоопределения народов», имеет право претендовать на эту область, доказывал Гитлер. Противники же видели в том «угрозу миру» со стороны Германии.

Блестящий государственный визит в Италию 3-10 мая 1938 г. прошел с большой помпой. По желанию Гитлера, он вместе со своим сопровождением должен был посетить не только итальянского короля. Ему было гораздо важнее уже самим подбором сопровождающих его лиц дать ясно понять, что в данном случае речь идет об ответе на визит Муссолини в Германию прошлой осенью. При этом выяснилось, что для подобного государственного визита такое количество сопровождающих фюрера министров и высших чинов чрезмерно велико. Государство и вермахт представляли Риббентроп, Кейтель, Ламмерс и Майсснер, партию – Гесс, Геббельс, Франк, Гиммлер и Бойлер, да притом – все с женами и каждый с собственным штабом. Поскольку ехали и многочисленные представители прессы, потребовалось целых три железнодорожных состава.

Замещать Гитлера в рейхе на время его отсутствия был назначен Геринг. В этом качестве он проводил фюрера хвалебной речью насчет «оси Берлин – Рим». Гитлер выглядел свежим и здоровым. Он радовался этой поездке, однако перед отъездом в первой половине дня написал свое завещание. Во время вступления в Австрию якобы был раскрыт план покушения на него. В вихре этих дней решительный злоумышленник легко мог бы осуществить свой преступный замысел. Это и побудило фюрера объявить Геринга в завещании своим преемником.

В Риме нам была пышно продемонстрирована вся роскошь монархии, подчеркнутая произведшими на нас сильное впечатление старинными памятниками архитектуры. Большую роль сыграл и придворный церемониал. Мне он показался излишним, но был необходим для внешнего и внутреннего престижа королевства.

4 мая вечером король устроил государственный прием во дворце Квиринал.

На следующий день вечером Гитлер, король, кронпринц и Муссолини, а также высшие германские и итальянские сановники отплыли на линкоре «Conte di Cavour» в Неаполь для присутствия на маневрах итальянского военно-морского флота. Сам я находился на борту одного миноносца и был поближе к месту действия. Путткамер похвалил быстро и точно произведенный выход миноносцев из узкой акватории порта. В дальнейшем ходе маневров на нас большое впечатление произвело эффектное одновременное погружение и всплытие 100 подводных лодок, не имевшее, однако, никакого военного значения.

Состоявшийся на третий день визита и с большим нетерпением ожидавшийся Гитлером военный парад принес нам разочарование. Танки и пушки не отвечали новейшему уровню военной техники. Гордость Муссолини «Passo Romano», это подражание прусскому парадному шагу (после поездки в Германию он ввел его для элитных частей вопреки сопротивлению своих советников), производило впечатление слишком скованного и какого-то судорожного, да к тому же и чересчур замедленного. Тем отраднее было видеть прохождение знаменитых итальянских горно-стрелковых частей, так называемых берсальеров.

Во второй половине дня Гитлеру пришлось пережить такой пункт программы, который оказался ему неприятен. Губернатор Рима князь Колонна, человек с внушительным обликом и чертами лица древнего римлянина, пригласил его на прием в Капитолий. Несколько сотен гостей заполнили прекрасные залы. Присутствовал весь королевский двор. После официальной церемонии высокие персоны вместе с немецкими гостями стали танцевать полонез. Танец этот вывел их цепочку в узкий уличный проход, в котором скопились любопытствующие. Во главе процессии шествовал Гитлер под руку с королевой. Эта ситуация показалась фюреру умаляющей его достоинство. Потом он говорил, что публика глазела на него, как на «редкостного зверя».

Воскресенье опять было посвящено демонстрации качества итальянских вооруженных сил. В первой половине дня итальянские ВВС показывали вблизи Чивитавеккья бомбометание

по морским целям. После обеда мы наблюдали учения сухопутных войск с боевыми патронами. Тяжелые пехотные орудия, пулеметы и минометы вели обстрел залегших пехотных частей. Оба учения показали опытность и высокий уровень боевой подготовки.

В понедельник, 9 мая, мы поездом отправились во Флоренцию, где нашим хозяином был Муссолини. Этот день доставил Гитлеру, как он часто вспоминал потом, особенное удовольствие. Будучи свободен от застывшего придворного церемониала и ограничений, фюрер полностью наслаждался искусством, восхищался красотой этого города.

Дни, проведенные в Риме, связаны для меня с одним памятным событием. Однажды я остался при Гитлере во дворце Квиринал на обед, который он устроил для самого узкого круга своих сотрудников в специально отведенной столовой. Когда лакей объявил о начале обеда, Гитлер велел мне занять за столом место, обычно предназначавшееся для самого старшего по чину из всех присутствующих. Я был совершенно обескуражен, ибо таких здесь было несколько. Жест Гитлера своей необычностью удивил и их.

Когда все расселись, Гитлер сказал (воспроизвожу по смыслу): «Вот там сидит тот, кто постоянно добавлял горькую каплю вермута в мое восхищение итальянцами». Он намекал на мое весьма отрицательное мнение насчет итальянской авиации, которое я, опираясь на собственное знакомство с ней еще с 1933 г., высказал в ноябре прошлого года в «Бергхофе». Тогда он моим сведениям не поверил: в его сознании никак не укладывалось, чтобы именно такой человек, как Муссолини, создавший фашистскую Италию, имел бы неудовлетворительные вооруженные силы. Теперь же он получил собственное представление и знает, в чем причина. Все дело в том, что итальянские вооруженные силы – не фашистские, а монархистские и Муссолини никакого влияния на дух войск вообще не имеет. Моя тогдашняя оценка итальянской авиации оказалась совершенно правильной.

Дальше разговор вертелся почти исключительно вокруг германо-итальянского союза. Гитлер признал, что союз этот базируется только на его дружбе с Муссолини. Он подчеркнул, сколь важным показал себя этот союз в дни кризиса из-за Австрии. Да, разумеется, он точно знает, что союз с Италией у немецкого народа популярностью не пользуется. Но ему не остается ничего иного, пока англичане упорствуют на своем Версале. Господа в королевском дворце, как выразился фюрер, насквозь пропитаны враждебностью ко всему немецкому. Дело за

тем, чтобы усилить позиции Муссолини.

Лестное высказывание фюрера произвело на меня очень сильное впечатление. В свое время он, оказывается, выслушал меня внимательно, не забыл моей оценки и вот теперь, в присутствии многих, признал свою ошибку. Слова Гитлера явились для меня новым подтверждением того, что он своего адъютанта все-таки услышал. Но я все еще задавал себе вопрос: почему же сухопутные войска и германский военный атташе в Риме не давали ему верной картины боеспособности итальянской армии?

Операция «Грюн» {111}

По возвращении из Италии Гитлер недолго пробыл в Берлине, а затем сразу же выехал в Мюнхен и следующие десять дней провел на Оберзальцберге. Шмундт ездил с ним как «дежурный». У меня появилось время посещать занятия в Военно-воздушной академии, позаботиться о своих контактах в министерстве авиации и сделать там соответствующие сообщения. Ешоннек с февраля стал начальником штаба оперативного руководства в генеральном штабе люфтваффе. Ему подчинялись оперативный отдел и отдел «Иностранные военно-воздушные силы», возглавлявшийся майором службы генерального штаба Беппо Шмидтом. С Ешоннеком и Шмидтом я в последующие годы хорошо сработался. С согласия Геринга и Штумпфа, мы взаимно информировали друг друга обо всех делах в командовании люфтваффе. Самое ценное в этих связях для меня заключалось также в том, что Геринг питал к обоим офицерам своего генерального штаба большое доверие и говорил с ними решительно обо всем, что слышал от Гитлера о сухопутных войсках, военно-морском флоте и люфтваффе. Взаимодействие между Герингом и его генеральным штабом развивалось вплоть до момента реорганизации министерства авиации.

С Ешоннеком беседовал и о последних событиях. 21 апреля Гитлер в коротком разговоре с Кейтелем и Шмундтом приказал приступить к генштабистской разработке подготовительных мер для военных действий против Чехословакии. Геринг сообщил о планах Гитлера Ешоннеку. Согласно его информации, фюрер ожидал нового обострения во внешней политике. В штабе Верховного главнокомандования (ОКВ) указание Гитлера о подготовке вооруженной акции против Чехословакии, как подтвердил мне Ешоннек, всерьез не восприняли. Слишком живы еще были в памяти успехи с Австрией и триумфальный визит фюрера в. Италию, чтобы утруждать себя мыслями насчет новых внешнеполитических проблем. В Берлине царило настроение беспечности.

Поэтому мы были немало удивлены неожиданным возвращением Гитлера в Берлин с упреками и обвинениями в адрес британского правительства. Причиной послужили высосанные из пальца сообщения английской и чешской прессы от 20 и 21 мая о сосредоточении германских войск на чехословацкой границе. В ответ на эти сообщения (как предполагал фюрер, источником их являлся Лондон) президент Чехословакии Бенеш объявил частичную мобилизацию. В

результате во всех европейских столицах, кроме Берлина, возникло ощущение кризиса.

Но чехословацкая мобилизация всполошила и 5 с половиной миллиона судетских немцев. Напряженность росла. В Эгере застрелили двух судетских немцев. Чехам и англичанам было известно требование Гитлера предоставить судетским немцам автономию. Но Бенеш не желал, чтобы с ним поступили так же, как с Шушнигом. Что именно послужило спусковым крючком для кампании в иностранной прессе и для частичной мобилизации, я так и не узнал. Все дальнейшее вызвало в Берлине реакцию только после того, как иностранная пресса распространила утверждение, будто в результате чешской частичной мобилизации и зарубежных угроз Гитлер отступил. Это явилось для фюрера сигналом действовать. 28 мая он созвал генералов на совещание в Имперской канцелярии. Теперь он был полон решимости принять необходимые меры для нападения на Чехословакию. ОКВ уже провело всю генштабистскую подготовку к нему под кодовым наименованием план «Грюн» – «Зеленый» план.

Это совещание тоже проходило в Зимнем саду квартиры фюрера. Кроме Риббентропа, я запомнил следующих участников: Геринг, Браухич, Кейтель, Бек, Штумпф, Йодль и Боденшатц, а также мы, адъютанты по вермахту, и личный адъютант фюрера Видеман, считавший себя вправе участвовать во всех заседаниях, к которым привлекался министр иностранных дел.

В этом узком кругу Гитлер дал себе волю. Державы-победительницы сами нарушили Версальский договор! За потребованным тогда от Германии разоружением должно было последовать их собственное разоружение. Этого не произошло. Получилась полная противоположность. Он больше не намерен бездеятельно взирать на это. Чехословакия в настоящий момент – самый опасный противник и, как показала объявленная 20 мая мобилизация, – серьезная угроза. К тому же пражское правительство не желает дать судетским немцам автономию в рамках своего федерального государства, между тем как угнетение их достигло уже невыносимого масштаба. Право на самоопределение народов – все еще не для немцев!

В оценке западных держав Гитлер пришел к выводу, что в этом году их вмешательства в конфликт опасаться не приходится. Своей кампанией в печати Англия доказала, что ей еще требуется время на вооружение. Франция же без нее действовать не станет, даже будучи обязаной заключенным с Чехословакией договором о взаимопомощи встать на защиту последней. К тому же он считает сегодняшнюю Францию более слабой, чем в 1914 г. Германия не

должна ждать, пока возникнет новая Антанта. В этом же году имеется благоприятная возможность придать конфликту Германии с Чехословакией ограниченный характер.

Затем Гитлер перешел к рассмотрению военных мер. Следует точно изучить возможности прорыва чешской линии укреплений, чтобы затем наметить главные направления наступательных клиньев. Он потребовал свести все танковые части в одно танковое соединение, которое должно будет быстро осуществить глубокий прорыв. Дабы проверить возможность подавления и разрушения чешских долговременных огневых точек, фюрер приказал построить несколько таких же блиндажей и подвергнуть их обстрелу тяжелой артиллерией и 88-миллиметровыми зенитными орудиями. Все приготовления следует закончить к 1 октября. ОКВ было приказано немедленно разработать и направить в войска новую директиву по осуществлению плана «Грюн». Нельзя обойтись также без формирования соответствующих новых соединений, в первую очередь танковых. Но требующее самых крупных расходов решение Гитлер принял, приказав сухопутным войскам тотчас же приступить к возведению Западного вала – сильной оборонительной линии с укреплениями типа дотов; она должна проходить вдоль западной границы Германии от Ахена до Базеля.

Не припомню, чтобы кто-либо из генералов сухопутных войск высказал на этом совещании какие-нибудь серьезные возражения против оценки Гитлером военно-политической обстановки для нападения на Чехословакию. Бек тоже остался нем, хотя все присутствовавшие, включая и самого Гитлера, знали: во многих пунктах его взгляды со взглядами фюрера расходятся. Он просидел все совещание с каменным лицом, точно так же, как и Риббентроп. У меня сложилось впечатление о принципиальном согласии.

Для нас, адъютантов вермахта, этот день, 28 мая 1938 г., стал началом новой эры. Отныне Гитлер все больше и больше захватывал в свои руки непосредственное командование вермахтом, а именно – сухопутными войсками. А мы все чаще оказывались его партнерами в беседах по всем военным вопросам. При этом фюреру было безразлично, к какой именно составной части вермахта принадлежал дежурный военный адъютант. Так получалось, что он обсуждал со мной и дела сухопутных войск, вызывая этим раздражение у Шмундта и Энгеля по отношению ко мне. Нередко он, к примеру, высказывал мне – офицеру авиации – свое мнение о тех или иных руководящих армейских генералах. Люфтваффе в тот период Гитлер занимался мало.

Совещание 28 мая показало, что он не только по названию стал преемником Бломберга в качестве Главнокомандующего вооруженных сил, но и был намерен на деле активно осуществлять верховное главнокомандование ими. Это совещание показало также, что не было ни одного генерала, у которого нашлось бы мужество оспаривать у Гитлера это его положение на вершине военной командной власти, а также проявить себя при том личностью крупного масштаба, будь то в рамках поддержки фюрера или же открытой оппозиции.

Со времени кризиса из-за Фрича в генеральном штабе сухопутных войск возникла тайная оппозиция во главе с генералом Беком. Указанное совещание и планы Гитлера, идя на риск войны, бросить сухопутные войска против Чехословакии, послужили толчком для ее активизации.

Фюрер и его узкий военный штаб ничего об этом не знали. Однако Шмундту было известно недовольство среди офицеров тем, что, с одной стороны, Фрича все еще не реабилитировали, а с другой – дуализм между ОКВ и ОКХ пока не был решен в пользу ОКХ. В этом напряженном состоянии приказ Гитлера разработать план войны оказался подобен динамиту. Шмундт был вынужден обратить внимание фюрера на критическое положение в сухопутных войсках. Геринг тоже прослышал об этом и разговаривал по данному поводу с Гитлером. Шмундт попытался установить между фюрером и Браухичем хотя бы сносные отношения доверия. Это ему не удалось, ибо Браухич находился под слишком большим влиянием Бека.

Шмундт не ослаблял своих усилий и добился того, чтобы Гитлер согласился сказать генералитету сухопутных войск свое последнее слово в деле Фрича. Военный суд под председательством Геринга с заседателями Браухичем и Редером оправдал генерал-полковника. Его защитник граф фон дер Гольц привел доказательства, настолько загнавшие в угол свидетеля обвинения, что тот признался во лжи. Но вопрос, кто же заставил этого свидетеля давать ложные показания, так и остался открытым, а закулисные лица – неизвестными и безнаказанными.

На авиационной базе в Барте, 13 июня 1938 г.

На понедельник, 13 июня, было назначено совещание генералов на авиационной базе Барт, около Штральзунда. Уикэнд Гитлер провел на партийном съезде гау Штеттина и в полдень прибыл оттуда в Барт. Его встречал начальник авиабазы капитан Аксель Бломберг, сын фельдмаршала. Фюрер с подчеркнутой серьезностью поздоровался с ним и беседовал на всем пути в офицерское общежитие. Я же был рад случаю снова повидаться и поговорить со своим другом. Речь у нас шла о том, останутся ли генералы довольны заявлением Гитлера. По моему разумению, это – их последний шанс добиться осуществления своих желаний и требований насчет реабилитации Фрича. Аксель же считал, что они не предпримут ровным счетом ничего. Прав оказался он.

В первой половине дня выступил Браухич. Он информировал собравшихся о ходе строительства Западного вала и о планах нападения на Чехословакию, по окончании обеда председатель Имперского военного суда генерал Хайтц зачитал заключение следствия по делу генерал-полковника барона фон Фрича и оправдательный приговор по этому делу. Затем Гитлер выразил свое удовлетворение тем, что невиновность генерала доказана, а самого себя выставил жертвой трагической ошибки. Однако восстановление бывшего главнокомандующего сухопутными войсками на прежнем посту невозможно, ибо он, фюрер, не может ждать теперь от Фрича полного доверия к себе. Он должен считаться с государственными соображениями и не может раскрыть перед нацией и всем миром это заслуживающее сожаления стечение обстоятельств. Фрич будет назначен командиром элитного 12-го артиллерийского полка в Шверине, что служит признаком позаимствованного еще от монархии почета. Гитлер посчитал, что таким образом он Фрича вполне реабилитировал.

О пребывании в Барте у меня и по сей день сохранились недобрые воспоминания. Пока Гитлер говорил, меня не покидала мысль: неужели генералы проглотят и это? Фюреру удалось очень ловко и впечатляюще вызвать у них понимание его позиции. Генералы не знали подробностей, еще менее им были известны те интриги, которые привели к низвержению Фрича. К узкому кругу посвященных принадлежали только те немногие, кто с самого начала занял позицию, противоположную гитлеровской, – такие, как Бек, Гальдер, граф фон Штюльпнагель{112}, фон

Вицлебен{113} и Гепнер{114}.

Другая, такая же небольшая, группа целиком и полностью встала на сторону Гитлера; в нее входили Гудериан{115}, Рейхенау, Кейтель и Буш{116}. Наверняка более трети из присутствовавших примерно 40 генералов можно было считать настроенными индифферентно. Мне казалось непонятным, почему ни один из них на задал вопроса, какие же государственно-политические причины мешали подлинной реабилитации – например, производству Фрича в генерал-фельдмаршалы. Никто не спросил, найдены ли виновные в клевете на него и привлечены ли они к ответственности. Имена Гиммлера и Гейдриха не прозвучали. У меня сложилось впечатление, что генералы давно отмахнулись от дела Фрича. Новые планы Гитлера были им куда важнее. И шанс установить доверие между фюрером и его генералами был упущен. Я придерживался убеждения, что Гитлер понял бы генералов, если бы они в приемлемой форме вступились за своего прежнего главнокомандующего. Это дало бы и ему шанс реабилитировать себя. Обе стороны должны были проявить заинтересованность в устранении всех помех между ними. Барт был последней возможностью для этого. Только один Шмундт мужественно и с сознанием своей ответственности постоянно вступался за Фрича, не находя при этом никакой поддержки у генералов.

Вмешательство Геринга в дела сухопутных войск

На следующий день после выступления Гитлера перед генералами в Барте Геринг попросил фюрера принять его для доклада. Я проводил его в Зимний сад, где уже ожидал Гитлер. По дороге Геринг повторял одно и то же: «Фюрер был прав! Фюрер был прав!».

Что же, собственно, произошло? В мае 1938 г. Гитлер осматривал линию укреплений, предназначенных для защиты восточной границы Германии между Одером и Вартой. Его сопровождали Браухич и инспектор инженерно-саперных войск генерал Ферстер. Гитлер провел осмотр весьма тщательно и заинтересованно. Молчание его при обходе объектов действовало удручающе. Все они устарели. Надземные башни блиндажей были вооружены только пулеметами. Этим танки не остановить. Через некоторое время фюрер, несколько удалившись с Браухичем и Ферстером от сопровождающих лиц, резко напустился на них обоих.

Из последующих разговоров с Гитлером выяснилось, что он пришел от увиденного просто в ужас. Веря прежним донесениям Бломберга, фюрер считал, что излучина Одер – Варта представляет собой более или менее современный укрепленный район. В мае 1938 г. он пожелал набраться там опыта и соображений для строительства Западного вала. Поскольку Бломберг в свое время докладывал ему об оборонительных сооружениях на Западе, особенно в районе Верхнего Рейна и Шварцвальда, Гитлер полагал, что на восточной границе дело обстоит так же. Под этим впечатлением он не ожидал иного и на Западе. Но чтобы быть уверенным, фюрер поручил проинспектировать западные укрепления Герингу. Командование сухопутных войск было глубоко задето таким решением и справедливо возмущалось, что сделать это не поручили его собственному уполномоченному. Геринг же чувствовал себя польщенным.

Геринг воспользовался этой возможностью для обвинений по адресу сухопутных войск, хотя ему, как и каждому, было известно, что армейские генералы за постройку укреплений на Западе не отвечали. Он доложил фюреру, что в так называемом «главном укрепрайоне Шварцвальд» не построено ровным счетом ничего. На горе «Истайнский чурбан», господствующей над южным отрогом Шварцвальда перед рейнской равниной, он

обнаружил только легкое пехотное оружие. Ни о какой линии укреплений между Ахеном и Базелем вообще нет и речи.

Геринг раздул целый пожар. Результатом явилось то, что Гитлер передал строительство Западного вала д-ру Тодту{117}. Фюрер вызвал к себе Браухича и сообщил ему: саперы должны лишь указывать, какие именно долговременные огневые точки должны быть построены в тех или иных местах, а за само строительство их отвечает только «Организация Тодта». Сам он имеет вполне определенные представления насчет того, каким должен быть Западный вал; свои идеи он изложит в специальной памятной записке, а потом направит ее Главному командованию сухопутных войск и «Организации Тодта». Понятно, Браухич был решением Гитлера шокирован, но еще более его поразило нетоварищеское поведение Геринга. Такое поведение фаворита фюрера оказывало отрицательное влияние на взаимодействие обоих Главных командований – армии и люфтваффе.

Задание Гитлера Герингу и тот способ, каким тот выполнял его, отчетливо характеризовали изменения, произошедшие а Главных командованиях в 1938 г. Геринг сумел выдвинуться в глазах фюрера на первый план в качестве представителя всего вермахта и таким образом сделаться необходимым фюреру. После отставки Бломберга Гитлер просто цеплялся за Геринга, он нуждался в таком доверенном человеке, с которым мог бы беседовать о вермахте, о генералах и своих военных планах. Оба они зачастую вели такие беседы целыми часами, о чем мы судили по их распоряжениям и случайным репликам. При этом Геринг был со своим штабом откровеннее, чем Гитлер с нами. В то же время чем сильнее становилось доверие фюрера к Шмундту, тем интенсивнее он использовал его как советника. Кейтель же функционировал только в качестве исполнителя указаний фюрера. К совещаниям по вопросам вермахта Гитлер его до войны не привлекал.

Новый стиль руководства

К новому стилю руководства вермахтом следовало подходить с совершенно другими масштабами, нежели к традиционному руководству в духе представлений генерального штаба сухопутных войск. Этому штабу новый стиль оказался непонятен. Ему не удалось приспособиться к изменившимся условиям. Результатом явилось то, что пострадавшее из-за кризиса Бломберг – Фрич взаимное доверие между фюрером и сухопутными генералами так и осталось невосстановленным.

Вследствие этого я оказался среди нашей адъютантуры в затруднительном положении. Шмундт и Энгель энергично старались установить доверие между Гитлером и Браухичем. Они с неодобрением наблюдали за поведением Геринга, который осложнял их усилия. Я не мог не присоединиться к их аргументам, но не мог и открыто занять позицию против Геринга: ведь он был моим главнокомандующим. С другой стороны, я считал пассивность армейских генералов со времен кризиса из-за Фрича непригодной для того, чтобы исключить влияние Геринга на дела сухопутных войск. Таким образом, я находился в состоянии раздвоенности, о чем мог поговорить откровенно только с одним Ешоннеком. Мой контакт с ним становился все более тесным и личным.

Я знал, что Ешоннек все сильнее становился самым доверенным советчиком Геринга и его назначение на пост начальника генерального штаба люфтваффе – лишь вопрос времени. Я просил Ешоннека раскрыть Герингу последствия его поведения и разъяснить, что в интересах целого было бы полезно, чтобы он содействовал установлению доверия между Гитлером и Браухичем. Я говорил Ешоннеку: Гитлер прислушивается к Герингу, тот может сказать фюреру все, что хочет, и способен повлиять на него. Ешоннек должен воздействовать на Геринга, внушив и наглядно показав ему необходимость основанного на доверии сотрудничества всех трех главнокомандующих – его самого, Редера и Браухича. Ешоннек полностью разделял мое мнение, но видел огромную трудность в том, что Геринг считал себя стоящим на одной ступени с Гитлером, а отнюдь не со своими коллегами из сухопутных войск и военно-морского флота.

Впрочем, у Ешоннека хватало и собственных забот. Он ожидал своего предстоящего назначения начальником генштаба люфтваффе со смешанными чувствами, ибо знал: сотрудничество с Герингом и его друзьями, летчиками времен Первой мировой войны, будет трудным. Ведь они самые близкие советчики

Геринга и принципиально настроены против генштаба, поскольку не желают признавать его претензии на руководство люфтваффе. К сожалению, Ешоннек потерял и доверие Мильха, а потому оказался довольно одиноким перед лицом поставленной Герингом генштабу задачи: удвоить силу люфтваффе, численность летного состава и зенитную артиллерию. Особенные опасения внушал ему приказ Геринга создать позади Западного вала так называемую зону воздушной обороны с оборудованными позициями для зенитной артиллерии и прожекторов. Для осуществления такой огромной программы вооружения не хватало необходимого сырья и подготовленных кадров – это были те узкие места, которые тормозили расширение люфтваффе. Геринг неоднократно обещал при помощи Четырехлетнего плана создать для своей люфтваффе привилегированное положение. Но на практике все это выглядело иначе.

Зона воздушной обороны «Запад»

Приказ Геринга о создании зоны противовоздушной обороны «Запад» явился типичным примером его тесного сотрудничества с Гитлером в тот год. В раздражении фюрера, вызванном сопротивлением сухопутных войск постройке Западного вала, Геринг увидел шанс показаться ему в хорошем свете. Зона воздушной обороны должна была протянуться в качестве второй линии Западного вала вдоль всей западной границы Германии. В качестве ее вооружения предусматривались главным образом 88-миллиметровые зенитные орудия (флак{118}) для противовоздушной обороны. Позиции их следовало оборудовать так, чтобы их можно было бы эффективно использовать и в наземном бою для отражения танков. Сухопутные войска рассматривали план Геринга как вмешательство в их дела и были этим недовольны.

Запоздалое вооружение люфтваффе?

Ешоннек критиковал решение Геринга как ослабляющее собственные задачи люфтваффе. Требовавшееся для увеличенного выпуска зенитных орудий сырье следовало в этом случае отбирать у производства самолетов и строительства аэродромов, причем в тот самый момент, когда на основе политического развития возможность войны против Англии впервые перешла в область генштабистского планирования. Правда, Геринг уверял своих сотрудников, что Гитлер желает примирения с Англией, а войны не хочет. Тем не менее задача генштаба – быть готовым ко всему. Ешоннек же был твердо убежден в том, что война в 1938 г. еще не грозит. Его основной заботой были выпуск самолетов и их поставка в войска. Он не питал никакого доверия возглавляемому Удетом Техническому управлению и боялся, что требования генштаба люфтваффе в отношении конструирования, производства и поставки бомбардировщиков выполнены не будут. Ешоннек радовался, что «Ме-109» хорошо зарекомендовал себя как истребитель. Истребители были страстью Удета. Что же касается бомбардировщиков, то он отдавал предпочтение пикирующим (они сокращенно именовались «штука»{119}), которые Ешоннек считал переходным вариантом до тех пор, пока нет хорошо работающих приборов наведения на цель для бомбометания в горизонтальном полете.

Я был успокоен тем, что в генеральном штабе люфтваффе царило ясное представление о вооружении летных частей, но заклинал Ешоннека подействовать на Геринга так, чтобы тот вел себя более трезво с Гитлером, не давал ему ложных обещаний и не допускал приукрашивания действительности. У меня сложилось впечатление, что у Гитлера имеется преувеличенное представление об эффективности действий люфтваффе, чем на самом деле; он целиком полагается в области авиации на Геринга и доверяет данным последнего. Что же касалось тогдашнего начальника генштаба люфтваффе генерала Штумпфа, тот политические отношения с Англией воспринимал серьезнее, чем Ешоннек.

Противоречие между серьезными опасениями и радостной беспечностью – вот что характеризовало настроение руководящих лиц государства, вермахта и партии в 1938 г. Широкие массы народа были счастливы и довольны… Доверие к Адольфу Гитлеру и вера в его стремление к миру захлестывали все опасения.

Глава II

Осень 1938 г. – август 1939 г.

Признаки кризиса

Моя служба снова началась поездкой – на этот раз 31 июля в Бреслау{120} на «Германский праздник гимнастики». Гитлеру захотелось посмотреть его. Особенно привлекали к себе внимание различные группы из заграницы, выступавшие в национальных нарядах. Народные группы судетских немцев проходили перед Гитлером с возгласами «Домой в рейх!». Это было захватывающей, но и внушающей тревогу демонстрацией. Лица выражали нужду и тревогу; Гитлер почувствовал это, сделав для себя вывод: освободить судетских немцев из чешской неволи. Фюрер открыто высказал, что немцы ни в Чехословакии, ни в Польше не имели той защиты, которая была положена им как национальному меньшинству по Версальскому мирному договору.

В Берлине я нашел уже измененную в персональном отношении адъютантуру. Путткамер после трехлетней адъютантской службы вернулся в войска и стал командиром миноносца, оставив здесь только друзей. Редер избрал в качестве его преемника корветтен-капитана Альбрехта и предложил эту кандидатуру Гитлеру.

Шмундт проинформировал меня о военных делах последних недель. Сам он производил впечатление человека подавленного. Строительство Западного вала и подготовка к операции «Грюн» еще более обострили противоречия между Гитлером и Главным командованием сухопутных войск (ОКХ). В связи с выступлением фюрера 28 мая Бек изложил свою точку зрения в нескольких памятных записках и попросил Браухича доложить их Гитлеру. По словам Шмундта, Браухич далеко не все представил фюреру в письменном виде, а изложил взгляды Бека устно. При этом разгорелась оживленная дискуссия и выявилась противоположность точек зрения. Бек сопровождать Браухича и лично высказать фюреру собственные взгляды отказался. Он полагал, что убедит Гитлера своими меморандумами, доказав, что германское нападение на Чехословакию неизбежно вызовет англофранцузское наступление на Западе, из чего в дальнейшем

может возникнуть новая мировая война. Гитлер попытался убедить Браухича в обратном. Шмундт находился под сильным впечатлением этих дебатов. Доверие Гитлера к Беку оказалось разрушенным. Фюрер дал Браухичу понять, что намерен «наконец-то» избавиться от Бека. Но (и это Шмундт воспринял трагически) между Гитлером и Браухичем тоже возникло отчуждение. Я увидел, что Шмундту известно гораздо больше, о чем он мне, офицеру люфтваффе, умолчал. Ведь Шмундт был по природе своей довольно недоверчив, а в служебных вопросах – скрытен. Тогда он еще не знал, что я в генштабе люфтваффе уже многое слышал о взглядах ОКХ и что Гитлер и со мной тоже не раз заговаривал о делах сухопутных войск, когда у него не было под рукой армейского собеседника. К моему сожалению, доверительного сотрудничества между мною и Шмундтом долгое время не получалось.

В первые дни августа я как дежурный адъютант поехал с Гитлером на Оберзальцберг. Фюрер занимался исключительно строительством Западного вала и планом операции «Грюн», а также вопросом, как убедить генералитет и высший офицерский корпус сухопутных войск в правильности своих взглядов. Я слышал из его уст множество упреков по их адресу и теперь смог понять причину удрученности Шмундта. Доверие Гитлера к генералам исчезало. Это изменение всего за один год, да еще непосредственно перед возможным началом войны, было достаточным основанием для того, чтобы следить за дальнейшим ходом событий с величайшей озабоченностью.

Отставка Бека

Из Берлина Гитлер (не знаю уж каким именно образом – то ли от Геринга, то ли от Рейхенау) узнал, что Браухич и Бек, докладывая собравшимся высшим генералам сложившуюся обстановку, подвергли его намерения резкой критике. Мол, нападение на Чехословакию с целью быстрого успеха свяжет все наличные германские силы. Западные державы немедленно используют этот момент для своего вооруженного вмешательства. Западный вал – совсем не та преграда, которая может их остановить. Услышав это, Гитлер пришел в ярость и тут же приказал Браухичу немедленно явиться в Берхтесгаден. Разговор состоялся с глазу на глаз в кабинете фюрера на втором этаже виллы «Бергхоф». Окна были открыты настежь, и весь этот возбужденный разговор можно было слышать со всеми подробностями. Он продолжался несколько часов. Голоса звучали все громче, и мы сочли за благо уйти с террасы под гитлеровским кабинетом. Возникла неловкая ситуация, которую я никогда не забуду. Ведь это был единственный за всю мою службу случай, когда Гитлер во время беседы так громко орал на генерала.

10 августа Гитлер приказал прибыть в Берхтесгаден всем ответственным за мобилизацию начальникам штабов армий и соответствующих соединений люфтваффе. В многочасовом выступлении он, дабы убедить их в своей правоте, изложил собственную оценку политической и военной обстановки. Обсуждение показало, что это удалось ему не полностью. Точно такие же опасения, какие имелись у Браухича и Бека, высказали и некоторые другие высшие штабные офицеры, но никаких новых убедительных доводов они не привели.

Итогом этих дней явился явный кризис доверия между Гитлером и генеральным штабом сухопутных войск. Но, как это видно из обсуждения и дальнейших разговоров, среди собравшихся офицеров единства взглядов тоже не было. Критика в адрес Бека усиливалась. Она относилась не столько к его взглядам, сколько к его поведению. Из-за своего пребывания в стороне он упустил возможность повлиять на Гитлера. Никакой личной и притом энергичной инициативы он не проявил перед ним уже в деле Фрича. Начальник генерального штаба должен был не писать, а действовать. Слух о том, что Бек хочет подать в отставку, вызвал реакцию совершенно разную. Одна часть офицеров такой шаг приветствовала, а другая говорила: «Это означает войну».

Я тоже считал, что, действуй Бек поэнергичнее, у него имелся

бы шанс на успех. От Гитлера я слышал, что первоначально он относился к Беку положительно. Это шло еще со времен до 1933 г., когда Бек командовал 5-м артиллерийским полком в Ульме. Трое его офицеров оказались подсудимыми на так называемом «рейхсверовском процессе» в Имперском суде в Лейпциге: их обвиняли в незаконной национал-социалистической деятельности в армии, поскольку таковая запрещалась. Гитлер вместе с Беком выступал на этом процессе свидетелем. Он подчеркивал мужественную защиту Беком своих лейтенантов-нацистов, что способствовало более мягкому приговору. Во время кризиса Бломберг – Фрич фюрер предлагал Бека в качестве преемника Фрича. Тот отказался принять этот пост до тех пор, пока Фрич не будет полностью реабилитирован. Это воспринималось тогда как особенно достойный уважения шаг. Теперь же об этом шаге сожалели, полагая, что непосредственное сотрудничество Гитлера и Бека положительно сказалось бы на положении сухопутных войск.

Я же больше склонялся к точке зрения, что Бек поступил так и в силу своей антипатии к Гитлеру, который в его глазах все еще оставался «богемским ефрейтором» и к демагогическим повадкам которого он все еще никак не мог привыкнуть. Ему была ненавистна и сама идея прихода к власти «маленького человека» и «простого солдата». Бек являлся офицером, которому как монархисту было трудно усвоить новый образ мыслей уже в 1918 г., а тем более в 1938 г. В качестве идеала перед его мысленным взором вставал королевско-кайзеровский прусско-германский «Большой генеральный штаб», который со всеми своими правами и обязанностями прямо подчинялся императору Германскому и королю Прусскому, будучи его первым и единственным советником по всем военным вопросам. Общаться же с диктаторами Бек обучен не был и не умел.

В последующие дни пребывания в «Бергхофе» Гитлер не раз вовлекал меня в разговор. У меня сложилось впечатление, что ему не столько хотелось услышать мое мнение по той или иной проблеме, сколько высказать вслух собственные мысли. Он говорил, что Браухич заявлял ему о своем желании расстаться с Беком, чего он, фюрер, уже давно ожидал. Вернувшись из Парижа после встречи с генералом Гомелеем{121} год назад, Бек повсюду распространялся о выдающихся качествах французской армии, которая все еще является сильнейшей в Европе. А ведь он даже и не видел ее войск, ибо ездил как частное лицо в штатском! Если бы он как следует изучил французскую армию, то смог бы лично констатировать, что она вооружена устаревшим оружием и обучена по-старому, а «линия Мажино» больше не. имеет

никакого значения. Французская армия почивает на своих весьма сомнительных лаврах 1918 г. и годится для военных действий не более чем прусская армия в 1806 г., когда она потерпела поражение от Наполеона.

Преемником Бека Браухич выбрал Гальдера, который уже несколько лет, будучи первым обер-квартирмейстером, являлся его заместителем. Я спросил Гитлера, согласен ли он с этим. Не могу себе представить, чтобы с приходом Гальдера в генеральном штабе сухопутных войск воцарился новый дух. Ведь сам Бек в конце января освободил эту должность своего заместителя для Гальдера, ибо считал, что сможет положиться на него больше, чем на его предшественника Манштейна. На это Гитлер воскликнул: «А ведь я хотел сделать тогда Манштейна начальником генерального штаба! Но мне сказали, что он слишком молод». На мой вопрос, почему же он не назначает его на этот пост сейчас, фюрер ответил: он должен предоставить решение Браухичу, для которого начальник генерального штаба служит опорой.

Уже спустя долгое время после войны я имел случай рассказать о том разговоре генерал-фельдмаршалу фон Манштейну. Это его совершенно потрясло, ибо он считал, что в феврале 1938 г. был смещен со своего поста в генштабе именно по распоряжению Гитлера. Он избавился от всех сомнений по этому поводу только тогда, когда я напомнил ему, что в феврале 1940 г. его сняли с должности начальника штаба при Рундштедте как раз по инициативе Гальдера.

Другими темами разговоров Гитлера в августовские дни 1938 г. на Оберзальцберге были план операции «Грюн» и строительство Западного вала. Он постоянно подчеркивал, сколь важно сосредоточение всех танковых соединений в сильный наступательный клин, который должен нанести главный удар и при помощи которого следует осуществить ошеломляющий и быстрый прорыв на всю глубину обороны противника. Я впервые услышал мысли фюрера о стратегии наступления, которые он положил в основу планов операций вплоть до 1942 г. и реализации которых он добивался от генерального штаба сухопутных войск уже теперь. Фюрер настойчиво подчеркивал: необходимо, чтобы остальные соединения сухопутных войск никоим образом не вгрызались в укрепления чешской оборонительной линии; надо и здесь использовать бреши для быстрого прорыва в глубину. Уничтожение отдельных дотов – задача дальнейшая. Он с большим нетерпением ожидает результатов пробных стрельб по блиндажам, специально построенных по чешскому образцу на военном полигоне в Ютербоге.

Строительство блиндажей было в то время любимым коньком Гитлера. Присущий ему дар вникать в ведение боевых операций и представлять себе воздействие того или иного вида оружия побуждал его требовать постройки дотов различного типа. Он распорядился, чтобы из амбразур блиндажей вело огонь только тяжелое оружие, т.е. артиллерия, противотанковые орудия (пак{122}) и станковые пулеметы. Самим же войскам блиндажи должны служить только местом размещения и убежищем. Бой они обязаны вести вне дотов, с заранее подготовленных открытых позиций.

Тем временем Гитлер продиктовал свои соображения насчет строительства Западного вала в майской памятной записке, врученной сухопутным войскам и «Организации Тодта». Такое живое участие фюрера в постройке Западного вала объяснялось не только его интересом к строительному делу и не только его коренной предрасположенностью к этому как архитектора и художника. Нет, оно было страстью изобретателя, вечно толкавшей его все дальше и дальше. Он постоянно набрасывал эскизы новых блиндажей или отдельных их узлов. Его неуемная фантазия подсказывала ему все новые и новые идеи, приводя в отчаяние инженерно-саперные войска, занимавшиеся оборудованием Западного вала.

Едва вернувшись в Берлин, Гитлер 15 августа провел испытательные стрельбы на полигоне Ютербог по смоделированным «чешским блиндажам» и по их окончании выступил перед собранными командирами армейских корпусов. Обстрел тяжелой артиллерией и 88-миллиметровыми зенитными орудиями показал превосходную пробиваемость чешских дотов, особенно зенитками указанного калибра. Придя к выводу, что чешские доты отнюдь не являются непоражаемыми, Гитлер и произнес свою речь перед генералитетом. Он сообщил генералам свое твердое решение: не позднее 1 октября напасть на Чехословакию. Он снова попытался убедить слушателей в правильности своей точки зрения, что война против Чехословакии не приведет к наступлению противника с Запада.

Речь Гитлера послужила для Бека последним толчком к тому, чтобы подать рапорт о своей отставке. Спустя несколько дней фюрер дал согласие. Преемником Бека был назначен Гальдер. Уход Бека отнюдь не произвел впечатления демонстрации, какое он, вероятно, представлял себе. Гитлер и Брау-хич уже довольно давно ожидали этого шага. Браухич даже в последние недели по служебным вопросам имел дело больше с Гальдером, чем с Веком. Поскольку существовала договоренность официально о замене не сообщать, предпринятый Беком шаг не произвел

никакого впечатления ни на общественность, ни на сухопутные войска.

Для меня лично Бек стал определенным символом еще с 1933 г. В то время он был начальником Войскового управления рейхсвера (так называлась его тогдашняя должность), и каждый молодой офицер видел в нем образец для себя. Часто общаясь в 1934-1935 гг. преимущественно с начальником генерального штаба люфтваффе генералом Вефером, я не раз слышал, как он с уважением отзывался о Беке. Это произвело на меня большое впечатление. Бек был человеком, который во всех своих действиях и при выполнении всех своих задач руководствовался идейными соображениями, не учитывая, однако, того, что политика – дело грязное. Он хотел оказывать влияние на политику Гитлера, сам методами политики не владея. Все его усилия и памятные записки оказывались безрезультатными. Будь они более решительными и энергичными, они могли бы принести рейху неоценимую пользу. Бек сошел со сцены как трагическая фигура, но при этом остался уважаем как своими приверженцами, так и противниками.

Неудачно сложилось посещение Гитлером учений 2-го армейского корпуса 19-20 августа. Его командиром был генерал Бласковиц{123}, офицер с прекрасной репутацией еще по службе в рейхсвере. Фюрер вернулся в Берлин возмущенный и подверг критике взгляды Бласковица на применение танков. По Гитлеру, тот – точно так же, как французы, – считал танки просто тяжелым оружием пехоты. За этим следовал язвительный намек на Бека, который привез такое суждение из Франции и не понял, что оперативное применение танков обеспечивает размах для продвижения вперед и тем самым дает превосходство над противником. Бласковиц так и остался для Гитлера генералом, не пригодным для командования танковыми соединениями.

Я на этих учениях не присутствовал, потому что как раз в те несколько дней начальник генерального штаба французских военно-воздушных сил посещал наши авиационные базы и самолетостроительные заводы. Я встречался с ним по некоторым официальным поводам и на приемах. Цель этого визита была обговорена Гитлером с Герингом и служила, по замыслу фюрера, его программе запугивания. Сопровождавший гостей Мильх мастерски сумел «подать» люфтваффе как можно эффектнее. На заводах Юнкерса, Хейнкеля и Мессершмитта выпуск самолетов шел полным ходом. Картина была весьма впечатляющей. «Ме-109» и «Хе-111» были продемонстрированы гостям также в полете, произведя на них очень сильное впечатление, ибо французские военно-воздушные соединения были оснащены

устаревшими типами самолетов.

Германская люфтваффе могла претендовать на превосходство над французской военной авиацией. То представление о ней, которое смогли увезти с собой во Францию иностранные визитеры в отношении ее достижений, основывалось на фактах. Мильх сблефовал только насчет числа самолетов в соединениях и находящихся в производстве. Я же должен был содействовать тому, чтобы отбить у французов всякий вкус к вмешательству в германо-чешский конфликт. Беседа Гитлера с французским генералом 18 августа в Имперской канцелярии полностью служила этой цели. Геринг выбрал верный момент для его приглашения.

Летом 1938 г. Геринг, полностью осведомленный о планах Гитлера, поддерживал тесный контакт с послами Англии и Франции. Сэр Невилл Гендерсон был настроен прогермански. Франсуа-Понсе со своей очаровательной женой пользовался в Берлине большой любовью. Супруги Геринги старались на личной основе поддерживать через них добрые отношения с этими обеими важными странами. Приватная атмосфера, царившая в их поместье «Каринхалль» в Шорнфельде, примерно в 50 км севернее Берлина, предоставляла для того наилучшие возможности. Приглашение в имение Геринга считалось тогда в Берлине признаком избранности, и никто не упускал случая им воспользоваться.

Инспекционная поездка на Западный вал

Непосредственно после визита венгерского государственного регента адмирала Хорти{124} с 21 до 27 августа (внешним поводом послужило освящение в Киле крейсера «Принц Ойген») Гитлер отправился в инспекционную поездку на еще сооружавшийся Западный вал. В – этой его продолжительной и первой чисто военной поездке приняли участие Кейтель и Йодль. В противоположность предыдущим приятным дням государственного визита, главный груз которого пал на адмирала Альбрехта, поездка по Западному валу была напряженной, сопровождалась многими совещаниями в штабах сухопутных войск, а также осмотром строящихся блиндажей и выбором пунктов для новых.

В первой половине 27 августа мы прибыли на станцию Паленберг, севернее Ахена. Там Гитлера встретили д-р Тодт и командующий войск на западной границе генерал Адам{125}. В помещении для обсуждения обстановки в командном вагоне спецпоезда генерал приступил к своему вводному докладу. Но Гитлер ожидал вовсе не этого, а отчета о достигнутых результатах и о предполагаемом дальнейшем ходе работ. Однако на этих вешах генерал Адам как раз и не остановился. Вместо того чтобы как высший компетентный начальник доложить именно то, что интересовало фюрера, генерал заговорил совсем о другом. Не успел он сказать и нескольких слов, как в воздухе запахло катастрофой. Ведь Адам воспользовался возможностью изложить Гитлеру свое понимание военно-политической обстановки: в случае германского вступления в Чехословакию следует считаться с наступлением французов и англичан на Западе. Требуемое фюрером оборудование Западного вала в этом году в значительной мере осуществлено быть не может. Я ощутил ошибочным не само содержание доклада, а скорее ту высокомерную манеру, в которой он был преподнесен. Нельзя было не почувствовать то презрение, которое Адам питал к Гитлеру, и тот резко оборвал его.

Сцена между Гитлером и Адамом оставила весьма тягостное впечатление. Адам был предшественником Бека на посту начальника генерального штаба сухопутных войск и известен как рьяный противник Гитлера. Он принадлежал к кругу тех генералов, которые уже до 1933 г. считали фюрера «отвратительным парвеню», желающим вместе с функционерами

НСДАП осуществить социалистические и антихристианские принципы. Из этой, антипатии к Гитлеру выросла с 1937 г. их враждебность к внешнеполитическим и военным намерениям фюрера. Но в своей оппозиционности к нему они, казалось, упускали из виду, что Гитлер о ней знал как по собственным наблюдениям, так и от Геринга, а также по донесениям партии и гестапо. Для нас, знакомых с внутренней взаимосвязью событий, эта сиена с Адамом означала ужесточение отношения Гитлера к сухопутным войскам, явилась признаком такого хода развития, который мог принести только вред решительно всем. Вот почему поездка на Западный вал стала столь угнетающей.

Как уже сказано, поездка началась с района Ахена, и за четыре дня мы проехали вдоль всей западной границы. Прессе об этой поездке сообщать запретили, чтобы заграница оставалась в неведении насчет состояния строительства крепостных укреплений. Тем не менее следовало предполагать, что зарубежные разведывательные службы знали все в точности. Обширные строительные площадки с огромным количеством людей и автомашин не заметить не мог никто. Размах строительных работ, начатых в мае этого года, производил внушительное впечатление. Повсюду, где Гитлера узнавали, рабочие-строители из «Организации Тодта» и используемой там «Германской трудовой повинности» встречали его с ликованием. Не меньшим был и восторг населения, хотя многим крестьянам и пришлось срочно отдать под строительство свои плодородные поля. Неоднократно доводилось видеть неубранные злаки, поскольку снять урожай было затруднительно.

Закончилась же поездка на возвышенностях Шварцвальда и на берегах Верхнего Рейна, прямо напротив французской «линии Мажино». Гитлер попытался в стереотрубу детально разглядеть ее сооружения и определить методы их строительства. Но увидеть удалось не очень-то много. Фюрер еще раз подверг критике наши оборонительные укрепления бломберговской поры. Своими точными знаниями строительного дела и технической стороны постройки блиндажей он просто приводил в отчаяние офицеров-саперов. Но такое же отчаяние испытывал и он сам от непонятливости этих офицеров.

Создание войск СС

Август принес решение, усложнившее положение вермахта: распоряжением Гитлера от 17 августа 1938 г. уже существующие длительное время военные формирования СС были сведены в эсэсовское войско «особого назначения» и тем самым созданы войска СС. Речь об этом намерении шла, преимущественно в форме слухов, еще в марте, во время вступления в Австрию. Движущими силами являлись Борман и Гиммлер. Если для рейхсфюрера СС главную роль наверняка играли его тщеславие и жажда самоутверждения путем получения под свое командование собственной вооруженной силы, то для Бормана причина лежала в недоверии к «реакционному и враждебному к фюреру командованию сухопутных сил». Сам же Гитлер этим решением нарушил свое данное еще Бломбергу обещание, что вермахт должен быть в Германии «единственным носителем вооруженной силы».

События текущего года выявили противоречия, которые имелись между командованием сухопутных войск и руководством партии и государства. «Армия» больше уже не считалась одним из надежных столпов Третьего рейха. Для обеспечения безопасности партийного руководства и собственной персоны Гитлер пожелал иметь в Своем распоряжении вооруженное войско «особого назначения», которое усилит полк его личной охраны (лейб-штандарт «Адольф Гитлер»), Позже я задавал себе вопрос: не прознали ли тогда Гитлер, Гиммлер и Геринг что-либо о планах Гальдера{126} арестовать или ликвидировать фюрера в тот момент, когда он нападет на Чехословакию? Но я лично в это не верю, а скорее объясняю решение фюрера увеличить и узаконить свою лейб-гвардию его тонким чутьем и его предчувствиями.

Гитлер стал бдительным и уже не чувствовал себя в кругах вермахта так же вольготно, как прежде. Войска СС со всеми их правами и обязанностями превратились в элитную гвардию. Мы, посвященные, с опасением следили за ходом этого развития, ибо поводом для него служило недоверие к командованию сухопутных войск. Браухич как главнокомандующий ими уверенной в себе личностью отнюдь не был и на роль играющего против Гитлера партнера никак не годился. Не являлась ли действительной причиной неуверенного и скованного поведения Браухича и Гальдера их активная деятельность в движении Сопротивления{127}? Я задаю такой вопрос потому, что нахожу в этом объяснение поведения обоих генералов в 1938-1941 гг. Своей неуклюжей оппозицией политическим и военным

намерениям Гитлера, ставшим отчетливо видными летом 1938 г., они не добились ровным счетом ничего. Они были генералами, а не политиками и на роль заговорщиков не подходили.

Имперский партийный съезд «Великогермания»

В Нюрнберге, на имперском партийном съезде НСДАП, несмотря на шедшую в гарнизонах подготовку к мобилизации, в возможность войны, полагаю, верили столь же мало, как и в Берлине. Само собою разумеется, много говорили о судет-ских немцах и их желании вернуться «домой в рейх». Это казалось делом таким же простым, как и весной присоединение Австрии. Повсюду только и звучало: «Уж фюрер-то сумеет!». Однако многие поговаривали и о противоречиях между взглядами генералов и Гитлера. Сам же он демонстрировал (особенно перед гауляйтерами и высшими партийными функционерами) свою открытость, не давая никому заметить то, что внутренне беспокоило его.

Партсъезд получил название «Великогермания», тем самым торжественно отмечая факт принадлежности теперешнего «Остмарка» к рейху. Заседание, посвященное достижениям в области искусства и науки, доставило радость всем авиаторам: ежегодная Национальная премия на сей раз была присуждена двум авиаконструкторам – Хейнкелю и Мессершмитту. Сделано это было по предложению Рудольфа Гесса, тесно связанного с Мессершмиттом. Услышав об этом, Геринг и Мильх ходатайствовали перед Гитлером, чтобы он одновременно наградил и Хейнкеля, которому министерство авиации благоволило больше, чем первому. Но к Хейнкелю была не очень-то расположена партия. Еще в 1934 г. Гитлер тоже выступил против него за то, что тот давал на своем заводе работать евреям. Тем временем его гениальные конструкции способствовали международной известности германской авиационной промышленности.

Фюрер уступил желанию Геринга и Мильха. Премия была поделена между обоими выдающимися авиаконструкторами-конкурентами. Две другие премии получили Тодт и автопромышленник Порше. Естественно, бросалось в глаза то, что премии давались не только за крупные технические достижения как таковые, а присуждались пионерам именно в области военной техники.

Поздним. вечерам 9 сентября (перед тем состоялся сбор политических руководителей под куполом, образованным лучами мощных зенитных прожекторов) Гитлер созвал совещание по оперативному плану «Грюн», на которое в Нюрнберг были

вызваны Браухич и Гальдер. Кроме них, на совещании присутствовали Кейтель и мы, военные адъютанты. Я был поражен, услышав из его весьма оживленной беседы с обоими генералами, что генеральный штаб сухопутных войск не выполнил указания фюрера о планировании нанесения главного удара танковыми соединениями и моторизованными дивизиями в полосе 10-й армии генерала фон Рейхенау. В последнее время Гитлер неоднократно пытался убедить Браухича в правильности своего представления о ходе операции, а также о группировке войск и выборе армиями направления своего главного удара. Хотя Браухич и согласился с ним, фюрер все еще продолжал бороться за свой план операции, согласно которому моторизованные соединения подлежали распределению между несколькими армиями. Фюрер не раз подкреплял свои аргументы в пользу операции, имеющей целью захват территории в глубине страны сильной танковой армией: по политическим причинам необходим быстрый успех. Обсуждение тянулось свыше пяти часов и закончилось в 3 часа утра. В заключение речь зашла о Западном вале, и Гитлер повторил свои указания по оборудованию выдвинутых вперед позиций в районах Ахена и Саарбрюккена. Это затянувшееся заседание со многими неприятными ситуациями хорошо запомнилось мне.

В то время как тема Чехословакии бурно обсуждалась на партсъезде за закрытыми дверями, общественность только 12 сентября, в «День вооруженных сил», услышала из уст Гитлера, что он полон решимости «так или иначе» вернуть три с половиной миллиона судетских немцев вместе с самой Судетской областью «домой в рейх».

Перед тем как произнести во второй половине дня на заключительном заседании партсъезда свою с нетерпением ожидавшуюся речь, Гитлер, в кругу партийных фюреров и сотрудников, вел себя в отеле совсем по-домашнему и совершенно непринужденно.

В своей заключительной речи Гитлер обратился к чехословацкому государству и западным политическим деятелям. Он говорил о Версальском «несправедливом мире» 1919 г., о «лжи» лондонской прессы во время майского кризиса этого года как причине нынешней политической напряженности в Европе. Но особенно обескуражили меня те пассажи его речи, которые прямо или косвенно адресовались генералам. Если до обеда он выражал полное доверие к ним, то теперь его недоверия к генералам не услышать было невозможно. Он обвинял их в малодушии и ставил им в пример верность и повиновение простого «мушкетера». Прибывшие в Нюрнберг на празднование

«Дня вооруженных сил» генералы слушали его с каменными лицами. Многие из них вообще упреков фюрера не поняли, ибо не знали закулисных причин. То были весьма угнетающие часы, проведенные в присутствии собравшегося здесь партийного фюрерства. Поэтому традиционный гала-банкет в отеле Гитлера прошел в холодной атмосфере. После прохождения войск парадным шагом «День вооруженных сил», а вместе с ним и партсъезд закончился. Никому и в голову не пришло, что это был последний съезд НСДАП.

Визит Чемберлена на Оберзальцберг

15 сентября 1938 г. Гитлер выехал в Берлин. На сей раз его сопровождали два адъютанта от вермахта – Шмундт и я. Это вскоре оказалось полезным. Гитлер хотел использовать день пребывания в Мюнхене для своих приватных дел, но тут пришла ошеломляющая телеграмма Чемберлена{128}. В ней он выражал свою готовность немедленно прибыть в Германию, чтобы найти мирное решение для выхода из критического положения. Предложение это произвело на Гитлера большое впечатление. Он приказал немедленно соединить его с Риббентропом, коротко обсудил с ним ситуацию и затем сообщил Чемберлену, что охотно готов принять его на Оберзальцберге. Сначала фюрер даже подумывал, не выехать ли навстречу западному государственному деятелю, но быстро от этой мысли отказался. Зная любовь англичан к жизни на природе, Гитлер счел желательным принять британского премьер-министра на фоне альпийского ландшафта.

Весть о встрече Гитлера и Чемберлена оказалась равнозначна сенсации. Вечером накануне этой встречи в «Бергхофе» фюрер был возбужден и словоохотлив. В долгой беседе со Шмундтом и со мной он заявил: подготовка к осуществлению плана «Грюн» должна быть продолжена. Из неожиданного решения Чемберлена Гитлер сделал такой вывод: премьер-министром движет не германо-чешская напряженность, а страх перед Германией. Этот страх всегда служил для Англии поводом для вмешательства. Желание Чемберлена фюрер истолковал как доказательство того, что британская политика союзов пока не дала окончательных результатов, а вооружение Англии еще не завершено, и это не позволяет ей вмешаться сейчас в европейский конфликт. Для Гитлера то был сигнал к действию.

В первой половине 15 сентября Чемберлен вылетел самолетом в Мюнхен, а оттуда отправился дальше спецпоездом Гитлера. Из Берлина на Оберзальцберг прибыл Кейтель. Фюрер захотел, чтобы он находился под рукой. Риббентроп, его статс-секретарь Вайцзеккер и личный переводчик Шмидт появились здесь незадолго до прибытия Чемберлена, который захватил с собой своего ближайшего советника сэра Горация Вильсона, а также Вильяма Стрэнга – одного из чиновников «форин оффис» и английского посла в Берлине сэра Невилла Гендерсона.

Гитлер встретил своего гостя у наружной лестницы «Бергхофа» и проводил его в большой холл. Он предоставил самому премьер-министру определить, кто из сопровождающих его лиц будет присутствовать на беседе. Бросалось в глаза, что

Чемберлен прибыл без своего министра иностранных дел{129}. Наше министерство иностранных дел интерпретировало это так, что он хотел вести разговор с Гитлером без Риббентропа. Чемберлен отказался при этом и от собственного переводчика. Причины сего остались неизвестны.

После чая Гитлер, Чемберлен и Шмидт удалились в рабочие помещения. Обсуждение длилось несколько часов, никто из ожидавших вызова лиц к нему привлечен не был. После беседы Чемберлен сразу же распрощался, чтобы ехать в Берхтес-гаден, где ему были приготовлены ужин и апартаменты для ночевки в отеле. Ходом переговоров Гитлер остался доволен, но такого соглашения, которого он желал, достигнуто все же не было. Правда, Чемберлен согласился с требованием фюрера об осуществлении судетскими немцами их права на самоопределение. Но он должен посоветоваться со своим кабинетом, чтобы найти путь для реализации этого права на практике, а потом снова прибыть в Германию для переговоров. Однако британский премьер попросил Гитлера дать заверение, что до тех пор никаких насильственных действий против Чехословакии предпринято не будет.

На следующий день мы услышали от Гитлера некоторые подробности, но прежде всего – его мысли о беседе с Чемберленом и его соображения по судетскому вопросу. В принципе фюрер остался при своем намерении вступить в Прагу. Лишь весьма неохотно – только если, учитывая общеевропейское положение, этого избежать не удастся, – он соглашался принять английское предложение. Но все дальнейшее должно быть урегулировано политическим путем непосредственно с Чехословакией без всякого вмешательства англичан. Впрочем, править этим смешением народов в Чехословакии очень трудно. Остальные меньшинства – поляки, венгры, а особенно словаки – тоже покоя не дадут.

Гитлер говорил о Чемберлене с признательностью. Беседа с ним заставила его призадуматься. Если британский премьер-министр в своей политике умиротворения, пожалуй, все же честен и взаимопонимание между Германией и Англией – осязаемо близко, то для него, Гитлера, любой путь хорош. Фюрер отметил, что главнейшая трудность – это парламентская система в Англии. Если с Чемберленом наблюдается теперь сближение, то никак нельзя знать, что скажут на сей счет правительство и парламент в Лондоне. Премьер-министр проявил некоторую неуверенность и не осмелился решать самолично. Казалось, Гитлер разрывается между надеждой и разочарованием. Он высказал это при случае примерно такими словами: Германию и

Англию разделяют статьи Версальского договора. Казалось также, что и фюрер тоже приветствует мирное решение чешской проблемы. Не только весь немецкий народ, но и личное и служебное окружение Гитлера в «Бергхофе» вздохнули с облегчением.

«Чайный домик»

Тем временем Борман позаботился об одном аттракционе на Оберзальцберге. На вершине Кельштайн, метров 800 над «Бергхофом», за несколько месяцев был построен «Чайный домик». Гитлер отнесся к этой затее не очень одобрительно, ворчливо заметив, что Борман не успокоится до тех пор, пока не перекопает весь Оберзальцберг. Но, если говорить серьезно, фюрер считал, что пользоваться этим «Чайным домиком», находящимся на высоте почти 2000 метров над уровнем моря, ему не придется, ибо такая высота и слишком разреженный воздух плохо отражаются на его и без того высоком артериальном давлении. Он уже убедился, что стоящий на высоте почти 1000 метров над уровнем моря «Бергхоф» – самое подходящее для него место. Тем не менее Борман продолжал строить и оборудовать этот домик.

Поскольку домик уже стоял, Борману удалось на другой день после визита Чемберлена уговорить Гитлера и его гостей совершить поездку на Келыитайн. Уже сама езда по специально проложенной к домику горной дороге доставила большое удовольствие. У подножия горы были сооружены гранитные ворота, обитые медью. Их впервые открыли при нашем приезде. Мы увидели перед собой длинный искусно освещенный туннель, в конце которого находилась дверь к лифту; он поднял нас еще на 80 метров выше, и мы очутились прямо в «Чайном домике». Через вестибюль прошли в длинную столовую, а из нее – в круглый холл в центре. Каменные стены были оставлены в натуральном виде, и это придавало помещению какой-то средневековый вид. Множество окон открывало прекрасный вид на горный пейзаж. В обрамленном мрамором камине пылал огонь. Примерно дюжина глубоких кресел со столиками была установлена большим кругом. Все это произвело на Гитлера впечатление. Борман удостоился большой похвалы и теперь купался в лучах благосклонности фюрера. Гитлер сразу заявил, что здесь можно принимать посетителей, чтобы оказать им особую честь или же поразить их.

Бад-Годесберг

А политика тем временем шла своим чередом. Чешское правительство уступило нажиму Англии и Франции и объявило себя готовым отдать Германии приграничные районы Судет с немецким населением. Чемберлен, зная об установленном Гитлером сроке – 1 октября, захотел немедленно обсудить с ним все формальности, для чего встретиться 22 сентября. Чтобы Чемберлену лететь поближе, фюрер предложил местом встречи курортный город Бад-Годесберг.

В полдень английский премьер-министр прибыл в отель «Петерсберг», что выше Кенигсвинтера на правом берегу Рейна, напротив отеля «Дреезен». В послеполуденные часы он отправился на первое заседание в Годесберг. Гитлер встретил его перед отелем «Дреезен» и проводил в конференц-зал на первом этаже. За ними на сей раз проследовали два переводчика – Пауль Шмидт и Айвон Киркпатрик (последний позднее был английским «верховным комиссаром» в Федеративной Республике Германии).

Беседа вновь состоялась за закрытыми дверями и без министров иностранных дел. Пока Гитлер и Чемберлен таким образом вели переговоры несколько часов, в бельэтаже отеля царило оживление. Огромный штаб сотрудников Риббентропа из министерства иностранных дел создавал своим важничанием неприятную атмосферу.

Дипломаты были единственными, кто следил за переговорами не с оптимизмом, а с недоверием. Они оказались правы, когда около 19 часов Гитлер и Чемберлен спустились вниз с непроницаемыми лицами, а британский премьер вскоре отбыл в «Петерсберг». Фюрер сразу же уединился с Риббентропом. Все атаковали Шмидта, добиваясь, чтобы он хоть что-нибудь сказал о ходе переговоров. Суета вокруг Гитлера и Риббентропа не прекращалась до поздней ночи. Стало известно: конференция не закончена, а противоречия обострились.

Следующий полдень принес новые головоломки. Вместо Чемберлена прибыло его письмо Гитлеру. Фюрер, Риббентроп и Кейтель принялись совещаться. Фюрер продиктовал ответное письмо. Вскоре после полудня Шмидт поехал с этим письмом в «Петерсберг». О содержании обоих писем стало известно только то, что ничего нового и конкретного для успешного хода переговоров они не содержат. Все прямо-таки рвали из рук шефа печати д-ра Дитриха информационные «белые листки», чтобы узнать интересные новости из заграницы. Но вычитать в них было можно только одно: весь мир смотрит на Годесберг с большой

опаской.

Очень скоро, во второй половине дня, Гендерсон и сопровождающий Чемберлена Вильсон отправились к Риббентропу. Представитель имперского министра иностранных дел при фюрере посланник Вальтер Хевель{130}, с которым мне в те дни часто доводилось говорить откровенно, произнес насчет этой встречи всего одно слово: «Наконец!» Он подразумевал полезным привлечь к переговорам Риббентропа. По его словам, Гитлер не являлся искусным партнером по переговорам. Дебатировать и дискутировать вообще было ему не по нраву. Для него существовало лишь два вида разговора. Если собеседник давал что-то новое, он слушал его внимательно. Если же тот ничего нового не привносил, проявлял нетерпение и обрывал его. Если у фюрера имелся собственный твердый план, сбить себя с толку он не позволял, говорил долго и бывал невежлив. Так называемой дипломатической ловкостью, необходимой для переговоров, Гитлер не обладал. Из того факта, что Чемберлен для продолжения переговоров послал теперь к Риббентропу господ из своего сопровождения, по мнению Хевеля, следовало, что премьер-министр хочет найти мирное решение и дальнейшие переговоры с одним только Гитлером ни к какому продвижению по этому пути не приведут. Когда я спросил, кому же пришла в голову мысль с самого начала отстранить министров иностранных дел от переговоров, он пожал плечами.

Поздним вечером переговоры были продолжены в более широком кругу. С германской стороны в них участвовали Риббентроп, его статс-секретарь Вайцзеккер, Шмидт и главный юрист имперского министерства иностранных дел д-р Гауе, а с британской – Гендерсон и Киркпатрик. Двери конференц-зала закрылись. В холле отеля образовались рьяно дискутирующие группы. Многие чиновники министерства иностранных дел, весьма не любившие своего министра, критиковали Риббентропа за то, что ему все-таки удалось проникнуть на переговоры. Но мне бросилось в глаза, что все они, начиная со статс-секретарей, когда на сцене появлялся сам министр, производили впечатление подобострастных и раболепных. То, что раскол во мнениях германских чиновников стал заметен и для присутствовавших английских дипломатов, я счел недостойным.

Переговоры продолжались почти до 2 часов утра. Шли они, как уже отмечалось, за закрытыми дверями. Заглянуть за эти двери и бросить взгляд в зал переговоров можно было лишь случайно, когда кто-нибудь выходил или вносили новые сообщения. В одном из них говорилось, что Бенеш распорядился объявить всеобщую мобилизацию. Мы посчитали это отнюдь не

добрым знаком для мирного решения. Стрелка барометра настроения упала вниз. Когда вскоре Гитлер и Чемберлен распрощались друг с другом внешне сердечно, она стала подниматься. И все-таки позитивный результат переговоров предсказать было никак нельзя. Я понял это из разговора фюрера с Кейтелем, в котором участвовали и мы, военные адъютанты.

Мы узнали, что запланированное на 28 сентября занятие германскими войсками Судетской области, по желанию Чемберлена, перенесено на 1 октября. Гитлер отозвался о премьер-министре и его усилиях положительно и нашел слова признательности за его личные действия ради мирного решения. Однако сам он в то, что чехи подчинятся британским и германским соображениям, не верит. Поэтому следует придерживаться мобилизационного плана по операции «Грюн» и в таком случае захватить всю Чехословакию; все остается по-прежнему. Из слов фюрера в этом военном кругу можно было заключить, что это решение было бы для него наилучшим. Из бесед с Чемберленом он сделал подкреплявший его соображения вывод: Англия и Франция сейчас наступать на Германию не смогут.

В результате Годесберга фронты не изменились. Гитлер настаивал на своих требованиях. Что именно скрывалось за позицией Чемберлена, мы не знали. Не хочет заставить чехов уступить или не может? Фюрер склонялся к первой точке зрения. По возвращении в Берлин он приказал доложить ему о ходе военных приготовлений и дал понять, что с возможностью мобилизации все еще следует считаться.

26 сентября Гитлер принял в Имперской канцелярии сэра Горация Вильсона, прибывшего с письмом от Чемберлена. В письме сообщалось: переданный ему 23 сентября меморандум Гитлера с предложением, чтобы чехи очистили Судетскую область, для Чехословакии неприемлем. Одновременно английский премьер рекомендовал прямые германо-чешские переговоры. Фюрер был этим очень взвинчен, поскольку само британское правительство своей политикой в прошедшие месяцы не только не содействовало таким переговорам, но и препятствовало им.

В этом возбужденном состоянии фюрер отправился вечером в «Спортпаласт»{131} , где Геббельс организовал массовый митинг. Он приветствовал Гитлера словами: «Фюрер, приказывай, мы следуем за тобой!». Это подогрело аудиторию, и Гитлер произнес чисто пропагандистскую речь по адресу Англии, Франции и Чехословакии. В ней прозвучали известные слова: «Это – последние территориальные требования, которые я ставлю перед

Европой!» А в другом месте речи он выразился так: «И я заверил его [Чемберлена] в том, что в тот самый момент, когда Чехословакия разрешит свои проблемы, а это значит: разберется со своими другими меньшинствами, причем мирно, а не путем угнетения, я потеряю к чешскому государству всякий интерес. И это ему гарантируется!». Этим словам было суждено приобрести значение спустя полгода.

Кризис стремительно приближался к своей высшей точке. Автоматизм подготовки к мобилизации все сильнее толкал Гитлера к военным решениям. Вечером 27 сентября моторизованная дивизия совершила марш через Берлин. По указанию фюрера она должна была проследовать через правительственный квартал и Вильгельмштрассе. Этот «пропагандистский марш» имел целью не подкрепить воинственное настроение берлинцев, а предназначался для иностранных дипломатов и журналистов: пусть они сообщат всему миру о готовности германского вермахта к войне. Геббельс, замешавшийся в «народ», чтобы услышать, о чем тот говорит, вынужден был констатировать: население на эту демонстрацию силы внимания почти не обратило. Действительная цель этого вечернего марша осталась для человека с улицы неизвестной. Движутся солдаты на маневры или возвращаются с них? О серьезном деле, на которое отправляются войска, никто на улицах Берлина и не думал. Будь этот марш нужен в таких целях, Геббельс с легкостью поднял бы на ноги куда больше людей и организовал народное ликование. Тогда солдаты маршировали бы не через правительственный центр города, а через жилые кварталы, где проживали чтящие оружие берлинцы. Народ расценивал напряженность вокруг Чехословакии точно так же, как и в истории с Австрией. Угрозы англичан и французов ему известны не были.

Мюнхен

28 сентября у Гитлера появился французский просол Франсуа-Понсе. Он умел обращаться с фюрером должным образом и считал, что расхождения между английской и германской точками зрения настолько незначительны, что никакой войны из-за этого вести не стоит. Прибыл с письмом от Чемберлена Гендер-сон, но письмо это теперь никакой роли уже не играло, ибо тем временем Имперскую канцелярию «штурмовал» итальянский посол Аттолико. Он устно передал фюреру сообщение Муссолини: Чемберлен через английского посла в Риме просит дуче о посредничестве. Решения следовали одно за другим.

В итоге Гитлер пригласил глав правительств Англии, Франции и Италии в Мюнхен на конференцию, назначенную на 29 сентября 1938 г. Запланированная на тот же день мобилизация была отсрочена на 24 часа.

По моим воспоминаниям, вся серьезность положения была осознана только тогда, когда опасность уже миновала. Не припоминаю, чтобы хоть на миг у меня сложилось впечатление, будто Судетский кризис может перерасти в войну. Я знал военные боевые силы англичан, французов и чехов – для войны они были недостаточны. Политика союза этих государств еще не приобрела необходимой для войны твердой формы. Ни один народ, кроме чехов, не был подготовлен к ее возможности. Все поведение Чемберлена на предшествовавших переговорах доказало это. Для немецкого же народа гарантом мира был Гитлер.

Непредвиденная и неожиданная Конференция четырех изменила настроение и деятельность всех соучастников как в Имперской канцелярии, так и в министерстве иностранных дел. Только в штабе Верховного главнокомандования (ОКВ) все осталось по-старому. Гитлер производил впечатление человека довольного, хотя и не мог полностью скрыть свое недоверие, ибо толчок к созыву этой конференции был дан Лондоном. Все это сборище людей, постоянно пребывавшее в Имперской канцелярии (оно состояло главным образом из министров, партийных фюреров и генералов с их офицерами), видело в предстоящей конференции перспективный шанс окончания кризиса.

Под этим впечатлением я и выехал вечером в спецпоезде фюрера в Мюнхен, а оттуда в Куфштайн. Там Гитлер встретил Муссолини и вместе с ним отправился в Мюнхен. Чемберлен и премьер-министр Франции Даладье прибыли на самолетах; во время поездки с аэродрома в город население сердечно

приветствовало их.

Конференция началась вскоре после обеда в рабочем кабинете Гитлера в «Фюрерском корпусе» на площади Кенигсплац. Это здание отлично подходило для нее. Здесь имелось достаточно помещений для сепаратных разговоров, обширных холлов и лестничных площадок для ожидающих лиц из сопровождения. Конференция длилась, с несколькими перерывами, до поздней ночи. Было выработано соглашение, специалисты по международному праву апробировали его, затем его перевели на разные языки и участники конференции подписали документ. В нем было определено: занятие Судетской области должно начаться 1 октября и закончиться в четыре этапа до 10 октября. Для районов со смешанным населением предусматривалось народное голосование. Дополнительные соглашения содержали подробности насчет обращения с польским и венгерским меньшинствами. Гарантии новой Чехословакии следовало дать после выполнения ею ряда предварительных условий.

День этой решающей конференции позволил сделать ряд интересных наблюдений. Гитлер отличался от остальных ее участников спокойствием и вежливостью. Снова его главным партнером являлся Чемберлен. Муссолини же и Даладье казались лишь побочными фигурами. Дуче, соответственно, демонстрировал свою незаинтересованность, а Даладье выглядел несчастным человеком, заслуживающим сожаления. Ведь Франция была особо связана пактом о взаимопомощи с Чехословакией – страной, над которой здесь вершился суд. Территориальные изменения без участия самой Чехословакии затрагивали его более всего. Чемберлена, казалось, чешский вопрос волнует уже мало и для него с делом этим покончено. Французская делегация произвела на меня впечатление солидное благодаря спокойному поведению Даладье{132}. Он вел себя, скорее, словно добросовестный адвокат, которому надо доверять. Иным было мое впечатление от англичан: они выглядели отчужденными, непроницаемыми и высокомерными.

Сильнее всего радовало Гитлера то, что немецкое население Судет отныне принадлежит к рейху и дискриминации со стороны чехов положен конец. Он с интересом следил за корреспонденциями германской и иностранной прессы. Позитивные отклики всех газет фюрер тоже расценивал как свой успех. Но особенную радость вызывали у него те сообщения, которые он частично получал от очевидцев о митингах, где мюнхенское население выражало свои симпатии Чемберлену и Даладье.

Германская пресса подчеркивала заслуги Чемберлена и Даладье в удаче с соглашением. Гитлера же превозносили как выигравшего это дело. «Фюрер опять сумел!» – этот клич небывалой волной радости и благодарности прокатился по всему рейху с невиданной силой. Даже закоренелые маловеры и скептики казались обращенными в общую веру. Далеко не все осознавали, что на переговорах с Чемберленом дело шло о войне и мире. Многим не было известно и то, что Гитлер был готов бросить вермахт на Чехословакию и, таким образом, применить силу. Одним из тех, кто знал это и оказался совершенно сломленным, когда приготовления к мобилизации были отменены, явился начальник генерального штаба сухопутных войск Гальдер. Энгель рассказывал мне в эти дни, что, когда стало известно о предстоящей встрече в Мюнхене, он застал генерала совершенно поникшим за письменным столом. Мне показалось это невероятным, ибо именно Гальдер вновь и вновь выступал против мобилизации сухопутных войск. Поведение начальника генштаба так и осталось загадкой, объяснение которой нашлось только после войны благодаря публикации документов о движении Сопротивления. Мюнхенское соглашение выбило у этого движения почву из-под ног{133}.

В октябре Гитлер посетил отдельные районы Судетской области, или, как она теперь именовалась, Судетенланда. Во время поездки 3-5 октября его встречали не просто с ликованием, как в Австрии, но и со слезами радости на глазах, а также со словами благодарности. Во время последующих поездок фюрер с интересом осматривал чешские оборонительные линии и фортификационные сооружения, и это подтвердило правильность его взглядов. Он счел, что они были удачно размещены на местности и преодоление их в случае военных действий стоило бы много крови.

В дальнейшем Гитлер снова совершал продолжительные поездки; я, как обычно, участвовал в них. Прежде всего он осмотрел укрепления чехов вдоль границы с Силезией, а потом, через всю Германию, приехал в Саарбрюккен на парт-съезд Саарской гау. Здесь он, по своему обыкновению, произнес речь, привлекшую к себе на сей раз особенное внимание. Мы были обескуражены и разочарованы его агрессивными высказываниями в адрес Англии. Если выступая в берлинском «Спортпаласте» 5 октября, он говорил в примирительном тоне, то саарбрюккенская речь 9 октября явно свидетельствовала об изменении его позиции в отношении Англии.

Что же произошло? По пути в Саарбрюккен Гитлер получил несколько сообщений из Лондона. Хотя англичане и встретили

своего возвратившегося из Мюнхена премьер-министра как «вестника мира», его противники из палаты общин (к их числу принадлежали оппозиционная лейбористская партия и ультраконсерваторы) громогласно выступали против проводимой им «политики умиротворения». То, чего Гитлер боялся, наступило гораздо быстрее, чем он ожидал. Вот потому-то фюрер и обрушил свой гнев на праворадикальных британских «поджигателей войны» – Черчилля, Идена, Даффа Купера и других, подчеркивая при этом миротворческие усилия Чемберлена. Во – всем мире речь Гитлера поняли так, что, на его взгляд, вести переговоры с англичанами не имело никакого смысла. Я точно помню, сколь угнетающе подействовала на нас в Берлине эта речь фюрера. Радость от Мюнхенской конференции перешла в глубокое разочарование.

Усилия по вооружению

Впритык к этому гау-партсъезду Гитлер снова посетил стройку Западного вала, а затем через Майнц и Годесберг отправился в Эссен. 11 октября я на автомашине выехал с женой туда, чтобы подготовить его приезд. Гитлер прибыл в Эссен в первой половине 13 октября и сразу же побывал на заводах Крупна, совершив длительный обход цехов. Во время этого обхода он подчеркнул прежде всего необходимость производства бронебойного оружия для противотанковой обороны и установки такого оружия на самих танках. При этом фюрер указал на значение длинноствольных орудий калибра 75 и 88 миллиметров, поскольку их снаряды обладают большой начальной скоростью, а следовательно, и большой пробивной способностью, что важно для борьбы с танками. Требование Гитлера заменить короткоствольные пушки на танках длинноствольными натолкнулось на скептицизм и даже на противодействие. Прошло много времени, пока понимание необходимости этого одержало верх.

Во второй половине дня Гитлер был гостем Густава и Берты Крупп фон Болен-унд-Гальбах{134} на их вилле «Хюгель», а потом на крупповском приватном вокзале сел в свой спецпоезд, чтобы выехать в Мюнхен. Я же вернулся в Берлин, где смог восстановить свой контакт с имперским министерством авиации.

Вторую половину октября Гитлер провел на Оберзалъцберге и занимался там почти исключительно вопросами вооружения. Он дважды выезжал в новые приграничные районы, чтобы осматривать чешские укрепления. В «Бергхофе» фюрер принял Браухича и Кейтеля и изложил им свои взгляды насчет ближайших политических планов. Надо подготовиться к возможным волнениям в Чехословакии. Вот теперь-то дадут себя знать стремления к независимости также и словацкой части этого государства. Он хочет использовать этот случай, чтобы занять оставшуюся часть Чехии. Вермахт должен быть готов к этому в любое время и в самый кратчайший срок. Кроме того, он намерен вновь включить Мемельскую{135} область в состав рейха. Фюрер распорядился принять соответствующие меры в Восточной Пруссии.

В своей директиве Гитлер категорически подчеркнул необходимость защиты от внезапных воздушных налетов. В Главном командовании люфтваффе (ОКЛ) удивились: ни одна авиация в Европе сколько-нибудь значительными силами вести в то время воздушную войну не могла. Зная о недоверии фюрера к

существовавшим у Геринга и в самой люфтваффе взглядам насчет мер противовоздушной обороны, я воспользовался оказией поговорить на эту тему с Ешоннеком. Люфтваффе была вынуждена соразмерять свою программу вооружения с запасами сырья и их распределением. Зенитная артиллерия и постройка бомбоубежищ по срочности мер стояли у Геринга на втором месте по сравнению с самолетостроением. Но Гитлер требовал, чтобы они занимали такое же, хотя Геринг постоянно старался убедить его, что истребители – это наилучшая оборона от налетов вражеской авиации. Когда в 1943-1945 гг. германская противовоздушная оборона оказалась несостоятельной, фюрер, указывая на свои директивы еще 1938 г., бросал Герингу и люфтваффе тяжкие обвинения. Он предвидел то, что отрицали специалисты. Взгляды Гитлера по вопросу строительства бомбоубежищ тоже находились в противоречии со взглядами министерства авиации. Поводом для острой контроверзы явилось данное фюрером распоряжение о постройке крупного бомбоубежища под новым зданием Имперской канцелярии. Он потребовал, чтобы для крыши была предусмотрена бетонная плита толщиной минимум 3 метра, а для стен – 2,5 метра. Однако руководители постройки придерживались указаний соответствующих управлений министерства авиации, которое имело на этот счет другие взгляды, а именно распространенные среди специалистов. Поэтому оно вело строительство по другим масштабам, не соответствовавшим требованиям Гитлера. Что же касалось министра вооружения Шпеера, то он был заинтересован в таком проекте, который позволял сэкономить время, и, ничего не подозревая, просил фюрера решить этот вопрос. Тот возмутился устаревшими представлениями геринговского министерства и обрушился на него с тяжкими упреками, однако тогда еще не на самого Геринга. Объектом гнева фюрера стал начальник одного из управлений министерства. Его фамилию и этот инцидент Гитлер не позабыл до конца войны и часто вспоминал, когда набрасывался на люфтваффе.

Осенью 1938 г. Геринг и помыслить не мог, что когда-либо найдется воздушный флот, превосходящий германский. Да и сама война лежала для него за пределами вероятного. Хотя он и принял всерьез указание Гитлера увеличить люфтваффе в пять раз и давал управлениям своего министерства и авиационной промышленности соответствующие приказы, возможность осуществления данного указания вызывала доминирующее сомнение.

Я спросил Ешоннека, за какой срок можно осуществить эту программу. Он, как и прежде, рассчитывал примерно на два года.

Обеспечение горючим и подготовка летных кадров – вот что было двумя главными заботами генерального штаба люфтваффе. Но Ешоннек поддерживал выпуск уже производимых типов бомбардировщиков. Стандартом бомбардировщика должен был оставаться «Ю-88». По данным же Удета, более многообещающим являлся «Хе-177». На основе требований Гитлера Геринг хотел теперь дать заказ на выпуск большой серии «Ю-88» фирме «Юнкерс». Ешоннек же, как и некоторые специалисты в Техническом управлении, знал, что далеко не все «детские болезни» этого типа самолетов уже преодолены. Однако генеральный директор фирмы «Юнкерс» Генрих Коппенберг не пожалел сил, чтобы в целях производства крупной серии этих бомбардировщиков устранить все претензии испытательных органов люфтваффе. Удет полностью доверял ему, а Геринг и Ешоннек – Удету. Один только Мильх оставался недоверчив. Конструирование «Хе-177» было подобно уравнению с несколькими неизвестными, особенно из-за четырех тандемно установленных по двое моторов. Первый образец должен был взлететь летом 1938 г., но на серийное производство можно было рассчитывать не ранее 1940 г.

У меня сложилось впечатление, что Ешоннек хочет своей информацией развеять мое сомнение насчет осуществимости программы вооружения люфтваффе. Но мне было ясно: выполнить программу выпуска истребителей можно, только производя уже зарекомендовавший себя «Ме-110». Попытку осуществить программу за счет выпуска в первую очередь «Ю-88» и «Хе-177» я считал трагической ошибкой и не скрывал от Ешоннека своего намерения обрисовать фюреру ситуацию такой, какой она, по моему мнению, являлась в действительности. Это, казалось мне, больше отвечало смыслу указания Гитлера и интересам люфтваффе.

Генштабистские предварительные проработки и анализ на основе военной игры показали неготовность люфтваффе в данный момент к воздушной войне против Англии. В первую очередь, у нас не имелось бомбардировщиков с качествами, необходимыми для дальнего подлета через море, с достаточной глубиной вторжения и соразмерным бомбовым грузом. Геринг об этом и слышать не хотел, заставляя генеральный штаб люфтваффе как можно быстрее осуществить приказанное Гитлером пятикратное ее увеличение. Я уговаривал Ешоннека действовать на Геринга таким образом, чтобы он не поддакивал фюреру, а представил ему реальные данные о мощности люфтваффе. При этом я указывал на то, что Гитлер занимается также и вопросами ее вооружения. Он неоднократно спрашивал меня о числе и силе

летных соединений, а также о боеспособности зенитной артиллерии. Мне приходилось постоянно иметь под рукой данные о наличии бомб и боеприпасов, а также о количественных показателях выпуска других видов авиационного вооружения. Я вносил самые последние сведения в свой блокнот, и фюреру об этом было известно. Однажды он спросил меня: «А ваша толковая записная книжечка при вас?». Он хотел получить какую-то справку, и я смог ее дать. По опыту я знал, что вовсе не обязательно держать в голове все цифры и данные, которые могли ему понадобиться. Ему было важно одно: чтобы они были верными. Поэтому, как я убедился гораздо позже, уже во время войны, фюрер доверял моим записям больше, чем тем данным, которые Геринг называл ему по памяти.

3 ноября Гитлер ненадолго приехал в Берлин, а оттуда на следующий день дал старт новой поездке, в которой я сопровождал его как дежурный адъютант. Первую остановку сделали в «Каринхалле» по случаю крещения дочки Геринга Эдды, родившейся 30 мая того года. Фюрер был крестным отцом, а Геринг с женой – любезными хозяевами, но в этот день его присутствие вносило какую-то нервозность. Поэтому он оставался здесь недолго.

9 ноября 1938 г.

Ночью мы доехали поездом до Веймара, где Гитлер хотел 5 и 6 ноября присутствовать на партсъезде НСДАП гау Тюрингия. Центральным событием этого съезда явилась его речь. Как и двумя неделями ранее в Саарбрюккене, Гитлер выступал в качестве фюрера партии, а не главы государства, хотя, оценивая ту или иную его речь, никто этого различия усмотреть не мог. Говорил он исключительно о своих внешнеполитических взглядах, а потому ее воспринимали с гораздо большим вниманием, чем в предыдущие годы. У нас сложилось впечатление, что Гитлер снова применил собственный старый метод «времен борьбы»{136}, а именно: убедить своих внешнеполитических противников, которых теперь видел в лице Англии, в существовании угрозы большевизма, как пытался это делать до 1933 г. для запугивания противников внутриполитических. Точно так же, как он пришел к власти без революции, он хотел достигнуть и своих внешнеполитических целей без кровопролития. Эта идея настолько владела Гитлером, и он настолько верил в ее правильность, что даже считал, будто она отвечает интересам Британской империи. Но пропагандистская речь была средством, не пригодным для того, чтобы привлечь на его сторону консервативные правительства и народы.

Во время этой поездки Гитлер находился почти исключительно в кругу своих «старых борцов». К «старой гвардии» принадлежали и те деятели культуры, с которыми он встречался. С этими людьми фюрер говорил откровенно и свободно, однако не упоминая о своих внешнеполитических или военных планах и намерениях. В Веймаре мы пробыли всего 48 часов. Каждая его речь длилась не больше двух часов. Все остальное время он провел среди представителей культурной жизни и видных партайгеноссен этой гау во главе с гауляйтером Фрицем Заукелем{137}. Гитлер посетил несколько строительных площадок и архитектурных мастерских, ознакомился с планами и макетами новостроек, дал задание профессору Герману Гизлеру по реконструкции Веймара. Центром города должна была стать площадь Адольф-Гитлерплац, на ее проекте он задержался дольше, обсудив многие детали. Особенно благожелательное отношение фюрер проявил к веймарскому Национальному театру, где прослушал оперу Верди «Аида».

Пребывание в Веймаре явно пришлось Гитлеру по душе. Ему был приятен круг местных партайгеноссен, которые провели с

ним в холле отеля «Элефант» два оживленных и интересных вечера. Неудивительно, что эта аудитория принимала его с восхищением. Из речи своего фюрера они узнали о его политических взглядах и твердо верили в его стремление к миру. Насколько серьезно было это стремление, они судили по разговорам с ним, в которых он рассказывал о своих строительных планах, а также о культурной и социальной программах. Они даже и представить себе не могли, чтобы человек, намеренный осуществить такие планы, думал о войне.

Из Веймара мы на следующий день приехали в Нюрнберг и, как обычно в дни партсъездов, расположились в отеле «Дойчер хоф». Частые поездки Гитлера в Нюрнберг в том году объяснялись строительством предназначенной для массовых мероприятий «территории партсъездов», которое было поручено Альберту Шпееру.

В Нюрнберге до нас дошло известие о покушении на советника германского посольства в Париже Эрнста Эдуарда фон Рата. Он был тяжело ранен револьверными выстрелами, и жизнь его находилась в опасности. Покушение совершил молодой польский еврей Гершель Гринзцпан. Гитлер немедленно послал в Париж на своем личном самолете сопровождавшего его д-ра Брандта, чтобы сделать все возможное для спасения дипломата, получившего ранение на службе Германии. О мотивах покушения именно на этого никому не известного советника посольства пока подробно не сообщалось.

8 ноября, в день памяти неудавшегося гитлеровского путча 1923 г., который отмечался накануне очередной годовщины этого события торжественным партийным собранием в пивном зале «Бюргербройкеллер», мы прибыли в Мюнхен. Из года в год Гитлер произносил в одном и том же месте речь перед кавалерами «Ордена крови» – участниками марша к «Галерее полководцев» 9 ноября 1923 г. В этот вечер фюрер быстро установил контакт с аудиторией. Лица почти всех тесно окруживших его людей были ему знакомы. Начав свою речь издалека, еще с Версаля и путча 1923 г., он перешел затем к событиям нынешнего года и заговорил почти только об отношениях Германии с Англией. Слова его опять звучали весьма пропагандистски и скорее предназначались как раз для партийного собрания, нежели для изложения программных внешнеполитических проблем. Сама по себе речь его явилась всплеском раздражения по поводу несбывшейся надежды на германо-английское сближение. Кстати, в те дни прозвучало меткое выражение по этому поводу: «отвергнутый любовник». О покушении в Париже Гитлер не обмолвился ни звуком. А затем фюрер отправился в кафе «Хек»,

где подсел к своим «старым соратникам». Это застолье тоже стало традицией вместе с воспоминаниями о годах, предшествовавших взятию власти. Но дистанция между фюрером и ними все же становилась все больше, что вызывало немало упреков с их стороны.

9 ноября, которое считалось высшим праздником партии, постоянно повторялся марш к «Галерее полководцев», и Гитлер самолично возлагал венки на 16 саркофагов «погибших за [нацистское] движение».

Вторую половину дня Гитлер провел в беседах на военные темы у себя на квартире. Здесь он получил сообщение, что советник посольства фон Рат умер от полученных ранений. Но я не услышал из его уст никаких заслуживающих внимания реплик, и у меня сложилось впечатление, что покушение не имело политического мотива.

Вечером фюрер в сопровождении только личного адъютанта поехал на товарищескую встречу высшего партийного руководства в большом зале Старой ратуши. Я же остался дома, так как он собирался скоро вернуться. На полночь предусматривалось принятие присяги рекрутов СС перед «Галереей полководцев», куда я должен был сопровождать его. По возвращении мы еще некоторое время не расходились, ожидая, не последуют ли от Гитлера, как обычно, какие-либо приказания. Вдруг раздался телефонный звонок из соседнего отеля «Четыре времени года»: я должен немедленно покинуть помещение, ибо рядом горит синагога и летящие искры могут вызвать пожар. Я передал это предупреждение остальным, но такая опасность не очень обеспокоила меня и никаких подозрений не вызвала. Однако когда стали звонить снова и сообщать о разрушении еврейских лавок и магазинов, мы всерьез прислушались к этим известиям и доложили о происходящем фюреру.

Гитлер немедленно вызвал полицей-президента Мюнхена обергруппенфюрера СС барона фон Эберштайна. Тот ничего о происходящем не знал. Фюрер приказал принять все меры против поджигателей и мародеров, чтобы прекратить это «безумие». Чем больше раздавалось звонков о разрушениях еврейских торговых заведений и синагог также из других городов, тем сильнее возбуждался он и приходил в ярость. Я не сомневался, что Гитлер не изображает неожиданность. Он так же не знал об этом, как и полицей-президент и СС, которые были обескуражены тем, что происходит. Той же ночью Гитлер соединился с Геббельсом, телефонный разговор был долгим, и вел он его наедине из своей комнаты. После этого фюрер не показывался. Мы продолжали обсуждать события. Из намеков Шауба мы поняли, что Геббельс

как-то приложил руку к этому делу, спонтанно и необдуманно, дабы придать парижскому покушению политическую почву. Нежелание Гитлера появляться на людях говорило о его раздражении произошедшим, о котором он ничего не знал. Поджоги синагог и разрушение еврейских лавок он резко осудил.

Насчет виновников поначалу ничего известно не было. В результате поджигателем стали называть самого Гитлера, и он знал это. Однако он все же покрыл виновников, когда вскоре выяснилось, что инициатором был сам Геббельс. Примечательно, что фюрер вел себя подобно тому, как это было во время кризиса Вломберг – Фрич. Акции против синагог и еврейских торговых заведений проводились у всех на глазах, и затушевать их оказалось невозможно. Ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. навечно вошла в историю как «Имперская Хрустальная ночь»{138} , и этот погром отныне компрометировал Гитлера. Верность своим старым боевым соратникам оказалась для него важнее, чем собственная репутация. Геринг охарактеризовал эти события как тяжелый политический и экономический удар для Германии. Хотя он и был вынужден вместе с Гитлером определить требуемую евреями и подлежащую выплате «контрибуцию» в один миллиард рейхсмарок, но осудил эту акцию как «свинство», ибо боялся отрицательных внешнеполитических последствий. Кроме того, ему предстояло в качестве уполномоченного по осуществлению Четырехлетнего плана найти и получить из заграницы валюту для оплаты новых, взамен разбитых, витрин. В последующие годы мне ни разу не приходилось слышать от Гитлера о «Хрустальной ночи» ни единого слова. Эксцессы вызывали скорее симпатии к евреям, нежели способствовали антисемитизму.

В результате этих событий Рузвельт отозвал посла Соединенных Штатов из Берлина. Соответственно, Гитлер приказал вернуться из Вашингтона германскому послу Дикхофу. Квота выезжающих из Германии евреев стремительно возросла, хотя в течение 1938 г. различные государства их больше не принимали. В Польше даже был введен закон, запрещавший въезд евреев из Германии по политическим мотивам. Летом по инициативе Рузвельта в Эвиане состоялась международная конференция по вопросам беженцев, в которой участвовали 52 государства. Было известно, что она – без ощутимых результатов – обсудила в первую очередь проблему приема евреев во всех частях земного шара. Когда Риббентроп в начале декабря вел в Париже переговоры с французским правительством, он по возвращении сообщил о намерении последнего предоставить остров Мадагаскар в качестве возможного места для размещения

еврейских беженцев из Германии.

Проблемы вооружения люфтваффе

Следующие недели были богаты встречами и поездками. После короткого пребывания на Оберзальцберге, в Мюнхене и Нюрнберге мы 15 ноября прибыли в Берлин, а затем 17-го отправились в Дюссельдорф на государственные похороны убитого советника Рата. 19 ноября через Годесберг, Аугсбург, Мюнхен вернулись на Оберзальцберг. Здесь мне представился случай поговорить с Гитлером о проблемах люфтваффе. Моя озабоченность тем, не основываются ли его планы на неверных данных о состоянии ее вооружения, частично подтвердились. Но в принципе фюрер был в курсе дела.

О бомбардировщиках «Ю-88» и «Хе-177» Гитлер имел ясное представление, но считал, что «Ю-88» уже достаточно опробован и потому полностью применим. Мои же опасения он принимал к сведению молча. В разговоре о запланированном «Хе-177» фюрер снова проявил свое инстинктивное предпочтение простых технических решений. Он сомневался в том, является ли тандемная форма расположения моторов, новая конструкция, наилучшим из возможных решением для четырехмоторного бомбардировщика. Геринг же внушал своим сотрудникам из министерства авиации, что Гитлер, мол, в вооружении сухопутных войск и военно-морских сил разбирается подробно, а вот насчет самолетов ему лучше помолчать. Постепенно до меня «дошло», что Геринг сознательно хочет распространить такое представление о технических интересах и знаниях фюрера. Однажды и сам Геринг не проявил таких знаний, но Гитлер, по-видимому, этого не заметил. К тому же Геринг не желал, чтобы фюрер вникал в авиационные вопросы детально, и поправлял его. Гитлер же, со своей стороны, тогда неограниченно доверял Герингу и был успокоен тем, что ему лично не надо заботиться об этом. Но со временем я констатировал, что он думал о вооружении авиации больше, чем предполагал Геринг. Считая вообще в вопросах вооружения воздействие оружия первостепенным фактором, Гитлер сознавал важность оснащения самолетов бортовым оружием соответствующего калибра, объема их бомбового груза во взаимосвязи с соответствующей дальностью полета, не говоря уже о том, что одним из его приоритетов была зенитная артиллерия.

Из бесед с Гитлером мне стало ясно, в какой мере он считал Мюнхенское соглашение не успехом, а – по мере увеличения временной дистанции – скорее неудачей. Для сравнения он цитировал высказывание Бисмарка о Берлинском конгрессе 1878

г. {139}, что конгресс этот был величайшей политической глупостью всей его политической жизни. Хотя распределение ролей на нем и было иным, чем в Мюнхене, речь шла о том же – о сохранении мира в Европе.

Поведение и слова британских политиков уничтожили надежду Гитлера на более тесный контакт с Англией и усилили его стремление возобновить старый курс, а это значило: не терять времени. Он упрекал себя за то, что не начал действовать сразу же после Годесберга и не захватил всю Чехословакию. Тогда бы его исходное положение для переговоров с Польшей насчет Данцига, а также железнодорожной и шоссейной связи с Восточной Пруссией через «коридор» было гораздо благоприятнее. Фюрер оценивал теперешнюю обстановку в Европе как более серьезную, чем перед Мюнхенским соглашением, и высказал эту мысль в своей неопубликованной речи перед немецкими журналистами в Мюнхене 10 ноября. Спокойная и деловая беседа с ним в «Бергхофе» послужила мне подтверждением. Английская политика и ее усилия по вооружению заставили Гитлера, по его словам, наверстывать упущенное время.

Я еще раз обратил его внимание на то, что люфтваффе в 1939 г. еще не будет в состоянии выдержать войну с Англией. Словами «Насчет этого не беспокойтесь!», которые мне не раз доводилось слышать из его уст, фюрер пытался успокоить меня. Тем не менее я просил, чтобы ему доложили снова о состоянии и планировании вооружения люфтваффе. На это он отвечал, что свои военные действия против чехов и поляков сможет предпринять только до тех пор, пока Англия еще не вооружилась. Вот почему эта спешка и вот отчего его раздражение из-за потери времени в результате «Мюнхена»! Но он больше не позволит ничего себе навязывать! Лживые сообщения прессы от 21 мая текущего года о якобы сосредоточении германских войск на чешской границе так же сильно подействовали на чувствительность Гитлера, как и лицемерные, по его мнению, мирные усилия англичан в Мюнхене. Но действовать он начнет только тогда, когда сможет в результате внезапности добиться преимущества и конфликт удастся локализовать. Он должен быть всегда готов использовать любой представившийся ему случай. В его словах звучал принцип: не оказаться застигнутым врасплох и не очутиться неподготовленным перед лицом новой ситуации. В Годесберге и Мюнхене Чемберлену удалось одержать успех потому, что тот, сам того не сознавая, разрушил его, Гитлера, план построения «европейского здания», то, что фюрер создавал в качестве своего «шедевра» многомесячным трудом.

В остальном же жизнь в «Бергхофе» протекала под знаком архитектуры. Гитлер предпочитал сидеть вместе со Шпеером над строительными планами Берлина и Нюрнберга, а не блюсти график протокольных встреч – их осенью 1938 г. хватало. Встречи с дипломатами, ранее проходившие в Берлине, из-за перестройки Имперской канцелярии теперь переносились в «Бергхоф»; впрочем, они ехали в Берхтесгаден охотно. Гитлеровская резиденция все еще считалась притягательным местом, где стоило побывать. Нанес свой прощальный визит многолетний французский посол Франсуа-Понсе. Он стал первым иностранным гостем, посетившим гитлеровский «Чайный домик». Его преемник посол Кулондр спустя некоторое время вручил фюреру в большом холле «Бергхофа» свои верительные грамоты.

Из разговоров на военные темы в те дни в памяти моей остался один из них, касавшийся как военно-морского флота, так и люфтваффе. В Киле готовился спуск на воду первого германского авианосца; ни ВМФ, ни люфтваффе никакого опыта в использовании таких судов не имели, не говоря уже о чисто авиационной стороне дела. К этому добавлялось плохое взаимодействие между обеими составными частями вооруженных сил. Геринг требовал права на свое руководящее участие, ибо это были «его» летчики. ВМФ справедливо претендовал на такое же право для себя, ибо на военном корабле должны командовать только моряки. Сам фюрер был большим приверженцем авианосцев, но отдавал предпочтение постройке таких кораблей средней величины, а не крупных.

8 декабря Гитлер присутствовал в Киле на освящении спуска авианосца со стапелей. Он дал ему имя «Граф Цеппелин». Проблемы, связанные с введением этого авианосца в строй, решились в дальнейшем сами собой. После начала войны фюрер постройку авианосцев приостановил.

Под Рождество я посетил в Париже международную авиационную выставку. Меня принимал наш авиационный атташе полковник Ханнессе, которого я знал по Берлину. Заслуживающими внимания были английские истребители «Спитфайр» и «Харрикейн», но поскольку они были еще не полностью оснащены, можно было составить себе лишь внешнее представление: оба очень походили на «Ме-109». Зная летные качества последних по собственному опыту, я пришел к выводу, что они, видимо, равноценны нашему «Ме-109». Их эффективность зависела от моторов, которые еще предстояло установить и насчет которых пока можно было строить лишь предположения.

Гитлер выслушал мой отчет о выставке внимательно. Я не

скрывал, что мы должны принимать в расчет превосходство английских истребителей, поскольку Англия вот уже несколько лет опережает нас в моторостроении. Изменить это положение в нашу пользу можно только за счет более высоких летных качеств «Ме-109». Об этом можно будет судить только тогда, когда оба английские-самолета пройдут испытания в воздухе. Из моего доклада Гитлер снова сделал вывод: он не может больше терять время!

Я изложил свои парижские впечатления в министерстве авиации полковнику Ешоннеку, рассказав, как их воспринял фюрер. Геринг моим отчетом пренебрег и его не запросил. Я предположил, что все важное он и без того узнал от Уд ста, однако позже установил: он ничего об этом не знал. Я впервые задумался над присущей Герингу недооценкой вооружения противника. По его представлениям, в это время ни одно государство в мире просто-напросто не могло превзойти потенциал Германии в области вооружения. А если ему докладывали иное, он этому не верил, и докладывающему даже приходилось опасаться, как бы не получить клеймо пораженца.

Другое дело Гитлер. Он особенно внимательно выслушивал сообщения об иностранном оружии и мощностях его производства. Иногда бывало неясно, что думает об этом он сам. По складу своего характера Гитлер был предрасположен к скепсису и в то же время к любознательности, но притом производил впечатление человека в данном отношении солидного. Любое зарубежное специальное издание, попадавшее ему в руки, фюрер изучал с живым интересом. Его глаз был приучен к этому страстью к архитектуре и живописи. Он выискивал в изображении каждую мелочь, а текст от случая к случаю приказывал перевести. Благодаря такому изучению предмета фюрер превосходил в познаниях не одного специалиста.

Итог 1938 года

Предрождественские дни Гитлер, как и в прошлом году, посвятил своим архитектурным интересам и строительным замыслам. Он принял живое участие в Германской архитектурной выставке в Мюнхене, свою поездку в Нюрнберг использовал для посещения строительной площадки Здания имперских партийных съездов, а в Берлине с большим нетерпением ожидал завершения постройки Новой Имперской канцелярии.

25 декабря фюрер перед отъездом попрощался со своими сотрудниками, по обыкновению лично вручив каждому рождественский подарок. Я получил на этот раз самопишущую ручку с золотым пером, а моя жена – тяжелую серебряную чашу, и все это – с выгравированными фамилиями и датой «Рождество 1938». Праздничные дни Гитлер, как всегда, провел в Мюнхене, а потом сразу поехал на Оберзальцберг. Там он и встретил Новый год вместе со своим обычным окружением, а также Евой Браун, ее родней и знакомыми. Из нашей военной адъютантуры при нем на сей раз находился Шмундт с женой.

Геббельс в своем новогоднем обращении назвал уходящий год самым успешным для национал-социалистического режима, который навечно войдет в германскую историю. О концентрационных лагерях широкая общественность знала мало. События «Имперской Хрустальной ночи» расценивались как своего рода «производственная авария». Я тоже считал политическое положение на исходе года позитивным и вступал в новый год с уверенностью, поскольку мне была обещана к концу его другая должность в люфтваффе. Я по-прежнему оставался приверженцем Гитлера как в силу воинского повиновения, так и убеждения, хотя и осуждал его за поведение во время кризиса Бломберг – Фрич и «Имперской Хрустальной ночи». Фюрер прикрыл своих партийцев и тем самым отяготил себя виной. Угнетающим оставался ретроспективный взгляд на отношение Гитлера к сухопутным войскам, а также и на их отношение к нему самому. Все усилия Шмундта и Энгеля улучшить эти взаимоотношения результата не дали.

В течение этого года мне все яснее становилось, что оценка Рейхенау его сослуживцами была не верна. Усилия этого генерала приобрести крупное положение в партии истолковывались как тщеславие, и его называли «наци-генералом». В данной связи мне вспоминается один мой разговор с ним на Оберзальцберге во время кризиса с Шушнигом. Я считал тогда, что он разозлен тем, что его не сделали преемником Фрича. Но раздражение генерала

имело другие причины. По смыслу, он сказал так: «Вы еще дождетесь, что влияние партии на фюрера возрастет и в военной области тоже, а генералы и пикнуть не смогут! В 1934 г. Бломберг и я смогли сломить СА потому, что мы имели на Гитлера влияние большее, чем его однопартийны. За это меня объявили нацистским генералом. А сейчас дело идет к тому, чтобы в зародыше удушить растущее влияние СС и партии на Гитлера в вопросах сухопутных войск.

Только в том случае, если это удастся, сможет произойти реабилитация Фрича. Но новые господа не знают партии и ее фюреров и не умеют с ними обращаться». К концу 1938 г. я осознал, что Рейхенау был прав.

Новая Имперская канцелярия

8 января 1939 г. Гитлер прибыл в Берлин. У портала старой Имперской канцелярии его встречал Шпеер. За день до назначенного фюрером срока он с гордостью отрапортовал о готовности Новой Имперской канцелярии. Гитлер со словами сердечной благодарности пожал руку своему зодчему, и оба отправились во вновь построенное здание, а я с любопытством последовал за ними. Описать мое впечатление нелегко. Пришлось бы употреблять сплошь превосходные степени. Со времен Гогенцоллернов таких роскошных строений ни в Берлине, ни в Потсдаме не возводилось. Оно было сооружено в своеобразном стиле гитлеровских зданий в Мюнхене и Нюрнберге. Мне лично понравилось. Украшенный мозаикой зал, мраморная галерея, рабочий кабинет Гитлера – все это, по моему мнению, было шедевром Шпеера. Мозаичный зал окон не имел, а освещался естественным или искусственным верхним светом. Стены были выложены художественной мозаикой. Огромные мраморные плиты пола тоже имели мозаичные полосы. Никакой мебели здесь не стояло. Через несколько выше расположенный небольшой круглый, куполообразный зал можно было пройти в мраморную галерею с пятью дверями, а также множеством огромных обрамленных розоватым мрамором окон на противоположной стороне. Оконные ниши имели глубину 2,35 м. Гобелены и мебель светлых тонов хорошо контрастировали с тяжелым материалом стен и пола. Латунные светильники давали приятный свет. Галерея постоянно использовалась в служебных целях, так как соединяла бюро президиальной канцелярии с военной адъютантурой в восточной части нового здания с помещениями Имперской канцелярии – в западной.

Центральная дверь галереи вела в рабочий кабинет Гитлера; она днем и ночью охранялась двумя эсэсовцами с винтовками на караул. Пять высоких дверей оконного типа открывали вид на колоннаду и ведущую в сад и к оранжерее террасу. Кабинет был выдержан в темных тонах, предпочитавшихся фюрером. К красному мрамору хорошо подходило коричневое палисандровое дерево потолка. Пол покрывал единственный красный ковер. Я находил все это красивым и отнюдь не показушным, а, пожалуй, слишком уж аскетичным. Однако не обошлось и без некоторых живых черточек. Гитлер имел определенную склонность к этому, но проявлял ее только при обстановке своих жилых помещений. Меблировка же кабинета была подчинена пространственному эффекту. Над камином висел портрет Бисмарка работы

Ленбаха{140}. Письменный стол у противоположной стороны и огромный мраморный стол перед окнами были выполнены по проектам Шпеера. Весной 1945 г. именно на этой мраморной плите из монолита размером 5 на 1,6м были разложены карты генштаба с нанесенной на них для доклада фюреру оперативной обстановкой последних дней рейха.

К кабинету примыкал большой, «временный», как его называли, зал приемов. Во время поездки в Италию в мае прошлого года Гитлер повидал великолепные дворцы периода Возрождения. Поэтому он пожелал иметь для различных церемониалов торжественное и репрезентативное помещение и приказал Шпееру максимально увеличить запланированный зал приемов, а позднее построить его еще большим. Кстати, план реконструкции Берлина предусматривал, что в теперешнюю Имперскую канцелярию будет впоследствии встроено Партийное министерство, а окончательное здание Имперской канцелярии и фюрерский корпус будут возведены на площади «Оперы Кролля» напротив сгоревшего рейхстага.

9 января в «Спортпаласте» в присутствии строительных рабочих состоялась официальная передача здания Новой Имперской канцелярии. В своем обращении Гитлер сказал то, что в ближайшие месяцы нам часто доводилось слышать из его уст: Великогерманский рейх получил теперь такие представительские возможности, которые соответствуют его значению. Похвалы фюрера Шпееру не имели предела.

12 января началось с новогоднего приема – первого и последнего в новом здании Имперской канцелярии. Это был ряд тех официальных процедур, в первую очередь для которых Гитлер и велел соорудить его. На новогоднем собрании рейхсляйтеров и гауляйтеров в новом здании фюрер изложил им задачи в наступившем году.

Отношения между Гитлером и сухопутными войсками

В эти месяцы Гитлер, общаясь с генералами, неоднократно превозносил руководящие качества своих гауляйтеров. Он рассчитывал, что обнаружит в офицерском корпусе и у генералитета именно то, что преподал своим партийным фюрерам за долгие годы «времен борьбы». За минувший год допущенная им ошибка стала ему ясна. Прежде всего ему не хватало безоговорочной верности высшего офицерства. Нам, адъютантам, а прежде всего Шмундту, было тяжело выслушивать его упреки, особенно тогда, когда он в качестве образца выставлял партию и СС.

Шмундт и Энгель целеустремленно продолжали прилагать все усилия к тому, чтобы улучшить отношение Гитлера к сухопутным войскам.

Пусть он осознает, что и в офицерском корпусе этих войск тоже есть его восторженные приверженцы. Фюрер соглашался с предложениями Шмундта о проведении различных мероприятий в больших и малых аудиториях с целью взаимного лучшего ознакомления друг с другом. Начало этим мероприятиям было положено 18 января, в «День образования рейха», обращением Гитлера к только что произведенным в чин лейтенантам с последующим ужином в новом здании Имперской канцелярии.

Молодые лейтенанты выстроились в Мозаичном зале, предварительно получив необычное для солдат разъяснение, которое дало им понять, что Гитлер – не только Верховный главнокомандующий, но и верховный политик. Как таковой фюрер был встречен со своей речью аплодисментами. Он неоднократно заявлял, что для него тяжело выступать перед офицерами и солдатами, ибо они сидят перед ним молча и ему трудно установить с ними контакт. Шмундт по этому поводу сказал, что речи фюрера только тогда вызовут у них такое же эхо, как у широкой публики, когда будет разрушена невидимая стена между оратором и слушателями. Поэтому лейтенантам было приказано после выступления фюрера хлопать. Гитлер весьма одобрительно отнесся к этому распоряжению. В привычной ему манере он повел речь издалека, начав на сей раз с событий прусской военной истории, с верности и любви к фатерланду, с повиновения и мужества, что за многие столетия и сделало сначала Пруссию, а затем Германскую империю великими. Обладая этими качествами, офицерский корпус может обеспечить

Великогерманскому рейху предназначенное ему место среди народов. Гитлер упомянул об успехах своей политики в прошедшем году, однако избегал говорить о своих планах на год начинающийся.

После речи офицерам был устроен банкет в Мозаичном зале. Гитлер еще некоторое время оставался среди них, подсаживался за столики и беседовал с молодыми офицерами, но вскоре удалился к себе. Алкоголь помог закончить этот вечер побыстрее, чем намечалось. Кое-кто из молодых офицеров, не зная, где находится туалет, воспользовался вместо унитаза углами зала. Фюрер, которому мы потом с досадой рассказали о таком продолжении вечера, отнесся к поведению лейтенантов снисходительно. Это никак не поколебало его впечатления, что встреча удалась.

Прием лейтенантов, разумеется, стал предметом обсуждения во всех гарнизонах вермахта, большинство офицеров его приветствовало, и это явилось подтверждением правильности намерений Шмундта. Немногие ставшие известными контраргументы нас не обескуражили. Они высказывались заведомыми «реакционными» офицерами и известными противниками нацистского режима, которые отзывались с отвращением не только о Гитлере, но и о самой этой встрече. Мы же считали, что таким офицерам следует подать в отставку, раз командование вермахта настолько отталкивает их.

Нас интересовало также, какой отклик нашло это событие в офицерских собраниях. Я констатировал, что присутствовавшие на приеме высказывались о нем корректно, но некоторые рассказывали неверно; шло ли это от неосведомленности или от тенденциозности, различить сложно. Тогда среди офицерского корпуса, но еще более в консервативных и церковных кругах распространились всякие не соответствовавшие действительности слухи о Гитлере, о его поступках, планах и намерениях. Но им верили. Зачастую мне бывало трудно убедить собеседников в правде. Иногда мне с оттенком сострадания говорили, что я как адъютант фюрера априори вынужден говорить в его пользу, а это достаточная причина, чтобы мне не верить. Слухи касались чаще всего приступов ярости у Гитлера и его «вульгарных» манер. Некоторые даже не понимали, как это я, будучи офицером-дворянином, мог все это выносить. Очень распространенной была точка зрения, будто беседовать с Гитлером невозможно. Он, мол, говорит без умолку и перебить его никак не удается, а если ему противоречат, даже орет. Когда же я рассказывал, что моя служба при фюрере проходит так же, как в любом высоком военном штабе, это вызывало недоверчивый смешок.

Фюрер умел узнавать из различных источников о своих сотрудниках гораздо больше, чем давал заметить. Для всех нас явилось полной неожиданностью, когда однажды он без всякой причины уволил своего личного адъютанта Видемана и перевел его на дипломатическую службу в качестве генерального консула в Сан-Франциско. Я был рад, что мне больше не придется встречаться с ним, ибо Видеман производил впечатление человека замкнутого, а к его бросавшимся в глаза постоянным связям с иностранными дипломатами и политиками я всегда относился с недоверием.

Германия – Польша

В политическом отношении в эти январские дни на первый план вышел польский вопрос. 5 января Риббентроп имел продолжительную беседу с польским министром иностранных дел Беком{141}. Они вместе посетили Гитлера на Оберзальцберге. Уже в конце февраля Риббентроп нанес ответный визит в Варшаву. Это привлекло к себе всеобщее внимание. Причина столь быстрого ответного визита заключалась, однако, в том, что он пришелся на пятую годовщину германо-польского пакта о ненападении. Гитлер надеялся, что его министр иностранных дел найдет в атмосфере праздничного акта путь к новым плодотворным переговорам.

Риббентроп был крайне озабочен дальнейшим развитием отношений с Польшей. Он знал требования Гитлера насчет установления германской транспортной связи с Данцигом через польский коридор в Восточную Пруссию, а также включения этого города в рейх, против чего возражала Польша. Честолюбивым желанием Риббентропа было найти решение посредством нового двустороннего соглашения. Из Варшавы он вернулся в угнетенном состоянии. Переговоры с места не сдвинулись ни на шаг. По сему поводу Гитлер сказал, что соглашения с Пилсудским{142} можно было бы достигнуть. Риббентроп же боялся теперь, что Англии удастся перетянуть Польшу на свою сторону. Поэтому он пришел к выводу: необходимо искать контакта с Москвой, чтобы оградить от английского влияния и Россию. Однако фюрер пока не дал понять, каковы его собственные взгляды и каким путем он желает идти. Германская общественность много говорила о «коридорном вопросе». Даже оппозиционные силы в рейхе симпатизировали той политике, которая имела целью уничтожение польского коридора. В данном отношении понимания было больше, чем насчет чешского вопроса.

Речь в рейхстаге 30 января

Весьма важное значение имела речь Гитлера в Германском рейхстаге вечером 30 января. Центр тяжести ее лежал в подведении итогов 1938 г. Фюрер открыто говорил о своем выводе из политических событий минувшего года и о том, какие последствия из сего предвидит. Неприкрыто звучала его похвала Муссолини, которого он безмерно превозносил, между тем как Чемберлену и Даладье всего лишь высказал признательность за их роль в удаче Мюнхенского соглашения. И тут же подверг критике англичан и евреев.

Англичан Гитлер обвинял в» том, что они вмешались в дело, которое их совсем не касалось. Версальский мирный договор нарушен западными демократиями, поскольку сами они не разоружились, а Германии преградили путь к государству, обладающему правом на самоопределение, и потому он себя связанным этим договором больше не чувствует. Отсюда можно было без труда уловить намек на его будущие замыслы. Евреев же фюрер пожелал предостеречь: пусть не ввергают народы снова в мировую войну. А далее он произнес свою ставшую быстро широко известной и многократно обсуждавшуюся угрозу: «Результатом будет не большевизация всего земного шара и, таким образом, не победа еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе».

Из круга соратников фюрера его похвалы удостоились только Геринг и Риббентроп. Перейдя к внутренней политике, он предостерег церковь, а также упрекнул консервативные буржуазию и аристократию. «Остряки-елабаки» пусть знают: «Мужество, храбрость, оптимизм и жизнерадостное стремление к принятию решений – вот те предпосылки, которые необходимы для того, чтобы занимать любой публичный пост в национал-социалистическом государстве».

Едва ли какая-либо иная речь Гитлера вызвала повсюду такое обсуждение, как эта. Самая резкая оценка ее гласила: «Вся речь – одно сплошное объявление войны». Что касается внешней политики, подобные опасения я разделял. Из его предупреждений и предостережений англичанам и евреям нетрудно было заключить, что сам он стоит перед принятием новых, далеко идущих решений. Его угрозы церкви и «реакционерам» внутри рейха, а также требование создания нового руководящего слоя следовало понимать только во взаимосвязи с новыми планами фюрера. Удручающе действовало и то, что после успешного 1938 г. от Гитлера ожидали в рейхстаге торжества по случаю победы, а

получили «объявление войны». Особенно угнетали меня внешнеполитические пассажи речи.

Однако обвинения по адресу «малодушных» – моих сотоварищей по военному сословию – я, напротив, считал оправданными. В словах Гитлера однозначно звучало раздражение по поводу его конфликтов с генералами сухопутных войск.

В связи со звучавшей в те месяцы критикой в адрес фюрера мне вспоминается один спор с моими сослуживцами, которых я знал еще по пребыванию в сухопутных войсках. Мы учили в школе и в вермахте, что Фридрих Великий, являвшийся примером для Гитлера, унаследовал от своего отца, «Солдатского короля» Фридриха I, образцовую армию с первоклассным в профессиональном и волевом отношении офицерским корпусом, которая стала основой для его победоносных походов. Наполеон был обязан своими крупными успехами созданной им армии с безоговорочно преданными ему маршалами. Рискнет ли Гитлер, спрашивали мы сами себя, начать войну, имея такие сухопутные войска, о которых ему заранее известно, что командование их ему не доверяет? Мы исключали это и делали отсюда вывод: прежде чем пойти на внешнеполитический риск, фюрер создаст надежные, боеспособные сухопутные войска.

Новая структура люфтваффе

Значительное внимание привлекли к себе организационные изменения в люфтваффе, произошедшие к 1 февраля 1939 г. Геринг приказал создать командования воздушных флотов: 1-й воздушный флот (командующий «Восток» – генерал Кессельринг), 2-й воздушный флот (командующий «Север» – генерал Фельми) и 3-й воздушный флот (командующий «Запад» – генерал Шперрле). Эта структура просуществовала почти всю войну. Иначе обстояло дело с реорганизацией имперского министерства авиации. Удет, возглавлявший с 8 июня 1936 г. его Техническое управление, теперь был назначен «генералмейстером самолетостроения». К его прежним задачам (конструирование и испытание авиационной техники и вооружения) Геринг добавил теперь снабжение и обеспечение. Удет, человек скорее творческий, чем канцелярист, стал, таким образом, начальником важнейшей отрасли люфтваффе, не имея для такой трудной должности необходимых качеств. Хотя безусловно подходящим для нее являлся Мильх, он назначен не был: Геринг не терпел возможных конкурентов ни рядом с собой, ни под собой. К тому же Мильха он просто не выносил. Собственные симпатии и антипатии Геринг ставил выше интересов дела. К тому же это были разные по своей сути и характеру люди.

Вторая примечательная перестановка в имперском министерстве авиации коснулась начальника генерального штаба люфтваффе. Как и давно ожидалось, Геринг доверил этот пост полковнику Ешоннеку, которому еще не исполнилось и 40 лет. Назначение это привлекло к себе внимание всего вермахта его «молодежным» возрастом. В генеральном штабе сухопутных войск чуть ли не с насмешкой о Ешоннеке говорили как о «Гитлерюгенд-фюрере» на таком ответственном посту. Герингу же нравился этот всегда подтянутый, бодрый и решительный офицер. Одним из побудительных мотивов для него при назначении Ешоннска служило то, что тот был, в отличие от прежних начальников генштаба люфтваффе, не старше, а на шесть лет моложе его самого. Другим соображением явился общеизвестный факт: плохие отношения между Мильхом и Ешоннеком. Значит, Герингу не приходилось бояться, что в его же собственной вотчине за его спиной будут действовать против него. Гитлер же в решения Геринга не вмешивался и принял изменения и реорганизацию в люфтваффе к сведению.

С назначением Ешоннека произошла перемена и в моей судьбе. В последнее время мне лишь весьма нерегулярно

удавалось посещать занятия в Военно-воздушной академии в Гатове. Слишком много времени отнимали поездки туда и обратно. Поэтому Ешоннек предложил, чтобы я теперь числился непосредственно в его штабе, так сказать, «практикантом», а следовательно, принимал участие во всех совещаниях и был в курсе важнейших событий. Это улучшило мое личное и служебное положение, а также способствовало моему дальнейшему совершенствованию в военной области, что я очень ценил.

Оценивая положение в свете политического развития, Ешоннек считался с возможностью войны с Англией. Однако Геринг, могу подтвердить это, вновь и вновь заявлял ему: Гитлер войны с Англией не желает. На это Ешоннек отвечал своей любимой поговоркой: «Черт строит из себя белочку с хвостиком!». То, что он еще в 1938 г. считал невозможным, новый начальник генштаба люфтваффе положил теперь в основу своих военных соображений. Оперативные разработки стали вестись интенсивнее. Наибольшую тревогу Ешоннеку доставляло отсутствие пригодных бомбардировщиков среднего радиуса действия. Выпуск «Ю-88» все еще не был налажен как следует. Ешоннек полностью сознавал значение техники для оперативного руководства. Он жаловался на то, что Геринг этого не понимает, а со времени смерти Вефера первостепенное значение техники недооценивается.

Спуск на воду «Бисмарка»

Спуск со стапелей «Бисмарка», крупнейшего построенного до той поры в Германии линейного корабля, был назначен на 14 февраля 1939 г. на верфи судостроительной компании «Блом унд Фосс» в Гамбурге. Гитлер сам выбрал линкору это имя. В своих застольных беседах тех дней фюрер не раз давал нам в связи с Бисмарком{143} «уроки истории», обосновывая это решение. Он характеризовал Бисмарка как государственного деятеля, проложившего путь к созданию германского военно-морского флота. Без приобретения Шлезвиг-Гольштейна в 1864 г. {144} обеспечить германское могущество на морях, тем самым положив начало всемирной торговле Германии как важному фактору силы в международном масштабе, было бы невозможно. Имя Бисмарка, вопреки всеобщему препятствованию этому, придает немецкому народу мировое значение и вызывает глубокое уважение.

Во время своей проездки на спуск линкора Гитлер посетил «Фридерикус мавзолеум» и возложил венок на гробницу Бисмарка, а также побывал в его родовом замке. Спуск со стапелей должен был явиться государственным актом. Это было большим днем для Гамбурга и для военно-морского флота. В своей речи фюрер воздал должное основателю рейха, имя которого с гордостью будет носить корабль. Главнокомандующий военно-морскими силами генерал-адмирал Редер ответил краткой речью, а фрау фон Левенфельд, внучка Бисмарка, освятила корабль.

После государственного акта Гитлер поднялся на борт военного корабля «Грилле», где состоялся завтрак с адмиралами и высшими морскими офицерами. Фюрер охотно посещал военно-морской флот, хотя, как выразился Путткамер, «море всегда казалось ему зловещим» Он был подвержен морской болезни и склонности к морским поездкам не имел.

Но что завораживало Гитлера в «кригсмарине»{145}, так это техника. Он знал крупные военные корабли всего мира не только по названиям, но и по таким их данным, как величина, скорость, броня и вооружение. На эти темы, а особенно о вооружении, Гитлер мог говорить с морскими офицерами часами. Для «Бисмарка» было предусмотрено оснащение 8 орудиями калибра 381 мм и 12 орудиями калибра 150 мм. Все остальные вопросы он предоставил решать Редеру, а тот, со своей стороны, старался не допускать вмешательства фюрера в эти дела. Между ними царили отношения взаимного доверия при точном разграничении и уважении компетенции каждого. В основных же вопросах

строительства флота они были едины. Оба выступали за постройку крупных кораблей: Редер – по традиции, а Гитлер – по политическим причинам: тяжелые корабли содействовали демонстрации мощи рейха.

Перед своим отъездом из Мюнхена 12 марта, сразу же после государственного акта по случаю «Дня поминовения героев», Гитлер 10 марта принял германских атташе, аккредитованных в различных странах, а на следующий день – офицеров военных академий, т.е. будущих генштабистов. Шмундт получил от фюрера согласие на проведение таких встреч каждый год в этот самый день. Мы, адъютанты от вермахта, удивлялись тому, с какой откровенностью Гитлер при любой возможности говорил о своих политических планах. Вот и теперь он в своем выступлении упомянул «остаточную Чехию», Данциг, польский коридор и Мемель{146}. Это были те самые планы и намерения, о которых он прежде говорил только в узком кругу, да и то лишь намеками. Однако вопрос о том, какими способами он собирается решить эти проблемы, фюрер оставил открытым. Тем не менее из его высказываний было нетрудно догадаться: он рассчитывал и на использование вермахта.

Овладение «остатком Чехии»

О том, в какой мере мы находимся накануне пробы сил в политической и, вероятно, военной области, Гитлер не сказал ничего. 10 марта из Братиславы{147} , столицы Словакии, поступило известие о том, что дружественный Германии парламент этой части Чехословакии во главе с д-ром Тисо{148} отпал от ее центрального правительства в Праге. Одновременно сообщалось, что в Братиславе и некоторых других городах Словакии пражским правительством введено военно-полевое право. Причиной послужили волнения в Закарпатской Украине – составной части страны. Гитлер отреагировал на эти вести весьма спокойно, поскольку он уже вскоре после Мюнхенской конференции предвидел возможные беспорядки в этом многонациональном государстве. Фюрер с удовлетворением следил за сообщениями из Лондона и Парижа, отчетливо дававшими понять, что запланированная еще со времени Мюнхена гарантия Чехословакии ввиду ясного осознания ее распада Англией и Францией не дана и по сей день. Активность Гитлера росла. В квартире фюрера снова распространилось уже привычное «кризисное настроение». Число посетителей увеличивалось с каждым часом. Гитлер опять оказался окруженным любопытствующими слушателями, которым он открыто рассказывал о самых последних событиях, сообщениях и переговорах. Не говорил фюрер только о своих указаниях и приказах вермахту. Их он давал Кейтелю или адъютантам.

Меры, принимавшиеся пражским правительством по отношению Словакии, были Гитлеру весьма на руку. Он пригласил премьер-министра Словакии д-ра Тисо в Берлин. Лидеру словацких нацистов д-ру Туке, с которым фюрер имел беседу еще в феврале, уже была обещана германская помощь. Вечером 13 марта Тисо посетил Гитлера, а в первой половине 14-го парламент в Братиславе провозгласил независимость Словакии. Еще 12 марта фюрер дал указание немецкой печати заклеймить поведение чешского правительства в отношении национальных меньшинств, проживающих в этом государственном образовании, и «подогреть» настроение против Праги.

В тот же день, 12-го, вермахт получил приказ на вступление в Чехословакию утром 15 марта. Жребий был брошен. 10-го я спросил фюрера, желает ли он проинформировать о таком ходе событий отсутствующего Геринга. Но Гитлер не пожелал беспокоить его: ведь тот только что отправился отдыхать за

границу. Он добавил, что присутствие Геринга в Сан-Ремо сможет способствовать успокоению возбужденных умов в Италии и других странах. Лишь 13-го фюрер сообщил мне о своем согласии отозвать Геринга из отпуска; тот вернулся в Берлин 14 марта.

Я очень живо вспоминаю прибытие в Берлин чешского президента д-ра Гахи{149} 14 марта. В полдень из Праги сообщили о его желании переговорить с Гитлером. Фюрер сразу дал согласие, но тут же сказал нам, военным: свой приказ на наступление утром 15-го он «в любом случае оставляет в силе». Теперь он больше не хотел выпускать из собственных рук благоприятную возможность. В этот день Гитлер вел себя очень спокойно. После обеда пришло известие из Праги, что Гаха прибудет в Берлин поздним вечером и готов сразу же начать разговор с ним.

Во второй половине дня только что приехавший с вокзала Геринг имел до этой встречи, а также и после нее короткие беседы с фюрером.

В нашей адъютаитуре вермахта дела развивались довольно бурно. Гитлер распорядился подготовить все для его поездки в Чехословакию. На сей раз ответственность за проведение этой акции несли мы, военные. На основе опыта с Австрией, а также поездок по Западному валу и в Судетскую область была образована «Ставка фюрера». Комендантом ее Шмундт предложил сделать Роммеля, и под его началом были созданы первые подразделения «штаб-квартиры фюрера» – два батальона сопровождения. 14 марта во второй половине дня в нашей адъютантуре состоялось оперативное совещание, и мы договорились, что Гитлер отправится поездом до Бемиш-Лейпы – населенного пункта в Судетской области, прилегающего к чешской границе, а оттуда еще тем же вечером выступят моторизованные подразделения. Фюрер с нашим предложением согласился, но заметил, что дальнейшие решения будут зависеть от хода событий, а потому он примет их только в Лейпе. Спецпоезд должен с 0 часов быть готов немедленно отправиться с Ангальтского вокзала.

Тем временем жизнь в апартаментах фюрера шла обычным чередом. Вечером Гитлер даже посмотрел кинофильм. Никогда еще ни при одной военной акции мне не доводилось видеть его таким спокойным. К концу вечера появился Кейтель. Около 23 часов сообщили о прибытии Гахи. Риббентроп договорился с ним о начале переговоров в 0 часов 15 марта. В назначенное время мы сопроводили Гитлера в Новую Имперскую канцелярию. Он был уверен, что Гаха уступит. Ведь чехи были покинуты своими бывшими союзниками. Второго Мюнхена на сей раз быть не

должно. Фюрер с настроем на успех приветствовал Геринга, Риббентропа и его статс-секретаря Вайцзеккера. Своего гостя он ожидал у въезда в Почетный двор. Бросалось в глаза, что участвовать в беседе был вызван большой круг лиц. Я увидел здесь Геринга, Кейтеля, Риббентропа, Майсснера, шефа печати д-ра Дитриха и Хевеля, который вел протокол встречи. Гаха захватил с собой чешского министра иностранных дел Хвалковского и начальника кабинета. Двери закрылись, для нас настало обычное время ожидания.

По сравнению с конференциями в Годесберге и Мюнхене в эту ночь все проходило непринужденнее. Мы были свидетелями беспрестанного хождения: в кабинет Гитлера то входили, то выходили, и каждый раз удавалось узнать что-нибудь о ходе переговоров. Мы испытывали невольное сострадание к старому господину. Неожиданно появился со своим докторским саквояжем и скрылся в конференц-зале профессор Морелль. Через какое-то время он вернулся и сообщил: у Гахи – сердечный приступ, но после укола ему полегчало. Около 2 часов ночи конференция была прервана. Гаха вместе со своим министром и начальником кабинета удалился, чтобы переговорить с Прагой по телефону.

Мы увидели Гитлера в том же уверенном настроении стоящим в своем кабинете в кругу немецких участников переговоров. Из его слов мы поняли, что он наглядно обрисовал Гахе безнадежную для Чехии ситуацию и сказал ему: приказ о наступлении уже отдан. От него, Гахи, самого зависит, будет ли открыт огонь или нет и в какой именно форме Чехия будет включена в рейх. Ни один из советников фюрера ничего не возразил на этот ультиматум, а также не порекомендовал ему какое-либо более гуманное решение, ведущее к той же цели.

Примерно через час Гаха получил из Праги согласие своего правительства. Итак, в результате конференции больше сомневаться не приходилось. Я тут же велел отвезти себя на Ангальтский вокзал и занял полку в своем купе. С одной стороны, я очень устал от этого долгого и утомительного дня, а с другой – не хотел больше ни видеть, ни слышать, как закончился этот диктат.

Когда я проснулся, поезд уже шел. День был почти весенний, но лежал плотный туман. Я прежде всего подумал: из-за плохой погоды люфтваффе сегодня действовать не сможет. Мне пришлось признать, что, несмотря на некрасивые сопутствующие обстоятельства, Гитлер в своей оценке политической обстановки снова оказался прав. За завтраком в вагоне-ресторане я узнал некоторые подробности. Вермахт перешел границу и продвигался

по всем направлениям вперед, не встречая никакого сопротивления. Чешская армия получила приказ оставаться в казармах и передать там свое оружие вермахту. Горькая участь для неразбитой в бою армии!

Из Лондона пришло подтверждение, что английское правительство не проявило к этим событиям никакого интереса, ибо предпринятые Германией шаги Мюнхенского соглашения не нарушили. Позднее, вечером, я услышал о протесте французов. Но это было пустой формальностью.

Вступление в Прагу

Гораздо любопытнее мне было узнать, куда теперь направится Гитлер. Некоторые из нас, в том числе и я, слышали, что он хотел уже вечером быть в Праге. Шмундт энергично возразил против такого плана: он отвечал за безопасность фюрера. Сам же Гитлер совершенно ясно высказал желание ехать до Праги в автомашине. Шмундту с трудом удалось уговорить его, чтобы свое окончательное решение он принял только в Лейпе. Я не сомневался, что шеф прикажет выезжать сейчас же. Так оно и случилось. Когда мы прибыли в Лейпу – между 14 и 15 часами, – фюрера встретили генерал Гепнер и генерал Роммель. Гепнер кратко доложил в командном вагоне поезда обстановку. Вступление германских войск произведено вполне мирным образом. Чешской армии нигде не видно, население ведет себя безучастно. Оно еще не пришло в себя от шока.

К ужасу Шмундта, Гитлер приказал немедленно ехать в Прагу. До нее было меньше 110 километров, всего каких-то часа два езды. Роммель организовал маршевую колонну и придал ей для охраны и сопровождения подразделения ставки фюрера. Шмундт велел мне возглавить рекогносцировочную команду и выехать заранее, чтобы подготовить размещение в пражских Градчанах. Я упросил его дать мне хотя бы два часа форы. На двух машинах, с несколькими офицерами и солдатами, я немедленно отправился в путь. Мы испытали все трудности, какие только могут встретиться автомобилистам зимой на незнакомой дороге – пронизывающий до костей холод, туман, снегопад, гололедица, заносы – и побывали на грани аварии. Иногда нам даже приходилось делать объезды по покрытым ледяной коркой полям. Но умение водителей и высокая проходимость автомашин все же помогли нам. целыми и невредимыми добраться до Праги. С наступлением темноты мы въехали в Градчаны. Городская картина с ее неразберихой и пестротой невольно напомнила мне лагерь Валленштейна{150} далеких времен. Разумеется, как я и предполагал, Гитлер прибыл раньше нас, и ничего к его приезду подготовлено не было. Кое-как я освободил какие-то помещения для него самого. А Гаха вернулся в свою резиденцию еще несколькими часами позже, чем он.

Гитлер производил впечатление счастливого человека. Мне показалось, на лице его написана гордость. Над Градчанами развевался штандарт фюрера. Здесь он издал указ об образовании протектората Богемия и Моравия. Преамбулу Гитлер продиктовал

сам, в первой же фразе обосновав свои меры: «богемско-моравские земли целое тысячелетие принадлежали к жизненному пространству германского народа». Этой формулировкой Гитлер снова показал себя насквозь австрийцем, ибо в качестве названия создаваемого протектората он избрал прежнее, австрийское, наименование этих земель. Я же, будучи пруссаком, никакого отношения к данной стране не имел, и, как и многим северо-германцам, мне казалось ошибочным ради этого идти на политический риск. Лично мне как своему адъютанту по люфтваффе фюрер с удовлетворением сказал: теперь русские, англичане и французы больше уже не смогут использовать Чехословакию в качестве своего «авианосца». В военно-политическом отношении я должен был признать его правоту, хотя никакой острой опасности этого я и не видел.

Гитлер не пробыл в Праге и суток. Я сопровождал фюрера на прощальный прием у президента Гахи в его официальной резиденции в Градчанах. Перед глазами у меня все еще стояла ночная сцена в Имперской канцелярии. Теперь Гаха выглядел немного получше. Атмосфера была внешне непринужденной, но в целом прием носил вежливый, преднамеренно отчужденный оттенок. Большего ожидать было нельзя.

Затем автоколонна отправилась назад в Бемиш-Лейпу к спецпоезду. На следующий день он доставил нас через Оломуц в Брно, главный город Моравии, а оттуда – в Вену. На обратном пути в Берлин мы 18 марта сделали промежуточную остановку в Линце и 19-го прибыли в столицу рейха. При встрече фюрера Геринг произнес одну из своих самых пламенных речей; она произвела на меня особенно досадное впечатление.

Русский вопрос

Во время железнодорожной поездки через Моравию между Гитлером и мною произошел примечательный разговор. Он умиротворенно взирал на ландшафт за окном и, казалось, устремился своими мыслями куда-то вдаль – ситуация, которую мне доводилось нередко наблюдать и раньше. Я выжидал, пока он заговорит, мне было любопытно услышать, что именно занимало его теперь, после завершения истории с Чехословакией. В своих ожиданиях я не ошибся.

Фюрер заговорил об экономическом и сельскохозяйственном приросте рейха; прирост этот значителен и избавляет его от многих забот. Вооружение и оснащение чешской армии дают ему возможность сформировать новые дивизии. Мы должны позаботиться теперь о том, чтобы чешский народ был доволен и чувствовал себя под защитой Великогермаыского рейха хорошо. Нейрат – вот кто пригоден на пост имперского протектора Богемии и Моравии. Он быстро приобретет доверие чехов. Задача – установить там спокойствие и порядок, иначе он, фюрер, не знает, что принесут ближайшие недели. Изолировать поляков стало делом трудным. Они упрямо стоят против соглашения по Данцигу и транспортной связи с Восточной Пруссией и ищут защиту у англичан.

Но заклятым врагом Польши является не Германия, а Россия. И нам тоже однажды грозит огромная опасность с ее стороны. Однако почему послезавтрашний враг не может стать завтрашним другом? И Гитлер продолжил свою мысль: этот вопрос следует продумать весьма основательно. Главная задача – найти сейчас новый путь для новых переговоров с Польшей. Сначала он желает добиться возвращения Мемельской области, а затем на продолжительное время удалиться на Оберзальцберг. Там он сможет спокойно поразмыслить.

Как я установил потом, о России Гитлер до тех пор говорил только с Риббентропом, поскольку ни от кого, включая и военных, я ничего на эту тему не слышал, сам же он о ней ни с кем не разговаривал. Казалось даже, что фюрер от этих планов отказался, ибо только летом я впервые снова услышал кое-что о новой торговой политике и о России.

Когда мы прибыли в Берлин, в Имперской канцелярии опять кишмя кишело любопытствующими. Возникшая ситуация давала достаточный повод для того. Во время поездки д-р Дитрих раздавал свои «белые листки», кроме того, шеф печати поддерживал связь с министерством иностранных дел и получил

оттуда сообщение о речи Чемберлена, произнесенной в Бирмингеме 17 марта. В противоположность своей речи 15 марта в палате общин (в которой заявил о незаинтересованности Англии в делах между Берлином и Прагой), британский премьер-министр теперь обличал Гитлера за нарушение договоров и вероломство. Он охарактеризовал предпринятый фюрером шаг как попытку силой добиться мирового господства. Фюрер увидел в этой речи еще одно подтверждение своего предположения. Теперь уже не Чемберлен, а другие люди и другие силы определяли в Англии политику. К ним принадлежал круг тех политических деятелей, в центре которого стояли Черчилль, Идеи и Дафф Купер. Англия и Франция в знак протеста направили Берлину соответствующие ноты, а затем отозвали своих послов. Гитлер ответил такой же контрмерой. Я не забыл одного предположения, которое услышал в те дни. Среди сопровождавших Риббентропа лиц говорили о том, что Чемберлен проводил свою тактику незаинтересованности в Чехии со злонамеренным умыслом. Он хотел поощрить Гитлера на этот шаг, чтобы тем самым заполучить в свои руки средство создать у английского народа антигерманское настроение. Знал ли, и насколько полно, фюрер об этой идее, мне неизвестно.

Гитлеровский шаг против «остатка Чехословакии» популярным среди немецкого народа не стал. Большинство людей, с которыми я говорил, так отзывались о нем: «А было ли это необходимо?». Приходилось часто слышать и ссылку на формулировку фюрера в его речи в «Спортпаласте» 26 сентября 1938 г. в связи с Судетами: это – «его последнее территориальное требование». Гитлера обвиняли в нарушении слова. Это недовольство не осталось незамеченным и им самим. В застольных беседах, в разговорах с партийными чинами, а также в рамках военных совещаний он постоянно возвращался к данной теме, обвиняя англичан в извращении фактов. Мол, «последнее территориальное требование» распространялось на всю Чехословакию, а не только на Судетскую область, и его следовало понимать лишь во взаимосвязи с мирным решением всех проблем национальных меньшинств в данной стране. Чехи же с этими проблемами не справились, а что касается англичан и французов, то в предложенном ими же самими дополнении к Мюнхенскому соглашению никакой гарантии границ Чехословакии они не давали.

В осуществлении своих планов Гитлер сбить себя с намеченного пути не позволил. Только действуя быстро, мог он достигнуть собственных целей без войны – так аргументировал фюрер предпринятые им шаги. Поэтому мы были ошеломлены,

когда он дал указание Риббентропу начать политические переговоры с Литвой о возвращении Мемельской области. Кейтелю было поручено принять соответствующие подготовительные меры военного характера. Никаких трудностей не предвиделось. А потому Гитлер, даже не дождавшись результата переговоров, решил выйти в море вместе с военным флотом. 22 марта он отправился в Свинемюнде{151} на борту броненосца «Дойчланд». 23 марта мы на мемельском рейде перешли на торпедный катер и прибыли в Мемель на заранее подготовленное в порту празднование его освобождения. Все шло обычным порядком. Ликование было не очень-то велико, но все же впечатляло. Люди казались уверенными в себе и сердечными. Гитлер держался на удивление спокойно.

Польша

А тем временем в Берлине внешняя политика поднимала новую большую волну. В январе Риббентроп возобновил переговоры с Польшей и у него состоялся обстоятельный разговор с польским послом Липским по оставшимся висеть в воздухе вопросам. Поляк все еще находился в шоке от последних событий в Праге и Мемеле и лишь против своей воли выехал в Варшаву с предложениями Риббентропа. Из Лондона дошли известия о том, что поляки стараются получить от англичан заверения насчет более тесного контакта между обеими странами. Подробнее никто ничего об этом не знал, было известно только то, что в палате общин Чемберлен загадочно обмолвился о каких-то переговорах. По поведению Гитлера и Риббентропа можно было заметить: что-то шло не так, как им хотелось. Мы были удивлены тем, что, несмотря на это, Гитлер уехал на несколько дней в Мюнхен и Берхтесгаден: он захотел присутствовать на похоронах имперского фюрера медицины Вагнера.

Но до того состоялся разговор Гитлера с Браухичем. Инициатива исходила от последнего. Фюрер согласился с желанием командования сухопутных войск передислоцировать их части из Чехословакии в свои прежние гарнизоны. Гитлер переговорил с Браухичем и о политической обстановке. С Польшей надо выждать. Он не хочет решать вопрос о Данциге и коридоре с применением силы. Это только бросило бы поляков в объятия англичан.

30 марта Гитлер вернулся в Берлин и сразу же возобновил беседы с Риббентропом. В воздухе чувствовалась какая-то напряженность. Но обострения ситуации не ожидалось, ибо Геринг не был отозван из Сан-Ремо, где он безмятежно проводил свой отпуск. Это служило хорошим градусником политической погоды.

Спуск на воду «Тирпица»

Вечером 31 марта мы снова сели в спецпоезд, чтобы выехать в Вильгельмсхафен на спуск на воду второго крупного линкора. В пути Гитлер постоянно получал сведения о речи, произнесенной Чемберленом в этот день в палате общин. Ситуация была похожа на ту, что возникла полгода назад во время поездки фюрера в Саарбрюккен. Только теперь он не был так обескуражен ходом политического развития, как тогда. Риббентроп проинформировал его о том, что поляки наотрез отказались вести дальнейшие переговоры о возвращении Данцига в рейх и об экстерриториальной транспортной связи с Восточной Пруссией. Отсюда фюрер сделал вывод: поляки смогли занять такую упорную позицию, только получив твердое заверение англичан о проведении последними политики союза с ними. Речь Чемберлена подтвердила ему, что англичане явно дали полякам далеко идущие гарантии взаимопомощи. От запланированной речи Гитлера в Вильгельмсхафене мы не ждали теперь ничего хорошего.

Но поначалу программа шла, как было намечено: прибытие в военно-морской порт, присвоение линкору имени кайзеровского гросс-адмирала фон Тирпица{152} его дочерью фрау Хассель и спуск корабля со стапелей. В заключение Гитлер поднялся на борт линкора «Шарнгорст», где в присутствии всех адмиралов произвел Редера в гросс-адмиралы и вручил ему гросс-адмиральский жезл. После завтрака, данного в кают-компании «Шарнгорста» в кругу адмиралов, фюрер направился к городской ратуше, где экспромтом произнес прямо на площади темпераментную речь, почти полностью адресованную Англии. Он повторил свое притязание самому решать вопросы в собственном германском жизненном пространстве, не спрашивая на то разрешения где-либо и кого-либо. Свое предостережение насчет мировой опасности большевизма он связал с Испанией. После долгих боев, сказал фюрер, Франко удалось захватить Мадрид и спасти Испанию от «красных».

Ошеломленные открытым взрывом гнева Гитлера против Англии, мы сопроводили его на принадлежащий обществу «Сила благодаря радости»{153} туристический корабль «Роберт Лей». Гитлер принял приглашение руководителя «Германского трудового фронта» д-ра Лея совершить на нем трехдневную морскую прогулку. Никаких добрых воспоминаний у меня о ней не сохранилось. Настроение наше было испорчено вильгельмсхафенской речью фюрера. Его привычка делать внешнюю

политику своими внутриполитическими пропагандистскими речами достигла на сей раз высшей точки.

Гитлер получил от этого плавания много радости. Он непринужденно разговаривал с туристами. В открытом море была устроена встреча с линкором «Шарнгорст», который после орудийного салюта проследовал с выстроившейся на палубе командой мимо «Роберта Лея». Посещение острова Гельголанд на второй день послужило еще одним развлечением. Поскольку морское путешествие всем очень понравилось, фюрер велел продлить его еще на день. Для отпускников оно стало большим событием, о чем можно было слышать повсюду. Оценивая заслуги д-ра Лея, Гитлер отметил, что «Германский трудовой фронт» является для немецких рабочих гораздо большим социальным делом, чем это имеет место в какой-либо другой стране земного шара.

Впечатления от этого организованного «Силой благодаря радости» морского путешествия показали мне, в какой мере были осуществлены социальные представления Гитлера и насколько рабочие были ему за это признательны. В их высказываниях преобладали доверие к фюреру и вера в его руководство.

Впечатления Гитлера от этого путешествия повлияли и на ход его мыслей. Во время железнодорожной поездки из Гамбурга в Берлин 4 апреля он говорил, что именно от таких людей черпает силу и мужество для руководства немецким народом и нет для него задачи более прекрасной, чем трудиться во имя народного блага. Как и многие другие, я думал тогда, что в данном случае можно было говорить о демократическом образе мыслей: от имени народа и во имя народа. Но Гитлер ограничивал действующие при демократии принципы «равенства и свободы» для всех граждан, распространяя их лишь на тех людей, которым благоволил», а именно – на приверженцев своих национал-социалистических идей. При его режиме они, естественно, чувствовали себя в своих свободах ничем не стесненными.

Затем Гитлер отправился отдыхать на Оберзальцберг. По пути туда он на несколько дней остановился в Берлине, чтобы обговорить с Кейтелем и Шмундтом дальнейшие военные задачи. Действовавшая до сих пор «Директива об обороне страны» была выполнена, и, как обычно, генштабу надлежало сформулировать свои меры заново.

Операция «Вайс»

К 11 апреля новая «Директива о единой подготовке вермахта к войне на 1939-40 г.» была уже готова. Она отражала самые последние выводы из позиции Польши. Соответственно, целый раздел в ней посвящался плану «Вайс{154}» – таково было кодовое наименование подготовки операции против Польши. Этот раздел привлек к себе внимание не больше, чем год назад план «Грюн», который отнюдь не привел (как того боялся генеральный штаб сухопутных войск) к войне. Прочитав новую директиву, Гитлер не счел намеченные в нем меры какими-то из ряда вон выходящими. Датой завершения всех оперативных приготовлений по указанному плану фюрер установил день 1 сентября. Эта директива не вызвала ни внезапного удивления, ни беспокойства.

50-летие Гитлера

20 апреля 1939 г., день 50-летия Гитлера, предназначалось стать для него днем триумфального почета. В этом празднестве участвовал весь немецкий народ. Пресса и радио восхваляли фюрера длинными передовыми статьями, сериями передач и комментариями. В квартире фюрера поток поздравителей и само торжество начались еще накануне. В Имперской канцелярии появлялось необозримое множество людей с подарками, которые выкладывались на длинных столах в огромном обеденном зале. В канун своего юбилея Гитлер глядел на них спокойно. Здесь лежали мельчайшие и скромнейшие вещи наряду с ценными полотнами, коврами и старинными произведениями искусства.

Главным событием предшествующего юбилею дня стало освящение берлинской транспортной «оси» Восток – Запад. Мы выехали к Бранденбургским воротам. В начале большого прекрасного проспекта фюрера встретил генеральный строительный инспектор столицы рейха Альберт Шпеер. Он доложил о готовности этой транспортной магистрали и произнес речь, состоявшую всего из семи слов: «Пусть это творение говорит само за себя!». Гитлер и Шпеер, стоя в открытом автомобиле, проехали семь километров по этому роскошному проспекту, сопровождаемые еще 50 автомашинами. Пылали факелы, развевались знамена и флаги. По обе стороны магистрали 30-метровой ширины плотными рядами стояли берлинцы, с восторгом встречавшие фюрера.

По возвращении в Имперскую канцелярию Гитлер с балкона приветствовал факельное шествие представителей всех партийных гау. Площадь Вильгельмплац чернела от толпы. Ликованию и выкрикам «Хайль!», казалось, в этот вечер не будет конца. В апартаментах фюрера тем временем собрались все ближайшие его сотрудники, личные и военные адъютанты, секретарши, врачи, слуги, экипажи персональных самолетов Гитлера, начальники его охранных команд, криминальной полиции (крипо) и бригады водителей, а также мажордом с домашним персоналом и ординарцами. Кроме них, здесь находились Зепп Дитрих, а также профессора Шпеер, Гофман. Вместе с ними были допущены только Борман, Бойлер и д-р Отто Дитрих. Ровно в полночь торжественная процедура началась с поздравлений и всяческих пожеланий его секретарш. Затем последовал длинный ряд других поздравителей. Шеф-пилот фюрера Баур вручил ему модель нового четырехмоторного самолета «Фокке-Вульф-200» (названного «Кондор»), который

должен был войти в строй летом. Затем я преподнес Гитлеру подарок от люфтваффе: на большой платформе были размещены модели всех самолетов, числившихся тогда в ее соединениях, с приложением инструкции, которая явно заинтересовала его.

Особенно сильное впечатление произвела на Гитлера модель предназначенной для возведения в Берлине Триумфальной арки. Шпеер велел изготовить эту модель по эскизам самого фюрера, относящимся еще к 1933 г. По такому случаю Гитлер заговорил о своих строительных планах и сказал: эти сооружения должны стать свидетелями нашего великого времени. Возведение их – отнюдь не какое-то тщеславие, заключающееся в том, чтобы поставить все на карту в результате какого-нибудь военного эксперимента.

Официальное торжество началось 20 апреля в 8 часов утра серенадой, которую исполнила музыкантская команда полка личной охраны фюрера. В 9 часов прибыли папский нунций и дуайен дипломатического корпуса. За ними последовали президент Чехии д-р Гаха и президент Словакии д-р Тисо, а также члены имперского кабинета и главнокомандующие трех составных частей вермахта.

В 11 часов состоялся большой военный парад. Гитлер с малочисленным сопровождением медленно объехал парадный строй войск, замерших на новой магистрали. Их подготовкой к торжественному маршу целыми неделями занимался специальный штаб. Парад, продолжавшийся целых пять часов, открылся прохождением знаменного батальона всех составных частей вермахта, который потом замер перед трибуной лицом к фюреру. По команде выехавшего на белом коне командующего парадом знаменосцы склонили знамена. Но тут произошло неожиданное: конь вдруг вспрянул, и всадник лишь с большим трудом смог удержаться в седле и произнести в микрофон следующие команды, сам же парад был впечатляющим. По приказу фюрера были показаны самые новейшие образцы вооружения, прежде всего – новые танки и орудия. В параде участвовали все рода и виды войск: пехота, кавалерия, артиллерия, саперы, связисты, летчики, зенитные части и подразделения военных моряков. Наибольшее место на параде заняли моторизованные войска. Люфтваффе показала свои новейшие истребители и бомбардировщики, которые образцово пролетели в боевом строю поэскадрильно. Гитлер продемонстрировал именно то, чего он достиг к своему 50-летию: в этот день весь мир должен был осознать военную мощь рейха.

Речь в рейхстаге 28 апреля

Гитлер велел созвать 28 апреля рейхстаг, чтобы выступить на его заседании с правительственным заявлением. Актуальным поводом явилось письмо Рузвельта, которое еще до отправки его в Берлин было опубликовано в Вашингтоне. Тем самым американский президент избрал не только необычный для международной дипломатической практики, но и вполне определенный тактический способ. Фюрер получил это письмо совершенно неожиданно и с раздражением высказался насчет такого бесцеремонного обращения с ним. Мнимое намерение Рузвельта содействовать данным письмом делу мира опровергалось его формой и тоном. Он требовал от Гитлера заверения, что тот не нападет ни на одну европейскую страну. Перечислялось примерно 30 таких стран. Далее президент США предлагал переговоры по вопросу о разоружении, таким образом задев самое чувствительное для фюрера место. Со времени Версальского мирного договора 1919 г. этот вопрос служил для него наиболее привлекательным лозунгом в его политической борьбе. Лига Наций, мол, создана державами-победительницами лишь для того, чтобы надзирать за разоружением Германии и не допускать ее нового вооружения. Однако все остальные государства не только не разоружились, но, наоборот, вооружились. Гитлер обвинял западные демократии в том, что они на вечные времена хотят обречь немецкий народ быть парией. Особенно клеймил он Рузвельта за его «лживую политику». С одной стороны, американский президент осуждает государства с тоталитарными режимами, а с другой – ищет более тесных отношений с Россией.

Речь Гитлера в рейхстаге 28 апреля 1939 г. была подобна взрыву политической бомбы. По выражению чиновников имперского министерства иностранных дел, фюрер «лягнул» всех, кого следовало; сам же фюрер воспринял это как похвалу. В Германии широко распространилось мнение, что речь эта – одна из его самых лучших. На меня лично произвело впечатление искусство Гитлера высказывать свои мысли просто, понятно и убедительно. За сарказм, с каким он дал по 21 пункту ответ американскому президенту, фюрер был вознагражден бурными аплодисментами всего рейхстага. Касаясь актуальной внешней политики, он заявил: своими последними соглашениями с Англией Польша нарушила германо-польский договор 1934 г., а потому для рейха этот договор больше не существует{155}. Что же касается Англии, из ее переговоров с Польшей он сделал

вывод: британское правительство приступило к новой политике окружения Германии, а тем самым уничтожило предпосылки германо-английского соглашения о военно-морских флотах 1935 г. Это соглашение тоже потеряло теперь силу.

В узком кругу в Имперской канцелярии Гитлер высказался серьезно и озлобленно. Теперь ему ясно: враждебность западных демократий направлена не только против национал-социалистического правительства Германии, но и против всего немецкого народа. Поэтому он чувствует себя лично задетым. В день своего рождения, подчеркнул фюрер, он снова ощутил любовь всего немецкого народа, и это дает ему силу не ослаблять усилий во имя Германии. И действительно, ликование 20 апреля не было организовано. Оно скорее явилось выражением подлинной любви и уважения народа.

Я понимал реакцию Гитлера на послание Рузвельта, пришедшее в самый неблагоприятный для этого момент. Уже в речи фюрера перед рабочими в берлинском парке Люстгартен 1 мая можно было услышать его ожесточение. Как часто во время своих речей, ему в тот день удалось установить контакт с аудиторией! Восторг был нужен ему точно также, как актеру – аплодисменты. Одну из типичных для него мыслей фюрер сформулировал так: «Ни один вождь не может иметь силы большей, чем та, которую дают ему его приверженцы». Однако дальше следовали такие слова: сам он «вооружается всеми средствами», а возводимый немецкими рабочими Западный вал – «куда больший гарант нашей свободы, чем любое заявление Лиги Наций». Денонсация договоров с Польшей и Англией тревожно подействовала на широкие народа и на окружение Гитлера.

Поездка на Западный вал

Целью следующей поездки Гитлера явился Западный вал. Если его инспектирование в августе прошлого года держалось в тайне, то теперь фюрера в поездке с 15 до 19 мая сопровождала большая свита с участием прессы. Пусть весь мир узнает, что немецкий народ создал за такое короткое время! В узком кругу Гитлер добавлял: «Чтобы никому здесь, на Западе, и в голову не смогла прийти мысль ударить нам в спину, пока мы связаны на Востоке». На сей раз хозяином тут был новый главнокомандующий войск «Запад» генерал фон Вицлебен. Он относился к фюреру так же, как и его предшественник генерал Адам, но внешне этого не проявлял.

Особое внимание Гитлер уделил созданию зоны противовоздушной обороны. Замещая Геринга, в этой инспекции участвовал Мильх, с ноября 1938 г. – генерал-полковник. Командующий зоной генерал-лейтенант Китцингер удостоился особой похвалы фюрера за удачную компоновку огневых позиций зенитной артиллерии для стрельбы как по воздушным, так и наземным целям. Как и все принимавшие участие в поездке, я находился под сильным впечатлением от таких крупных строительных успехов за столь короткое время. Крепостные сооружения давали уверенность и достаточную защиту против той артиллерии и тех танков, которыми была вооружена тогда французская армия. К тому же Западный вал должен был устрашать ее. Этой цели, как показалось нам, он уже служил и сейчас, хотя готовы были только две трети его укреплений.

Совещание 23 мая

Совершенно неожиданно через несколько дней после возвращения из этой поездки, 23 мая 1939 г., Гитлер провел в Имперской канцелярии совещание главнокомандующих составных частей вермахта вместе с начальниками их генеральных штабов. Присутствовали: Геринг, Редер, Браухич, Кейтель, Мильх, Боденшатц, Шнивинд, Ешоннек и Варлимонт{156}, а также мы – четыре адъютанта вермахта. Всем присутствующим были известны директивы от 4, а также 11 апреля{157}. Все мы предполагали, что Гитлер обсудит дальнейшие детали, особенно касающиеся плана «Вайс» – нападения на Польшу. Но никакого обсуждения не состоялось. Просто фюрер опять дал, как 5 ноября 1937 г. и 28 мая 1938 г., «tour d'hopizon»{158} политического положения.

При этом он впервые недвусмысленно высказал две идеи: Польша всегда будет стоять на стороне наших противников, а Англия – это мотор, движущий ее против Германии. Выразив сомнение насчет возможности мирного взаимопонимания с Великобританией, Гитлер считал важнейшей задачей сначала изолировать Польшу, а затем при первом же наилучшем случае напасть на нее. Нельзя рассчитывать на то, что конфликт с поляками можно решить подобно тому, как это было сделано с чехами. Но нельзя вступать и в одновременный конфликт с Англией и Францией. Об Америке фюрер не сказал ни слова. Россию же он непосредственно в число возможных в данный момент врагов не включил. Однако долго говорил о ведении войны против Англии, о необходимости ошеломляюще неожиданных действий и предпосылках для них, а также о сохранении в тайне всех его намерений и планов. ОКВ должно создать исследовательский штаб из самых квалифицированных офицеров всех составных частей вермахта, который возьмет на себя генштабистскую подготовку мер и операций против Англии.

Высказывания и указания Гитлера позволяли сделать вывод: крупный конфликт с Западом он считал возможным лишь в 1943 или 1944 г. Таким образом, фюрер назвал те же самые годы, что и 5 ноября 1937 г. Все присутствующие находились под впечатлением, что в нынешнем году фюрер хочет навязать полякам свою волю, как ранее – австрийцам и чехам. Никто не сомневался в его словах, что при этом он ни на какой риск идти не намерен.

Во время заседания Шмундт непрерывно вел записи, которые в последующие дни оформил в виде протокола. Вместе с другими

своими заметками он положил его в сейф. В дальнейшем Шмундта заменил в должности «уполномоченного по историографии» генерал Шерф. В его архиве сразу после войны союзники и обнаружили тот «Отчет о заседании 23 мая 1939 г.», который фигурировал в 1946 г. на Нюрнбергском процессе в качестве ключевого обвинительного документа под названием «Малый Шмундт». Вполне понятно, что ряд обвиняемых пытался поставить под сомнение подлинность этого документа, а отдельные данные изобразить ложными.

Сам я, будучи свидетелем на процессе в Нюрнберге, тогда осторожно высказался в таком же духе. Но сегодня, когда я пишу эти мемуары, никакой причины утаивать подлинность записей Шмундта больше нет. Все названные в нем лица, в том числе Геринг и тогдашний полковник Варлимонт, на совещании действительно присутствовали. Совершенно исключено предположение, будто свой протокол Шмундт написал только гораздо позже – скажем, в 1940 г. или 1941 г. Я знал его привычку оформлять такие записи возможно быстрее прямо после соответствующих событий. Шмундт как офицер генерального штаба был достаточно добросовестен и сознавал свою ответственность, чтобы правильно понимать историческое значение таких записей. Свидетельствую, что содержание данной записи полностью отвечало мыслям Гитлера в то время, известным мне не только по совещанию 23 мая, но и из отдельных других высказываний фюрера в кругу военных.

22 мая, то есть за день до этого секретного совещания, в зале приемов Новой Имперской канцелярии состоялось торжественное подписание германо-итальянского договора о дружбе и союзе. Имперское министерство иностранных дел нажало на все регистры этой крупной церемонии. В основном же дело в нем шло о взаимопомощи в военной и экономической областях. В обиходе он получил наименование «Стальной пакт». За кулисами помпезной процедуры его подписания поговаривали, что соглашение это означает весьма одностороннюю помощь Италии. Геринг, который в первую очередь испытывал опасения насчет возможных экономических последствий, открыто выражал свое недовольство Риббентропом, считавшимся инициатором пакта, и не скупился на отравленные шпильки в его адрес. Его злобствование усилилось, когда он узнал, что Риббентроп награжден высоким итальянским орденом, которого у него самого не было, обладатели этого ордена считались «кузенами» итальянского короля.

Югославский государственный визит

Вскоре после этого примечательного события, 1-4 июня 1939 г., в Берлин из Югославии с государственным визитом прибыла приглашенная Гитлером знатная пара: принц-регент Павел со своей супругой Ольгой. Урожденная принцесса Греческая и Датская, она приходилась сестрой герцогине Марии Кентской, близкой родственнице британского короля Георга VI. Это родство сыграло определенную роль в приглашении. К тому же впервые член царствующей династии нанес визит фюреру национал-социалистического государства. Визит этот по его помпезности затмевал даже приезд в свое время Муссолини. Фюрер заранее приказал перестроить и переоборудовать под резиденцию для почетных гостей имперского правительства дворец Бельвю в Тиргартене.

Гитлер дважды пожелал остаться с гостями наедине. На второй день он устроил в своей квартире обед в их честь, а на третий – чаепитие в новой оранжерее Имперской канцелярии. Он считал, что во время бесед в узком кругу есть больше возможностей оказать влияние на гостей. Фюрер сильно рассчитывал на то, что содержание его бесед с ними на предварительно выбранные темы будет передано англичанам, хотя и не знал еще, что принц-регент и его супруга прямо из Берлина отправятся в Лондон, чтобы повидаться со своими родственниками при британском дворе.

В программе визита стояла и вагнеровская опера «Нюрнбергские мастера пения» в Государственной опере на Унтер-ден-Линден; дирижировать должен был Герберт фон Караян. Мне тогда впервые удалось услышать этого ныне знаменитого маэстро, который еще лишь начинал свою музыкальную карьеру. Геринг, который в качестве прусского министра-президента являлся хозяином берлинской Государственной оперы, стоял за Караяна, между тем как Геббельс, не имевший никакого влияния на это прусское государственное учреждение (не знаю, по каким именно причинам – личным или художественным), Караяна терпеть не мог. Гитлер спектаклем этим оказался разочарован. Я слышал, будто он был недоволен неточными вступлениями оркестра, а также считал дерзким для молодого музыканта дирижировать великим творением без партитуры. Мол, даже сам знаменитый Вильгельм Фуртвенглер себе этого не позволял.

Чем пышнее были внешние рамки этого визита, тем большее неудовлетворение его результатами испытывал Гитлер, ибо никак не мог найти контакта со своими гостями. Мое первое впечатление от их встречи на Лертском вокзале меня не обмануло. Эти люди пришлись фюреру не по душе.

Через несколько дней всему миру пришлось принять к сведению успехи Гитлера в испанской Гражданской войне – 6 июня летчики легиона «Кондор» с цветами прибыли в Берлин как победители. Парад их возглавлял последний командир этого легиона генерал барон фон Рихтхофен. Оба его предшественника, генералы Шперрле и Фолькман, стояли позади фюрера на почетной трибуне. Среди примерно 1800 солдат находились и около 500 летчиков, всего несколько дней назад вернувшихся из Испании. На фоне транспарантов с именами погибших, которые держали примерно 300 членов «Гитлерюгенд», Геринг и Гитлер приветствовали легионеров. Фюрер еще раз кратко изложил причины и ход Гражданской войны в Испании, как он их видел. При этом Гитлер нападал на западные демократии, обвиняя их в «лживом» освещении германского участия в военных действиях на стороне Франко, и почтил память погибших за фатер-ланд камерадов. Только немногие заметили, что он сумел ловко избежать даже малейшего упоминания о России и большевизме.

Летние поездки

Теперь календарь Гитлера оказался свободен от официальных или военных мероприятий. Шмундт воспользовался этим, чтобы уехать в отпуск, а Альбрехт решил жениться. Поэтому оставшуюся часть месяца службу пришлось нести Энгелю и мне; мы решили этот срок поделить, я взял на себя его первую половину.

Целью первой поездки явилось посещение 7 июня 1939 г. еще строившегося автомобильного завода «Фольксваген» в Фаллерслебене. Камень в его фундамент Гитлер заложил еще примерно год назад. Туда же были вызваны Лей, д-р Фридрих Порше и Якоб Берлин. Лей финансировал это строительство, Порше был конструктором «Фольксвагена», а Берлин – советником фюрера по автомобильным вопросам и его собеседник по делам моторизации.

Я познакомился с Берлином еще осенью 1937 г. на Оберзальцберге. Оказалось, он, являясь директором филиала «Мерседес-Бенц» в Мюнхене, был знаком с фюрером еще с 1923 г. и поставлял ему автомобили. Уже вскоре после своего прихода к власти Гитлер попытался через Берлина сделать идею выпуска «народного автомобиля» привлекательной для автопромышленности. Но из-за тогдашних трудных экономических условий автофабриканты не решились приступить к производству новой конструкции, успех которой казался им неясным. Однако Берлину удалось заинтересовать проектом конструктора Порше, ранее работавшего в фирме «Мерседес», и связать его с Гитлером. Узнав об этом плане, Лей увлекся им и предложил финансировать строительство за счет «Банка германского труда» – домашнего банка своей организации, в котором лежали деньги ее членов{159}. На строительство завода в районе Вольфсбурга Лей отводил год, и первый «фольксваген» должен был, как он считал, сойти с конвейера в конце 1940 г. Мне хорошо помнится многоголосая критика в адрес «одержимого манией величия» Лея, утопические планы которого считались нерентабельными и неосуществимыми, а сама идея производства «народного авто» – ложной. Однако фюрер всячески поддерживал Лея и эту идею. Оба они возлагали большие надежды на эту маленькую автомашину, которая должна была стоить всего 1000 рейхсмарок. Вермахт же тогда этой автомашиной не интересовался, считая ее непригодной в военном отношении.

Следующая поездка была в Вену на «Имперскую театральную неделю». Гитлер любил культуру, искусство и исторические традиции этого города. Но вот самих венцев он не любил и не

скрывал этого. А потому, будучи на сей раз не обременен государственно-политическими обязанностями, говорил здесь только о культуре и искусстве. По большей части он рассказывал о событиях своей венской молодости, о том, какие оперы слышал, какие спектакли в Бургтеатре видел, какими художниками восхищался. В архитектуре и живописи фюрер отдавал предпочтение XIX столетию. Особенно восторгался он такими творениями готики, как собор святого Стефана, а также зданиями в стиле барокко, которыми так богата Вена. Но искусство XIX в. было ему ближе, ибо оно моложе и, на его взгляд, все еще не завершено в своем развитии. Примыкая к этому искусству, современные живопись и архитектура должны, однако, выходить за рамки той эпохи и искать новые пути. В своей живописи Гитлер и сам пытался продолжать это направление в искусстве. Стилистическим образцом для него, даже в выборе сюжетов и мотивов, служил Рудольф фон Альт, которому он подражал.

Последний день в Вене начался с посещения Гитлером могилы его племянницы Гели Раубаль на Центральном кладбище. Затем мы вылетели в Линц. К этому городу у фюрера было отношение иное, чем к Вене. Здесь он чувствовал себя вольготно. Но, по его мнению, Линцу не хватало зримых культурных ценностей, и теперь Гитлер желал этот пробел восполнить{160}. На обратном пути он посетил еще некоторые места, связанные с его детством и юностью.

В «Бергхоф» Гитлер вернулся бодрым и возбужденным поездкой. Однако уже в первый вечер я заметил, что мысли его опять блуждают где-то далеко. Никогда еще мне не бросался так в глаза контраст между его приватным любимым занятием – строительством и постоянным размышлением о путях осуществления своих политических замыслов, как в эти дни на Оберзальцберге. Его собеседниками были попеременно Шпеер и я.

Целыми часами вышагивая по большому холлу, Гитлер давал свободу собственным мыслям. В словах его звучало желание как можно быстрее создать базу для манящего мирного труда, а базой этой должен был служить именно Великогерманский рейх, не оспариваемый и признанный народами Европы и всего земного шара. Мне казалось, что главную роль здесь играло для него даже не территориальное расширение рейха, хотя он и делал утрированно звучащие намеки насчет такого расширения на Восток. В сущности, для него дело преимущественно заключалось в уничтожении «еврейского большевизма» как величайшей опасности для Германии и Европы. Под этой угрозой немецкий народ не может жить мирной жизнью и выполнять предписанную

ему историей задачу: оберегать те культурные ценности, которыми он обладает, и создавать новые – так аргументировал свою политику Гитлер. Сознаюсь, эти идеи производили на меня впечатление. Кажущаяся ясной оценка положения убеждала меня в правильности его планов.

Но прежде всего я верил его словам, что предпосылкой конфликта с Россией и Польшей должна быть единая Европа. Он не сомневался, что кампания против Польши будет короткой и победоносной – это для него было бесспорно. Но он бы предпочел получить Данциг и часть коридора без применения вооруженной силы и установить с Польшей новые прочные отношения. Он не может себе представить, чтобы шовинизм поляков зашел столь далеко, что они недооценивают силу германского вермахта и переоценивают возможность помощи со стороны Англии. Такая ложная оценка может означать конец Польши. Гитлер не верил в активное вмешательство Англии, ибо исходил из того, что англичанам требуются еще минимум два года, пока они вооружатся для войны. Вот это время он и хочет использовать, ибо подобный случай решением польской проблемы создать базу для неизбежной вооруженной борьбы против России снова не представится.

Во время одного такого вечернего хождения по холлу я спросил Гитлера, верит ли он в то, что англичане признают гегемонию Германии в Европе. Фюрер ответил: им не останется ничего другого, если они хотят сохранить свою мировую империю. С Польшей они еще до конца не определились. Осторожные англичане пока выжидают. Они наверняка станут совсем тихими, когда он осуществит союз с Россией. Тогда, несомненно, полякам придется перестать задаваться, ибо русских они боятся сильнее, чем нас{161}.

Германо-русское сближение

Тем временем определенные знаки из Москвы позволили сделать вывод о заинтересованности Сталина в изменении советской политики в отношении Германии. Министр иностранных дел Литвинов, еврей, пользовавшийся особенным авторитетом у западных держав, в мае 1939 г. был заменен Молотовым. В ответ на мой вопрос, какой интерес у Сталина вступать с нами в связь, Гитлер указал на испытываемые Россией экономические трудности. Потом добавил: «эта хитрая лиса Сталин» таким образом хочет ликвидировать фактор отсутствия безопасности из-за Польши. В наших же интересах достигнуть взаимопонимания и договоренности с Россией, ибо так мы сможем изолировать Польшу и одновременно отпугнуть Англию. Его главной задачей остается: избежать войны с Англией. Германия тоже не готова, с точки зрения своего вооружения, к такой борьбе не на жизнь, а на смерть. Гитлер надеялся после заключения германо-русского союза возобновить переговоры с Польшей и отстранить от них Англию.

Инцидент с Альбрехтом

Какими вещами Гитлеру приходилось заниматься помимо большой политики, показывает одно пустяковое, но типичное для того времени событие. Гросс-адмирал Редер попросил встречи с фюрером. Начальник штаба ОКМ капитан 1 ранга Шульте-Ментинг не согласовал дату со мной как с дежурным военным адъютантом, что было довольно странно, хотя у моряков имелись свои привычки. Редер прибыл в «Бергхоф», поговорил с фюрером часа два за закрытыми дверями и уехал. Разумеется, я узнал от Гитлера, о чем шла речь. Оказывается, Альбрехт{162} женился на одной женщине, известной в кругу морских офицеров своим «легкомысленным» образом жизни; по понятиям гросс-адмирала, она для офицерского корпуса никак не подходила. За это Редер потребовал уволить Альбрехта из военно-морского флота. Гитлеру были известны устарелые взгляды гросс-адмирала в подобных вопросах, и, как он сам мне сказал, он решил не принимать решения, не поговорив предварительно с Альбрехтом. По указанию фюрера я вызвал его. Тот приехал, доложил все как есть Гитлеру и уехал; я только и успел сказать ему «здравствуй» и «до свидания». В последующие дни мне довелось услышать возбужденный разговор Гитлера с Редером, после которого фюрер вызвал к себе жену Альбрехта. В результате Альбрехт был из флота уволен, но Гитлер взял его к себе личным адъютантом.

В этом «инциденте» заслуживает внимания то, что Редеру все-таки удалось добиться своего. Он был уверен в собственном положении и чувствовал моральную ответственность перед офицерским корпусом ВМФ, а потому и не уступил Гитлеру. Но он знал и то, что фюрер не мог обойтись тогда без него и никакого нового скандала с военной верхушкой не хотел. Вот почему поведение Редера было беспрецедентным. История с Альбрехтом доказала, что главнокомандующий одной из составных частей вермахта хотя и смог успешно отстоять свои взгляды перед Верховным главнокомандующим, все же не обладал требующейся психологической искусностью в общении с ним.

Обострение ситуации

Радость от рождения нашего сына Дирка 22 июня была омрачена обеспокоившей меня информацией с Оберзальцберга. Я услышал оттуда, что после бесед Гитлера с Браухичем и Кейтелем военные меры, принятые на основе указаний от начала апреля, вступили в такую стадию, когда их сохранение в тайне становится все более трудным. Фюрер весьма заботился о том, ибо сухопутным войскам и военно-морскому флоту было нелегко маскировать эти становящиеся все более обширными меры. Следовало призвать резервистов, что в данный момент было необычным, поскольку маневры как правило проводились не раньше сентября.

Сельское хозяйство приступило к сбору урожая и, как и промышленность, нуждалось в каждом человеке, чтобы выдержать сроки поставок готовой продукции по возросшим заказам. В связи с этим не удалось избежать в деревне разговоров о предстоящих военных событиях. Нетрудно было разгадать и цель этих мер после ранее предпринятых акций. Гитлер хочет вернуть Данциг и «польский коридор» в собственность рейха! Оставалось только узнать, когда и как. Настроение в народе пока царило оптимистическое. Войну считали исключенной: «Уж Адольф-то сумеет ее не допустить!».

Да я и сам не мог полностью поверить в возможность военного конфликта. Разговоры с Гитлером на Оберзальцбер-ге и перспектива союза с Россией, собственно, успокоили меня. И все-таки мне становилось все труднее отвечать на вопросы атаковавших меня друзей. Будет война или нет? Можем мы уезжать в отпуск?

Хорошо помню мои тогдашние размышления, поскольку мне пришлось подолгу беседовать с кузеном, который, будучи офицером в Первую мировую войну, теперь был призван в люфтваффе. Я старался успокоить его сильную тревогу из-за новой войны, не упоминая притом о планах Гитлера насчет России. В тот момент я действительно еще думал, что расчет фюрера на мирное решение оправдается. Но уже совсем скоро все выглядело по-иному.

Когда в первые июльские дни мы с женой намечали день крещения нашего младенца, график плана «Вайс» уже играл для вермахта важную роль. Я знал: 12 августа Гитлер должен принять решение, следует ли проводить сосредоточение войск против Польши, дабы 26 августа начать назначенное нападение. Поэтому я считал 12 августа – то была суббота – последним возможным

днем для крещения сына. Итак, в начале июля ход политического развития уже привел меня к выводу: война с Польшей все же может произойти.

Рехлин, 3 июля 1939 г.

После двух недель, проведенных в кругу семьи, я явился к Гитлеру в Гамбург, где он находился по случаю похорон умершего командующего армейского корпуса генерала Кнохенхауэра, чтобы затем выехать на испытательный аэродром люфтваффе Рехлин на озере Мюртцзее в Мекленбурге. В последние июньские дни Удет и Ешоннек проинформировали меня в Берлине о том, как будет проходить посещение фюрером Рехлина. 5 июля около 10 часов мы прибыли на аэродром, где его ожидали Геринг, Мильх, Удет и Ешоннек с большим штабом офицеров и технических специалистов. Кроме личных и военных адъютантов, присутствовали только Кейтель и Борман. Идея демонстрации новых самолетов, оружия и авиационной техники исходила от Мильха, обеспокоенного тем, как бы из-за нехватки сырья не пострадало выполнение программы выпуска самолетов и производства авиационного оборудования. 6 то время как Мильх всегда старался показать Гитлеру истинное положение дел в самолетостроительной промышленности, Геринг стремился создать у фюрера впечатление, что отданное им приказание об увеличении люфтваффе в любом случае будет выполнено. Поэтому он принял предложение Удета обратить внимание Гитлера на совсем другие вещи.

Удет был в Рехлине, так сказать, принимающим гостей «хозяином дома». Соответственно, он разработал в своих службах, а также согласовал с Герингом и программу показа. Сам Геринг понимал в авиационной технике мало, а потому его было легко ослепить всяческими эффектами, произведя желательное впечатление. Своим подчиненным он дал понять, что Гитлер имеет о самолетах представление слабое, но проявляет большой интерес к технике, а особенно к действию оружия. Вот почему демонстрацию Геринг и Удет поручили экспериментальной службе. Их побочной целю было отвлечь Гитлера от вопросов оснащения летных соединений на данный момент.

Интересная и многосторонняя демонстрация произвела на всех присутствовавших значительное впечатление. Правда, Мильх старался объяснить Гитлеру, что показанные самолеты, оружие и оборудование еще находятся в процессе испытаний. Но никто не сказал фюреру, что по прохождении всесторонних испытаний все это сможет поступить в войска не ранее чем через два-три года. Стоило Гитлеру проявить повышенный интерес к тому или иному объекту или дать понять, что данную конструкцию он считает особенно важной, как Геринг тут же заверял, что немедленно

позаботится о внедрении этого в войска.

Наиболее впечатляющим, несомненно, был полет «Хе-176» – первого в мире реактивного самолета. Хотя этот экспериментальный самолет и продержался в воздухе всего несколько минут, он достиг своей проектной скорости почти 1000 км в час, что явилось для того времени феноменальным достижением. Истребители «Ме-109» и «Хе-100» казались рядом с ним устаревшими машинами, хотя речь при этом шла о вполне современных конструкциях. Казалось, «Хе-100» по своим летным качествам превосходит «Ме-109», но Геринг и Удет заранее решили, что следует продолжать выпуск только «Ме-109». С одной стороны, этот самолет выпускался уже более длительное время, а с другой – завод Хейнкеля подлежал специализации на бомбардировщиках.

Тогдашний стандартный самолет «Хе-111» был продемонстрирован при-сильной перегрузке: снабженный двумя дополнительными вспомогательными стартовыми ракетами, он поднялся в воздух без всякого труда. Учитывая недостаточную пригодность «Хе-111», это означало компромисс. Для использования в качестве стандартного бомбардировщика эту машину приходилось перегружать или же, для увеличения радиуса полета, оборудовать дополнительными баками с горючим, или для усиления атакующего эффекта снабжать большим количеством бомб.

Наряду с навигационными приборами и радиоаппаратурой особое внимание Гитлера привлекли к себе образцы бортового оружия истребителей. Двухмоторный истребитель «Ме-110» был вооружен вновь сконструированной 30-миллиметровой бортовой пушкой. Это особенно понравилось фюреру. Он указал на необходимость повышения скорострельности бортового оружия при увеличении его калибров, прежде всего для истребителей.

Геринг, Мильх и Удет рассчитывали, в свете предыдущих высказываний Гитлера, на то, что военный конфликт произойдет никак не ранее 1943 г. С этим сроком и согласовывалась данная демонстрация авиационной техники. Тем не менее на обратном пути в Берлин я воспользовался случаем еще раз обратить внимание фюрера на то, что все увиденное им, – это «музыка будущего». Он сказал, что понял это и еще раз подробно переговорит обо всем с Герингом. Когда я предложил привлечь к разговору о вооружении люфтваффе специалистов, лучше всего Мильха, фюрер охотно согласился. Но этот столь необходимый разговор ввиду политических событий не состоялся. Гитлер так и остался при внушенных ему в Рехлине совершенно ложных взглядах, а потом люфтваффе получала от него совершенно не

заслуженные ею упреки. Узким местом люфтваффе было и осталось снабжение сырьем, но об этом не говорилось. Непростительно, что Геринг и его сотрудники не сделали из данной беседы никаких выводов. Первые победоносные кампании 1939 и 1940 гг. помешали разглядеть действительность. Только двумя годами позже, после первого кризиса в походе на Россию, эту роковую ошибку наконец распознали.

Затем – насыщенные работой дни. Я сообщил Ешоннеку и его штабу, а кроме того ОКВ (Управление обороны страны) – офицеру генерального штаба моему другу майору Шпеку фон Штернбургу – о своем разговоре с Гитлером насчет уровня вооружения люфтваффе. Ешоннек хотя и приветствовал мою интерпелляцию у фюрера, но находился под влиянием Геринга, который считал возможным лишь нападение на Польшу, но никак не войну с Англией. Штернбург видел ход политического развития иначе. Мне казалось, он испытывает влияние своего начальника полковника Варлимонта. Тот был интеллигентным офицером генерального штаба, хотя и не очень влиятельным, и принадлежал к тем, кто не высказывал своего мнения, благодаря чему производил впечатление человека скрытного. Штернбург же, напротив, в выражениях не стеснялся. Он придерживался взгляда, что Англия и Франция в случае германского нападения сразу придут на помощь Польше, и, соответственно, с озабоченностью глядел в будущее. Я к его точке зрения присоединиться не смог, хотя высказанные им аргументы и подействовали на меня.

Последние недели перед войной

Итак, отныне мне предстояло одно: включиться в подготовку операции «Вайс», поскольку я снова должен был сопровождать Гитлера в его очередной поездке как дежурный адъютант. На основе общей директивы ОКВ, составные части вермахта были обязаны издать собственные оперативные приказы. Штабы и войска работали в условиях наивозможнейшего сохранения тайны. Но отделаться от впечатления, что готовится что-то из ряда вон выходящее, все-таки было нельзя. Я находил удивительным, что между фюрером и командованием сухопутных войск неожиданно воцарились мирные отношения. Год назад, когда опасность большой войны была минимальной, главнокомандующий и начальник генерального штаба этих войск пытались убедить Гитлера отказаться от его плана нападения на Чехословакию. Правда, тогда, в 1938 г., начальником генштаба был еще Бек, но негативное в принципе отношение к фюреру со стороны Браухича как главнокомандующего и Гальдера как преемника Бека с тех пор не изменилось. Теперь же, когда после оккупации Чехословакии напряженное политическое положение не разрядилось и нападение на Польшу могло вызвать европейскую войну, командование сухопутных войск, казалось, никаких опасений больше не испытывало. Эта позиция внушала мне неуверенность и одновременно недоверчивость, ибо в генеральном штабе люфтваффе тоже были озабочены и оптимизма Геринга в оценке обстановки не разделяли.

6 июля Гитлер впервые полетел в Мюнхен на новом самолете «Фокке-Вульф-200», получившем наименование «Кондор». Фюрер пришел в восхищение от этой машины, она казалась ему в воздухе более спокойной и менее шумной. Несколько скептически оценил он только убирающееся шасси – нечто новое, чего еще не видел. Но вскоре привык. В самолете имелось на 6-8 мест больше, чем в прежнем «Ю-52», и летел он почти на 150 км в час быстрее. Это означало солидное сокращение времени полета из Берлина в Мюнхен.

В тот же вечер Гитлер выехал на автомашине на Оберзальцберг и оставался там целую неделю, которая для меня опять полностью прошла под знаком вооружения. Насколько подробно фюрер занимался деталями, показывает следующий эпизод. Однажды он обратил внимание на то, что военно-морской флот держит предназначенные для линкоров «Шарнгорст» и «Гнейзенау» 380-миллиметровые орудия в арсенале. Мне пришлось тут же передать Кейтелю его указание изготовить

железнодорожные лафеты и смонтировать орудия на них. В другой раз дело касалось производства снарядов для зенитных орудий. Незадолго до того Кейтель, информируя фюрера о требовании люфтваффе увеличить выпуск боеприпасов для зенитной артиллерии, высказался против этого, сославшись на нехватку сырья. Гитлер согласился и определил объем ежемесячного производства в 100000 выстрелов снарядов калибра 88 мм. И соответствующего количества для других калибров. Я попытался доказать фюреру, что при нынешнем наличии у зенитной артиллерии 2500 орудий калибра 88 мм снарядов для них следует производить из расчета 40 на каждое орудие в месяц. Но он не уступал, аргументируя тем, что склады и так переполнены боеприпасами, а потому приоритет должно иметь производство не снарядов, а зенитных орудий.

Гитлер тщательно занимался оперативным планом сухопутных войск для похода на Польшу. Браухич и Гальдер обсуждали с ним подробности и получали его одобрение. Продолжалась и подготовка Имперского партийного съезда, а также празднования в конце августа 25-летия битвы под Танненбергом. Фюрер лично принял участие в «Дне германского искусства» в Мюнхене и посетил Байройтский фестиваль (25 июля – 2 августа), сделав небольшой перерыв для военных бесед в Берлине и на Западном валу в районе Саарбрюккена. Прием в честь музыкантов 1 августа в «Зигфрид-Вагнерхаузе» заставил его на какое-то время позабыть о военных планах. Пребывание Гитлера в Байройте завершилось 2 августа оперой «Гибель богов». Это был тот самый день, когда 25 лет назад началась Первая мировая война. Но об этой годовщине говорили мало. Гораздо большую роль играли в эти дни служебный юбилей Шмундта, а также поступление Гитлера в свое время добровольцем на военную службу в пехотный полк «Лист». Фюрер получил множество поздравлений, а большое число поздравителей собралось в «Бергхофе».

Своего шеф-адъютанта Шмундта Гитлер произвел в полковники, что служило знаком признания и доверия. Однако в кругу высших офицеров генштаба сухопутных войск это было воспринято иначе. Встреченный ими с недоверием уже просто как преемник Хоссбаха, Шмундт к тому же все эти годы часто подвергался с их стороны критике. Истинной же причиной было противоречие между ОКВ и ОКХ. Последнее не хотело и не могло примириться с тем, что ОКВ в качестве военного штаба Гитлера выполняло задачи в масштабе всего вермахта, т.е. и за сухопутные войска – все равно, касалось ли это командных вопросов или же экономики и вооружения. Офицеры

генерального штаба сухопутных войск видели в Шмундте человека ОКВ, а не первого адъютанта и военного советника своего Верховного главнокомандующего. Они отказывали ему в том признании, которым вознаграждали Хоссбаха, хотя оба эти офицера по своей пригодности к данной деятельности стояли на равном уровне. Разница была лишь в их задачах. Хоссбах, по поручению начальника генерального штаба генерала Бека, был обязан следить за тем, чтобы Гитлер не вмешивался в дела сухопутных войск. Шмундт же имел от фюрера поручение, будучи его военным адъютантом, нести ответственность только перед ним лично. Теперь он вот уже полтора года находился в тяжелом положении, дискриминировавшем генштаб сухопутных войск. После всего того, что довелось пережить Шмундту с тех пор, перед ним мог стоять только один вопрос: pro или contra Гитлера?

Он решил быть за фюрера, между тем как его лучший друг со времен службы в 9-м пехотном полку Хеннинг фон Тресков принял решение быть против. Оба являлись солдатами, оба имели тогда одинаковое мировоззрение и оба верили в то, что, выполняя свои задачи, совершают наивысшее благо для собственного отечества. Шмундту было трудно выполнять свою задачу, и решение это далось ему нелегко. Он рассматривал свою должность как чисто военное дело. Особенно важным Шмундт считал хорошие отношения между Гитлером и руководством сухопутных сил. Ему постоянно приходилось бороться с влиянием на фюрера партии и СС. Усилия эти принесли лишь частичный успех, а несколько друзей – сослуживцев по генштабу даже называли его «чистейшей воды глупцом». Нет, в оценке своего шефа Шмундт «глупцом» не был. Он очень хорошо умел разглядеть события и лица и приходил в отчаяние от дистанцированной в отношении Гитлера позиции генералов. Однажды в разговоре со Шмундтом на эту тему я упрекнул его в том, что он мог бы оказывать большее влияние на персональное замещение должностей в штабах сухопутных войск, добиться чего ему удалось бы только через Гитлера. Но Шмундт был слишком порядочным человеком: в его глазах это было интриганством против своих генералов. Сам же он получил от них в ответ только неблагодарность и высокомерное сочувствие.

Итак, Гитлеру предстояло решить, предпринимать ли сосредоточение и развертывание сухопутных войск для назначенного на 26 августа нападения на Польшу. К середине месяца становилось все яснее: Польша окажет вступающим германским войскам сопротивление. В эти дни мне удалось переговорить с двумя нашими посетителями: Бем-Теттельбахом и

Карлом Ханке. Последний был до недавнего времени статс-секретарем геббельсовского министерства пропаганды и имел мобилизационное предписание в танковые войска. Оба они в то, что при германском нападении на Польшу Англия останется нейтральной, не верили и считали, что это будет означать и одновременное военное столкновение с Францией. Ханке полагал, что германо-русский союз не произведет на британцев никакого впечатления. Это отвечало и моим представлениям, но я все-таки никак не мог поверить в то, что Польша рискнет пойти на сопротивление двум превосходящим ее по мощи державам – Германии и России. Пожалуй, это все же было бы последним шансом на новые переговоры с нею.

Я ценил Ханке, мы подружились и часто беседовали между собой. Мне были известны его умные и глубоко серьезные взгляды на многие вопросы политики и жизни. В последнее время его имя часто связывалось с любовными похождениями Геббельса с чешской кинодивой Лидой Бааровой. Во время Байройтского фестиваля Гитлер, мягко применив силу, снова воссоединил супружескую пару Геббельсов. Но этому предшествовали бурные недели. Поначалу Магда Геббельс обратилась за советом и помощью к Ханке в надежде на то, что он подействует на ее мужа и уговорит того прекратить свои любовные эскапады. И она, и Ханке знали, что этого желает и Гитлер. Тщетно пытался Ханке урезонить Геббельса, и это привело лишь к отчуждению между Ханке и Магдой. Тогда она решилась на развод с Геббельсом. Узнав об этом, фюрер вмешался, и Магда приняла его «судебный приговор». Мы же, однако, были убеждены в том, что на самом деле большой любовью Магды был не кто иной, как сам Адольф Гитлер, и, пусть даже эпизодически, она пользовалась его взаимностью. Брак с Геббельсом явился для нее выходом, дав возможность жить в близком общении с Гитлером. Иначе объяснить замужество этой необычайно привлекательной женщины с хромоножкой Геббельсом мы никак не могли.

Германо-русское соглашение

Тем временем на Оберзальцберге продолжалась обычная жизнь. Внешне не было заметно, чтобы политики и военные занимались какими-то исключительными делами. Шмундт и Хевель информировали меня после моего приезда о последних событиях.

Как и ожидалось, 12 августа Гитлер дал приказ о сосредоточении и развертывании вермахта против Польши и назначил «день Х» (день нападения) на субботу, 26 августа. 14-го в «Бергхофе» побывали Браухич и Гальдер, имевшие продолжительный разговор с фюрером. Шмундт полагал, что он вызвал их, дабы еще разочек «всадить им здоровенный шприц в одно место». По мнению Гитлера, Польша совершенно изолирована и через недели две после нападения рухнет. За этот срок Англия и Франция никакой ощутимой помощи ей оказать не смогут. А если Англия все-таки вмешается, тем самым она поставит на карту существование своей мировой империи.

В этом случае Гитлер хотел напасть на Польшу, несмотря ни на что. Россия будет держаться нейтрально. Ее интересуют только Прибалтийские государства и Бессарабия. Хевель подтвердил, что Риббентроп форсирует кажущиеся благоприятными переговоры с русскими о торговом соглашении. Недоверие вызывает лишь поведение итальянцев. Довольно продолжительный визит итальянского министра иностранных дел графа Чиано{163} в конце прошлой недели имел целью удержать Гитлера от войны против Польши из-за опасения вмешательства Англии. У Хевеля сложилось впечатление, что фюреру не удалось убедить Чиано в необоснованности его опасения насчет большой войны.

Тем не менее Гитлер продолжал доверять Муссолини. По мнению Хевеля, итальянцы весьма точно знали не только германские намерения против Польши, но и английскую точку зрения. Фюрер очень откровенно высказал Чиано свои идеи и планы насчет Польши, но, как и обычно в своих беседах с итальянцами, многое изобразил утрированно, а это отчасти не соответствовало его мыслям. На сей раз ему гораздо важнее, чем когда-либо, были цель и воздействие его слов. Ему необходимо привлечь итальянцев на сторону своих планов против Польши и, будучи уверенным в том, что все, сказанное им, через Рим дойдет и до Лондона, он считает возможным таким образом внушить англичанам представление о своей военной мощи и решимости.

Пресса почти ежедневно сообщала об учащающихся эксцессах поляков против немецкого меньшинства в бывших германских

областях Восточной Пруссии и Верхней Силезии. Поступавшие в «Бергхоф» донесения нашего посольства в Варшаве и германских консульств в Польше выглядели не только пропагандистскими, но и носящими серьезный характер, становясь день ото дня все тревожнее. Гитлер также и в кругу своих приватных гостей много говорил о «невыносимых» условиях для немцев в Польше и о большом числе беженцев. Поток немцев, бегущих из Польши, но данным наших органов, уже превысил 70 тыс. человек. «Заграничная организация НСДАП», которая в Австрии и Судетской области действовала в качестве «agent provocateur», в Польше была запрещена. Поведение польских властей и населения было подобно террору против немцев, совершенно независимо от их политических взглядов и вероисповедания. Все это не могло не оказывать воздействия на Гитлера. Как и в июне, из последовательно антинемецкой позиции польских официальных органов он сделал вывод о готовности поляков вступить в борьбу. Мол, объяснить это можно только польским шовинизмом. Ведь Польша – изолирована. Теперь дело только за нашими быстрыми успехами в первые же дни наступления.

Все это служило причиной многих тактических соображений, которые во всех подробностях занимали Гитлера в те дни. Особенное значение он придавал овладению неразрушенными мостами через Вислу, прежде всего в районе Грауденца{164}, а также внезапности действий в верхнесилезской промышленной области, чтобы не допустить возможных разрушений поляками. Он утвердил использование формирований СС и ударных групп, действующих в польской военной форме.

Эти первые впечатления в «Бергхофе» позволили мне ясно понять: Гитлер больше уступать не желает. Но тут произошло еще одно чудо, начало которому было, как казалось, положено 19 августа. Германо-русское торговое соглашение было уже подписано. Однако переговоры снова и снова затягивались, ибо фюрер не хотел пойти навстречу советскому желанию насчет политических договоренностей. Только после визита Чиано и осознания в его результате того обстоятельства, что в нападении Гитлера на Польшу Англия усмотрит для себя casus belli{165}, Риббентропу удалось переубедить фюрера. Гитлер позволил Риббентропу убедить себя в том, что заключение с русскими пакта о ненападении – последний шанс в случае германо-польского конфликта не допустить вмешательства в это столкновение Англии. Вот тогда-то фюрер и предложил Сталину как можно скорее принять Риббентропа. Согласие Сталина принять Риббентропа 23 августа было получено в «Бергхофе» 21-го вечером. Гитлер знал, что уже довольно продолжительное

время англо-французская военная миссия ведет в Москве переговоры с высшим командованием Красной Армии. В этот вечер он долго совещался со своим министром иностранных дел и дал ему последние указания для бесед со Сталиным. Риббентроп видел себя уже у цели своих многомесячных усилий стоящим у истоков новой мирной эры в Европе.

Считая разрядку политической напряженности достигнутой, Гитлер 22 августа в 12 часов дня выступил перед собравшимися в большом холле его резиденции генералами и адмиралами{166} (о чем ему доложил Геринг), чтобы проинформировать их о ходе событий на данный момент. По указанию фюрера на совещание были вызваны главнокомандующие трех составных частей вермахта со своими начальниками генеральных штабов и важнейших управлений, а также предусматривавшиеся на случай мобилизации командующие групп армий и армий (тоже с их начальниками штабов), соответствующие командующие люфтваффе и военно-морского флота. Явились они в штатском и прибыли по. разработанным нами точным планам различными путями и в разное время.

Гитлер говорил почти два часа по написанному им самим краткому конспекту-памятке. Главная цель его речи состояла в том, чтобы заручиться доверием генералов к его решению напасть на Польшу. Он с большой убедительностью дал свою оценку положения с учетом всех политических, военных и экономических факторов отдельных европейских государств. Величайшее удивление вызвало его сообщение о том, что Риббентроп уже находится на пути в Москву с целью заключить со Сталиным пакт о ненападении; все были ошеломлены. После этого заявления объявили перерыв на обед. Союз с Россией был встречен высшими офицерами вермахта (все они знали Красную Армию по сотрудничеству с нею во времена рейхсвера) с пониманием и симпатией. Чувствовались своего рода разрядка и облегчение.

Во второй половине дня Гитлер говорил о некоторых тактических и оперативных подробностях. Он потребовал от командного состава войск суровых действий и гибкой тактики, подчеркнув свою веру в германского солдата и быструю победу в Польше. Пусть весь мир возымеет уважение к боевой силе германского вермахта, ибо огромное столкновение позднее – неизбежно!

Хотя я знал, что некоторые генералы настроены против Гитлера и его политики войны, а отдельные пункты в его оценке обстановки так и остались открытыми (например, насчет возможного влияния США на различные правительства в Европе), никаких вопросов или контраргументов не последовало.

Несомненно, союз с Россией заткнул рот некоторым скептикам.

Заключительное слово произнес Геринг. От имени всех собравшихся генералов и офицеров он поклялся фюреру в верности, повиновении и безоговорочном следовании за ним.

После отъезда приглашенных Гитлер еще какое-то время беседовал с Герингом, а когда удалился и тот, – со Шмундтом, который вышел от него с озабоченным лицом. Причина у него имелась: сказанное ему фюрером о командовании сухопутных сил звучало угнетающе. Он не остановился и перед обвинениями по адресу генерал-полковника Секта{167}, который, будучи с марта 1920 г. до октября 1926 г. фактическим командующим вооруженных сил, сформулировал понятие «стоящего вне политики рейхсвера». Вновь вернувшись к напряженным событиям предыдущего года, фюрер сказал, что Сект разрушил самосознание офицерского корпуса и увольнял из армии сильные личности. В действительности же генералы рейхсвера занимались политикой куда больше, чем своим исконным ремеслом. А Бек плыл тем же фарватером. Он, Гитлер, знает со времен Хоссбаха, что генералы хотели держать его вдали от всех командных вопросов и задач сухопутных войск, чтобы оставить все по-старому. Вот почему, дабы убедить генералов, ему приходится выражаться резче и определеннее, чем хотелось бы. Он вынужден считаться с тем, что лишь часть сказанного им генералы понимают и делают. Гитлер бичевал «малодушие» командования сухопутных сил.

Я мог понять отчаяние Шмундта, ибо по своим взглядам и образу мыслей он происходил из того круга офицеров, которые резко критиковали Гитлера. Мы стояли перед фактом, что через несколько дней Германия окажется в войне, которую фюрер считал неизбежной и которой он хотел, не имея притом доверия к генералам, поскольку те видели в ней несчастье. Тем не менее ничего против Гитлера они не предпринимали.

Когда Гитлер на следующий день, 23 августа, утром, ранее обычного появился на террасе «Бергхофа», где его ожидал личный штаб, он прежде всего задал Хевелю вопрос, есть ли известия от Риббентропа. Хевель смог доложить только то, что министр иностранных дел находится в пути из Кенигсберга в Москву. Первое сообщение из Москвы он рассчитывал получить лишь во второй половине дня.

День прошел во множестве разговоров на военную и политическую темы. Перед обедом Гитлер принял английского посла Гендерсона, передавшего ему письмо Чемберлена. В присутствии Хевеля состоялась продолжительная беседа с послом. Во второй половине дня фюрер продиктовал ответное

письмо и лично вручил его Гендерсону.

Шмундт получил решение Гитлера о дне нападения. Оно было назначено на 26 августа в 4 часа 30 минут. Германское посольство в Москве сообщило о прибытии Риббентропа в советскую столицу. Встреча в Кремле начнется в 18 часов. Настроение у Гитлера в тот день менялось в зависимости от того, с кем он разговаривал или какие донесения получал из министерства иностранных дел, а также от сообщений прессы. Особенно взвинтила его беседа с Гендерсоном. Он обвинил англичан в том, что уже в апреле они дали Польше карт-бланш на сопротивление его правомерному требованию отдать рейху Данциг и предоставить коммуникацию через коридор. С этого момента и стали усиливаться эксцессы против фольксдойче в Польше. Поляки не сделали бы этого без одобрения англичан. Сами же англичане предпочитают начать новую войну против Германии, но не согласиться на пересмотр Версальского договора, между тем как он, Гитлер, ничего во вред Англии не предпринимал. У нас создалось впечатление, что в эти дни фюрер был особенно резко настроен именно против Англии.

К вечеру напряжение усилилось. Гитлер всеми помыслами был вместе с Риббентропом в Москве и час от часу становился все беспокойнее. Около 20 часов он приказал запросить посольство в Москве, но получил лишь лаконичный ответ: переговоры идут. На Оберзальцберге подходил к концу великолепный теплый летний день. Двери на террасу были широко распахнуты, а фюрер со своей свитой проводил много времени на воздухе. Чтобы скоротать ожидание, он, разговаривая с собеседниками (в частности и со мной), то появлялся на террасе, то уходил. Поводом для памятного мне разговора с фюрером послужил, казалось бы, его безобидный вопрос о силе и вооружении польской авиации: в состоянии ли она совершать воздушные налеты на Берлин? Ведь в конечном счете расстояние от польской границы до столицы рейха не составляет и 150 км. Я считал невозможным, чтобы польские авиационные соединения после неожиданных германских атак в день нападения были бы еще в состоянии предпринимать налеты на германские города. На это Гитлер ответил: наши первые удары в воздухе и на земле должны быть эффективны и поразить весь мир.

Затем Гитлер перешел к теме дня: после обнародования германо-русского пакта о ненападении весь мир затаит дыхание. Я сказал фюреру, что отношусь к готовности Сталина пойти на это соглашение только с недоверием. Могу себе представить, какие у него при этом недобрые задние мысли! На это Гитлер ответил: он считает договор своего рода браком по расчету.

Разумеется, со Сталиным надо всегда быть начеку, но в данный момент он в пакте с последним видит шанс устранить Англию из конфликта с Польшей.

Пока мы вышагивали по террасе взад-вперед, вся северная часть неба за горой окрасилась сначала в цвет топаза, затем стала фиолетовой, а потом внушающей мистический ужас багрово-красной. Первоначально мы подумали, что где-то вспыхнул огромный пожар. Но когда все небо на севере озарил красный свет, мы поняли, что имеем дело с весьма редким для Южной Германии природным явлением. Я сказал Гитлеру: это – предзнаменование кровавой войны. В ответ он произнес: если это так, то пусть она наступит скорее! Чем больше теряется времени, тем больше будет крови. Альберт Шпеер, которому я рассказал этот эпизод в 1967 г., после его освобождения из тюрьмы Шпандау, воспроизвел его в своих воспоминаниях неточно, вложив мои слова в уста Гитлера.

Вскоре после этого разговора Гитлера позвали к телефону. Риббентроп сообщил о позитивном ходе переговоров и задал конкретный вопрос насчет разграничения сфер обоюдных интересов. Сталин претендует на Прибалтийские государства – Литву, Эстонию и Латвию. Гитлер бросил взгляд на быстро поданную ему карту и уполномочил Риббентропа принять советскую точку зрения. Прошло еще несколько часов, прежде чем Риббентроп в новом телефонном разговоре, состоявшемся в 2 часа утра 24 августа, не сообщил о подписании пакта о ненападении{168}.

Гитлер поздравил своего министра иностранных дел и сказал нам, окружавшим его: «Эта весть разорвется, как бомба!»{169}.

Так оно и произошло. Ошеломление, удивление, ужас, недоверие и осуждение – так отреагировала общественность в Германии и во всем мире. Гитлер велел постоянно докладывать ему об откликах, пытаясь составить себе представление о том, какое именно действие произвело это соглашение на Англию, Францию и Польшу.

Во второй половине дня 24 августа Гитлер вылетел в Берлин, где ожидал в Имперской канцелярии возвращения Риббентропа из Москвы. Сразу же по приземлении Риббентроп явился к нему. Он шагал как триумфатор, и Гитлер сердечно приветствовал и поздравил его. Затем фюрер вместе с ним и Герингом удалился к себе для продолжительной беседы, Риббентроп рассказал о Москве и положил подписанный им договор на стол Гитлеру. Вырисовался новый раздел Польши.

В течение вечера я слышал много всяких мнений насчет возникшего положения. Риббентроп был твердо убежден в том,

что германо-русский договор создал новую базу для успешных переговоров с Польшей. Но в первую очередь он воспринимал подписанный сроком на 10 лет пакт о ненападении с Россией совершенно всерьез. Риббентроп находился под большим впечатлением от Сталина и переговоров с ним. По его описаниям, Сталин был личностью более крупной, чем «чванливые» британские политики. Германия должна искать вновь стык своей политики там, где нашел его Бисмарк, когда его политика в отношении Англии застряла на мертвой точке. Из сообщений Риббентропа о его переговорах в Кремле мне бросилось в глаза то, что здесь проявилась совершенно другая сторона его личности. Рассказывал он обо всем непринужденно, свежо, просто и естественно. А стоило ему заговорить об англичанах, как лицо его становилось холодным и непроницаемым.

Последние дни перед войной

Внешнеполитические взгляды Гитлера не изменились. Несмотря на трудности с англичанами и кое-какие резкие слова против «тупых» британских политиков, фюрер все еще испытывал симпатию к этому «народу господ». Он лишь остро критиковал их за присущее им непонимание большевистской опасности, грозившей европейским государствам. Но позиция Англии, как и прежде, определялась ее островным положением. Будучи островной метрополией, она никогда не испытывала непосредственной угрозы со стороны какого-либо европейского государства. Она и сейчас чувствовала себя за Ла-Маншем в безопасности. Используя свое географическое положение и строя исходя из этого свою политику, Англия вот уже многие столетия, к счастью своему, имела такой объем безопасности и суверенитета, какому можно было просто позавидовать. Гитлер испытывал по отношению к англичанам уважение и зависть, а по отношению к русским – отвращение и страх. Эйфорию Риббентропа насчет договора о союзе с русскими он не разделял. Этот договор служил фюреру только тактическим маневром в рамках его политики; он надеялся, что и для Сталина – тоже. Если Гитлер в те дни не высказывал этого открыто, то по его репликам все же можно было отчетливо понять: вся его внешняя политика и дальше служит только одной цели – разгромить большевизм. В данном пункте он и тогда, и потом выступал против воззрений Риббентропа.

Своеобразную, но типичную для него позицию занимал Геринг. Успех Риббентропа в Москве он воспринял с ревностью и упрекал его в том, что тот недостаточно энергично добивался германо-английского взаимопонимания. Как я узнал от Боденшатца, Геринг много говорил с Гитлером об Англии. Фюрер усвоил точку зрения Риббентропа, что в суровой политической борьбе Англия пойдет на уступки лишь до определенного предела. По его мнению, этот предел был достигнут еще в марте, потому дальнейшие планы Гитлера могли успешно осуществляться впредь с учетом новой расстановки сил в Европе. Вот почему Риббентроп искал и нашел контакт с Россией. Поскольку фюрер от своей политической концепции отказываться не желал, он, хотя и очень поздно, все же присоединился к плану Риббентропа. Герингу же Гитлера переубедить не удалось. Конечно, Геринг соглашение с Россией приветствовал, но боялся новой опасности, а именно что влияние Риббентропа на фюрера снова усилилось. Геринг и Риббентроп, утверждал Боденшатц,

друг друга просто терпеть не могли.

Я был свидетелем того, сколь роковое влияние личные симпатии и антипатии между «великими людьми рейха» оказывали на подход к важнейшим политическим событиям, а также на сам их ход и исход. Особенно отрицательную роль играл при этом Геринг. Пока речь шла о внутренних делах вермахта, средства и пути для компромисса на других уровнях все-таки еще находились. Но теперь вопрос стоял по-иному: мир или война. И мне казалось, что все ответственные лица должны руководствоваться только германскими интересами, отбросив личные амбиции. Но как из штаба Геринга, так и из окружения Риббентропа я слышал, что оба они оценку своим шефом Гитлером политического положения и базирующихся на ней его решений не разделяют. Я не сомневался в том, что каждый из них отстаивал перед фюрером свои взгляды, но добиться успеха в том не мог. Только совместный прорыв этих обоих вот уже полтора года главных внешнеполитических советников фюрера имел бы перспективу оказать на него действенное влияние. В тогдашней ситуации следовало бы посредством доверительного единства между Герингом и Риббентропом побудить Гитлера отказаться от действий вермахта против Польши и расчистить путь к новым переговорам с нею. Но каждый из них жаждал славы только для себя и только сам хотел быть ближайшим и лучшим советником фюрера.

Как один из офицеров узкого штаба Гитлера я знал, что вечером 24 августа от нападения на Польшу нас еще отделяют всего 36 часов. После беседы с Гендерсоном накануне фюрер уже не был полностью убежден, что Англия останется нейтральной. К моменту этой беседы английский посол хотя и знал о поездке Риббентропа в Москву, результат ее ему известен еще не был. Гитлер все же полагал, что из слов Гендер-сона он может заключить, что британское правительство находится под впечатлением нового поворота событий. Поэтому настроение посвященных лиц вечером 24 августа все более склонялось к пессимистическому. Сам фюрер видел теперь единственный выход из политического тупика лишь в быстротечной кампании против Польши, в успехе которой был абсолютно уверен.

Однако ужин вместе с Гитлером прошел еще полностью под знаком мира. Московский договор оценивался всеми как новая ошеломляющая неожиданность в его политике, а Геббельс с помощью прессы способствовал истолкованию этого шага как нового доказательства гениальности фюрера. Он сидел за большим круглым столом напротив Гитлера и всячески подначивал вернувшихся из Москвы командира самолета Баура и

Генриха Гофмана поделиться своими впечатлениями и подробно поведать обо всем виденном. Оба они стали «героями» вечера. Оказалось, Гитлер отправил Гофмана, по его просьбе, сопровождать Риббентропа против воли министра. Более того, фюрер даже поручил своему лейб-фотографу передать Сталину привет от себя лично. Гофман обрисовал интересный облик русского диктатора, а также атмосферу в его окружении. Рассказы всех участников поездки звучали положительно, как будто они старались повлиять на изменение представления Гитлера о большевизме в лучшую сторону. Фюрер слушал внимательно, но повлиять на себя не дал. Геббельс же воспользовался случаем, как это часто бывало, атаковать Гофмана со свойственным ему цинизмом: мол, тот нашел в «папаше» Сталине хорошего собутыльника!

Весьма знаменательно, в смысле момента изменения курса Гитлера по отношению к Сталину, прозвучала для меня одна реплика Риббентропа. Тот, вне всякого сомнения, хотел подчеркнуть ею, сколь правильно он разглядел еще весной политические намерения Сталина. Из всего лишь одной фразы Сталина, произнесенной 10 марта 1939 г. на [XVIII] съезде партии, Риббентроп заключил, что советский диктатор заинтересован поставить свою политику в отношении Третьего рейха на дружественную базу. Теперь же Сталин подтвердил ему: именно в этом и состояло его намерение. Эта реплика Риббентропа объяснила мне те намеки Гитлера насчет его новой установки в отношении России, которые я услышал от него 16 марта при возвращении из Праги. Очевидно, Риббентроп уже тогда переговорил с фюрером и заручился его согласием на новый курс. Однако недоверие, которое питал Гитлер к планам Риббентропа и к поведению Кремля, у него осталось и не покидало его на протяжении всего существования союза с Россией, с 1939 до 1941 г.

В первой половине 25 августа я прежде всего поинтересовался в генштабе люфтваффе состоянием мобилизационных приготовлений и получил от него данные об окончательном числе готовых к боевым действиям авиационных соединений и их заданиях на первый день нападения. Затем я со своими камерадами по адъютантуре отправился на совещание относительно организации и ближайших задач Ставки фюрера. Там я услышал обрадовавшее меня известие, что Путткамер, по предложению Шмундта, снова возвращается к нам в качестве военно-морского адъютанта. Гитлер и весь его штаб восприняли это сообщение с радостью.

В последний момент Гитлер все же сподобился на неприятное

для него дело: сообщил Муссолини письмом о нападении на Польшу в ближайшие дни и о Московском договоре. Нам казалось, что сделать это самое время, ибо итальянцы уже не раз выражали свое раздражение по поводу того, что Гитлер всегда информирует своих союзников постфактум. Но фюрер считал это недовольство меньшим злом по сравнению с тем вредом, который могла ему причинить, как он выражался, «итальянская болтливость». Японцы тоже были поставлены в известность о переговорах Риббентропа с русскими только по их окончании и высказали свое раздражение имперскому министерству иностранных дел. Но японцы и сами были мастерами утаивания.

В полдень Гитлер снова пригласил английского посла. У него имелся к тому неотложный повод. Накануне вечером Чемберлен в палате общин и британский министр иностранных дел Галифакс в палате лордов произнесли речи, о которых с большой шумихой сообщила в утренних выпусках английская пресса. В центре их выступлений стояли резкие обвинения по адресу Гитлера: он хочет завоевать весь мир. В своей беседе с Гендерсоном фюрер опровергал это, но без обиняков заявил, что желает решить германо-польскую проблему, а затем будет готов на далеко идущие соглашения с Англией. Хевелю этот состоявшийся, по его словам, в хорошей атмосфере разговор пришелся по душе, и он был настроен на оптимистический лад.

В первые послеполуденные часы Гитлер дал окончательный приказ о нападении на Польшу утром следующего дня. Жребий, казалось, брошен. Фюрер провел еще одну встречу с французским послом Кулондром, чтобы затем принять Риббентропа. Эта встреча означала вступление событий в новую стадию. Об отдельных фазах последовавших драматических часов мы постепенно узнавали в течение всего вечера.

Из сообщений прессы и от министерства иностранных дел стало известно заявление о ратификации британо-польского пакта о взаимопомощи от 6 апреля 1939 г. Одновременно, примерно ранним вечером 25 августа, итальянский посол Аттолико передал ответ Муссолини: Италия к войне еще не готова. На это Риббентроп предложил Гитлеру отдать приказ о нападении на Польшу следующим утром, чтобы выиграть время и заново обдумать положение. Вызвали Кейтеля. Фюрер спросил его, может ли приказ об отмене дойти до самых передовых частей до момента начала наступления. Кейтель запросил командование сухопутных войск и относительно быстро получил ответ: может, если приказ об отмене прежнего будет дан немедленно. Гитлер принял решение запретить всякое передвижение войск, что вызвало в генеральном штабе сухопутных войск настоящий шок.

Геринг и Браухич ввиду столь сенсационного поворота в ситуации срочно направились в Имперскую канцелярию. Браухич тоже считал, что приказ о приостановке нападения дойдет до авангарда наступающих войск своевременно. Тем не менее ближайшее часы были очень напряженными. Гитлер приказал до глубокой ночи докладывать ему, доведен ли приказ до самых передовых частей, уже изготовившихся к атаке. Несмотря на все зловещее карканье и на всю критику насчет «порядка» и «беспорядка», неразберихи сумели избежать. Казавшееся почти невозможным удалось осуществить. Правда, одно или два подразделения все-таки предупредить не успели{170}, но это не дало противнику повода что-то заподозрить.

День закончился триумфом Риббентропа, которому все же удалось с успехом повлиять на Гитлера. Браухич был горд тем, что войсковая связь при передаче «стоп-приказа» сработала так хорошо. Геринг счел, что теперь настал его час, как это уже случалось во многих критических ситуациях, вызволить фюрера из казавшегося безвыходным положения. Гитлер попрощался с ним, бросив реплику, что хочет заново обдумать обстановку. Настроение множества собравшихся в квартире фюрера было различным. Некоторые верили, что война, благодаря искусности Гитлера, снова предотвращена. Другие полагали: ничего не изменилось и противостояние углубилось настолько, что никакого выхода, кроме войны, нет. К числу последних принадлежал и я.

События 25 августа, без сомнения, повергли Гитлера в шоковое состояние. Его план был разрушен внешними обстоятельствами, никакого влияния на которые он оказать не мог. Но он быстро овладел собой. Когда в следующий полдень фюрер вышел в нижние помещения своей квартиры, он уже прочел все сообщения иностранной прессы и казался успокоенным тем, что на германско-польской границе действительно ничего не произошло. Оба события вчерашнего дня Гитлер теперь видел в тесной взаимосвязи. Отказ Муссолини – результат влияния Лондона. Итальянский посол в Лондоне граф Гранди, хотя и является членом фашистского Большого совета в Риме, – насквозь англофильский монархист, к тому же близкий друг Чиано. По убеждению Гитлера, он сыграл в этом деле решающую роль, побудив Муссолини написать ему такое письмо. Гранди, мол, был информирован англичанами о ратификации британо-польского пакта о взаимопомощи и предостерег Рим. Однако фюрер не исключал, что Рим, пожалуй, и сам решил остаться в стороне от войны. В пользу такой версии говорила реплика Чиано во время последнего визита в «Бергхоф»: Италия к

войне еще не готова, она уже при заключении «Стального пакта» давала понять, что ее участие в военном конфликте станет возможным не ранее 1942 г. или 1943 г. Но Гитлеру было безразлично, кто именно сказал тут первое слово, для него главное значение имел сам факт тесного обмена информацией между Римом и Лондоном.

Хотя Гитлер и не подвергал сомнению верность Муссолини, на резкие слова по адресу своего итальянского союзника он не поскупился. Но всю вину фюрер возложил на монархические круги итальянской армии и итальянских дипломатов, в руках которых сходились при дворе антигерманские и проанглийские нити. Началось гадание, какие выводы из этой ситуации он сделает. Даже в самой Имперской канцелярии сотрудники Риббентропа высказывались за итальянскую политику в надежде на то, что она сможет удержать Гитлера от его похода на Польшу.

Однако из разговоров Гитлера на военную тему явствовало: от своего плана нападения на Польшу он определенно уже не откажется. Конечно, фюрер все еще не расстался с надеждой политическими шагами размягчить твердую позицию Польши, а потому предпринимал соответствующие политические и военные меры. Но прежде всего он распорядился приостановить подготовку к празднованию 27 августа 25-летия сражения при Танненберге и к имперскому съезду партии, который должен был проходить со 2 до 10 сентября. Кейтель получил указание продолжать подготовку мобилизации. «Стоп-приказ» ни в коем случае не должен рассматриваться как признак слабости. Предложение Риббентропа в первую очередь имело цель попытаться вступить в контакт с Польшей. Сам Гитлер возлагал известные надежды на Францию: ведь эта страна вынесла на себе основную тяжесть [Первой] мировой войны. Он не мог себе представить, чтобы Франция стала таскать для Англии каштаны из огня. Однако в письме ее премьер-министра Даладье подчеркивались французские обязательства, данные Польше. В своем ответе на это письмо Гитлер ссылался на несправедливость Версальского договора, пересмотр которого ему властно диктует чувство чести немца. Попытки же мирного урегулирования с Польшей всех спорных вопросов путем двусторонних переговоров сознательно сорваны вмешательством британского и французского правительств.

Когда содержание этой переписки стало известно, стрелка барометра настроения в Имперской канцелярии опять упала вниз. Этому содействовало и новое письмо от Муссолини. Оно содержало длинный перечень желаемых поставок различного сырья для итальянской промышленности и вооруженных сил.

Гитлер принял это письмо к сведению как новое доказательство того, что Италия всеми средствами старается остаться вне войны.

Геринг же действовал другим путем. С начала августа 1939 г. он через шведского индустриального магната Биргера Далеруса установил связь с влиятельными английскими промышленниками, имевшими контакт с правительственными кругами. Теперь Геринг пригласил его к себе и спросил, готов ли он предоставить в его распоряжение свои международные связи для сохранения мира в Европе. Далерус был готов и в ближайшие дни совершил несколько поездок между Берлином и Лондоном, а 28 августа имел беседу с Гитлером в присутствии Геринга. Посредническая миссия, казалось, осуществлялась благоприятным образом. В тот же вечер фюрер получил от британского посла меморандум, к которому отнесся позитивно; в документе этом сообщалось о готовности польского правительства вступить в прямые переговоры с германским. В ответном послании от 29 августа Гитлер принял предложение о посредничестве и попросил прислать польского уполномоченного 30 августа. Гендерсон воспринял это как ультиматум и пришел в такое возбуждение, что пришлось вмешаться Риббентропу, ибо Гитлер явно пытался встречу с послом прекратить. Но сейчас этого допустить было никак нельзя. Риббентроп увидел новый шанс вступить с поляками в двусторонние переговоры. Он знал: фюрер все еще готов к разговору с ними, но без участия англичан.

Краткий срок для присылки польского уполномоченного имел чисто военные причины. Генералы посоветовали Гитлеру из-за метеоусловий не откладывать далее день нападения. Основным условием быстротечных операций было применение люфтваффе. Поэтому сухопутные войска назвали в качестве последней даты начала боевых действий в этом году 2 сентября. Итак, фюреру оставалось еще всего четыре дня. Вот почему польские переговорщики обязаны были прибыть немедленно.

Из своих бесед с английским послом Гитлер тайны не делал. Последний обмен нотами казался ему открывающим путь к переговорам с поляками. Он вновь оценивал ход событий позитивно и вновь подчеркивал, что речь идет только о Данциге и коммуникациях через коридор с Восточной Пруссией, а также о прекращении эксцессов в отношении немецких народных групп в Польше. Вплоть до 29 августа все мы, кто с 25 августа находился в гуще оживленных событий в Имперской канцелярии, были под впечатлением, что опасность войны устранена. Этому весьма способствовало то, что Гитлер 27 августа, произнеся краткую речь в Зале приемов Новой Имперской канцелярии, отправил по домам депутатов рейхстага, вызванных в Берлин на 26-е. Это казалось

нам знаком того, что, отдавая 25 августа свой «стоп-приказ», он верил в новую возможность разрядки напряженности. Данную точку зрения Гитлер высказал и в речи перед депутатами: его самое заветное желание – решить стоящие проблемы без кровопролития. Однако он снова заявил о своей готовности воевать, если Англия и впредь будет оспаривать право немецкого народа на ревизию Версальского договора.

30 августа началось относительно спокойно. В Имперской канцелярии часто появлялись для совещаний Риббентроп и Геринг. Речь на них шла о том, как сформулировать германские предложения для разговора с польским уполномоченным. Гитлер сам продиктовал меморандум и изложил свои предложения в 16 пунктах, которые показались нам учитывающими тогдашнее положение и никоим образом не чрезмерными. Новым было только предложение о народном голосовании в «польском коридоре». Город Данциг подлежал возвращению Германскому рейху, между тем как Гдыня должна была остаться польской. Гитлер предложил, в зависимости от результатов голосования, провести экстерриториальные железную дорогу и автомобильное шоссе между рейхом и Восточной Пруссией или между Польшей и Гдыней. Фюрер весьма скептически относился к возможности появления польского уполномоченного на переговорах, Геринг же был настроен оптимистически. Он поручил Далеру-су передать в Лондон, что 16 пунктов Гитлера – это честная и приемлемая база для переговоров. Но вместо польского уполномоченного пришло известие о польской мобилизации. Гитлер приказал Кейтелю и Браухичу явиться к нему и во второй половине дня 30 августа назначил дату начала нападения: пятница, 1 сентября, 4 часа 45 минут.

Наступил вечер 30 августа, но до 24 часов ни о позиции Польши, ни о польском уполномоченном все еще ничего слышно не было. Однако незадолго до 24 часов Гендерсон связался с Риббентропом. С нашей стороны было отмечено, что англичане возобновили контакт только по окончании этого дня. Гендерсон вручил Риббентропу новый меморандум своего правительства и сделал устное заявление. Его правительство уведомляло, что оно не в состоянии рекомендовать польскому правительству согласиться с германским предложением о присылке польского представителя. Пусть Риббентроп пригласит к себе польского посла и передаст ему выработанные германские предложения, чтобы тем самым дать ход диалогу с Польшей. Риббентроп посчитал это бессмысленным. Он вынужден предположить, что польский посол Липский не имеет на то никаких полномочий, иначе явился бы по собственной инициативе. Он, Риббентроп,

может передать предложения только уполномоченному польским правительством переговор-шику. Гендерсон попросил копию предложений для своего правительства. Но Риббентроп отказал и в этом, поскольку вручение данного документа англичанам, согласно вчерашнему меморандуму, никак не может увязываться с прибытием польского переговорщика. Риббентроп все же прочел хорошо понимавшему немецкий язык английскому послу предложения имперского правительства, попутно давая кое-какие собственные разъяснения.

Вот так развивались события к тому моменту, когда Риббентроп после разговора с Гендерсоном появился в Имперской канцелярии, где его с нетерпением ожидали Гитлер и Геринг. Тем временем уже наступило 31 августа. Предстояли драматические часы. Геринг выступал за то, чтобы вручить «16 пунктов» Гитлера англичанам или Липскому, даже если тот и не имеет полномочий. Фюрер возражал. Весь вечер он был замкнут, серьезен, а порой и безучастен. Казалось, он уже окончательно принял для себя решение. А сейчас, ночью, фюрер разразился целым потоком резких обвинений в адрес Англии. Он ведь уже счел ратификацию британо-польского соглашения от 25 августа доказательством того, что Англия хочет вызвать войну на всем континенте. А утверждение британского меморандума от 28 августа, что Лондон имеет согласие польского правительства на переговоры с германским правительством и готов к ним, он сразу же поставил под сомнение. События 30 августа для него – доказательство, что заявление англичан – ложь. Поэтому проведение этих переговоров можно понимать только как затягивание, ибо поляки ни к какому разговору готовы не были или вообще его вести не собирались. По этим причинам Гитлер счел бесперспективным вести и дальше какие бы то ни было переговоры как с англичанами, так и с поляками. Тем не менее Геринг еще раз заявил о желании через своего шведского посредника вновь попытаться вступить в разговор с англичанами. Гитлер же не придавал посредничеству Далеруса никакого значения. К его точке зрения присоединился Риббентроп. Английская политика имеет такие же признаки, как и в 1914 г., – таков был аргумент фюрера. Все британские ноты служат только одной цели – в случае войны свалить вину Лондона на других.

Затем произошла незабываемая сцена. Вокруг Гитлера собралось довольно много народа, среди окруживших его были и Геринг с Риббентропом. Геринг сказал, что все еще не может поверить в возможность объявления англичанами войны Германии. Гитлер похлопал его по плечу и произнес: «Дорогой мой Геринг, если англичане однажды ратифицируют соглашение,

они не рвут его через сутки!». Ему было ясно: британцы от своего пакта с поляками о взаимопомощи не отступят. Многовековая политика Англии – в том, чтобы в Европе все шло по британскому желанию и согласно их представлениям, но под покровом свободы и прав человека. Польскую позицию фюрер критиковал с издевкой. При нынешней расстановке сил в Европе у поляков только один выбор: с Германией и не против Германии. От России им ничего хорошего ждать не приходится, это им известно. А Англия далеко. Его предложение полякам было честным, ибо его задача – Россия. Все остальные военные действия служат только одной цели – прикрыть себя с тыла для вооруженного столкновения с большевизмом. А в этом должна быть заинтересована вся Европа, и особенно Англия, которая иначе потеряла бы свою мировую империю.

31 августа серую военную форму можно было видеть в Имперской канцелярии гораздо чаще, чем в предыдущие дни. О том, что нападение назначено на 1 сентября, было пока известно только военным. На коротком совещании с Браухичем и Кейтелем в первой половине дня Гитлер подписал совершенно секретную «Директиву №1 на ведение войны»{171}, в которой эта дата была зафиксирована в письменной форме. Нападение на Польшу должно быть произведено в соответствии с приготовлениями, сделанными по плану «Вайс». Большое место в директиве уделялось указаниям относительно военных действий на Западе против Франции, Бельгии и Голландии. Ответственность за их начало возлагалась исключительно на Англию и Францию. В случае военных действий с их стороны всем составным частям вермахта приказывалось вести оборону и тем создать предпосылки для победоносного завершения операции против Польши.

Во второй половине дня, в 16 часов, Гитлеру предоставилась последняя возможность отозвать свой приказ о нападении. Но никаких новых сообщений, могущих переубедить его, не поступило. Дипломатическая деятельность не прерывалась весь день. Из Италии донеслась инициатива созыва конференции наподобие Мюнхенской год назад. Однако предложение Муссолини натолкнулось на сдержанное отношение перечисленных стран.

Ближе к вечеру в министерстве иностранных дел объявился Липский. Между 18 и 19 часами его принял Риббентроп. Посол заявил, что его правительство минувшей ночью было проинформировано британским правительством насчет возможности прямого разговора между правительствами Польши и Германии. Варшава в ближайшие часы даст Лондону

официальный ответ. Узнав о разговоре Риббентропа и Липского, Гитлер вновь отреагировал резкими обвинениями по адресу Англии и Польши. Ведь еще вечером 29 августа английскому послу были сообщены его, фюрера, согласие и готовность на прямые переговоры между германским правительством и польским уполномоченным. Британскому правительству потребовалось больше суток, чтобы известить об этом поляков, или же польскому – чтобы его принять. Методы и способы, которыми в этот серьезный час предпринимаются дипломатические шаги, служат для него доказательством того, что оба государства своей политикой сознательно хотят привести дело к войне.

В полдень в Имперской канцелярии стало известно, что Гитлер в 10 часов утра 1 сентября созывает в Берлине рейхстаг. Поток посетителей в квартире фюрера вслед затем стал еще большим, чем совсем недавно. Здесь в последние дни регулярно появлялись Гесс, Геббельс, Дитрих, Лутце и Фрик{172}. Постоянно можно было видеть тут и Боденшатца с Хевелем, а также Вольфа{173}, личного представителя Гиммлера. Большинство министров и рейхсляйтеров имели при себе как минимум одного сопровождающего. Геринг и Риббентроп зачастую прибывали с большой свитой даже на беседы с Гитлером. Браухич и Кейтель брали с собой своих первых адъютантов и оставались в квартире фюрера как можно меньше. Из за непрерывного прихода и ухода большого числа посетителей постоянно царило сильное беспокойство, которое охватывало даже и самого Гитлера.

У него была манера откровенно говорить со старыми партайгеноссен о возникающих вопросах. В те минуты, когда он не вел в Зимнем саду или музыкальном салоне беседы за закрытыми дверями с каким-нибудь иностранным дипломатом или генералом, его всегда окружало множество людей в коричневой партийной форме. Все хотели услышать что-нибудь новое, и из слов Гитлера нетрудно было понять, что он готов «так или иначе» решить польскую проблему. Как и всегда, партайгеноссен все действия своего фюрера встречали с одобрением. На основе многолетнего опыта никому из партийных друзей Гитлера и в голову не могла прийти мысль перечить его принципиальным политическим решениям.

Лично я находил, что (учитывая царившее в Имперской канцелярии лихорадочное возбуждение, а также оказываемое на него влияние со стороны партийных функционеров) было бы лучше, если бы фюрер после своего «стоп-приказа» от 25 августа удалился на Оберзальцберг. Там он в покое и уединении смог бы

поразмышлять о своих далеко идущих решениях и принимать их. Наверняка там имели бы большую возможность сказать свое слово и те советники, которые не поддерживали решение Гитлера – я имею в виду Геринга. Его интенсивные усилия через Далеруса добиваться мира служили достаточным доказательством того, что он не доверял политике фюрера, из его окружения я слышал о том, в каких грубых и полных озабоченности выражениях Геринг оценивал ход политического развития. Но самому Гитлеру он это столь же открыто не высказывал. Перед фюрером и партийными сановниками Геринг в Имперской канцелярии показывать свое слабое место не хотел. Браухич и Гальдер тоже были в данном случае против Гитлера, но своего мнения не высказывали. Даже сам Риббентроп в эти кризисные дни наглядно показывал ему решимость английских политиков. Но он менее чем кто-либо другой был способен (за исключением 25 августа) оказать на фюрера влияние. Ведь его не звали ни на одно заседание по военным вопросам, а следовательно, Риббентроп не имел никакого представления о том, как Гитлер мог и желал продолжать свою политику «другими средствами».

В кругу близких единомышленников из окружения Гитлера, к их числу принадлежали Хсвель, Боденшатц, Путткамер и д-р Брандт, мы совершенно откровенно говорили о безвыходном положения, досадуя на параллелизм действий его советников в эти дни. Геринг и Риббентроп почти не разговаривали между собой и встречались только в присутствии фюрера. Доверительного разговора с глазу на глаз для них не существовало. Такими же были и отношения между главнокомандующими составных частей вермахта. Ни один из них не отваживался даже перед равными по рангу откровенно высказать свое мнение. Ключевой фигурой обсуждений подобного рода мог бы явиться Геринг. Но в своих отношениях с фюрером он ставил себя на ступень выше, чем положено просто министру авиации и главнокомандующему люфтваффе. Таким образом, вопрос о том, какое влияние смогли бы оказать на Гитлера Геринг, Риббентроп, Редер и Браухич, если бы они единодушно высказали ему свое взаимно согласованное мнение насчет политического положения на 31 августа, остается чисто гипотетическим. Гипотетическим остается и предположение, что Геринг как № 1 в этой ситуации решил бы дело совсем по-другому, нежели Гитлер. Но на роль «кронпринца» он не сгодился. Тщетно надеялись мы на Геринга в этот критический час, на то, что он сумеет воздействовать на Гитлера и докажет свою безоговорочную верность фюреру в качестве его первого паладина даже тем, что займет противоположную позицию.

Вечером Гитлер выступил по радио с кратким освещением важнейших событий трех последних дней, изложив также и 16 пунктов германского предложения. Передача закончилась констатацией: польское правительство не пошло на германские «лояльные, честные и выполнимые» требования. Тот, у кого есть уши, понял из этого радиовыступлсния, что именно произойдет на следующий день.

Прежде всего ранним утром 1 сентября 1939 г. из обращения фюрера и рейхсканцлера к вермахту, немецкому народу и всему миру стало известно: Гитлер дал германским вооруженным силам приказ о нападении на Польшу. Дальнейшее мир узнал из его речи в рейхстаге{174}, которую он произнес, впервые надев серый военный мундир. Эсэсовские слуги фюрера еще в связи с прежними поездками на маневры и Западный вал приготовили ему, без его ведома, серый полевой мундир. Однако он категорически отказывался в мирное время сменить на него свою коричневую партийную форму. Теперь Гитлер вспомнил об этом сером мундире и надел его, чтобы, как заявил в своей речи, снять только «после победы». На левом рукаве у него была не повязка со свастикой, а нашивка с эмблемой СС.

Рейхстаг встретил Гитлера бурной овацией и еще более громкими, чем обычно, выкриками «Хайль!», по ходу вновь и вновь вспыхивали аплодисменты. Сначала он обрисовал развитие отношений с Польшей от «Версальского диктата» до наших дней. Жизнь немецкого меньшинства в бывших германских областях под польским господством с каждым годом становилась все более невыносимой. Возможность для изменения этих невыносимых условий имелась еще до взятия им власти. Сам он неоднократно делал предложения насчет пересмотра их путем мирной договоренности, но тщетно. Фюрер отверг утверждение, будто нарушит договор тем, что прибегнет к его ревизии по собственной инициативе. Этими словами Гитлер хотел сказать, что Англия и Франция тоже совершали «прегрешения» против Версальского договора, поскольку не разоружились сами.

Все действия германских правительств с 1919 г. против «Версаля», а особенно против существования польского коридора, пользовались в стране популярностью. Но наступавшее в течение этого дня постепенное осознание того факта, что Гитлер начал на Востоке настоящую войну, отрезвляло умы, и немцы повсеместно прежде всего задавали вопрос: а что же теперь будут делать Англия и Франция? Несмотря на это, фюрера по пути в рейхстаг встречали с ликованием. На Вильгельмплац собралась большая толпа.

В помещениях Имперской канцелярии наплыв

любопытствующих усиливался с каждым часом. Все с напряжением ожидали последних известий от службы зарубежной прессы. Разговоры вертелись только вокруг одного: объявит ли Англия войну или нет? Высшие партийные функционеры придерживались взгляда, что Англия снова «блефует», иначе фюрер против Польши не выступил бы. Они еще не знали, что Гитлер дал приказ о нападении, полностью сознавая возможность войны с Англией. Однако из его слов в эти три напряженных дня можно было уловить, что, несмотря на всю трезвую и правильную оценку политической обстановки, он в глубине души все-таки еще верил в то, что англичане дрогнут. Первые сообщения с Восточного фронта и уже обозначившиеся успехи подкрепили нежелание Гитлера считаться с предостережениями и угрозами англичан и французов, частично поступавшими в течение этого дня через послов, а частично звучавших в речах парламентариев в Лондоне и Париже.

Вечером 1 сентября послы Англии и Франции один за другим вручили ноты их правительств, в которых те заявляли о готовности выполнить свои данные Польше обязательства по взаимопомощи в том случае, если германские войска не будут отведены с польской территории. Положение становилось все определеннее и серьезнее.

2 сентября прошло в дальнейших предположениях и надеждах. Фронт докладывал об успехах. Муссолини предпринял последнюю попытку созыва конференции для прекращения военных действий. Но было уже слишком поздно.

3 сентября

3 сентября в 9 часов утра Гендерсон передал в имперское министерство иностранных дел ультиматум: с 11.00 Англия будет считать себя в состоянии войны с Германией, если к этому часу германское правительство не даст удовлетворительного заверения о прекращении военных действий и отводе своих войск из Польши. Несколькими часами позже аналогичный ультиматум вручил и французский посол. И тот, и другой ультиматум был объявлением войны.

Переводчик Шмидт, ответственный сотрудник бюро Риббентропа, немедленно отправился в Имперскую канцелярию, где Гитлер вместе со своим министром иностранных дел ходил взад-вперед по Зимнему саду. Они уже знали, что Гендерсон намеревался передать ноту. Но Риббентроп, под предлогом своего отсутствия, лично принять ее отказался, ибо ему было ясно, что это могло быть только объявлением войны. Когда Шмидт вошел в Зимний сад (однако это было не так, как он рассказывает в своей книге «Статист на дипломатической сцене»), он увидел Гитлера стоящим рядом с Риббентропом и передал документ. (Геринг появился позже). Я наблюдал эту сцену через стеклянную дверь. У меня сложилось впечатление, что оба они были скорее разочарованы, нежели обескуражены. Но озадаченность и растерянность охватила собравшихся в Имперской канцелярии лиц, ожидавших фюрера; она давила на всех.

Во второй половине этого судьбоносного дня, когда идти на попятный стало уже невозможно, Гитлер, вышагивая вместе со мной взад-вперед по Зимнему саду, дал себе волю и с озлоблением распространялся насчет «близорукого поведения» британского правительства. Вдруг он прервал свое словоизвержение и спросил, меня, при мне ли этот документ. Я подумал, что сейчас он даст мне какое-то поручение для ОКВ или люфтваффе. Но фюрер сказал, что должен написать обращение к немецкому народу. Не успел я даже предложить позвать одну из секретарш, всегда находившихся наготове, как Гитлер начал: «Партайгеноссен и партайгеноссинен{175}!». Мне пришлось прервать его и спросить, предназначено ли это обращение только для членов партии. Мгновение помолчав, он бросил: «Пишите „К немецкому народу!“. Затем фюрер стал диктовать, и я с трудом успевал записывать, так как стенографировать не умел. Заметив это, Гитлер стал диктовать медленнее, и главное мне зафиксировать удалось. Тем не менее я был рад, когда он закончил и стал по моим обрывочным записям диктовать уже

машинистке. Напечатанный набросок я сразу передал ему, и он, подойдя к столу в курительной комнате, тут же принялся его править. Я стоял рядом с фюрером и глядел через его плечо. Эту сцену запечатлел Генрих Гофман, и я был неприятно поражен, когда на следующий день на первой странице берлинского издания „Фелькишер беобахтер“{176} увидел этот снимок{177}, который после войны принес мне немало неприятностей.

Воззвания к партии и вермахту на Востоке и Западе Гитлер позднее продиктовал секретарше, так же как и пространные ответы британскому и французскому правительствам, в которых он отказывался принимать их ультимативные требования. Во всех своих прокламациях он во главу угла ставил вину англичан. Таково, кстати, было и широко распространенное мнение немецкого народа. Статья 231-я Версальского договора, приписывавшая исключительно немецкому народу вину за развязывание войны в 1914 г., с мая 1919 г. приобрела невероятную взрывную силу. Она отравляла атмосферу и отягощала отношения с державами-победительницами. «Ложь о вине зл войну», еще задолго до прихода Гитлера к власти оказывавшая влияние на политику и историографию, стала эффективнейшим средством его борьбы. Все больше и больше стало осознаваться, что вина за такое фундаментальное событие, каким явилось начало [Первой] мировой войны, никоим образом не могла быть приписана только одному народу. Этот факт, несмотря на все недоверие к политике Гитлера, играл роль и теперь. Во внутригерманской дискуссии о начале новой войны на первом месте стоял вопрос о роли английской политики «Balance of power» – «равновесия сил» в Европе – как ее причине. За ним следовал второй вопрос: о «неразумном» и «заносчивом» поведении поляков. И уже затем говорилось о том, что Гитлер благодаря своей искусной политике, как это имело место при прежних кризисах, мог и должен был избежать войны. Но первые же успехи вермахта в Польше быстро заткнули рот «скептикам» и «критиканам», приведя немцев к выводу: «Фюрер знает, что делает!».

Рассуждения в момент начала войны

Для меня было несомненно одно: причина начала войны заключалась в решимости Гитлера уничтожить большевизм. Находясь вот уже более двух лет рядом с фюрером, я познакомился с его мыслями и взглядами по вопросам жизни вообще, народа, государства, партии, политики и ведения войны. На основе целого ряда пережитых мною событий я смог нарисовать себе картину тех причин, которые привели Гитлера к ошибочным решениям в последние недели перед тем, как разразилась война.

В 1933 г. Гитлер вышел из внутриполитической борьбы победителем коммунизма в Германии. Свою единственную жизненную задачу как канцлера Германского рейха он видел в уничтожении «еврейско-большевистской власти» в России. Там, на его взгляд, существовала единственная опасность для мирного будущего немецкого народа. Все политические решения Гитлера были ступенями на этом пути. В области внутренней политики для него главной целью в начальный период его успехов являлись социальный порядок и безопасность.

Внешняя политика Гитлера с самого начала была нацелена на создание и охрану территориальной базы для борьбы против России таким образом, чтобы ни одна другая сила не смогла ударить ему в спину. Он верил, что найдет у держав Версальского договора понимание в том, что предписания и положения этого договора не могут действовать на вечные времена. Франция питала наибольший страх перед новым усилением рейха и не проявляла никакой охоты считаться с желанием Германии пересмотреть «Версаль», хотя Гитлер и заявлял, что Эльзас-Лотарингия его не интересует – для борьбы на Востоке она ему не нужна. Но фюреру нужны были для того равноправие Германии среди других государств Европы, прекращение ее унижения и осуществление записанного в Версальском договоре всеобщего ограничения вооружений. Именно это служило для Гитлера основными предпосылками безопасности с тыла. Когда же Франция в январе 1935 г. ввела двухлетнюю воинскую обязанность, он расценил это как доказательство провала всех планов разоружения. Поэтому фюрер 16 марта 1935 г. издал закон о создании германских вооруженных сил (вермахт) и ввел всеобщую воинскую повинность. Франко-советско-русский пакт о военной взаимопомощи от 2 мая 1935 г. означал для Гитлера новую опасность окружения Германии; когда французский парламент 27 февраля 1936 г. ратифицировал это соглашение, он

7 марта того же года приказал вермахту вступить в демилитаризованную Рейнскую область. Фюрер, как он сам говорил, теперь постоянно выжидал своего часа.

Но он знал и то, что следующие шаги по ревизии Версальского договора выйдут за пределы Германского рейха и потому должны быть подготовлены в политическом и военном отношении весьма тщательно. А посему в речи в рейхстаге 30 января 1937 г. фюрер прежде всего успокоил мир такими словами: «Время неожиданностей миновало». Сам же он еще интенсивнее разрабатывал свои планы борьбы с большевизмом. Для этого Гитлер нуждался в безопасности собственного тыла на Западе, дабы избежать войны на два фронта, а также в сильном вермахте и надежном плацдарме для сосредоточения и развертывания войск на Востоке.

Гитлеру нужны были Австрия, Чехословакия и Польша. Австрию он считал германской землей. Ее присоединение для него проблемой никогда не являлось. Что касается Чехословакии, то он критиковал эту страну за антигерманскую и прорусскую установку ее правительств, независимо от вопроса о судетском немецком меньшинстве. Добровольно Прага к союзу с германским соседом не присоединится. Поэтому весной

1938 г. Гитлер планировал применение вермахта для давления на нее. Он добивался от Праги свободы судстсктл немцам и союза с Германией. Следовало исключить любую возможность, что в Чехословакии твердо закрепится какая-либо другая европейская держава. Пусть прилежный чешский народ поставляет рейху продовольствие и военные материалы. Этой цели Гитлер достиг в марте 1939 г.

Иным было отношение Гитлера к Польше. Исходя из германо-польского пакта о ненападении от 1934 г. и зная о старинной вражде Польши к России, Гитлер видел в ее лице союзника по борьбе с большевизмом. Он считал, что страх Польши перед русскими послужит исходной базой для германо-польского компромисса. Поэтому его территориальные требования к ней не переходили приемлемых пределов. Но события мая 1938 г. впервые напугали Гитлера. Англия предприняла тогда окружение Германии в контакте с Прагой. Второй удар нанесло ему 31 марта 1939 г. британское обещание гарантий Польше.

Этот ход развития нарушал планы Гитлера, которые он вынашивал против России. Он осознавал, что ему придется сначала сражаться из-за Польши. Испытывая все большее недоверие к Англии, фюрер боялся, что британские политики в борьбе Германии против большевизма видят лишь ее усиление, а отнюдь не спасение Европы от последнего. Таким образом,

внешняя политика Гитлера с весны 1938 г. принципиально изменилась. Теперь он включил в свои планы и войну с Западом, прежде чем пойти на Россию. Но фюрер надеялся быстрыми действиями все-таки упредить Англию. Спешка гнала его от успеха к успеху сквозь 1938 и 1939 годы, пока не стала для него роковой в ту самую неделю с 25 августа до 1 сентября.

Гитлер оказался перед лицом новой ситуации, которая определялась не только политикой, но и военной силой. Планы же фюрера как политика и Верховного главнокомандующего тяготели не к быстрым решениям и скоропалительным приказам. Ему, как художнику, требовалось время и чувство меры, чтобы создать новое произведение. Этого времени он себе не обеспечил, а вместо того варился в берлинском дьявольском котле, испытывая множество всяких влияний, и в результате пришел к ошибочным решениям. Все его прежние подготовительные меры были направлены только на столкновение с Польшей. Наличного вооружения вермахта было для этого достаточно. Но с того момента, когда Гитлеру уже пришлось твердо принимать в расчет вмешательство Англии и Франции, ему стало необходимо заново обдумать положение и сделать далеко идущие новые выводы. Времени на это у него теперь не имелось.

Как можно было объяснить, почему Гитлер именно в эти критические дни, когда он видел надвигающееся на него сейчас, но ожидавшееся им лишь позднее огромное столкновение, не вернулся к своему принципу «я могу ждать»? На это были две причины. Переговоры со Сталиным и требования советского диктатора, которые Гитлер широким жестом выполнил, подтвердили ему опасность большевизма. Надежда же фюрера на то, что Англия предоставит ему на Востоке свободу рук для защиты Европы, а тем самым и для сохранения Британской империи, оказались разрушенными. Обе эти опасности Гитлер считал возможным отвратить быстрыми действиями. Уже сама по себе победа над Польшей могла бы изменить положение.

Насколько трезво и реалистически оценивал фюрер позицию своих противников, настолько же непонятны были его надежды на поддержку со стороны европейских держав в том случае, если он начнет борьбу с большевизмом. Это было такой же ошибкой, как и тот факт, что Гитлер недооценивал возможность экономической и военной помощи Англии со стороны Америки. Когда же его внимание обращали на данное обстоятельство, он, в зависимости от собеседника, отвечал, что еще задолго до вмешательства США разрешит все проблемы в Европе, ибо «горе, если он не справится с этим ранее». Первая часть ответа носила пропагандистский характер, между тем как вторая, с другим вариантом,

предназначалась только тем, кому он доверял.

Однако оба ответа подчеркивали его утверждение, что он «ждать больше не может», и способствовали тому, что Гитлер принял тяжелейшее в своей жизни решение второпях. Некоторые утверждали, что ему не давало покоя его тщеславие. Другие заявляли, будто фюрер считал, что долго не проживет, а потому обязан спешить. Эти объяснения звучали неубедительно, хотя кое-что верное в них и было. Я полагаю, что в своем решении Гитлер слишком руководствовался «внутренним голосом». Он часто говорил: положение Германии будет с 1943 г. до 1945 г. наитяжелейшим, а потому ему необходимо осуществить свои политические планы до указанного срока. Впервые фюрер упомянул об этом 5 ноября 1937 г. С тех пор он не раз поражал свое окружение прогнозами, которые мы объяснить не могли, но в целом относили на счет его острого ума, а также основательного и логичного продумывания им всех проблем. Зачастую в рассуждениях Гитлера деловая трезвость переплеталась с неправдоподобными предположениями. По моему мнению, живость ума и сильно выраженная фантазия рисовали ему фантасмагорические картины будущего.

Тесно связанной с предрасположенностью Гитлера к иллюзорному видению мира была его самоуверенность, доходившая до утверждения собственного мессианства. Еще до моего назначения в личный штаб фюрера мне доводилось с чувством неловкости слышать в публичных речах Гитлера такие слова: он горд тем, что именно его Провидение предназначило быть фюрером немецкого народа! Позже и в более узком кругу, а также среди генералов он не раз говорил, что обязан выполнить поставленные перед ним задачи, ибо после него это сделать не сможет никто. Такое высокомерное самомнение находилось в противоречии с его внутренней скромностью. Подобные противоречия проявлялись и тогда, когда он высказывал хорошо продуманные и проверенные взгляды: например, намерение считаться с возможностью войны на два фронта, т. е. идти на тот риск, за который его всегда наиболее резко критиковали.

В разговоре Гитлер часто цитировал служивших ему образцом Фридриха Великого и Бисмарка. Ведь они, по его словам, стояли перед такими же грандиозными задачами и лишь своим мужеством и волей привели к величию Пруссию и Германию. Однако фюрер не упоминал о том, что оба они, будучи выдающимися личностями, кроме того, имели сильное, хорошо вышколенное и вооруженное сухопутное войско. Фридрих II унаследовал его от своего отца Фридриха I, а Бисмарк, прежде чем пустить эту армию в действие, сумел ее увеличить вопреки

всем препятствиям. Но прежде всего оба они знали, что могут положиться на офицерский корпус, начиная от самого старшего по чину генерала и кончая последним фенрихом. К началу войны в 1939 г. Гитлер значение этой безоговорочной верности и безусловного повиновения недооценивал, а полагался на простого «мушкетера».

Летом 1939 г. Гитлер повторял: «Я разучился ждать, дальше времени ждать у меня нет». Это нетерпение стало для него, а тем самым для Германского рейха, в последнюю неделю перед войной роковым. Он недооценил своих врагов в Европе, но переоценил самого себя и никоим образом не пригодный для длительной войны на истощение вермахт.

В памяти моей сохранились некоторые разговоры с моими добрыми друзьями в те бурные недели перед началом войны. Мы считали трагическим, что правители вступивших в нее стран в той критической фазе политики недостаточно осознавали и уважали точки зрения своих противников. Англия не желала признать, что пересмотр Версальского договора стал для Германии политической необходимостью. Гитлер же не желал признать, что английское требование «равновесия сил» в Европе является жизненно важным для сохранения британской мировой империи. Однако несмотря на этот трагический и, по моему разумению, вовсе не неизбежный ход событий, я тогда был далек от мысли, будто Гитлер должен потерпеть поражение. Но, несомненно, с началом войны у меня в мозгу засел некий страх, в котором я как офицер сам себе не хотел сознаться. Ведь 2 августа 1934 г., после смерти фельдмаршала Гинденбурга, я принял присягу на верность Адольфу Гитлеру и чувствовал себя связанной ею.

Глава III

Сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г.

Что же побудило поляков вступить в неравную борьбу против германского вермахта? Они были убеждены в том, что франко-английские вооруженные силы немедленно перейдут в наступление на западе, где находились – в сравнении с Восточным фронтом – лишь немногие немецкие боеспособные соединения. Как они полагали, германские войска будут сразу же переброшены с этого фронта на Западный. Поляки особенно были склонны верить французским представлениям, будто уже в первые три дня войны внутриполитический переворот уберет гитлеровское правительство и откроет им путь в Берлин. Таковы были сообщения из кругов германского Сопротивления, которым Франция и Польша придавали большое значение. Мы узнали об этом через несколько недель после обнаружения документов из польских министерств; позже, в 1940 г., они были дополнены французскими трофейными бумагами.

В начале сентября мы следили за ходом Польской кампании с удивлением. Поляки к современной войне никак готовы не были. Их вооруженные силы устарели. Хотя они и имели в своем распоряжении 36 пехотных дивизий, 2 горнострелковые (по одной горной и одной моторизованной бригаде в каждой) и 11 кавалерийских бригад, танков и артиллерии у них не было. Германские же сухопутные войска насчитывали более 50 дивизий, из них – 6 танковых и 4 моторизованные, и обладали явным превосходством. Польская авиация самостоятельным видом вооруженных сил не являлась. Примерно 450 современных и 450 устаревших самолетов распределялись по армиям. Командование польских соединений было хорошим. Частично они сражались ожесточенно, даже не зная при этом общей обстановки.

Германское нападение на Польшу являлось в глазах массы немецкого народа не началом большой войны, а исправлением Версальского диктата. Для немцев она началась только с английского и французского объявления войны 3 сентября 1939 г.

Ставка фюрера

В первые три дня произошло образование Ставки фюрера, структура и укомплектование которой личным составом оставались почти без изменений до самого конца войны. При Гитлере постоянно находились два личных адъютанта (по большей части, Брукнер, и Шауб), две секретарши и двое слуг. К ним добавлялись сопровождающий врач профессор д-р Брандт и его заместитель профессор фон Хассельбах. Далее следовали четыре военных адъютанта – Шмундт, Путткамер, Энгель и я. Непосредственный военный аппарат фюрера формировался по предложениям ОКВ.

Во главе этого штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил стоял Кейтель с одним адъютантом. Его правой рукой по субординации, а также на случай мобилизации, являлся генерал-майор (с января 1944 г. – генерал-полковник) Йодль, до самого конца войны – начальник штаба спортивного руководства вермахта. Его помощниками в последние годы были два офицера службы генеральных штабов сухопутных войск и люфтваффе. Эту должность с 1 сентября 1939 г. занял капитан Дейле. Остальную часть сотрудников штаба оперативного руководства составляли в основном офицеры различных видов вооруженных сил под началом заместителя начальника этого штаба полковника генерального штаба Варлимонта; все они были территориально от Ставки отдалены. Боденшатц и группенфюрер СС Вольф выполняли роли офицеров связи с Гитлером от сухопутных войск и СС. Боденшатц находился на этой должности вплоть до своего ранения 20 июля 1944 г., а Вольфа в январе 1943 г. сменил группенфюрер СС Фегеляйн{178}. Представителем министерства иностранных дел до конца войны являлся посланник, а позднее посол Хевель, который когда-то сидел вместе с Гитлером в крепости Ландсберг. Военно-морской флот после изменений в январе 1943 г. в его командовании представлял в Ставке в качестве офицера связи адмирал Фосс. Во время Польской кампании в Ставку были откомандированы офицеры соответствующих генштабов: полковник фон Форман – от сухопутных войск и капитан Клостерман – от люфтваффе. Оба находились в ней до начала октября, а затем вернулись в свои рода войск. Зато летом 1942 г. в качестве историографа в Ставке появился полковник генштаба Шерф, которому было поручено собирать архивные документы о войне.

Польская кампания

Отношение Гитлера к командованию сухопутных войск в ходе войны претерпело некоторое изменение. В начале ее существовала проистекавшая еще с начала 1938 г. напряженность между ними. Она давала себя знать прежде всего в кадровых вопросах. Быстрые успехи помогли временно преодолеть все расхождения и не допустили серьезных кризисов. Фюрер тщетно попытался оказать влияние на назначение командующих армиями. Сухопутные войска настаивали на том, чтобы дать генералам фон Клюге{179} и Бласковицу армии, а фюрер считал это неправильным. В случае с Бласковицем у него сложилось мнение, что тот не обладает достаточными данными для такого крупного поста, тем более в моторизованных войсках, о которых у Гитлера имелось собственное представление. Что же касается Клюге, то здесь он поддался влиянию Геринга, который по различным поводам встречался с этим генералом и знал о его искренних взглядах насчет некоторых военных событий и решений. Он сообщил Гитлеру откровенные высказывания Клюге. Но ОКХ все же сумело добиться своего, и Клюге было поручено командовать 4-й армией, имевшей задачу наступать в полосе коридора в направлении Вислы. Фюрер очень быстро оценил действия Клюге как хорошие и был сильно огорчен, когда 4 сентября тот выбыл из строя в результате аварии самолета.

Главный удар наносила 10-я армия под командованием генерала фон, Рейхенау. Он имел задачу своими танковыми и моторизованными дивизиями наступать из Силезии в направлении Варшавы. В предварительной беседе Гитлер внушил ему: не смотреть ни направо, ни налево – взгляд его должен быть неуклонно устремлен только вперед, на поставленную цель. Для обеспечения флангов на севере была введена 8-я армия Бласковица, а на юге – 14 армия Листа{180}. Дивизии Бласковица считали, что тоже смогут, подобно соседней армии Рейхенау, достигнуть Варшавы наибыстрейшим образом, а потому и они глядели только вперед. Когда 30-я пехотная дивизия под командованием генерала фон Бризена подошла к Варшаве на расстояние 50 км, польские дивизии совершили прорыв из района Познани. На несколько часов возникла тяжелая ситуация, пока Бризену не удалось повернуть свою дивизию влево и остановить прорвавшиеся войска противника. Сам он был ранен. Гитлер резко отчитал Бласковица за этот недосмотр.

Во время Польской кампании фюрер вел себя в военных вопросах весьма нейтрально, его Ставка в первые дни этого

похода находилась в Померании, а затем в Верхней Силезии в железнодорожном составе на запасных путях. Он был уверен в успехе и каждый день ожидал от поляков сигнала о их желании капитулировать или возможности вступить в переговоры насчет «остатка Польши». После начала военных действий фюрер заявил в рейхстаге, что хочет разрешить «вопрос о Данциге» и «вопрос о коридоре», а затем в отношении Германии к Польше наступит поворот, который обеспечит их мирное сожительство. Гитлер был готов к переговорам.

Но поляки не сдавались, сражались очень храбро, хотя и без всяких видов на успех, каждое соединение – в границах своего участка фронта. Радиосвязь почти отсутствовала. Самостоятельно действовавшие фронты доверились обещанию англичан как можно скорее облегчить их положение, но вмешательства этого ожидали тщетно. Польское правительство покинуло Варшаву и 17 сентября оказалось на румынской территории. Это послужило Гитлеру сигналом. Он решил вновь включить в состав рейха те части Польши, которые принадлежали Германии до 1918 г.: восточную часть до линии Нарев – Висла – Сан предоставить русским, а остальную ее территорию превратить в генерал-губернаторство во главе с рейхсляйтером д-ром Франком{181} и со столицей в Кракове.

17 сентября 1939 г. русские соединения вступили в Восточную Польшу и заняли ее до обговоренной с Риббентропом в Москве линии рек Нарев – Висла – Сан. Продвигаясь на восток, германские войска уже перешли эту линию и с раздражением были вынуждены отдать захваченную ими территорию. Гитлер с большим нетерпением ожидал вступления русских. Это служило для него последним предлогом для нового раздела Польского государства согласно своим воззрениям. В те дни фюрер твердил: обещания англичанам гарантий Польше, данные ей в марте и августе, – наилучшее доказательство того, что Англия желала этой войны с целью его устранения. Англичане, как и в 1914 г., сумели приписать вину за войну немцам и сделать это правдоподобным для всего мира,

19 сентября Гитлер посетил Данциг. Своим местопребыванием он избрал Сопот, где расположился в отеле «Казино», а затем во второй половине дня выехал в город. Восторг людских толп был неописуем. Во дворе отеля «Артусхоф» фюрера приветствовал Форстер{182}. В ответ Гитлер экспромтом произнес длинную речь, в которой говорил о возвращении Данцига в рейх. У меня сложилось впечатление, что многие фразы адресовались Англии, к примеру: «Для поджигателей войны Польша тоже служила всего лишь средством достижения

цели. Сегодня уже совершенно спокойно заявляют, что война велась вовсе не за сохранение Польши, а за ликвидацию существующего в Германии режима». Или такой пассаж: «Если сегодня Польша избрала войну, то сделала она это потому, что ее к тому подстрекнули». Имея в виду западного противника, Гитлер сказал: «У меня нет военных целей ни против Англии, ни против Франции». А заключил он такими словами: «Английская цель – отнюдь не борьба против режима, а борьба против немецкого народа, а это значит против немецких женщин и детей. Потому реакция наша будет соответствующей. И в итоге станет твердо ясно одно: эта Германия не капитулирует никогда!».

Бои за Варшаву

Во время нашего пребывания в Сопоте главное внимание Гитлер уделял боям за Варшаву, говоря, что комендант ее все еще ждет помощи от западных государств. 21 сентября тот принял предложение фюрера эвакуировать из города весь дипломатический корпус и подданных других государств. Они были встречены севернее Варшавы представителями нашего министерства иностранных дел и препровождены в Кенигсберг. Варшава готовилась к борьбе. Из сообщений дипломатов явствовало: в городе распространяются весьма странные известия с Западного фронта. Одно из них было таково: будто бы французы продвинулись глубоко в Южную Германию, а в Рурской области даже прекратилась всякая работа. Эти сообщения объясняли, почему комендант Варшавы продолжал сопротивление.

21 сентября начался артиллерийский обстрел Варшавы, а люфтваффе получила приказ бомбить ее. 22-25 сентября Гитлер летал на подступы к ней, чтобы лично убедиться в эффективности действий нашей авиации. 22 сентября фюрер находился почти точно в том самом месте, где был ранен и вскоре скончался бывший главнокомандующий сухопутных войск барон фон Фрич. Получив донесение о его гибели, Гитлер был явно огорчен и принял эту весть молча.

В тот день во время поездки очень сильное впечатление на меня произвели огромные толпы польских беженцев. Преобладали молодые, было и много евреев. Я надеялся, что такая участь не постигнет наш народ никогда. Пять лет спустя беженцами стали наши дети.

25 сентября Гитлер снова совершил полет в район Варшавы и с хорошо выбранного наблюдательного пункта следил за ходом событий. На этот день ОКХ назначило наступление. Значительная часть города уже пылала в огне. Все это производило какое-то ирреальное впечатление бессмысленной борьбы. Через два дня, 27 сентября, комендант Варшавы предложил сдачу города. Последние польские силы капитулировали только 1 октября на полуострове Гела, что перед Гдыней.

В ходе Польской кампании люфтваффе выработала тот наступательный стиль, который оставался определяющим для нее вплоть до 1941 г. В течение двух первых дней войны польские аэродромы подверглись воздушным атакам и основная масса самолетов противника оказалась уничтоженной. Соединения наших сухопутных войск вошли в эту страну, не испытывая воздействия польских военно-воздушных сил. Люфтваффе

оказалась в состоянии всеми своими силами поддержать продвижение наземных войск. Установилось тесное взаимодействие между ними и авиацией, возникла основа для сражений в последующие два года.

Стиль командования Гитлера

Служба в нашей адъютантуре шла в весьма равномерном ритме. Главным в ней являлось ежедневное обсуждение обстановки с Йодлем или генеральным штабом сухопутных войск. Это обсуждение имело место каждый день в 12.00 и продолжалось, как правило, от полутора до двух часов. Вечернее обсуждение, по большей части, проходило в 18 или 19 часов, причем в более узком кругу. Йодль докладывал обстановку, и если (как это бывало в спокойные времена между отдельными кампаниями) не случалось чего-либо из ряда вон выходящего, на нашу адъютантскую долю выпадали лишь рутинные пояснения со стороны сухопутных войск, военно-морского флота и люфтваффе.

Центральное значение Гитлером придавалось предполуденному положению на фронте. При этом он обсуждал с офицерами все произошедшие к тому моменту события и принимаемые меры. К оперативным планам он присовокуплял собственные мысли и указания. Однако до осени 1941 г. фюрер лишь весьма редко отдавал прямые приказы. Он ограничивался усилиями настолько крепко убедить своих слушателей, чтобы они осуществляли его намерения самостоятельно. Это являлось и причиной зачастую очень долгих совещаний у него. С декабря 1941 г., когда фюрер принял на себя и главнокомандование сухопутными войсками, он постепенно стал переходить к тому, чтобы добиваться выполнения собственных намерений путем прямых приказов, однако при этом, как и прежде, стараясь убедить собеседников в ходе ставших нередко более продолжительными совещаний. Только в последний год войны он все чаще прибегал к более ярко выраженной отдаче прямого приказа, но к тому времени его возможности проводить приказы в своем духе уже стали весьма ограниченными.

Во время Польской кампании я имел достаточно много случаев оценить невероятно тонкое чутье и остроту логики фюрера в оценке военной обстановки. Он умел мысленно поставить себя на место своих противников и предвидеть их военные решения и действия. Его оценки военной обстановки отвечали реальности, между тем как в области политики они всегда казались иллюзорными, продиктованными эмоциями и субъективными желаниями.

Гитлер, Гальдер, Браухич

Осенью 1939 г., после Польской кампании, в командовании сухопутных войск царило воодушевление. Правда, Браухич и Гальдер и тогда оставались настроенными пессимистически. Но после похода на Польшу они со своими взглядами оказались одинокими, а их планы отстранить или вообще устранить Гитлера не нашли бы сторонников в войсках. К тому же ни к какому решению они прийти так и не смогли. Хотя внутренне оба генерала были против планов и идей фюрера, они все-таки оказывали ему широкую поддержку в постоянной надежде на то, что смогут энергично выступить при каком-либо представившемся им случае.

Во время моих разговоров с Гитлером я со времени начала войны ощущал его желание выведать у меня позицию генералов из ОКХ, чтобы получить о ней ясное представление. Фюрер знал: там он имеет нескольких – пусть и немногих – противников. Насчет люфтваффе и кригсмарине у него таких опасений не было. Под эгидой Браухича сухопутные войска, как и прежде, шли собственным путем, который Гитлер желал изменить. Сделать это ему не удалось. Критика фюрера в адрес генерального штаба и офицерского корпуса сухопутных войск основывалась на ложных предпосылках. Он ожидал от них слишком многого и был разочарован и обескуражен их, как он однажды сказал мне, «посредственным качеством». Но поскольку Гитлер сам испытывал на себе давление военных и политических успехов, ему приходилось считаться с этим и в своем стиле откладывать заботу об улучшении качества командования на более отдаленный срок, который так и не наступил.

После Польской кампании родные и знакомые не раз спрашивали меня, какими именно людьми окружил себя фюрер и с кем он советуется в ведении войны. Ведь часто приходится слышать, что вокруг него царит атмосфера раболепия, нервозности и растерянности. Не исключаю, что у какого-нибудь постороннего человека, раз или два попавшего на доклад к Гитлеру, и могло возникнуть такое впечатление.

В широком кругу ежедневного обсуждения обстановки речь шла о темах вполне определенных. Участники могли высказывать свои суждения лишь по данному комплексу вопросов. Специальные вопросы и проблемы фюрер уточнял в персональных беседах, к которым допускался лишь ограниченный круг лиц. Действительно, на совещаниях в начале войны некоторые из докладывавших чувствовали себя скованно и неуверенно – это

были, по большей части, оппозиционно настроенные генералы возрастом постарше. Тогда я о распространявшейся активной оппозиции Гитлеру еще ничего не знал. Однако понятно, что люди, сидевшие на двух стульях сразу, когда-то и как-то испытывали неуверенность. А если фюрер затем задавал вопросы и переходил к подробностям, случалось и так, что докладчик ничего ответить не мог. Но страшнее всего, как мне потом рассказывали некоторые в товарищеском кругу, было обсуждать военные вопросы с таким не получившим генштабистской подготовки человеком, как Гитлер. Мне довелось один-единственный раз оказаться очевидцем, но я должен засвидетельствовать: вопросы фюрера были совершенно нормальными и не носили какого-то особенного подтекста. Они касались тех деталей, которые остались неосвещенными, но казались ему важными в общей взаимосвязи.

Решение о наступлении на Западе

После Польской кампании первым вопросом, который Гитлер, входя в командный вагон, задавал явившемуся для доклада Йодлю, было: «Что нового на Западе?». Йодль мог его успокоить: на Западном фронте без перемен. Мысли фюрера уже явно были заняты планами проведения вскоре операций на французской территории. Поэтому меня нисколько не поразило, когда Шмундт 8 сентября сообщил, что Гитлер намерен как можно быстрее начать войну против Франции. В последующие дни фюрер в самом узком кругу верных вновь и вновь говорил о возможностях вооруженной борьбы с нею. Он твердо решил предпринять наступление в октябре или ноябре 1939 г. Гитлер не рассчитывал на то, что после Польской кампании Англия или Франция пойдут на попятный. Он был твердо уверен, что именно Англия возьмет в свои руки дальнейшее ведение войны. Поэтому фюрер и был полон решимости продемонстрировать англичанам новые успехи вермахта, дабы убедить их, что продолжение войны против Германии бессмысленно.

Все мы находились под этим впечатлением, когда 26 сентября в 17 часов приехали в Берлин на Штеттинский вокзал. Прибытие Гитлера прошло почти незамеченным.

На вторую половину следующего дня фюрер вызывал в Имперскую канцелярию Геринга, Редера, Браухича, Кейтеля, Йодля, Ешоннека и Боденшатца. Во встрече приняли участие и мы, военные адъютанты. Тема как можно более скорого начала похода на Францию в этом кругу уже не раз обговаривалась, к тому времени Гитлер уже знал об отрицательном отношении ОКХ к его планам. Неудивительно, что он произнес обстоятельную речь и высказал свои мысли насчет предстоящих военных действий на Западе. Выигранная нами Польская кампания изменила положение Германии в мире. Значительное число нейтральных стран дрожит перед нами. Крупные государства видят в нас огромную опасность. Поход против Польши усилил их страх и уважение к нам. Никакой любви к Германии во всем мире нет. Англия попытается и дальше действовать по-вражески. Поэтому мы должны рассчитывать на продолжение войны. Время работает против нас. Через полгода положение англичан и французов будет лучше, чем сегодня. Англия выставит много дивизий, пусть и не пригодных для наступления, но годящихся для обороны.

Танковые войска и люфтваффе, говорил Гитлер, вот что было ключом к нашему успеху в Польше. Сегодня у Запада тут дело

обстоит плохо. Через полгода, вероятно, все будет по-другому. Имей они оружие, они смогли бы помочь Польше. Откладывать наше наступление во Франции – неправильно. Если нас вынудят к позиционной войне, успех может быть достигнут только применением люфтваффе и подводных лодок.

Наши минимальные потери в Польше можно быстро восполнить. Необходимо бросить на Западный фронт максимальное число наших соединений. Качество их решающей роли не играет, а само наступление окажется не более трудным, чем в Польше. Главное – погода в первые три-четыре дня. Наступление следует начать между 20 и 25 октября и нанести врагу уничтожающий удар. Цель войны – поставить Англию на колени.

Таковы были слова Гитлера. Они выражали его твердое убеждение в том, что стремительное наступление на Западе окажется успешным.

28 сентября 1939 г. Риббентроп снова отправился в Москву для подписания договора о германо-советской границе и дружбе{183}. Границей между обоими государствами отныне должен был стать Буг, Прибалтийские страны отходили России. Гитлер без долгих размышлений дал свое согласие на это, однако настоял на публикации совместного политического заявления имперского правительства и советского правительства. В нем говорилось, что «ликвидация настоящей войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой стороны, отвечала бы интересам всех народов». И завершалось оно словами: «Если, однако, эти усилия обоих Правительств останутся безрезультатными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны…»{184}

Это германо-русское заявление немецкая пресса подала очень широко и броско. Однако в то, что в ответ англичане предпримут какие-либо шаги, Гитлер не верил. Он настаивал на как можно более быстром продолжении борьбы на Западе. Польшу он считал предпольем (глацисом), которое когда-либо сможет приобрести для нас военное значение и быть использованным для сосредоточения и развертывания наших войск. Поэтому шоссейные дороги и линии связи должны содержаться в порядке, иначе и в этом может сохраниться «польская бесхозяйственность».

5 октября Гитлер вылетел в Варшаву принять парад 8-й армии. На аэродроме его встречали Браухич, Бласковиц и Рейхенау. Целых два часа проходили воинские части перед своим Верховным главнокомандующим. Это был единственный парад, который фюрер принимал в столице завоеванной страны. Во

второй половине дня он посетил дворец Бельведер – бывшую резиденцию умершего маршала Пилсудского, а затем вылетел в Берлин.

Гитлер распорядился созвать 6 октября рейхстаг. На его заседании он обрисовал ход Польской кампании, свершения и стремительные действия войск, быстрые успехи и наименьшие потери. Затем фюрер подробно остановился на политическом положении в Европе. Для продолжения войны нет никакой причины. Эта война вообще не способна урегулировать ни одной проблемы. Он, отмечал фюрер, еще ранее вносил предложения насчет соглашений гуманного характера: например, ликвидировать определенные виды оружия, запретить применение авиации против гражданского населения. Но в словах Гитлера можно было услышать его недоверие к Англии, а под конец он заявил, что решение зависит от самого Черчилля. Если же это его недоверие подтвердится, мы будем сражаться. Лично он ни секунды не сомневается в том, что победит Германия. В заключение фюрер поблагодарил Господа Бога за то, что тот «позволит нам и всем другим найти правильный путь, идя которым обретет вновь счастье мирной жизни не только немецкий народ, но и вся Европа». Эта речь подействовала на весь немецкий народ. Люди доверяли фюреру и – в противоположность ему – верили, что Англия и Франция проявят понимание. Сам же Гитлер не сомневался, что та примет решение продолжать войну, а потому сконцентрировал всю свою деятельность и все свои меры на военных действиях на западной границе Германии. 9 октября он дал вермахту директиву № 6 о ведении войны, в которой потребовал подготовить наступательную операцию на северном крыле Западного фронта через голландско-бельгийско-люксембургскую границу. Наступление должно быть таким сильным и упреждающим, насколько вообще возможно.

Сколь серьезен был для Гитлера вопрос о быстром продолжении войны, стало ясно 10 октября из его памятной записки главнокомандующим трех составных частей вермахта. В ней Гитлер ясно заявил: «Цель Германии в войне… должна состоять в том, чтобы окончательно разделаться с Западом военным путем». О России он высказался так: «Никаким договором и никаким соглашением нельзя с определенностью обеспечить длительный нейтралитет Советской России. В настоящее время есть все основания полагать, что она не откажется от нейтралитета. Через восемь месяцев, через год или даже через несколько лет это может измениться»{185}. Тем самым Гитлер дал трем главнокомандующим понять свою

коренную установку в отношении договора с Советским Союзом.

Еще незадолго до окончания Польской кампании Гитлер по просьбе гросс-адмирала Редера посетил базу подводных лодок в Вильгельмсхафене. Там дислоцировались как раз те субмарины, которые вернулись из первых морских операций против врага. У Редера имелось намерение побудить фюрера в результате бесед с их командным составом проявить большее понимание главной задачи подводного флота – выиграть торговую войну. Тогдашний контр-адмирал Дениц{186} в кратком докладе нарисовал картину недавних действий этого флота. Фюрер побеседовал с подводниками, многие из которых обросли запущенными бородами, расспросил их о боевых делах, выразил им свою признательность. К числу этих подводников принадлежал и капитан-лейтенант Шухарт, «U-29» которого 17 сентября пустила ко дну британский авианосец «Courageous». Фюрер вернулся в Берлин с наилучшими впечатлениями от своих подводников.

14 октября британское адмиралтейство сообщило о потоплении, немецкими подводниками линкора «Royal Oak» в Скапа-Флоу. Гитлер был в восторге от этой смелой операции и 17 сентября пригласил команду «U-29» в Берлин. Приняв ее в Имперской канцелярии, он наградил командира этой субмарины капитан-лейтенанта Прина Рыцарским крестом.

Совершенно неожиданным для Гитлера явилась инициатива Редера 10 сентября. Гросс-адмирал разъяснил ему значение Норвегии для ведения Германией войны на море с точки зрения необходимости обеспечить поставку руды из Нарвика. Значение это столь велико, что он вынужден предложить оккупировать Норвегию. В ответ фюрер попросил Редера представить ему разработанные командованием военно-морского флота материалы. До начала 30 ноября финско-русской зимней войны об этом больше не заговаривали.

Главным стремлением Гитлера было как можно скорее закончить войну победой. Ему уже грезилось, как еще поздней осенью 1939 г. его дивизии будут стоять на берегу Ла-Манша, а воля Франции к борьбе окажется сломленной. Важно упредить намерения Англии и Франции. Он потребовал от сухопутных войск готовности предпринять 12 ноября наступление на Францию, Бельгию и Голландию. Обсудив с Браухичем план операции, фюрер все же дал свое согласие, хотя ее проведение мыслилось ему в принципе по-иному. Но времени на коренные изменения уже не было. Поэтому ОКХ вновь попыталось (например, 16 и 27 октября) отговорить Гитлера от намеченного им плана. Браухич и Гальдер втолковывали ему, что дивизии, только что одержавшие победу в Польше, для войны на Западе

недостаточно боеспособны.

5 ноября Браухич побывал у фюрера наедине и вручил ему памятную записку, в которой указал на имеющиеся в данный момент слабые места сухопутных войск. Гитлер же настолько упорствовал в своих аргументах, что Браухичу пришлось замолчать. Фюрер считал, что за четыре недели уровень подготовки войск все равно не изменится, а вот погода может оказаться неблагоприятной и весной. Армия, мол, вообще сражаться не хочет, потому-то и само вооружение сухопутных войск ведется медленно и вяло. Гитлер был возмущен, поведение Браухича вызывало у него раздражение, о чем он не преминул упомянуть и нам.

Фюрер вовсе не скрывал, что, на его взгляд, Браухича и Гальдера надо заменить другими генералами. Но нынешнее положение почти перед самой операцией совершить эту замену в Главном командовании сухопутных войск не позволяет.

Покушение в пивном зале «Бюргербройкеллер»{187}

Тем временем день наступления приближался, и генералы настойчиво просили Гитлера принять решение 7 ноября. К началу совместного обсуждения появился главный метеоролог люфтваффе д-р Дизинг, который сообщил, что погода – отвратительная, и дал весьма неутешительный прогноз. Тогда Гитлер заявил: следующий раз решение он примет через два дня, а до этого ему необходимо слетать в Мюнхен, чтобы там 8-го вечером выступить с речью, а 9-го до полудня вернуться в Берлин. В этой короткой поездке фюрера сопровождал Шмундт. Речь в пивном зале тоже посвящалась лишь одной теме – Англии.

Поздно вечером (я уже лежал в постели) мне сообщили по телефону: на партийном торжественном заседании в пивном зале «Бюргербройкеллер» совершено покушение – взорвана бомба прямо среди его участников, когда фюрер уже покинул зал. Весть эта подействовала как сигнал тревоги. Она ясно показала нам, что у Гитлера есть враги, готовые на все. Когда фюрер на следующий день пунктуально точно в указанное время появился в Имперской канцелярии, было заметно, что событие это его сильно взволновало. Но поздравления со счастливым исходом он воспринимал спокойно и сосредоточенно. Сказал, что его спасение от гибели – чудо, которое он воспринимает как предзнаменование того, что ему удастся выполнить свою задачу главы рейха. Из Мюнхена сообщили, что жертвой покушения стали 8 человек убитыми и более 60 – ранеными. Фюрер принял живое участие в судьбе как их родных, так и пострадавших.

Через три дня Гитлер снова полетел в Мюнхен, присутствовал на торжественном государственном акте у «Галереи полководцев», посетил в больнице получивших увечья и был сильно потрясен, увидев разрушенный бомбой пивной зал. Расследование показало, что задержанный при переходе швейцарской границы злоумышленник по фамилии Эльзер действовал в одиночку и, вероятно, никто за ним не стоял.

Соображения Гитлера и план операции

Октябрь Гитлер использовал для того, чтобы добиться принятия своей концепции намеченной операции. В большом помещении, предназначенном для обсуждения обстановки, был сооружен макет всего района наступления к западу от германской границы. Гитлер подолгу задерживался у этой рельефной карты, обдумывая свой план. После ужина, в те часы, когда в мирное время он обычно смотрел кинофильм, фюрер вместе с дежурным военным адъютантом не раз приходил туда, чтобы в течение двух часов обсуждать возможное направление. По сути, «беседа» эта представляла собой его мысли вслух. Он изучал шоссейные дороги, русла рек и другие препятствия на пути наступающих войск. За осенние и зимние месяцы ему становилось все яснее: главный удар должен наноситься через Арденны по линии Седан – Руан.

Уже 30 октября 1939 г. Гитлер распорядился ввести в действие за линией Арлон – Седан одну танковую и одну моторизованную дивизии. При тогдашнем плане операции эта переброска означала всего только тактическое усиление группы армий «Б», которой командовал генерал-полковник фон Рундштедт. Из этого первого решения возникло другое: массированное применение танковых соединений. Однако погодные условия сделали необходимой отсрочку наступления. Это время фюрер использовал для внедрения своего плана.

11 ноября 1939 г. Гитлер направил группам армий «А» и «Б» телеграммы, в которых говорилось, что им принято решение создать группу подвижных войск, которые, используя безлесную полосу по обе стороны Арлона, Тинтиньи и Флоренвилля, должны продвигаться в направлении Седана. В директиве № 8 от 20 ноября 1939 г. он четко сформулировал необходимость принять такие меры, чтобы стало возможно быстро перенести направление главного удара в данной операции от группы армий «Б» группе армий «А». В духе указанной директивы Йодль обсудил в генеральном штабе сухопутных войск требование Гитлера. Там склонялись к строгому выполнению этих указаний. Однако рассуждения лишь постепенно превращались в приказы. Действующим все еще продолжал считаться первый план операции, который с интервалами в 6-8 дней откладывался из-за неблагоприятной погоды. В то время фюрер еще не был знаком с идеями Манштейна, близкими его собственным.

В ноябре Черчилль выступил по радио с речью, в которой сказал: «Не хочу пророчествовать, не бросится ли Гитлер с одержимостью загнанного в угол безумца в наихудшее из всех его преступлений. Но одно я хочу утверждать со всей уверенностью: судьба Голландии и Бельгии, как и Польши, Чехословакии и Австрии, будет решаться победой мировой Британской империи совместно с Французской Республикой. Если мы окажемся побеждены, все будут превращены в рабов, и тогда Соединенным Штатам придется защищать права человека одним. Если же нас не разгромят, существование и свобода всех этих стран будут спасены и восстановлены». Таким образом, Черчилль заглянул в будущее. Тогда он еще не возглавлял правительство, но ожидал, что ход войны заставит английского короля передать ответственность за судьбу Великобритании в его руки.

Принимая во внимание развитие событий, Гитлер счел необходимым 25 ноября ознакомить военное руководство со своей оценкой общего положения. Присутствовали Геринг, Редер и Браухич со своими начальниками генеральных штабов, а кроме них – командующие группами армий и армий, тоже с начальниками штабов, а также высшие чины военно-морского флота и люфтваффе.

Гитлер начал с рассказа о своей деятельности в 1919-1925 гг. до взятия власти в 1933 г. Он создал вермахт именно для того, чтобы воевать. Поневоле дело сложилось так, что прежде всего следовало решить вопрос на Востоке. Превосходство наших вооруженных сил обеспечило быстрый успех в Польше. Россия в настоящий момент опасности не представляет. К тому же с ней у нас есть договор. Сталин будет соблюдать этот договор только до тех пор, пока считает его для себя хорошим. Мы сможем выступить против России лишь тогда, когда освободимся на Западе. Русские вооруженные силы еще в течение года или двух будут иметь ценность невысокую.

Об Италии во главе с Муссолини Гитлер отозвался с точки зрения германских намерений положительно. Королевский двор он оценил как враждебный рейху. Италия вступит в войну только в том случае, если сама Германия начнет действовать против Франции наступательным образом. Смерть дуче принесла бы нам опасность. Америку фюрер охарактеризовал как «пока еще для нас неопасную». Японию назвал ненадежной. Займет ли она в отношении Англии враждебную позицию, пока неизвестно. «Время работает на противника. Нынешнее соотношение сил может для нас ухудшиться. Я буду нападать, а не капитулировать. Судьба рейха зависит только от меня». Так Гитлер сам оценивал собственную роль в этой борьбе. Англия лишь теперь начинает

вооружаться и вступит в первую фазу своего вооружения только через год-два. Французская боеспособность далеко уступает германской. На сегодня превосходство – у Германии, и миллионы немцев, являющихся сейчас солдатами, обладают выдающимися боевыми качествами. Все – в руках военного руководства. За спиной армии – сильнейшая в мире военная промышленность.

Его, говорил Гитлер на этом совещании, угнетает то, что англичане все сильнее выходят на первый план; они – противник упорный. Через шесть – восемь месяцев они с многократно возросшими силами будут стоять во Франции. Голландия и Бельгия – на стороне англичан. От обладания Рурской областью зависит весь ход войны. Для нас важно иметь более благоприятное исходное положение. В настоящее время полет до Англии требует слишком много горючего. Такое положение можно изменить только в том случае, если будут захвачены Голландия и Бельгия. «Это решение – для меня самое трудное. Я должен выбирать между победой или нашим уничтожением. Я выбираю победу».

Затем Гитлер сообщил принятое им решение: как можно скорее атаковать. Францию и Англию. Нейтралитет Голландии и Бельгии он назвал «не имеющим значения». Военную ситуацию фюрер считал благоприятной. Но предпосылкой успеха служит фанатическая решимость высшего руководства, которое должно давать пример. Гели руководство всей жизнью народа будет обладать таким же мужеством, какое обязан иметь каждый простой мушкетер, никакие неудачи нас не постигнут. Свое выступление фюрер закончил словами: «Речь идет о том, быть или не быть нашей нации. Прошу вас понести этот дух решимости в низы. В этой борьбе я либо выстою, либо паду. Поражения моего народа я не переживу. Никакой капитуляции вовне, никакой революции внутри».

Во второй половине дня, ближе к вечеру, Гитлер имел еще одну серьезную и долгую беседу с Браухичем. Ему было необходимо убедить того. Сам же Браухич просил фюрера, если он ему не подходит, снять его с занимаемого поста. Гитлер просьбу отклонил и заявил: каждый солдат обязан оставаться на своем посту.

События конца года

После ужина Гитлер отправился со мной в большое помещение, предназначенное для обсуждения обстановки, и мы долго ходили там взад-вперед. Ему было нужно высказаться вслух, чтобы уяснить для самого себя возможные ошибки. Он продолжал упрекать Браухича и Гальдера за их отрицательное отношение к наступлению на Западе. «100 германских дивизий, которые сейчас формируются, в данный момент количественно превосходят дивизии англичан и французов. Но уже через полгода все может измениться», – говорил фюрер. Это было его главной заботой, ибо он и сам не знал, каким темпом будут вооружаться оба крупных западных государства. Кроме того, Гитлер хотел, чтобы его сухопутные войска к весне были высвобождены для крупной операции на Востоке против России. Это – первый намек насчет России, который я услышал от фюрера; он показался мне утопическим. Для него же это было явно давно продуманным планом, осуществить который Гитлер предназначал вермахту.

29 ноября 1939 г. были прерваны дипломатические отношения между Россией и Финляндией. Гитлер следил за этим весьма скептически. Он исключал возможность, что маленькая Финляндия выдержит натиск советских вооруженных сил и сумеет противостоять им. Фюрер читал все сообщения прессы о событиях на этом театре военных действий и требовал от наших дипломатов в Москве и Хельсинки как можно больше и точнее докладывать о них. На протяжении последующих месяцев он с удивлением констатировал, что война эта не приносит русским никаких успехов. Гитлер задавал себе вопрос: в состоянии ли Россия одержать верх над Финляндией, но так никогда и не смог ответить на него. Фюрер наблюдал за ходом событий и по еженедельным киножурналам, пытаясь получить более ясное представление о них. Но поступавшие к нему материалы были скупы и полного впечатления не давали. Симпатии Гитлера, несомненно, были больше на стороне Финляндии, чем России. Но он был вынужден проявлять сдержанность, ибо договор о союзе с Россией заставлял его держаться нейтрально.

12 декабря у Гитлера состоялось важное совещание, на котором сам я не присутствовал, но много слышал от Путткамера, рассказавшего мне подробности. Фюрер принял Редера и обсудил с ним северные проблемы. Насчет Финляндии оба были единодушны в том, что нельзя допустить ее поддержки через «ненадежную» Швецию. По отношению к русским следует

проявить некоторую предупредительность. Далее Редер сообщил о своих беседах с норвежцем Видкуном Квислингом{188}, однако беседы эти отнюдь не давали оснований слепо доверять ему. Редер сильно настаивал на рассмотрении норвежской проблемы, ибо военно-морскому флоту для ведения войны необходимо владеть норвежскими портами. Гитлер весьма склонялся к его точке зрения, даже взвешивал возможность личного разговора с Квислингом, чтобы самому увидеть, что это за человек. Беседы с Редером продолжились через несколько дней в Имперской канцелярии, но фюрер никакого решения пока не принял.

Год близился к концу. Ситуация на западной границе была неясной. Гитлер от своего плана наступления на Францию не отказался. Однако 12 декабря оно было перенесено на 1 января, а 27-го – на 9 января 1940 г. Фюрер решил провести Рождество в войсках на Западе. Посетил неподалеку от Лимбурга-на-Лане одну разведывательную эскадрилью. Вторую половину дня провел в пехотном полку «Великогермания», а вечер – в полку своей личной охраны «Адольф Гитлер», где произнес короткую речь. На следующий день, 24 декабря, пообедал на батарее тяжелой зенитной артиллерии в зоне противовоздушной обороны. После обеда побывал между германской и французской линиями фронта и с интересом осмотрел некоторые позиции.

Только поздно вечером Гитлер вернулся в свой железнодорожный спецсостав. Первый день Рождества он провел во вновь сформированном полку «Лист», а затем собственным поездом возвратился в Берлин.

Появление Гитлера среди солдат произвело сильное впечатление. Войска приветствовали фюрера как победителя в борьбе с Польшей и освободителя бывших прусских провинций Познань и Западная Пруссия. Солдаты были уверены в победе в предстоящих боях на Западе и лишь ждали приказа выступать. Некоторые высокие штабы на Западном фронте, казалось, этой уверенности не разделяли. Гитлер же при своих посещениях войск просто-таки излучал спокойствие и уверенность. У него сомнений никаких не возникало. В нескольких кратких словах при посещениях частей он убеждал солдат в превосходстве германского вермахта в предстоящих сражениях против Франции на наглядных примерах уходящего года. Но угнетающе действовала плохая погода. Термометр показывал в эти дни около нуля. Над всей местностью стоял легкий туман. Видимость была невысока, метеоусловия никак не вдохновляли солдат и давили на них. Фюрер тоже осознавал это и старался рассеять мрачное настроение.

27 декабря Гитлер велел проинформировать его о состоянии

сухопутных войск на данный момент, а затем попрощался, чтобы провести несколько дней в Мюнхене и на Оберзальцберге. Его сопровождал Шмундт. Предстояли две недели, в которые, предположительно, ничего чрезвычайного не ожидалось.

Новый год наступил спокойно. Погода не изменилась. По-прежнему висела серо-белая почти непроницаемая пелена.

3 января 1940 г. Гитлер получил от Муссолини длинное письмо, в котором тот, в частности, предлагал фюреру «начать восстановление польского государства» и не наступать на Западном фронте. Дуче высказывал недовольство дружбой Германии с Россией, остающейся величайшей опасностью для всей Европы. Мне не довелось наблюдать непосредственную реакцию фюрера на это письмо; знаю только о его отчасти деловых, отчасти раздраженных репликах по данному поводу. На само письмо он так и не ответил и никакой причины для личной встречи с Муссолини не видел. Они не встречались уже с мая 1938 г. Письмо снова показало Гитлеру, что итальянское правительство настроено вполне пробритански и профранцузски.

9 января фюрер прежде всего велел доложить ему о погоде. Главный метеоролог указал на ее предстоящее улучшение на востоке, полагая, что на следующий день сможет дать более подробные сведения и о погоде на западе. Поэтому фюрер отложил свое решение до 10 января. Синоптик сообщил, что 12 и 13 января ожидается кратковременная пасмурная погода, но затем 12-14 дней по всей Европе будет стоять ясная зимняя погода при температуре от -10 до -15 градусов. Гитлер назвал в качестве «дня А» 17 января. Если произойдет ухудшение погоды, наступление будет перенесено на весну. В этот день в Имперской канцелярии царила напряженность. После обеда к фюреру явились на совещание Браухич и Гальдер; обсуждался вопрос о нанесении люфтваффе 12 или 13 января сильных бомбовых ударов по авиационным базам противника в северной части Франции.

11 января стало черным днем. Один офицер связи из летной части 220 (Мюнстер) по пути на совещание в 1-м авиационном корпусе (Кельн) сбился с маршрута. Пилоту, у которого горючее оказалось на исходе, пришлось совершить вынужденную посадку у Мехлина. В папке у курьера находились самые последние оперативные планы на «день А». Гитлер принял это сообщение спокойно и сначала ждал более точных донесений о том, какие именно документы могли в этом случае попасть в руки бельгийцев. Германский военный атташе доложил из Брюсселя, что все документы удалось уничтожить. Фюрер отнесся к этому с недоверием. Через несколько дней картина стала полной. Сжечь

бумаги офицеру связи не удалось – ему помешали. Его и пилота (тоже офицера) схватили и доставили в бельгийский военный барак. Там неудачей закончилась и вторая попытка офицера связи уничтожить документы. Бельгийцы стали обладателями действующего плана германского наступления и немедленно передали его французскому генеральному штабу.

Гитлер внешне оставался спокоен, не в последнюю очередь потому, что ответственность за этот инцидент в конечном счете нес Геринг как главнокомандующий люфтваффе. Но внутренне фюрер был крайне взволнован и взвинчен. Уже вечером 11 января после ужина в разговоре с дежурным военным адъютантом он откровенно и недвусмысленно высказался насчет того, с каким легкомыслием в люфтваффе транспортируют секретнейшие документы. Инцидент этот побудил фюрера еще 11 января издать «Основополагающий приказ № 1», согласно которому никто, ни один офицер и ни одно военное учреждение не имели права знать о секретных делах более того, чем это было безусловно необходимо из служебных соображений. На будущее запрещалась всякая «необдуманная передача по инстанции указов, распоряжений и сообщений, сохранение которых в тайне имеет решающее значение».

Пасмурная погода не менялась. Не было и никакой гарантии, что люфтваффе получит на целых три дня летную погоду. Поэтому Гитлер решил подготовку к наступлению приостановить. Необходимо было изменить ставший известным врагу план операции. Фюрер теперь твердо решил сконцентрировать основную массу танковых соединений на направлении главного удара, пробиться через Арденны к Маасу между Динаном и Седаном и оттуда дойти до устья Соммы. После мехлинского инцидента это было его твердым намерением, и он добился принятия данного плана вопреки многим трудностям с ОКХ и всяческим сомнениям.

24 января, в день рождения Фридриха Великого{189}, Гитлер выступил во Дворце спорта перед 7 тыс. кандидатов в офицеры, которые ожидали присвоения им лейтенантского чина, с изложением своих взглядов на современное положение в Европе. Он сказал, что «Европа, которая управляется по милости Франции и Англии, не дает возможности нормально жить немецкому народу… Какие бы ограничения мы для себя ни принимали, мы никогда не ублаготворим Францию и Англию. Если уж эта борьба стала для моего народа неизбежной, моя абсолютная воля – осуществить ее еще при моей жизни». Слова его молодые офицеры встретили аплодисментами более сильными, чем год назад на приеме в Имперской канцелярии.

30 января Гитлер снова стоял на трибуне Дворца спорта. Этот день очередной годовщины его прихода к власти в мирное время обязательно сопровождался речью фюрера в рейхстаге. На сей раз он воспользовался случаем обратиться непосредственно к народу. Гитлера встретили овацией, а речь его прерывалась возгласами одобрения. Сделав резкие выпады против Англии, фюрер заявил: «Герр Черчилль горит желанием перейти ко второй фазе. Он поручает своим посредникам -и делает это даже лично – выражать надежду, что наконец-то вскоре начнется борьба при помощи бомб. И они уже кричат, что борьба эта, разумеется, не остановится перед уничтожением женщин и детей. Да и когда Англия вообще щадила женщин и детей!».

Подготовка операции «Везерское учение»

Тем временем, после того как Гитлер преимущественно занимался операцией «Гельб», на первый план выдвинулась подготовка, операции «Везерское учение» («Везерюбунг»).

16 февраля интерес и раздражение у Гитлера вызвал инцидент в одном из норвежских фиордов, то есть в территориальных водах Норвегии. Германский транспорт «Альтмарк», обеспечивавший снабжение потопленного еще в декабре 1939 г. в устье реки Ла-Плата броненосца «Адмирал граф Шпее»{190}, имея на борту около 500 английских моряков с потопленных британских судов и пытаясь найти вдоль норвежского побережья путь возвращения в Германию, был взят на абордаж английским эскадренным миноносцем. Фюрер поставил вопрос так: почему команда «Альтмарка» не оказала никакого сопротивления и не донесла о передвижении английских военных кораблей в этой морской акватории?

21 февраля Гитлер принял генерала фон Фалькенхорста, которого Йодль рекомендовал ему в качестве военачальника, пригодного для боев в Норвегии, и поручил ему разработать план вторжения. в эту страну. Поскольку требовалась максимальная секретность, чтобы избежать случайной огласки, Фалькенхорст поначалу не располагал никакими служебными материалами, кроме карт. Поэтому он приобрел туристический путеводитель Бедеккера по Норвегии, заперся в номере отеля и во второй половине того же дня представил Гитлеру свои наметки. Фюрер одобрил его предложения; конфигурация страны обилия вариантов не допускала. . 23 февраля у Гитлера побывал Редер, сообщивший о гибели двух миноносцев в Северном море. Он предполагал, что оба корабля были потоплены своими же, германскими самолетами. Через несколько дней это подтвердилось, вызвав волнение в военно-морском флоте и люфтваффе. Фюрер обвинил обе эти составные части вермахта в легкомысленном проведении бесконтрольных операций и приказал принять меры к тому, чтобы такие невероятные происшествия больше не повторялись.

Споры вокруг плана операции

Главным аргументом Гитлера (несмотря на текущие меры по «Везерскому учению») по-прежнему был поход на Запад. Ежедневные обсуждения обстановки с Кейтелем и Йодлем зачастую превращались в весьма подробное рассмотрение ожидаемого сопротивления на бельгийской и голландской границах. Фюрер приказал дать ему все материалы о пограничных укреплениях, отдельных фортах и заграждениях и принялся разрабатывать собственные планы намечаемого наступления. Его предложения и ход мыслей приводили выходившего из кабинета фюрера Гальдера просто в отчаяние, поскольку он придерживался точки зрения, что это – дело самого командования. Гитлер же считал, что отдельные важнейшие элементы первого дня наступления следует точно определить и зафиксировать заранее. Отсюда проистекали бесчисленные разговоры.

Однако самой важной явилась беседа Гитлера с генералом фон Манштейном 17 февраля в Имперской канцелярии. Дело в том, что в первые дни февраля Шмундт побывал в группе армий «А» и подробно говорил с начальником штаба Рундштедта фон Манштейном, а также с его 1а (начальником оперативного отдела) – своим бывшим сослуживцем по 9-у пехотному полку Тресковым. Шмундт убедился, что эта группа армий еще с осени 1939 г. имеет иное представление о первых операциях на Западе, нежели генеральный штаб сухопутных войск. Манштейн неоднократно письменно излагал последнему свою позицию, но Гальдер каждый раз ее отвергал: операции должны вестись по плану ОКХ.

Поскольку Манштейн от своих идей не отступал, Гитлер приказал отозвать его из штаба Рундштедта и назначить командиром формирующегося 38-го армейского корпуса. Эта мера привлекла к себе всеобщее внимание: в ситуации между двумя кампаниями менять начальника штаба одной из групп армий – дело необычное! Тем более что ОКХ в предыдущие недели ничего сообщить фюреру об идеях и предложениях Манштейна не сочло нужным. Шмундт с удивлением принял к сведению параллельный ход мыслей Гитлера и Манштейна, а вернувшись, немедленно доложил фюреру соображения этого генерала и, конечно, вломился, так сказать, в открытые двери. Гитлер был точно так же поражен – правда, в меньшей степени – поведением Гальдера, которому и без того не доверял. Само собою разумеется, узнай фюрер раньше (когда ему самому еще не

было ясно направление главного удара) об идеях Манштейна, он сразу вызвал бы его к себе. Теперь эта встреча состоялась в связи с новым назначением Манштейна.

Гитлер велел доложить план Манштейна. План этот полностью совпадал с его взглядами. Ядром плана Манштейна являлся перенос главного направления наступательных операций из полосы группы армий «Б» в полосу группы «А», а вместе с тем введение на этом направлении основных сил танковых и моторизованных дивизий. Теперь Гитлер настаивал на том, чтобы ОКХ немедленно разработало этот перенос.

Попрощавшись с Манштейном, фюрер еще долго разговаривал со Шмундтом, не скупясь на резкие слова по адресу Браухича и Гальдера. Оба эти генерала, говорил он, наверняка станут саботировать осуществление его идей и представлений и крайне затруднять ему работу. Но сейчас он никаких изменений в Главном командовании сухопутных сил предпринимать не хочет, однако обязательно сделает это после наступления на Западе.

Тодт – министр вооружения и боеприпасов

Недовольство Гитлера действиями ОКХ получило в ближайшие дни новую пищу. Со всех сторон он слышал жалобы на снабжение и обеспечение вермахта вооружением и боеприпасами и находился под впечатлением, что полностью устаревший генеральный штаб в лице ОКХ занимается этой своей задачей прежними методами в обычном бюрократическом стиле. Поэтому фюрер счел необходимым изменить положение. Антипатия к сухопутным войскам побудила его передать эту задачу гражданскому министру, и он создал имперское министерство вооружения и боеприпасов, дав ему широкие полномочия и указание объединить все соответствующие ведомства и учреждения.

17 марта выполнение данной задачи было поручено генеральному инспектору дорожного хозяйства доктору инженерных наук Тодту. Назначение его произвело в сухопутных войсках эффект разорвавшейся бомбы. При создании министерства и укреплении своего положения Тодту пришлось нелегко. Для того, чтобы найти верный путь и установить доверительный контакт со всеми ответственными инстанциями столь широкого круга деятельности, ему потребовался целый год. 24 февраля мы выехали в Мюнхен. Там Гитлер выступил в «Хофброй-хаузе» перед своими старыми партайгеноссен с речью по случаю 20-летия провозглашения Программы НСДАП. Лейтмотивом его речи была предстоящая схватка с государствами Западной Европы. Фюрер говорил откровенно, не избегая самых резких враждебных выпадов против англичан и упомянув при этом влияние на них евреев.

Миссия Самнера Уэллеса

О своем намеченном на начало марта приезде в Берлин объявил специальный представитель Рузвельта Самнер Уэллес. Он объезжал столицы европейских государств – маршрут его проходил через Рим и Берлин и далее в Лондон и Париж с последующим возвращением в Рим. В Берлине он имел беседы с Герингом, Риббентропом и Гессом, содержание которых диктовал фюрер. Он предписал продемонстрировать американцу крайнюю сдержанность. Пусть говорит сам Уэллес. Отношения Германии с Соединенными Штатами в данный момент хорошими никак не назовешь. Если Уэллес послан с намерением положить начало их повороту, это отвечает интересам обоих народов. Далее Гитлер подчеркивал хорошие отношения с Россией. В октябре он направил Англии и Франции свое последнее предложение мира, но в ответ получил насмешку. Если же англо-французская воля к уничтожению Германии будет сломлена, станет возможным построить умиротворенную Европу. Германский рейх полон решимости закончить эту войну победой. 2 и 4 марта фюрер принял специального представителя президента США в присутствии Риббентропа, Майсснера и американского поверенного в делах.

8 марта Гитлер написал письмо Муссолини с подробным изложением всех политических проблем и собственной позиции по ним. Ему было важно иметь Италию на своей стороне именно сейчас, когда Уэллес ездит по Европе. Риббентроп передал это письмо в Риме 10 марта и притом имел с Муссолини долгую беседу, из которой заключил: американскому представителю повлиять на дуче не удалось. Сам Муссолини был заинтересован во встрече с Гитлером, которая и состоялась 18 марта на Бреннерском перевале. В первой половине 19 марта фюрер уже находился снова в Берлине и на сразу же состоявшемся совещании с Герингом, Кейтелем и Йодлем говорил о беседе с дуче не только с удовлетворением, но и воодушевлением. Особенно радовался он тому, что Муссолини и далее делал ставку на германские вооруженные силы и по-прежнему был готов участвовать своими солдатами в борьбе против Франции. Но в этом пункте Гитлер проявлял сдержанность.

Пасху Гитлер провел на Оберзальцберге. Дежурным адъютантом был я. 22 марта мы, вылетев с берлинского аэродрома Темпельхоф, сделали посадку в Айнринге около Зальцбурга. Это были приятные дни отдыха. Со времени начала войны фюрер прекратил вечерние просмотры кинофильмов и

проводил вечера со своими гостями в «Бергхофе» у камина в большом холле. В остальном же все текло по-прежнему. Главными темами служили Муссолини и итальянцы, а кроме того, планы Гитлера по перестройке Мюнхена и Берлина. В пасхальный понедельник он беседовал с Тодтом о его новых задачах и вооружении сухопутных войск. Фюрер не раз вовлекал меня все эти четыре дня в продолжительные разговоры. Его самой сильной головной болью было командование сухопутных войск. Так, однажды вечером он заговорил о своих представлениях и планах насчет их вооружения. Главным для него являлось эффективное танковое вооружение с применением 88-миллиметровых зенитных орудий. Он интенсивно занимался также вопросом производства длинноствольных противотанковых пушек и оснащения ими танков. Разговоры продолжались порой два-три часа. А гости фюрера в это время играли в кегли.

«Везерское учение»

1 марта Гитлер дал директиву о «Везерском учении». К тому времени стало очевидным, что англичане тоже принимают меры для оккупации Норвегии. Он захотел их упредить.

5 марта фюрер собрал главнокомандующих составных частей вермахта на совещание по «Везерскому учению». Только тут Геринг впервые подробно узнал о намеченной операции и, соответственно, отреагировал на это бурно и гневно; он даже попытался (правда, тщетно) воздействовать на ее планирование. Геринг был разочарован, если не сказать оскорблен, тем, что Гитлер не поручил выполнение этой задачи ему лично.

1 и 2 апреля Гитлер имел последнюю беседу с Фалькенхорстом, Герингом и Редером и дал приказ на проведение 9 апреля подготовленной операции по захвату Дании и Норвегии. Уже 5 апреля в направлении Норвегии в море вышли первые транспортные суда. Фюрер сообщил, что англичане нас все-таки не упредили. В ночь с 6 на 7 апреля операция военно-морского флота развернулась в полном объеме. Предназначенные для захвата Нарвика войска были погружены на миноносцы и теперь плыли к цели. 8 апреля в море находилась уже вся кригсмарине.

В полдень 8 апреля англичане и французы своими нотами норвежскому министерству иностранных дел известили, что приступают к минированию территориальных вод Норвегии. В Осло этот шаг вызвал возмущение. Но Гитлер его приветствовал, ибо этим шагом мог теперь обосновать свои меры против Норвегии.

Утром 9 апреля в министерства иностранных дел Осло и Копенгагена явились германские посланники и передали идентичные заявления, в которых от Дании и Норвегии требовалось признать свою оккупацию германскими войсками. Датчане подчинились, а король Норвегии и его правительство воспротивились. В документе германского правительства указывалось, что во главе правительства в Осло должен быть поставлен Квислинг. Норвежское правительство этому требованию подчиниться не пожелало.

Одновременно начался захват портов Осло, Кристиансунн, Ставангер, Берген, Тронхейм и Нарвик. Люфтваффе совершила налеты на аэропорт Осло и на Ставангер. Захват обоих городов никаких трудностей не представил. Атаки с моря шли с переменным успехом. Тяжелее всего пришлось с Нарвиком. 10 германских миноносцев высадили на сушу 2000 наших горных

стрелков под командованием генерала Дитля. Никакого сопротивления они не встретили. Но ожидаемая поддержка двумя транспортами снабжения и танкером «Каттегат» не удалась. Английские миноносцы стали преследовать германский конвой и в морских боях за первые три дня потопили все наши миноносцы.

Войска, которые Фалькенхорст двинул из Осло к шоссе, ведущему на Тронхейм, продвигались очень медленно; это объяснялось не только плохой погодой, но и упорным сопротивлением норвежцев. Эффективных успехов не наблюдалось. Такой ход военных действий пугал Гитлера. Ведь западнее Рейна стояла целая армия, которая изо дня в день ожидала приказа на наступление. Сам же фюрер выражал крайнее нетерпение, ибо терялись ценные для его похода на Францию дни. Проявляя сильную нервозность и даже рассеянность, он уже склонялся к тому, чтобы оставить район Нарвика и даже, если придется, сдать Тронхейм. Если бы метеоусловия нормализовались и установилось высокое атмосферное давление, онг предположительно, смог бы добиться своего. Теперь его главным собеседником стал Йодль: он хорошо знал Нарвик и понимал, что реально может сделать в совершенно бездорожной местности даже такой энергичный военачальник, как Дитль.

14 апреля англичане находились в 160 км севернее Тронхейма, а 17 апреля высадились в 250 км южнее порта Андалазнес. Йодль оценивал британскую операцию очень спокойно, не давая ей никаких шансов на успех. 22 апреля он послал в Норвегию своего офицера генерального штаба сухопутных войск подполковника фон Лосберга. Одновременно, поскольку ему не доверял, решил вылететь в Осло и Шмундт. 23 апреля вечером Лосберг вернулся в Берлин и доложил обстановку Гитлеру. 24-го прибыл Шмундт. Гитлер отзывался о докладе Лосберга неодобрительно: слишком поверхностен, нет конкретных фактов. Шмундт знал своего шефа получше. Доложил все подробнейшим образом, не упустил ни одной детали и успокоил фюрера. На узкой дороге результативные бои вести действительно трудно. Но иного пути, как терпеливо продолжать их, нет. Никакого сомнения в удаче быть не может. Решающее – помощь силами люфтваффе, применению которой вот уже долгое время препятствует плохая погода.

Английские войска, пытавшиеся соединиться, в конце концов попали в трудное положение. Они вели бои без авиационной поддержки и не имели хороших зениток сами. Люфтваффе же, базируясь в Тронхейме, наносила удары с воздуха по обоим атакующим авангардам, причиняя англичанам немалые потери. Им пришлось отступать, а 1 и 5 мая они вообще покинули

норвежскую землю. В итоге удалось ликвидировать все очаги кризиса вплоть до района Нарвика.

В начале мая англичане усилили свои действовавшие там войска. Они снова захотели лишить нас доступа к району залежей железной руды. Усилить войска Дитля было трудно. Авиационная поддержка из Тронхейма оказалась невозможной. Но Дитль сохранял уверенность, день и ночь делая все для того, чтобы оборудовать и улучшить свои позиции. Удар военно-морских сил и успешная кампания на Западе облегчили положение.

Со времени наступления на Францию, Голландию и Бельгию, предпринятого с большим размахом, Гитлер за боями в Норвегии почти не следил. 19 апреля он, вопреки сопротивлению ОКХ, направил в Норвегию эссенского гауляйтера Тербовена{191}, поручив ему управление этой страной.

Получив 30 апреля донесение Йодля об установлении связи между Осло и Тронхеймом, Гитлер вздохнул с облегчением.

10 мая фюрер лично вставил в итоговую сводку ОКВ следующую фразу о военных действиях в Норвегии: «Ост-маркские{192} горнострелковые войска, части люфтваффе, а также команды наших миноносцев в продолжавшихся два месяца боях прославили на вечные времена свою солдатскую доблесть». 15 мая Гитлер издал специальный приказ, адресованный солдатам в Норвегии. В нем он благодарил командование и войска за храбрость и самоотверженность, в результате которых они помогли «избавить германский рейх от большой опасности». Гитлер признал, что бои в Норвегии являлись тяжелой задачей и без ее выполнения победоносные операции против Франции не привели бы столь быстро к успеху. Овладение Норвегией имело и большое значение для борьбы с Англией. Фюреру уже мысленно виделась широкая постройка города и порта Тронхейм, которому, по его планам, предназначалось стать самым северным германским городом.

Норвежская кампания особенно показала командные качества Йодля. Он со всей откровенностью отстаивал свои взгляды перед Гитлером и одержал верх во время кризиса. После окончания боев в Норвегии фюрер признал заслуги Йодля и похвалил его. Гитлер ценил Йодля как своего безоговорочно преданного и верного приверженца, предложениям которого он в ходе войны часто следовал.

В течение Норвежской кампании все мысли Гитлера были заняты детальной разработкой плана и подготовкой предстоявшего похода на Францию. Так, с генералом люфтваффе Штудентом он обсуждал операцию по захвату Гааги и устья Шельды; несколько раз собирал командующих армиями на

совещания в Имперской канцелярии. Недоверие его к Браухичу и Гальдеру росло все больше. Зимой фюрер не раз был близок к тому, чтобы сменить командование сухопутных войск. Только близость момента решения крупной задачи удерживала его от такого шага. Браухич же и Гальдер, судя по тому, что они говорили, ожидали во Франции тяжелые бои, которые затянутся на целые годы. Были ли то их подлинные взгляды или же они высказывались так только для того, чтобы удержать фюрера от наступления, сказать не могу. Гитлер знал, что доверять обоим этим генералам он не может, и с самого начала все больше и больше склонялся к взглядам командующих группами армий Лееба{193}, Рундштедта и Бока, желавших наступать немедленно.

Наступление на Западе

1 мая 1940 г. Гитлер дал приказ на наступление 5 мая. 2-го состоялось обсуждение с Герингом и командованием люфтваффе задания по высадке десанта в «Крепости Голландия». В нем приняли участие также генерал Штудент и граф Шпонек – командир авиадесантной дивизии. Поскольку фюреру были важны в первую очередь эффект внезапности и быстрые успехи, он придавал значение беседе именно с теми офицерами, которым предстояло выполнять эту особенную задачу; Шпонек же был готов сбросить своих парашютистов на Гаагу.

3 мая Гитлер снова выступил во Дворце спорта перед несколькими тысячами обер-фенрихов, наглядно обрисовав их будущую задачу. Его вдохновляли успех в Норвегии и оптимизм насчет похода на Францию. 4 мая он опять перенес наступление на 7 мая, а затем, по предложению Геринга, – на 10 мая 1940 г. Но это – последняя отсрочка, подчеркнул он. 9 мая фюрер продиктовал обращение к солдатам Западного фронта, завершавшееся такими словами: «Начинающаяся сегодня битва решает судьбу германской нации на ближайшую тысячу лет. Исполните же свой долг! Немецкий народ благословляет вас на это!».

Чем ближе подходил день наступления, тем спокойнее и оптимистичнее выглядел фюрер. Мне казалось, многие опасения, которые были связаны с теми или иными предварительными мерами и которые ему приходилось уточнять с соответствующими главнокомандующими, теперь перестали влиять на него: события должны идти своим чередом. Гитлер считал, что Франция капитулирует примерно через шесть недель. Это было столь важно ему для общего хода развития, потому что он ожидал отсюда воздействия на британскую позицию. Он говорил: тогда Англия продолжать войну не сможет, ибо в таком случае она потеряет свою колониальную империю. Представить себе это невозможно. Поэтому Англия после германской победы во Франции пойдет на попятный.

9 мая наступил наконец тот день, когда Гитлер смог выехать в свою подготовленную еще зимой Ставку на Западном фронте, которую до того не раз посещал. Первоначально Шпеер оборудовал ее в одном замке вблизи Бад-Наухайма и Унзингена. Такой выбор фюреру не понравился. Поэтому он поручил Тодту и Шмундту найти и отстроить новую штаб-квартиру в районе севернее Эйфеля. Пусть все будет там как можно проще. Тодт нашел на территории Вестфалии позиции одной зенитной

батареи около Мюнстерэйфеля, которые после небольшой перестройки удовлетворяли необходимым требованиям.

Во второй половине дня 9 мая, в 16.48, спецсостав фюрера уже стоял под парами на вокзале Берлин-Франкенбург (в нескольких километрах севернее аэродрома Штаакен), готовый отправиться в Гамбург. Гитлера сопровождали только криминальная полиция и Служба безопасности (СД). Остальным из соображений секретности пришлось добираться до вокзала зачастую необычными путями.

Поезд точно в назначенное время отправился на Гамбург: Гитлер выдавал эту поездку за посещение войсковых частей в Дании и Норвегии. Поверил ли кто-либо в это, очень сомневаюсь, поскольку почти каждый из его спутников имел связи с «посвященными» лицами. Поезд доехал до Хагенов-Ланд. Там имела место длительная стоянка для приема телефонных донесений. Ничего нового не произошло. Отсюда спецсостав двинулся уже прямо на Ганновер. Это изменение маршрута не осталось незамеченным, и уже очень скоро цель поездки стала ясна всем. Вечером была короткая остановка в Бургдорфе около Ганновера. Я принес последнюю метеосводку, на основании которой фюрер отдал окончательный приказ о наступлении на Францию, Голландию и Бельгию следующим утром.

В пути Гитлер пребывал в блестящем настроении. Он был уверен в успехе и никаких серьезных колебаний не испытывал. Ужин в вагоне-ресторане прошел оживленно, и фюрер высказал надежду, что отдельные акции на границе, в подготовке которых он лично участвовал, удадутся. Особенно его занимала операция против бельгийского форта Эбен-Эмаэль. Еще затемно наш поезд прибыл к цели – небольшой железнодорожной станции около Ойзкирхена. Там нас ожидали трехосные мерседесы, они через каких-то полчаса доставили нас в замаскированную Ставку фюрера «Скалистое гнездо» («Фельзеннест»). В этом сооружении могло разместиться его военное сопровождение. В бункере Гитлера, кроме него самого, располагались Шауб, Кейтель и слуга, а во втором – Йодль, три адъютанта, адъютант Кейтеля и д-р Брандт. Имелись также бункер-столовая и барак для обсуждения обстановки – несколько поодаль, на склоне холма, – а кроме того – помещения для Путткамера, Дейле и писаря-фельдфебеля. В бараке-столовой стоял длинный стол на 20 мест, за которым во время пребывания в «Скалистом гнезде» проходили все трапезы. На стене висела карта той страны, которой теперь надлежало быть захваченной. Остальное сопровождение и журналисты расположились в прилегающей деревне, дома в которой были очищены от жителей.

Первый день сражения поначалу протекал спокойно. Один раз Гитлер даже вернулся в свой бункер немного поспать. К полудню пришли первые, пока еще крайне скупые донесения. Стало известно, что мост у Маастрихта разрушен, но сейчас быстро восстанавливается. Мосты через канал Альберта частично взяты неразрушенными. Высадка авиадесанта у форта Эбен-Эмаэль удалась. Большего мы в первый день не узнали. Только на второй день выяснилось, что бельгийские и голландские войска наступление 10 мая ожидали. Дата его была выдана врагу каким-то предателем. Но сопротивление повсюду было незначительным. Взорванные мосты, препятствия и заграждения в некоторых местах лишь ненадолго сдержали первые атаки. На других участках фронта продвижение шло гладко.

Настроение войск было отличным. Солдаты были уверены в победе. Бельгийцы и голландцы отвечали лишь сдерживающей обороной. Французская армия попала в трудное положение: поскольку она ожидала наступление наших войск с севера через Бельгию, ей, чтобы отразить его, пришлось сначала занять свои исходные позиции. В целом же вооруженные силы этих трех государств для современной войны с применением танков и авиации были недостаточными. Хотя Роттердам уже капитулировал, его бомбежку нашей авиацией из-за трудностей со связью предотвратить не удалось. К сожалению, город понес большой ущерб. Значительны были и потери среди населения.

Бельгия сложила оружие 24 мая. Безоговорочная капитуляция была подписана 28 мая. Король бельгийцев остался в стране.

В первый день боев произошел крайне неприятный инцидент. Город Фрайбург в Брайзгау подвергся воздушному налету. Несколько самолетов (позднее выяснилось, что их было два) сбросили на него бомбы. Имелись жертвы среди населения и незначительные разрушения. К сожалению, при расследовании этого налета выяснилось, что самолеты принадлежали германскому соединению, которое получило задание разбомбить один французский город западнее Рейна, но по ошибке сбросило его на Фрайбург. Узнав о том, Гитлер решил инцидент замолчать. Однако сделать это удалось лишь частично, хотя наша пропаганда выдала это за террористический налет вражеской авиации.

Главный удар вермахта, несмотря на трудности, связанные со сложными особенностями местности, в первые же дни достиг цели, и 12 мая наши войска вышли к Маасу в районе Динана. 20 мая передовые части 19-го армейского корпуса под командованием генерала танковых войск Гудериана пробились у Амьена и Аббервиля к Сомме, что явилось невероятно быстрым

успехом.

Бои за форт Эбен-Эмаэль 10 и 12 мая были сложными, и оба командующие этой операцией, чтобы сломить сопротивление противника, должны были придумать нечто необычное. Во второй половине дня 11 мая защитники форта капитулировали. Гитлер пригласил участников удавшегося штурма в свою Ставку и наградил обоих командиров Рыцарским крестом. Они описали фюреру ход этих боев.

14 мая я получил письмо от моего дяди Отто фон Белова. «Первые 4-5 дней этой кампании, – писал он, – принесли успехи большие, чем когда-либо решались предположить фюрер, сухопутные войска и люфтваффе. Бомбардировщики повсюду – будь то вражеская авиация или же части армии противника – наводили ужас. Авиация противника была на 60% выведена из строя. Главные силы наших продвигавшихся вперед моторизованных соединений вообще атакам не подверглись. Быстро были наведены переправы и созданы плацдармы на Маасе около Динана и Седана. Противник в Голландии и Бельгии повсюду отступает. Английские же и французские войска, напротив, наступают из северной Франции в направлении Брюссель – Гент – Куртре. Но наших намерений и направления нашего главного удара противник до сих пор не распознал. Наши сухопутные войска готовы внезапно нанести ему сильный удар, и это настраивает их на хорошие рождественские дни. Мы уже вышли на исходные позиции».

Дюнкерк

На французской стороне произошло изменение: генерал Вейган стал преемником Гамелена. Вейгану пришлось прибыть из Сирии. Его имя вызвало во всей Франции волну надежды. В Первую мировую войну он был крепкой правой рукой Фоша и пользовался большим доверием. Первым делом Вейган занялся особенно запутанным положением на севере. Но все его попытки сформировать новые соединения оказались запоздалыми. Танковые соединения генералов Гудериана и Райнхардта (41-й армейский корпус) 23 мая, форсированно двигаясь от устья Соммы и обходя Булонь и Кале, теперь рвались дальше на восток.

Однако 24 мая они получили приказ Гитлера остановиться на линии Гравелин – Сен-Омер – Бетон. Этот приказ вызвал всеобщее негодование и встретил противодействие. Браухич и Гальдер попытались удержать фюрера от этого решения. Гитлер же знал, что все английские экспедиционные силы численностью свыше 300 тыс. человек сосредоточились в районе южнее Дюнкерка примерно до Лилля, намереваясь оттуда эвакуироваться в Англию. Разъясняя свое решение об остановке Браухичу и Гальдеру, он обосновывал его ожидаемым длительным и упорным сопротивлением англичан. Но фюрер не желал сковывать там свои моторизованные силы, а хотел как можно скорее высвободить их и перебросить на новый фронт для наступления на юг. Его намерением было закончить сражение с французской армией максимально быстро и не допустить возникновения в Южной Франции нового сопротивления вермахту. 24 мая он еще не знал, какие именно вражеские силы находились во Франции. Ему внушало тревогу то, что англичане подбрасывали через Бордо новые дивизии и создавали новый фронт.

Поведение Гитлера в оценке положения под Дюнкерком определялось и сильным влиянием Геринга. Тот увидел здесь шанс для своих летчиков сыграть решающую роль. Он высказал фюреру твердое убеждение, что его пилоты не допустят эвакуации английской армии на Британские острова. Гитлер положился на это обещание, хотя у меня не сложилось впечатления, что сам он был твердо уверен в том. Но это отвечало его представлению о следующей операции.

Несомненно, укрепившийся в правильности своей точки зрения благодаря заверению Геринга, Гитлер 24 мая вылетел в группу армий «А», чтобы обсудить с генерал-полковником фон Рундштедтом решение о ближайшей операции. Состоялось продолжительное и подробное обсуждение положения под

Дюнкерком. Основной мыслью фюрера было быстрое продолжение операции на юг Франции. Английская армия для него значения не имела. Гальдер же боролся за возможность всеми наличными силами ворваться в англо-французский котел и уничтожить его. На взгляд Гитлера, все это должно было занять немало дней и слишком надолго отодвинуть начало наступления на Южную Францию. Принять решение фюрер предоставил самому Рундштедту. Тот же выбрал наискорейшее продолжение операции. Была произведена соответствующая перегруппировка на Сомме и Уазе. Группа армий «Б» генерал-полковника фон Бока наступала вдоль берега примерно до Ретеля; примыкая к ней, следовала до Саара группа армий «А» генерал-полковника фон Рундштедта, а группа армий «Ц» кавалера фон Лееба тем временем продолжала занимать свои прежние позиции. Наступление 5 июня имело успех на правом фланге у танкового корпуса Гота и у корпуса Манштейна. Последний быстро прошел через боевые порядки соседних соединений и привел в движение весь фронт.

Тем временем во Франции главой государства стал маршал Петэн, на которого население возлагало большую надежду. Но Гитлер сомневался, что тому удастся организовать успешное сопротивление.

В письме дяде я писал: «Быстрый переход через Маас настолько ошеломил противника, что он поначалу даже не оказал сопротивления. Затем наши танки и моторизованные дивизии быстро преодолели все препятствия и устремились к морю. Пехотные соединения совершили невероятно стремительный марш на запад и тотчас же создали оборонительный фронт против угрозы с юга.

Обеспечив себя с тыла, нам совершенно спокойно удалось завязать мешок на севере. Здесь уничтожена элита французских дивизий. Английские же дивизии расколошмачены, отдельные части без вооружения и снаряжения спасаются бегством в Англию. С нашей же стороны 50% дивизий еще вообще в бою не участвовали. Сам фюрер глубоко взволнован этой великой удачей».

В дни пребывания в «Скалистом гнезде» Гитлер вызвал главного метеоролога д-ра Дизинга и вручил ему золотые карманные часы с выгравированной дарственной надписью. Фюрер принял его предупредительно и побеседовал с ним насчет тех прогнозов, которые тот давал в период полугодового ожидания.

Перед новым наступлением Гитлер перенес свою Ставку в небольшой бельгийский населенный пункт Брулей де-Пеш.

Место для новой штаб-квартиры фюрера снова подыскали и в лихорадочной спешке оборудовали Шмундт и Тодт. Я сохранил о ней особенно хорошее воспоминание, ибо именно здесь мы узнали о заключении перемирия.

14 июня 1-я армия приступила к прорыву «линии Мажино» южнее Саарбрюккена. После сильной артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление несколько дивизий, которые и прорвали ее за два дня тяжелых боев. 16 июня последовал второй удар на южном участке, 7-я армия форсировала Рейн. Судьба французских войск была решена за несколько дней. Отдельные крепостные сооружения продолжали сопротивление даже и некоторое время после капитуляции, пока высокая французская военная миссия не приказала прекратить его.

10 июня объявил войну французам Муссолини. Итальянские войска начали военные действия 11 июня. Гитлер ожидал это решение с большой тревогой, ибо оно служило не поддержкой, а скорее дополнительным бременем. 14 июня пал объявленный открытым городом Париж, а 15 июня – Верден. Фюрер регистрировал эти успехи спокойно, но принимая близко к сердцу. В памяти его все еще сохранялись живые воспоминания о Первой мировой войне, и они действовали на него, как и на других участников битвы во Франции.

Победа и перемирие

18 июня до Гитлера дошло желание французов заключить перемирие. Глубоко взволнованный этим предложением, он поручил министерству иностранных дел ответить французам, что сначала должен переговорить с итальянцами. На следующий день он вылетел в Мюнхен, чтобы встретиться там с Муссолини. Ему пришлось приветствовать дуче как своего соратника по оружию, а это никакого удовольствия ему не доставляло. Но Муссолини был в полном восторге и обещал блестящие успехи. Два дня спустя, 20 июня, в Тур прибыла французская комиссия по заключению перемирия. Переговоры должны были начаться 21 июня в 11 часов утра в Компьене, на том самом месте, где 9 ноября 1918 г. было подписано перемирие Эрцбергером{194}, маршалом Фошем и адмиралом Вейганом. Гитлер уже давно представлял себе эту сцену, и теперь его обуревало желание сыграть в ней историческую роль. Он приказал установить в Компьеньском лесу тот самый железнодорожный вагон, в котором проходила церемония в 1918 г. Фюрер повелел участвовать в первом заседании трем главнокомандующим видами войск вермахта, а также Кейтелю и имперским министрам Гессу и фон Риббентропу{195}. Из-за опоздания французской делегации начало переговоров пришлось перенести на 15 часов.

Гитлер в одиночестве приблизился к историческому вагону, обошел фронт почетного караула, а затем вошел в вагон. Через несколько минут прибыла французская комиссия по перемирию во главе с генералом Хунтцигером. Она сразу же направилась в вагон. Кейтель зачитал преамбулу соглашения о перемирии. Затем фюрер и сопровождавшие его лица из вагона вышли и сразу отбыли. Переговорами, затянувшимися до 22 июня, руководил Кейтель. В ночь с 24 на 25 июня о заключении перемирия было объявлено по радио, оно вступило в действие. Все мы в этот момент вместе с Гитлером собрались в столовой Ставки и после того, как выстроившиеся под окном горнисты батальона сопровождения фюрера протрубили сигнал «Слушайте все!», молча прослушали радиопередачу. Это, вне всякого сомнения, было глубоко впечатляющее и захватывающее событие. Возникла радостная беседа. Ликование и понимание всей серьезности момента были трудно сочетаемыми полюсами.

Во Франции воцарилось напряженное состоянии конца света. Огромная масса беженцев, запрудившая все дороги, теперь возвращалась в родные места. Гитлер использовал это время для нескольких поездок по захваченной Франции. После перенесения

Ставки в Брулей-де-Пеш он посетил район боев Первой мировой войны и обелиск павшим у Лангемарка, а также другие памятные с тех времен места. Вместе с двумя однополчанами по той войне (одним из них был рейхсляйтер [директор издательского концерна НСДАП] Макс Аман) фюрер побывал на своих старых позициях неподалеку от Реймса. 28 июня Гитлер неофициально вылетел в Париж, где провел лишь несколько ранних утренних часов. Постоял у Триумфальной арки, осмотрел гробницу Наполеона во Дворце инвалидов и Оперу. Во Дворце инвалидов высказал желание перевезти саркофаг сына Наполеона – герцога Рейхштадского из Парижа в Вену. При посещении Оперы сам определял, куда именно его следует вести, и рассказывал сопровождавшим об особенностях архитектуры и оборудования этого здания. В поездке его сопровождал, в частности, профессор Шпеер.

29 июня Гитлер перенес свою Ставку в Шварцвальд. Шмундт подчинил ей и близлежащие позиции зенитной артиллерии. В эти дни по всему поведению фюрера было заметно, что с плеч его свалился тяжкий груз. Он казался открытым и занимался такими делами, которые не были непосредственно связаны с войной. Так, пригласил к себе гауляйтеров западных областей и передал гауляйтеру Бюркелю управление Лотарингией, гауляйтеру Роберту Вагнеру – Баденом, а Эльзасом – Бальдуру фон Ширахy{196}, который поход на Францию проделал с полком «Великогермания» в качестве лейтенанта.

Затем Гитлер предпринял двухдневную поездку в Эльзас. В первый день побывал в Страсбурге, посетил Мюнстер, походил по древним улицам и районам города. Остальную же часть поездки и еще два дня посвятил осмотру участков «линии Мажино». В эти поездки он брал с собой Ламмерса и Майсснера. Последний был родом из Эльзаса и всю дорогу рассказывал к месту характерные анекдоты.

В эти дни пребывания в Шварцвальде перед Гитлером вставал серьезный вопрос, как поведет себя в дальнейшем Англия. Он не мог себе представить, чтобы Черчилль пошел на мирные переговоры. Образ мыслей и позиция английского премьера характеризовались его речью 3 июля. Как раз тогда одно соединение британского военно-морского флота появилось у Мерс-эль-Кебира вблизи французского порта Оран на североафриканском побережье и ультимативно потребовало сдачи находившихся там французских военных кораблей. Французский адмирал сделать это отказался. Тогда британский королевский флот немедленно открыл по ним огонь, потопив их. Хотя на это Гитлер и заявил, что на ближайшем же заседании

рейхстага еще раз сделает Англии серьезное предложение, на успех он не рассчитывал. Сам же фюрер хотел избежать борьбы с Англией, ибо уже сказал себе, что столкновение с Россией – неизбежно. Иметь в этом столкновении у себя за спиной врага он не желал. Итак, одна борьба была закончена, предстояла другая.

Еще в Бельгии была достигнута договоренность о расформировании примерно 20 пехотных дивизий. Но при этом Гитлер определил, что следует сформировать 10 новых танковых дивизий.

Поход на Францию выдвинул несколько весьма оживленно обсуждавшихся в окружении Гитлера вопросов. В частности, о потерях войск СС. Вследствие ухарского, легкомысленного и неопытного командования пока еще немногими соединениями этих войск они понесли невероятно большие потери. Молодых эсэсовских солдат бросали в бой необдуманно и нелепо, и – что было особенно удивительно – безответственно. Гитлер говорил об этих потерях и о возможностях их сократить. Но больше всего удивлялись участники Первой мировой войны: их поразила низкая боеспособность французской армии и несостоятельность ее командования. Фюрер тоже был потрясен этим, хотя в исходе данной кампании никогда не сомневался.

Продолжение войны против Англии

Первый разговор о дальнейшем ведении войны против Англии состоялся у Гитлера с Браухичем еще в Брулей-де-Пеш. Во время этого разговора, как мне помнится, тот мимоходом упомянул, что, если Англия не пойдет теперь на заключение мира, следует взвесить возможность как можно быстрее высадиться на ее территории. Фюрер отнесся к этому положительно, но захотел отложить решение на несколько дней.

В английском военном руководстве, считал Гитлер, ярко выражается огромное личное честолюбие Черчилля{197}. Его единственный шанс – война, к которой он стремился еще с середины 30-х годов. Своего союзника по этой задаче он искал в США и нашел его в лице Рузвельта. «Конечно, я ошеломил Англию, – говорил фюрер, – и Рузвельт еще не может участвовать в этом деле полномасштабно. В Америке такая программа так быстро не проходит. Но Черчилль довел антигерманское натравливание всего англоговорящего мира до утверждения, что именно Гитлер хочет войны. Если же теперь вторжение на Британские острова приведет к удаче, по меньшей мере сомнительно, сможет ли тогда Англия, как это утверждает Черчилль в палате общин, продолжать войну с территорий своей империи.

На вершинах Шварцвальда в конце тяжелой, но победной операции Гитлер еще раз нашел суровые слова насчет поведения командования сухопутных войск. Еще Фрич и Бек вечно пытались помешать ему начать войну. Они полагали сделать это саботажем вооружения и предостережениями насчет военного превосходства Франции. Он никогда им не верил, а теперь доказал правильность своей оценки ее вооруженных сил. Поскольку Браухич и Гальдер полностью идут по стопам Фрича и Бека, он должен относиться к их советам весьма недоверчиво.

По окончании этой кампании Гитлер жестко обошелся с представителями прежних правящих династий, сражавшихся на фронте. Поводом послужила солдатская смерть принца Вильгельма Прусского в конце мая. Фюрер воспринял это известие бурно и приказал отозвать всех принцев с фронта, разрешив им служить только вне зоны непосредственного контакта с противником. Это поначалу часто нарушавшееся решение постепенно вызвало всеобщее недовольство, причем не только среди тех, к кому оно прямо относилось, ибо подвергало их дискриминации. Но Гитлер опасался, что ставшая очень известной особенная храбрость этих офицеров – представителей

прежде царствовавших домов – может создать в Германии питательную почву для монархической идеи. Проблема «имеющих интернациональные [династическо-родственные] связи офицеров» поистине радикально была решена только после 20 июля 1944 г. посредством многочисленных отставок.

6 июля Гитлер поездом вернулся в Берлин; в 15 часов он прибыл на Ангальтский вокзал, где его в полном составе ожидало имперское правительство. Геринг произнес несколько глубоко взволнованных слов приветствия. Фюрер обошел фронт почетного караула и под возгласы невероятного восторга и аплодисменты массы народа, стоя в открытом автомобиле, быстро проехал в Имперскую канцелярию. На площади Вильгельмплац стояли огромные людские толпы, они своими нескончаемыми выкриками заставляли его во второй половине дня не раз выходить к ним на балкон. Имперскую канцелярию заполнило огромное число посетителей: министров, рейхе – и гауляйтеров и прочих партийных бонз. Здесь до самого вечера царило оживление, прекратившееся лишь запоздно. Генералы отсутствовали.

После победоносного похода в Берлине, как я установил, в так называемых образованных кругах укрепилась весьма пессимистическая точка зрения. Кампания на Западе оставила после себя какую-то смесь страха, непонимания и вынужденного восхищения.

Жизнь Гитлера в Берлине снова пошла обычным путем. Он начинал свою работу ровно в 12.00 с доклада Йодля о положении на фронтах. Далее зачастую следовали совещания по военным вопросам, особенно с главнокомандующими трех составных частей вермахта. После обеда, вплоть до вечернего доклада Йодля, – ряд встреч с гражданскими лицами. Вечера фюрер, как и прежде, проводил со своим застольным обществом, но без просмотра кинофильмов. Лишь изредка имперское министерство пропаганды присылало какой-нибудь еженедельный киножурнал, и Гитлер смотрел его еще без звукового сопровождения, а дежурный офицер читал ему с приложенного листка подготовленный текст фонограммы. Фюрер имел обыкновение вносить в этот текст свою правку. Остаток вечера, как правило, проходил спокойно у камина, в кругу различных собеседников. Зимой 1940-41 г. эти вечера были большей частью очень интересны, ибо Гитлер весьма подробно освещал проблемы ведения войны. Его прежде всего интересовали события на Балканском полуострове, угроза румынским нефтяным месторождениям, а также поведение России. Предметами обсуждения служили также Великобритания и США, где в ноябре предстояли президентские выборы.

Различия в характерах Гитлера и Геринга

Душевной непреклонности и надменности я у Гитлера не наблюдал никогда. Его всегда можно было побудить контраргументами внести в свое мнение коррективы. Только вот сами аргументы эти должны были быть фундированными и убедительными. Случалось, он соглашался не сразу, но, подумав, потом признавал чужую точку зрения. Память у него была выше средней, так же, как и знания во многих областях: музыке, истории, отчасти – естественных науках. Разумеется, он был самоучкой, но своим самообразованием занимался многие десятилетия, поставив его на невероятно широкую основу. Если же немалочисленные высказывания фюрера не выдерживали полностью научного или исторического критерия, то все же показывали, в каком объеме пытался он заниматься многими такими темами, которые человеку среднего уровня остаются чужды на протяжении всей жизни. Этим объясняется и то, что Гитлер в своих разговорах редко встречал возражения, хотя специалисты различных областей науки (правда, в его кругу они встречались изредка или вообще отсутствовали) наверняка могли бы кое в чем его подправить. Но слушатели преобладали над собеседниками.

Геринг от присутствия за обеденным столом Гитлера принципиально отказывался. Это объяснялось не только тем, что еда у фюрера была для него плоха. Зачастую она бывала ничуть не хуже и не лучше, чем у него самого. Но у Геринга имелся лишь небольшой контакт с тем кругом, который встречался там довольно регулярно, причем в одном и том же составе. Да и в присутствии Гитлера Геринг поневоле играл роль вторую, а этого он на людях показывать не хотел.

На протяжении 1940 г. мне чаще, чем раньше, удавалось сравнивать эти две столь различные по своему характеру личности. Усилилось мое впечатление, что Гитлер, принимая принципиальные решения, долго колебался и нуждался в тщательно продуманных советах. А уже затем принимал решение и переубедить себя не давал. Он не любил долго заниматься одной и той же сферой деятельности. После сделанного ему доклада он желал сразу же принять решение и больше к этой теме не возвращаться. Но бывали и такие дни, когда выбор своих сотрудников оказывался для него очень тяжелым. Подбирая их, Гитлер постоянно придавал значение их особым качествам. Мне

приходилось не раз видеть, что фюрер старался познакомиться как можно с большим числом новых генералов. За эти годы у меня имелось достаточно случаев, отвечая на вопросы фюрера насчет дельных фронтовых офицеров, не имевших, однако, академическо-генштабистского образования, указывать ему на таких – толковых генералов, как Хубе, Роммелъ и Нисль. Первые два ожидания Гитлера оправдали, а третий, Нисль, умер слишком рано.

Планирование операции «Морской лев»

7 июля в Берлин прибыл итальянский министр иностранных дел граф Чиано. Гитлер принял его немедленно. Разговор был безрадостен, ибо Чиано заявил о территориальных притязаниях на те области, которые еще не были захвачены, – например, Мальта, Египет и Сомали. Рассказав ему об успехах во Франции, фюрер стал грозиться атаковать Англию огнем и мечом. Эти слова он адресовал прямо ей самой, ибо знал, что Чиано через посредников сообщит англичанам содержание разговора. Правда, фюрер по той же причине пригласил Чиано ненадолго съездить во Францию, чтобы тот получил непосредственное представление о расширении сферы германского господства.

10 июля мы прибыли в Мюнхен. В первой половине дня Гитлер имел беседу с главой венгерского правительства графом Телеки и его министром иностранных дел. Оба были заинтересованы только в том, чтобы заявить о своем территориальном притязании на румынское Семигорье (Зибенберген). Сначала фюрер об этой теме и слышать не желал. Разочарованные венгры уехали, несолоно хлебавши.

Вечером мы выехали на Оберзальцберг, где Гитлер 11 июля принял Редера. Гросс-адмирал хотел узнать, каковы планы фюрера насчет Англии. Но Гитлер желал сначала дождаться из этой страны отклика на свою предстоявшую речь в рейхстаге. Редер к высадке в Англии не стремился. Он считал, что подводная война и налеты люфтваффе на такие крупные центры, как Лондон, Ливерпуль и другие и без того должны сделать Англию готовой пойти на мир. И Гитлер, и Редер называли высадку на ее территории последним средством. Неотъемлемой предпосылкой для этого они считали германское воздушное господство над Ла-Маншем и Южной Англией.

15 июля на гору поднялся генерал Гальдер. Гитлер и с ним около часа обсуждал проблему высадки в Англии. Из слов фюрера я уяснил, что решиться на такую операцию он может лишь с трудом. Тем не менее он дал сухопутным войскам приказ немедленно приступить к подготовке этой операции. Фюрер позволял понять, что мнение его таково: Англия надеется на помощь со стороны России. Распад британской мировой империи – не в германских интересах, он пошел бы на пользу только Японии или США. Фронт против Англии Гитлер желал расширить за счет вовлечения Испании в оборону Европы. Пусть Риббентроп

запланирует свой визит в Мадрид!

В соответствии с намерением Гитлера ОКВ разработало «Директиву № 16 о подготовке операции по высадке войск в Англии» и 16 июля 1940 г. представило ее фюреру на подпись. Операция получила кодовое наименование «Морской лев» («Зеелеве»). Первая фраза директивы гласила: «Поскольку Англия, несмотря на свое бесперспективное военное положение, все еще не проявляет никаких признаков готовности к взаимопониманию, я решил подготовить и, если нужно, осуществить десантную операцию против Англии»{198}. Подписав эту директиву, фюрер в тот же день решил назначить на 19 июля заседание рейхстага.

С Оберзальцберга Гитлер 14 июля совершил короткий выезд на сталелитейные заводы в Линце, а также на танковый завод «Вельз». При осмотре этих военных предприятий он настаивал на их быстром расширении, проявив особый интерес к длинноствольным крупнокалиберным пушкам для новых типов танков – явный признак того, что продолжение войны он считал весьма вероятным.

Раздача высоких чинов

В остальном же Гитлер был занят тщательной подготовкой своей речи в рейхстаге, а также (не без тревоги и опасений) раздумывал, кого же именно из генералов и адмиралов он по случаю победы над Францией должен повысить в чине. Все ожидали производства главнокомандующего сухопутных войск генерал-полковника фон Браухича в генерал-фельдмаршалы. На взгляд фюрера, это повышение было неправомерным. Но он понимал, что сухопутным войскам все-таки следует оказать особую почесть. Выход Гитлер увидел в том, чтобы одновременно произвести в генерал-фельдмаршальский чин трех командующих групп армий – Рундштедта, Лееба, Бока и командующих армий Клюге, Листа, Рейхенау и Вицлебена.

Непростым был и вопрос о повышениях в люфтваффе. Гитлер хотел сделать фельдмаршалами командующих 2-го и 3-го воздушных флотов Кессельринга и Шперрле. Но тут вмешался Геринг, потребовавший такого же чина и для Мильха. Собственно говоря, самому ему ввиду плохих взаимоотношений с Мильхом это было ни к чему. Но в связи с таким повышением в чине возникала необходимость сделать фельдмаршалом и начальника ОКВ Кейтеля, чтобы в дальнейшем он не стоял по рангу ниже статс-секретаря министерства авиации Мильха. Правда, размышлял Гитлер, повышение в чине Кейтеля в сухопутных войсках признания не получит. Но в данной ситуации обойти его нельзя. Этот вопрос фюреру несколько раз пришлось обсуждать и с самим Кейтелем, и со Шмундтом.

Заседание рейхстага 19 июля

Заседание рейхстага было назначено на 19 часов. Кресла шести погибших депутатов были оставлены незанятыми и украшены цветами. На почетных местах сидели командующие групп армий и армий, а также, соответственно своим должностям в люфтваффе и военно-морском флоте, присутствующие генералы и адмиралы. Вообще на сей раз картину в зале Оперы Кролля определяла военная форма всех составных частей вермахта. Фюрера встретили овацией. Заседание открыл Геринг, предложивший почтить память погибших.

Затем Гитлер приступил к своей длинной речи. Высказавшись насчет «безусловно необходимого пересмотра» Версальского мирного договора, он перешел к обличению «интернационального еврейского яда для народов»; для мирового еврейства «война – самое желанное средство, чтобы обеспечить наилучшее обделывание своих гешефтов{199}. Обнаруженные в Париже документы союзников дают представление об их планах. После победы над Польшей английские поджигатели войны, особенно Черчилль, Иден и им подобные, поливали его потоками брани и оскорбляли, когда он сделал свое предложение о мире. Борьбу против Норвегии фюрер назвал „самой смелой операцией во всей германской военной истории“. Говоря о Западной кампании, он отметил, что благодаря концентрации всего вермахта достигнуто „тотальное уничтожение французско-английских вооруженных сил“. Затем он обрисовал действия и успехи введенных в бой армий, а также соединений люфтваффе, особенно выдвинув на первый план заслуги и повышение в чинах руководящих генералов, а особенно Геринга, произведенного в рейхсмаршалы и награжденного Большим крестом Железного креста. Наряду с присвоением чина генерал-полковника (в том числе Гальдеру), бросалось в глаза производство в генералы [минуя чин генерал-лейтенанта], соответственно, артиллерии и авиации, двух генерал-майоров – Йодля и Ешоннека.

После этого Гитлер остановился в своей речи на союзе с Италией и выразил благодарность лично Муссолини. Правда, уровень совместных действий он несколько преувеличил. А потом вскользь заметил, определяя свою позицию в отношении Англии: «У меня нет причины, которая заставляла бы продолжать эту борьбу». Под конец же упомянул о «милости Провидения», которое даровало нам «удачу этого дела».

Речь меня разочаровала. После предшествовавших ей собственных высказываний фюрера я ожидал, что он определит

свою позицию относительно германо-английского конфликта основательнее и подробнее. У меня мелькнула мысль: а не изменил ли Гитлер свою прежнюю позицию в этом вопросе и не пришел ли к какой-то новой. В голове моей даже возникал вопрос: правильно ли оценивает он установку Черчилля в отношении Германии?

Первый ответ из Англии – лаконичный, но ясный – пресса получила примерно через час после речи Гитлера: отклонение любых попыток примирения. В течение вечера и ночи последовали и другие свидетельства холодной реакции англичан. Фюрер увидел, что его взгляды и предположения подтвердились.

21 июля у Гитлера состоялась в Имперской канцелярии беседа с главнокомандующими составных частей вермахта. Он сказал, что ему еще не ясно, что будет с Англией. Если она войну продолжит, значит, она ждет перелома в позиции Америки или надеется на помощь России. В нашем плане высадиться в Англии фюрер видел большой риск. У Сталина есть связь с Англией, и он заинтересован в том, чтобы держать ход политического развития в Европе в подвешенном состоянии. Надо очень тщательно следить за Россией и обдумать план нападения на нее. Гитлер придавал величайшее значение сохранению этого плана в тайне, пока еще на уровне продумывания его генеральным штабом, чтобы уяснить самому себе размеры этой задачи, получить представление о ее сроках и целях.

Затем фюрер отправился на Байройтский фестиваль. Он побывал 23 июля на вагнеровских «Сумерках богов». Это было его единственное и последнее за время войны посещение вагнеровских торжеств. Спектакли в военные годы давались преимущественно для рабочих военных предприятий и раненых солдат.

В последующие дни Гитлер принял (частично в Берлине, а частично – на Оберзальцберге) ряд официальных визитеров. Побывали румынский, болгарский и словацкий премьер-министры, чтобы побороться за округление и сохранение своих государственных территорий. Начинал вырисовываться новый порядок в этом регионе. Фюрер по-прежнему предпочитал пока окончательных шагов не предпринимать и решение балканских вопросов отложить.

Голова его постоянно была занята мыслями о событиях в русском регионе. Он не раз велел прокручивать себе документальный фильм о зимних боях на финской границе, но, как и полгода назад, был разочарован, ибо не смог сделать из него окончательных выводов о моторизации, вооружении и боевой силе русской армии.

31 июля Гитлер снова вызвал к себе главнокомандующих тремя составными частями вермахта вместе с начальниками их генеральных штабов. Сначала Редер доложил о ведущихся работах по «Морскому льву». Возможными датами операции он назвал дни между 19 и 26 сентября. Но было бы лучше перенести ее на весну 1940 г. Фюрер на это не пошел, а решил провести 15 сентября. Начнется ли она в указанный день, будет зависеть от люфтваффе, которая уже в ближайшие дни должна начать усиленные налеты на аэродромы английской истребительной авиации, гавани и военно-морской флот. Если она добьется успехов, начнет действовать «Морской лев». В противном случае операцию эту придется отложить до 1941 г. Затем Гитлер обратился к проблеме России. Он уверен, что англичане нашли новый контакт с нею. Фюрер предполагал русское нападение, начиная с осени 1941 г. Если же Россия будет разбита, Англия лишится большой помощи. Гитлер объявил свое окончательное решение: напасть на Россию весной 1941 г. Операции против нее должны привести к видимому успеху летом 1941 г. Гальдеру было поручено коренным образом изучить связанные с этим вопросы.

Воздушная битва за Англию

На следующий день, 1 августа, Гитлер дал «Директиву № 17 о ведении воздушной и морской войны против Англии». В ней говорилось: «С целью создания предпосылок для окончательного разгрома Англии я намерен вести воздушную и морскую войну против Англии в более острой, нежели до сих пор форме […]. Германским военно-воздушным силам всеми имеющимися в их распоряжении средствами как можно скорее разгромить английскую авиацию»{200}. Датой «обострения воздушной войны» было определено 5 августа. Директива эта являлась необходимой. Я лично наблюдал, как в самой северной части Франции сосредоточивались соединения люфтваффе, готовясь к борьбе против Англии. Никакого приказа они до сих пор не получили, а потому не знали, начнутся ли и когда именно их налеты. От Ешоннека я узнал, что свои детально разработанные приказы к действию он направил Герингу, который вот уже несколько дней держит их у себя в сейфе и не спешит передавать шефу. Из этого я понял, что многие беседы Гитлера с рейхсмаршалом в прошедшие четыре недели в первую очередь, очевидно, касались продолжения войны в направлении на Восток. Потому Геринг и пришел к выводу пока больше ничего не предпринимать против Англии. Он уже нацеливался на 1941 год, готовился к нападению на Россию. Во всяком случае, директива №17, требовавшая переориентации авиационных соединений на Англию, явилась для него неожиданностью.

5 августа погода оказалась неблагоприятной. Первые налеты истребителей на английские войска состоялись только 8-го. Геринг выехал на одну из передовых баз люфтваффе в Северной Франции, чтобы оттуда руководить наступательной операцией. В эти первые дни боев наши истребители нанесли англичанам чувствительные поражения. Вот только представить вещественные доказательства своих успешных действий было трудно. Ежедневно докладываемые цифры оказывались удивительно высокими. Так, итоговые данные битвы за Ла-Манш за 11 августа сообщали о 90 уничтоженных вражеских самолетах при потере 21 собственного, а 12 августа – соответственно, 152 и 28. Геринг докладывал фюреру о фантастических успехах люфтваффе. Он считал, что англичане уже на пределе своих сил. На Гитлера же донесения о таких успехах, казалось, большого впечатления не производили.

В сентябре я затребовал от 1с{201} генерального штаба люфтваффе данные о численности английских истребителей.

Согласно его сведениям, в соединениях их насчитывалось 600, а также имелось еще 600 самолетов устаревших типов, которые могли применяться на фронте лишь в исключительных случаях. Эти цифры я доложил Гитлеру, который при ближайшей встрече с Герингом обсудил указанную проблему. Тот пришел в ужас, стал допытываться у меня, кто именно дал мне такие сведения, и сразу же позвонил в свой генштаб. Получив там точно такие же цифры, Геринг был вынужден сообщить фюреру, что официальные данные генерального штаба люфтваффе не соответствуют действительности. Он тут же приказал, чтобы предоставляемые по запросу фюрера статистические данные предварительно докладывались лично ему. Вскоре Гитлер снова пожелал узнать через меня какие-то сведения о количестве самолетов. Я ответил, что попрошу дать их мне Геринга. Время шло к полуночи. Я позвонил Герингу – он был уже в постели – и задал ему нужный вопрос. Он разгневался и переадресовал меня к дежурному офицеру своего генштаба. На следующий день я узнал от Боденшатца, насколько зол был на меня рейхсмаршал; он даже запретил обращаться к себе с подобными запросами, практиковавшимися ранее. Но потом Геринг никогда не заговаривал со мной об этом инциденте и не проявлял ко мне никакого раздражения.

Весь август англичане не без успеха совершали свои первые единичные авианалеты, не причиняя большого ущерба. Единственное неудобство от этих налетов – приходилось порой ночью спускаться ненадолго в бомбоубежища. Гитлер воспринимал эти довольно безобидные налеты англичан на Берлин как позор и обсуждал с Герингом контрмеры. Тот снова отправился в Северную Францию для разговора об этом со Шперрле, Кессельрингом и командирами авиационных соединений.

В ночь на 7 сентября начались налеты нашей авиации на Лондон, что означало новую кульминационную точку «воздушной битвы за Англию». Не было никакого сомнения, что налеты причиняли значительный урон, а также велики были потери среди гражданского населения Лондона и других городов. Но того, чего ожидали мы от воздушной войны, достигнуто не было. Прежде всего, совершать ночь за ночью массированные налеты не позволяла погода. К тому же с каждой ночью усиливалась английская противовоздушная оборона, британские зенитки качественно улучшились. Кроме того, англичанам удавалось сбивать эскадры бомбардировщиков с курса и не допускать их к цели или же, нарушая их боевые порядки, рассеивать на подлете к ней. Боеспособность германских соединений падала. Снабжение

боеприпасами едва покрывало потребности.

Наиболее эффективными явились «террористические налеты» на Лондон, а 14 ноября – на Ковентри. Все же остальные налеты на крупные города Южной Англии, хотя и причиняли ущерб с немалыми людскими потерями, никакого влияния на ведение войны не оказывали. Они могли бы, предположительно, возыметь действие только в том случае, если бы существовала возможность производить их еженощно в течение нескольких недель. Но на это нам не хватало сил. В то время добиться военного решения одними только воздушными налетами было невозможно.

Гитлер сам, одним из первых в германском командовании, осознал, что воздушная война против Англии поставленной цели не достигла и достигнуть не сможет. Содержание его частых бесед об этом с Герингом неизвестно никому. Однако из услышанных мною реплик фюрера я понял, что взглядов Геринга на воздушную войну он не разделял. А поскольку воздушная битва над Ла-Маншем победы не принесла и королевские военно-воздушные силы сохранили боеспособность, фюрер должен был принимать другие решения. И он хорошо знал это.

Пока в августе над Ла-Маншем грохотала воздушная битва, в Берлине война чувствовалась очень мало. Если бы не немногие ночные единичные налеты англичан, царила бы мирная тишина. 14 августа Гитлер в своем кабинете в Новой Имперской канцелярии вручил рейхсмаршалу{202} и генерал-фельдмаршалам их маршальские жезлы. Он воспользовался случаем поблагодарить их за заслуги и подчеркнул обязанности, которые возлагает на них этот ранг. Трое фельдмаршалов люфтваффе в тот день отсутствовали, так как сражение над Каналом требовало их присутствия там. 4 сентября фюрер восполнил это упущение, вручив фельдмаршальские жезлы Мильху, Шперрле и Кессельрингу. В тот же день он открыл во Дворце спорта кампанию благотворительной «Зимней помощи» на 1940-41 г. При этом он выразил немецкому народу благодарность за его поведение в прошлом военном году и призвал фольксгеноссен продемонстрировать всему миру «нашу нерушимую общность». У меня в тот день была своя личная радость – родилась моя старшая дочь Хильке.

6 сентября в Румынии произошла «смена караула». 30 августа Румыния на втором Венском арбитраже была присуждена отдать Венгрии половину Семигорья (Зибенбурген). Это решение заставило короля Кароля II отречься от трона в пользу своего сына Михая. Во главе правительства встал генерал Антонеску{203}, ярый националист, который в ближайшие годы привел Румынию на сторону Германии. Хотя Румынии в рамках

румыно-болгарского договора и пришлось отдать Болгарии Южную Добруджу, Гитлер счел споры из-за границ на Балканах снятыми. В последнее время он часто заговаривал о проблемах Юго-Востока Европы, ибо ему было важно закрепить для рейха румынские нефтяные месторождения в районе Плоешти. В Румынию были посланы войска – целая бригада, которая должна была обеспечивать этот район. Но тревога не исчезла, ибо англичане находились в восточной части Средиземного моря и фюрер опасался, как бы они не захватили нефтепромыслы Плоешти. Это в последующие месяцы стало одной из его особых забот.

«Морской лев» – отложить или отказаться?

13 сентября Гитлер пригласил главнокомандующих трех составных частей вермахта и вновь произведенных генерал-полковников к себе на обед и совещание по техническим вопросам, особенно насчет танков и противотанкового вооружения. На следующий день он снова вызвал всех главнокомандующих вместе с начальниками их генштабов для обсуждения акции «Морской лев». Не все они уже верили в ее выполнимость. Но фюрер по-прежнему выдавал «Морского льва» за наилучшее в то время решение для успеха в борьбе с Англией. Приготовления к высадке были закончены, теперь требовалось всего-навсего четыре-пять дней хорошей погоды, ибо малые суденышки не очень-то были пригодны для морской операции. Кроме того, люфтваффе должна была иметь возможность хотя бы несколько дней летать с утра до вечера. Погода же была крайне неустойчива. И все-таки фюрер решил пока операцию не отменять. Пусть англичане побудут в состоянии неопределенности! На требование люфтваффе разрешить ей воздушные налеты на жилые кварталы городов Гитлер возразил: производить их на военные объекты гораздо важнее. Налеты же с целью вызвать массовую панику – только как последнее средство, ибо угроза британских контрналетов на германские города слишком велика.

От этого разговора у меня осталось впечатление, что Гитлер уже отказался от надежды провести успешное вторжение в Англию следующей весной. Осенью 1940 г. его испугала неизвестность: удастся ли это достаточно импровизированное форсирование морской водной преграды? Он потерял уверенность.

22 и 24 сентября Гитлер принял авиаторов Мельдерса и Галланда, одержавших по 40 побед в воздушных боях, и захотел получить от них ясную и трезвую картину воздушной войны. Сравнив это с тем, что ему говорили о собственной люфтваффе, он осознал: английская авиация все-таки сильнее. К тому же все время меняющаяся погода не давала летать непрерывно больше четырех-пяти дней подряд. Мольдерс подчеркнул, что каждая такая акция возможна только единожды, ибо потом требует восстановления летного состава. Качество командиров английских самолетов – такое же, как и немецких. Но у них, разумеется, есть несравнимое преимущество – они летают над

своей страной. Сбитый англичанин может спастись, прыгнув с парашютом, а потом готов к новым вылетам. Командир же германского самолета в этом случае гибнет. Беседа произвела на фюрера очень большое впечатление, подкрепив его намерение пойти на риск вторжения только в том случае, если все козыри будут на руках именно у него.

26 сентября Гитлер беседовал наедине с гросс-адмиралом. Из высказываний фюрера после обсуждения обстановки я заключил, что Редер высказался против войны с Россией и выступил за применение наших сил в восточной части Средиземного моря, то есть против Египта, Палестины, Ливана вплоть до Турции. На это фюрер сказал, что хотя точку зрения Редера и надо принять во внимание, но сначала нужно прозондировать позицию Испании. Самое главное на Средиземном море – это Гибралтар. Когда он окажется полностью в испанских или германских руках, можно поплотнее заняться и вопросом о восточном Средиземноморье.

27 сентября Гитлер присутствовал на торжественном подписании Тройственного пакта между Германией, Италией и Японией. После официальной части он дал в честь гостей банкет в своей квартире. Фюрер хотел, чтобы подписание этого договора привлекло к себе внимание во всем мире, особенно в Соединенных Штатах и России. В японском флоте и японской армии он видел важнейший фактор силы в регионе Тихого океана. Его главным стремлением в эти осенние месяцы было сколотить сильный и эффективный альянс против Англии.

Риббентропу было поручено написать письмо Сталину, чтобы заинтересовать его германскими мерами против Англии. Сам министр очень ратовал за стабильный альянс с Россией и видел для такого союза хорошие возможности. Гитлер же относился к этому весьма выжидающе. Осуществленные русскими в последние недели акции в Румынии, а также радикальная советизация Прибалтийских государств внушали ему большие опасения. Я все чаще замечал, что мысли его кружатся вокруг России. То были трудные недели. Через Ла-Манш, если позволяли метеоусловия, каждую ночь на английские цели устремлялись наши боевые авиационные соединения, а в Берлине шеф размышлял над тем, как быстрейшим образом повергнуть наземь Россию. На мои вопросы о его намерениях Гитлер пока ясно ответить не мог. Он еще сам никакого решения не принял. Но было ясно: с каждой неделей фюрер все больше приходит к плану как можно быстрее решить русскую проблему.

4 октября Гитлер встретился с дуче на Бреннерском перевале. О содержании беседы мне удалось узнать немногое. Фюрер говорил больше о Франции, чем об Англии, и пытался поприжать

территориальные требования Муссолини. Из Бреннера мы на несколько дней заехали на Оберзальцберг и только 8 октября оказались снова в Берлине. В эти дни Гитлер согласился немного ослабить приготовления к «Морскому льву». Хотя внешне он от принятия окончательного решения насчет вторжения в Англию воздерживался, никто во всем вермахте отныне уже в такую возможность не верил. «Морской лев» навсегда скрылся в пучине забвения.

Домашние дрязги

С 16 до 21 октября Гитлер еще раз побывал на Оберзальцберге, в частности приняв итальянскую наследную принцессу, приходившуюся сестрой бельгийскому королю и очень вступавшуюся за своего брата перед фюрером.

Весьма задел всех нас один инцидент тех дней. По случаю визита итальянской наследницы престола на Оберзальцберге присутствовал и гитлеровский домоправитель Канненберг. Однажды он пожаловался фюреру на поведение молодых эсэсовских офицеров-порученцев. Он был раздражен рядом их, по большей части, мелких, малозначительных проступков. Шеф-адъютант Вильгельм Брукнер, услышав причитания Канненберга, посоветовал ему не лезть к фюреру с такими пустяками. Не помогло. Тот все-таки нажаловался Гитлеру, который сразу же откомандировал гауптштурмфюрера СС Гюнше обратно в полк своей личной охраны. Брукнер взял Гюнше под защиту, разнес Канненберга в пух и прах, после чего вступившим немедленно в силу приказом фюрера был уволен со службы при его особе. Шмундт все-таки попытался вступиться за Брукнера и не раз говорил с Гитлером об этом, но тщетно. Тогда Шмундт, по крайней мере, позаботился о том, чтобы Брукнера приняли сухопутные войска. Впоследствии тот, будучи сначала капитаном, а потом став полковником, проявил себя в захваченной Франции.

Увольнение Брукнера даже при оставшейся вакантной его прежней должности означало серьезные перемены в окружении Гитлера. Как в личной, так и в военной адъютантуре Брукнер пользовался всеобщим авторитетом. Он занимал выдающуюся по значению должность. Не разговаривая между собой на этот счет, мы выполняли свою службу, полагая, что однажды Брукнер все-таки вернется к нам. Ход войны такой возможности не дал. Но мы заметили, что и Борман, и Ева Браун увольнение Брукнера приветствовали.

Встречи с Петэном, Лавалем и Франко

21 октября Гитлер выехал с Оберзальцберга во Францию, чтобы встретиться с Франко, Петэном и Лавалем. Он решился на эту поездку потому, что ожидал от нее установления большего взаимопонимания с обеими странами во время войны. Утром 22 октября я, приехав из Берлина, вошел в Ахене в вагон спецпоезда и дальше сопровождал фюрера в течение всей поездки. Во второй половине дня мы прибыли в Монтуар, небольшую железнодорожную станцию в неоккупированной части Франции. Здесь Гитлер принял французского премьер-министра Лаваля{204}, причем в присутствии Риббентропа, который прибыл сюда из Берлина собственным поездом. О содержании беседы почти ничего не известно.

23 октября мы со станции Андэй выехали на франко-испанскую границу, где Гитлер ожидал главу испанского государства Франко{205}. Его поезд прибывал с часовым опозданием, а потому фюрер вместе с Риббентропом в ожидании прогуливался по платформе. Франко привез с собой своего министра иностранных дел Серрано Сунье. День тянулся долго. Собственно, предусматривалось, что совещание должно закончиться после совместного обеда в немецком вагоне-ресторане. Но оно затянулось еще на два часа, и Франко покинул станцию уже в наступающей темноте. Наш поезд вскоре отошел, чтобы успеть добраться до надежного туннеля в Монтуаре.

За ужином Гитлер высказался насчет прошедшей встречи, результатами которой оказался недоволен. Он предложил Франко союз и совместный захват Гибралтара, ожидая от него продолжения борьбы прочного братства по оружию. Франко же на все предложения фюрера отреагировал более или менее выжидательным образом. Никакого обязывающего его к чему-либо согласия он не дал, а заявил, что свою позицию сообщит через несколько дней. Гитлер рассчитывал теперь на полный отказ.

Во второй половине следующего дня, когда уже темнело, Гитлер принял на вокзале Монтуа главу французского государства маршала Петэна{206}. Фюрер прошел навстречу ему по платформе и пригласил в свой салон-вагон. Беседа должна была побудить Францию к участию в борьбе против Англии. Петэн и сопровождавший его Лаваль держались сдержанно. Сам маршал был скуп на слова и вел себя отчужденно. Никакого

ясного ответа он не дал, но по его поведению Гитлер понял, что это означает отказ. При прощании он все же не отказал значительно старшему по возрасту главе государства в положенных почестях, но сам разговор его разочаровал и вызвал раздражение.

Возвращение в Берлин заняло много времени, так как ехать можно было только днем. Гитлер не раз заводил с Кейтелем и Йодлем разговоры, в которых выражал свою мысль достаточно ясно: в следующем году он должен начать борьбу против России. Свое намерение фюрер подкреплял убеждением, что в 1942 г. Россия будет в состоянии выступить против Германии, а потому он хочет сам напасть на нее в 1941 г. Гитлер придерживался взгляда, что значительная часть России может быть «сделана» за срок с мая до сентября, ибо в 1942 г. он должен быть опять готов к борьбе против Англии. Меня эта ясная и четкая формулировка решения не поразила: в последние недели я не раз слышал его высказывания на эту тему.

Во время обратной поездки Гитлер получил письмо от Муссолини, сообщавшего о предстоящем вскоре вступлении итальянских войск в Грецию. Фюрер счел, что у него есть еще время отговорить дуче от этого шага. Не успели мы пересечь германскую границу, как донесение германского посольства в Риме подтвердило намерение итальянцев. Гитлер приказал незамедлительно запросить Рим и договориться о встрече с Муссолини 28 октября во Флоренции. Таким образом, из Ахена мы направились в Мюнхен, а оттуда, после кратковременной остановки, ночью на 28 октября – во Флоренцию. Прибыли туда в 11 часов. Муссолини с ходу приветствовал гостя сообщением, что утром этого дня итальянские войска уже перешли границу с Грецией. Дуче был полон уверенности в победе, настроен оптимистически и ожидал вскоре победных реляций.

Гитлер казался спокойным и уверенным и не дал Муссолини понять, сколь серьезным считает он положение. Беседа с дуче протекала обычным, весьма дружественным образом и никакого раздражения у обоих не оставила. Муссолини передал своему гостю особо ценный подарок: картину Ганса Макарта «Чума во Флоренции». Фюрер знал, что полотно это – собственность итальянского государства, и однажды в приватном кругу сказал, что хочет его купить. Таким образом, подарок, несомненно, доставил Гитлеру радость, но в тот момент он ее не проявил.

Россия, Англия, Балканы, Гибралтар

В 18 часов Гитлер снова поднялся в свой поезд, чтобы ехать в Берлин. Там его ждала напряженная деятельность. Фюрер вел продолжительные обсуждения с ОКВ. 4 ноября у него состоялся длинный разговор с Браухичем и Гальде-ром. Гитлер все еще считал вторжение в Испанию с целью захвата Гибралтара настоятельно необходимым. Здесь он видел особый центр тяжести всего ведения войны. Разумеется, сначала надо получить согласие Франко. Положение итальянцев в Ливии Гитлер рассматривал с большой тревогой. Они по-прежнему отклоняли германское вмешательство в Северной Африке, но фюрер стремился не дать англичанам закрепиться там. Генерал кавалер фон Тома был послан ОКХ в Ливию и Северную Африку для детального ознакомления с положением дел на месте. 3 ноября он трезво и деловито сообщил результат: германскую акцию в североафриканском регионе песчаных пустынь следует считать бесцельной и никаких перспектив на успех не имеющей. Тома прежде всего указывал на тяжелые условия снабжения войск через Италию и Средиземное море.

В начале ноября 1940 г., перед визитом в Берлин советского министра иностранных дел Молотова, Гитлер продолжал выжидать и в своих дальнейших намерениях уверен все еще не был. Его встревожила активность англичан, стремившихся из Египта продвинуться в направлении Балкан, а также Северной Африки. На Балканах предметом его тревоги являлся нефтеносный район Плоешти.

В День памяти 9 ноября{207} Гитлер объявился в Мюнхене и вечером 8 ноября произнес речь в пивном зале «Левенбройкеллер». Слова его звучали серьезно. Он не оставил ни у кого никаких сомнений, что будет вести войну до победы.

Где и как поведет он дальше борьбу, этот вопрос фюрер оставил совершенно открытым, не сказав о том ни единого слова. Но народ должен осознать: впереди еще крупные столкновения. В качестве примера Гитлер привел нынешнюю воздушную войну против Англии, которую, по его словам, развязал летом Черчилль своими смехотворными налетами на Берлин.

10 ноября днем Гитлер выехал в Берлин. Расписание движения поезда, как и при заезде в Мюнхен, увязывалось с эпизодическими налетами английской авиации. В Берлине фюрер сразу же направился в большой конференц-зал. Темой дня была Россия. Йодль заметил: пора уже хоть что-то сообщить об этом сухопутным войскам, ибо времени до мая будущего года остается

все меньше. Тогда Гитлер распорядился издать директиву, обобщив в ней все подготовительные меры по решению стоящих проблем. Решение же о России будет принято только после визита Молотова.

Таким образом, штаб оперативного руководства 12 ноября 1940 г. издал директиву №18, в которой основную роль наряду с Россией и «Морским львом» играли Испания и Гибралтар, а также итальянское наступление на Египет и Балканы с возможным захватом Греции. Наиболее угрожающим выглядел пункт 5-й: Россия. В нем говорилось: «Политические переговоры с целью выяснить позицию России на ближайшее время начаты. Независимо от того, какие результаты будут иметь эти переговоры, продолжать все приготовления в отношении Востока, приказ о которых уже был отдан устно»{208}.

Испании была посвящена директива № 19{209} об операции «Феликс», содержащая весьма много подробностей относительно захвата Испании и Португалии, а также о готовности войск с целью вступления в них 10 января 1941 г.. Но спустя месяц, 11 декабря, директива № 19 была отменена. Все планы насчет Иберийского полуострова отпали, ибо Франко сообщил о своем намерении остаться нейтральным. Для разъяснения своих намерений Гитлер послал в Испанию адмирала Канариса. Хотя фюрер и доверял адмиралу, не поставив ему в вину неудачу его миссии, у меня лично возникло какое-то смутное сомнение насчет позиции Канариса по отношению к Испании. Она казалась мне двусмысленной.

Молотов в Берлине

В полдень 12 ноября в Берлин прибыл Молотов{210}, а уже во второй половине дня состоялась его беседа с Гитлером. Молотов привез из Москвы ясные и четкие вопросы, касавшиеся всех тех проблем, которые возникли между Россией и Германией за последние месяцы. Начал он с Финляндии, а потом перешел к Румынии и Болгарии, а далее к Турции. Молотов дал понять: эти государства принадлежат к русской сфере влияния и дела России с ними Германии, так сказать, не касаются. Найти уклончивый ответ Гитлеру было трудно. Во второй день своего визита Молотов вернулся к определенным вопросам, но заключительных, исчерпывающих ответов на них не получил. Вечером 13 ноября состоялась подробная беседа с Риббентропом. Тот проявил живой интерес к тому, чтобы не допустить войны между Россией и Германией. Порывать контакт с Россией он не желал.

14 ноября Гитлер имел короткий разговор с Редером, заслушав его доклад о состоянии военно-морского флота. Бросалось в глаза, что гросс-адмирал весьма резко высказывался против войны с Россией. Он считал, что в ближайшие годы Россия к столкновению с Германией стремиться не будет. Редер предложил осуществить нападение на Россию только после победы над Англией. Гитлер призадумался.

Во второй половине ноября фюрер провел несколько дней на Оберзальцберге. Поводом послужил визит болгарского царя Бориса. Гитлер, испытывая опасение за политику на Балканах, боялся русской гарантии Болгарии, которая могла создать ему большие трудности. Он хотел привлечь монарха к Тройственному пакту. Но царь Борис проявил ко всем этим проблемам отношение выжидательное, даже отрицательное. Держался он, как всегда, очень дружественно и свои взгляды высказывал без робости.

Разочаровывающей явилась и беседа с королем бельгийцев 19 ноября. Он прибыл, чтобы просить о возвращении домой двух миллионов бельгийских военнопленных, а также для того, чтобы выяснить взгляды Гитлера на будущие германо-бельгийские отношения. Фюрер проявил себя во всех вопросах весьма сдержанно и согласия ни на что не дал. Королю Леопольду пришлось ретироваться, не получив ничего.

25 ноября Гитлер принял в Берлине маршала Антонеску, который посетил его, и был весьма поражен личностью румынского главы государства. Они долго говорили о румынских проблемах и вместе ругали соседа Румынии – Венгрию. 23 ноября

в Имперской канцелярии состоялось торжественное вступление Румынии в Тройственный пакт с последующим банкетом в квартире фюрера. После отъезда Антонеску Гитлер сказал: в его лице он нашел друга Германии.

«Барбаросса»

Еще той же осенью Гитлер предпринял важный и решающий шаг. Он направил д-ра Тодта вместе со Шмундтом и Энгелем на Восток, чтобы найти место для оборудования там своей новой Ставки. Наиболее пригодным показалось ему одно место в Восточной Пруссии, которое он приказал оборудовать как служебное помещение и надежное бомбоубежище. Возвратившиеся квартирьеры предложили использовать для этого местность вблизи Растенбурга. Гитлер согласился и велел немедленно приступить к постройке штаб-квартиры к апрелю 1941 г. Как мне показалось, это решение значительно приблизило поход на Россию.

Декабрь 1940 г. принес еще несколько совершенно ясных указаний на новый год. 5 декабря Гитлер принял Браухича и Гальдера для очень подробной беседы о нынешнем положении в Европе. Взгляды по отдельным вопросам оказались у них весьма различны. Дольше всего разговоры шли об обстановке в воздухе и о России. Насчет воздушной войны против Англии фюрер сказал, что прекращение наших дневных налетов спасло англичан от уничтожения их истребителей. Своими налетами мы английскую промышленность уничтожить не смогли. Результат он назвал минимальным. Материальные потери англичан могут быть возмещены только поставками из США, но переоценивать их не следует. «В 1941 г. англичане более сильной авиации, чем сегодня, иметь не будут. Наша же люфтваффе весной станет значительно сильнее», – заявил Гитлер.

Насчет России он сказал, что русский человек неполноценен, а русская армия лишена командования. При нападении на Россию надо избежать опасности толкать русских к отступлению. Наступательные операции следует вести так, чтобы расчленить русскую армию на отдельные участки и брать ее в плен. Необходимо найти такие исходные позиции, которые позволили бы осуществить крупные операции на окружение. Гитлер ожидал больших частичных успехов, которые должны привести к тому, что в определенный момент в России наступит полная дезорганизация. Нападение на Россию было для него делом решенным.

10 декабря Гитлер произнес широко задуманную речь перед рабочими одного военного предприятия в Берлине, которая, собственно, адресовалась всем военным заводам Германии и всем занятым на них. Он и здесь подчеркнул: самое трудное для нас всех – впереди.

В последние дни уходящего года Гитлер сообщил всем составным частям вермахта свое решение насчет России. 18 декабря он передал их главным командованиям «Директиву № 21. План „Барбаросса“{211}.

22 декабря 1940 г. вручил свои верительные грамоты новый японский посол Осима, фюрер приветствовал его особенно сердечно. Осима вернулся в Японию, когда Гитлер в 1939 г. заключил договор с Россией. Теперь японское правительство сочло своевременным снова назначить его своим послом в Германии. Говорили, что фюрер начал пересматривать свою политику в отношении России.

Это явилось последним «государственным актом» Гитлера в Берлине перед праздничными днями. 27 декабря мы спецпоездом прибыли в район Кале. Фюрер посетил батареи дальнобойной артиллерии сухопутных войск и военно-морского флота, которые могли обстреливать Англию, а также те сооружения, которым он летом уделял особое внимание. Произнес слова признательности за их действия в прошлые недели. Вечером, в вагоне спецпоезда, вне очереди произвел Энгеля и меня в майоры, что явилось для нас большой радостью и неожиданностью.

25 декабря Гитлер посетил бомбардировочную эскадру, а затем принял в своем спецпоезде главу французского правительства адмирала Дарлана, ставшего несколько дней назад преемником Лаваля. Беседой с ним фюрер остался недоволен и пребывал в раздражении. Он критиковал смещение Лаваля, приписывая это антигерманскому влиянию в штабе Петэна. Подробности встречи мне узнать не удалось, я мог только видеть, насколько шеф раздражен ею.

26 декабря фюрер побывал в одном пехотном полку, а в заключение – в своем лейб-штандарте «Адольф Гитлер» в Меце. Здесь он чувствовал себя особенно вольготно и в своей речи явно выразил свое удовлетворение. Его личный полк должен быть всегда готов действовать в горячих точках борьбы: «Для вас, носящих мое имя, это – честь стоять во главе нашей борьбы».

Приоритеты в вооружении

Редер не раз заговаривал с Гитлером о напряженных отношениях между военно-морским флотом и люфтваффе. Речь шла в первую очередь о торпедном оружии. Гросс-адмирал требовал, чтобы торпедными эскадрильями руководил только ВМФ. Люфтваффе не имеет для этого рода оружия специалистов. Сначала фюрер собирался обсудить данную тему с рейхсмаршалом. Затем Редер выдвинул другое пожелание военно-морского флота: увеличить выпуск подводных лодок. Ныне же их производится максимум 12-18 в месяц. Тем самым он затронул дилемму, разрешимую только решением о походе на Россию. Гитлер дал Тодту приказ всеми силами форсировать производство вооружения сухопутных войск для войны в 1941 г. Выпуск вооружения для военно-морского флота и люфтваффе следует пока отложить. Вот когда Россия окажется разбитой, тогда можно будет перестроить все производство вооружения.

Я говорил на эту тему и с Ешоннеком, который относился к такому ходу развития с величайшим опасением. Потери люфтваффе в последние месяцы воздушных боев над Англией постоянно увеличивались, а нынешнее производство самолетов едва покрывало их. Создание новых бомбардировочных соединений в настоящее время невозможно, ибо все еще не преодолены трудности с выпуском «Ю-88». Я проинформировал фюрера о состоянии вооружения люфтваффе и просил его обсудить эту тему с рейхсмаршалом. Я видел здесь большую проблему на будущее. Гитлер признал, что вооружение авиации – дело важное, но весной 1941 г. ему нужно задействовать все мощности военной промышленности для сухопутных войск. Но уже летом военное производство нужно будет перестроить. Однако так или иначе он хочет поговорить с рейхсмаршалом. Я был этим решением очень подавлен, так как знал о постоянном совершенствовании британских военно-воздушных сил и видел в предстоящей войне на два фронта огромную опасность для рейха. Ешоннек, оценивавший ситуацию так же, указывал на нее Герингу, но ввиду указания Гитлера Тодту ничего добиться не смог. Геринг же, скрепя сердце, подчинился фюреру.

Критические голоса

В течение зимы 1940-41 г. мне приходилось в кругу как военных, так и штатских выслушивать все больше опасений насчет дальнейшего ведения войны. Наряду с безобидной критикой руководства звучали и такие реплики, как «война проиграна». Гитлера упрекали в том, что, будучи впечатлительным и эмоционально реагирующим политиком, он постоянно чувствует себя униженным и оскорбленным англичанами. А теперь еще хочет затеять без какой-либо необходимости и войну на два фронта, не имея для того в достаточном объеме прежде всего производственных мощностей и сырья.

Таких критических голосов было меньше, но не прислушиваться к ним я не мог, потому что в большинстве случаев критики отстаивали этот взгляд всерьез и упорно. Убедить меня они тогда не смогли. Несмотря на некоторые сомнения, я стоял на той точке зрения, что Гитлер закалькулировал все настолько четко и трезво, что никакой катастрофы произойти не может. На мой взгляд, эти оппоненты – критики и скептики – хотя и причисляли себя по большей части к «высшим кругам», допускали коренную ошибку. Они презрительно глядели на фюрера сверху вниз, отказывая ему в позитивном сотрудничестве; более того, некоторые даже боролись против него, полагая, что тем самым могут уберечь страну от беды. Они либо не осознавали, либо не хотели видеть, что народ стоял за Гитлера, тем самым делая его в этом конфликте сильнее оппонентов.

Эти впечатления укрепили мое положительное отношение к Гитлеру. Путь негативной оппозиции казался мне совершенно ложным, особенно после того, как я не раз убеждался, что с фюрером можно говорить; его даже, при верном подходе, удавалось убедить. Я часто становился очевидцем того (или слышал собственными ушами), как генералы, офицеры высоких чинов, говоря с ним, не могли найти правильного тона. После того как он неоднократно (перед Польской кампанией или перед войной против Франции) ощущал оппозиционность к себе именно со стороны сухопутных войск (хотя после этих походов правота его блестяще подтверждалась), Гитлер стал склоняться к тому, чтобы воспринимать критическую установку старого, особенно консервативного, офицерства как пораженчество. Он лично говорил мне: «Просто не могу понять этого; ведь если человек выбирает себе профессию солдата, офицера, то война должна

быть его самым страстным стремлением, она же позволяет ему однажды применить свою профессию! Это издавна было традицией прусского офицера. Солдат, генерал не может делать своей задачей удержать меня от войны, тормозя формирование войск и вооружение. Это же саботаж! Все должно быть совсем наоборот: солдаты обязаны так добиваться войны, чтобы именно политики их сдерживали. Но мне кажется, генералы боятся противника. Неужели они считают меня столь глупым, что я не способен верно осознать или оценить его сильные и слабые стороны?».

В течение первых лет войны все явственнее ощущалось противодействие церквей, особенно протестантской{212}; они отвергали планы Гитлера, причем так поступали не только священнослужители, но и, в большей мере, землевладельцы, аристократия и дворянство, офицеры и чиновники высоких рангов. В их среде этой зимой возникали перед походом на Россию отдельные группы, пытавшиеся сорвать планы Гитлера. Они считали его позицию совершенно антихристианской: он, мол, против церквей и хочет их упразднить. Во время войны фюрер неоднократно говорил, что и не помышляет ликвидировать церкви. Он ясно осознавал естественное желание народа иметь твердую веру, а также и то, что для этого необходима организация, которая поможет народу ее обрести. Гитлер подвергал критике только антинациональное мировоззрение священнослужителей: они не связаны с народом и не знают, чего тот хочет.

Разбить Россию, чтобы ударить по Англии?

Как пришел Гитлер к решению напасть на Россию, еще не победив Англию? Это, казалось мне, – главный вопрос войны. Он был убежден в том, что Англия ожидает помощи в своей борьбе за Европу и, судя по ходу войны в эти зимние месяцы, видит ее в лице Америки и России. Его оценка Америки привела фюрера к твердому заключению: США окажутся в состоянии помочь Англии в войне в Европе только в 1943 г.

Положение же в России Гитлер оценивал так: русские смогут активно вмешаться в ход войны уже осенью 1942 г. Германо-русский союз он отнюдь не рассматривал как гарантию мира на многие годы. Сталин хочет дождаться того момента, когда германские силы окажутся ослабленными боями на Западе, и тогда без всякой опасности для себя вмешаться в европейские сражения. В любом случае, фюрер хотел русское наступление упредить, ибо знал, что одновременно Германия на все стороны сражаться не может. Поэтому план его состоял в том, чтобы убирать одного противника за другим – будь то переговорами, будь то войной. Но втайне он все еще надеялся на достижение взаимопонимания с англосаксами, хотя преимущественно антигерманская политика англичан ему была известна уже с осени 1937 г. К этому добавлялась тревога из-за своего «старения», а также и понимание того, что после него никто в Германии его работу продолжить не сможет. Внутренние враги фюрера называли это переоценкой собственной личности, зазнайством, манией величия и т.п. Все это Гитлер знал. На сей счет у него имелась полная ясность, и он не раз упоминал об этом в кругу участников ежедневных обсуждений военной обстановки.

1941-у году предназначалось стать исключительно годом вооруженного столкновения с Россией. Гитлер построил приготовления к нему так, что был готов напасть примерно в середине мая. План его был таков: осуществить операции в двух главных направлениях – на север и юг России, а после захвата Ленинграда и Ростова, заходя обоими флангами, завершить ее разгром крупным наступлением с целью замкнуть кольцо окружения восточнее Москвы. Таким образом фюрер намеревался ослабить русских настолько, что они прекратят борьбу и он сможет сосредоточить все силы для удара по Англии.

Решения

Зима 1940-41 г. была временем размышлений, планов и решений. Гитлер много времени проводил на Оберзальцберге, поскольку здесь можно было работать спокойно. В Новогодних обращениях к вермахту и немецкому народу фюрер говорил о ходе войны в 1940 г. и высказывался насчет положения на мировой арене. Германские сухопутные войска, германские военно-морской флот и люфтваффе, провозглашал он, вступают в 1941-й год значительно усиленными и с улучшенным вооружением. О воздушной войне высказался так: «Герр Черчилль – тот человек, который вдруг изобрел неограниченную воздушную войну, выдавая ее за великую тайну британской победы. Вот уже три с половиной месяца этот преступник приказывает в ночных налетах забрасывать германские города бомбами… В этом я вижу жестокость, являющуюся сущим бесчинством…»

Обращения фюрера намекали на продолжение войны еще более жестокими методами и действовали на народ парализующе. Но удивительно, сколь терпеливо вела себя масса. Большинство говорило: уж фюрер-то знает, что надо делать! Весь народ был впряжен в работу на войну и трудился с огромным рвением и добросовестностью.

8 и 9 января Гитлер вызвал в «Бергхоф» все военное руководство на одно из самых важных и решающих совещаний, которые проводил в этом кругу за весь 1941 г. Сначала он обрисовал положение в Европе: «Испания как помощник отпадает. Франция – против нас. По отношению к ней у нас никаких обязательств нет. Россия недавно выдвинула требования, которых раньше у нее не имелось: Финляндия, Балканы и Мариамполь{213}. Румыния – на нашей стороне. Венгрия – никаких помех. В Югославии – все вопросы еще открыты. Болгария – очень осторожна. Не желает рисковать своей династией».

Гитлер продолжал: «Англия хочет господствовать на всем континенте». А следовательно, хочет нас там побить. Сам же он желает быть настолько сильным, чтобы эта цель не была достигнута никогда. Англия надеется на Россию и Америку. «Мы не можем окончательно разбить Англию путем высадки».

В 1941 г. на континенте закрепятся такие условия, что при дальнейшей войне против Англии мы при определенных условиях можем столкнуться с США. О новом британском министре иностранных дел Идене{214} Гитлер заявил: этот человек – за совместные действия с Россией.

Гитлер охарактеризовал Сталина как человека умного и хитрого. «Он будет требовать все большего. Победа Германии для русской идеологии – невыносима. Нашим решением должно быть: как можно быстрее свалить Россию наземь. Через два года англичане выставят 40 дивизий. Приступ к решению русского вопроса развязывает руки Японии против Англии на [Дальнем] Востоке. Япония готова к серьезному сотрудничеству с нами». О русском вооружении фюрер заявил: материальная часть, техника устарела. У русской армии отсутствует духовный размах.

Впервые в столь широком кругу фюрер упомянул ведение войны в Северной Африке. Нельзя идти на риск, что Италия внутренне рухнет. Нынешние итальянские неудачи в Африке возникли из-за нехватки современного вооружения. Мы должны послать туда на помощь наше соединение.

Гитлер дал недвусмысленно понять, что этим летом хочет повести войну против России. Первоначально он намеревался начать ее во второй половине мая. Но ход событий на Балканах и в Северной Африке, возможно, заставит отложить нападение на июнь.

Присутствовавшие восприняли заявления Гитлера молча и без возражений. Должен сказать: лица у офицеров были замкнутыми и, пожалуй, никто из них необходимости войны против России видеть не хотел. Гораздо позже я узнал, что серьезные опасения высказывались ими только на обратном пути.

Мой взгляд на будущую войну с самого начала года оптимистичным не был. Судя по тому, как развивались события, победа не казалась мне возможной. Я пришел к выводу, что Гитлер хочет поставить огромную русскую империю в зависимость от рейха для того, чтобы получать из нее сырье, необходимое нам для ведения войны с Англией. Это представлялось мне особенно важным, учитывая возможное вступление США в войну на стороне Англии. Правда, ясно это еще не вырисовалось, но, судя по донесениям нашего поверенного в делах в Вашингтоне, там готовилось что-то враждебное. Рузвельт отзывался о Германии все более критически и осуждающе, а американский народ начало охватывать антигерманское настроение. Мне казалось, что Черчиллю вполне удалось подключить Рузвельта к своей программе. Таким образом, ход политического развития на Западе представлялся мне весьма серьезным.

Гитлер постоянно говорил, что мы должны разделаться с Россией прежде, чем в войну вступят США. Этот расчет, как можно было предположить, теперь не срабатывал. Поэтому и сам я глядел навстречу 1941 г. с большими опасениями, не имея,

однако, никакой возможности свои взгляды где-нибудь высказать. Только с конца года у меня иногда бывал случай поговорить с фюрером на эту тему.

Средиземное море. Северная Африка

11 января Гитлер подписал директиву № 22 о помощи германских вооруженных сил в боях в районе Средиземного моря. Он приказал главнокомандующему сухопутных войск сформировать заградительное соединение, которое смогло бы сослужить нашим союзникам «ценную службу при обороне Триполитании». 10-у авиационному корпусу предписывалось, базируясь на Сицилии, вести боевые действия против английских военно-морских сил и их морских коммуникаций. Третий пункт директивы предусматривал так никогда и не осуществленную переброску одного корпуса в Албанию. Во время продолжительного разговора, который Муссолини 19 и 20 января вел с Гитлером в Зальцбурге, этот план подробно обсуждался. Дуче резко настаивал на быстрейшей переброске одного германского соединения в Северную Африку, что отдавало бы приоритет ведению войны в Средиземноморском бассейне. 10-й авиационный корпус с частями, специально предназначенными для борьбы против английских военно-морских сил, был в январе перебазирован из Верхней Италии на Сицилию. Для ведения же наземных боевых действий ОКХ направило в Италию и в район Средиземного моря генерала кавалера фон Функа с целью разведать возможности применения танковых соединений. 1 февраля он вернулся и доложил Гитлеру малоблагоприятные данные. Но фюрер к нему доверия не проявил. Переброска легкой дивизии в Северную Африку была делом решенным, ибо англичане уже стояли у Эль-Агейлы.

Первым немецким командующим, предназначенным для Северной Африки, стал Роммель, и в начале февраля он отправился в Триполи. Его сопровождал Шмундт, знакомый с противоречивыми взглядами насчет возможностей ведения войны в Северной Африке. Через несколько дней он возвратился и дал фюреру четкое и трезвое описание положения в Ливии. Военные действия в этом районе Шмундт считал вполне возможными и высказался за быструю переброску в Северную Африку более крупных соединений. Насчет военных сил итальянцев он в своей оценке был весьма сдержанным. На его взгляд, они были мало пригодны. Германские же войска в Ливии, 5-я легкая дивизия, сразу же после выгрузки были брошены на фронт, чтобы улучшить безнадежное положение итальянцев. Предназначенный для такой задачи Роммель подошел к ее решению совершенно бескорыстно и сумел, прибегнув к импровизации, успешно использовать подброшенные ему незначительные подкрепления.

Англичане стали поосторожнее, ибо им пришлось отдать часть своих сил для Крита и Греции, что для Роммеля означало чувствительное облегчение его положения. Он пользовался особым доверием фюрера, которое приобрел еще во Франции своими быстрыми и эффективными действиями.

Гитлер был мало заинтересован в том, чтобы таскать для итальянцев в Северной Африке каштаны из огня. Но он дал Муссолини свое обещание и полагал, что германское соединение повысит там боевой уровень итальянских войск. При этом фюрер был вынужден заявить ОКХ: нападение на Россию наверняка придется отложить на несколько недель. Однако на это крайне безрадостное перенесение старта командование сухопутных войск особого внимания не обратило. Это меня удивило: ведь поход на Россию – ядро военных действий в нынешнем году – рассчитан минимум на пять месяцев. Итак, сейчас, в конце января 1941 г., совершенно игнорируется тот факт, что в текущем году он завершен быть не сможет.

Однажды вечером в Имперской канцелярии я заговорил на сей счет с Гитлером и констатировал, что он оценивал этот сдвиг по времени точно так же. В оправдание этого шага фюрер ответил: за лето вермахту удастся настолько вывести русских из строя, что в 1942 г. для победы над Россией потребуется всего лишь краткосрочная целенаправленная кампания. Я лично от этого решения счастливым себя никак не ощутил и сказал фюреру, что представить себе такое не могу. После данного разговора у меня появилось чувство, что события в Средиземном море развиваются отнюдь не по плану Гитлера, но по отношению к Италии иначе он действовать не мог.

27 января мы поездом отправились в Мюнхен. Во второй половине дня все шло по обычной программе. Фюрер посетил фрау Троост и профессора Гизлера и в их мастерской долго распространялся насчет своих самых последних планов перестройки и новой застройки города. В полночь мы выехали в Берлин, куда прибыли в первой половине 28 января. На следующий день Гитлер получил ошеломляющую весть о смерти имперского министра юстиции – д-ра Гюртнера{215}. Хотя фюрер и был об этом юристе не слишком высокого мнения, но выказывал ему свое уважение и признательность, а потому в последующие дни не раз говорил о заслугах покойного.

Оперативный план против России

3 февраля 1941 г. Гитлер провел длительное, продолжавшееся несколько часов совещание с Браухичем, Гальдером, Хойзингером{216}, Кейтелем и Йодлем, к которым потом подключился Ешонннек. Генерал-полковник Гальдер оценил силы русских так: 121 стрелковая дивизия, 25 кавалерийских дивизий и 31 мотомеханизированная бригада – всего примерно 180 соединений. У немецкой же стороны имеются: 104 пехотных дивизии, 20 танковых дивизий, 13 моторизованных и 1 кавалерийская дивизия и к тому же несколько румынских дивизий. Танков у русских насчитывается в целом примерно 10000 против около 3500 немецких. При этом начальник генштаба отметил, что необходимо делать ставку на момент внезапности. Артиллерия русских количественно сильна, но ее материальная часть – преимущественно устарелая. Сосредоточение и развертывание наших войск запланированы в составе трех групп армий и четырех танковых групп с одновременным занятием всей линии фронта.

Гитлер в общем и целом с этим планированием согласился, но повторил свои соображения о ходе операций. После первых сражений, в которых будут разбиты русские пограничные части, важно, выйдя на линию Псков-Смоленск – Киев, усилить северные и южные группы армий и в первую очередь овладеть Прибалтикой, включая также Ленинград, а на юге – достигнуть района Ростова. Центральная группа армий в надлежащем случае должна вести свое наступление на Москву только начиная с 1942 г. Гитлер прежде всего подчеркнул главную цель 1941 года – захват всего прибалтийского пространства и города Ленинграда. Эту цель сухопутные войска должны постоянно иметь в виду, чтобы заставить русских отдать Балтийское море. Далее фюрер говорил об отдельных проблемах, важных для начала нападения, а также касавшихся снабжения войск.

Важным пунктом для Гитлера являлась ситуация в воздухе. С немецкой стороны предполагалось, что русские располагают авиационными соединениями с самолетами большой дальности полета. Поэтому Гитлер подчеркивал важность защиты от налетов авиации и противовоздушной обороны.

Он одобрил также оперативные планы люфтваффе в рамках похода на Восток. В первые же три дня германские военно-воздушные силы должны уничтожить русские авиационные части, чтобы обеспечить танковым войскам быстрое продвижение вперед.

В ходе этого длинного и основательного обсуждения вопросов завоевания невероятно огромного пространства мне показалось, что это почти невозможно и поставленных целей вряд ли удастся когда-либо достигнуть. Но хотя перед Французской кампанией Браухич и Гальдер по различным поводам выражали свои опасения, показывая, что они полностью против этой войны, указания Гитлера по ведению войны с Россией они восприняли без единого слова сомнения или сопротивления. Мне даже пришла в голову мысль, что, целиком и полностью осознав неосуществимость этих операций, они не приняли против них решительно ничего, очевидно, желая тем самым дать фюреру возможность самому загнать себя в гибельную западню. Конечно, в ту пору такие мысли совершенно выходили из ряда вон, но их возникновению способствовали и необъятные русские просторы. А к этому весной 1941 г. добавились военные действия в Северной Африке в контакте с весьма сомнительным союзником. Мне казалось, что дело начинало принимать слишком рискованный оборот и вступило в опасную стадию.

Перед Балканской кампанией

Вечером 6 февраля Гитлер снова выехал в Мюнхен, а 7-го – опять отправился в «Бергхоф» и с некоторыми перерывами оставался на Оберзальцберге до середины марта. Февраль в горах был месяцем очень приятным, служебная нагрузка – невелика. Подготовка к «Барбароссе» и вступлению в Грецию велась по плану. Воздушная война, отчасти ввиду крайне плохой погоды, шла на убыль. А в целом то, что мы находимся в войне, почти не замечалось. Фюрер принял югославских государственных деятелей – премьер-министра Цветковича и его министра иностранных дел Марковича для подробной продолжительной беседы. Он хотел уговорить их вступить в пакт Трех держав. Разговор был открытым и непринужденным, но вопрос о вступлении так и повис в воздухе.

24 февраля Гитлер поехал в Мюнхен, чтобы во второй половине дня произнести в праздничном зале «Хофбройхауза» речь по случаю дня основания партии. Он особенно подчеркнул в ней свою дружбу с Муссолини: «Наши противники все еще не понимают, что если я однажды назвал человека моим другом, то буду стоять за этого человека всеми силами и своим отношением к нему торговать не стану». Далее фюрер говорил о свершениях германского вермахта и немецкого народа, не оставляя никакого сомнения в своем убеждении, что «наша борьба, как была благословлена Провидением до сих пор, так и останется такой впредь».

Вечером 28-го мы поездом выехали в Вену – Гитлер хотел 1 марта принять участие в приеме Болгарии в Тройственный пакт. Этот торжественный акт состоялся во дворце Бельведер в присутствии болгарского премьер-министра Филова, графа Чиано, посла Осимы и Риббентропа. В заключение церемонии фюрер дал в Бельведере завтрак. А в то же самое время немецкие саперы работали на Дунае, возводя три больших моста для сосредоточения германских войск против Греции. По этим мостам чуть позже вермахт маршем вступит на болгарскую территорию, что сознательно замышлялось Гитлером как мера против России. Ведь Молотов во время своего визита в Берлин в ноябре 1940 г. высказал большой интерес России к Болгарии. Фюрер тогда ему ответа не дал. Теперь он этот ответ получил.

Вторую половину дня в Вене Гитлер использовал для подробного разговора с Чиано. Ему важно было сообщить итальянскому министру иностранных дел свою ясную позицию относительно предстоящей борьбы с Грецией. Вечер фюрер

провел с гауляйтером Бальдуром фон Ширахом и его женой – он очень ценил обоих. (Фрау фон Ширах он знал еще маленькой девочкой, познакомившись с ней в доме ее отца – своего придворного фотографа Генриха Гофмана). Следующим утром наш поезд в 6 часов 45 минут сделал полуторачасовую стоянку в Линце. Гитлер охотно воспользовался этой оказией, чтобы осмотреть отдельные кварталы города, пока его вновь не захватил водоворот дня. Этим утром он обсуждал постройку на Дунае «Моста нибелунгов».

На Оберзальцберге ежедневные обсуждения обстановки с Кейтелем и Йодлем затягивались все дольше. Фюрер принял также нескольких визитеров, казавшихся ему важными в связи с предстоящей операцией на Балканах. Первым появился принц-регент Югославии Павел. Фюрер прежде всего стремился побудить его присоединиться к Тройственному пакту. Состоялась весьма вежливая и официальная беседа, поначалу безуспешная. Гитлер считал, что, возможно, Югославия через несколько недель и решится, но особенных надежд на это, казалось, не возлагал.

Йодль же занимался проблемой Японии. Из того факта, что хорошо известный немцам генерал Осима снова занял пост посла, он вывел своего рода готовность японских вооруженных сил к сотрудничеству с рейхом, если даже не большее – готовность к союзу. Он предложил Гитлеру для начала подписать документ, охватывающий возникающие вопросы. Это и стало содержанием директивы № 24 от 5 марта 1941 г. «О сотрудничестве с Японией». Первой строкой было записано: «Целью обоснованного пактом Трех держав сотрудничества должно служить как можно скорее привести Японию к активным действиям на Дальнем Востоке». И далее говорилось: «В качестве цели совместного ведения войны можно обозначить быстрый разгром Англии и благодаря этому недопущение США к участию в войне». А последняя фраза гласила: «Никаких намеков об операции „Барбаросса“ японцам давать не следует».

Вечером 12 марта мы поездом отправились в Линц, где фюрер следующим полднем посетил принадлежащие Герингу предприятия концерна «Герман-Герингверке». Здесь он обсудил вопросы, связанные с увеличением выпуска такой продукции, как танки и противотанковые пушки.

16 марта Гитлер, как обычно, произнес речь в берлинском Цейхгаузе по случаю «Дня поминовения героев». Остановившись на налетах английской авиации, он сказал: «Тыл, как и прежде, тоже должен нести в этой войне тяжелые жертвы. Причем не только мужчины, уже доказавшие свою стойкость, но и женщины». Тем самым фюрер впервые указал на опасности

предстоящей воздушной войны, размах которой тогда еще даже невозможно было вообразить.

Дни до 25 марта проходили нормально, без особых событии. Гитлер принял назначенного командиром Африканского корпуса генерал-лейтенанта Роммеля, вручил ему дубовые листья к Рыцарскому кресту и обсудил с ним новые планы по возвращению Киренайки в Северной Африке. Роммель был большой оптимист. Не желал видеть никаких трудностей и надеялся, что после быстрой подброски 15-й танковой дивизии всеми своими силами начнет наступать на восток. В эти дни газеты впервые написали об Африканском корпусе. К марту Роммель внезапно перешел в атаку у Агедаби и стал быстрым темпом развивать предпринятое им наступление. 4 апреля он взял Бенгази и вскоре окружил Тобрук.

20 марта Гитлер через Мюнхен выехал в Вену, прибыв туда утром 25 марта. Югославы все же решили вступить в Тройственный пакт, и это следовало должным образом отпраздновать. Подписание произошло во дворце Бельведер в присутствии фюрера и сопровождалось официальным завтраком. Югославы согласились пойти на это, только заранее получив от германской стороны твердое заверение насчет сохранения их нейтралитета. Вечер Гитлер опять провел у Шираха, был открыт и счастлив тем, что теперь даже последнее Балканское государство присоединилось к Пакту Трех. Но притом не преминул заметить в узком кругу: большого доверия к надежности нынешнего югославского правительства он не питает.

«Марита»

И он оказался прав. 27 марта Хевель сообщил огромный «сюрприз»: ночью принц-регент Павел и его правительство в Белграде свергнуты! В югославских городах и селениях – беспорядки, из столицы сообщают о признаках восстания. Малолетний король Петр в прокламации объявил, что вступил в королевские права. Но фюрер быстро осознал, что путч этот вспыхнул в подходящий ему момент. Ведь во время операции «Барбаросса» волнения в Югославии создали бы для него опасность гораздо большую. А сейчас как раз у него есть еще какое-то время.

Гитлер приказал явиться к нему ОКХ и ОКЛ для обсуждения необходимых мер. В 15 часов в конференц-зале собрался широкий крут офицеров сухопутных войск и люфтваффе, с ними был и министр иностранных дел. Я увидел здесь Геринга, Браухича, Кейтеля, Йодля, Гальдера, Гофмана фон Вальдау, Боденшатца, Хойзингера и других. Фюрер изложил уже ставшие известными факты и добавил, что сербы и словенцы никогда дружественны к немцам не были. Он полон решимости, не ожидая никаких заявлений о лояльности, как можно скорее напасть на Югославию и разгромить это государство. Руководящей линией в данном случае следует считать максимально быстрое начало операции «Марита» против Греции, удар из района Софии в направлении Скопле и, более крупными силами, на Ниш и Белград. Из района Граца и Клагенфурта необходимо нанести удар с целью разгрома югославской армии.

Люфтваффе доложила, что 8-й авиационный корпус под командованием генерал-лейтенанта фон Рихтхофена может быть введен в действие из Болгарии немедленно, а силы 10-го авиационного корпуса – через два-три дня. Гитлер приказал незамедлительно предпринять все необходимые приготовления и попросил к концу вечера сообщить ему намерения обеих составных частей вермахта. В тот же день Йодль оформил мысли фюрера в виде директивы № 25. Балканский поход вступил в новую стадию. Начало его можно было ожидать через несколько дней.

Мацуока

Во второй половине 27 марта Гитлер принял японского министра иностранных дел Мацуоку, которого ожидал с нетерпением. Он уже длительное время пытался побудить японцев предпринять меры против Англии; фюрер, в сущности, вообще не знал, насколько подготовлены японцы и каковы их планы насчет участия в нынешней войне. Несколько раз беседуя с Мацуокой, он косвенно давал ему понять, что теперешние отношения Германии с Россией однажды могут совсем внезапно измениться, а войну с Англией, учитывая поведение англичан, считал неизбежной. Вмешательства США он пока еще не ждал. Мацуока в своих ответах был весьма сдержан. Складывалось впечатление, что он хочет только получить информацию. Маршрут его поездки вел из Берлина в Рим и обратно в Берлин. Возвращаясь в Японию, он сделал остановку в Москве. Там он заключил с Советским Союзом пакт о ненападении{217} и тем самым выразил свое намерение куда более явно, чем во время визита в Германию.

При отъезде Мацуоки из Москвы на родину на вокзале произошла впечатляющая сцена. Сталин дал помощнику нашего военного атташе генералу Кребсу{218} и послу графу фон дер Шуленбургу{219} понять, сколь дорога ему германо-русская дружба.

Отношение Гитлера к русскому противнику

30 марта Гитлер снова созвал руководителей вермахта. В зале заседаний при его служебном кабинете он произнес двухчасовую основополагающую речь, в которой изложил свои мысли относительно похода на Россию{220}. В этой речи фюрер сделал упор не на тактические и стратегические подробности нападения на Россию. Ему было важно довести до командования вермахта свои принципиальные взгляды на те проблемы, которые выдвигает борьба против русских. Он заявил: «В настоящее время Англия возлагает свои надежды на Америку и Россию». Америка сможет обеспечить свою максимальную военную мощь только через 3-4 года. «Россия – последний вражеский фактор в Европе. Ее надо разбить в этом или следующем году. Тогда мы будем в состоянии в течение дальнейших двух лет справиться в материальном и кадровом отношении с нашими задачам и в воздухе, и на воде. Наша задача в России должна заключаться в том, чтобы разгромить Красную Армию и ликвидировать государство. Это – борьба двух мировоззрений. Большевизм равнозначен асоциальному преступлению и является чудовищной опасностью для будущего. Мы должны отказаться от понятия солдатского товарищества с ним. Коммунист никогда не может быть нашим боевым товарищем. Речь идет о борьбе на уничтожение. Если мы не отнесемся к этому именно так, то, хотя и разобьем коммунистического врага, через несколько лет снова столкнемся с ним. В борьбе против России речь идет об уничтожении большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции. Борьба должна вестись против яда разложения. Армия должна защищаться теми же средствами, которые применяются для нападения на нее. Комиссары и гепеушники – это преступники, и с ними надо обращаться, как с таковыми. На Востоке любая жестокость суть мягкость в будущем».

Гитлер упомянул, в частности, о большом числе русских танков и самолетов. Но лишь небольшое количество из них отвечает современным требованиям. Огромное русское пространство и неохватные дали делают необходимой концентрацию сил танков и люфтваффе в решающих пунктах. Использование люфтваффе после первых боев за господство в воздухе должно проходить в тесной взаимосвязи с наземными операциями. Противостоять массированному применению танков и авиации русские не смогут.

После совместного завтрака фюрер во второй половине дня провел еще несколько бесед о развитии событий на Балканах. Он прежде всего подчеркнул вызванную этим срочность действий там, добавив, однако, что начало похода на Россию придется отложить на месяц. Балканская кампания должна начаться не позже чем через неделю.

В эти дни я зарегистрировал еще одно особенно важное событие. 1 марта имперское министерство авиации направило в Россию инженер-полковника Дитриха Швенке с заданием в соответствии с германо-русским соглашением посетить русские авиационные заводы. И вот он вернулся. О его поездке я услышал из различных служб министерства, но, к сожалению, лично мне с ним поговорить не удалось. Однако начальник отдела генерального штаба люфтваффе по иностранной авиации сообщил мне важнейшие положения его доклада. Согласно этому докладу не оставалось никакого сомнения в том, что Россия вооружается в большом объеме. Вновь созданные самолетостроительные заводы – причем такого размера, какого Швенке не видывал, – должны были со дня на день вступить в строй действующих. Заложено огромное количество новых аэродромов. Повсюду трудятся с величайшей старательностью и рвением. Когда я однажды в разговоре с фюрером упомянул об этом, мне пришлось констатировать, что Геринг уже проинформировал его на сей счет. Фюрер счел, что это вооружение русских надо принимать весьма всерьез. Но он глубоко убежден: его план русского похода будет осуществлен даже в самый последний момент.

5 апреля было сообщено о заключении между Россией и Югославией договора о дружбе и нейтралитете. Гитлер воспринял это известие с некоторым удовлетворением: ведь тем самым Россия доказывала, что хочет идти своим собственным путем. Однако посланники Югославии, Норвегии, Бельгии и Греции через несколько дней были высланы Сталиным из Советского Союза, поскольку он их больше суверенными государствами не считал.

Балканская кампания

В воскресенье 6 апреля началось нападение на Югославию и Грецию. Гитлер приказал произвести на югославскую столицу Белград сильный авиационный налет, который вызвал крайнюю панику и принес значительные жертвы среди населения. Одновременно прокламацией Гитлера немецкому народу было объявлено о нападении на Югославию и Грецию. Фюрер всячески рекламировал свои усилия, направленные на то, чтобы избавить немецкий народ от «этого столкновения». Возникновение таких событий на Балканах он приписывал англичанам, которые уже давно попирали своим сапогом Грецию. «Пусть ослепленные, к их несчастью, народы осознают, что за это они должны благодарить только своего „злейшего“ друга, который вот уже 300 лет владел и владеет и по сей день континентом, – Англию». В приказе «солдатам Южного фронта» Гитлер обвинял Англию в том, что «за себя она велит сражаться другим».

Прежде чем фюрер успел перенести свою Ставку на юго-восток рейха, ему пришлось неожиданно пережить в Берлине крупный налет английских бомбардировщиков. В ночь с 9 на 10 апреля бомбы попали в здания Государственной оперы, Университета, Государственной библиотеки и во дворец кронпринца. Опера сгорела дотла. Гитлер был от этого нового налета вне себя от злости. Произошла первая стычка между ним и Герингом. Я слышал, как он громко обличал рейхсмаршала за негодные «Хе-111», которыми были так недовольны боевые соединения авиации. Геринг не оспаривал недостатков тогдашних «Ю-88», но стал объяснять фюреру, что ответственный деятель фирмы «Юнкерс» Коппенберг сообщил ему: вновь изготовленные бомбардировщики этой серии указанных недостатков уже не имеют, а на машины 1942 г. выпуска будет устанавливаться более сильный мотор. Геринг всегда умел успокоить Гитлера. Фюрер даже поручил профессору Шпееру восстановить здание Оперы.

Вечером 10 апреля фюрер выехал из Берлина и с одной короткой промежуточной остановкой в Мюнхене вечером 11 апреля прибыл в свою Ставку «Зюд-Ост» в Менихкирхене. Этот маленький населенный пункт располагался на железнодорожном участке, ведущем от Вены на юг, к Грацу, причем у самого выхода из туннеля. Там уже были сооружены необходимые подъездные пути и имелись в наличии необходимые средства связи. Гитлер велел поезду стоять здесь ближайшие 14 дней. Юго-Восточная кампания протекала без особых проблем. Командование ею находилось в руках ОКХ. Трудности создавало только совершенно

немыслимое состояние дорог.

В письме своему дяде я сообщал: «Наша штаб-квартира на сей раз находится в поезде, стоящем в юго-восточном углу рейха, отсюда фюрер руководит операциями и следит за ними. Сегодня в полдень борьба в Югославии стихнет. Прекрасно, что все прошло так быстро, ибо нам здесь приобретать нечего. Надеюсь, все быстро закончится и в Греции. Англичане уже грузятся на суда. Можно предположить, что противной стороне тоже приходится нелегко… Борьба в Югославии была попроще и связана с меньшими потерями, чем мы рассчитывали. Трудности представляла только сама местность, затруднявшая продвижение наших танковых дивизий. В Греции довольно сильными были бои за горные проходы из Болгарии, а отдельные доты храбро сопротивлялись до конца. В последние дни наши войска вели суровые бои по обе стороны Олимпа. Судя по последним сообщениям, греки и англичане там разбиты. Повсюду отступают. Хорошо, что мы так здорово взялись сейчас за Балканский вопрос и покончили с ним. Ведь я боялся, что вступление Италии не будет способствовать успокоению. Хорваты уже теперь говорят о своем желании выбросить итальянцев с Балкан. Имей они оружие, им это удалось бы. Турок, как кажется, честно хочет держать нейтралитет. Однако англичанин всеми способами стремится заиметь здесь авторитет. Англичанин-то платит побольше, чем мы. У нас тут теперь только одна цель – вновь сколотить наши дивизии, чтобы они были готовы к новым задачам. Еще одна большая задача должна завершить этот год, а потом мы сможем спокойно довести до конца борьбу против англосаксонских демократий».

Особенно храбро и упорно сражались греки, задержав наши войска в приграничном районе. Но борьба имеющих фронтовой опыт германских войск против неопытных в военном отношении греков и югославов была неравной. Введение в действие 8-го авиационного корпуса значительно ускорило исход операций. Югославская армия капитулировала 17 апреля, греческая – 21 апреля. Эта капитуляция перед нашей 12-й армией вызвала серьезное недовольство итальянцев. Гитлер приказал главнокомандующим составных частей вермахта не считаться с итальянцами в вопросах капитуляции, а без промедления принимать любое ее предложение. Итальянцы по-прежнему все еще стояли перед Албанией и продвигались медленно. Командующий греческой Эпирской армией заявил, что сдался бы германским войскам, но никак не итальянским. После подписания капитуляции между немцами и итальянцами возникло довольно сильное взаимное раздражение. Оно привело

к тому, что итальянцы эту капитуляцию признавать не желали, если им не дадут участвовать в ее новом подписании. Фельдмаршал Лист второй раз поставить свою подпись отказался, и это пришлось вместо него сделать Йодлю.

После взятия Белграда я слетал туда на «Шторьхе». Это произошло 14 апреля, и город еще в порядок приведен не был. Воздушный налет 12 апреля причинил ему заметный ущерб. Мосты разрушены. Мне удалось раздобыть на аэродроме легковушку для поездки в город. Сильнее всего бросались в глаза разрушения на так называемом правительственном холме, где находились виллы принца-регента Павла и юного короля Петра. Однако оба здания совершенно не пострадали. Правда, двери были распахнуты настежь, но внутри никакого разгрома не наблюдалось. На вилле короля лежали его разложенные личные вещи. Все выглядело так, будто он вот-вот вернется. Это произвело на меня большое впечатление: как близко соседствуют война и мир!

Жизнь Гитлера в дни Юго-Восточной кампании протекала планомерно и спокойно. Из бесед с ним я заключил, что мысли его были больше заняты предстоящей «Барбароссой», чем Балканами. Он непрерывно задавал все новые и новые вопросы об оснащении и вооружении соединений. По большей части, его интересовало состояние и обеспечение боеприпасами корпусов зенитной артиллерии. Фюрер ожидал сильные авиационные удары противника по сосредоточивающимся соединениям и говорил: войска не должны рассчитывать на спокойную обстановку в воздухе, как это имело место в предыдущих кампаниях. Большую тревогу внушали ему усиливающиеся воздушные, налеты англичан. Правда, Геринг пообещал, что наступающей зимой слабость люфтваффе будет преодолена. Но сам фюрер не был склонен полностью этим словам доверять. Мне пришлось сказать ему: лично я пока не вижу в вооружении люфтваффе никакого признака, подтверждающего обещание Геринга. Неудачи в производстве «юнкерсов», по моему мнению, имеют принципиальный характер и так быстро, как утверждается, устранены быть не могут. В войсках открыто говорят, что «Ю-88» – совершенно негодная конструкция.

Говорить все это Гитлеру мне было неприятно, но ничего другого, кроме того, что мне известно, я сказать не мог. Потом о сказанном мною фюреру я проинформировал Боденшатца, который не хуже, чем я, знал о трудностях в производстве «юнкерсов», и сказал, что дальнейшее он берет на себя. Позже я констатировал, что Геринг был полностью в курсе дела, но мне показалось, что Боденшатц все-таки полной правды насчет

вооружения люфтваффе ему не сказал.

Свое пребывание в Менихкирхене Гитлер использовал для приема различных визитеров. 20 апреля, в день его рождения, главнокомандующие всех составных частей вермахта собрались для поздравления юбиляра. Первым явился в штаб-квартиру фюрера посол в Турции фон Папен. Ему было важно ввиду перемещения центра тяжести на Балканы сохранить хорошие германо-турецкие отношения. Фюрер весьма четко сказал, что мешать Турции в его намерения никоим образом не входит.

19 апреля Гитлер принял царя Бориса, а 26-го – венгерского регента Хорти. Оба заявили о своей заинтересованности в получении определенных частей Югославии. Фюрер в этих беседах держался вежливо-сдержанно и говорил, что вернется к их требованиям после окончательного захвата данных областей.

В эти дни побывал в Ставке и обер-лейтенант авиации Франц фон Верра. Он был сбит в воздушном бою над Англией и затем отправлен англичанами в Канаду. Там ему удалось, преодолев всю территорию США, через Мексику бежать в Германию – несомненно, уникальный случай. Фюрер рад был увидеть его и стал расспрашивать насчет приобретенного опыта и информации, важной для ведения войны. Кстати, летчик сообщил о новом, с успехом применяемом британском приборе обнаружения подводных лодок.

Йодль представил Гитлеру на подпись директивы № 27 и № 28. Первая, от 13 апреля, касалась заключительных операций на Балканах. В ней указывалось на необходимость после их завершения «главные силы введенных в действие соединений сухопутных войск вывести для нового использования»{221}. Вторая, от 25 апреля, была посвящена операции «Меркурий» – захвату острова Крит. Эту акцию считал особенно необходимой Ешоннек – как с точки зрения завоевания Греции, так и обеспечения операций Роммеля в Северной Африке.

В полдень 28 апреля мы снова прибыли в столицу рейха. На сей раз Гитлер вернулся из победного похода. В Имперской канцелярии толпилось по такому случаю множество любопытствующих и поздравителей. Все они стремились узнать поподробнее и о самом фюрере, и о прошедшей кампании. Но у него, за исключением трапез, было мало времени рассказывать о событиях. Он хвалил греческое войско, которое, по его словам, сражалось храбро. О боевой силе итальянцев не говорил ничего. Выделял лишь одного Муссолини, которого превозносил за его надежное братство в борьбе против Англии, но тут же, не переводя дыхания, критиковал командование итальянских войск и королевский дом, которые, как и прежде, оставались

проанглийскими.

Отныне Гитлер целиком и полностью был занят последними приготовлениями к нападению на Россию. В одном вечернем разговоре с ним я имел случай спросить его о дате начала этого похода и сказал, что сам однажды попал в Россию 5 мая 1929 г. Как помнится, с того дня стояла только сухая и хорошая погода. Не могу себе представить, чтобы вермахт всего из-за нескольких дивизий, которые сейчас надо вывести из Греции, должен ждать почти два месяца, чтобы быть готовым к новой операции. Фюрер выслушал меня молча и наконец сказал: генерал Гальдер с его «старомодными» представлениями весьма мало понимает в ведении современной войны. Он еще и еще раз побеседует с генералом. Однако, как я узнал, Гальдер ссылался на транспортные трудности при переброске войск, а также на необходимость отдыха и пополнения соединений. Причины – меня не убедившие. Гитлер в мероприятия Гальдера не вмешивался. Хотя фюрер и пытался убедить упрямого генерала в правильности и логике своих взглядов, в этом деле он не продвинулся ни на шаг. Все так и шло в духе указаний Гальдера о переброске дивизий с Балкан.

29 апреля Гитлер снова выступил перед девятью тысячами обер-фенрихов, ждущих своего производства в лейтенанты. Он обрисовал успехи в войне, упомянул о храбрости германского солдата и потребовал «никогда не капитулировать… Одного только слова не знаю я и никогда не буду знать как фюрер немецкого народа и ваш Верховный главнокомандующий; слово это – капитуляция, сдача на чью-то чужую милость. Никогда, никогда! Именно так должны мыслить и вы!».

30 апреля Гитлер обсудил с Йодлем подробности начала нападения по плану «Барбаросса», которые начальник штаба оперативного руководства вермахта 1 мая в виде письма передал в войска. Именно в данном документе был указан день нападения – 22 июня 1941 г. Это потребовало введения с 23 мая максимально уплотненного графика всех приготовлений. Насчет соотношения сил Йодль указал: главные силы русских значительно подкреплены на южном участке фронта. На центральном же участке русские в последнее время производят передвижение войск к линии фронта, но при этом крупное германское превосходство в силах остается. На основе оценки, данной главнокомандующим сухопутных войск, Йодль считался с возможностью острых приграничных боев, которые могут потребовать до четырех недель. Русский солдат будет сражаться там, где поставлен, до последнего. Гитлер лично принял участие в составлении текста этого письма войскам. Он уже примирился с

тем, что день нападения изменить нельзя.

В воскресенье 4 мая, в 18 часов состоялось обычное после каждой успешной кампании выступление фюрера в рейхстаге. Подчеркнув особенную мощь и выдающиеся успехи вермахта, Гитлер сказал: «Году 1941-у суждено войти в историю как году нашего величайшего триумфа». Под этим он подразумевал отнюдь не Балканскую кампанию, а предстоящую операцию «Барбаросса». Весь рейх только и говорил что о приближающемся походе на Россию. Солдаты, сосредоточенные в полной боевой готовности на бывшей польской территории, огромное количество формирований по снабжению войск и концентрация средств связи – все это давало легко понять, какая у Гитлера цель. Слишком много всего было мобилизовано для этой кампании, чтобы ее удалось сохранить в тайне.

После заседания рейхстага Гитлер отправился в Данциг, где уже были готовы к выходу в море линкоры «Бисмарк» и «Принц Ойген». Он захотел на борту «Бисмарка» поговорить с флотским начальником адмиралом Лютьенсом перед отплытием этого корабля в Атлантику, ознакомиться с дредноутом и посмотреть, какова на нем команда. По возвращении я услышал от него похвалу как кораблям, так и их личному составу, к которым он ощутил полное доверие. Единственная грозящая им при определенных обстоятельствах опасность – воздушные налеты с авианосца, и это вселяло в Гитлера огромную тревогу. Йодлю же он сказал, что крупные военные корабли на войне вообще излишни. Всегда подвержены большой угрозе быть атакованными самолетами или их торпедами, а сами эту угрозу предотвратить не могут. Фюрер, с одной стороны, был горд той боевой силой, которую Германия посылала в океанские просторы, а с другой – с опасением следил за плаванием таких гигантов.

Проведя два дня в Берлине, Гитлер затем заехал в Мюнхен, а вечером 9 мая оказался на Оберзальцберге. При отъезде бросил реплику, что хочет еще несколько дней насладиться покоем, ну а в июне он появится в Берлине свежим и отдохнувшим. Кейтелю и Йодлю тоже посоветовал «хорошенько отдохнуть в эти дни» перед нападением на Россию.

Полет Гесса в Англию

11 мая в первой половине дня к Гитлеру в «Бергхоф» явился адъютант Рудольфа Гесса Пинч и вручил ему письмо самого Гесса. Фюрер, еще лежавший в постели, быстро встал, поспешил в холл и прочел письмо. Потом спросил Пинча, известно ли ему содержание письма, и получил утвердительный ответ, после чего велел немедленно арестовать его вместе с другим адъютантом Лейтгеном и отправить их в концлагерь. Они нарушили приказ фюрера не спускать с Гесса глаз. Гитлер срочно позвал к себе Геринга, Риббентропа и Бормана. Геринг явился в сопровождении Удета. После долгого обсуждения фюрер несколько раз выразил надежду, что Гесс может погибнуть, рухнуть на землю. Особенно раздражал его тот факт, что Гесс, несмотря на объявленный ему запрет летать, сумел осуществить все приготовления к своей акции. В поведении Гесса Гитлер видел результат владевших тем «безумных взглядов».

В конце концов фюрер решил 12 мая публично сообщить о полете Гесса, так обосновав его поступок: «Оставленное письмо при всей его сумбурности носит, к сожалению, черты умственного расстройства, дающего повод опасаться, что партай-геноссе Гесс стал жертвой умопомрачения{222}. В ответ на это коммюнике англичане подтвердили приземление на своей земле Гесса и присовокупили, что он находится в добром здравии. Гитлеру осталось только опубликовать в бюллетене „Национал-социалистическая партийная корреспонденция“ дополнение к своему коммюнике. В нем говорилось, что „Гесс тяжело страдал физически“, прибегал к магнетизму и пользовался услугами астрологов. Публикация заканчивалась словами: „Это ровным счетом ничего не меняет в навязанном немецкому народу продолжении войны против Англии“. Больше в Германии об этом полете и о том, что привело к нему, ничего услышать было нельзя.

15 мая Гитлер собрал на Оберзальцберге всех рейхсляйтеров и гауляйтеров и проинформировал их об этом инциденте. Рейхсляйтеру Борману пришлось зачитать письмо Гесса вслух. Фюрер сказал по этому поводу несколько слов, заявив, что видит в поступке Гесса совершенно ненормальную интерпретацию нынешних политических условий. Гитлер назначил Бормана подчиненным ему лично начальником Партийной канцелярии.

Я знал Рудольфа Гесса вот уже четыре года по его посещениям Гитлера, а также и по многим другим случаям; известны были мне и его беседы с фюрером. Был ли Гесс

действительно подвержен в последнее время сумасбродным взглядам или, говоря точнее, находился не в своем уме? Я пришел к убеждению: такой ночной полет на двухмоторном самолете «Ме-110» мог совершить в одиночку только вполне здоровый и нормальный человек. Для меня Гесс являлся именно таким и полностью владеющим своими чувствами. Его желание установить контакт с англичанами для остановки войны казалось мне весьма нормальным и правильным. Гесс очень хорошо знал Гитлера и его мысли насчет ведения войны, особенно же точно – его намерение выступить против России. Я рассматриваю полет Гесса в Англию как его сомнение в благополучном исходе войны и как возникшее у него стремление непременно что-то предпринять, чтобы не допустить этого. Сам же я его сомнения разделял и в скором времени убедился, что так думал не только я один.

Крит

Май продолжал оставаться месяцем неспокойным. 20 мая парашютные и авиадесантные части генерала авиации Штудента приступили к захвату острова Крит. Эта рискованная операция затянулась до 2 июня. Только тогда весь остров оказался в немецких руках. Авиадесантные войска понесли тяжелые потери, сражаясь за каждый квадратный метр. Когда операции уже грозил срыв, Ешоннек полетел на Пелопоннес и лично возглавил командование. Он приказал немедленно начать переброску 22-й пехотной дивизии. Это стоило люфтваффе многих транспортных самолетов, но позволило за несколько дней значительно подкрепить наши силы на Крите. Англичане оставили остров. Наши парашютисты добились крупного успеха, имевшего исключительно важное значение для ведения войны в восточной части Средиземного моря.

23 мая я писал своему дяде: «С 20 мая война уже бушует на последнем куске греческой земли – на острове Крит. Нам удалось неожиданно высадить там парашютистов и десантников и овладеть рядом аэродромов. Туда уже доставлены по воздуху почти две дивизии для полного захвата острова. Английский флот попытался было вмешаться, но под нашими бомбами ему пришлось ретироваться. Черчилль начал уже что-то вякать насчет возможной сдачи острова. Бои здесь снова показали, что морской флот может быть введен в действие только при господстве в воздухе… Роммелю пока приходится под Тобруком нелегко. Но никаких опасений нет. Ведь захват Крита облегчит и его положение. Фюрер лично подобрал в свое время именно генерала Роммеля для выполнения этой задачи. А ведь сухопутные войска предлагали совсем другого генерала…»

Потеря «Бисмарка»

18 мая «Бисмарк» и «Принц Ойген» вышли из Готенхафена, пересекли Балтийское, а также Северное море и затем, обогнув Англию с севера, взяли курс на Атлантику. Чтобы не подвергнуть операцию опасности, военно-морской флот ничего об обоих кораблях не сообщал, а ждал известий со стороны противника. 24 мая «Бисмарк» потопил сильнейший британский корабль – ударный крейсер «Худ». Редер лично прибыл в «Бергхоф» доложить Гитлеру об этом успехе. Фюрер поздравил его, но проявил большое беспокойство. Вмешаться в ход событий больше уже не мог никто.

Плавание «Бисмарка» продолжилось именно таким образом, что подтвердило опасения фюрера. Английский флот, непрерывно наращивая число собственных кораблей, вошел в боевое соприкосновение с линкором и стал подвергать его атакам самолетов со своих авианосцев «Викториуз» и «Арк Ройял». Их налеты привели к тому, что скорость «Бисмарка» снизилась, хотя он и продолжал идти курсом на Сан-Назер, отстреливаясь от своих преследователей. 26 мая в первой половине дня самолет-разведчик вновь обнаружил «Бисмарк» и стал его преследовать. В предвечерние часы самолеты с «Арк Ройял» атаковали корабль и одна торпеда попала в цель, повредив рулевое устройство. «Бисмарк» потерял маневренность и стал двигаться по окружности. Британский флот приближался. В бой вступили три-четыре вражеских крейсера и два авианосца. Незадолго до полуночи адмирал Лютьенс дал радиограмму: «Корабль маневрировать не может. Будем биться до последнего снаряда. Да здравствует фюрер!».

В это время Гитлер и я сидели в небольшой жилой комнате «Бергхофа» и ждали новых донесений. В 0.36 была получена новая, адресованная лично ему радиограмма: «Сражаемся до последнего, веря в Вас, мой фюрер, и полные твердокаменной веры в победу Германии». Гитлер продиктовал мне свой ответ: «С вами – вся Германия. Все, что еще можно сделать, делается. Геройское выполнение вами вашего долга придаст нашему народу новые силы в борьбе за свое существование. Адольф Гитлер». Я немедленно передал этот текст по телефону военно-морскому командованию. В комнате воцарилась полная тишина, пока фюрер через какое-то время не нарушил ее. Он спросил меня, сколь велика команда, которой теперь придется погибнуть. Я ответил: 2300 человек.

В продолжение этой ночи Гитлером все более овладевали

злоба и гнев. Он говорил, что отныне не пустит в Атлантику ни одного линкора, ни одного крейсера. Из Берлина и с «Бисмарка» никаких известий больше не поступало. Между 2 и 3 часами ночи фюрер удалился. Совершенно подавленный, я отправился к себе и еще долго говорил с женой о той первой крупной потере в этой войне, которую понесли рейх и вермахт с гибелью «Бисмарка». В середине следующего дня военно-морской флот официально сообщил, что «Бисмарк» затонул{223}.

2 июня у фюрера состоялась на Бреннерском перевале продолжительная беседа с Муссолини насчет инцидента с Гессом, гибели «Бисмарка» и общих вопросов дальнейшего ведения войны. При этом о России Гитлером не было сказано ни слова.

4 июня поступила весть о смерти последнего германского кайзера{224}, Гитлер велел послать телеграммы соболезнования вдове и кронпринцу и назначил представителей партии и вермахта на похороны в Дорне: имперского комиссара по делам оккупированных Нидерландов имперского министра д-ра Зейсс-Инкварта и генерала авиации Христианзена, командовавшего там германскими войсками.

Сам же Гитлер принял 12 июня главу румынского государства Антонеску, посвященного в его планы относительно России и проявлявшего весьма большую заинтересованность в том, чтобы вновь завладеть Бессарабией. Поэтому он пообещал участвовать в военных действиях против России и собственными вооруженными силами. После аналогичных обещаний насчет Балкан Гитлер относился к ним очень настороженно и на это ничего не ответил.

Последние приготовления в канун 22 июня

На 14 июня Гитлер вызвал в Имперскую канцелярию командующих группами армий и армий, участвующих в Восточном походе. Потребовалась большая организационная работа, чтобы одновременное присутствие столь многих военачальников высокого ранга не бросалось в глаза. В полдень на доклад были вызваны генералы групп армий «Север» и «Центр», а к обеденному времени – генералы группы армий «Юг». Был установлен особый порядок въезда в Имперскую канцелярию. Некоторые машины заворачивали в ее сад с Вильгельмштрассе, а автомобиль Браухича – с Герман-Герингштрассе. Использовались и другие маршруты подъезда. Все прошло хорошо.

После нескольких приветственных слов Гитлер велел каждому командующему армии доложить свои намерения на первые дни боев и продолжение операции в своей полосе. В заключение о своих намерениях доложили командующие воздушных флотов. В этот долгий день фюрер получил соответствующее представление о силе соединении, числе танков и о многих подробностях. Перебивал он редко и слушал внимательно и тихо. Из докладов вытекало, что Красная Армия имеет количественное превосходство, но качество ее тем не менее – невысокое.

Отсюда делались оптимистические выводы относительно интенсивности предстоящих боев. И если все же большинство генералов было настроено против этого похода, причиной тому служило то, что тем самым начиналась война на два фронта, которую Германия, по всеобщему убеждению, долго выдержать и выиграть не могла.

Затем фюрер дал в своей квартире обед, воспользовавшись им для того, чтобы угостить фельдмаршалов и генералов длинной речью примерно на целый час. Гитлер говорил: эта война – война против большевизма. Он рассчитывает, что русский будет биться стойко и окажет упорное сопротивление. «Мы должны считаться с возможностью его крупных авиационных налетов, а потому следует организовать умную противовоздушную оборону. Наша люфтваффе наверняка достигнет быстро успехов и этим облегчит наступление соединений сухопутных войск. Самые тяжелые бои останутся позади уже примерно через шесть недель. Но каждый солдат должен знать, за что он сражается. Не за страну, которую мы

хотим захватить, а против большевизма, который должен быть уничтожен». Фюрер с едким сарказмом высказался по адресу англичан, которые договоренность с Россией предпочли договоренности с Германией. Это – политика XIX, но никак не XX века. При этих словах Гитлер указал на свой Союз со Сталиным, который являлся чисто политическим шагом, предпринятым ради Данцига и «коридора», чтобы вернуть рейху эти области без войны. Он продолжал: «Если мы войну эту проиграем, вся Европа станет большевистской. Если англичане этого не поймут и не осознают, они потеряют свою руководящую роль, а тем самым и свою мировую империю. Сейчас даже и представить себе нельзя, насколько сильно они в результате этой войны окажутся в руках американцев. Но совершенно ясно, что американцы видят в этой войне свой огромный гешефт».

В послеобеденное время Гитлер провел еще несколько собеседований с командующими соединений группы армий «Юг». Перед этой группой армий находилось особенно большое и подлежащее непрерывному расширению в ходе продвижения пространство. Фюрер говорил, что главные силы русских войск следует ожидать на центральном участке фронта. Если они будут разбиты, группа армий «Юг» получит оттуда подкрепления. Браухич и Гальдер не сказали в этот день ни слова.

21 июня Гитлер продиктовал Обращение к немецкому народу. В нем он изложил всю свою политику с начала войны. Он заявлял: «Новый подъем нашего народа из нужды, нищеты и позорного унижения происходил под знаком чисто внутреннего возрождения. Это никак не затрагивало Англию особенным образом, а тем более не угрожало ей. Тем не менее в данный момент вновь началась преисполненная ненависти политика окружения Германии. И внутри страны, и вне ее возник заговор евреев и демократов, большевиков и реакционеров с одной-единственной целью: не допустить образования нового германского народного государства, вновь ввергнуть рейх в состояние бессилия и нищеты».

Москва, утверждал Гитлер, несмотря на все дружественные разговоры, систематично готовится к началу войны. Сосредоточение наших войск на Восточном фронте завершено. «Задача этого фронта – уже не защита отдельных стран, а обеспечение самого существования Европы, что означает, спасение всех… Да поможет нам Господь в этой борьбе!».

В начале 1941 г. меня неоднократно спрашивали, знает ли русский или предчувствует ли он наше намерение напасть на него. На это я мог отвечать только одно: не знаю, но предполагаю, что его самолеты дальней разведки сосредоточение наших

дивизий на своей восточной границе обнаружили. Не ведают русские только, когда и где начнут действовать эти соединения.

Уже много лет спустя после войны я узнал от одного сторонника Герделера{225} , что он вместе с последним беседовал в ноябре 1940 г. с Молотовым в отеле «Кайзерхоф». Это, по его словам, был открытый и непринужденный разговор, в ходе которого оба они проинформировали русского министра иностранных дел о плане Гитлера напасть на Россию в 1941 г. Молотов не захотел этому верить и не придал такому высказыванию серьезного значения. Но так или иначе после поездки Молотова в Берлин в России в большом масштабе начались приготовления к войне. При вторжении в 1941 г. немецкие войска наталкивались на новые оборонительные сооружения, обнаруживали недавно устроенные аэродромы и т.п. Русские наше вторжение ожидали, но отнюдь не уже в 1941 г. Они ориентировались на то, что Гитлер нападет позже.

В последние дни перед походом на Россию фюрер становился все более нервозным и беспокойным. Очень много говорил, ходил взад-вперед и казался чего-то срочно ожидающим. Только в ночь с 21 на 22 июня, уже после полуночи, я услышал первую его реплику насчет начинающейся кампании. Он сказал: «Это будет самая тяжелая битва для нашего солдата в этой войне».

В течение последних дней перед нападением на Россию я пытался нарисовать себе общую картину состояния войны и представить, чего же можно добиться в ней в ближайшие месяцы. Война с Англией продолжалась. Фюрер планировал атаковать ее летом 1942 г. Прямое нападение на Англию я лично считал возможным не ранее осени 1942 г., если к тому времени удастся разбить русских. Я сомневался в правильности оптимистической оценки Гитлером ситуации с Россией. Прогнозировать ход операций против нее было делом трудным. Гораздо более угрожающим казалось мне развитие отношений с США. Я опасался, что ждать вступления Америки в войну остается уже не слишком долго. В результате мы получаем настоящую войну на два фронта. Если же до этого вступления американцев в войну нам обеспечить несомненную победу над русскими не удастся, мы, даже в самом благоприятном случае, сможем рассчитывать лишь на длительную и тяжкую войну на истощение, в исходе которой сомневаться не приходится. Итак, общее положение к началу этой борьбы с русскими я в нашу пользу никоим образом расценивать не мог. Но невероятно мощный германский фронт против России казался мне доказательством того, что наши противники прежде всего мобилизуют такую же мощь, чтобы выступить против нас. Это может продлиться долгие годы, а за

это время, верил я, мы сумеем разбить того или иного противника и тем самым высвободить силы для разгрома другого. Однако представление Гитлера о войне на Востоке было совсем иным, чем у сухопутных войск. Их командование ожидало традиционной войны, а он – борьбы против упорного и беспощадного врага. Характерным в этом отношении являлся его «приказ о комиссарах»{226}, требовавший от войск расстреливать на месте каждого попавшего в их руки комиссара. Этот приказ вызвал в военных кругах большое беспокойство, и я знал, что доведен он был не до всех войск. То было первой ставшей мне известной широкой оппозицией приказу фюрера. Но одновременно я осознал, что таким образом могут ведь систематически саботироваться и другие его приказы. Поводом к тому являлось наблюдаемое мною по различным случаям оппозиционное отношение Гальдера к указаниям фюрера и даваемой им оценке положения. Однако начальник генштаба предпочитал свою противоположную точку зрения открыто никогда не высказывать. У меня складывалось впечатление, что Гальдеру приходилось переваривать в себе и «проглатывать» бесконечно многое.

Вот так мы и начали весьма крупный поход без единства в руководстве и с находящимися на самых ответственных постах высшими командирами, далеко не все из которых тянули за один канат. Поэтому я видел огромную опасность для сулящей успех операции.

Глава IV

Июнь 1941 г. – сентябрь 1943 г.

22 июня 1941 г. начался поход Гитлера на Россию. Его план был таков: примерно за три месяца повергнуть Россию наземь, чтобы затем вновь повернуть против Запада. Так, считал он, ему удастся избежать войны на два фронта. Это была война Гитлера. Он пользовался величайшим благорасположением народа, и за ним стояла сила партии и ее формирований. Вот уже два года фюрер не проигрывал ни одной кампании и чувствовал себя уверенным в том, что выиграет и эту. Он даже говорил, что США еще подумают, вступать ли им в европейскую войну или нет.

Гитлер долго готовился к этой схватке, выбирал районы сосредоточения и развертывания войск по картам, изучал структуру русской армии и предполагаемые резервы ее вооружения. Ему была известна численность русских соединений, и он отдавал себе ясный отчет в том, что борьба будет очень суровой. Ожидая этой суровости от противника, он хотел навязать ее и собственным войскам. С той же жестокостью, с какой установили свою власть в России Ленин и Сталин, власть эта, на его взгляд, должна быть теперь сокрушена{227}.

«Волчье логово»

Эти и подобные мысли владели Гитлером, когда он в понедельник 23 июня в полдень зашел в вагон своего спецпоезда, чтобы отправиться в Восточную Пруссию. Прибыл он туда поздно вечером. Своей Ставке фюрер дал имя «Волчье логово». Построенная за зиму, она располагалась в небольшом лесу восточнее Растенбурга и была надежно замаскирована от авиации. Ядром всего сооружения служили десять бетонных бункеров, тыльная часть которых была покрыта бетонными плитами 2-метровой толщины и имела отсеки для сна. Передняя часть обеспечивала защиту только от осколков, и здесь находились помещения для работы. В бункере Кейтеля такое помещение несколько большего размера предназначалось для ежедневного обсуждения обстановки. В таком же по образцу бункере фюрера имелось специальное помещение размером поменьше для совещаний в более узком кругу. В центре лагеря находился бункер столовой с обеденным столом на 20 человек и небольшим приставным столом на 6 лиц. Вот здесь мы и обосновались на неопределенное время, здесь в первые дни огромной схватки с напряжением ожидали поступающие донесения.

Штаб оперативного руководства вермахта во главе с заместителем его начальника полковником Варлимонтом располагался на том же лесном участке несколько в стороне. Там стояли нормальные бараки и имелось несколько бункеров. Здесь размещался и комендант Ставки со своим штабом. ОКХ имело собственные блиндажи – в нескольких километрах к северо-востоку около железнодорожной линии, протянутой от Растенбурга до Ангермунда. Геринг же и ОКЛ оставались в своих поездах, постоянные стоянки которых находились около Гольдапа и Иоганнесбургской пустоши.

Одним из первых сообщений, опубликованных прессой насчет начала Восточной кампании, было заявление Черчилля. Он, всю свою жизнь являвшийся противником большевизма, теперь полностью встал на сторону России против Германии. «Мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером и его отродьем», – сказал он. Ничего другого фюрер от него и не ожидал.

Порядок дня в заградзоне I – так называлась та часть «Волчьего логова», где размещался фюрер, – осуществлялся в обычном ритме. Ежедневно в 12 часов начиналось Большое обсуждение обстановки, на которое Гитлер отправлялся в бункер Кейтеля или Йодля, находясь там, как правило, от полутора до

двух часов. На это обсуждение раз или два в неделю являлись Браухич, Гальдер и полковник генерального штаба Хойзингер. После обеда фюрер вел беседы или переговоры с гражданскими лицами по внутригерманским вопросам ведения войны. В 18 часов происходило послеобеденное обсуждение обстановки, которую докладывал Йодль.

Пищу фюрер почти всегда принимал точно в 14.00 и 19.30. Трапезы, если только он не ожидал важных визитов, растягивались часа на два. На застольных беседах в 1941-1942 гг. присутствовали обычно сопровождавшие рейхсляйтера Бормана мини-стериальный советник Генрих Хайм и д-р Генри Пиккер, которые стенографировали или записывали эти разговоры{228}. Все эти два года фюрер бывал за столом весьма раскованным и открытым. Случалось, сам поднимал какую-то тему, чтобы «посадить в лужу» кого-нибудь из присутствующих, касалось ли то страсти к охоте, верховой езды или актуального вопроса.

Пища на таких застольях подавалась в соответствии с действовавшими в вермахте продовольственными нормами; обед, к примеру, состоял из супа, мясного блюда и десерта. Гитлер питался по своему собственному, вегетарианскому, меню, блюда он выбирал утром за завтраком. Порой весьма затягивавшиеся трапезы заставляли нас, участников помоложе, выходить из-за стола пораньше остальных, чтобы заняться неотложной работой. Фюрер ничего неприличного в этом не видел. Рассаживались за столом всегда в одном и том же порядке. В центре, спиной к окнам, сидел Гитлер. Справа от него – имперский шеф печати д-р Дитрих, слева – Йодль, напротив – Кейтель. Справа от фельдмаршала – Борман, а слева – Боденшатц. Гости занимали места между Гитлером и Дитрихом, а также между Кейтелем и Боденшатцем. Застолье проходило зачастую в свободной и непринужденной атмосфере. Разговор велся открыто и без всякого принуждения. Если возникали представляющие общий интерес темы и мнение по ним высказывал сам фюрер, все замолкали. Бывало и так, что он говорил на какую-то тему полчаса, а то и целый час. Но это было исключением.

Первые успехи

В первые дни нашего пребывания в «Волчьем логове» Гитлер сводок вермахта еще не публиковал. Операции на Восточном фронте шли по плану. То тут, то там противник оказывал сильное сопротивление, которое вынуждены были сломить танки и артиллерия. Очень скоро выяснилось, что это упорное сопротивление объяснялось действиями особенно толковых русских офицеров или унтер-офицеров, а также комиссаров, которые держали своих людей в руках и в случае необходимости силой заставляли их сражаться, внушая при этом, что в. случае пленения те будут уничтожены немцами{229}.

Но картина боев первых дней, как и следовало ожидать, была различной. Под этим впечатлением я 28 июня подробно писал своему дяде:

«Сообщения о ходе нашего продвижения и операциях до сих пор не предаются гласности для того, чтобы не дать таким образом самому русскому представления о его собственном положении. Предположительно, их первая публикация начнется завтра.

Бои первых дней рисуют картину такую: Россия подготовилась к этой войне сильнее, чем мы предполагали.

Но только русский, видно, все-таки помышлял о годе 1943-м, чтобы к этому сроку полностью осуществить формирование и оснащение своих вооруженных сил.

Русская армия расположила свои наступательные группировки, состоящие из танковых и моторизованных соединений, сначала в районе Львова, потом – Белостока и, наконец, – у Ковно{230}. Оборонительные сооружения находились в состоянии строительства. Лишь северо-западнее Лемберга{231} в районе Рава-Русская и севернее Гродно были обнаружены долговременные укрепления, построенные по образцу нашего Западного вала, причем их первая линия была уже готова. Вторая же и третья линии обороны еще только оборудовались. Огромным успехом первых дней явилась внезапность. Она удалась по всему фронту – как сухопутным войскам, так и люфтваффе. Вражеские самолеты выстроились на своих аэродромах и были с легкостью уничтожены.

На главных направлениях действовали четыре крупные танковые группы. Генерал-полковник фон Клейст{232} наступал из района Люблина в направлении Ровно – Житомир, генерал-полковник Гудериан двигался, минуя Брест, на Минск, генерал-полковник Гот – от Гумбинена и Вильно{233} – тоже на Минск, а

генерал Гепнер – севернее Гумбинена через Ковно – на Дюнабург{234}. Часть танковой группы Гудериана вышла на Березину у Бобруйска. Ее вступление туда и соединение с другими частями Гудериана ожидается сегодня.

Русский бьется повсюду хорошо. Частично так стойко и отчаянно, что для наших войск – это ожесточенные бои. Главная причина тут, несомненно, – поведение большевистских комиссаров, которые с пистолетом в руках заставляют солдат сражаться, пока те не погибнут. Русская пропаганда добилась и того, что сумела внушить им, будто они борются с варварами и что каждый, попавший в плен, подвергнется расправе и убийству. Вот этим-то и объясняется, что многие солдаты, а особенно офицеры и комиссары, оказавшись в плену, кончают жизнь самоубийством – нередко, прижав к груди взведенную ручную гранату.

Продвижение наших войск шло ошеломляюще быстро. На северном фланге, в Литве, и в центре, в районе Белостока, противник – уже на грани распада. Командование частями полностью прекратилось. Сражаются еще только отдельные боевые группы, пытающиеся выбраться из котла. От Дюнабурга наши войска, видимо, будут быстро пробиваться к Пейпус-Зее{235}, чтобы там никто уже уйти не смог. Но самое сильное сопротивление русский оказывает на юге. Тут он имеет и хорошее командование. Рундштедт, командующий здесь нашими войсками, говорит, что еще ни разу за всю эту войну не имел перед собой такого хорошего противника. Но со вчерашнего вечера, кажется, и здесь сопротивление ослабевает. Поэтому надо спешить создать мешок. Полагают, что одна немецкая армия вместе с румынами пробилась из Северной Румынии вперед и установила связь с Клейстом.

Таковы, в общем и целом, первые операции. Ближайшими целями будут Донецкий бассейн, Москва и Ленинград. В войсках говорят, что русские производят отвратительное впечатление: какая-то беспорядочная смесь разных народов с азиатской внешностью и азиатским поведением…

Танки русских, а также их самолеты – плохи, и нашему оружию уступают. Они применяют танки и самолеты всегда только в узких рамках и в относительно малом числе. Поэтому наши войска уничтожают и сбивают их в таком большом количестве. Запас танков и самолетов, кажется, очень велик. Но наши войска во всем так сильно превосходят русские, что мы можем ожидать дальнейшие события с полной уверенностью в успехе».

Таково действительно было первое впечатление наших войск

о противнике. В эти дни я на «Шторьхе» вылетал на фронт, стремясь сам получить представление о происходящем. Например, в Литве одна наша часть двигалась через пшеничное поле. Повсюду шла стрельба. Но постепенно выяснилось, что в пшенице засело множество русских, не знавших, что им, собственно, делать. На лицах у них застыли страх и ужас: они считали, что сейчас их всех перебьют. Нашей части на самом деле пришлось с трудом брать этих солдат в плен; все они, по внешнему виду, были молодыми азиатами, которых бросили на фронт всего несколько недель назад.

29 июня Гитлер вновь документально урегулировал вопрос о преемственности: «На основании закона о преемниках фюрера и рейхсканцлера от 13 декабря 1934 г. отменяю все предыдущие распоряжения и назначаю своим преемником рейхсмаршала Великогерманского рейха Германа Геринга».

Июль проходил в Ставке фюрера под знаком весьма оптимистичного настроения. Гитлер убедился в правильности своих соображений. Браухич и Гальдер, а также Кейтель и Йодль ему не перечили. Разделяли ли все они его взгляды, мне было неясно. Гальдер даже (как нам теперь известно из публикации его ежедневных дневниковых записей) считал 3 июля кампанию против России выигранной (если не вообще законченной) всего за 14 дней. Сам я никак такого мнения не придерживался. Но и меня тоже поразило огромное количество военнопленных (группа армий «Центр» доложила 9 июля о 289 800 взятых в плен русских). Вместе с тем я видел, что число русских солдат не уменьшается, а постоянно возрастает. 16 июля Гитлер создал новое «Восточное министерство», компетенции которого распространялись на Россию и Прибалтику; во главе его был поставлен рейхсляйтер Розенберг{236}. Это решение привлекло к себе большое внимание: предвиделись кое-какие трудности, которые действительно со временем появились.

Мельдерс и Галланд

В июне Гитлер пожаловал подполковнику Мельдерсу – первому офицеру в вермахте – мечи и бриллианты к дубовой ветви Рыцарского креста Железного креста. В январе 1942 г. эту награду получил и Галланд. Оба, так сказать, «гнались» наперегонки. Фюрер принял обоих и не пожалел времени подробно обсудить с ними проблемы воздушной войны на Западе. Мне показалось, они хотели избавиться от своих тревог и опасений. Говорили оба откровенно и без боязни. Гитлер внимательно слушал. Галланд жаловался на то, что радио и пресса высказываются о королевском воздушном флоте в уничижительном и заносчивом тоне. В конце беседы фюрер – а было это в разгар зимнего кризиса на Восточном фронте! – дал Галланду понять, что сила русской армии уже сломлена. У меня до сих пор звучит в ушах вопрос, который задал мне Галланд: «Да так ли это?». Я ничего не ответил.

Споры о направлении главного удара

В эти июльские дни у меня сложилось впечатление, что Гитлер переоценивает оперативный успех Восточной кампании. Хотя число пленных, взятых группой армий «Центр», и было очень велико, русские просторы таили в себе неизмеримо крупные людские резервы. Следовало осознавать и то, что на этих широких просторах сосредоточение наших дивизий на направлениях главного удара становилось все более трудным и, прежде всего, требовало много времени. Идеи фюрера, еще с самого начала разработки оперативных планов против России, заключались в том, чтобы отнять у русского все балтийские порты, включая Ленинград, а на юге лишить его всего черноморского побережья вплоть до Ростова.

С целью обсудить данный вопрос еще раз с соответствующими главнокомандующими мы 21 июля вылетели в группу армий «Север». Генерал-фельдмаршал кавалер фон Лееб, который, по сути дела, с самого начала выступал против этой кампании, высказывался на сей раз весьма оптимистически и не усматривал никаких особых трудностей для своего продвижения вперед, после того как ему было обещано предоставить в его распоряжение дополнительно 3-ю танковую группу. Гитлер вновь подчеркнул, насколько важны для него захват балтийских портов и соединение через Ленинград с финнами.

Как выяснилось, командование сухопутных войск, а также группы армий «Центр» отстаивали такие взгляды насчет продолжения операций, которые Гитлер не разделял. Споры о том еще отнюдь не достигли кульминационной точки, когда фюрер в конце июля на несколько дней полностью выбыл из строя из-за заболевания. Для внешнего мира всячески затушевывалось, что он не участвовал в общих трапезах и не появлялся на текущих обсуждениях обстановки. Доктор Морелль намекал: речь идет о легком апоплексическом ударе. Не в порядке сердце и кровообращение, но ему все-таки удастся вскоре вернуть фюреру его прежнюю энергичность и работоспособность. Через несколько дней мы и впрямь смогли констатировать улучшение. Нам было приказано хранить насчет заболевания фюрера строжайшее молчание. Поскольку это критическое состояние его здоровья, могущее возыметь тяжелые последствия, меня сильно взволновало, я 30 июля все-таки рассказал о том моему брату.

3 августа мы вылетели к фельдмаршалу фон Боку в Борисов,

где находилось командование группы армий «Центр», и встретились там с Браухичем и Гальдером. Гитлер провел с ними подробные беседы. Обзор военного положения в России, силы противника и территориальные проблемы – вот что стояло на первом плане этих бесед. Браухич, Бок и Гальдер с особенной настойчивостью отстаивали такую точку зрения: группа армий «Центр» имеет только одну цель – захватить Москву. Они были настроены оптимистически: после нескольких дней, необходимых для пополнения вооружением и перегруппировок, данная цель может быть достигнута еще до начала плохого времени года.

Гитлер же мыслил по-иному. Он указал на свой неоднократно высказывавшийся еще до начала похода на Восток план: остановиться в центре всего огромного фронта наступления за Смоленском и силами группы армий «Север» взять Ленинград, а группы армий «Юг» – Ростов. Его намерением было начать из этих двух пунктов наступление на Москву, причем так, чтобы наступательные клинья сомкнулись восточнее ее. Несмотря на длительное обсуждение, решения принято не было.

Борисов запомнился мне и еще по одной причине. Два принца из прусской и вельфской династий, которых я знал по совместной военной службе, заговорили со мной о приказе Гитлера, согласно которому все потомки прежде правивших королевских семей подлежали отчислению из действующих войск и использованию только в тыловых учреждениях. Приказ этот был мне известен, как и резкий и строгий комментарий фюрера к нему. В принципе он относился к ним уважительно и признавал их военные заслуги, но настаивал на том, что они должны вести себя сообразно новой форме государства, а поэтому он больше не может предоставлять принцам никаких привилегий. На это принцы мне возразили, что именно на такого рода привилегии они никогда не претендовали, а желают только одного: нести свою службу, как любой другой солдат-фронтовик. Однако помочь им я ни в какой форме не смог. Хотя они и проявили понимание, но с тех пор стали считать меня человеком второго сорта.

14 августа до нас дошла весть о том, что Рузвельт и Черчилль провозгласили на борту английского линкора «Принц Уэльский» «Атлантическую хартию». В статье 1-й ее говорилось, что США и Великрбритания отказываются от каких-либо территориальных и прочих приобретений в войне. Последующие семь статей содержали общие, но весьма разумно звучащие положения о «праве народов», о «мировой торговле», о «мире между народами» и неприменении «силы». Гитлер сразу же разгорячился и начал ее критиковать, особенно за статью 6-ю, в которой говорилось об

«окончательном уничтожении национал-социалистических тиранов». «Ну, это им никогда не удастся!» – воскликнул он.

Гитлер почти исключительно занимался продолжением операций в своем духе. Против этого всеми средствами боролось ОКХ. 18 августа Браухич в памятной записке «Дальнейшее ведение операций группы армий „Центр“{237} выступил за немедленное продолжение наступления на Москву. Обе танковые группы – Гудериана и Гота – нуждаются в основательном пополнении и отдыхе. Наступление это предлагалось вести в течение двух месяцев.

Ответ Гитлера 21 августа, выражавший противоположное мнение, гласил: «Соображения главнокомандования сухопутных войск относительно дальнейшего ведения операций на Востоке от 18 августа не согласуется с моими планами. Приказываю: 1. Главнейшей задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на Донце и лишение русских возможности получения нефти с Кавказа; на севере – окружение Ленинграда и соединение с финнами»{238}. Далее следовали еще четыре пункта, в которых он определял задачи каждой из трех групп армий. Гальдер дословно внес данные указания фюрера в свой военный дневник, предусмотрительно добавив от себя: «Они являются решающими для результата этого похода».

Длительные споры между Гитлером и ОКХ изматывающе действовали на нервы. Я очень хорошо помню указания фюрера перед началом похода. Он вновь и вновь подчеркивал свое представление о продолжении операций против Ленинграда и Ростова. Неоднократно повторял: Москва должна пасть только при второй операции – предположительно, лишь в 1942 г. Возникшее же сейчас противоречие затрагивало, таким образом, те суждения ОКХ, которые были хорошо известны еще со времен до начала войны против России. В этот спор оказался вовлечен и генерал-полковник Гудериан. Фельдмаршал фон Бок счел необходимым направить его как командующего 2-й танковой группой к Гитлеру, чтобы он лично показал фюреру необходимость наступления на Москву. 25 августа тот прибыл в Ставку, изложил ему свои соображения, но контраргументы Гитлера сильно подействовали на него. Сам же фюрер был в ярости. В результате этого спора обе стороны оказались вынуждены несколько отойти от своих взглядов. Не удалось ни взять Москву, ни осуществить план Гитлера. Драгоценное время было потеряно.

Муссолини и Хорти на фронте

В конце августа – начале сентября Гитлеру пришлось принять обоих своих союзников и что-то предложить им.

Сначала в группу армий «Юг» прибыл Муссолини, посетивший действовавшие на этом участке фронта итальянские войска. 23 августа фюрер принял его в «Волчьем логове», а затем вместе с ним выехал в Брест и далее – в свою южную штаб-квартиру. 28 августа оба государственных деятеля вылетели в группу армий «Юг» и вместе побывали в итальянских дивизиях, которые находились на марше к фронту. Визит этот оказался совершенно безрадостным. Муссолини не имел никакого представления ни о Восточном фронте, ни о тех проблемах, которые волновали Гитлера в тот момент. После отъезда гостей фюрер в узком кругу офицеров высказал свое разочарование. Он знал: итальянцы на Восточном фронте ничего сделать не смогут и на их боевую силу никак не рассчитывал. Но фюрер все-таки попытался как-то настроить немецких офицеров на положительное отношение к своим итальянским союзникам. Гитлер говорил открыто и о сокровенных долгих разговорах с дуче, подчеркивая, что пока необходимо «поощрять» итальянцев, ибо бои в Средиземном море еще не закончены.

С 6 до 8 сентября по приглашению Гитлера в Ставке находился венгерский регент адмирал Хорти. Фюрер обрисовал ему положение на фронте и имел с ним несколько бесед по различным проблемам, связанным с широкомасштабной войной. О подробностях он умалчивал. Хорти посетил также Геринга и Браухича, а потом вместе с фюрером совершил поездку в Мариенбург. Там Гитлер в довольно торжественной обстановке вручил ему Рыцарский крест. Затем мы с фюрером вернулись в Ставку. Всегда было очень интересно выслушивать высказывания Гитлера о каком-либо государственном госте, будь то похвала или критика. В данном случае он сказал, что с его стороны это был чисто политический жест по отношению к гостю. Для ведения войны Гитлер от венгров не ожидал ровным счетом ничего. Но для порядка на Балканах ему нужен был благожелательный сосед. Особенно важными для него являлись коммуникации с нефтяным районом Плоешти, без которого Германия обойтись не могла. Так что фюрер результатом этого визита остался доволен.

В августе я вместе со Шмундтом летал в район действий группы армий «Север». Гитлер распорядился, чтобы танковая группа Гота передала этой группе один свой корпус для захвата Ленинграда. Группа армий «Центр» воспротивилась этому и

доложила, что данный корпус нуждается в доукомплектовании и довооружении, без чего небоеспособен. Но фюрер настаивал на своем приказе и поручил Шмундту побывать в 39-м танковом корпусе во время его переброски походной колонной с центрального участка фронта на северный, а также переговорить с его командиром генералом танковых войск Рудольфом Шмидтом и получить ясное представление о состоянии этого соединения. Мы полетели на «Шторьхе» и быстро оказались на командном пункте корпуса. Генерал принял нас очень дружелюбно и непринужденно, но пришел просто в ужас от всего, чего мы наслушались о якобы плохом состоянии его корпуса. Единственное, на что он жаловался, так это на то, что при уходе с прежних позиций у него забрали все его корпусные части; это страшно разозлило его, и он просил Шмундта вернуть их ему. Однако дивизии его оказались в безупречном порядке и боеспособном состоянии. Мы вылетели обратно в «Волчье логово» и доложили обо всем фюреру.

О боях, которые пришлось вести в августе группе армий «Юг», поступали доклады и донесения, верить которым порой было трудно. Даже сам Гитлер был настроен по отношению к ним недоверчиво и поэтому послал меня в 16-ю танковую дивизию генерала Хубе, действовавшую вблизи Николаева. Вернувшись, я доложил фюреру о моем разговоре с Хубе о действительном положении.

Досадный инцидент с Канарисом

К числу посетителей, часто бывавших в то время в «Волчьем логове», принадлежал и адмирал Канарис{239}, который являлся на доклад Кейтелю и Йодлю. Однажды он о чем-то побеседовал со Шмундтом, и тот потом рассказал мне о чем шла речь. Начальник абвера сообщил ему, что за несколько недель до начала Русской кампании моя жена, говоря по телефону из Берлина со своей сестрой, проживавшей в отцовском имении около Хальберштадта, сказала ей: 22 июня Гитлер нападет на Россию. Шмундт доложил сказанное Канарисом фюреру, который от этой истории буквально отмахнулся, небрежно махнув рукой. Шмундта реакция Гитлера просто поразила. Но если бы Шмундт рассказал мне об этом эпизоде до того, я смог бы ответить ему только одно: к тому моменту дата нападения еще даже не была определена и зафиксирована, а потому слова Канариса о телефонном разговоре моей жены не соответствуют фактам. Об этой истории я никогда не слышал ничего ни от фюрера, ни из какого-либо органа.

«Окончательное решение»

В августе, по желанию Гитлера, впервые появился в его Ставке Геббельс. За два дня своего пребывания он несколько раз встречался с фюрером наедине. Только постепенно просочилось, что они обсуждали еврейскую проблему. Геббельс и Гейдрих настаивали на ее немедленном решении. Геббельс уже проводил выселение из Берлина все еще проживавших в нем 70 тысяч евреев и хотел обеспечить себе согласие Гитлера на свои меры. Фюрер же к этому пока готов не был и согласился (насколько мы слышали) только на то, чтобы евреи носили особый опознавательный знак. В «Имперском законодательном вестнике» было опубликовано распоряжение полиции от 1 сентября 1941 г.: всем евреям предписывалось носить на одежде видную издали желтую шестиконечную звезду. Принципиальному же решению эта проблема подлежала только по окончании похода на Россию, причем, как указывалось в распоряжении, «великодушным образом».

Невероятный цинизм этого определения я понял только после войны, когда летом 1945 г., а затем на Нюрнбергском процессе главных военных преступников стал известен весь масштаб уничтожения евреев. О том, что одновременно с данным распоряжением был открыт путь и начата подготовка к «окончательному решению», в котором Геринг играл значительную роль как носитель своих гражданских функций, а также о том что позади линии фронта специальные оперативные группы и экзекуционные команды СС и полиции в огромном количестве расстреливали евреев (а с декабря 1941 г. в еще большем масштабе – во всех захваченных европейских странах) – обо всем этом я и не догадывался, а о «Ванзейской конференции»{240}, состоявшейся 20 января 1942 г., вообще ничего не знал.

Разумеется, после войны, уже в плену, беседуя с другими офицерами, я стал припоминать многие относящиеся к военным годам признаки, которые, собственно, уже тогда должны были бы заставить меня задуматься, скажем, насчет становившихся все более резкими антисемитских выходок Гитлера или брошенных мимоходом реплик высоких чинов СС. Как и многие другие, я верил тогда в то, что выдвигалось в качестве причины для остававшейся неизвестной мне лично депортации евреев на Восток; не знал я и того, что там их использовали как рабочую силу в важных военных целях. Учитывая усиливающееся использование иностранного и германского трудового

потенциала, мне казалось это вполне допустимым. Ныне я знаю, что пребывал в ужасном заблуждении. Не могу осмыслить, каким образом удавалось скрывать это массовое убийство под непроницаемым покровом тайны. Поскольку моя семья, как и семья жены, не имели никаких друзей или знакомых среди евреев и жили во время войны в некоторой изоляции, непосредственно до нашего слуха ничего об этом не доходило даже через других родственников, друзей или сослуживцев.

Здесь оказал свое воздействие и «приказ фюрера № 1» от 1940 г. При такой системе, как национал-социалистическая диктатура с ее отлично функционирующей тайной полицией, не останавливавшейся перед репрессиями и против военных, на определенные темы было наложено табу, причем в нашем кругу тоже.

Однако я, даже и без документальных доказательств, твердо убежден в том, что уничтожение евреев осуществлялось по категорическому указанию Гитлера, ибо немыслимо предположить, что Геринг и Гиммлер предприняли бы нечто такое без его ведома. Конечно, Гиммлер не информировал фюрера о каждой детали, но в этом деле действовал с его одобрения и в полном согласии с ним.

Осень 1941-го: Россия, протекторат, Северная Африка

Несмотря на споры с ОКХ, военное положение летом 1941 г. Гитлер оценивал весьма позитивно. Он придерживался взгляда, что Сталин окажется вынужден в течение сентября бросить на фронт свои последние резервы. Если эти соединения будут обескровлены, упорное сопротивление прекратится, а нашим войскам останется только маршировать вперед. Этот оптимизм в отдельные дни был оправдан, но потом опять стали поступать донесения об упорном сопротивлении и тяжелых боях. В целом же Красная Армия находилась в состоянии отчасти регулируемого, а отчасти нерегулируемого отступления.

Все еще оставался открытым вопрос, следует или нет осуществить наступление на Москву в этом году. Гитлер был против, но уступил настояниям сухопутных войск. 6 сентября Йодль передал войскам директиву Гитлера № 35. В ней говорилось о проведении «решающей операции против группы армий Тимошенко, которая безуспешно ведет наступательные действия перед фронтом группы армий „Центр“. Она должна быть решительно разгромлена до наступления зимы в течение ограниченного времени, имеющегося еще в распоряжении […]. После того как основная масса войск группы Тимошенко будет разгромлена в этой решающей операции на окружение и уничтожение, группа армий „Центр“ должна начать преследование противника на московском направлении […]»{241}. Выражалась уверенность в том, что в результате данного сражения у врага больше не будет значительных сил для обороны своей столицы{242}. Об этом докладывалось и при обсуждении обстановки.

2 октября Гитлер выехал в Берлин на открытие очередной кампании «Зимней помощи» и, как обычно, обрушился в своей речи с резкими нападками на Англию. Говоря о походе на Россию, он утверждал, что на сей раз не только Германия, но и вся Европа была «на волоске» от грозившего уничтожения большевизмом. «Я смею это сказать сегодня потому, что этот противник уже сломлен и больше никогда не поднимется. Он сосредоточил также и против Европы такую силу, о которой, к сожалению, большинство не имело да не имеет и ныне никакого представления. Это стало бы вторым нашествием монголов нового Чингизхана».

Закончив речь, фюрер сразу же выехал обратно в Восточную

Пруссию. Он полностью был захвачен событиями на Восточном фронте. Двойное сражение на окружение войск противника под Брянском и Вязьмой (2-12 октября) должно было создать благоприятные исходные позиции для дальнейшего наступления. Итоги его были огромны. Взято свыше 600 тысяч пленных, захвачено множество танков и орудий. Казалось, путь в русскую столицу открыт. Но тут, несколько ранее обычного, начался период осенней распутицы. К тому же немецким войскам требовалось время для пополнения. До этого дело так и не дошло. Многие соединения, в большей или меньшей мере, завязли в грязи и трясине. Русские воспользовались временем для того, чтобы быстро залатать бреши наскоро сколоченными частями и возобновить сопротивление. Таким образом, пришел конец продвижению немецких войск. С этого момента на основе ложных слухов и глупой болтовни стал все шире распространяться пессимизм, всякими различными путями докатившийся до Ставки и самого Гитлера.

В конце сентября произошло большое изменение в управлении протекторатом Богемия и Моравия, вызвавшее много разговоров. Обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих фактически сменил барона фон Нейрата. У Гейдриха имелась репутация способного и решительного эсэсовского фюрера, а его первые же меры по разгрому чешского движения Сопротивления лишь подчеркнули сам собою сложившийся образ радикального и бескомпромиссного национал-социалиста. С ближайшими своими задачами в Праге он справился с большой сноровкой, отнюдь не прибегая к одним только жестким полицейским способам. Гейдрих добился того, что эта область оставалась спокойной, военное производство шло без помех и стали возникать позитивные отношения между немцами и чехами.

Пока в России шла серия богатых успехами боев, в Северной Африке Роммелю пришлось испытать значительные неудачи. Английские войска были усилены; с германо-итальянским братством по оружию не очень-то ладилось. Имелись и серьезные трудности со снабжением. Таким образом, летом 1941 г. дела у Роммеля сложились неблагоприятно, и он, не выдержав натиска американцев, вынужден был отступить. Известия из Африки Гитлер особенно серьезно не воспринимал. Зная Роммеля, он верил, что тот однажды перейдет в наступление даже и без крупных подкреплений.

Вопросы вооружения люфтваффе

С самого начала похода на Россию у меня, собственно, каких-либо особенных задач не имелось. Люфтваффе с ее обновленными соединениями была перебазирована на Восточный фронт; в первые дни этой кампании она атаковала аэродромы русской авиации и разбила ее соединения. Дальнейшая деятельность люфтваффе в значительной мере заключалась в поддержке сухопутных войск. Тут особенно отличился 8-й авиационный корпус генерала барона фон Рихтхофена, что объяснялось в первую очередь самой личностью этого генерала. Он целыми днями находился в небе, летал сам – большей частью на «Шторьхе» – от одной горячей точки к другой и, таким образом, был в курсе дел на земле получше иного командира армейского корпуса или командующего армии. Иногда это приводило к стычкам, в которых он чаще всего одерживал верх. Лично я в эти летние месяцы часто находился в соединениях люфтваффе, и у меня сложилось впечатление, что сухопутные войска проворонили не одну хорошую ситуацию. Но, как я сам смог убедиться, это объяснялось огромными расстояниями и множеством задач, обрушившихся на войсковых командиров-сухопутников. Люфтваффе же проявляло мало понимания этого.

Я часто бывал у Ешоннека, к которому имел постоянный доступ, а потому и возможность получать от него всестороннюю информацию. Ешоннек был в отчаянии от того, что программа выпуска нового вооружения для люфтваффе постоянно отодвигалась на будущее. Он говорил, что времени теперь терять нельзя, ибо за последний период состав и вооружение ее фронтовых соединений понесли большие потери и ослабли. Программа Ешоннека предусматривала значительное повышение уровня производства, поскольку центром тяжести для люфтваффе, на его взгляд, по-прежнему являлся Ла-Манш в борьбе против Англии. Ешоннек утверждал, что если Гитлер данную программу выполнить не пожелает, то уже только по одному этому войну никогда не выиграет.

Я разговаривал об этом с Гитлером. Хотя он и сознавал важность проблемы, но отвечал: прежде всего надо обеспечить необходимым оружием сухопутные войска, а эта акция может быть закончена лишь весной 1942 г.; вот тогда и высвободятся производственные мощности для люфтваффе. Я сообщил фюреру и о том, что в настоящее время английские воздушные налеты стали относительно незначительными, но мы должны считаться и с возможностью новых, более сильных. Он понимал это, но

полагал, что люфтваффе сможет преодолеть создавшееся напряженное положение. Я с этой точкой зрения согласиться не мог и возражал ему, в ответ на что он сказал: следует обсудить данный вопрос с Герингом.

Мои задачи как адъютанта по люфтваффе приобрели теперь иное измерение. Я перестал получать указания по своей работе и сам выискивал для себя дела. До недавних пор Гитлер интересовался только числом боеспособных самолетов. Теперь он стал задавать вопросы, к какому времени будут вооружены и оснащены новые соединения, когда будет пополнен их самолетный парк и т. п. Таким образом, я был обязан постоянно находиться в курсе вооружения люфтваффе и корректировать свои данные. Наблюдение за вооружением зенитной артиллерии мне, скажем прямо, доставляло мало радости, но делать это приходилось, ибо фюрер по особым причинам придавал этому очень большое значение. На Восточном фронте противник в значительном числе применял танки с более толстой броней, чем у прежних, и ее можно было пробить только 88-миллиметровыми зенитками, иначе успешную борьбу с ними было вести невозможно. Гитлер с особым нажимом сказал, что поэтому на Восточном фронте все действующие корпуса зенитной артиллерии должны быть полностью вооружены такими пушками, дабы успешно вести наземную противотанковую борьбу.

1 ноября мы с Гитлером поехали в ОКХ, где была устроена выставка зимнего обмундирования. Генерал-квартирмейстер{243} сухопутных войск генерал Вагнер заверил, что подготовка его идет полным ходом и войска будут этим обмундированием полностью обеспечены. Фюрер принял это к сведению и казался удовлетворенным. 7 ноября он отправился в Мюнхен, чтобы, по обыкновению, выступить перед «старыми борцами» 1923 г. 9-го он выступил также перед рейхсляйтерами и гауляйтерами, а затем немедленно вернулся в «Волчье логово».

Лечение в Констанце

В Мюнхене мне временно пришлось с Гитлером расстаться, так как потребовалось отправиться на длительное лечение в Констанцу. Четыре недели до 8 декабря тянулись томительно, без особых событий, но я продолжал, насколько возможно, внимательно следить за ходом военных действий. Мне казалось, что на Восточном фронте продвижение наших войск приостановилось. Новостей я получал мало, и доходили они до меня из газет. Но особенно потрясли меня вести о смерти Удета и Мельдерса. Удет, как сообщалось, разбился 17 ноября, а Мельдерс погиб 22-го.

Когда я прочел в прессе известие об Удете, меня сразу же озадачила приведенная причина его смерти. Гибель в авиационной катастрофе я счел исключенной, а потом узнал из Берлина, что в действительности Удет покончил жизнь самоубийством. Его смерть очень взволновала меня. Я хорошо знал Удета с тех времен, когда он еще не находился снова на действительной военной службе. Это был на редкость достойный уважения камерад, но Геринг дал ему неподходящую для него задачу. Да он и сам замечал, что в качестве генерал-мейстера самолетостроения не отвечал повышенным напряженным требованиям войны, но тем не менее хотел оставаться на этом посту и не был готов уйти. Удет был холостяком и любил всегда окружать себя друзьями, которые последнее время поддерживали его и словом и делом, но сам он видел все в другом свете и повлиять на него было невозможно. Самоубийство Удета не оставило равнодушной всю люфтваффе.

Мельдерс же погиб 22 ноября во время полета на похороны Удета при промежуточной посадке в Бреслау{244} многомоторного самолета, который вел не он. Его смерть явилась тяжелой потерей, особенно для летчиков-истребителей.

Объявление войны Соединенным Штатам Америки

9 декабря я с женой ранним утром приехал на Ангальтский вокзал в Берлине и сразу услышал из репродуктора обращение к пассажирам срочно освободить перрон. Я знал, что именно на эту платформу обычно прибывает в столицу рейха спецпоезд фюрера, и предположил его приезд. Приехав домой, я тут же позвонил в Имперскую канцелярию. Я оказался прав. Быстро переодевшись в военную форму, я отправился туда. Я даже и понятия не имел, насколько сильно изменилось за это время политическое положение и что ожидает меня в ближайшие недели.

Доложил Гитлеру о своем прибытии. Он встретил меня очень дружелюбно, спросил о моем самочувствии. В квартире фюрера царило оживление. Я попытался поскорее получить представление о последних событиях. Самым важным было нападение японцев на Перл-Харбор – базу американского военно-морского флота на Тихом океане. Без объявления войны утром 7 декабря японские самолеты нанесли удар по этому крупному порту и потопили несколько американских линкоров, авианосцев и других боевых кораблей. Фюрер увидел в этом шаге японцев сигнал для объявления войны Америке. Я просто ужаснулся его явной неосведомленности насчет американского военного потенциала, который в конечном счете решил исход Первой мировой войны.

В этом выразился политический дилетантизм Гитлера, проявилось его недостаточное знание зарубежья. Он полагался на то, что Америка в обозримый период – также и ввиду столкновения с Японией – не сможет вступить в войну на Европейском континенте, и был уверен в успехе (как это назвал позже историк Андреас Хильгрубер) своего «мирового блицкрига»{245} – то есть в том, что сумеет быстро победить всех противников одного за другим. Вероятно, Гитлер также считал (поскольку в это время по различным поводам заявлял о необходимости более тесного германо-японского взаимодействия), что должен помочь японцам, а это, по-моему, было за гранью реального. Каким образом формировал он свои внешнеполитические взгляды (скорее, по собственному желанию, чем в соответствии с действительностью), так и осталось для меня неизвестным. Предполагаю, что, хотя бы временами, фюрер испытывал сильное влияние со стороны Риббентропа, представление которого обо всем мире не очень-то сильно

выходило за рамки Европы. Когда позже из-за попытки Риббентропа вести самостоятельную политику в отношении России у Гитлера произошел временный разрыв с ним, предпочтительным собеседником фюрера по внешнеполитическим вопросам стал посол Хевель.

Зимний кризис

День моего возвращения прошел в большом волнении. В Имперской канцелярии, в надежде узнать непосредственно от Гитлера самые последние новости о военном положении, собралось множество посетителей. Но на сей раз фюрер был замкнут. После обеда у него состоялись беседы с Риббентропом, Гиммлером, Тодтом и Геббельсом. Затем помещения опустели, Шмундт передал мне текущие дела, и я остался в одиночестве.

В тот день фюрер часто разговаривал со мной, а вечером долго ходил взад-вперед по Зимнему саду. Его занимали главным образом вопросы главнокомандования сухопутными войсками. Уже давно сотрудничество с Браухичем характеризовалось недостаточным доверием фюрера к нему. Гитлер искал преемника. Шмундт порекомендовал ему на некоторое время принять главнокомандование сухопутными силами на себя. Фюрер поначалу противился, но, увидев, что после объявления им войны США возникло новое положение, уже сильнее склонялся к тому, чтобы согласиться со Шмундтом. Гитлер сказал, что многим генералам нужна передышка. 1 декабря ему пришлось освободить от должности Рундштедта, внушает опасения Гудериан: совсем «свихнулся». Группа армий «Юг» получила Рейхенау, этому генералу он доверяет полностью.

В эти дни Гитлер с большой тревогой рассматривал положение группы армий «Центр». Он предполагал, что русские намерены осуществить крупное контрнаступление. Клюге постоянно заговаривал об отходе. «Куда же он хочет отходить? – вопрошал фюрер. – Подготовленных тыловых позиций у нас нет. Войска должны держаться там, где они стоят». Затем следовали обвинения по адресу организации снабжения сухопутных войск. У них нет зимнего обмундирования, никакой защиты от холода и никаких средств для достаточного обеспечения. А ведь именно люфтваффе обязана была доставить нашим соединениям все необходимое для зимы.

Дальнейшие жалобы Гитлера касались танков. Русские наступают теперь повсюду с большим количеством танков «Т-34», против которых сухопутные войска оборонительного оружия не имеют. Наш танк «Т-IV» с его короткоствольной пушкой в борьбе с этим танком испытывает большие трудности. «Не имей мы наших 88-миллиметровок, русские танки делали бы что хотят!». Русские создали в виде этого танка серьезное оружие. Фюрер, правда, еще не знал, в каком множестве «Т-34» теперь производится. Но вскоре, в 1942 г., выяснилось, что он применяется во все

возрастающем количестве. Наш выпуск танков, говорил он мне, удовлетворителен, но мы его должны еще более ускорить. Гитлер упомянул и об американских поставках русским. Теперь вот подтвердилось, что американцы уже давно снабжают их грузовыми автомашинами и продовольствием. Грузовики из Америки наши войска уже обнаружили.

Гитлер был целиком захвачен самыми последними событиями на Восточном фронте и постоянно задавался мыслью, как помочь нашим войскам. Он вновь и вновь твердил: «Они должны стоять там, где находятся, и не делать ни шага назад!». В результате этого разговора с фюрером я неожиданно оказался посвященным в роковой ход нападения на Россию.

На 15 часов 11 декабря Гитлер созвал рейхстаг, где произнес очень длинную и подробную речь{246} об общем политическом положении, но без выделения особенно заметных кульминационных точек.

В полдень 16 декабря мы уже снова были в «Волчьем логове» и обнаружили внушавшее нам опасение непросматриваемое положение на фронте. В ночь с 16 на 17 декабря Гитлер окончательно решил взять на себя главнокомандование сухопутными войсками. Решение это фюрер принял после длившихся целый день размышлений. Шмундт приветствовал шаг фюрера, ибо он положил конец ежедневной борьбе с Браухичем{247}. Еще раз мелькнула мысль доверить этот пост Манштейну или Кессельрингу. Но Гитлер отверг ее, ибо характер Манштейна его не устраивал, а Кессельринга как раз предусматривали назначить командующим соединений люфтваффе на Средиземном море. Ввиду обстановки в Италии фюрер не хотел производить здесь никаких неожиданных изменений.

18 декабря Гитлер заменил командующего группой армий фельдмаршала фон Бока{248} фельдмаршалом фон Клюге. День прошел в оживленных телефонных переговорах; во всех них звучали слова о необходимости отвода войск группы армий «Центр» под сильным нажимом русских. Гитлер не пожелал сделать ни шагу назад и приказал удерживать линию фронта. В период между Рождеством и Новым годом был отставлен по желанию Клюге Гудериан. Между обоими генералами издавна существовали такие противоречия, что они были несовместимы. Фюрер ежедневно проводил многочасовые обсуждения с Гальдером, тема всегда была одна и та же: держаться или отходить? В промежутках принимались паллиативные меры для подброски новых формирований на особенно угрожаемые участки фронта, сам же фронт изыскивал последние резервы. В ночь с 30 на 31

декабря Гитлер больше двух часов говорил с Клюге по телефону. Тот хотел отвести линию фронта своей группы армий на 35 км. Фюрер запретил и еще раз приказал: ни шагу назад. Тем самым он, вне всякого сомнения, спас ситуацию, хотя в ближайшие дни и недели еще предстояли тяжелые кризисы.

После объявления войны Соединенным Штатам мы знали: против нас воюет весь мир. Когда я осознал это, верить в победу мне стало трудно. В Германии началось сильное расслоение мнений. Наибольший лагерь все еще составляли люди, которые видели прежние успехи Гитлера и теперь не могли и не хотели поверить, что этот человек, вновь давший Германии мировой авторитет, пошел по ложному пути. Среди них было много и таких, кто больше уже не ждал очевидной победы, но говорил: превосходство фюрера настолько велико, что он найдет путь во благо рейха. К ним принадлежали и те (и их было немало), кто вообще не имел собственного мнения и воспринимал все как есть, причем им было безразлично, какой оборот примет судьба.

Мал, даже очень мал, был круг тех, кто ясно осознавал огромную беду для Германии, кто говорил об этом и желал идти на риск переворота. То были отдельные лица из среды церкви обеих конфессий, земельного дворянства, дипломатии, а также чиновники и офицеры. Государственная тайная полиция знала об этих кругах и была в курсе их деятельности. Большинство имен значилось в ее картотеках. Но она ничего не предпринимала, ибо число таких людей было слишком незначительно да к тому же признаков их каких-либо акций не имелось. Сам Гитлер был информирован об этом Гиммлером, и имена его активных противников ему были в общем и целом известны. В заканчивавшемся году все мы были свидетелями того, с какой силой фюрер своими речами и действиями противостоял этим критическим течениям. Однако неудивительно, что во время зимнего кризиса 1941-1942 гг. сомнения и критика постоянно возрастали.

Сепаратный мир с Россией?

Тогда я был убежден в том, что Советский Союз, переживший с июня такие тяжелые удары, не сможет быстро прийти в себя. С моей точки зрения, еще имелся шанс разбить Россию, прежде чем Америка с ее крупным потенциалом вступит в это столкновение. Насколько я мог судить, таков был и взгляд Гитлера в то время. Он твердо верил, что разгромит Россию в 1942 г.

В этой трудной ситуации Риббентроп советовал Гитлеру заключить с Россией мир. Риббентроп полагал, что (насколько он знает Сталина и его сотоварищей по 1939 г.) еще не все возможности такого мира потеряны. Он очень обстоятельно говорил с фюрером на эту тему. Гитлер же считал заключение мира со Сталиным делом из области невозможного.

Перенапряжение сил

В новогоднем обращении к немецкому народу и приказе солдатам вермахта Гитлер указал на тяжелое положение, в котором находится Германия в эти зимние месяцы, но не оставил и тени сомнения, что вновь овладеет инициативой и отвоюет немецкому народу жизненное пространство, необходимое для его существования. «Тот, кто сражается за жизнь своего народа, за его хлеб насущный и свободу, победит! А тот, кто со своей еврейской ненавистью хочет уничтожать народы, будет повержен!» – провозглашал он в обращении к народу. Его приказ по вермахту заканчивался словами: «Кровь, пролитая в этой войне, должна, и в этом – наша надежда, быть последней для Европы на многие поколения! Да поможет нам в том Бог в наступающем году!».

Со времени своего прихода к власти в 1933 г. в эти зимние месяцы фюрер впервые увидел, как воздействует поражение, сильное вражеское сопротивление. Его жесткое вмешательство в командование армиями произошло в самый последний момент. Ему удалось не допустить превращения оперативного поражения в катастрофу. Немецкий солдат вновь обрел, благодаря сверхчеловеческим усилиям веру в собственную силу. Своей выдержкой в (по традиционным понятиям тактики) противоречащем здравому смыслу положении и успешной обороной против превосходящего раз в 20 противника наши войска укрепили собственное самосознание.

Сокращение линии фронта как предпринятый командованием оперативный вспомогательный маневр с целью вернуть себе свободу действий или сохранить свои силы Гитлер отвергал. Недоверие фюрера к генералам за минувшие недели чрезвычайно возросло и уже больше никогда не исчезало; это вызывало судорожную мелочную опеку с его стороны. Он оставлял за собой любое, даже самое небольшое тактическое решение. Мысль о том, что ему когда-либо следует покончить с этим положением, и что чья-то чужая воля может оказаться сильнее его собственной, была для фюрера просто непостижима и невыносима. Иначе быть не может и быть не должно! Говорили, – что именно болезненно-эгоцентричное поведение Гитлера и служило причиной прямого осуществления им военного командования. Я к такой точке зрения присоединиться пока еще не мог.

Не считающееся ни с чем перенапряжение людей и техники сделалось постоянным состоянием. Причиной тому был недостаток свежих отдохнувших дивизий. В 1941 г. Гитлер бросил на Восточный фронт все находившиеся в его распоряжении

дивизии. Никаких сколько-нибудь значительных резервов уже не имелось. Русское пространство было для вермахта слишком велико. Расстояние от Ленинграда до Эльбруса на Кавказе равнялось 3000 км. Гитлер предпринял поход на Россию, предполагая, что ему удастся сломить силы противника точно так же, как это удавалось в предшествующих кампаниях. В России все было по-другому. У противника имелись неисчерпаемые резервы. В эти недели и месяцы впервые выявилась недостаточность сил для поставленной Гитлером задачи.

Сегодня мы знаем: Сталин смог снять свои войска с дальневосточной границы потому, что шпион Рихард Зорге сообщил ему: японцы о войне против России не думают. Это, а также американская помощь дали ему силу, необходимую для того, чтобы выдержать германское нападение и, более того, заставить наши армии обороняться, а зимой 1941-1942 г. оттеснить их на грань пропасти.

То было крупным поворотом в войне. Но оптимизм Гитлера в этой силовой борьбе против всего мира никоим образом не понес ущерба, ибо он, как и прежде, верил в то, что англичане ради сохранения своей мировой империи от войны с Германией откажутся. Надежда весьма незначительная, но фюрер видел, что размах военных усилий все больше переходит к Америке. Отсюда он делал вывод о гегемонии США в будущем над всеми западными демократиями, включая и английскую. В весенние месяцы 1942 г. Гитлер все еще считал возможным удержать и укрепить свою силовую позицию.

Весной 1942 г. русские постоянно предпринимали наступления на различных участках фронта от севера до юга. Они, в некоторых местах прорывая немецкую линию фронта, добивались частных успехов, но решающих достигнуть не смогли. Демянский котел и окруженный Холм остались в нашей памяти как пример мужественной обороны их гарнизонов, снабжавшихся только по воздуху. В этом зимнем сражении были и такие выдающиеся солдаты и офицеры, которые борьбу за Германию считали само собою разумеющейся обязанностью, ибо до сих пор Гитлеру все удавалось. Почему же тому не быть и впредь, если каждый в отдельности будет делать все от него зависящее и биться до последнего! Фюрер отдавал должное этому личному мужеству.

Гитлер и генералы сухопутных войск

Гораздо хуже обстояло дело с отношением Гитлера к командованию сухопутных войск. Здесь, несмотря на неустанные попытки Шмундта, за редкими исключениями, никакого улучшения не наблюдалось. Говоря со своими старыми товарищами по борьбе, такими, как Борман, Гиммлер и Геббельс, фюрер выражался по адресу этих генералов отрицательно, а порой грубо и резко. Дело доходило до того, что большинство генералов, контактировавших с ним, Гитлера лично даже не знало или знало мало. Сами они вели себя корректно, но замкнуто и не находили подходящих слов, чтобы заговорить с ним о проблемах и трудностях. Мы, адъютанты, имели обыкновение перед докладом фюреру давать таким посетителям соответствующие советы, как, по возможности, держаться посвободнее и вызвать у него соответствующий интерес. Некоторым из них все-таки удавалось в присутствии Гитлера сказать несколько слов, но большинство молчало.

В эти времена зачастую к нему являлось много высших офицеров, которым фюрер вручал Рыцарский крест или другие высокие награды. Наиболее беззаботно и раскованно держались молодые офицеры. Что касается офицеров люфтваффе, то среди них почти не встречалось таких, кто при фюрере проглатывал язык. Ему можно было говорить даже неприятные вещи, поскольку он придавал большое значение тому, чтобы узнавать плохие новости как можно раньше; все дело, разумеется, было в той форме, в какой они преподносились.

От Удета к Мильху

После смерти Удета в командовании люфтваффе произошло значительное изменение. Гитлер и Геринг передали ответственность за ее вооружение Мильху. Геринг пошел на это неохотно. Но он знал, что фюрер придавал этому значение, да и сам не видел другого выхода

Мильх был человек крутой, идущий напролом и пробивной, суровый к самому себе. Тому, что он обнаружил, заняв пост генерал-авиамейстера, и что ему надлежало теперь привести в порядок, он просто ужаснулся. В первую очередь Мильху было важно увеличить ежемесячный выпуск самолетов. В 1942 г. он повысился в сравнении с декабрем вдвое: с 250 почти до 500 ежемесячно. Но перестроить производство на выпуск многомоторных самолетов Мильх не решился. Это явилось бы такой мерой, которая едва ли дала бы результат еще в этой войне. Своей главной задачей он считал увеличение производства истребителей. Мильх знал планы английского вооружения, предусматривавшие огромный рост числа бомбардировщиков. Этому он мог противопоставить в первую очередь только истребители и зенитки.

Вот с такими взглядами Мильх и стартовал в 1942 г., в конце января явившись в Ставку фюрера. Он изложил их Гитлеру и выдвинул свои требования. К сожалению, мне пришлось увидеть, что фюрер вновь наложил ограничения на вооружение люфтваффе, ибо вооружение сухопутных войск именно в ту зиму стояло для него на первом плане. Это было понятно, но тем не менее я воспользовался случаем обратить его внимание на трудности с вооружением нашей авиации. Я, как и Мильх, мысленно уже видел устремившиеся на нас сонмища мощных бомбардировщиков при отсутствии у нас достаточной противовоздушной обороны. Гитлер опять адресовал меня в 1942 г:, когда мощь России будет сломлена. Поверить в это я не мог, но ничего не возразил – ведь до сих пор фюрер всегда оказывался прав.

В первые январские дни нового года Гитлер был озабочен положением на Восточном фронте еще сильнее, чем прежде. Хотя и с колебаниями, он, пойдя навстречу просьбе Клюге, все же утвердил план отвода войск на определенную им самим линию фронта. Тем самым была сокращена дуга возможного прорыва на отдельных ее отрезках. Однако наибольшие трудности были преодолены срочной подброской запасных частей. Лишь медленно улучшалось катастрофическое положение с

железнодорожным транспортом. Немецкие локомотивы не годились для российской низкой температуры воздуха. Замерзшие, они стояли повсюду на путях. Министр путей сообщения Дорпмюллер, вместе со своим статс-секретарем вызванный фюрером, доказал, что понимает возникшие трудности и принимает энергичные меры. Гитлер потом не раз отмечал заслуживавшие похвалы действия «синих» железнодорожников.

Мальта

В последних числах 1941 г. Гитлер дал приказ перебросить крупные части 2-го воздушного флота (командующий – Кессельринг) на Сицилию и в Северную Африку, прежде всего из-за Мальты. По утверждениям Кессельринга выходило, что овладеть этим островом вполне возможно. Однако его беседы с итальянцами на данную тему привели к переносу намеченной операции на весну. А пока немецкие и итальянские самолеты, начиная с января 1942 г., почти непрерывно бомбили Мальту. Когда же в конце марта сочли, что остров уже готов для штурма, итальянцы вдруг от него отказались. Перед Кессельрингом встали другие задачи – поддержка операций Африканского корпуса и обеспечение транспортного подвоза через Средиземное море, а это предъявляло повышенные требования к его воздушному флоту. Таким образом, интерес к этому важному бастиону противника в Средиземноморье угас.

Кессельринг был для района Средиземного моря командующим подходящим. Ему, всегда весьма любезному и коммуникабельному, были открыты все двери и учреждения, что облегчало его общение с такими трудными итальянцами. Его отношения с Роммелем не выходили за рамки военной субординации. Кессельринг знал потребности Африканского корпуса и сделал многое для поддержки запланированного удара Роммеля в направлении Египта. Но командир Африканского корпуса зачастую выдвигал невыполнимые требования и тем очень отравлял жизнь Кессельрингу. Гитлер питал большое доверие к человеческим качествам Кессельринга, ожидая от него, что тот со своими задачами справится, и не обманулся. Фюреру нравились серьезный подход Кессельринга к делу и его высокое чувство ответственности, а также его веселый, сердечный нрав. Кессельринг был оптимистом.

Прорыв линейных кораблей через Ла-Манш

В начале января большую тревогу Гитлеру доставила дальнейшая судьба линейных кораблей «Шарнгорст» и «Гнейзенау», а также крейсера «Принц Ойген». Они все еще стояли во французской гавани Брест и подвергались большой угрозе со стороны английской авиации. Фюрер хотел иметь их в Норвегии. Он постоянно боялся, как бы англичане не предприняли там какой-либо операции, и потому пытался усилить военно-морской флот в этом районе. В начале января Гитлер заслушал точку зрения флота насчет намечаемого прорыва кораблей через Ла-Манш и был поражен тем, что моряки хотят осуществить этот дерзкий прорыв среди бела дня. Но свое согласие все-таки дал. Со стороны люфтваффе в данной операции участвовал полковник Галланд со своими базировавшимися в Северной Африке соединениями истребителей.

12 февраля 1942 г. корабли ночью вышли из Бреста и днем 13-го преодолели горловину Канала между Дувром и Кале. Англичане были застигнуты совершенно врасплох, хотя здесь их авиация действовала активно: такого маршрута они никак не ожидали. Они попытались остановить корабли бомбами, минами и торпедами, но это им не удалось. Хотя оба линкора и получили повреждения от мин, их крейсерская скорость сократилась незначительно. Английская же авиация потеряла примерно 60 самолетов. Немецкие корабли без дальнейших помех достигли назначенных портов. Прорыв через Канал увенчался полным успехом. Гитлер радовался ему и потом часто приводил эту смелую операцию в качестве доказательства удачной акции, подготовленной в полной тайне.

В течение января ситуация на Восточном фронте стала спокойнее. Русские наступления удалось отбить, немецкая линия фронта начала закрепляться. А Гитлер уже сосредоточился на планах новых операций, намечаемых на лето начавшегося года. Он обсуждал с Йодлем наступление на южном фланге. Целью фюрера было – отрезать русских от источников нефти на Кавказе, а на севере – через Ленинград установить связь с финнами. Все приготовления надлежало закончить до 1 мая.

Смещение Гепнера

Беспокойство вызвало смещение генерал-полковника Гепнера. 8 января 1942 г., в кульминационный момент кризиса группы армий «Центр» он, без согласия командующего этой группой армий фон Клюге, а тем более Гитлера, дал приказ входившему в состав его 4-й танковой армии 20-у армейскому корпусу (командир – генерал Матерна) приказ на отход{249}. Фюрер этим приказом был крайне разозлен и в оценке данного инцидента никакого снисхождения не проявил. Фельдмаршалу фон Клюге пришлось 9 января объявить Гепнеру приказ Гитлера: «Генерал-полковник Гепнер поставил под угрозу мой авторитет Верховного главнокомандующего вермахта и главы Великогерманского рейха. Генерал-полковник Гепнер изгоняется из вооруженных сил со всеми вытекающими отсюда последствиями». До этого дело не дошло, так как включился Шмундт и предотвратил наихудшее. Гепнер не был, как часто утверждается, предан суду военного трибунала, а в конце июня был уволен из сухопутных войск и потом как генерал-полковник в отставке жил на неурезанную пенсию, занимая прежнюю казенную служебную квартиру. Шмундт истолковал указание фюрера, что семья Гепнера должна быть обеспечена, полностью в пользу генерал-полковника.

С приближением 30 января 1942 г. Гитлер стал обдумывать, следует ли ему ехать в Берлин, чтобы, как и каждый год начиная с 1933 г., произнести речь. Геббельс всячески добивался, чтобы он придерживался традиции выступать в этот день во Дворце спорта с обращением к народу. Но военное положение на Восточном фронте долго удерживало фюрера от этого. Лишь в последний момент, в полдень 29 января, он поездом выехал в Берлин, а 31-го уже снова был в «Волчьем логове». Но прежде в 17 часов 30 января выступил во Дворце спорта на организованном Геббельсом митинге. Аудитория была подобрана умело: рабочие с берлинских военных предприятий, медицинские сестры и раненые солдаты из госпиталей. Гитлер затронул множество тем, дававших отчетливое представление о военных событиях последних месяцев. Поначалу, как всегда, обрушился на англичан и евреев – своих главных врагов. Затем упомянул о «трех великих бедняках» – Германии, Италии и Японии, которые хотят эту войну выиграть. Ему много аплодировали, его приветствовали, и это вновь, дало фюреру тот внутренний стимул, в котором он так нуждался для сражений предстоящим летом.

Шпеер как преемник Тодта

Февраль принес одно особенно трагическое событие. 7 февраля Тодт побывал у фюрера в Ставке на продолжительной беседе насчет своей программы производства вооружения, а на следующий день ранним утром – должен был вылететь обратно. В Растенбург Тодт прилетел на персональном двухмоторном «Хе-111», который он с 1941 г. использовал в качестве своей «разъездной машины». Гитлер же в принципе запретил всем видным функционерам пользоваться двухмоторными самолетами. Услышав о новом самолете Тодта, я был вынужден напомнить ему об этом запрете, чтобы он не воспользовался своим «Хе-111». В ответ он вспылил и сказал: запрет этот – не для него. Вечером Тодт ужинал с фюрером наедине в его бункере, и вскоре меня вызвали туда. Фюрер спросил, что за конфликт произошел у меня с Тодтом; я объяснил, что всего-навсего выполнял его строгое предписание. Но Тодт все-таки сумел уговорить Гитлера, и он дал мне поручение позаботиться, чтобы самолет завтра утром был соответствующим образом подготовлен. Я распорядился, чтобы до вылета Тодта был совершен пробный полет. На следующее утро незадолго до рассвета мне позвонил, вытащив меня из постели, командир курьерской эскадрильи фюрера: только что, сразу после взлета, машина с Тодтом рухнула на землю. Я быстро оделся и помчался на аэродром. Там я нашел лишь дымящиеся останки. Все находившиеся в самолете погибли.

Когда Гитлер встал ото сна, я доложил ему об аварии. Он был очень огорчен и долго молчал. Потом спросил о причине, объяснить которую я не смог. Погода была плохой. Небо и заснеженная земля – одного серого тона, горизонт неразличим. Я предположил ошибку летчика, который еще недостаточно хорошо знал новую машину, чтобы пилотировать ее в таких трудных метеоусловиях. Тщательное изучение этой аварии было поручено министерству авиации и органам СС.

Гитлер – по моему мнению, сразу – решил сделать преемником Тодта профессора Шпеера. Тот как раз находился в Ставке, и фюрер в тот же день возложил на него новые обязанности. Всем нам стало очень ясно: замена приведет к принципиальному повороту в области вооружения. Поворот этот – причем в удивительно положительную сторону – можно было наблюдать уже через несколько недель. Фюрер почтил память д-ра Тодта, произнеся на государственном акте в Имперской канцелярии траурную речь, в которой назвал его «национал-социалистом всей душой», упомянул о заслугах погибшего,

особенно в строительстве имперских автострад, а также сказал, что у того никогда не было врагов и Третий рейх не знал более преданного слуги.

В данной связи мне запомнились два события, характеризующие общую атмосферу того времени. 13 февраля Шпеер собрал руководителей военных предприятий и представителей соответствующих берлинских ведомств. Он знал, что в этом кругу имелись некоторые лица, которые пытались изъять из обширной сферы деятельности Тодта отдельные области и передать их другим. Шпеер договорился с Гитлером, что при обнаружении этого факта все «заинтересованные» будут немедленно вызваны в Имперскую канцелярию на доклад к фюреру. Именно так и произошло. Гитлер говорил о значении военной промышленности и о важности сосредоточения руководства ею в одних руках. Таким образом все побочные интересы были устранены, и Шпеер стал действительным преемником Тодта по всем вопросам вооружения.

15 февраля Гитлер опять произнес большую речь – на этот раз во Дворце спорта перед обер-фенрихами. В центр ее он поставил значительные успехи 1941 г. Молодые слушатели так почти ничего и не узнали о тяжелом положении на Восточном фронте и только и ждали того момента, когда смогут отличиться там. Гитлер подчеркнуто говорил о себе самом: «Я безгранично рад тому, что Провидение даровало мне вести эту совершенно неизбежную борьбу». Геринг не преминул воспользоваться случаем тут же отметить заслуги фюрера в первые годы войны. Когда Гитлер покидал Дворец спорта, ему устроили такую овацию, какую редко приходилось видеть. Сразу же после речи фюрер вернулся в Восточную Пруссию. В пути он получил сообщение, что японцы захватили Сингапур. Похвалив японскую армию, Гитлер все-таки добавил: если рассматривать это с русской стороны, то наше ликование по поводу успехов японцев – безответственно.

Весенняя стабилизация

Март и апрель прошли в общем и целом относительно спокойно. Русские тоже либо были настолько измотаны, что не имели уже сил для дальнейших атак, либо готовили новые наступательные операции, требовавшие для того более продолжительного времени.

Гитлер был спокоен и уравновешен и перенес, совместно со Шпеером, центр тяжести своей деятельности на вопросы вооружения, а также на подготовку запланированного летнего наступления. Он с большим нажимом подчеркивал: важнейшая задача этим летом – отрезать русских от их нефтяных источников на Кавказе. Если цель эта будет достигнута, он ожидает затишья и на других фронтах. Наступление должно начаться весной с выпрямления линии фронта под Харьковом, затем последует захват всего Крыма с выходом на Керчь и взятие крепости Севастополь. Однако после того необходимо как можно быстрее повести наступление в направлении Сталинграда и Кавказа. Фюрер поручил Шмундту распорядиться насчет оборудования своей новой Ставки на Украине в районе Винницы, поскольку хотел летом находиться поблизости от передовых соединений наступающих войск.

К 15 марта – «Дню поминовения героев» – мы с Гитлером выехали ненадолго в Берлин, поскольку ему опять было необходимо выступить с речами, чтобы оказать нужное воздействие на население. Он особенно выпячивал превратности зимы и невероятные трудности, которые пришлось преодолевать нашим солдатам, а также восхвалял прочность фронта, устоявшего, несмотря на русские атаки и снежные бураны. Фюрер не скупился на высокопарные похвалы немецкому солдату, с которым он хочет осилить дальнейшие задачи этой войны. Он с глубоким уважением – и мне показалось, без пустого пафоса – почтил память погибших, не зря пожертвовавших свою жизнь за Германию.

21 марта 1942 г. Гитлер поручил гауляйтеру Тюрингии Заукелю (вопреки идее Шпеера назначить на этот пост Ханке) организацию использования рабочей силы в военной промышленности. В качестве генерального уполномоченного в данной области тот получил широкие полномочия по изысканию и привлечению рабочей силы и ее распределению по военным предприятиям. Заукель в первую очередь воспользовался трудом иностранных подневольных рабочих, преимущественно восточных – «остарбайтеров». Но вместо задуманной в плане сотрудничества

помощи Шпееру между ними стало все сильнее развиваться соперничество, в котором Заукель как старейший гауляйтер всегда получал поддержку Гитлера.

25 марта 1942 г. шеф-пилот заводов Мессершмитта Фриц Вендель впервые поднял в воздух первый реактивный истребитель «Ме-262». Второй полет состоялся 18 июля того же года. Несмотря на некоторые недоработки, сотрудники Мессершмитта указывали на значение этого самолета. Однако добиться запуска его в серийное производство им удалось только в 1943 г., когда на нем уже стали летать Галланд и Штайнхоф, оценившие невероятное превосходство этого самолета над другими типами истребителей. Но было уже поздно.

Обострение воздушной войны

Март 1942 г. принес начало английских воздушных нападений. 3-4 марта англичане разбомбили один завод в Париже; французы сообщили о 800 погибших. Следующий воздушный налет был произведен в ночь с 28 на 29 марта на Любек. 234 бомбардировщика сбросили около 300 тонн зажигательных и осколочных бомб на центр этого старинного города. Разрушения были огромны, погибли 320 человек, в городе возник хаос. Любек явился первым германским городом, ставшим жертвой бомбежки по площадям. Гитлер сказал: ответом на террор будет террор. С его требованием перебросить самолеты с Восточного фронта на Запад не согласился Ешоннек, обосновавший свой отказ тем, что именно этого и желают добиться англичане своими бомбежками, а он того делать не желает и не может. Дислоцировавшимися в Северной Франции силами Ешоннек провел ряд воздушных налетов на английские города, но, конечно, таких успехов, как англичане своей бомбежкой Любека, не достиг.

Планы летней кампании

5 апреля генерал Йодль передал директиву фюрера № 41{250}. Гитлер полностью сосредоточился на проведении летних операций и обсуждал с Гальдером и ОКХ их детальные планы. Он с нетерпением ожидал, пока подсохнут все еще непроходимые дороги на юге России и использовал остающееся время для подвоза дивизиям оружия и техники, дабы сделать их боеспособными. В директиве указывалось, что группа армий «Центр» должна оставаться на занимаемых позициях, между тем как группа армий «Север» обязана взять Ленинград и установить связь с финнами по суше. Все имеющиеся силы следует сконцентрировать на южном участке Восточного фронта с целью захватить нефтяные источники Кавказа и преодолеть Кавказский хребет. Главной операцией на Восточном фронте именовалось наступление на Воронеж с целью разбить и уничтожить русские войска южнее этого города, а также западнее и севернее р. Дон. Подчеркивалось, что в ходе этой операции «в любом случае необходимо попытаться достигнуть Сталинграда или по крайней мере подвергнуть его действию нашего тяжелого оружия, с тем чтобы он потерял свое значение как центр военной промышленности и коммуникаций»{251}.

Заседание рейхстага 26 апреля

24 апреля мы выехали в Берлин, поскольку Гитлер 26-го должен был выступить в рейхстаге. Непосредственным поводом послужило все еще не законченное «дело Гепнера». Грозила проба сил между фюрером и юстицией вермахта, которая не желала действовать ни против Гепнера, ни против некоторых других провинившихся во время зимнего кризиса генералов с требуемой Гитлером суровостью. Впритык к этой последней произнесенной фюрером перед данным форумом речи, в которой он описывал прошлогодние бои и давал некоторое представление о своих планах на 1942 г., с кратким словом выступил Геринг.

Под возгласы одобрения он зачитал опубликованный 27 апреля в «Имперском законодательном вестнике» «Закон о предоставлении полномочий». Этот закон гласил: «Не подлежит никакому сомнению, что в данный период войны, когда немецкий народ борется за то, быть ему или не быть, фюрер должен обладать правом, на которое он притязает, делать все, что служит достижению победы или способствует этому. Посему – без всяких правовых предписаний на сей счет – он, являясь фюрером нации, как Верховный главнокомандующий вермахта, как глава правительства и обладатель высшей исполнительной власти, как высший судья и вождь партии должен быть в состоянии в любое время в случае необходимости заставить любого немца – будь то простой солдат или офицер, чиновник низкого или высокого ранга, руководящий или рядовой партийный функционер, рабочий или служащий – выполнять свои обязанности и при нарушении таковых, после тщательного изучения, невзирая на так называемые благоприобретенные права, всеми пригодными ему [Гитлеру] средствами надлежащим образом карать оного, а особо, без проведения предписываемого судебного процесса, устранять из соответствующего ведомства, лишать ранга и чина, снимать с занимаемой должности».

Отныне Гитлер обладал и формально узаконенными неограниченными полномочиями и больше не был связан правом и законом, а указанное решение рейхстага потребовалось только для того, чтобы втолковать это всем. Оглашение его заставило насторожиться многих.

Однако основная масса народа вряд ли приняла к сведению эту важную меру со всеми ее последствиями: в тогдашних условиях она считала такие полномочия для фюрера оправданными. Но те, кто уже обсуждал противоправность действий правителей Третьего рейха, расценили этот закон как

безмерное притязание на власть, стоящее по ту сторону всякого права.

Этим, а также усиливающимися бомбежками английской авиацией германских городов характеризовалось тогда общее положение. В войну был втянут весь народ. Сам же я постоянно поражался, с каким спокойствием переносили люди эти страшные воздушные налеты. Англичане наверняка представляли себе совсем другой эффект и думали, что своими бомбами смогут морально разгромить немецкий народ. Борьба против населения и его жилых кварталов ожидаемого ими успеха не принесла.

Из Берлина Гитлер через Мюнхен отправился на Оберзальцберг и 29-30 апреля принял дуче в замке Клезхайм, нарисовав ему весьма оптимистическую картину общего положения. 1 мая вечером он вернулся в «Волчье логово» и сразу же занялся обдумыванием летних наступательных операций.

Захват Крыма

С мая 1942 г. погода улучшилась, и дороги в Южной России снова стали проезжими.

Первой 8 мая 1942 г. перешла в наступление на Крым против русского оборонительного рубежана Керченском полуострове 11-я армия фон Манштейна. Здесь следовало прорвать созданную русскими глубоко эшелонированную систему укреплений. При помощи тяжелой артиллерии, пикирующих бомбардировщиков и штурмовых судов удалось к 16 мая захватить весь этот полуостров.

Вторая операция с целью покончить с загнанными в мешок русскими войсками южнее Харькова должна была начаться 17 мая. Однако с 12 мая русские на этом участке фронта стали пробиваться на север. Фельдмаршал фон Бок увидел надвигающийся кризис и атаковал фюрера и Гальдера просьбами разрешить отход. Но фюрер остался тверд и приказал продвигаться с юга армейской группе Клейста. Благодаря этому 22 мая вклинившиеся русские войска были окружены, взято много пленных, захвачены большие трофеи.

В это же самое время Манштейн вел операцию по взятию крепости Севастополь. 5 июня началась огневая подготовка, а 7-го предпринято первое наступление. Крепость оказалась в наших руках только в начале июля после тяжелых боев. Фюрер высоко оценил это, произведя Манштейна в генерал-фельдмаршалы. Он рассматривал завоевание всего Крыма как крупный успех вермахта и считал эту победу основой для дальнейших удачных сражений в текущем году.

Полет к Кессельрингу и Роммелю

В последнюю неделю мая я совершил полет на Сицилию и в Северную Африку к Кессельрингу и Роммелю. Летел я через Катанию в Дерну, где Кессельринг разместил выдвижной пункт своей штаб-квартиры. Он принял меня очень приветливо, и я пробыл его гостем два дня.

Поводом для моей поездки явился план Роммеля взять Тобрук и пробиваться дальше в Египет. Условия, которые я обнаружил на месте, назвать хорошими было нельзя. В штабе танковой армии «Африка» уже находился намеченный в качестве преемника Роммеля генерал Крювель. Кессельринг с крайним нетерпением ожидал этой смены командования. Вечером у меня состоялся длинный разговор с ним насчет дальнейшего развития обстановки. Я знал, что в целом он видит все в весьма оптимистическом свете, а к этой операции Роммеля относится положительно. Но при этом Кессельринг сказал мне совершенно ясно: для длительного наступления на Египет сил не хватит. Захват Тобрука мог бы удасться Роммелю только в результате внезапного удара. Кессельринг указал на то, что подвоз всего необходимого зависит от итальянцев и, к сожалению, связан с большими потерями.

Утром 1 июня поступило тревожное донесение: генерал Крювель попал в руки англичан. Таким образом, надежда Кессельринга на скорую смену командования рухнула. Но я удивился тому, с каким спокойствием он воспринял это. Мы полетели на двух «Шторьхах» к Роммелю и встретили его примерно в 30 км юго-западнее Тобрука, обнаружив полную неразбериху, царящую посреди пустыни. Кессельринг обсудил с ним требующуюся авиационную поддержку. Роммель сказал: она станет нужна в ближайшие дни, чтобы в ходе успешной операции нанести удар по Тобруку. Во второй половине дня мы уже были снова в Дерне.

Звезда Геринга клонится к закату

Возвратившись в «Волчье логово», я обнаружил там весьма безрадостную обстановку. 27 мая в Праге было совершено покушение на обергруппенфюрера СС Гейдриха. Он был еще жив, но через неделю скончался от полученных ранений. Кроме того, в ночь с 30 на 31 мая англичане произвели на Кельн особенно крупный налет, в котором участвовало 1000 бомбардировщиков.

После того как я доложил Гитлеру о своем прибытии и прямо, без обиняков, сообщил ему о положении в Северной Африке, он в крайне резкой форме высказался насчет налета английской авиации на Кельн. Выразив недовольство слабым огнем зенитной артиллерии, он обвинил люфтваффе в том, что она уже с давних пор уделяла мало внимания этому оружию противовоздушной обороны. Я впервые услышал из его уст критику действий Геринга. Фюрер больше уже не доверял Герингу в полном объеме и упрекал за то, что ему самому приходится ко всему прочему заботиться и об организации ПВО на территории рейха. С этого момента Гитлер не уставал в разговоре со мной при всяком удобном случае подчеркивать (имея в виду Еншоннека и Мильха), что командование люфтваффе должно еще внимательнее относиться к защите территории рейха от вражеской авиации. Мне казалось, он ожидал еще большего числа воздушных налетов. Я подробно обсудил это с Ешоннеком.

Насколько серьезно воспринял Гитлер убийство Гейдриха, совершенное по распоряжению из Лондона чешского эмигрантского правительства, показывает его участие в государственных похоронах 9 июня в Берлине. Траурную речь произнес Генрих Гиммлер, между тем как выступивший затем фюрер ограничился всего несколькими словами признательности и скорби. Приветствовав прибывшего на церемонию чешского президента Гаху, он категорически предупредил его о недопустимости дальнейших террористических актов против германского господства в протекторате; в противном случае ему придется прибегнуть к весьма крутым контрмерам.

Во время пребывания в «Бергхофе» после похорон Гейдриха Гитлер 20 июня посетил имперские заводы в Линце, настаивая на ускоренном выпуске тяжелых танков. У него сложилось хорошее впечатление о работе линцских военных предприятий, но он, как всегда, предъявлял еще более высокие требования. В общем же фюрер, как я понимал, верно видел производственные возможности и требования его были выполнимы.

Из Линца Гитлер отправился в Мюнхен и принял там участие в траурной церемонии памяти погибшего руководителя «Национал-социалистического автомобильного корпуса» (НСКК) Адольфа Хюнляйна. Вновь ушел из жизни один из людей 9 ноября 1923 г., которого фюрер назвал особенно дельным и испытанным.

Вечером 21 июня мы выехали в Берлин. В пути Гитлер получил донесение Роммеля о взятии Тобрука. Фюрер очень обрадовался этому успеху и немедленно произвел Роммеля в фельдмаршалы, а также одобрил его дальнейший план продолжать операцию до выхода к Нилу – в противоположность итальянскому желанию все-таки захватить Мальту.

Летнее наступление

28 июня 1942 г. под кодовым наименованием «Голубое» («Блау») началось наступление по всему фронту от Таганрога на Азовском море до Курска, осуществляемое пятью армиями двух групп армий. После первого прорыва русской линии фронта войска планомерно продвигались в направлении Воронежа. Русские сдали его 6 июля. Затем соединения 6-й армии стали наступать вдоль Дона на юго-восток. В результате возник острый спор Гитлера с Гальдером и Боком. Фюрер еще в начале наступления четко определил: именно танковые дивизии должны наступать без всякой паузы, чтобы разгромить русские соединения и как можно быстрее выйти к Волге. Гитлер очень резко упрекал обоих за задержку войск на двое суток у Воронежа. Он был так взвинчен, что снял с должности командующего группой армий фельдмаршала фон Бока, заменив его генерал-полковником бароном фон Вейхсом. К своему приказу он присовокупил, что не позволит фельдмаршалам портить его планы, как это имело место осенью 1941 г.

Войска в хорошем темпе продвигались вперед, но в большей или меньшей мере наносили удар в пустоту. Число военнопленных было относительно невелико и позволяло заключить, что русский или отступал сознательно или уже не имел сил для длительного сопротивления. В Ставке фюрера по этому поводу велись бесконечные дискуссии. Гитлер решительно держался мнения, что русский выдохся, и требовал от соединений спешить. К сожалению, после первоначальных успехов произошла заминка из-за нехватки горючего. Моторизованным частям пришлось несколько дней ждать его подвоза.

16 июля передовая Ставка фюрера «Оборотень» («Вервольф») переместилась в Винницу. Гитлер чувствовал себя здесь неважно. Ему мешала жара, донимали полчища мух и комаров. Сам я в это время старался как можно чаще летать и поддерживать связь со штаб-квартирой Геринга и Ешоннека. За обедом и ужином фюрер держался очень свободно и открыто, весьма оживленно и с большой выдержкой дискутируя в эти недели с представителем главнокомандующего ВМФ адмиралом Теодором Кранке. Беседы велись отнюдь не только на военно-морские темы, а затрагивали любые предметы, к которым Гитлер, иногда долго, иногда мимолетно, проявлял интерес. Исключение составляла лишь высадка англичан 19 августа на французском побережье в Дьеппе. На суше командос натолкнулись на сильную оборону и всего через каких-то 12 часов убрались восвояси. Гитлер живо обсуждал

с адмиралом эту акцию, и я пришел к выводу, что оба никак не могут объяснить себе столь бесперспективную затею англичан.

Большое раздражение и возмущение в течение нескольких дней вызывал у Гитлера подъем на крупнейшую гору Кавказа высотой свыше 5000 метров Эльбрус, на вершине которого 21 августа горные стрелки укрепили имперский военный флаг. Об этом действительно заслуживавшем внимания альпинистском достижении, не имевшем, однако, никакого смысла с военной точки зрения, фюреру не доложили ни до, ни после. Более того, перед наступлением на Кавказ он категорически запретил такие «экстратрюки». Сам же он узнал об этом совершенно неожиданно при просмотре еженедельного киножурнала. Найти ответственного, а тем самым виновного, оказалось делом трудным.

Вскоре Гитлеру пришлось заняться проблемами более неотложными. 23 августа 6-я армия под командованием генерала Паулюса{252} доложила, что ее первые части вышли к Волге. Это доброе известие затмилось дурным, однако ожидавшимся: о русском наступлении в полосе группы армий «Север», в результате которого они отбили некоторую территорию. Именно туда была переброшена с юга России 11-я армия, чтобы в ходе операции «Северное сияние» («Нордлихт») взять Ленинград. Маиштейна пришлось ввести в бой, чтобы отразить русское наступление, что удалось сделать в ходе поглотившего много сил сражения в районе Ладожского озера. Тем самым последняя возможность захватить Ленинград была сведена русскими на нет.

Из доклада командующего группой армий «А» («Кавказ») генерал-фельдмаршала Листа, который тот сделал фюреру 31 августа, можно было ясно понять: он – на пределе своих сил, и его войска повсюду на широком фронте встречают сильное сопротивление.

Спокойный доклад Листа произвел на Гитлера большое впечатление, и хотя он и проявил понимание положения этой группы армий, но все-таки настаивал на том, чтобы она достигла поставленных перед нею целей. Ему все еще виделся удар на Астрахань – вплоть до самого Каспийского моря.

В эти дни мне пришлось на длительное время вылетать на Сталинградский фронт. Моей первой целью была 71-я пехотная дивизия, которая продвигалась к Волге южнее Сталинграда. Начальником штаба этой дивизии являлся мой брат; он принял меня очень тепло и дал мне исчерпывающее представление о положении на фронте. В целом он считал ход событий положительным: хотя в последние дни русский и стал сражаться упорнее, но у него лично это опасений не вызывает. Важное

значение имеет лишь снабжение войск: острейшим образом необходимы боеприпасы и горючее.

Следующей целью моего полета был штаб 6-й армии. Там я имел беседу с его начальником генерал-лейтенантом Шмидтом. Меня и здесь приняли в очень приятной и непринужденной атмосфере, тем более что некоторых офицеров штаба я знал. Шмидт обрисовал мне положение армии в положительных тонах, но не умолчал о нехватке многого необходимого и о своих тревогах. Одним из его наибольших опасений были растянутые коммуникации позади расположения армий союзников вдоль Дона. Для прикрытия тыла 6-й армии там находились одна румынская, одна итальянская и одна венгерская армии, не гарантировавшие, на его взгляд, достаточной защиты. Шмидт рассказал мне о ежедневно усиливающемся сосредоточении русских дивизий севернее Дона в весьма трудно просматриваемом районе котла. Это известие я счел действительно тревожным. Я мог говорить со Шмидтом вполне откровенно, и тот воспользовался этим случаем, чтобы тоже неприкрашенно высказать свои взгляды. После короткой встречи с генералом Паулюсом я полетел дальше и посетил генерала Хубе, который только что принял командование 24-м танковым корпусом вместо снятого Гитлером генерала фон Витерсхайма.

Раздор между Гитлером и Йодлем

По возвращении в Винницу меня ожидала совсем новая ситуация в Ставке фюрера. Все окружение Гитлера производило впечатление людей, совершенно удрученных. Фюрер вдруг стал жить совсем уединенно. Обсуждения обстановки проходили теперь в доме не штаба оперативного руководства вермахта, а самого Гитлера, в его большом рабочем помещении. Входя в это помещение, он никому руки уже не подавал, а приветствовал докладывающих о своем прибытии участников обсуждения лишь взмахом ее вверх. Не появлялся он больше и на совместных трапезах в офицерской столовой (казино), а ел в одиночестве в своем бункере. Новшеством являлось и то, что все совещания у фюрера, включая и обсуждения обстановки, стенографировали два рейхстаговских стенографа. Мы, военные адъютанты, получили поручение проверять правильность напечатанного со стенограммы машинописного текста, а это означало для нас значительную нагрузку.

Что же произошло? После посещения Ставки фюрера Листом генерал Йодль вылетел в группу армий «А», чтобы на месте получить представление о ее положении и обсудить дальнейшие действия. По возвращении он доложил обо всем Гитлеру, и при этом разговоре вспыхнул резкий спор. Фюрер будто бы обвинил Йодля в том, что послал его на Кавказ вовсе не для того, чтобы тот потом сообщил ему об опасениях войск. Йодль, тоже сильно повысив голос, возразил: к сожалению, он – не передатчик приказов, выполнить которые невозможно. В ответ Гитлер вышел из помещения, где обсуждалась обстановка, и с тех пор туда больше ни ногой.

Увольнение Гальдера

Теперь Гитлер разговаривал только со Шмундтом и обсуждал с ним намеченные крупные персональные перестановки. Он отстранился от фельдмаршала Листа и объявил о снятии генерал-полковника Гальдера с должности начальника генерального штаба сухопутных войск. Шмундт очень рекомендовал на его место генерала Цейтцлера{253}. Фюрер обдумывал это перемещение несколько дней.

Когда страсти немного улеглись, мне представился случай доложить фюреру мои впечатления о поездке. Он уже немного поостыл и, как всегда, выслушал внимательно. Совершенно неожиданно для меня, у него оказались те же опасения относительно Донского фронта, что и у генерала Шмундта. Гитлер заявил: он уже давно приказал сосредоточить за линией фронта в качестве резерва 22-ю танковую дивизию, но у него такое впечатление, что Гальдер там никакой опасности не видит. Он еще раз поговорит с Гальдером об этом. Но затем его словно прорвало. Фюрер упрекал себя за недостаточное понимание того, что Гальдер не уделяет внимания возникающим на фронте трудностям: просто разглядывает карту, но никаких идей не имеет. Холоден и сух, к тому же складывается впечатление, что у начальника генштаба совершенно ложное представление о происходящем. Он, фюрер, решил произвести замену.

Кроме того, Гитлер говорил о том, что основная масса старых генералов себя уже исчерпала и ее следует заменить молодыми офицерами. Он назначит начальником Управления личного состава сухопутных войск Шмундта и вместе с ним наведет порядок в этом деле. Все это, подумалось мне, – невероятные перестановки, которые должны привести к значительным переменам в сухопутных войсках, но я ничего не сказал. В сущности, я был рад, что генерал-полковник Гальдер наконец-то исчезнет, ибо, по моему мнению, это назрело уже давно. Даже если он и являлся хорошим офицером-генштабистом, но пригодным партнером фюрера по командованию сухопутными войсками служить не мог. Я никак не мог отделаться от впечатления, что офицеры генерального штаба сухопутных войск во главе с Гальдером никогда не были сторонниками Гитлера, его планов и распоряжений, а имели совершенно другие взгляды.

Мое 35-летие

В этой общей беспокойной атмосфере, царившей в Ставке фюрера, состоялось весьма милое празднование моего дня рождения. 20 сентября мне исполнилось 35 лет. Гитлер подарил мне килограмм черной икры, недавно полученной им от маршала Антонеску. Он, мол, прослышал, что этот «продукт» я очень люблю. Я воспринял сей щедрый подарок как повод, чтобы пригласить вечером всех адъютантов на чай. В таком кругу мы собрались в первый и последний раз. Присутствовали Шауб, Альберт Борман, Путткамер, Энгель, Брандт, Хевель. Шмундт в тот день в Ставке отсутствовал. После вечернего обсуждения обстановки мы полакомились икрой – редкостное наслаждение! За многие годы совместной службы мы открыто делились друг с другом нашими опасениями. Я сознавал, насколько доверительно можно высказываться в этом самом узком кругу даже в критическом духе, не боясь неприятных последствий. Примечательно также, к каким оценкам приходили независимо друг от друга эти столь несхожие между собой люди.

24 сентября Гитлер расстался с генерал-полковником Гальдером и назначил начальником генерального штаба сухопутных войск генерал-майора Цейтцлера с немедленным присвоением ему чина генерала пехоты{254}. Тот принялся за выполнение своей новой и трудной задачи с большим размахом и воодушевлением. Но главнокомандующего он приобрел поистине трудно. Хотя Гитлер и испытывал к нему большое доверие, но во многом и дальше оставался при своих взглядах на сражения на русском фронте. Это через несколько недель показала битва за Сталинград.

Одновременно Гитлер передал под начало своего шеф-адъютанта Управление личного состава сухопутных войск. Предшественником Шмундта был брат фельдмаршала Кейтеля Бодевин, давно не справлявшийся со своими задачами. Сам Шмундт брать эти задачи на себя не стремился, ему и без того хватало дел. Но Гитлер в ходе продолжительных бесед убедил его в необходимости принять это Управление. Сам я находил данное решение правильным. Шмундт лучше всех знал мысли и представления фюрера по вопросам командования сухопутными войсками и был в состоянии довести их до сознания офицеров этих войск. За полтора года, в течение которых он руководил этим Управлением, Шмундт не раз вступал с Гитлером в споры и добивался осуществления своей точки зрения. Он был заступником офицерского корпуса сухопутных войск.

Бомбежка городов и разрушение промышленных предприятий

Сентябрь внес ясность: англичане своими бомбежками хотели, так сказать, отрыть второй фронт. Они бомбили Мюнхен, Бремен, Дюссельдорф и Дуйсбург. Во время этих налетов на большой территории страны объявлялась воздушная тревога и людям зачастую приходилось проводить много часов в бомбоубежищах. Это приводило ко множеству производственных аварий и несчастных случаев в военной промышленности. Воздушные тревоги, не говоря о причиненных бомбами разрушениях и потерях, являлись для населения тяжелым бременем.

Гитлер все сильнее задавался мыслью, где и как он может предпринять что-либо эффективное против воздушных налетов англичан. Его принципом издавна было: мстить за равное равным или даже большим. Но в данном случае это было невозможно. Бомбардировщик «Ю-88» в большом количестве еще не выпускался, а «Хе-177» был моделью абсолютно непригодной, в отношении которой фюрер с самого начала высказывал величайшие сомнения и, как оказалось, совершенно правильно. Все надежды возлагались на «Ю-88». Мильх, теперь несший в Берлине ответственность за производство, увидел себя вынужденным в первую очередь увеличить выпуск истребителей, чтобы улучшить противовоздушную оборону. Я был удивлен, тем что Гитлер казался удовлетворенным этими решениями и не пытался провести в жизнь свои взгляды. Когда я заговорил с ним об этом, он сказал, что доверяет Герингу, который пообещал ему быстрое улучшение дел в люфтваффе.

В конце сентября мы полетели в Берлин, где Гитлер хотел произнести речи и назначил несколько важных встреч. 28 сентября он снова выступил на очередном выпуске офицеров, закончивших военные училища и направляемых в войска. Слова фюрера предназначались 12 тысячам обер-фенрихов. Он выразительно и ясно обрисовал этим будущим молодым офицерам их высокие обязанности и дал понять, что, хотя борьба против русских и стала еще более суровой, уверен, что с немецким солдатом эту борьбу выиграет.

29 сентября Гитлер провел длительную и подробную беседу со вновь назначенным командующим группой армий «Запад» фельдмаршалом фон Рундштедтом. Фюрер опасался новой высадки англичан и обсудил с ним меры по обороне.

Фельдмаршал столь пессимистично настроен не был. Опасения относились к особой проблеме, связанной с тем, что сфера его ответственности включала теперь и неоккупированную часть Франции. Он рассматривал эту зону как постоянно увеличивающийся шпионский резервуар, заглянуть в который не дано никому. Гитлер пообещал вскоре эти трудности устранить.

На следующий день, 30 сентября, Гитлер произнес речь во Дворце спорта по случаю начала акции военной «Зимней помощи». Я был поражен, с какой откровенностью говорил фюрер о тогдашнем положении. Исходя из немыслимости капитуляции рейха, он подчеркнул: англичане открыто заявили, что дело идет ко «второму фронту» и свою войну при помощи бомб они усилят, но изобразил и то, и другое как утопию и манию величия. Однако критически мыслящий слушатель мог думать о ходе дальнейшего развития все что угодно.

1 октября Гитлер принял фельдмаршала Роммеля и вручил ему маршальский жезл. Встреча была сердечной. В ходе долгой беседы о положении на фронтах Роммель высказал свои опасения, заботы и желания. Дополнительную головную боль причинял ему недостаточный подвоз оружия и техники. Фельдмаршал опасался, что однажды англичане выступят с большим перевесом в силах и тогда у него возникнут «затруднения». Роммель достиг в Африке Эль-Аламейна и значительно укрепил там свои позиции. Пока он еще был весьма уверен в собственных силах. Гитлер указал на возрастающее британское превосходство в воздухе, о котором ему доложили. Роммель же создавшееся положение критическим не считал. Оба осмотрели выставку нового оружия в саду Имперской канцелярии. Фельдмаршал стремился как можно скорее вернуться на фронт. Гитлер согласился с этим. Мне показалось, что фюрер начинает сам себе что-то внушать. Показалось мне и то, что он недооценивает силу русских, а также находится во власти ошибочных представлений об англичанах.

Грозящая опасность под Сталинградом

В тот же день Гитлер выступил с речью перед рейхе – и гауляйтерами. Сам я ее не слышал, но боюсь, что и она носила оптимистический характер. В последующие дни фюрер провел различные беседы, прежде всего по вопросам вооружения. 4 октября мы вылетели обратно в Винницу.

Состоявшаяся вскоре беседа с генерал-полковником бароном фон Рихтхофеном заставила меня серьезно призадуматься. Он всегда умел в разговоре с фюрером найти подходящий тон и высказывался столь же откровенно, сколь и критически, не называя при этом поименно виновных или козлов отпущения. Рихтхофен испытывал большие опасения насчет состояния Восточного фронта и обрисовал возможности, которые, по его разумению, имеются у русских. Опасения эти совпадали с опасениями самого Гитлера: оба предполагали, что Красная Армия на Дону все-таки пробьется через лесистую местность на северном берегу реки. Фюрер говорил по этом поводу и с Цейтцлером, которого, между прочим, Рихтхофен называл «радостным толстяком» и терпеть не мог.

В течение этой недели Гитлер неоднократно возвращался к размышлениям насчет возможных намерений русских и пытался получить от сухопутных войск помощь по линии противодействия этим намерениям на Сталинградском участке Восточного фронта. Ведь там были задействованы и армии наших союзников. Предостережения фюрера большого успеха не возымели. Кстати, первоначально отдел ОКХ «Иностранные армии Востока» считал, что возможный главный удар ожидавшегося русского наступления будет нанесен не по 6-й армии на Дону, а по группе армий «Центр». Но Гитлер в это не верил.

Он со все возраставшим опасением следил за усиливавшимся появлением в тылу немецких войск в России, как и в оккупированной Франции – диверсионных отрядов. Фюрер видел в том новую форму ведения войны, направленную на дезорганизацию немецких тыловых частей и служб снабжения. Поэтому 18 октября он отдал приказ, предписывавший войскам безжалостно действовать против таких отрядов и убивать партизан на месте. Йодль сопроводил этот приказ примечанием: он должен быть воспринят войсками точно так же, как в свое время «приказ о комиссарах». Но тревога Гитлера была обоснованной, ибо на севере в тылу немецких войск возникла

огромная партизанская область, в которой командовал мой однофамилец – русский генерал Белов. Фюрер не раз в шутку советовал мне «урезонить», наконец, моего «двоюродного братца»!

Экзекуция под Винницей

Во время пребывания в винницком командном лагере мне довелось получить ужасающее донесение. Один молодой лейтенант из взвода связи Ставки фюрера сообщал, что стал очевидцем массовой-карательной акции неподалеку от Винницы. Прокладывая линию связи, он увидел, как отряд СС расстреливал в довольно большой лощине группу мужчин и женщин. Это жутким образом подействовало на него, и он считает себя обязанным доложить об увиденном начальству. Я переговорил с представителем СС при Ставке фюрера группенфю-рером СС Вольфом, и он пообещал разобраться с этим инцидентом, а потом сообщить мне. Через несколько дней он дал двусмысленный ответ, сославшись на акты саботажа в тылу немецких войск, и попросил меня никаких дальнейших мер не предпринимать. Я сделал вид, что его ответом удовлетворен, и дальше инцидент расследовать не стал. Но в дальнейшем мне не раз приходилось слышать о таких акциях.

Британское наступление в Северной Африке

23 октября началось ожидаемое Роммелем английское наступление в Северной Африке. Командовал им генерал Монтгомери. Вел он его силами, вдвое превышавшими силы армии Роммеля, с большим количеством танков «Шерман». Гитлер положение критическим не считал, полагая, что Роммель имеет настолько укрепленные позиции, что они выдержат даже удары превосходящего противника. Фельдмаршал срочно возвратился из отпуска, в который отправился после встречи с фюрером, и пришел в ужас от того, что нашел на месте. Итальянские войска почти рассеялись и исчезли. Немецкие соединения отбили английские атаки, но ликвидировать некоторые вклинения не смогли. 2 ноября Монтгомери продолжил наступление. Он снова ударил мощным танковым кулаком, и ему удалось прорвать линию немецкого фронта.

Роммель испытывал большие трудности из-за отсутствия снабжения для ведения таких боев. У него не было ни горючего, ни достаточного количества боеприпасов. 3 ноября до Гитлера дошел его призыв о помощи. Роммель сообщал: армия его несет большие потери, противник же, успешно продвигаясь вперед, захватывает большую территорию. В ответной телеграмме фюрера говорилось: никакой иной мысли, кроме как выдержать, и быть не может; Роммелю – стоять, где стоит, не отступать ни на шаг, а сам он позаботится о наибыстрейшей подброске новых соединений.

Однако Роммель уже решил без согласия ОКВ отвести свою армию. Когда Гитлер 3 ноября стал разбираться с произошедшим, он констатировал: фельдмаршал начал отступление, не дожидаясь ответа. Фюрер очень разгневался и счел, что все это случилось по недосмотру штаба оперативного руководства вермахта. Но Шмундт сумел его успокоить, так что до более или менее серьезного наказания невиновных дело не дошло. Правда, ненадолго попал в немилость Варлимонт, а дежурный офицер, один майор запаса, был разжалован. Но сам Роммель, не в последнюю очередь из-за некорректных донесений, значительную часть своей славы потерял. Его тактика привела к тому, что за несколько месяцев вся Северная Африка была сдана.

Однако события на Европейском театре военных действий обострились до такой степени, что Гитлер стал уделять Северной Африке совсем немного внимания.

Сталинград

Бои на Сталинградском фронте стали в последние месяцы очень тяжелыми. Иногда поступали донесения только о схватках внутри домов и в отдельных кварталах. Гитлер все еще придерживался той точки зрения, что в Сталинграде надо сражаться за каждый дом, лишь так можно выбить русского из этого города{255}.

Я считал, что мы подошли к большому повороту. Порой мне казалось, что мысли фюрера витают где-то далеко от происходящего, как будто он и сам уже не вполне верит в успешный ход войны. Линии фронтов невероятно растянулись. Подвоз оружия и боеприпасов становился все более затруднительным. Но Гитлер предъявлял все более высокие требования. Верил ли он в то, что еще сможет закончить войну победой Германии? Этот вопрос не раз возникал в те дни, и ответа на него мы себе дать не могли.

1 ноября Гитлер, которого я сопровождал, вернулся в «Волчье логово». Тут нас ждала большая и приятная неожиданность. Ко всем бетонным бункерам были пристроены более вместительные и светлые деревянные бараки, что облегчало работу. К бункеру фюрера тоже пристроили большое рабочее помещение, где теперь могли проводиться обсуждения обстановки.

Пробыв несколько дней в Ставке, мы 6 ноября из Берлина поехали в Мюнхен. Поездка эта сопровождалась очень тревожными донесениями из района Средиземного моря. Вот уже несколько дней сообщалось, что союзники сосредоточили множество военных кораблей в Гибралтаре, которые тем временем взяли курс на восточное Средиземноморье. На пути в Мюнхен наш поезд остановили на одной станции в Тюрингском лесу: министерство иностранных дел сообщило, что американский экспедиционный корпус пытается высадиться в портах Алжир и Оран.

В Бамберге нас уже ожидал Риббентроп. Он пригласил в Мюнхен Чиано, но хотел предварительно поговорить с фюрером. Министр высказался за то, чтобы через русское посольство в Стокгольме установить контакт со Сталиным и предложить далеко идущие уступки на Востоке. Гитлер на это не пошел. Он сказал: момент слабости для переговоров с врагом не годится.

Фюрер сразу же приказал дать отпор американской высадке в Северной Африке. Йодль получил указание силами сухопутных войск, военно-морского флота и люфтваффе организовать оборону Туниса. Оран же находился вне пределов досягаемости

нашей авиации, так что предпринять его бомбежку с воздуха оказалось невозможно.

8 ноября Гитлер выступал перед «старыми борцами». У меня сложилось впечатление, что американская высадка в Алжире лишила его мужества. Все его мысли были сейчас связаны с ее отражением, но тем не менее он старался продемонстрировать перед такой аудиторией свою полную уверенность, дабы никто этого не заметил. А она принимала его с восторгом, напряженно ловя каждое слово своего фюрера. Гитлер указал на суровость боев, которые приходится вести нашим солдатам, и заявил: дело идет о том, «быть или не быть нашему народу».

10 ноября состоялись беседы Гитлера с Чиано и Лавалем, но они уже не повлияли на его решение немедленно занять остальную, пока еще не оккупированную, часть Франции. 11 ноября наши войска вступили в нее. Оккупация прошла быстро и без особых происшествий. Только занятие Тулона задержалось на несколько дней, что дало французам возможность потопить находившийся там остаток их военно-морского флота.

12 ноября Гитлер поехал на Оберзальцберг, чтобы отдохнуть там пару дней. После беспокойных дней в Мюнхене у меня не было ни времени, ни случая поговорить с фюрером. Его угнетали большие тревоги. Западные державы, Америка и Англия начали активно вмешиваться в ход войны. Фюрер отнесся к этому серьезно. К тому же добавились трудности снабжения через Средиземное море в результате усилившихся действий английских подводных лодок. Гитлер открыто говорил, что у него нет никакого доверия к итальянцам. Они – англофилы, и он не сомневается в том, что они предательским образом сообщают англичанам о передвижении немецких транспортных судов.

Другой темой, все больше занимавшей Гитлера, служила люфтваффе. Геринг тоже присутствовал в Мюнхене, и мне бросилось в глаза, что фюрер не привлекал рейхсмаршала к беседам столь интенсивно, как раньше. Гитлер говорил мне также, что Геринг недостаточно точно информирован о положении дел на фронтах и о нынешних условиях. О возникающих проблемах люфтваффе фюрер предпочитал теперь говорить с Ешоннеком. В разговорах со мной он подчеркивал необходимость защиты территории рейха от воздушных налетов. Для его обороны надо производить больше зениток, ибо одних самолетов хватает редко – либо они заняты в других местах, либо мешает плохая погода. Следует строить и больше башен с зенитными установками, например, в Мюнхене и Нюрнберге. Преимущество этих башен уже подтверждено в Берлине и Гамбурге.

Насчет Восточного фронта он сказал так: надеется, что никаких неожиданностей там не произойдет, хотя и полагает, что с началом зимы русские приступят к новым операциям. Из совместных действий англичан и американцев в Северной Африке Гитлер сделал вывод насчет обещания русских предпринять вскоре крупное наступление.

19 ноября Гитлеру позвонил Цейтцлер и доложил: русские начали свое крупное наступление на Дону. После сильной артиллерийской подготовки и частично ураганного огня они, введя в бой большое количество танков с посаженной на них пехотой, стали продвигаться на юг и глубоко вклинились в полосу румынской армии. Русские шагают через распадающиеся румынские позиции, почти не встречая сопротивления. Гитлер приказал немедленно бросить туда находящийся в резерве 48-й танковый корпус генерала Хайма. Но о боеспособности этого корпуса фюрер был информирован неверно. Одна, немецкая, дивизия его еще только формировалась. Вторая – а это была румынская танковая дивизия – превосходства русских в силах не выдержала и через несколько дней оказалась разбитой. Гитлер был возмущен и разгневан таким поведением командира корпуса, который вследствие противоречивых приказов, а также действий сильного противника очутился в безвыходной ситуации. Фюрер распорядился немедленно убрать генерала Хайма с занимаемого поста и приговорить его к смертной казни. Шмундту удалось не допустить приведения приговора в исполнение.

20 ноября Гитлер приказал задействовать в качестве нового «руководящего штаба» командование тем временем переведенной из группы армий «Север» в группу армий «Центр» под Витебск 11-й армии (фельдмаршал фон Манштейн), преобразованной в группу армий «Дон». Теперь ее следовало ввести в боевые порядки оказавшейся под угрозой группы армий «Юг». Фюреру была совершенно ясна критическая ситуация, но он не верил в то, что русское вклинение будет иметь дальнейшие серьезные последствия. Он предполагал, что 6-я армия может на несколько дней оказаться в окружении, но затем контрударом, нанесенным несколькими резервными соединениями, положение в общем и целом удастся нормализовать. Как быстро показал ход событий, тем самым Гитлер значительно недооценил силы русских.

Особой катастрофой первых двух дней явилась отвратительная погода с морозом, туманом, снегом и плохой видимостью, из-за которой в небо не смог подняться ни один самолет. 20 ноября началось русское наступление и южнее Сталинграда. Было видно, что русские хотят окружить этот город, что и удалось им уже 23 ноября.

Донесения Цейтцлера становились все более тревожными, а потому фюрер решил поздним вечером 22 ноября выехать поездом в Восточную Пруссию. Поездка заняла почти 20 часов, так как приходилось останавливаться на три-четыре часа для необходимых телефонных переговоров с Цейтцлером. Тот все настойчивее требовал дать 6-й армии разрешение на отход с ведением арьергардных боев. Но Гитлер не позволил сделать ни шагу назад. Если в первые дни он, несомненно, верил в возможность ликвидации русского вклинения, то затем стал считать, что контрнаступление на Сталинград можно провести только вновь сформированной армией, а это требовало более длительной подготовки. В любом случае, генерал-полковник Паулюс свои позиции в Сталинграде был обязан удерживать.

Первейшей заботой фюрера по прибытии в свою Ставку была организация снабжения окруженных войск по воздуху. На эту тему он вел продолжительные разговоры с Герингом и Ешоннеком. Геринг заверил его, что люфтваффе в состоянии некоторое время обеспечивать 6-ю армию всем необходимым, а Ешоннек в данном случае не возразил. Отсюда Гитлер сделал вывод, что армию можно снабжать по воздуху и это дает ему возможность готовить деблокирующее наступление.

Но заверение Геринга сразу вызвало критические голоса. Прежде всего ему не поверил Цейтцлер, который недвусмысленно высказал это фюреру. В самой люфтваффе серьезнейшие сомнения имелись у генерал-полковника фон Рихтхофена. Успешное снабжение по воздуху он считал исключенным, обосновывая свою точку зрения плохими метеоусловиями, которые в зимние месяцы еще более ухудшатся; кроме того, люфтваффе не располагает для того достаточным количеством самолетов. Узнав точку зрения Рихтхофена, Гитлер с ней не согласился. Между тем расстояние между внешней линией фронта и Сталинградом с каждым днем увеличивалось. Русские прорвали фронт итальянских и венгерских войск, так что в линии фронта на Дону образовалась брешь протяженностью свыше 300 км.

Вскоре после первого русского прорыва Гитлер распорядился, чтобы генерал-полковник Гот с его 4-й танковой армией предпринял на юго-востоке контрнаступление из Котельниково. Это наступление с целью деблокады должно было начаться 3 декабря, но затем его перенесли на 8-е и в конце концов на 12-е. Сначала дело у Гота пошло очень успешно, но продвинуться в направлении Сталинградского кольца он смог всего на 60 км.

Здесь обороняющиеся русские оказали такое массированное сопротивление, что Готу от своей задачи пришлось отказаться.

23-28 декабря был потерян аэродром в Тацинской, который, находясь вне котла, имел особенно важное значение для снабжения окруженных войск. Потеря эта вызвала особенно отрицательные последствия. Расстояние до посадочных площадок в Сталинграде увеличилось на 100 км, что драматическим образом затруднило и без того недостаточное снабжение.

В этой ситуации Цейтцлер 27 декабря потребовал от Гитлера отвода войск с Кавказа. Фюрер дал согласие, но вскоре свой приказ отозвал. Однако Цейтцлер успел передать по телефону первое решение Гитлера, и движение войск остановить уже было невозможно.

Лично я все эти недели, с 19 ноября до конца декабря, следил за ходом событий, связанных со Сталинградом, с крайней озабоченностью. Первое мое впечатление, еще на Оберзальцберге, это – катастрофа. В начале ноября я накоротке побывал на Донском участке фронта и получил там такие сведения о состоянии войск, которые едва ли позволяли рассчитывать на длительный успех. Когда я осведомлялся у офицеров, к примеру, о численном составе их частей, они, в принципе, отвечали в позитивном духе, но потом добавляли такое, от чего можно было прийти в полное смятение. В частях, в среднем, теперь не имелось и половины штатного состава, командиры с этим уже как-то примирились. Поскольку в течение декабря русские постоянно наращивали свои силы, я просто не мог поверить в то, что наши войска ввиду своей слабости смогли бы оказать им крепкое сопротивление. Германское войско за шесть месяцев с июня 1942 г., сражаясь без какого-либо подкрепления, исчерпало теперь свои силы. Вот почему в декабре 1942 г. я никаких перспектив успешных оборонительных боев здесь не видел. Позиции 6-й армии в Сталинграде не могли быть сданы, ибо никоим образом не приходилось рассчитывать на то, что ей еще удастся пробиться к линии фронта наших войск. В конце декабря 1942 г. я видел задачу этой армии в том, чтобы как можно дольше сковывать русские силы, дабы они не подвергли дополнительной угрозе наш фронт. Но вызволить ее из Сталинграда и спасти было уже невозможно. Я твердо убежден в том, что точно так же думал и Манштейн, несмотря на все его тщетные попытки помочь 6-й армии. Свою задачу он видел в том, чтобы закрыть огромный район прорыва, снова сомкнув линию фронта.

С 1 декабря я регулярно получал почту из котла от начальника штаба 6-й армии генерал-лейтенанта Шмидта и его Первого офицера-порученца капитана Бера. Шмидт писал мне 1 декабря 1942 г.: «Мы уже заняли все наши опорные пункты для круговой обороны. Оружия у нас достаточно, но боеприпасов

мало, хлеба и горючего тоже, нет ни досок, ни дров, чтобы обшить землянки и топить печки. А люди – просто на удивление уверенные в победе, но силы их, к сожалению, с каждым днем слабеют». А 8 декабря Бер написал мне: «Состояние войск, к сожалению, крепко выражаясь, говенное, что, впрочем, вполне объяснимо при 200 граммах хлебной пайки в день и размещении под открытым небом. Потери – не пустячные, а выдержка – образцовая». Он же 26-го: «Здесь, на задворках прочих событий, мы кажемся сами себе в данный момент какими-то преданными и проданными. […] Хотел бы сказать тебе совершенно здраво: жрать нам просто нечего. […] Насколько я знаю немецкого солдата, следует трезво считаться с тем, что психическая сопротивляемость становится совсем малой и при сильных холодах придет тот момент, когда каждый в отдельности скажет: а насрать мне теперь на все и наконец медленно замерзнет или будет захвачен русскими в плен». И еще одно письмо – от 11 января 1943 г.: «Дело дошло до того, что немецкий солдат начинает перебегать». Самому Беру потрясающе повезло: 13 января он вылетел из котла с военным дневником армии при себе. Мой брат – 1а [начальник оперативного отдела] штаба 71-й дивизии, а потом армии, – после выздоровления вернувшийся в котел, писал мне: «Прекрасным происходящее здесь не назовешь. Нет сомнения – дело идет к концу».

Я показал фюреру эти полученные мною письма и прочел главные места. Он молча принял их к сведению. Только однажды сказал мне, что судьба 6-й армии накладывает на нас большую обязанность в борьбе за свободу нашего народа. В январе 1943 г. у меня сложилось впечатление, что Гитлеру стало ясно: борьба против русских и американцев, то есть война на два фронта, ему уже не по силам.

Вместе с Риббентропом Гитлер предавался мысли вбить клин между врагами. В этом большую роль играл план Риббентропа заключить мир с Россией. Но фюрер пришел к убеждению, что искать такой выход пока рано. Он все еще был во власти своей идеи мобилизовать весь немецкий народ и включить всех людей в Германии в военный процесс. Обсуждал с министром Шпеером проекты дальнейшего расширения военного производства. Пусть гауляйтер Заукель сосредоточит для этого всю досягаемую рабочую силу. Пусть Мильх побольше делает для противодействия налетам вражеской авиации. Он и сам день и ночь занимался решением одной задачи: как усилить оборону на всех фронтах. Весна 1943 г. принесла удивительный подъем во всей военной промышленности.

В течение января 1943 г. никакой серьезной надежды на

улучшение положения на Сталинградском фронте не осталось. Паулюс послал из котла к Манштейну и к самому Гитлеру двух своих эмиссаров – начальника оперативного отдела штаба капитана Бера и генерала Хубе, чтобы те доложили о положении находящихся в окружении войск.

При обсуждении обстановки Бер нарисовал ясную картину состояния 6-й армии. По его словам, никакой надежды уже не было. О каких-то взаимосвязанных действиях в котле нечего и думать. Каждый борется и бьется там, где стоит. Снабжение частей стало невозможно. То была абсолютно однозначная картина проигранной битвы. Я хорошо знал Бера, будущего мужа моей сестры, и потому мог судить, насколько его сообщение приходилось «в точку». Он называл вещи своими именами, и на Гитлера его слова произвели сильное впечатление. Потом фюрер даже сказал, что ему редко приходилось выслушивать такую четкую и трезвую оценку положения на фронте. Второй эмиссар Паулюса, генерал Хубе, доложил не столь ярко, но и из его слов было ясно, что события в сталинградском котле близятся к своему концу и сделать там больше ничего нельзя.

Несмотря на это, Гитлер 15 января вместе с фельдмаршалом Мильхом предпринял последнюю попытку подбросить по воздуху окруженной в Сталинграде армии значительное количество продовольствия и снаряжения. Мильх взялся за дело с огромной энергией, хотя и сильно пострадал при столкновении его автомашины с локомотивом. Он захватил с собой на фронт несколько энергичных офицеров. Но было уже поздно. Очень холодная зимняя погода затрудняла работу и на аэродроме вылета, и на аэродроме в котле. Мильху сперва пришлось заняться улучшением условий, чтобы вообще подготовить самолеты к вылету. Когда он более или менее добился этого, аэродром в котле оказался уже потерянным и самолеты могли лишь сбрасывать свой груз. Многое пропадало. Не оставалось сомнений: Мильх получил задание слишком поздно. Это сказал ему и сам Гитлер, когда фельдмаршал в первых числах февраля докладывал ему в Ставке фюрера.

Битва за Сталинград еще бушевала, когда у меня уже сложилось впечатление, что Гитлер начал искать иной путь ликвидации катастрофического положения на русском фронте. Он был убежден в том, что англо-американцы и русские согласовывают свои военные действия. Перед нами фюрер никогда не показывал признаков своей слабости, не давал понять и того, что считает положение бесперспективным. Он знал, что и в его Ставке имеются такие офицеры, которые уже не питают никаких надежд на позитивный исход войны. Поэтому Гитлер

считал своим долгом распространять чувство уверенности в победе. Отныне все его поведение, настрой и поступки были нацелены на то, чтобы ни одному из визитеров или доверенных сотрудников и в голову не могло прийти сделать из этого вывод о том, как сам он расценивает военное положение. Что бы не происходило в связи с событиями на отдельных театрах войны, фюрер был всегда убежден, что однажды военное счастье снова улыбнется ему. Меня всегда поражало умение Гитлера истолковывать поражения в нашу пользу. Ему даже удавалось убедительно передавать свои мысли и внушать надежды людям, которым приходилось работать с ним в его узком кругу.

Сталинградская битва памятна мне и двумя событиями семейного характера, которые наглядно показали мне свет и тени того времени. 28 ноября у меня родилась дочь Гунда. Новый год мы встретили еще вместе с моим братом, который настаивал на своем возвращении в котел. Я надеялся, что в его группе армий найдется хоть один разумный начальник, который этому помешает, но такового не обнаружилось. Мне вмешаться не удалось. 31 января 1943 г. брат попал в Сталинграде в плен, с которым у него были отчасти связаны ужасные воспоминания. Но в 1955 г. он все же здоровым вернулся в Дюссельдорф незадолго до 13-летия Гунды.

Уверенность Гитлера в победе, высказанную в его новогоднем обращении к народу, я уже разделять не мог. Но поверить в то, что Германия войну проиграет, я тоже не мог. Мне мнилось разумное мирное решение в Европе, которое казалось еще достижимым при некоторой доброй воле. Не может же все оказаться напрасным! По настроениям в Ставке фюрера я ясно видел: эта точка зрения была там распространена, как и во всем вермахте.

Отставка Редера

6 января Гитлера посетил гросс-адмирал Редер. Разговор их происходил частично тет-а-тет. Главнокомандующий ВМФ принес фюреру прошение о своей отставке с 30 января. Сначала Гитлер не соглашался, но тот сумел убедительно обосновать причины для изменения в верхушке военно-морского флота. Он говорил, что больше не в состоянии соответствовать высоким требованиям и опасается однажды почувствовать себя непригодным для дальнейшей службы. Редер предложил, если возможно, дать ему чин «адмирал-инспектора», дабы в печати, а особенно за границей, с этой заменой главнокомандующего одной из составных частей вооруженных сил не связывали никаких далеко идущих спекулятивных предположений.

Гитлер пошел навстречу просьбе Редера не в последнюю очередь и потому, что считал главу «Надводный флот», адвокатом которого выступал гросс-адмирал, законченной. Его преемником фюрер назначил командующего подводным флотом адмирала Деница{256}, которого произвел в гросс-адмиралы. О закулисных причинах этой персональной замены мне тогда ничего известно не было. То, что действительным поводом явилась носившая кодовое наименование «Радуга» («Регенбоген») неудачная попытка на исходе 1942 г. нанести в Северном море крейсерами «Хиппер» и «Лютцов» с шестью миноносцами удар по английскому конвою «JW-51», стало известно позднее. Относительно хорошее отношение Верховного к главнокомандующему кригсмарине уже давно омрачилось. Вместе с ним был сменен и постоянный представитель главнокомандующего военно-морского флота в Ставке фюрера; им вместо адмирала Кранкке стал контр-адмирал Фосс.

Касабланка

В январе Рузвельт и Черчилль встретились на конференции в Касабланке, к участию в которой эпизодически привлекались Де Голль и Жиро. Они приняли совместное решение вести войну до «безоговорочной капитуляции Германии». Итоги конференции были обнародованы с большим размахом и подействовали также на Гитлера. Он неоднократно говорил об этом и притом подчеркивал: отныне любые уступки и примирительные шаги с его стороны потеряли всякий смысл.

Северная Африка

Из Северной Африки продолжали поступать плохие вести. Нажим Монтгомери на роммелевские силы усилился. 23 января пали Триполи и таким образом почти вся Ливия оказалась в английских руках. С запада американцы уже дошли до границы Туниса и заняли позиции, противостоящие немецким. Приходилось осознать: долго Северную Африку не удержать. Потрясало резко упавшее там участие итальянцев в военных действиях.

Манштейн и Гитлер

6 февраля 1943 г. в «Волчье логово» к Гитлеру прибыл на беседу фельдмаршал фон Манштейн. От этой встречи с фюрером он ждал для себя многого. Его с тех пор, как фюрер стал и главнокомандующим сухопутных войск, а осенью 1942 г. подчинил непосредственно себе лично группу армий «А», занимала проблема структуры высшего руководства вермахта. Манштейн хотел попросить Гитлера назначить главнокомандующим сухопутных войск или минимум Восточного фронта генерала этих войск. Если фюрер на это не согласен, то должен, по крайней мере, подумать, как положить конец параллелизму в работе генерального штаба сухопутных войск и штаба оперативного руководства вермахта созданием совместного генерального штаба.

Фюрер вел беседу в спокойной и деловой форме, обсудил все выдвинутые Манштейном пункты, но на уступки пойти не мог. Он просто не знал ни одного генерала сухопутных войск, к которому испытывал бы такое доверие, чтобы наделить его подобными властными полномочиями. Таким образом, структура высшего командования осталась такой же, как и была.

7 февраля в «Волчьем логове» собрались все рейхе – и гауляйтеры, перед которыми Гитлер произнес подробную речь о событиях зимних месяцев. Свою речь он построил так, чтобы они не увезли с собой на места даже малейшего намека на катастрофическое положение. В его тоне не слышалось никакой неуверенности или уныния. Фюрер ясно и без обиняков отметил успехи русских и высказался насчет того, как поправить дело. Я снова поразился, с какой целеустремленной уверенностью он убедил этих высших партийно-государственных функционеров и устранил у них какое-либо сомнение в конечной победе. Упомянул Гитлер о конференции в Касабланке, о совместном решении противников относительно «безоговорочной капитуляции». Он довел до сведения присутствовавших, что это решение избавляет его от всех попыток вести переговоры о сепаратном мире в каком-либо пункте земного шара. Рейхс– и гауляйтеры разъехались по своим вотчинам с явным облегчением и стремлением действовать.

Весеннее наступление Манштейна

Последующие дни февраля выдались беспокойными. Гитлер вел множество бесед насчет дальнейшего ведения войны с Герингом и Ешониеком, Риббентропом и Геббельсом, Гиммлером и Шпеером, а также с военными советниками из ОКВ и ОКХ. 16 февраля фюрер произвел в фельдмаршалы генерал-полковника барона фон Рихтхофена и поручил мне по телефону сообщить ему о присвоении нового чина.

На 19 февраля Манштейн назначил начало наступления в направлении Донца и Харькова, и Гитлер собирался провести несколько дней в своей украинской Ставке в Виннице. Поступить так он решил не сразу, а, поддержанный Цейтцлером, сначала принял предложение Манштейна и 17 февраля с небольшим сопровождением вылетел в штаб-квартиру его группы войск в Запорожье. Там фюрер пробыл две ночи, а с 19-го расположился в Виннице. Дни в Запорожье прошли размеренно, но напряженно, о чем подробно написал Манштейн в своих воспоминаниях{257}.

Фюрер занимался почти исключительно операциями группы армий «Юг» (так с начала февраля стала именоваться эта группа армий). Русский своего продвижения в юго-западном направлении не прекратил, а медленно оперировал на большом свободном пространстве. Отбытие Гитлера 19 февраля в Винницу произошло под воздействием этого продвижения, ибо и Манштейн, и Рихтхофен посоветовали ему покинуть Запорожье. Они опасались возможного неожиданного удара боевой группы русских по аэродрому, что сделало бы невозможным его вылет. Когда мы взлетали во второй половине дня, поблизости от аэродрома уже слышались пулеметные очереди и артиллерийские выстрелы. Мне лично Запорожье запомнилось тем, что там фюрер присвоил мне и Энгелю чин подполковника. Кроме того, нам бросилась в глаза сдержанность Манштейна и офицеров его штаба. По ним было видно, что они не очень-то верили в успех операций Гитлера.

19 февраля мы уже снова находились в обжитой Ставке в Виннице, где пробыли почти полных четыре недели до 15 марта. В это время Манштейн с большим размахом и успехом вел свои операции. Гитлер следил с огромным вниманием за действиями наступающих дивизий, пока они в середине марта не вышли к Донцу – цели данной операции. 10 марта фюрер снова слетал к Манштейну, выразил ему признательность, похвалил и наградил его дубовыми листьями к Рыцарскому кресту. Нельзя было не заметить, насколько изменилось настроение офицеров этой

группы армий в сравнении с последним посещением Гитлера. Они снова глядели в будущее с надеждой.

В винницкой же Ставке фюрера настроение царило другое. 28 февраля отряд командос полностью разрушил в Норвегии завод в Ферморке по производству тяжелой воды, и тот перестал существовать.

Упреки в адрес люфтваффе

1 марта англичане предприняли крупный воздушный налет на Берлин. Сообщалось, что 250 их четырехмоторных самолетов сбросили на столицу рейха 600 тонн бомб. Они разрушили 20 тыс. зданий, оставили без крыши над головой 35 тыс. человек и 700 убили. Этот тяжелый налет подтолкнул Гитлера к резким нападкам на люфтваффе. Когда неделю спустя, 7 и 8 марта, Геббельс побывал у фюрера, тот вел с ним долгие и обстоятельные разговоры об усиливающейся воздушной войне англичан. Гитлер не скупился на упреки в адрес люфтваффе. Подверг он нападкам и генералов сухопутных войск. Возлагая главную вину за сталинградское поражение в большей мере на союзные армии итальянцев, румын и венгров, фюрер не щадил и немецких генералов. Он упрекал их в том, что у них нет непоколебимой веры в правильность этой борьбы, что они понятия не имеют о современном оружии и материальной части и следят за ходом событий на фронтах с предвзятым недоверием. Порой Гитлер приходил в такое возбуждение, что никто не мог его перебить. Он предписал люфтваффе назначить «командующим воздушным нападением на Англию» молодого опытного офицера, дать ему хорошие авиационные части и приказать постоянно совершать массированные налеты на английские города. Эту задачу доверили полковнику, позднее генералу, Пельтцу, но ввиду нехватки боевых соединений он так никогда и не смог выполнить ее с полным эффектом.

13 марта Гитлер вылетел обратно в Растенбург. Попутно он посетил штаб-квартиру группы армий «Центр» под Смоленском и имел долгую беседу с ее командующим фельдмаршалом фон Клюге. Настроение было хорошим и уверенным. Фюрер сказал: никто не может знать, исчерпал ли русский свои силы до конца.

Планирование «Цитадели»

Гитлер уже планировал новое наступление на Восточном фронте. Оно получило кодовое наименование «Цитадель». Намечалось сначала вновь захватить особенно бросающийся в глаза выступ – нависающий «балкон» – в районе Курска.

Полет из Смоленска в Растенбург прошел без каких-либо особенных инцидентов. Только после войны я услышал, что во время этого полета на Гитлера должно было быть совершено покушение{258}. Начальник штаба группы армий «Центр» полковник фон Тресков был противником Гитлера, полным решимости убить его. Когда я, ничего не зная о якобы находившемся в самолете фюрера пакете с бомбой, пролетал над бесконечными лесами (сам я летел обратно на «Хе-111»), мне вдруг пришла в голову мысль: а что если «Кондор» Гитлера исчезнет в одном из этих лесов? Но все мы в добром здравии вернулись в Растенбург и оттуда отправились в «Волчье логово».

Последующие дни были довольно спокойными, пока Гитлер не обрушился снова с бранью на люфтваффе за то, что англичане беспрерывно бомбят германские города. Крупные воздушные налеты пережили Нюрнберг и Мюнхен. Когда 20 марта фюрер прибыл в Берлин, он немедленно переговорил с Герингом о налетах вражеской авиации и непригодности генералов люфтваффе. В эти дни он крайне резко высказывался и насчет неспособности самого Геринга. Но все это никакого влияния на их личные взаимоотношения пока не оказало.

21 марта Гитлер, как то уже стало привычным, произнес речь по случаю «Дня героев» в берлинском Цейхгаузе. Он с глубоким уважением и признательностью говорил о погибших до сего дня 542 тысячах человек, сказав, что они «являются незабвенными героями и пионерами лучшей эры и навсегда останутся в наших рядах».

Этот день приобрел особое значение лишь позже. После войны полковник генерального штаба Рудольф Кристоф фон Герсдорф, начальник разведывательного отдела (1с) штаба группы армий «Центр», утверждал, что во время торжественной церемонии в Цейхгаузе пытался произвести покушение на Гитлера, пронеся взрывчатку в карманах своей шинели{259}. По его словам, только спешка фюрера при обходе устроенной в Цейхгаузе выставки советского трофейного оружия помешала ему взорвать уже взведенную бомбу с часовым механизмом. Я хорошо помню эту мою встречу с Герсдорфом, он особенно запомнился мне элегантностью своей униформы. Высокий и стройный,

полковник сопровождал нас по выставке и долго разговаривал до того с адъютантом Кейтеля майором Ионом фон Фрейендом. То, что в карманах у него при этом находилась взрывчатка, считаю неправдоподобным.

На Восточном фронте начался период «распутицы». Обе стороны оказались не в состоянии провести операции крупного масштаба. Установилось напряженное спокойствие, при котором нельзя было сказать, где и в каком направлении начнется движение войск. Гитлер решил поехать из Берлина в, Мюнхен и на Оберзальцберг. 22 марта вечером мы прибыли в «Бергхоф» и провели на горе несколько недель. Время было напряженное, порой даже угнетающее…

Тунис

В последние мартовские дни мне пришлось слетать на Сицилию и в Тунис. Из донесений Кессельринга обстановку было уяснить трудно. Он сообщал о боях в Тунисе весьма оптимистически, между тем как настроение в других командных органах было совсем иным. Моей первой целью была Катанья, а затем я полетел к Кессельрингу в Таормину. Беседы с ним дали нам ясную картину: Тунис не удержать.

На следующее утро я слетал туда на два дня вместе с Кессельрингом. Сначала мы побывали на южном участке фронта и встретились там с командующим армии генерал-полковником фон Арнимом. Он придерживался того же взгляда, что и фельдмаршал. Вечер и ночь мы провели в дивизии «Герман Геринг». Ее командира Беппо Шмидта и нескольких офицеров я хорошо знал. Шмидт съездил со мной вечером на передовую и показал, какими малыми силами обеспечивается там оборона, высказав при этом большую тревогу в связи с возможным наступлением американцев. Мы долго беседовали насчет испытываемых дивизией трудностей. Мне пришлось сказать Шмидту, что в сравнении с другими известными мне дивизиями сухопутных войск его дивизия находится в просто-таки фантастически хорошем положении. Он этого не оспаривал, но подчеркнул, что одному ему американцев не сдержать.

На следующий день я встретился с Кессельрингом в Бизерте и мы вместе вернулись в Таормину. В тот день мне представился еще один случай поговорить с несколькими офицерами его штаба насчет того, как они намерены парировать возможную переброску американцев морем из Туниса на Сицилию. Мнения были различны, но в конечном счете штаб Кессельринга никакого шанса оказать американцам успешное сопротивление не видел.

Я обрисовал Гитлеру мои впечатления. Он воспринял плохие вести спокойно и почти ничего не сказал. Мне показалось, что он уже списал Северную Африку со счетов. Насчет Сицилии он полагал, что сейчас, когда дело идет об их родине, итальянцы станут несколько активнее. В ответ я высказал свою негативную оценку итальянских войск. Я просто не мог себе представить, что существует хоть одна итальянская дивизия, которая была бы в состоянии с успехом и выдержкой оказать длительное сопротивление. Не удовлетворял самым элементарным требованиям прежде всего офицерский корпус итальянцев. Фюрер был очень разозлен их непригодностью и даже высказался в таком духе, что итальянские вооруженные силы ничего в войне не

смыслят и им бы лучше всего сегодня, а не завтра бросить винтовки и целиком перейти на сторону противника.

Визиты наших союзников

3 апреля прибытием болгарского царя Бориса началась серия визитов глав иностранных государств и их правительств. Он, по моему разумению, посетил Гитлера для того, чтобы узнать его взгляды насчет, по мнению самого Бориса, катастрофического хода военных действий в России. Говорил он с фюрером весьма откровенно, ни о чем не умалчивая. Но Гитлер все еще оценивал силы и возможности русских скептически и не мог или не хотел поверить в то, что силы эти, по сравнению с имевшимися у них прежде, возросли. Беседа между фюрером и царем Борисом протекала в очень тактичном и умеренном тоне, но после визита Гитлер рассказал нам, что на сей раз высказал царю свое мнение о русских совершенно напрямик и не может разделять распространенную точку зрения на их силы.

На следующий день мы поездом выехали в Линц. Гитлер посетил здесь имперские заводы «Герман Геринг» и промышленное предприятие «Нибелунги» в Флориане. Его сопровождал находившийся в Линце министр Шпеер. На имперских заводах происходил значительный рост производства, а «Нибелунги» приступили к серийному выпуску новых танков типов «Т-III» и «Т-IV». Гитлер долго ожидал этого и казался весьма воодушевленным тем, что дело наконец-то пошло. Он сразу же решил отложить операцию «Цитадель», чтобы иметь к ее началу достаточно таких танков. Эту отсрочку начальники генеральных штабов сухопутных войск и люфтваффе встретили с большой неохотой. Рихтхофен тоже стремился начать наступление поскорее. Но генерал-полковник Гудериан, с конца февраля назначенный генерал-инспектором танковых войск, добился своего, и наступление было отложено до июня. Я этого решения Гитлера не понимал, ибо отсрочка почти на шесть недель была, в сущности, на пользу русским. Если только они в конце концов не начнут наступать сами, то за это время укрепят свои позиции настолько, что наше наступление будет очень затруднено. Но Гитлера от его плана было не отговорить.

Апрель принес новые визиты государственных деятелей союзных стран. Побывали Муссолини, Антонеску, Хорти, Квислинг, Павелич, Лаваль и Осима.

Муссолини провел три дня в Клезхайме и имел с фюрером несколько бесед, пытаясь убедить его закончить войну с русскими как можно быстрее. Это была хорошо известная Гитлеру тема, которую он отвергал. Дуче в дальнейших беседах проявлял свою незаинтересованность и был очень молчалив. По нему было ясно

видно: он считает войну проигранной, и, с его точки зрения, у Италии больше нет шанса повернуть ее ход к лучшему. Я заговорил с фюрером в те дни об этом и высказал свое впечатление. Гитлер ответил: сам Муссолини никакого влияния на ход операций уже оказать не может, и он боится, что в Италии в руководстве вскоре может произойти что-то в ущерб нам.

Адмирал Хорти тоже захотел узнать, что думает Гитлер о продолжении войны. Фюрер прочел ему целый доклад о положении на фронтах, нарисовав картину весьма положительную. Мне показалось, что адмирал доклад этот с присущей ему любезностью выслушал очень внимательно, но ожидал услышать то, чего в нем не оказалось. Риббентроп атаковал Хорти из-за проводимой тем политики по отношению к евреям. Риббентроп считал, что следует транспортировать на Восток 800 тысяч венгерских евреев. Но адмирал на это не отреагировал, предпочитая пустить дело на самотек.

В целом о визитах этого месяца можно сказать: все визитеры приехали недоверчивыми и такими же уехали, ибо все они имели перекрестные связи в других странах. Оттуда они слышали обо все усиливающемся продвижении американцев и русских, которое не оставляло сомнений, что еще в 1943 г. последуют их крупные наступательные операции. Но Гитлер все еще уповал на слабость русских и надеялся на успех «Цитадели».

Гитлер требует усиления зенитной обороны

Весьма озабоченный характер носили мои разговоры с Гитлером в апреле насчет положения в воздухе. Англичане с неизменным упорством совершали свои воздушные налеты на германские города, и фюрер не знал, что ему предпринять против этого. Почти каждый день после ужина он звал меня в большой холл, и там мы ходили взад-вперед, разговаривая часа по два. Гитлер ясно сознавал превосходство англичан в воздухе и еще настойчивее требовал усиления зенитной противовоздушной обороны. Я вынужден был без прикрас сказать ему, что от огромного использования зенитной артиллерии большого эффекта не жду. Зенитками можно в любом случае только отвлечь бомбардировщики от подлета к объектам в ясную погоду и от прицельного бомбометания. Но при ночных бомбежках они как оружие обороны малоэффективны. Гитлер против моего мнения не возражал и даже соглашался с ним.

Удручающим было слышать мнение фюрера о Геринге. Он знал мое критическое отношение к Герингу еще с 1940 г. и никогда не забывал об этом. Ход развития люфтваффе за годы войны всегда давал ему повод для критики Геринга как ее главнокомандующего. Слова Гитлера по его адресу звучали жестко и отрицательно. Более того, в эти апрельские дни в «Бергхофе» у меня сложилось впечатление, что он Геринга вообще больше знать не желает. Я пытался смягчить эту оценку рейхсмаршала, указывая на тяжелый ход войны на Востоке и на связанное с ним тяжелое положение в области военного производства. Гитлер это сознавал, но его критику насчет создания новых самолетов я не мог не признать справедливой. Он проводил сравнение с подводным флотом. Там, говорил фюрер, наличие у англичан в 1942 г. приборов обнаружения субмарин привело к большим потерям. Тогда Дениц решил выпускать вновь подводные лодки в море только в том случае, если будет обеспечена действенная защита от английских радаров. Конструкторская работа вскоре позволила это сделать. Такая способность военно-морского флота находить выход из положения заслуживает признания и означает большую помощь, поскольку ему, фюреру, больше об этом заботиться не надо. Прежде у него не было причины лично следить за развитием люфтваффе, да он и не много понимал в этом деле. А теперь ему приходится вникать во все детали и оказывать большее влияние

на ее развитие. Однако в повседневном общении с Герингом Гитлер и впредь своего раздражения им и люфтваффе замечать не давал.

В последние апрельские дни мы стали получать подробные донесения из группы армий «Центр» об обнаруженных в лесу у Катыни захоронениях трупов. Министерство иностранных дел созвало и направило в Катынь международную комиссию медиков. В ее состав вошли крупнейшие судебные медэксперты из университетов Гента, Софии, Копенгагена, Хельсинки, Неаполя, Аграма, Праги, Братиславы и Будапешта. К 30 апреля 1943 г. было раскопано 982 трупа польских офицеров, которые в марте-апреле 1940 г. были убиты выстрелом в затылок. Ознакомившись с докладом комиссии, Гитлер громко выразил свое презрение к русскому режиму и его организаторам массовых убийств; он сказал, что никогда не оценивал русских иначе, и эта находка для него – всего лишь подтверждение.

В мае 1943 г. крупных событий не произошло. На первом плане стояли усилия Гитлера двинуть вперед военную промышленность и ограничить воздушную войну против рейха. Что касается военной промышленности, то в лице имперского министра Шпеера он нашел активного сотрудника, сумевшего мобилизовать всю индустрию и из месяца в месяц повышать ее производительность, порой даже просто в невероятных масштабах. Каждые две недели он обсуждал с фюрером большие и малые вопросы, входившие в его сферу деятельности.

В последнее время Шпеер привозил с собой некоторых господ-промышленников, которые и сами отчитывались перед фюрером, и давали ему советы. Я присутствовал на таких заседаниях, когда Гитлер говорил почти только с хозяйственниками. Главные цифры он держал в уме и был в курсе уровня производства. Отдельным промышленникам не всегда бывало просто ответить на все его вопросы. Особенно поражало то, что многочисленные воздушные налеты последних недель и месяцев не сказались значительно на промышленных предприятиях. Англичане сбрасывали свои бомбы в первую очередь на жилые кварталы городов, считая, что таким образом смогут сломить волю населения к борьбе. Примечательным в 1943 г. явилось то, сколь малого успеха они в том добились. Конечно, бессчетное множество семей было «разбомблено» и лишено своих жилищ, жертвами бомбежек стало много людей из гражданского населения, но впечатление было таково: эти бомбежки немецкий народ не деморализовали.

2 мая Гитлер выехал в Мюнхен. Пребывание его там объяснялось прежде всего состоявшимся 4 мая совещанием по

вопросу проведения операции «Цитадель», на которое были приглашены фельдмаршалы фон Клюге, фон Манштейн, генерал-полковники Гудериан и Ешоннек, а также некоторые другие лица. Предварительно фюрер беседовал в «Бергхофе» на эту тему с генерал-полковником Моделем{260}. Тот посоветовал ему перенести наступление на июль, чтобы подготовить для него еще больше танков новых типов. Гитлер и сам склонялся к такой мысли и теперь, в Мюнхене, добился этого вопреки точке зрения генералов.

Из Мюнхена мы отправились в Берлин. Гитлер захотел присутствовать 2 мая на похоронах Лютце. Начальник штаба СА погиб в результате несчастного случая на берлинской автостраде. Главную речь произнес Геббельс, но фюрер добавил пару слов, из которых было видно, насколько взволнован он этой бессмысленной гибелью. После траурной церемонии Гитлер пригласил высших партийных начальников и фюреров СА и СС к себе на обед, во время которого произнес страстную речь против гонки на автострадах. Фюрер приказал, чтобы отныне все партийные фюреры не превышали скорости 80 км в час.

12 мая мы вылетели в Восточную Пруссию в нашу Ставку. Там Гитлер 15 мая получил сообщение из Туниса о капитуляции генерал-полковника фон Арнима. Фюрер еще раньше видел приближающуюся потерю Туниса, но каким-либо образом предотвратить ее не смог. Он упрекал итальянцев в том, что они в последние месяцы вообще оказались не в состоянии контролировать снабжение войск в Северной Африке.

13-15 мая Гитлер проводил продолжительные совещания со Шпеером и несколькими специалистами военной промышленности; ему были продемонстрированы новые модели танков и противотанковых орудий, и он принял решение о их запуске в серийное производство. Самого Шпеера Гитлер наградил почетным знаком «Кольцо техники».

Беседа с Ширахом в Вене

В конце мая я получил отпуск и вместе с женой совершил поездку в Вену. Там мы посетили рейхсляйтера Бальдура фон Шираха, который принял нас весьма приветливо и дружески. Я имел возможность откровенно и свободно побеседовать с ним о политическом и военном положении. Мы обсуждали эти проблемы не меньше часа. Я сказал ему, что возможность выиграть эту войну с нашими силами считаю исключенной. Ширах мое мнение разделял. Его только очень волновало то, что Риббентроп, Кейтель и другие высшие офицеры не говорят фюреру все как есть. Мне пришлось возразить: Риббентроп и именно многие генералы ясно показывали Гитлеру трудности войны и не скрывали от него своих сомнений. Я вынужден был сказать Шираху, что единственный носитель войны – это Гитлер. Он все время ссылается на конференцию в Касабланке, на которой Рузвельт и Черчилль потребовали от него безоговорочной капитуляции. Ширах не считал это заявление столь решающим и сказал, что для компромиссного мира время есть всегда. 14 июня я уже выехал из Берлина на Оберзальцберг.

Гитлер критикует люфтваффе

Вернувшись в «Бергхоф», я доложил Гитлеру о своем прибытии из отпуска. После нескольких слов личного характера он сразу перешел к главной теме – постоянным бомбежкам англичанами: эти говнюки сделали «капут» всей Рурской области, и конца этому не видно. Наша люфтваффе, вместо того чтобы давать отпор, ведет себя так, будто ее вообще нет.

Затем фюрер перешел к вопросу о Сицилии. Гитлер испытывал большую тревогу за нее, ибо не доверял итальянцам и не мог требовать от немецких войск слишком многого. Сказал, что прежде всего должна помочь люфтваффе. Несколько дней назад, 11 июня, в «Бергхофе» побывал Рихтхофен. Гитлер поручил ему командовать 2-м воздушным флотом в Италии, чтобы высвободить Кессельринга, которому этот воздушный флот подчинялся как командующему там группой армий «Юг», для выполнения в дальнейшем более важных задач, даже если тот на первое время и останется полководцем без войска.

Сложившаяся к тому моменту в Италии напряженная обстановка в воздухе характеризуется телефонограммой, переданной Герингом в штаб оперативного руководства 2-го воздушного флота. В ней говорилось: «Сообщить всем находящимся в Италии истребителям, что они – самые бездарные летчики, какими мне когда-либо приходилось командовать. Если же они случайно входят в боевое соприкосновение с врагом, их сбивают, прежде чем они добиваются хоть маломальского успеха. Впредь до особого распоряжения запрещаю давать им отпуска, чтобы мне здесь, на родине, не пришлось стыдиться за этих жалких людишек. Геринг».

Вечером этого первого дня на Оберзальцберге Гитлер снова долго вышагивал со мной взад-вперед по холлу. Говорил он преимущественно о своих тревогах, связанных с Итальянским театром войны. Продвижение американцев расценивал как дело серьезное и признавал, что наших сил там недостаточно. Если люфтваффе не удастся решающим образом воздействовать на американцев при их высадке на Сицилии, у него нет никакой надежды сохранить весь итальянский полуостров.

Фюрер испытывал большое доверие к Рихтхофену и надеялся, что тому удастся организовать успешную оборону. Я позволил себе однажды снова высказать ему свою точку зрения насчет сил нашей люфтваффе и сказал, что по вооружению ей уже никогда не догнать англичан, американцев и русских. Гитлер сослался на Геринга, который так же, как и он сам, может сделать

невозможное возможным. Я ответил: именно этого теперь произойти не может. Не хватает самолетов конструкции 1941-1942 гг. Люфтваффе живет только старыми типами самолетов, с которыми она вступила в войну еще в 1939 г. Фюрер на это ничего не ответил, но я заметил, что он снова твердо доверяет Герингу.

Размолвка Гитлера с Ширахом

24 июня, в католический праздник Тела Христова, «Бергхоф» посетил Бальдур фон Ширах с женой. Он долго и подробно беседовал с Гитлером, но содержание этой беседы я узнал только поздним вечером от самого фюрера. Ширах весьма недвусмысленно высказал ему свою точку зрения: войну следует каким-либо образом закончить. На это Гитлер, по словам Шираха, сказал: «Как это мыслится сделать? Ведь вы, как и я, знаете, что больше пути к этому нет, кроме как мне самому пустить себе пулю в голову». Фюрер разговором с Ширахом был очень взволнован и дал ясно понять, что больше дела с ним иметь не желает. Это была их последняя встреча.

«Цитадель»

29 июня Гитлер вылетел в «Волчье логово». На 5 июля была запланирована наступательная операция на Восточном фронте «Цитадель»{261}. В связи с этим фюрер приказал явиться на совещание всем участвующим в ней командующим. Он произнес длинный доклад о положении на Восточном фронте и своих намерениях. Говорил уверенно и ожидал успеха данной операции. Фюрер не верил, что русский в состоянии повести против немецких войск крупное успешное наступление. Его пугала только Сицилия из-за двойственного поведения итальянцев.

5 июля группа армий фон Клюге начала наступление с севера, а группа армий фон Манштейна – с юга, имея целью Курск. Прежде чем наши войска перешли в наступление, русский произвел мощный огневой налет по нашим позициям. Следовательно, о нашем наступлении он узнал заранее. Сражение было очень тяжелым, Манштейн продвигался лучше Клюге.

40-летие военной службы Шперрле

В день начала наступления Гитлер дал мне задание слетать к Шперрле во Францию и передать от его имени поздравления по случаю 40-летия военной службы фельдмаршала с присовокуплением в подарок чека на 50000 марок. Сначала я полетел в Париж и доложился начальнику его штаба генералу Коллеру, с которым у меня состоялась долгая беседа насчет воздушной войны против Англии. Коллер считал, что люфтваффе не должна применяться в качестве артиллерии сухопутных войск. Настоятельно необходима оперативная воздушная война против Англии, и полковнику Пельтцу следует дать требующиеся для того соединения.

Самого Шперрле в Париже не оказалось, он находился в своей летней штаб-квартире Сен-Жеан-де-Луц южнее курорта Биарриц на побережье Атлантики. Во второй половине дня я прибыл туда и передал фельдмаршалу поздравление фюрера. Завязался разговор о положении на фронтах. Оценка этого положения Гитлером, с которой я его ознакомил, произвела на Шперрле большое впечатление. Он жил здесь в полном уединении, сопровождаемый только врачом, адъютантом и офицером-порученцем, совершенно вдали от военной повседневности. В этом узком кругу я провел сутки в таком покое, словно в Европе войны уже больше нет.

Из Южной Франции я, прилетев в «Волчье логово», попал прямо в адский котел, полный беспокойства и проблем.

12 июля в результате русского наступления на выступ нашей, линии фронта под Орлом возникла совершенно новая обстановка. 13 июля Гитлер вызвал к себе Клюге и Манштейна и обсудил с ними продолжение «Цитадели». Манштейн категорически высказался за это, между тем как Клюге хотел наступательную операцию приостановить. Русское наступление в полной мере воздействовало на его участок фронта, и он сомневался, удастся ли ему устоять. После долгого обсуждения Гитлер принял решение наступление прекратить. Таким образом, последняя немецкая наступательная операция на Восточном фронте сорвалась.

Отпадение Италии

Из Италии стали поступать сообщения, указывавшие на политический переворот. Поводом послужила высадка американцев на Сицилии 9-10 июля 1943 г. Там находился наш «сильный человек» генерал Хубе. Но у него имелось слишком мало войск, чтобы оборонять все побережье. Прежде всего было заметно большое превосходство противника в воздухе. Затем начали поступать сообщения о том, что итальянцы бросают оружие и бегут. Одной американской и одной английской армиям удалось закрепиться на Сицилии и за четыре недели захватить весь остров.

Гитлер счел, что в эти бурные как на Восточном фронте, так и в Италии дни ему необходимо встретиться с Муссолини. Встреча состоялась 19 июля в Фельте, вблизи Беллуно (Северная Италия). Дуче прихватил с собой много сопровождающих лиц, которые ввиду языковых трудностей за его переговорами с фюрером следить не смогли. Гитлер говорил очень долго, упрекал Муссолини, но у самого сложилось впечатление, что тот со своей судьбой уже смирился и находится на исходе сил. Обойдясь с Муссолини весьма немилостиво, фюрер отбыл из Италии прямо в Растенбург. За дальнейшими событиями в этой стране он следил с большим напряжением, но очень недоверчиво и пребывал в гневе на этого союзника.

24 июля в 18 часов во дворце «Венеция» собрался Большой фашистский совет – впервые с начала Италией войны в декабре 1939 г. Дальнейшие сообщения поступали весьма скупо, и составить себе ясную картину происходящего было трудно. Весь день 25 июля Гитлер следил за ходом событий с огромным нетерпением. В его Ставку съехались Риббентроп, Геринг, Геббельс и Гиммлер, ведшие с ним возбужденные разговоры. Поздним вечером 26 июля мы узнали, что Большой фашистский совет значительным большинством голосов решил просить короля самому принять главнокомандование вооруженными силами. Одной из движущих фигур этого Совета явился бывший итальянский посол в Лондоне Гранди.

Оказалось, во второй половине 25 июля Муссолини был приглашен к королю, который сообщил дуче, что его преемником назначен маршал Бадольо{262}. Когда Муссолини покидал королевский дворец, его взяли под стражу. Полиция отвезла дуче в машине скорой помощи в казарму карабинеров, и мы целыми неделями о его местонахождении ничего не знали. Гитлер был в ужасе от того, как тихо и незаметно закончилось фашистское

господство. Ни одна рука не шевельнулась в защиту Муссолини. Правда, правительство Бадольо делало вид, что хочет продолжать союз с Германией. Но фюрер отнесся к этому весьма скептически. К Бадольо он никакого доверия не питал. В Италии его теперь больше всего интересовало установление места, где Муссолини держат под арестом. Он поручил Гиммлеру принять все меры, чтобы выяснить это.

Разрушение Гамбурга

В то самое время, когда вечером 26 июля Гитлер получил весть о перевороте в Италии, гауляйтер Кауфман доложил из Гамбурга о первом из трех страшном налете английской авиации на этот город. Англичане снова задействовали примерно 1000 бомбардировщиков. Для маскировки подлета к цели они использовали бесчисленное множество станиолевых полосок, которые почти полностью нарушили действия немецкой службы обнаружения и оповещения, помешав противовоздушной обороне. На следующий день при обсуждении обстановки фюрер резко обрушился на люфтваффе с упреками и потребовал немедленного усиления защиты зенитной артиллерией. Он предполагал дальнейшие налеты и не обманулся. Вскоре последовали еще две очень сильные бомбежки, и за немногие дни Гамбург был целиком разрушен.

Русское наступление на Орел и Белгород имело успех. Оба города у нас отобрали. Отныне русские наступали. Свое наступление они вели постоянно с 12 июля до самого октября, так что наша линия фронта на отдельных участках была оттеснена на расстояние примерно 200 км. Новая же линия обороны, на которой наши войска закрепились в начале октября (а это значит, во время осенней распутицы), проходила от Азовского моря через Запорожье, вдоль Днепра через Днепропетровск, Киев, Гомель до Витебска.

Гитлер своими мыслями и заботами больше находился в Италии, чем на Восточном фронте. К тому же несколько дивизий он приказал перебросить в Италию, а Восточный фронт оставил без резервов. С тех пор русский овладел инициативой на всем Восточном фронте и больше ее из своих рук не выпускал. Главную причину этого я видел в угрожающем положении на множестве наших фронтов: требовала все больше дивизий Италия, во Франции нами создавался фронт обороны против вторжения англо-американцев, наши войска были скованы в Греции на Пелопоннесе и в Норвегии.

Самоубийство Ешоннека

В августе 1943 г. мне пришлось обратить внимание Гитлера на разногласия в руководстве люфтваффе. С начала года расхождения во мнениях между Герингом и Ешоннеком стали усиливаться и преодолеть их уже было невозможно. Геринг наводнил свой штаб разными молодыми офицерами генерального штаба и практически руководил люфтваффе с их помощью, невзирая на их принадлежность к тому или иному роду войск. Это, естественно, создало немыслимую ситуацию.

В первые августовские дни мне утром позвонил адъютант Ешоннека и попросил прийти к нему на завтрак. Я нашел начальника генерального штаба люфтваффе в отчаянии и раздраженном состоянии. Геринг взвалил на него всю вину за постоянно усиливающиеся британские бомбежки и в своих упреках был невыносим, необуздан, несправедлив и говорил не по существу. Я, как можно спокойнее побеседовав с Ешоннеком, предложил ему явиться сегодня на обсуждение обстановки у Гитлера. Когда я доложил об этом фюреру, тот сразу согласился принять его, но сказал мне, что ни в коем случае не позволит Ешоннеку покинуть свой пост, ибо не знает никого другого, кто мог бы руководить люфтваффе при несостоятельности Геринга. Ешоннек пробыл у Гитлера почти два часа. Уходя, он поблагодарил меня, за то что я устроил ему неформальный прием у фюрера за обедом, но добавил: ему все-таки придется работать вместе с Герингом. Я видел, что разногласия между ними отнюдь не устранены, но что поделать, не знал.

Утром 19 августа мне позвонил адъютант Ешоннека и сообщил, что он застрелился. Я просто оцепенел от неожиданности. Еще перед полдневным обсуждением обстановки в Растенбург прилетел Геринг. Я встретил его на аэродроме и проводил в Ставку фюрера. Он передал мне два письма, оставленные для меня Ешоннеком, и спросил, не говорил ли тот мне что-либо или не намекал как-то насчет своего намерения. Я с чистой совестью ответил отрицательно. Геринг захотел узнать и содержание писем. Отказавшись сделать это, я сунул письма в полевую сумку, а потом прочел их в спокойной обстановке.

Ешоннек жаловался на отношение к нему Геринга, на его непрерывные телефонные звонки с упреками по поводу крупных английских бомбежек и на многое другое, ответственность за что главнокомандующий люфтваффе несправедливо возлагал лично на него. Он описывал свои тщетные усилия создать эффективную люфтваффе. Эти письма очень взволновали меня, и вечером я

сообщил их содержание Гитлеру, который упрекнул Ешоннека в том, что своим самоубийством тот ничего не улучшил, а сделал только личный вывод. У меня возникло впечатление, что Геринг и после смерти Ешоннека отозвался о нем плохо, исказив его намерение в том духе, что тот самоубийством якобы хотел обнажить слабые места в деятельности своего главнокомандующего. Ничего подобного места не имело. Через несколько дней Ешоннека похоронили поблизости от штаб-квартиры люфтваффе, а Геринг назначил начальником ее генерального штаба генерала Кортена.

Смерть Ешоннека показалась мне характерной для ситуации в люфтваффе и постоянного перенапряжения этой составной части вермахта. С оперативной точки зрения, она после воздушной битвы за Англию больше никакой роли не играла и на выполнение крупных задач способна не была. Готовности авиаторов действовать не отвечала неправильная структура люфтваффе. Правда, она еще делала многое для поддержки сухопутных войск, но на Западе – как это ясно показало лето 1944 г. – в обороне рейха безнадежно уступала авиации противника. Что же касается возрастающего качества русской фронтовой авиации, то значительное время наши летчики превосходили ее своим более высоким мастерством. Однако в дальнейшем они стали уступать и здесь ввиду продолжающейся амортизации материальной части. Из-за нехватки горючего (и при том, что самолетов у нас производилось достаточно) боевые действия вели слабо обученные и неопытные пилоты, становившиеся легкой добычей английских и американских.

Если Ешоннек едва ли еще распоряжался, так сказать, капиталом в виде люфтваффе, то его преемники Кортен, Крайне и Коллер с присущим каждому из них темпераментом уже растранжиривали его направо и налево. Так, Кортен хозяйничал с размахом и всякими там деталями себя не обременял. Крайпе тоже не принимал свои задачи слишком всерьез. Только один Коллер, уже почти не имевший в распоряжении боеспособных соединений, отнесся к делу весьма серьезно, явно страдая от бесплодности своих усилий. К тому же он вообще не сумел ладить с Герингом, что стало трудным, когда Крайпе перестал служить «посредником» между главнокомандующим и генштабом люфтваффе. Наблюдать в ближайшие месяцы, как этот вид вооруженных сил, на который возлагались такие большие надежды, приходит в упадок в результате многообразных ошибок и упущений, было для меня удручающим зрелищем.

В августе 1943 г. англичане совершили еще несколько ужасающих воздушных налетов. Особенно тяжелыми были налеты

на Пенемюнде, где строились немецкие ракеты{263}; лишились жизни 700 человек. Американцы начали теперь со своих авиационных баз в Италии бомбить германские и австрийские предприятия – к примеру, авиационные заводы в венском пригороде Нойштадт и Мессершмитта – в Регенсбурге, а также шарикоподшипниковые заводы в Швай-нефурте.

То было время конференции в Квебеке. Рузвельт и Черчилль заседали там с 17 до 24 августа, чтобы договориться о целях войны. Из представленных ему Риббентропом сообщений Гитлер сразу увидел, что главная роль там принадлежала Рузвельту, который придерживался взгляда: после поражения «оси» в Европе будет господствовать Россия. Поэтому важно уже сейчас развивать и поддерживать дружественные отношения с нею. Черчилль пошел навстречу этому желанию Америки и отказался в пользу Сталина от традиционной английской политики «равновесия сил» на Европейском континенте.

Гитлер отнесся к итогам этой конференции очень серьезно и ожидал дальнейшего обострения сложившейся ситуации, не будучи в состоянии что-либо изменить. Из все еще непредсказуемого хода событий в Италии он сделал вывод: удержать их дальнейшее развитие в своих руках он сможет лишь своим еще более резким и жестким внутриполитическим руководством. Фюрер назначил имперского министра внутренних дел д-ра Фрика имперским протектором в Праге, передав его министерство рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру.

В конце августа Гитлер был очень расстроен известием о смерти царя Бориса. Инстинкт подсказывал ему, что это – убийство, за которым стоит итальянский королевский дом. Жена Бориса была дочерью итальянского короля. Ее сестра Мафальда, жена принца Гессенского, довольно долгое время находилась в Софии. Доказательств у Гитлера не имелось, но лечившие царя врачи признали, что он, возможно, был отравлен.

Трудное положение на Восточном фронте

К концу августа давление русских усилилось. Клюге и Манштейн отчаянно бились за сохранение своих линий фронта. Из этого положения Гитлер сделал вывод: Сталин теперь полагается на ситуацию в Италии и надеется на то, что он, фюрер, перебросит туда с Восточного фронта крупные силы. Отступление сказалось на обладании Донецким бассейном, который Гитлер хотел удержать во что бы то ни стало. 8 сентября мы с ним еще раз вылетели в Винницу, чтобы поговорить с фельдмаршалом фон Манштейном. Русский ударил в стык между группами армий самого Манштейна и Клюге, добившись значительного вклинения. Фронт можно было стабилизировать только отходом. Гитлер оказался вынужден открыть фельдмаршалам этот путь.

Операция «Ось»

Когда мы вернулись в «Волчье логово», там царила очень напряженная обстановка. Из Италии поступали весьма странные сообщения: будто итальянские вооруженные силы капитулировали. Вечером 8 сентября слухи подтвердились. Это послужило сигналом для проведения под кодовым наименованием «Ось» («Аксе») мобилизации против итальянцев всех находившихся в Италии немецких сил, что и было сделано. Началось разоружение итальянских войск. Действуя в обход Рима, Гитлер передал командование энергичному авиационному генералу Штахелю. Итальянский флот покинул свои базы. Но немецкие бомбардировщики все же потопили линкор «Рома» («Рим») и повредили корабль того же типа «Италиа». Кое-где итальянские солдаты оказывали сопротивление. Наши войска нередко действовали против бывшего союзника беспощадно. Во всяком случае, им удалось 10 сентября занять Рим, а через несколько дней – всю Италию. Гиммлер назначил обергруппенфюрера СС Карла Вольфа «специальным советником по полицейским делам» в Италии. Его место в Ставке Гитлера занял группен-фюрер СС Фегеляйн.

Тем временем Гитлер узнал, что Муссолини держат под арестом в одном горно-спортивном отеле в Гран-Сассо на Апеннинах. Он немедленно приказал провести крупную акцию по его освобождению. Люфтваффе было поручено подготовить высадку там воздушного десанта. В этой акции, за которой Гитлер следил с большим интересом, участвовал также гауптштурмфюрер СС Отто Скорцени{264}, который затем выдвинулся при ее проведении на первый план. Она началась 12 сентября и закончилась освобождением Муссолини. Грузовые планеры приземлились на горном плато Гран-Сассо рядом с отелем, парашютисты вызволили Муссолини из заключения, и Скорцени доставил дуче на «Шторьхе» на аэродром, где его сразу же пересадили на более крупный самолет, вылетевший в Вену. Оттуда Скорцени позвонил в Ставку фюрера и доложил об успехе. Гитлер поздравил его и пожаловал ему Рыцарский крест. Через два дня Муссолини, совершенно сломленный, прибыл в Растенбург. У меня было такое впечатление, что он вообще не помышляет больше заниматься политикой. Однако Гитлер отправил его в Мюнхен, чтобы оттуда он начал играть свою новую роль. Уехал Муссолини потихоньку, без всякого шума. Время его истекло. Но фюрер все еще относился к нему благосклонно.

Мысли о сепаратном мире

В эти недели перманентного кризиса и невероятной активности наших противников приближенные Гитлера стали заговаривать с ним о планах договориться с одним из этих противников о мире. Было ясно видно, что Риббентроп и Геббельс весьма склонны к тому. Они попытались привлечь фюрера на собственную сторону своими соображениями насчет такой договоренности со Сталиным{265}. В принципе Гитлер тоже склонялся к такой возможности, но сказал, что это возможно, только стоя на сильной позиции. Он больше надеется на распад союза наших врагов. Установление взаимопонимания с западными государствами считает исключенным. Черчилль – враг по своему внутреннему убеждению и не успокоится до тех пор, пока Германия не будет разбита, даже если сам при этом потеряет всю британскую мировую империю. На договоренность о мире с Россией он, фюрер, решиться не может, ибо большевики остаются врагами рейха.

Отношение Гитлера к идее сепаратного мира осенью 1943 г. казалось мне двойственным. Но я полагал, что сами по себе он эти соображения полностью не отвергал, даже если потом и вернулся к той точке зрения, что победу может принести только борьба. Однако вскоре он уже стоял на этой позиции совершенно один. Немецкие войска отступали на всех фронтах. Уверенность в победе исчезала, оставалась несломленной только вера в то, что фюрер найдет выход. Вера эта укрепляла у Гитлера сознание своего мессианства, он не мог поверить в то, что все германские усилия и тяготы, гигантские потери от бомбежек и жертвы на фронтах окажутся напрасными. В эти недели осени 1943 г. я видел, что фюрер полон глубокой веры в свою миссию и, как кажется, уповает на чудо.

С другой стороны, было ужасающим констатировать, как все безудержнее рос антисемитизм Гитлера по мере продолжения боев в России. В разговорах с Гиммлером и Геббельсом он не оставлял никакого сомнения в том, что все творимое с евреями его совершенно не беспокоит. В остальном же самым радикальнейшим среди национал-социалистических руководителей казался мне Геббельс, между тем как Гиммлер, при всем том, что он делал, все больше и больше задумывался о будущем.

С осени 1943 г. многие вновь и вновь спрашивали меня: каким же образом мы хотим выиграть войну? Дать верный ответ на этот вопрос мне было очень трудно. Но я никому не позволял

подумать, будто сам еще верю в полную победу. То, что, к примеру, делалось в люфтваффе, при все возраставшем превосходстве наших противников в воздухе, показывало: если не случится чуда, поражение неизбежно. В таких разговорах я не оставлял сомнения на тот счет, что изменения в результате успешного применения технически нового оружия (имея в виду новые реактивные истребители и создание «Фау-1» и «Фау-2») считаю возможными, но сам в это не верил. Это новое оружие для исхода войны никакого значения уже больше иметь не сможет, поскольку, как я предполагал, война закончится в 1944 г.

Меня спрашивали и о том, нет ли какого-нибудь способа отстранить Гитлера от власти, иначе говоря – убить. Я категорически отрицал.

Вот уже шесть лет служил я адъютантом фюрера и замечал, что его доверие ко мне постоянно росло. Я был полон решимости выполнять свою задачу, что бы ни произошло. Пусть поворота добиваются другие, раз считают его неизбежным.

Глава V

Сентябрь 1943 г. – май 1948 г.

Осенью 1943 г. война вступила в особенно жестокую стадию. Удивительным в это время было поведение солдат-фронтовиков. Из миллионов одевших форму сухопутных войск в непосредственных боях на фронтах находилось относительно небольшое число. Значительная часть этих войск была связана подвозом и снабжением. Гитлер снова и снова давал указания прочесывать тыловые службы и армию резерва и отправлять молодые контингенты на фронт. Не знаю, в чем тут дело, но все усилия подбрасывать в большом количестве пополнения измотанным сражающимся частям ожидаемого результата не давали. Численность личного состава всех соединений сухопутных войск была ниже среднего уровня. Командиры батальонов радовались, когда у них имелось 200-300 человек. А когда дело доходило до боя, эти цифры резко падали вниз. Однако дух солдат, их готовность действовать и воля сражаться оставались стабильными, а роль Гитлера как фюрера – неоспоримой. Многие из них были твердо убеждены в том, что у него есть в резерве и оружие, и боевые соединения – основа для новых успехов, пробивающих путь к победе. Но, в отличие от этой уверенности, те, кто мог видеть положение в целом и получить полное представление о нем, знали: поражение – вопрос только времени.

Высадка англо-американцев на Сицилии

В сентябре 1943 г. американцы и англичане высадились в Южной Италии. Им удалось относительно быстро закрепиться и захватить города Неаполь и Фоджу. У нас сложилось впечатление, что на первом плане у них стоял район Фоджи. Там имелись аэродромы и достаточно удобная местность для постройки новых, что они и сделали в ближайшие недели. Именно из Фоджи американцы в октябре совершили первый крупный налет на венский Нойштадт. Там у Мессершмитта находился большой завод, выпускавший «Ме-109». Гитлер сразу послал меня туда, чтобы получить от зенитной артиллерии и местной противовоздушной обороны данные о силе и результатах этого налета. Как и в других случаях, сделать это было нелегко. У меня было такое впечатление, что ответственные командиры не имели полного представления о происшедшем. Я не обнаружил даже ни одного пункта слежения за вражескими самолетами, необходимого для того, чтобы отбить их с самого начала.

Дальнейшее продвижение американцев с юга Италии шло сравнительно медленно, так что назначенный 21 ноября командующим юго-западной группы армий «Ц» фельдмаршал Кессельринг смог изготовить к обороне свои небольшие силы. До начала октября в Германию было отправлено в качестве военнопленных 300 000 итальянских солдат, которых стали использовать как рабочих. Позиции Кессельринга быстро укреплялись. Его эффективная оборона и успехи в ее осуществлении привели к тому, что тревога Гитлера за этот фронт постепенно уменьшилась; он полностью предоставил фельдмаршалу самому действовать на этом театре военных действий и в дела там почти не вмешивался.

Дальнейшее обострение воздушной войны

Германия все больше и больше становилась беспомощной жертвой британских воздушных налетов. 7 сентября Гитлер пригласил к себе профессора Мессершмитта и задал ему вопрос о состоянии дел с выпуском реактивного самолета. Ко всеобщему удивлению, он спросил, мюжет ли этот самолет использоваться в качестве бомбардировщика. Мессершмитт ответил утвердительно, но добавил, что фельдмаршал Мильх создает ему одни сплошные трудности и не предоставляет в его распоряжение достаточной рабочей силы. Это было следствием разгоравшегося много лет конфликта между ними. Мне удалось просветить фюрера на сей счет и сказать ему, что Мессершмитт всегда требовал слишком многого, не достигая при этом того общепринятого уровня, который оправдывал бы эти требования. Отдельные достижения он охотно подавал так, будто они носили просто-таки серийный характер. Я попросил Гитлера еще раз обсудить это с Мильхом.

В то время Гитлера преимущественно интересовала противовоздушная оборона. Он день и ночь обдумывал новые средства и пути, чтобы ослабить и ограничить воздействие вражеских бомбежек. Прежде он полагался на заверения Геринга, который выражал крайнее недовольство таким ходом событий. Теперь фюрер разговаривал по авиационным вопросам с начальником генерального штаба люфтваффе Корте-ном, отодвинув Геринга, все реже участвовавшего в ежедневных обсуждениях обстановки.

Между тем налеты вражеской авиации учащались. 2 октября произошел налет на Эмден, причинивший большой ущерб заводу, производившему истребители. 4 октября последовал налет на промышленные кварталы Франкфурта-на-Майне. 10-го бомбы упали на Мюнстер и на Анклам в Померании. 14 октября американцы совершили налет на Швайнфурт, при котором они вывели из строя шарикоподшипниковый завод, но и сами понесли большие потери. В результате успешной противовоздушной обороны, действовавшей в соответствии с энергичными требованиями Гитлера, целенаправленные дневные налеты прекратились. Однако ночные налеты англичан на города продолжались – например, на Ганновер, Лейпциг и Кассель.

5 октября Гитлер разговаривал с Герингом и Кортеном о том, как положить конец дневным налетам авиации противника. Он

сказал, что центр тяжести действий люфтваффе следует перенести теперь на отражение бомбежек, иначе противник разбомбит все наши военные предприятия. После каждого налета фюрер получал донесения от соответствующих гауляйтеров и, следовательно, был точно информирован как о совершенно недостаточной, так и об успешной обороне. Иногда же, особенно при дневных налетах, она была равна нулю. Истребители не могли взлететь из-за плохой погоды или были задействованы где-то в другом месте. Как раз это и взвинчивало фюрера сильнее всего. Случалось и так, что вражеские бомбардировщики приближались к объекту в сопровождении своих истребителей, а наши истребители (также и по причине недостаточного опыта летчиков) в бой не вступали.

Во время таких обсуждений обстановки, когда Гитлер говорил, причем детально, об отдельных налетах, теперь легко раздавались его упреки, в основе которых лежали неправильные представления фюрера и противоречивые донесения военных и гражданских инстанций.

В данной связи Гитлер был ознакомлен и с феноменом «летчиков-камикадзе». По различным поводам того же требовали и от наших пилотов, обосновывая это тем, что такая жертва нужна для победы фатерланда. Фюрер этого взгляда не придерживался. Он одобрял диктуемые воодушевлением бескорыстные действия во имя отечества, но такую цену считал слишком высокой. Тем не менее таких добровольцев выискивали на тот случай, если в дальнейшем они когда-нибудь потребуются.

7 октября Гитлер вызвал в «Волчье логово» рейхс– и гауляйтеров, настроив их на неблагоприятное положение и на трудности, которые придется преодолевать в будущем. Подчеркнув, что воля людей и «наше упорство в достижении цели должны всегда оставаться такими же», он сказал: «Ваш боевой дух, ваша энергия, твердая решимость и предельная готовность и сегодня оказать помощь народу прежде всего при всех трудностях воздушной войны – вот что служит нам костяком и опорой». Закончил он словами, в которых звучала его непоколебимая уверенность в победе, и фюреру снова удалось убедительно передать ее своим безоговорочно преданным ему слушателям. Рейхс– и гауляйтеры разъехались с твердой верой, что Гитлер готовит новые силовые средства, которыми он еще приведет немецкий народ к победе. Его «Указ о подготовке восстановления подвергнувшихся бомбардировке городов» подкрепил их надежды.

Несгибаемость Гитлера

Гитлер увидел надвигающийся угрожающий ход развития на Восточном фронте раньше и отчетливее своих советников. Но он упрямо требовал от командующих армий и групп армий после отвода линии фронта не отходить дальше, а если все же приходилось, делать это только в исключительных случаях и в самый последний момент. Фюрер прежде всего настаивал на том, чтобы безусловно удержать Крым, и неумолимо отвергал все соответствующие требования фельдмаршала фон Манштейна.

8 октябре пришлось сдать Запорожье и Днепропетровск. 6 ноября пал Киев, жестокие бои велись на Днепровской дуге. Но Гитлер говорил и начальнику генерального штаба сухопутных войск Цейтцлеру, и начальнику штаба оперативного руководства ОКВ Йодлю, что главное наше внимание следует уделить фронту в Италии и воздушной войне. К русским успехам на Восточном фронте он относился довольно равнодушно и все свои надежды возлагал на новые наступательные операции в следующем году и на новое оружие, которое появится в его распоряжении. Цейтцлер уже не верил ни одному слову Гитлера, между тем как Йодль все-таки сохранял какую-то веру в успех германского оружия.

Подготовка к англо-американскому вторжению

3 ноября 1943 г. Гитлер дал разработанную Йодлем директиву № 51 о ведении войны на Западе. В ней говорилось: «Опасность на Востоке осталась, но еще большая вырисовывается на Западе: англосаксонское вторжение! На Востоке размеры пространства позволяют в крайнем случае оставить даже крупную территорию, не поставив под смертельную угрозу жизненные нервы Германии. Другое дело на Западе! Если противнику удастся осуществить здесь вторжение в нашу оборону на широком фронте, то последствия этого скажутся в короткое время и они будут необозримы. […] Потому я не могу больше брать на себя ответственность за то, что Запад ослабляется в пользу другого театра действий. Поэтому я решил усилить мощь обороны, особенно там, откуда мы начнем обстрел Англии. Ибо там противник должен нанести и нанесет удар, там произойдет, если это все не дезинформация, решающая битва с десантом»{266}. Это было вполне в стиле фюрера. Кстати, ошибся он только в дате, рассчитывая, что высадка из Англии произойдет уже в начале 1944 г.

5 ноября Гитлер назначил фельдмаршала Роммеля командующим для особых поручений и передал ему инспектирование и укрепление фронта ожидаемого вторжения. Тем самым ему были предоставлены почти все полномочия по обеспечению французского побережья. Роммель в то время еще был безоговорочным приверженцем фюрера и без всяких возражений подчинялся его распоряжениям. Разумеется, он со всей энергией принялся за выполнение своей новой задачи.

7 нрября Гитлер еще раз принял фельдмаршала фон Манштейна, который был очень озабочен положением в районе Киева и Крымом. Фюрер не позволил ему даже заговорить о Крыме и Никополе (здесь имелись большие залежи марганцевой руды), не высвободил для борьбы за Киев трех находившихся на подходе дивизий, а потребовал использовать их на юге – на Крымском фронте. Тем самым он был готов пойти на Восточном фронте на большой риск. Как и прежде, для него на первом плане стояла противовоздушная оборона рейха. Фюрер говорил, что «летное дело» – решающее для 1944 г., и видел важнейшее средство борьбы в скоростных бомбардировщиках. Он снова и снова спрашивал об этом, проявляя нетерпение из-за медленного выпуска таких самолетов.

Несмотря на напряженное положение на фронте, 8 ноября Гитлер все же выступил в Мюнхене перед «старыми борцами». В этом кругу он, как обычно, говорил очень откровенно и непринужденно. Упомянул о невероятной тяжести боев в России и впечатляющих действиях там наших солдат, а потом перешел к «зверским бомбежкам» родных городов и к страданиям женщин и детей. Вывод был обычным: «Пусть эта война продолжится, сколько ей угодно, Германия не капитулирует никогда!». Мы уверены, что Провидение – на нашей стороне и оно дарует нам победу.

Сразу после речи Гитлер на несколько дней отправился на Оберзальцберг. Хотя и туда постоянно поступали донесения о происходящем на Восточном фронте и о бомбежках германских городов, все-таки это была неделя отдохновения. Горизонт вдруг окрашивался по-иному, и было заметно, что фюрер наслаждался такой доверительной приватной атмосферой. А уже 16 ноября мы снова были в «Волчьем логове».

Там Гитлера ожидал посол фон Папен. Он знал, что в Москве несколько дней заседали министры иностранных дел вражеских стран, знал он и о том, что главы этих государств – Рузвельт, Сталин и Черчилль – вскоре должны встретиться. Папен постоянно (и долгое время успешно) противодействовал усилиям наших противников перетянуть Турцию во вражеский лагерь. Обо всем этом Папен привез весьма секретные материалы. Удалось завербовать в Анкаре в качестве шпиона слугу британского посла, который за хорошие деньги добыл секретные бумаги. Папен привез первую информацию об операции «Оверлорд»{267}, но еще без всяких подробностей. Он считал положение настолько внушающим опасения, что настоятельно требовал, чтобы Крым остался в германских руках, дабы можно было и дальше обеспечивать турецкий нейтралитет, который в случае любой русской победы оказался бы под угрозой. Это совпадало со взглядами Гитлера.

Прочность обороны

Поздней осенью 1943 г. я постоянно поражался прочностью нашей обороны, противостоявшей концентрированным атакам русских. В конце концов им все же удалось глубоко вклиниться в полосу наших 11-й армии и 4-й танковой армии между Киевом и Гомелем и совершить прорыв на глубину до 150 км. Хотя мы и сумели вновь захватить некоторые пункты, например, Житомир, в целом успех русских был значительным. Правда, удары по группам армий «Центр» и «Север» нам еще удалось отбить. Не обрадовал нас и успех русских на участке группы армий «А». Здесь они форсировали Днепр и дошли до линии Херсон - Никополь – Кривой Рог – Кировоград. Этот прорыв от Мелитополя до Днепра стал особенно неприятен. Удивительно, с какой ловкостью русский выискивал для своих наступлений стык между нашими группами армий.

20 ноября Гитлер слетал на один день в Бреслау. Там в старинном зале собрались обер-фенрихи различных частей вермахта. Устроить эту встречу с фюрером в Берлине теперь сделалось невозможным. «Дворец спорта» был разрушен. Гитлер говорил с молодым офицерским пополнением того года весьма серьезно. Проиграв эту войну, немецкий народ перестанет существовать. Поэтому каждый германский солдат должен знать, что «эта жестокая война, которую хотели и навязали нам наши враги, не может быть закончена ничем иным, как победой Германии». Дабы добиться этой победы, все «должны проникнуться одной-единственной и непоколебимой верой в нашу вечную Германию». Фельдмаршал Кейтель завершил этот призыв здравицей в честь фюрера. Провожаемый бурной овацией и возгласами «Зиг хайль!»{268}, Гитлер покинул зал под большим впечатлением.

Показ самолета «Ме-262»

Тяжелые разрушения и опустошения в центре Берлина вызвали два налета 22 и 23 ноября 1943 г. Гауляйтер Берлина д-р Геббельс лично сообщил Гитлеру о них, а также о той необычайной выдержке, с какой жители города пережили эти две ночи. Фюрер просто кипел от ярости и гнева по адресу люфтваффе, которая оказалась не в состоянии отбить эти налеты.

Так же резко и ожесточенно фюрер обвинял ее и через несколько дней, 26 ноября, в связи с давно с нетерпением ожидавшейся им демонстрации самолетов на аэродроме Инстербург. Там собрались все ответственные за их выпуск: Геринг, Мильх, Шпеер, Мессершмитт, Галланд и другие. По моему мнению, люфтваффе снова допустила ошибку, демонстрируя почти лишь вооружение и те приборы, которые еще не были готовы к своему применению.

Гитлер, сохраняя полное спокойствие, обходил длинную шеренгу выстроенных на поле самолетов. В частности, там стояли и новейшие «Ме-109» и «Ме-410», «Ар-234», «До-335», а также «Ме-262». Его сопровождал Мильх, дававший подробные объяснения. «Ме-262» фюрер увидел впервые, и самолет произвел на него большое впечатление своим внешним видом. Он подозвал Мессершмитта и задал ему прямой вопрос: можно ли этот самолет выпускать и в качестве бомбардировщика? Мессершмитт подтвердил: да, он может нести две бомбы по 250 кг каждая.

Услышав его ответ, Гитлер произнес: «Так это же и есть скоростной бомбардировщик», – и потребовал считать «Ме-262» лишь таковым. Мильх попытался подкорректировать решение фюрера в том смысле, что в такой модификации должна производиться лишь часть этих самолетов, что ему, однако, не удалось: Гитлер твердо настоял на своем требовании. Когда Геринг через несколько дней в разговоре с фюрером вернулся к этой теме, тот резко оборвал его. Люфтваффе же могла предложить этот самолет только в виде «Ябо»{269}, то есть как истребитель-бомбардировщик, ибо скоростной бомбардировщик требовал дополнительного оснащения для подвески бомб, а также прицельного приспособления.

На обратном пути в «Волчье логово» я имел возможность еще раз поговорить с фюрером насчет этой проблемы и попытался спасти «Ме-262» как истребитель. Хотя в принципе он со мной согласился, поскольку и сам хотел иметь побольше истребителей в рейхе, но связал свое решение с предстоящими политическими проблемами. Наибольшая опасность в ближайшее время –

высадка союзников во Франции. Надо сделать все для того, чтобы ее не допустить.

Конференция в Тегеране

28 ноября в Тегеране началась конференция государственных деятелей противной стороны. Рузвельт, Сталин и Черчилль собрались там на неделю вместе с большим штабом офицеров и руководящих политиков. Итоги этой конференции мы узнавали лишь постепенно, большей частью из Анкары от доверенного лица Папеиа в британском посольстве. Говорилось, что в Тегеране имелись противоречия и трудности. В первую очередь речь шла там о труднодостижимой договоренности насчет высадки в Европе. Рузвельт одержал победу над Черчиллем, потребовав совершить ее из Англии в Северной Франции. Черчилль же хотел провести высадку на севере Греции. Отсюда Гитлер сделал вывод, что таким образом английский премьер-министр желал вбить клин своих войск между немцами и русскими, на что русские согласиться не могли, ибо оказались бы не в состоянии приобрести желаемое ими влияние на Балканы. Из сообщений Папена фюрер понял, что вторжение союзников на континент пока еще непосредственно не предстоит, и стал добиваться усиления наших оборонительных сил на побережье Ла-Манша.

Декабрь протекал на фронте в России спокойнее, чем мы опасались. Несколько ослабли и непрерывные воздушные налеты на рейх. Англичане пытались уничтожить 96 полевых катапультных установок, предназначенных для стрельбы «Фау-1» по Британским островам, удалось же – примерно одну четверть. Но эти потери мы сумели возместить. Англичане старались не допустить постройки новых таких установок, явно опасаясь, что Гитлер использует это как повод для ускорения производства самолетов-снарядов. Он действительно очень огорчался тем, что уже сейчас не имеет их в своем распоряжении в достаточном количестве.

Штаб национал-социалистического руководства в ОКВ

В декабре 1943 г. Гитлер дал приказ об учреждении в ОКВ штаба национал-социалистического руководства. Начальником его был назначен генерал пехоты Райнике. Намерение это существовало уже давно, о чем много дискутировали как раз в сухопутных войсках, но решение было принято фюрером только сейчас в результате переговоров с Гиммлером, Борманом и многими офицерами СС. Ему все время докладывали, что противник применяет всяческие средства пропаганды по отношению к нашим действующим на фронте войскам, стремясь оказать отрицательное влияние на их национал-социалистические взгляды. Особенно опасными представлялись Гитлеру и его партнерам по обсуждению данного вопроса воззвания «офицеров Зейдлица»{270}, которые те распространяли за линией фронта, призывая в них офицеров и солдат вермахта сложить оружие. Такого рода пропаганде фюрер захотел противодействовать. Генерал Райиике получил указание создать корпус «офицеров по национал-социалистическому руководству», обучить их и послать на фронт, что и было сделано в течение 1944 г. Эта организация даже отчасти получила признание, поскольку НСФО{271} осуществляли и культурно-бытовое обслуживание солдат. Но многие офицеры относились к ним и их деятельности отрицательно. Ход войны и ее тяжесть не позволили полностью использовать этот институт.

Рождественские дни 1943 г. я – впервые за всю войну – провел в кругу семьи.

Тяжелое положение на рубеже 1943-1944 гг.

Сразу же по возвращении в «Волчье логово» я опять погрузился в суровую атмосферу войны.

26 декабря гросс-адмирал Дениц доложил о гибели «Шарнгорста». Этот линкор использовался для борьбы с вражескими конвоями в Северном море и натолкнулся там на сопротивление. Мне пришлось констатировать, что Гитлер имел к этому инциденту незначительное отношение. Он уже давно называл бессмысленным применение в дальнейшем ходе войны крупных кораблей.

На Восточном фронте 24 декабря русские снова начали наступать. Первое же впечатление в эти последние дни декабря давало возможность предполагать, что на сей раз они поставили перед собой более крупные цели.

Новогодний вечер Гитлер провел наедине с рейхсляйтером Борманом в своих личных апартаментах. О чем там говорилось, никто не узнал.

В 1943 г. русские отбросили нас от Дона до Днепра, а на центральном участке Восточного фронта – от Москвы за Смоленск. Уловить мысли Гитлера насчет создавшегося положения было трудно. Я попытался нарисовать для себя картину со всеми «за» и «против» и не раз разговаривал с фюрером на разные темы. Он часто противоречил сам себе. Русские успехи в этом году его не слишком сильно трогали. Немецкие фронты все еще пролегали далеко от наших границ, и пока у нас оставался достаточный оперативный простор. Наряду с усиливающимся нажимом русских большой опасностью являлась наша падающая боеспособность. Я не был уверен, что Гитлер ясно видел это. В сравнении с 1942-43 гг. дела наши, по моему мнению, шли там гораздо хуже.

Командующие групп армий все чаще стали бывать у Гитлера. Каждый раз они требовали отвести назад линию фронта, чтобы сберечь силы и срочно создать необходимые резервы. Но фюрер на такие требования не поддавался. Результатом становилось крупное кровопускание, которому в конечном счете подвергались все соединения. Командующие приходили в отчаяние и менее чем когда-либо могли объяснить себе действия фюрера. Гитлер же, в свою очередь, приходил в отчаяние от того, что они все еще не доверяли ему. И все-таки он желал продолжать борьбу. Иного пути для него не было. Краткосрочные оборонительные успехи

лишь подкрепляли его взгляды и представления. Мне казалось, что нашим потерям он не уделял почти никакого внимания. Перспективы на скорое пополнение наших соединений были настолько малы, что никто уже в них не верил. Если же притом основная масса сухопутных войск глядела в новый год с уверенностью, то это объяснялось лишь ее верой в Гитлера. Сколь сильно руководящие генералы потеряли безоговорочное доверие к фюреру, столь же сильно простой солдат доверял его руководству. Я был уверен: фронты держатся только благодаря этому факту.

На протяжении 1943 г. все сильнее возрастало значение войск СС. В начале войны, а особенно похода на Россию, Гиммлер систематически создавал их соединения. Гитлер шел навстречу всем его требованиям. Формировалась дивизия за дивизией, причем как в кадровом, так и, в первую очередь, материальном отношении. Постепенно возникла совершенно новая составная часть вооруженных сил, которая уже в 1943 г., а еще больше в 1944 г. использовалась на особенно угрожаемых участках фронта. Гитлер необычайно гордился этими соединениями, доверяя и им, и их эсэсовским фюрерам.

На рубеже этих двух годов мои личные мысли полностью занимал ход воздушной войны. Мне было совершенно ясно: догнать английскую и американскую авиацию и ликвидировать ее превосходство в воздухе мы не можем. Гитлер же полагал, что будущей весной или летом на вооружение начнут поступать новые самолеты и положение изменится. Я сказал ему, что считаю это невозможным. Я надеялся только на то, что Мильх все-таки сумеет и далее успешно наращивать число производимых самолетов старых известных типов – таких, как «Ме-109» и «Ю-190», и хотя бы этим компенсировать наши потери в авиационной технике. Большего в 1944 г. ожидать не приходилось. Я уже давно не верил в победу, но еще не верил в поражение. На рубеже 1943-1944 гг. я был убежден в том, что Гитлеру все же удастся найти политическое и военное решение. Столь парадоксально мыслил не я один.

1944 г. начался множеством таких же тревог, какие нам довелось переживать в минувшем году. К этому добавилось ожидание несомненной высадки англо-американцев. При детальном рассмотрении положения на отдельных фронтах приходилось констатировать: для отражения вражеских наступлений нигде сил не хватало. Гитлер воспринимал соответствующие донесения и доклады со стоическим спокойствием и уравновешенностью, но очень гневался, если устанавливал, что его предостережениями пренебрегали. Он не

мог уяснить себе, что возможности оказывать сопротивление стали совсем незначительными.

Вопросы вооружения

Свою главную задачу в это время Гитлер видел в области вооружения. Вражеские воздушные налеты прошлых недель причинили сильный ущерб военному производству, и требовался определенный срок, необходимый для того, чтобы его компенсировать путем перебазирования предприятий и перемещения складов готовой продукции. Министр вооружения Шпеер как раз в этот момент на несколько месяцев выбыл из строя: сначала повредил колено, а потом заболел воспалением легких и теперь лежал в госпитале в Хоенлихене. Его заместителем по вооружению сухопутных войск являлся Заур, невероятно невозмутимый и активный конкурент Шпеера, притом настолько бесцеремонный, что порой это выходило за все мыслимые рамки. За вооружение люфтваффе отвечал только фельдмаршал Мильх, имевший большие полномочия. Подчинялся он лишь одному Герингу. Но Заур не считался ни с какими требованиями и пожеланиями люфтваффе, реагируя на них всегда такими решениями, которые фюрер принимал не в ее пользу.

4 января, еще до болезни Шпеера, Гитлер провел в своей Ставке в Восточной Пруссии совещание, в котором участвовали фельдмаршалы Мильх и Кейтель, Шпеер, Гиммлер и Заукель. Противоречия возникли уже при обсуждении программы использования рабочей силы. Заукель брался поставить четыре миллиона рабочих рук, и Гитлер его целиком поддержал. Кроме того, фюрер потребовал ускоренного выпуска новых подводных лодок и реактивных самолетов. Со времени осмотра авиационной техники в Инстербурге он имел о производстве реактивных самолетов ложное представление, считая, что первые такие истребители, пригодные в качестве бомбардировщиков, начнут поступать на фронт уже в феврале. Это было невозможно. Приходилось делать новый двигатель, на что можно было рассчитывать только с мая. Но об этом Гитлер не знал. Его неверно информировали, а никто не хотел исправить ошибку.

С огромным удовлетворением принял Гитлер к сведению, что особый суд в Вероне 10 января приговорил к смертной казни всех тех членов Большого фашистского совета, которые 24 июля 1943 г. лишили Муссолини власти. Пятеро членов этого совета были арестованы и утром 11 января расстреляны; в их числе – и зять Муссолини Чиано. Его жене Эдде удалось бежать в Швейцарию.

Обращение к фельдмаршалам 27 января

27 января 1944 г. Гитлер выступил перед фельдмаршалами и генералами вермахта с большой речью. До этого они два дня получали в Познани различные указания и им пришлось выслушать там выступление Гиммлера. Таким образом, речь Гитлера в «Волчьем логове» явилась завершением этих «учебных курсов». Сначала он предался воспоминаниям о том, как национал-социалистические идеи были восприняты народом. Только к концу речи в ней зазвучала драматическая нота. Гитлер провозгласил: «Если я как высший фюрер в конечном счете окажусь покинутым, я хочу в качестве последнего выхода иметь за собой весь офицерский корпус. Он должен со шпагой в руке сплотиться вокруг меня точно так же, как каждый фельдмаршал, каждый генерал-полковник, каждый командир корпуса, каждый командир дивизии, каждый командир полка должен ожидать, что его подчиненные в критический час станут за него горой». Тут Манштейн воскликнул: «Так и будет, мой фюрер!». Гитлер продолжал: «Это прекрасно! Если это так, то войну мы никогда не проиграем… Я охотно принимаю это к сведению, фельдмаршал фон Манштейн!». Но Гитлер понял этот возглас иначе: как упрек в том, что он, фюрер, не доверяет офицерскому корпусу. Не знаю, хотел ли Манштейн высказать именно это; тогда у меня, во всяком случае, такого впечатления не сложилось. Гитлер говорил еще полчаса и закончил речь словами: «У меня нет никакого другого желания, кроме как соответствовать закону природы, который гласит: жизнь дается только тому, кто за эту жизнь борется и готов, если надо, положить за это собственную жизнь!».

Потеря Крыма

Война на русском фронте в январские дни шла с неуменьшающейся остротой. Гитлер постоянно требовал удерживать Никополь и Крым. Но и тот и другой были в ближайшие недели потеряны. Никополь пал 8 февраля, а в первой половине мая закончились бои за удержание Крыма. Тогда Турция прекратила поставку хромовой руды, чего Гитлер всегда боялся.

На других участках Восточного фронта русские наступления пока еще удавалось парировать. Но каждый наш местный успех сминался новыми русскими силами. Просто трудно было поверить, как много новых соединений мог бросать на фронт противник, между тем как наши войска все больше и больше редели. Пополнений в Германии больше в наличии не было, если только свежие дивизии не брали за счет Запада или Юга.

Гитлеру пришлось считаться с тем, что германский фронт на Востоке постепенно отходил. 10 апреля пала Одесса. В конце апреля русский уже стоял на линии Тернополь-Ковель. Дальнейшее продвижение русских войск стало уже невозможно из-за начавшейся распутицы. Группа армий «Север» постепенно оттеснялась назад и после тяжелых боев и потерь остановилась в марте на Чудском озере. В конце января Гитлер заменил фельдмаршала Кюхлера{272} генерал-полковником Моделем. С конца марта на несколько недель по всему фронту установилось затишье. Грязь нарушила упорядоченное руководство войсками.

Увольнение Манштейна и Клейста

30 марта Гитлер вызвал в «Бергхоф» фельдмаршалов фон Манштейна и фон Клейста и сообщил им, что снимает их с занимаемых постов. В обоих случаях фюрер вел себя очень тактично. Манштейн получил мечи к дубовым листьям Рыцарского креста. Но неприятный привкус все-таки остался. У Манштейна сложилось такое впечатление, что именно Геринг и Гиммлер вытеснили его с занимаемой должности. В тот же самый момент Цейтцлер попросил фюрера освободить его от обязанностей начальника генерального штаба сухопутных войск. Причина, по которой фюрер расстался с Манштейном и Клейстом, заключалась прежде всего в том, что оба они были полностью несогласны с принципами его командования. Преемником Манштейна стал произведенный в фельдмаршалы генерал-полковник Модель, а Клейста – Шернер{273}. От них обоих Гитлер ожидал большой строгости и беспощадности в командовании. Он все еще придерживался взгляда, что 1943 г. стоил русским больших потерь и силы Сталина находятся в состоянии разложения. Было ли это его действительным мнением, установить я не мог. Порой он склонялся к более трезвому и серьезному видению происходящего, а временами предавался необоснованной уверенности в своих силах. Правда, черпать ее из донесений Цейтцлера об обстановке он никак не мог.

Гитлер неоднократно говорил о возможности разрыва Сталина с Западом. При этом он переоценивал некоторые признаки с русской стороны, в которых постоянно видел холодный расчет Сталина на то, чтобы сделать своих западных союзников уступчивыми.

Бои в Италии

На Итальянском театре военных действий 4 января снова начались бои. Однако между англичанами и американцами, которые вели свои наступательные действия каждый сам по себе, не всегда царило согласие. Любая их новая операция требовала длительной подготовки. Они лишь медленно продвигались южнее горного массива Кассино. Успешная высадка американцев у Неттуно не принесла им немедленного перелома. Их войскам понадобилось много дней, чтобы перейти в первое наступление на северном направлении. Кессельринг использовал время, чтобы создать успешную оборону. Гитлер приказал перебросить из Франции и с Балкан новые войска, потребовав нанести американцам в Италии поучительное поражение.

В день перед своим новым наступлением, 25 февраля, американцы произвели крупный налет авиации на монастырь Монте-Кассино и полностью разрушили его. Однако невосполнимые художественные ценности аббатства удалось заранее спрятать в безопасности. В районе самого монастыря ни одного немецкого солдата не было. Тем не менее американцы сочли необходимым разбомбить данный объект. Это было варварством. Монахи и остальные обитатели укрылись в обширных катакомбах, и жертв среди них не было.

Воздушные налеты на военные предприятия

Воздушный террор в отношении территории рейха с начала года усилился. 11 января американские бомбардировщики бомбили днем военные заводы люфтваффе в Хальберштадте, Ошерслебене, Брауншвейге и Магдебурге. Хотя они потеряли 59 самолетов, но погибло и 40 наших истребителей. Люфтваффе посчитала отражение данного налета своим успехом. Нельзя было отрицать, что это в какой-то мере послужило устрашением, ибо свыше четырех недель дневные бомбежки не повторялись, хотя 20 января и был произведен крупный ночной налет английской авиации на Берлин. Он привел к большим жертвам среди населения, но причинил лишь незначительный ущерб предприятиям военной промышленности. После телефонного сообщения Геббельса Гитлер снова обрушился с упреками на люфтваффе.

20 февраля американцы, сопровождаемые своими и английскими истребителями дальнего радиуса действия, начали дневное воздушное наступление. Их целями были производившие истребители заводы в районе Лейпцига и шарикоподшипниковые заводы в Швайнфурте, Штутгарте и Аугсбурге. Некоторые предприятия оказались разрушены на 75 %. Выпуск истребителей упал примерно до 800 в месяц. Налеты продолжались и привели производство авиационного вооружения в весьма тяжелое состояние. Мильх думал о том, как передать его в руки Шпеера, и говорил с ним об этом плане при встрече в Хоенлихене. Шпеер тоже видел такую необходимость, зная, что теперь наступил последний момент для особенно активной тенденции в вооружении люфтваффе, а особенно производстве истребителей. После того как американцы пять дней подряд бомбили заводы, выпускающие их, было принято решение передать «истребительный штаб» представителю Шпеера Зауру.

Слухи о покушении

В один из этих дней февраля 1944 г. Гитлер в ежедневном обзоре иностранной прессы прочел сообщение из Стокгольма, в котором коротко и деловито говорилось, что уже есть его будущий убийца. Один офицер генерального штаба сухопутных войск намерен просто-напросто застрелить его. Фюрер вызвал меня к себе и вручил сообщение с указанием сделать все для того, чтобы не допустить такого покушения.

Я обсудил это дело с комендантом Ставки фюрера и с штандартенфюрером СС Раттенхубером, который отвечал за его личную безопасность. Мы пришли к выводу, что необходимо немедленно ввести проверку портфелей и больших папок всех посетителей с целью обнаружения спрятанного в них оружия. Осуществить эту меру в Восточной Пруссии нам не удалось, ибо после разговора с Гитлером мы сели в поезд и временно перенесли его Ставку на Оберзальцберг и в Берхтесгаден. Фюрер согласился с планом нарастить бетонные стены и потолок в его бункере в «Волчьем логове», а пока руководить с Оберзальцберга. Там я сразу спросил его, какие меры следует принять для контроля посетителей. Никакого интереса к этой теме он не проявил, но сказал, что поговорит о том непосредственно с Раттенхубером. Состоялся ли разговор или нет, я не заметил. Во всяком случае, никаких изменений в обычных мерах безопасности на Оберзальцберге не произошло.

Ханна Райч

Первое достойное внимания событие на Оберзальцберге – это посещение Гитлера 28 февраля капитаном авиации Ханной Райч{274}. Будучи в Мюнхене, фюрер попросил фрау Троост выполнить особенно красиво художественную грамоту о пожаловании Ханне Райч Железного креста I степени и теперь захотел лично вручить ей этот орден.

Мы сидели втроем в большом холле «Бергхофа» за чашкой кофе. Известная летчица, Ханна Райч быстро воспользовалась оказией поговорить на предпочтительную для нее тогда тему. Она предложила подготовить и, в случае необходимости, провести и в Германии тоже операцию пилотов-камикадзе. Сообщив Гитлеру об уже проведенной ею подготовке, она ожидала теперь его согласия. Но фюрер отнесся к этой идее самопожертвования совершенно отрицательно и подробно обосновал, почему именно. Он указал на принятые меры в области вооружения кригсмарине и люфтваффе и на предстоящее вскоре применение новых реактивных самолетов. Ханна Райч лучше представляла себе трудности осуществления этих намерений и понимала, что пройдет еще немало месяцев, прежде чем люфтваффе сможет применить «Ме-262». Все это она и высказала Гитлеру. Фюрер поразился, сколь откровенно, в какой непринужденной манере она отстаивала свое мнение, но возразил, что она недостаточно информирована о нынешнем уровне подготовки выпуска этого самолета и потому не может правильно судить о положении. Я же радовался тому, что Гитлер, когда ему были трезво изложены факты, наконец-то увидел данный проект и с другой стороны. Но он все-таки повлиять на себя не дал и остался при своих предъявляемых к люфтваффе требованиях, оспаривать которые никто открыто не решался. Тем не менее Ханна Райч еще раз вернулась к теме подготовки летчиков-камикадзе и все-таки добилась разрешения фюрера ее продолжать. Однако он подчеркнул, что пока утруждать себя этими планами не хочет.

Встреча с Ханной Райч немного огорчила Гитлера, но мне было ясно, что у него пробудилось сомнение насчет выпуска реактивных самолетов. Вечером он долго разговаривал со мной об этом визите. Фюрер очень высоко оценил ее личное участие в боевых действиях и готовность к самопожертвованию, но все-таки говорил, что положение этого пока еще не требует. Я подчеркнул опасения Ханны Райч насчет серийного выпуска и массового применения «Ме-262». Он ответил, что категорически настаивает на поставленном сроке. Мне стало ясно: Гитлер просто-напросто

исходит из ложных предпосылок. Меры люфтваффе в области вооружения могли быть реализованы только в том случае, если бы производство не нарушалось бомбежками. Но рассчитывать на это не приходилось, поскольку англичане и американцы свои целенаправленные налеты продолжали с большим успехом, а потому военные предприятия приходилось постоянно перебазировать, что вызывало растущую потерю времени.

Боевые действия на Востоке

В начале марта 1944 г. Гитлер отдал через генеральный штаб сухопутных войск приказ № 11 о введении специальных комендантов так называемых «прочно удерживаемых опорных пунктов», аналогичных по своим задачам прежним крепостям. Комендантами, говорилось в приказе, следует назначать «специально подобранных твердых солдат», но этот предъявляющий высокие требования приказ в силу положения вещей едва ли мог быть выполнен. Тем не менее Гитлер настаивал на своей идее «прочных опорных пунктов», которые, однако, брались русскими и американцами в ходе их наступлений.

2 апреля, также через генеральный штаб сухопутных войск, последовал оперативный приказ Гитлера о дальнейших боевых действиях групп армий на Востоке. В нем он указывал, что русское наступление на южном участке Восточного фронта высшую точку уже миновало: «Русский до предела истощил свои соединения. Теперь наступил момент окончательно остановить русское продвижение вперед». В качестве дальнейших задач фюрер поставил деблокаду окруженной русскими в районе Каменец-Подольска танковой армии под командованием генерала Хубе. Это удалось сделать ценой тяжелых потерь в живой силе и технике. Но о том, чтобы «окончательно» остановить продвижение русских, не могло быть и речи. Приказ показывал, насколько Гитлер все больше и больше уходил от реальных фактов.

В конце марта я досрочно получил чин полковника.

Оккупация Венгрии

16 июля, когда мы вернулись из «Бергхофа» в «Волчье логово», предстояла встреча Гитлера с адмиралом Хорти.

Фюрер был очень разозлен последними мерами венгров, казавшимися признаком смены ими фронта по итальянскому образцу. 18 июля в первой половине дня Хорти прибыл в замок Клезхайм. Фюрер сразу же довел до его сведения, что следующим утром германские войска займут Венгрию. Хорти, посчитав дело решенным, спросил, сможет ли он сразу уехать. Но с помощью инсценированной воздушной тревоги отъезд его удалось задержать. Успокоившись, он во второй половине дня еще раз беседовал с Гитлером, а вечером собственным поездом выехал в Будапешт.

В течение ночи германские войска заняли Венгрию. Когда следующим полуднем Хорти вернулся в Будапешт, он увидел перед своей резиденцией немецкого часового. Так венгерская проблема была решена в пользу рейха.

Усилия в области военного производства

Главный интерес для Гитлера в «Бергхофе» в марте-мае того года представляли его большие требования в области военной промышленности. На фронтах в России и Италии в это время было на удивление спокойно. Правда, фюрер каждый день ожидал наступления во Франции, но активность противника ограничивалась различными налетами авиации. Роммель с большой интенсивностью продолжал постройку Атлантического вала. Гитлер постоянно говорил о производстве новых (пока еще секретных) подводных лодок и реактивных самолетов. Если они у меня будут, я смогу отразить вторжение, заявил он посещавшим его представителям военной промышленности.

Начало апреля Гитлер посвятил беседам с руководителем «Организации Тодта» Ксавером Доршем, которому была поручена постройка неуязвимых для бомб заводов по выпуску истребителей. Он имел в виду прежде всего заводы в Нордхаузене, расположенном в горном массиве Гарц. Там несколько тысяч заключенных этого концлагеря уже занимались сборкой «Фау-2». Доршу пришлось искать места и для подземных заводов, выпускающих истребители.

В беседе с Мильхом и Зауром Гитлер дал согласие на то, чтобы с марта выпуск истребителей имел приоритет. Это явилось первым результатом возложения ответственности за их производство на Заура. Уже с апреля их ежемесячный выпуск продолжал расти. Своим распоряжением Гитлер молча дал понять, что теперь уже сомневается в возможности ускоренного производства реактивных самолетов.

Имевшие очень тяжелые последствия налеты авиации также 6 и 8 марта на Берлин, а 30-го на Нюрнберг опять явились для Гитлера причиной его новых обвинений противовоздушной обороны и ругани по адресу люфтваффе в целом. Он совершенно не хотел видеть мужественных, но тщетных действий наших летчиков-истребителей, значительно уступавших противнику в количественном отношении. В Берлине было сбито 79, а в Нюрнберге 95 вражеских самолетов. Люфтваффе была этими результатами довольна. Но фюрер требовал более высоких цифр, что едва ли было выполнимо. Не хватало ночных истребителей. Тем не менее вследствие такого числа сбитых в Нюрнберге самолетов противника английские ночные налеты стали более редкими.

Новая Ставка фюрера?

Планом, который мы в эти месяцы вновь и вновь критиковали, являлась постройка новой, более обширной Ставки фюрера в Силезии (район Вальденбурга). Ее территория должна была включать замок Фюрстенштайн, находившийся во владении князя Плесского. Гитлер настоял на своем указании и приказал продолжить ее строительство силами узников концлагерей под руководством Шпеера. В течение года я дважды посетил этот объект, и у меня сложилось впечатление, что до окончания его постройки мне не дожить. Я попытался убедить Шпеера, чтобы тот повлиял на фюрера с целью приостановить эту стройку. Он счел это невозможным. Дорогостоящие работы велись еще некоторое время, хотя каждая тонна бетона и стали была настоятельно необходима в каких-то других местах.

Свое 55-летие Гитлер отпраздновал в «Бергхофе». У него не было настроения торжественно отмечать этот юбилей, а потому до полуденного обсуждения обстановки он принял поздравления своих домочадцев. В обеденном зале были выставлены подарки, в частности, от Гофмана, Евы Браун и других лиц. Фюрер нашел время спокойно осмотреть их и был очень общителен. Но увидев входящего в виллу генерала Цейтцлера, сразу же направился в холл для разговора о военных делах. Прибыли также, чтобы передать поздравления от вермахта, Геринг и Дениц.

Гибель Хубе

Следующим посетителем был генерал Хубе, которому несколькими днями ранее удалось вывести свою 1-ю танковую армию из окружения в районе Черновиц и в боевом строю вернуть ее на немецкую линию обороны. Гитлер, выразив генералу особую признательность, пожаловал ему бриллианты и дубовые листья к Рыцарскому кресту, а также произвел его в генерал-полковники. Он долго беседовал с Хубе, попросив подробно доложить о положении на фронте. В те дни фюрер даже раздумывал, не назначить ли Хубе главнокомандующим сухопутных войск. Шмундт очень советовал ему сделать это, но Гитлер назначение отложил.

Когда Хубе поздним вечером прощался с Гитлером, я обратил внимание фюрера на то, что генерал хотел еще затемно вылететь в Берлин на самолете курьерской эскадрильи ОКХ; разрешение на это мог дать только он один. По просьбе Хубе фюрер согласился и велел мне позаботиться об особых приготовлениях к вылету. Я выполнил приказание и считал, что сделал все необходимое для обеспечения надежного взлета. Каков же был мой ужас, когда я по телефону узнал, что в темноте, еще до наступления рассвета, самолет Хубе рухнул на землю. Генерал-полковник погиб, летевший вместе с ним посол Хевель довольно сильно пострадал.

Мне пришлось доложить Гитлеру о тяжкой потере. Он воспринял это так же, как два года назад гибель министра Тодта, – спокойно и почти молча. Через несколько дней в парадном зале замка Клезхайм состоялась государственная траурная церемония, фюрер принял в ней участие. Похороны, на которые я прилетел, произошли на другой день в Берлине на Кладбище инвалидов. Я знал Хубе с 1930 г., все эти годы поддерживал с ним контакт и теперь тоже очень переживал смерть этого выдающегося человека.

Возвращение Шпеера

В эти дни на Оберзальцберг прибыл Шпеер. Он хотел возобновить свою работу и уже был наслышан о различных интригах с целью его отстранить. Ему казалось необходимым именно сейчас, когда Гитлера больше заботили вопросы вооружения, чем операции на фронте, быть рядом с ним. Отсутствие Шпеера в последние месяцы привело к безрадостной неразберихе между различными отраслями военной промышленности, к конкурентной борьбе между его преемниками. Требовалось твердое, четкое руководство.

Так Шпеер прямо на Оберзальцберге снова включился в дело. В Берлин он вылетел только в середине мая, опять собрав все нити в своих руках и пользуясь любым случаем, чтобы переговорить с фюрером по многим накопившимся проблемам. То были последние спокойные недели в ходе войны. Шпеер стремился не потерять доверия Гитлера, даже если внутренне и отходил от него, а некоторые его указания молча обходил. Это не укрылось от взгляда фюрера. Он знал теперь, что Шпеер больше уже не убежден в победе.

В марте, апреле и мае Гитлер часто втягивал меня в разговоры и с присущей ему убедительностью знакомил с такими темами, которые мне раньше были далеки. Однажды он совершенно ясно сказал, что, несмотря на недостаточную уверенность Шпеера в победе, тот – единственный, кто видит военное производство в целом и во всех его переплетениях, а также пользуется в промышленности неограниченным авторитетом. Гитлер подчеркнул: «Когда мы нуждаемся в какой-либо военной продукции, Шпеер – единственный, кто может быстро ее дать». Я обратил внимание на то, что фюрер был готов не замечать критической позиции Шпеера в отношении войны. После того как тот вторично взял решение вопросов военной индустрии в свои руки, ему быстро удалось наладить прежнее доверительное сотрудничество с Гитлером. В их взаимоотношениях не было и тени недоверия друг к другу.

Гитлер и Геринг

Мне неоднократно приходилось слышать высказывания Гитлера о рейхсмаршале. Он издавна все еще высоко ценил Геринга, характеризуя его как «крутого и холодного словно лед» в тяжелейших критических ситуациях. Фюрер говорил о нем: «Это человек железный и беспощадный. В наиболее тяжкие критические времена Геринг всегда оказывался нужным человеком на нужном месте. А его тщеславие и тяга к роскоши – все это показное и сразу, мол, спадает с него, когда он нужен». Я был поражен тем, что Геринг еще пользуется у Гитлера таким авторитетом.

За эти месяцы мне не раз приходилось быть свидетелем, как Гитлер звал Геринга к себе и осыпал его резкими упреками. Когда я однажды сказал фюреру, что никак не могу совместить это с его обычно положительной оценкой Геринга, он ответил: ему иногда приходится быть более резким потому, что рейхсмаршал имеет склонность давать указания и приказы, не заботясь об их выполнении и контроле.

Сам Геринг зачастую воспринимал критику со стороны фюрера очень остро: «Гитлер обращался со мной, как с глупым мальчишкой!». Признаюсь, я тоже воспринимал это так, когда он отчитывал рейхсмаршала. За оба последних года я не раз докладывал фюреру такие вещи, которые в конечном счете звучали как критика в адрес Геринга. Меня всегда поражало, что Гитлер выслушивал это молча, и я не знаю, не говорил ли он о том при случае Герингу. Но тот никогда не давал мне понять, что осведомлен о моих критических высказываниях, поскольку всегда относился ко мне очень дружелюбно.

Особенно ясно я заметил это при одной поездке в его спецпоезде из «Волчьего логова» в Берлин осенью 1943 г. По какой-то причине я ехал вместе с ним и за ужином непринужденно разговаривал с рейхсмаршалом. Разговор шел в такой доверительной атмосфере, что он даже упомянул о положительном отношении ко мне Гитлера. Геринг говорил и о том высоком авторитете, которым фюрер все еще пользуется в народе. Это доверие к Гитлеру основывалось на вере в то, что он дарован немецкому народу самим Провидением, избравшим его тем человеком, который может устранить всю неˆ-справедливость, идущую со времен 1918 г. Эта вера заходила столь далеко, что нового падения Германии представить себе было невозможно. По этим словам Геринга, который обычно не делал из того никакой тайны, я заметил, что он относится к Гитлеру и всей его

деятельности вполне позитивно.

«Мирная жизнь» в «Бергхофе»

В последние недели своего пребывания в «Бергхофе» Гитлер (не говоря о ежедневных обсуждениях обстановки) почти вернулся к тому распорядку дня, который являлся обычным в предвоенные годы. Ведя, например, мою жену к обеденному столу, он любезно беседовал с ней. Разговор шел прежде всего о детях или о сельскохозяйственных делах в поместье моего отца. Мне бывало немного неловко, когда при этом он заговаривал о моей службе и говорил, к слову, что рад иметь меня при себе. А мою жену не раз благодарил за ее добрые отношения с фройляйн Браун.

Из многих вечерних бесед у камина я понял, что Гитлер, собственно, был человеком, лишенным противоречий. В противоположность многочисленным позднейшим утверждениям, я не мог не заметить, что сам он постоянно разрешает возражать ему и зачастую меняет свое мнение. Но его оценки, к примеру, людей, исторических личностей и истории в целом всегда оставались неизменными. Он много говорил насчет своего представления о том государстве, которое однажды будет править в Европе. Его целью было побороть евреев и большевизм, а также ликвидировать какое-либо их влияние на исторический процесс. Он твердо верил, что это – миссия, внушенная ему самим Провидением. Удивительно, сколь сильно было у него «шестое чувство» в отношении» грядущих событий, но вместе с тем, однако, ужасающая потеря чувства реальности.

Неприятности с «Ме-262»

Из ежедневных докладов о положении на фронтах вырисовывалась подготовка противников к вторжению во Францию, а также продолжение операций в России и Италии.

В центре внимания Гитлера, как и прежде, стоял «Ме-262». Требование фюрера сделать из этого истребителя бомбардировщик в конце концов сорвалось из-за технических трудностей и изменения приоритетности этого самолета. Переконструирование истребителя таким образом, чтобы высвободить вес для бомбового груза, делало «Ме-262» практически неспособным летать и, в любом случае, непригодным в качестве бомбардировщика. После крупного совещания на Оберзальцберге по вопросам вооружения 23 мая Геринг информировал фюрера о том. Но Гитлер этого факта не признавал. Он по-прежнему стоял на своем: убрать из самолета, насколько можно, «лишнее барахло» и взамен встроить 250-килограммовую бомбу. Мильх, Галланд, а также начальник испытательной базы Петерсен и другие оказались не в состоянии отговорить его. Так эта проблема и осталась нерешенной – все просто выжидали, когда Гитлер сам убедится в данном факте.

Тогда я решился поставить все на карту и однажды вечером заговорил с Гитлером на эту тему. Мне удалось убедить его в связанных с этим самолетом особых, по сравнению с другими имеющимися образцами, технических трудностях. Он признал, что требуемое им превращение «Ме-262» из истребителя в бомбардировщик является такой технической проблемой, с которой следует считаться. Мои опасения были связаны с измененным заданием по «Ме-262». В качестве истребителя этот тип самолета был идеален. Разговор длился долго. Гитлер сожалел, что задание на другую конструкцию не было дано гораздо раньше. Я отвечал, что производство вооружения для люфтваффе еще в 1940 г. было отодвинуто на второй план по сравнению с выпуском вооружения для сухопутных войск.

Разговоры насчет вооружения люфтваффе привели в конце мая к пониманию того факта, что вся ответственность за его производство должна быть передана министерству Шпеера, что и произошло в первые июньские дни.

Мильха от выполнения этих задач отстранили, и он удалился в свой охотничий домик в северной части Берлина. Трудности и проблемы в области вооружения люфтваффе были известны ему, как никому другому, и он знал, что германским военно-воздушным силам отражение налетов вражеской авиации не по

плечу. Однажды я посетил Мильха в его уединении, и у меня состоялся с ним на эту тему долгий разговор. Я знал его честную и ясную точку зрения на дальнейший ход войны. Он никогда не чурался преподносить Герингу и Гитлеру правду какой она есть, но фюрер постоянно искал какие-то новые выходы из положения и не желал признавать имеющиеся проблемы.

Налеты на гидрогенизационные заводы

В мае американцы начали дневные налеты на наши гидрогенизационные предприятия. Первыми они атаковали 12 мая заводы «Лейна» в Мерзебурге и завод «Пельтц» севернее Штеттина{275}. Ущерб был значителен, и восстановление нормальной работы этих предприятий потребовало бы много времени. Гитлер настаивал на немедленном возобновлении выпуска продукции. Этого удалось достигнуть широким использованием «Организации Тодта», и через несколько недель данные предприятия начали действовать снова, пока новые воздушные налеты опять не нарушали их нормальную работу. В последующие месяцы удавалось относительно быстро вновь налаживать производство на них после бомбежек. Поэтому потребность вермахта в горючем, хотя и с большими ограничениями и значительными трудностями, все же покрывалась.

Редкостным контрастом на фоне удручающего положения выглядели несколько свадеб на Оберзальцберге. Начало положили свадьбы двух бывших адъютантов фюрера по СС Даргеса и Гюнше, сыгранные под покровительством первая – Гиммлера, а вторая – рейхсляйтера Бормана. А 3 июня группенфюрер СС Фегеляйн женился на сестре Евы Браун. Гитлер устроил по этому поводу банкет в своей вилле, пригласив на него Шпеера и меня с женой. Это был радостный обед, на котором мы на несколько часов забыли о войне.

Затем празднество переместилось в дом Мартина Бормана. Никто не имел еще ни малейшего представления о том, куда приведут завязавшиеся здесь общие жизненные связи.

Новая задача

22 мая меня самого коснулась одна из мер Шпеера. Он попросил меня стать его личным представителем для связи с Гитлером в Ставке фюрера. Шпеер сформулировал мою задачу так: постоянно информировать Гитлера о происходящем в его сфере деятельности. Почти каждую неделю он присылал мне предназначенную для фюрера памятную записку, преимущественно с данными о вводе новых производственных мощностей, а также с цифрами поставляемых на вооружение танков, самолетов и различных видов боеприпасов. По большей части Гитлер читал эти докладные записки сразу и зачастую тут же давал мне указания, которые я по телефону сообщал Шпееру. Таким образом, сотрудничество между ним и фюрером сделалось весьма эффективным. В это время Шпеер придерживался точки зрения, что американцы и русские еще в течение этого года начнут новые наступления и нам этого натиска не выдержать.

Бои на Итальянском театре военных действий начались 11 мая ураганной артподготовкой, длившейся 40 минут. Соединения Кессельринга оказывали упорное сопротивление, и только 3-4 июня американцы подошли к Риму. Фельдмаршал распорядился бои в самом Риме не вести. Он двинул свои дивизии в обход города, чтобы избежать боевых действий на его улицах, оставив неразрушенными и мосты через Тибр. В июне и июле немецкие соединения отступили на позиции в Апеннинах. В августе американцы сначала создали небольшой плацдарм на р. Арно.

С начала июня Гитлер полностью передал этот театр военных действий под командование Кессельринга и теперь был удивлен тем, что данный участок стал второстепенным и не создавал никаких иных проблем, кроме как превосходство противника в воздухе. Британские и американские военно-воздушные силы постоянно атаковали прямо днем железнодорожные пути и шоссейные дороги, которые наши войска могли использовать для всех своих передвижений только по ночам. Тем не менее фельдмаршалу удавалось удерживать линию фронта.

«Фау-1» в действии

В эти недели впервые в крупном масштабе были применены самолеты-снаряды «Фау-1». Но первый их запуск оказался аварийным. В последний момент ОКВ передвинуло начало этой операции на два дня вперед, что сбило график окончательного монтажа тяжелых и легких катапультных установок и вызвало неразбериху. Через два дня последовали их налеты, в первую ночь стартовало 244 «Фау-1». Высланные на разведку самолеты доложили о многочисленных пожарах в британской столице. Применение «Фау-1», а с сентября и «Фау-2» нанесло англичанам большие потери.

Таким образом, это оружие, с огромными трудностями готовившееся с середины 1942 г. еще при Мильхе, себя полностью оправдало. Гитлер выразил ему свою признательность. Но продолжать применение данного оружия и дальше не удалось из-за того, что при продвижении англо-американцев район, в котором были установлены пусковые установки, оказался нами потерянным.

Вторжение

В ночь с 5 на 6 июня 1944 г. началось вторжение англоамериканских войск в Северную Францию, которое Гитлер ожидал с начала апреля. Однако в ОКВ, ввиду прогнозов неблагоприятной погоды, в десантную операцию в году текущем больше не верили. Роммель, командующий группой армий «Б», 4 июня на несколько дней отбыл в отпуск на родину в г. Ульм. Другие командующие и некоторые офицеры его штаба тоже не находились на своих командных пунктах. Такое впечатление, что и войска никакого наступления противника не ожидали.

5 июня радиоразведка засекла по оживленному радиообмену: союзники готовят что-то совершенно необычное. Примечательно, что об этом не был проинформирован не только командующий 7-й армии генерал Долльман, соединения войск которого непосредственно занимали линию вторжения, но и ОКВ в Берхтесгадене. Другие инстанции на предстоящее вторжение отреагировали выжидательно.

В ночь на 6 июня огромная армада подошла к побережью Франции между р. Орн и восточной частью полуострова Котантен – именно к тому участку, на котором Гитлер постоянно ожидал вторжение. Мощным ударом явилась высадка трех вражеских дивизий в полосе 7-й армии. Здесь имели место очень тяжелые бои, но врагу удалось закрепиться на суше не в последнюю очередь благодаря своему явному превосходству в воздухе, которое не допускало никакого передвижения наших войск. Вражеские летчики смогли действовать беспрепятственно, ибо наша противовоздушная оборона при таком их господстве была минимальной, как это уже показали предшествовавшие высадке десанта налеты авиации противника.

Гитлер был поставлен в известность о вторжении утром 6 июня. Первые подробности сообщил Йодль на обычном полуденном обсуждении обстановки. Уже первые донесения не оставляли сомнения в невероятной концентрации высаживающихся войск. На германской же стороне им противостояли гораздо меньшие оборонительные силы; необходимо было подбросить к месту высадки новые соединения, а сделать это можно было только ночью. Получив первое донесение, фюрер с облегчением сказал: вот теперь мы сможем разбить врага! Он ожидал от наших войск очень многого. Однако противник использовал свое превосходство в воздухе для того, чтобы прочно закрепиться. Ему удалось в намеченных пунктах побережья создать такие плацдармы, ликвидировать которые мы

не смогли. Вечером 6 июня успех противника уже ясно обозначился.

В этот имевший важное значение день я никак не мог понять установку Гитлера. Он все еще был убежден в том, что мы сможем отбросить высадившиеся десантные войска. Я же, напротив, видел абсолютное превосходство вражеской авиации и огромную массу военной техники, которая непрерывно наращивалась. В сравнении с этим сосредоточением сил противника сил остальных составных частей вермахта не хватало, а потому наши сухопутные войска действовали в одиночестве. В эти июньские дни 1944 г. Гитлеру пришлось впервые по-настоящему понять, что значит полное господство в воздухе. Его усилия противопоставить авиации союзников что-либо равноценное (как это видно из многочисленных переговоров фюрера со Шпеером) оказались совершенно нереальными.

В эти беспокойные дни я однажды вечером воспользовался случаем, чтобы в разговоре с Гитлером высказаться насчет его нереальных планов в отношении люфтваффе. Я сказал ему, что изменение нашего авиационного вооружения за несколько недель считаю невозможным; нам надо попытаться использовать максимальное количество старых типов самолетов. Но и здесь мы безнадежно уступаем врагу. Фюрер воспринял мои слова спокойно. У меня даже сложилось впечатление, что он со мной согласен, но доказать это не могу. От своих завышенных требований к Герингу и Шпееру насчет производства самолетов Гитлер не отказался.

Роммель говорит Гитлеру правду

16 июня мы с Гитлером вылетели в Мец, чтобы оттуда автоколонной отправиться в Ставку фюрера в Марживале, около Суассона. Гитлер захотел поговорить с фельдмаршалами Западного фронта, чтобы самому получить картину положения дел. День, проведенный в Марживале, плохо сохранился в моей памяти. Но я все же помню, что в полдень состоялось совещание в широком кругу. Рундштедт доложил обстановку на фронте за последние десять дней и сделал вывод: имеющимися в его распоряжении силами враг выкинут из Франции быть не может. Гитлер воспринял это весьма взвинченно и недовольно, ответив ставшей обычной в последнее время пустой фразой о применении «Фау-1» и ожидаемом в самые короткие сроки использовании реактивных истребителей. Фельдмаршалы потребовали обстрела снарядами «Фау-1» скоплений войск в Англии и мест их высадки во Франции, что, разумеется, обещано быть не могло, ибо рассеивание этих крылатых бомб являлось слишком большим.

Во второй половине дня Гитлер имел еще беседу с Роммелем наедине; о чем они говорили, я узнал только через несколько недель. Роммель попытался убедить фюрера в том, что война проиграна. Но слышать это из уст своего фельдмаршала Гитлер никак не желал. Разговор был долгим и в повышенных тонах. Фюрер пустил в ход всю свою изощренность, дабы убедить Роммеля в обратном. Но ближайшее будущее показало Гитлеру, что это ему не удалось.

17 июня во второй половине дня Гитлер на машине вернулся в Мец, а оттуда самолетом отправился в Зальцбург. Пребывание в Марживале оказалось бесплодным и безрадостным, но дало представление о положении дел после удачной высадки союзников.

Успехи союзников на Западе

В последующие дни американцы заняли полуостров Котантен и им удалось захватить также портовый город Шербур. Гитлера этот успех противника привел в ярость, и он потребовал точной информации о том, как все произошло. Катастрофического хода событий это не изменило. К 20 июня американцы и англичане, прорвав линию фронта, вышли на западное побережье полуострова Котантен.

Гитлер следил за событиями на фронте во Франции с большим беспокойством и лишь с немалым трудом сумел примириться с тем, что противник захватил инициативу в свои руки. Теперь он надеялся на размолвку между англичанами и американцами. Фюрер по-прежнему был твердо убежден в том, что Германии удастся решить исход войны в свою пользу. В эти дни он повторял это своим многочисленным посетителям (будь то представители вермахта, промышленности или государства), и многие из них после беседы с ним покидали «Бергхоф» с чувством уверенности и оптимизма. В речи, произнесенной 22 июня в Платтерхофе на Оберзальцберге перед высшими офицерами, Гитлер сказал то же самое. Признав всю серьезность положения, он и в этом кругу людей, способных к правильной оценке обстановки на фронтах, высказал свою веру и надежду на то, что Германский рейх в конечном итоге победит. Немецкий офицер должен служить примером для своих солдат, придавать им силы. Твердая уверенность фюрера произвела на присутствовавших немалое впечатление.

Гибель Дитля

Вечером того же дня Гитлера посетил генерал-полковник Дитль. В Финляндии вырисовывалась опасность ее сепаратного мира с Россией. Фюрер хотел побеседовать с ним именно об этом. Но Дитль увидел, что он очень плохо знаком с ситуацией в Северной Финляндии и Северной Норвегии и имеет ложное представление о ней. Мы были поражены четкостью и резкостью тона Дитля, который не дал отвлечь себя от этой темы. Фюрер говорил мало и согласился с его требованием подбросить людей и технику. Когда Дитль удалился, он снова посетовал на то, что такие доклады ему приходится слышать редко, поскольку большинство генералов не решаются на подобную открытую манеру докладывать, сочетающуюся с темпераментом, искренним воодушевлением и порядочностью. Гитлер дал понять, что желает иметь именно таких генералов, как Дитль.

Дитль покинул «Бергхоф» поздно вечером и собирался на следующий день вернуться в Норвегию самолетом. Мы были крайне потрясены, когда нам сообщили: самолет Дитля потерпел аварию около Земмеринга и все пассажиры погибли. Это явилось для Гитлера таким же тяжелым ударом, как и гибель Хубе четверть года назад, что чувствовалось и в его траурной речи на государственном акте через несколько дней в замке Клезхайм. Фюрер знал Дитля еще с начала 20-х гг. и назвал его тем офицером, который «с одной стороны, предъявляет к своим солдатам твердые и даже. самые твердые требования, а с другой, собственной судьбой олицетворяет их истинного друга и отца и является национал-социалистом по велению сердца не на словах, а на деле, всеми силами и помыслами». Эта характеристика отвечала истине.

Второе вторжение?

Тяжелые бои на фронте вторжения вели к неописуемому множеству противоречивших друг другу докладов различных инстанций и командных органов. Соединения войск СС, хотя и втянутые в ожесточенные бои, все еще давали донесения обнадеживающие. По-другому звучали трезвые доклады Рундштедта и генерала барона Швеппенбурга – командующего танковой группой «Запад».

Желая лучше и по-деловому ознакомиться с обстановкой, Гитлер с последних чисел июня стал привлекать ко всем обсуждениям военных вопросов в «Бергхофе» фон Клюге. Он даже отдаленно не догадывался о том, что фельдмаршал поддерживает тесную связь с Сопротивлением, хотя пока и не определив четко своего отношения к кругу заговорщиков. Проведенные в «Бергхофе» вместе дни протекали в полном согласии, и фюрер испытывал к Клюге полное доверие, сделав его 1 июля преемником фельдмаршала фон Рундштедта. Одновременно он снял с занимаемого поста генерала Гейра фон Швеппенбурга.

Отдел «Иностранные армии Запада» стоял на той точке зрения, что англичане и американцы еще располагают на Британских островах большим числом дивизий. Называли даже цифру: свыше 60. На основе этих данных Гитлер предполагал еще и вторую высадку противника – на побережье пролива Па-де-Кале – и первоначально приказал дивизиям армии генерала фон Зальмута оставаться на занимаемых позициях. Данные отдела «Иностранные армии Запада», как выяснилось позже, оказались совершенно ложными. Союзники имели в Англии максимум 15 дивизий, ожидавших погрузки на суда и переброски на прежнее место высадки в Нормандии. К этому моменту фюрер был убежден в том, что новому командующему Западным фронтом удастся создать сплошную линию обороны.

Разгром группы армий «Центр»

Иначе складывалось в это время положение на Востоке. 22 июня – в тот самый день, когда три года назад начался поход на Россию, – Красная Армия перешла в крупное наступление против группы армий «Центр», предприняв свою крупнейшую и успешнейшую операцию в этой войне{276}. Поначалу казалось, что русские хотят вести наступление в виде операций меньшего масштаба. Но когда были осуществлены первые прорывы немецкой линии обороны и в ней образовались значительные бреши, началось крупное танковое наступление в районе между Гомелем и Витебском, а за ним последовали и дальнейшие. Каждый свой удар русские готовили налетами авиации и огнем тяжелой артиллерии, массированно бросая в бой танки. Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Буш пытался побудить Гитлера отойти с этого, по выражению фюрера, «твердого места». Но тот приказал удерживать каждую позицию.

Теперь Гитлер был вынужден отбивать сразу три наступательных клина врага: во Франции, Италии и России. Он дал категорический приказ: до конца отстаивать каждый квадратный метр земли. Но повсюду становилось очевидным: силы противника превосходят наши, а на отдельных участках – и намного. Но фюрер с этими фактами пока еще считаться не хотел и воспринимал направляемые ему войсками донесения как сильно преувеличенные. В группе армий «Центр» он заменил Буша Моделем, а несколько дней спустя командующего группы армий «Север» генерал-полковника Линдема – генерал-полковником Фрисснером. Но эта смена лиц никак не повлияла на ход событий. Группа армий «Центр» уже потеряла 25 дивизий, примерно 350000 человек. В линии фронта возникла брешь величиной около 300 км, через которую русские продвигались к германской границе.

9 июля Гитлер вылетел в свою Ставку в Восточной Пруссии. Его сопровождали Хейтель, Дениц, Гиммлер, Йодль и Кортен. С Восточного фронта прибыли Модель, Фрисснер и генерал-полковник кавалер фон Грайм – командующий авиацией группы армий «Центр». Начальник генерального штаба сухопутных войск Цейтцлер отсутствовал. С начала русского наступления у него возникали различные, порой острые, разногласия с Гитлером, поскольку он не мог следовать взглядам фюрера по вопросам командования сухопутными войсками и, к тому же, находился на пределе своих сил. С тех пор Гитлер его больше никогда не видел.

Разговор в Восточной Пруссии шел в первую очередь о

быстрой переброске на Восточный фронт новых соединений. Модель и Фрисснер смотрели на дальнейший ход событий с некоторым оптимизмом. Их предложения и требования можно было выполнить в течение ближайших недель, однако при том предварительном условии, что русские не решили быстро пробиваться дальше. Гросс-адмирал Дениц требовал удерживать важные для новых подводных лодок порты на Балтийском море. Во второй половине дня Гитлер вылетел в Зальцбург. У меня сложилось впечатление, что ход событий на Восточном фронте он все еще оценивает позитивно.

В эти последние недели на Оберзальцберге я пережил очень тронувшее меня событие. Во время одного обычного обсуждения обстановки мне по какой-то причине пришлось выйти из холла в находящуюся рядом небольшую комнату. Там я вдруг услышал, как Гитлер сказал обо мне, что я – единственный, кто открыто и без опаски высказывает ему свое мнение. Нечаянно услышанные слова фюрера, прозвучавшие именно сейчас, когда враг в трех местах пробивается к рейху, укрепило меня в намерении и впредь вести себя так же. Я не вернулся на совещание, ибо мне было досадно, что другие не поступают таким же образом.

Свадьба Хевеля

12 июля посол Хевель устроил в Зальцбурге свою свадьбу. Она проходила в Кавалерском доме рядом с замком Клезхайм, в числе приглашенных были и мы с женой. На бракосочетании присутствовал и Гиммлер. Потом был дан обед. Риббентроп произнес длинную, заранее подготовленную речь, в которой превозносил супруг дипломатов, которые, по сравнению с любыми другими дамами высшего общества, имеют особые задачи и обязанности. Подобные восхваления вызвали у нас, кто помоложе, иронические реплики, мы вели себя непринужденно, радуясь хотя бы минутной свободе от службы на Оберзальцберге. Я покинул зал только поздно вечером, когда был вызван туда телефонным звонком.

Когда я, раздосадованный, вернулся в «Бергхоф», Гитлер сидел со своими гостями в холле у камина. Моей жене пришлось сесть рядом с ним и рассказать о свадьбе Хевеля. Она описала все с большим юмором и иронически прошлась насчет речи Риббентропа, из которой следовало, что все недипломатические жены – просто какие-то неполноценные создания. Хотя ее слова и вызвали смех, фюрер попросил своего личного адъютанта представить ему текст речи Риббентропа.

Последние дни на Оберзальцберге протекали спокойно и в серьезной атмосфере. Фюрер уже дал понять, что ввиду положения в России должен вернуться в Восточную Пруссию. Но он все откладывал отъезд, так как перестройка его бункера в «Волчьем логове» пока не закончилась.

В эти дни у меня впервые сложилось впечатление, что исход войны Гитлеру ясен. Я почувствовал это по отдельным его фразам и репликам, в которых, однако, постоянно все еще шла речь о продолжении войны, о новом оружии и его воздействии, а также о том, что будут у нас еще и успехи. Фюрер не сдавался, и прежде всего в нем крепло убеждение: я не капитулирую никогда!

Гитлер много говорил со мной о своих планах и намерениях насчет люфтваффе. Он решил целиком сосредоточиться на производстве истребителей. Все остальное запретить. Выпуск истребителей теперь наиважнейшее дело. Каждый новый день фюрер встречал надеждой на то, что первые реактивные самолеты уже передаются войскам. Укреплять в нем такую надежду я не мог. Раньше чем через полгода на это рассчитывать было нельзя. Главной моей тревогой, которую я не скрывал, была нехватка горючего. Некоторые соединения группы армий «Центр» уже докладывали о больших затруднениях в обеспечении им. Гитлер

говорил, что теперь идет борьба между защитой важнейших предприятий и сохранением боеспособности истребителей. Эту трудность он видит, но мы никогда не должны терять шанс одержать верх. Такому требованию препятствовали едва ли преодолимые трудности, которые я утаивать от фюрера не мог. Но он сохранял уверенность или просто делал вид.

Прощание с Оберзальцбергом

15 июля Гитлер дал приказ следующим утром переместиться в Восточную Пруссию в «Волчье логово». Круг лиц в «Бергхофе» уменьшился. Гостей почти не осталось. Фюрер становился все спокойнее. В последний вечер, прежде чем удалиться к себе, он обошел все картины, пристально всматриваясь в них, – прощался с ними. А потом сказал фрау Брандт и моей жене «До свидания!», поцеловал им руку и, уже поднявшись на несколько ступенек по лестнице в соседнюю комнату, вдруг вернулся, еще раз сердечно попрощался с ними и вышел из холла. То было расставание навсегда.

На следующее утро мы вылетели в Восточную Пруссию и к полудню прибыли в «Волчье логово». В 13 часов Гитлер заслушал доклад об обстановке, как будто мы никогда не покидали Ставки фюрера. Теперь он жил в уже отстроенном «гостевом бункере». Доклад о положении на фронтах состоялся в прилегающем бараке, где имелось большое помещение, предназначенное для обсуждения обстановки. Я поразился решительности Гитлера. Его воля и нервная энергия импонировали мне. Он пытался начать здесь все заново и чувствовал себя в солдатском окружении в своей среде. А со всех стран света шли только одни плохие вести. У меня сложилось впечатление, что соединения наших сухопутных войск – при последнем издыхании. Во вражеском превосходстве никакого сомнения не было.

17 июля во время автомобильной поездки на передовую был атакован истребителями-бомбардировщиками Роммель. Водителя убило на месте, а фельдмаршал был тяжело ранен в голову. Когда состояние Роммеля немного улучшилось, его доставили на родину. На фронт он больше не возвратился.

Через два дня в Ставку фюрера прибыл фельдмаршал Кессельринг. 20 июля он праздновал 40-летие своей военной службы и получил от Гитлера высшую награду – бриллианты и дубовые листья с мечами к Рыцарскому кресту. Приезд его был радостным событием. Несмотря на яростные атаки англичан, американцев, поляков и французов, им не удалось добиться того, чтобы фронт Кессельринга рухнул. Фюрер с чувством высказал ему слова признательности и похвалил за ту твердость, с какой тот вел в Италии умно спланированную оборону перед лицом вражеского превосходства.

20 июля

Следующим днем было 20 июля 1944 г. В первые послеобеденные часы Гитлер ожидал прибытия дуче. Поэтому начало обсуждения обстановки было передвинуто на полчаса и назначено на 12.30. Мы, участники обсуждения, собрались в этот приятный, теплый летний день перед бараком. Там, в кругу нескольких других офицеров, стояли Боденшатц, Путткамер и граф фон Штауффенберг{277}, который с 1 июля являлся начальником штаба командующего армии резерва генерал-полковника Фромма. Всего несколько дней назад фюрер вызывал его для доклада на Оберзальцберг. Гитлера интересовало тогда положение дел с формированием новых танковых и пехотных дивизий. Сегодня же Штауффенберг должен был доложить о возможностях выполнения приказа фюрера.

Гитлер поздоровался за руку со всеми стоявшими перед бараком офицерами и, сопровождаемый ими, сразу вошел в помещение для обсуждения обстановки, где его уже ожидали: Кейтель, Йодль, Кортен, Буле (начальник штаба ОКВ по сухопутным войскам), Шмундт, Хойзингер, Варлимонт, Фегеляйн, Фосс, полковник Брандт (начальник оперативного управления генштаба сухопутных войск), капитан 1-го ранга Асман (Первый адмиралтейский штабс-офицер штаба оперативного руководства вермахта), Шерф, посланник Зоннляйтнер, Боргман, Гюнше, Ион фон Фрейенд, подполковник Вайценэггер (начальник оперативного отдела штаба Йодля), майор Бюхс (офицер генштаба люфтваффе при Йодле) и два стенографа (д-р Бергер и Бухольц).

Обсуждение обстановки, как всегда, началось с доклада Хойзингера о положении на Восточном фронте. Я стоял чуть в стороне и уточнял с другими адъютантами программу приема Муссолини. Меня вдруг заинтересовал один пункт в докладе Хойзингера, и я подошел к другой стороне стола, чтобы получше разглядеть лежавшую на нем карту с обстановкой. Здесь я простоял несколько минут до взрыва бомбы.

Это произошло в 12.40. На какое-то мгновение я потерял сознание. Очнувшись, увидел валявшиеся вокруг деревянные обломки и груды битого стекла. Моей первой же мыслью было как можно скорее выбраться отсюда. Я выкарабкался через окно и побежал вокруг барака к главному входу. Голова гудела, из нее и из горла лилась кровь, я почти оглох. У входа в барак я увидел ужасную картину. Там уже лежало несколько тяжелораненых, а другие раненые едва держались на ногах и падали. Гитлера вывел

фельдмаршал Кейтель. Его мундир и брюки висели клочьями, но, как показалось мне, серьезных телесных повреждений он не получил. Фюрер сразу же отправился в свой бункер, где им занялись врачи. Выяснилось, что тяжелые ранения получили 11 участников обсуждения; их немедленно доставили в находившийся в четырех километрах от Ставки госпиталь.

Все остальные были легко, а некоторые и довольно тяжело ранены, почти у всех лопнули барабанные перепонки. Я бросился в соседний барак со средствами связи, по телефону вызвал ведающего ею подполковника Зандера и приказал ему немедленно блокировать связь для всех, кроме Гитлера, Кейтеля и Йодля, чтобы не просочились ложные известия.

Затем я поспешил в бункер фюрера. Войдя, я увидел Гитлера сидящим в своем рабочем помещении. У него было возбужденное, почти радостное лицо человека, ожидавшего чего-то тяжкого, но счастливо избежавшего этого. Он спросил меня о моих ранениях, и я ответил, что всем нам невероятно повезло.

Разговор сразу же перешел на причины покушения и личность покушавшегося. Гитлер категорически отверг подозрение, будто взрыв совершили сотрудники «Организации Тодта», за несколько дней до того ведшие работы в этом бараке.

Тем временем обнаружили отсутствие графа Штауффенберга и стали искать его. Вскоре установили, что после начала обсуждения он незаметно удалился, а затем в соседней комнате пытался поговорить по телефону, но, не дождавшись соединения и оставив свою папку, поспешил к автомашине, в которой уже сидел обер-лейтенант фон Хефтен, его офицер-порученец. Комендант Ставки фюрера уже объявил тревогу, так что все посты получили указание никого не пропускать. Внешний контрольно-пропускной пункт машина Штауффенберга смогла проехать только после того, как это разрешил по телефону адъютант коменданта Ставки. Он знал Штауффенберга лично, утром завтракал с ним и предположил, что полковнику потребовалось срочно вернуться в Берлин. Никакой взаимосвязи между взрывом и спешкой графа он не усмотрел; таким образом Штауффенберг смог беспрепятственно подъехать к ожидавшему его и уже готовому взлететь «Хе-111» начальника тыла сухопутных войск. Постепенно становились известны все новые и новые подробности, и вскоре причастность Штауффенберга к покушению уже не оставляла никаких сомнений.

Для проведения полицейского и криминалистического расследования все полномочия получил тут же назначенный командующий армии резерва Гиммлер. После краткого пребывания в «Волчьем логове», куда прибыл и Геринг, он, чтобы

быть поближе к дальнейшим событиям, немедленно вылетел в Берлин… По телефону о них ясного представления поначалу получить не удалось. Полет Штауффенберга из Растенбурга до берлинского аэродрома Рангсдорф требовал два часа, а путь до имперского военного министерства – примерно еще одного часа. Таким образом, можно было рассчитывать, что Штауффенберг появится на Бендлерштрассе только после 16 часов. Не ранее мог, предположительно, прибыть в Берлин и Гиммлер.

Так прошло несколько часов, за которые мы смогли снова привести себя в порядок. Меня отвезли к одному военному врачу, который оказал мне первую помощь и сделал перевязку. Когда я вернулся в Ставку, мною занялся сопровождавший Геринга врач, он констатировал сотрясение мозга и предписал постельный режим. Геринг распорядился выставить перед моей комнатой эсэсовскую охрану и позаботиться о том, чтобы я не вставал. Это, разумеется, оказалось невозможным, поскольку из всех адъютантов я получил ранение самое легкое и был более или менее способен нести службу.

Профессор Брандт разрешил мне вечером снова приступить к исполнению моих обязанностей. Это было необходимо, ибо Гитлер уже действовал весьма активно. После ужина и вечернего обсуждения обстановки он заговорил со мной. Фюрер уже знал, что Шмундт и Боргман ранены очень тяжело, а Путткамер из-за повреждения колена вынужден лежать. Мне требовался помощник, и я спросил фюрера, нельзя ли привлечь подполковника фон Амзберга. Несколько лет назад он был адъютантом Кейтеля и хорошо знал условия в Ставке. Гитлер сразу согласился. Но больше всего его заботил вопрос, кого ему следует назначить начальником генерального штаба сухопутных войск. Генерал-полковник Цейтцлер считался больным. К тому же фюрер его вообще больше видеть не желал. В качестве преемника он думал о Гудериане. Лично я считал Гудериана для этой должности непригодным. Мне казались более подходящими генерал Буле или генерал Кребс. Но Гитлер решил вопрос в пользу генерала Гудериана.

Уже вечером стали известны многие подробности из Берлина. Там инициативу захватил в свои руки министр Геббельс. Он вызвал к себе командира берлинского охранного батальона майора Ремера и соединил его по телефону с Гитлером. Фюрер приказал ему силой оружия восстановить в Берлине порядок.

Тем временем на Бендлерштрассе неустойчивый в своем поведении генерал-полковник Фромм, уже замененный Гиммлером командующий армии резерва, после некоторого колебания решил проявить инициативу. Он приказал схватить

зачинщиков и немедленно расстрелять их во дворе министерства. Это были полковник граф фон Штауффенберг и его офицер-порученец обер-лейтенант фон Хефтен, а также генерал-полковник Ольбрихт{278} и начальник штаба Общего управления сухопутных войск полковник генштаба кавалер Мерц фон Квирнхайм. Генерал-полковника Бека заставили покончить жизнь самоубийством. Гитлер был именно этими мерами явно разозлен и приказал предать остальных схваченных заговорщиков суду Народного трибунала.

К вечеру, после отъезда Муссолини, Геббельс начал настаивать на том, чтобы Гитлер выступил по радио: народ испытывает неуверенность, которую можно устранить только непосредственным обращением фюрера. Гитлер согласился и ночью произнес по радио речь, назвав в ней заговорщиков поименно и заявив, что его хотела уничтожить «совсем небольшая группа тщеславных, бессовестных и вместе с тем преступных глупых офицеров». Далее он сказал: «Я воспринимаю это как подтверждение моей миссии. Цель моей жизни – продолжать делать то, что я делал доныне».

К сообщению о смерти еще 20 июля стенографа Бергера от ранений фюрер отнесся с участием. 22 июля скончался посмертно произведенный в генерал-майоры полковник Брандт, о котором впоследствии стало известно, что он принадлежал к одной из групп Сопротивления, и генерал Кортен, начальник генерального штаба люфтваффе. Весьма своеобразную роль сыграл начальник службы связи вермахта генерал Фельгибель. Он оставался в Ставке фюрера всю вторую половину дня, поздравил Гитлера с благополучным исходом покушения, а сам, как оказалось, тоже участвовал в Сопротивлении. Он был арестован 21 июля и казнен.

Генерал Шмундт, по заключению врачей, был ранен настолько тяжело, что, в лучшем случае, смог бы приступить к исполнению своих служебных обязанностей только через несколько недель. Гитлеру его особенно недоставало как раз в это напряженное время. Его заместитель генерал Бургдорф возглавил Управление личного состава сухопутных войск и лишь после смерти Шмундта в октябре 1944 г. занял также его место адъютанта по вермахту.

Сам Гитлер в первые дни после покушения испытывал потрясение большее, чем поначалу мы предполагали. Он стал плохо слышать. У него болели руки и ноги, были повреждены нервные корешки левой руки, но врачам удалось устранить это последствие взрыва через несколько дней. Ему помогали держаться только сильная воля и усилившееся сознание своей мессианской роли.

В эти дни фюрер часто проводил совещания по обсуждению обстановки, на которых бывал резок и груб, а также предъявлял сухопутным войскам и люфтваффе невыполнимые требования. Теперь он гораздо чаще вызывал меня для разговора о положении дел в люфтваффе. Я и по сей день удивляюсь тому, что эти разговоры проходили нормально, без резкостей с его стороны. Мне пришлось говорить ему, что наша авиация еще имеет какие-то шансы на успех только на Восточном фронте. На Западе же ввиду явного количественного превосходства авиации противника у нее никаких шансов нет.

Гитлер со мной соглашался, но продолжал упорствовать: «Я не капитулирую никогда!». Он не уступал ни в чем. События же на фронте уже определялись постоянно возрастающими силами и боеспособностью противника, который на Востоке все чаще оказывался способен добиваться стратегического прорыва. Фюрер же стоял на той точке зрения, что враг и до сих пор испытывает такой страх и респект перед нами, что на такой прорыв не отважится. Пока Гитлер был все еще прав.

Через несколько дней после покушения в Ставке фюрера появился д-р Геббельс и имел с ним продолжительные беседы. Самым настоятельным его желанием было, чтобы фюрер объявил тотальную мобилизацию. Гитлер был теперь готов пойти на это и назначил Геббельса имперским уполномоченным по тотальной военной мобилизации, а 25 июля подписал указ, в котором определялись важнейшие задачи. Большого значения для дальнейшего развития жизни государства указ не имел, ибо мы уже длительное время и так жили в условиях тотальной войны. Фактически же это означало ослабление позиции Шпеера.

Примерно в то же самое время в Ставку фюрера прибыл фельдмаршал барон фон Рихтхофен, чтобы доложить о своем выздоровлении после перенесенной хирургической операции. Гитлер принял его после вечернего обсуждения обстановки. Рихтхофен обратился к нему с просьбой положить конец войне. Услышав это, я пришел в ужас, ибо Гитлер менее чем когда-либо был готов к разговору на эту тему. Хотя в таком узком кругу – а мы были втроем – он и говорил вполне раскованно и откровенно, однако никакой возможности сносного для Германии мира не видел. В ходе этого непринужденного обсуждения высказывались различные мнения; фюрер уважал Рихтхофена, который вел себя ни высокомерно, ни подобострастно.

Преследования

В эти дни из Берлина в Ставку фюрера ежедневно поступали донесения штаба Гиммлера о результатах расследований. Каждый доклад содержал новые имена участников Сопротивления. Список их все яснее показывал, что становым хребтом этого Сопротивления в значительной мере служили консервативные круги. Дворянство было представлено в нем настолько широко, что множились голоса тех, кто огульно осуждал это сословие. Особенную активность здесь проявлял имперский организационный руководитель партии д-р Лей, пока фюрер не велел ему замолчать. Таким образом, страсти вокруг данной темы несколько улеглись. Но сообщения, которые Фегеляйн передавал Гитлеру, шли нескончаемым потоком. Только через несколько недель, когда основные расследования уже закончились, а главные лица Сопротивления были арестованы и начались судебные процессы в Народном трибунале, фюрер от дальнейших сообщений ему отказался. Ход событий на фронтах заставил его снова заниматься этими делами, уделяя им все свое внимание.

Поведение Фегеляйна после 20 июля сохранилось в моей памяти как особенно отвратительное. Он отнюдь не довольствовался тем, что засыпал фюрера донесениями о расследованиях, но и в изобилии клал ему на стол снимки казней. Я разглядывать такие фотографии не пожелал. Гитлер столь же мало интересовался ими{279}, как и фотографиями разрушенных городов, которые смотрел против воли, лишь принимая их к сведению. Он был просто не в состоянии видеть горящий город или непосредственно после бомбежки посещать превращенные в груды щебня и развалин, жилые кварталы. Фюрер в буквальном смысле слова закрывал глаза на последствия своих приказов, и его даже было невозможно побудить посетить (за отдельными исключениями) больницы и госпитали.

Главной заботой Гитлера было положение в воздухе, к которому он постоянно возвращался также и в разговорах с посетителями. Он все еще твердо верил в возможность производства реактивных самолетов и их применения в Северной Франции. Фюрер знал мою точку зрения по этому вопросу, но учитывать ее не желал. В «Ме-262» фюрер видел шанс повернуть военное счастье лицом к Германии.

Русские пробивались все дальше. В начале августа они взяли Брест-Литовск и Ковно, а в боях следующей недели окружили группу армий «Север» в Курляндии. Незадолго до этого они подошли к Варшаве, где вспыхнуло восстание, организованное

польским вооруженным подпольем. Гиммлер приказал подавить и разгромить его всеми средствами. Сделать это удалось с большими потерями для поляков. Дальше на юг линия фронта была отодвинута русскими почти до венгерской границы.

Бои в Северной Франции тоже принесли дальнейшие успехи противнику. Прорыв американцев у Авранша открывал перед ними всю Бретань. Гитлер приказал немедленно предпринять контрнаступление с востока на запад, от основания полуострова Котантен до побережья Бискайского залива – приказ, который никак не соответствовал положению в данном районе. Наступление захлебнулось ввиду превосходства противника в воздухе, противопоставить которому нам было нечего.

Резкое ухудшение моего здоровья

В первые дни августа мое здоровье катастрофически ухудшилось из-за пережитого сотрясения мозга. Усилились головные боли, чувствовал я себя отвратительно. Пришлось лечь в постель. Мне все-таки удалось побудить Кейтеля «одолжить» Гитлеру своего адъютанта по люфтваффе майора фон Шимонского. Фельдмаршал хотя и ругался, но пошел навстречу. Фюрер на эту замену согласился и предоставил мне покой. Я продолжал находиться в Ставке и лежал в своей комнате, поскольку нуждался в спокойной и уравновешенной обстановке, чтобы оправиться от ранения в голову 20 июля. Выздоровление длилось довольно долго, я с трудом смог подняться только в конце августа, и мне был необходим продолжительный отпуск для поправки.

Об этих трех неделях никакого хорошего воспоминания у меня не осталось. Сам Гитлер порой лишь с трудом держался на ногах, а то, что мне приходилось слышать от Амзберга и Шимонского, никак восстановлению моего здоровья не способствовало. Фюрер несколько раз посетил меня. Его заботил теперь новый план. Только что сформированными дивизиями и новыми соединениями истребителей он хотел предпринять на Западном фронте далеко идущее наступление. Я сразу спросил его, почему он не сосредоточивает все силы против русских, и получил ответ: их он сможет атаковать и позже, но это станет невозможным, если американцы окажутся в рейхе. Понять позицию Гитлера я не мог. И думаю, не было в Германии тогда никого, кто смог бы понять этот замысел фюрера. Все мы тогда уже думали:

«Первым делом дать ами{280} промаршировать в рейх, а русских как можно дольше удерживать вдали от старой германской имперской границы». Гитлер такой установки не одобрял. Он давал понять, что власти евреев и американцев боится больше, чем врасти большевиков.

Во время одного такого посещения меня Гитлером зашла речь о пригодности Геринга и эффективности его действий как главнокомандующего люфтваффе. Фюрер высказался в том смысле, что падения Геринга он не желает и пойти на это не может. Заслуги Геринга уникальны, и может случиться так, что тот ему еще понадобится. Гитлеру было ясно: с люфтваффе Геринг не справился, не в последнюю очередь из-за своей бездеятельности, а также и потому, что он, фюрер, слишком считался с ним как со «старым другом». Но переходя к последним

событиям, Гитлер говорил: он знает, что Геринг – на его стороне. Он все еще испытывал к Герингу доверие. Я давал понять, что у меня на это другой взгляд. Но фюрер свою точку зрения насчет Геринга менять не хотел. Я молчал, ибо убедить Гитлера в обратном было невозможно. Он также говорил, что люфтваффе должна была бы иметь нового главнокомандующего, который относился бы к своей работе с душой. Там следовало бы сделать очень многое. Фактически в те недели существовало даже два начальника генерального штаба люфтваффе – Крайне, пользовавшийся доверием Геринга, и Коллер – заместитель Кортена.

Амзберг и Шимонский приходили ко мне почти ежедневно, информируя меня о происходящем. Почти каждый день они рассказывали о раздражении Гитлера в отношении люфтваффе. На фронтах вражеские войска неудержимо продвигались вперед.

Лечение и выздоровление

В день моего отъезда – это было в конце августа – я доложил о своем событии Гитлеру. Он стоял в уже восстановленном бараке для обсуждения обстановки, в котором четыре недели назад взорвалась бомба. После покушения фюрер стал горбиться больше, чем прежде. У меня возникло впечатление, что он еще не здоров. Гитлер попрощался со мной очень дружески и напутствовал пожеланиями скорого выздоровления. О делах мы не говорили. Фюрер вручил мне специально учрежденный им для уцелевших при покушении особый Знак за ранение. От обычного он отличался тем, что стальной шлем и мечи были немного подвинуты вверх, чтобы было место для надписи: «20 июля 1944» и его росчерка на металле.

Ночным поездом я выехал в Берлин, а оттуда – сразу в имение родителей жены около Хальберштадта. В пути мне стало плохо. Только в середине сентября я смог на машине отправиться с женой на курорт Зальцбрунн в Силезии. За четыре недели, проведенные здесь, я довольно быстро поправился и хорошо отдохнул. Когда я находился в Ниенхагене, моя жена получила написанное фюрером от руки письмо с пожеланием мне быстрого выздоровления. Я был просто потрясен этим выражением высокий оценки, но прежде всего тем, что в тяжелых военных условиях он нашел время для такого письма, и счел это знаком доверия фюрера, налагающим на меня большие обязательства. Письмо Гитлера жена сожгла в конце войны, прежде чем американцы вошли в Ниенхаген.

Находясь в Зальцбрунне, я снова живо следил за военными событиями. Налеты на Берлин становились все сильнее; наш дом уцелел, но рядом стоящие были разбомблены или выгорели. Здесь же война мною почти не чувствовалась, не в последнюю очередь благодаря моим дружеским, еще с довоенных времен, отношениям с Карлом Ханке, тогдашним гауляйтером Бреслау, который заботился обо мне. Вместе с ним мы побывали на стройке новой Ставки фюрера. Здесь пока не было ничего, кроме фундамента. Я всегда считал ее постройку в этом месте совершенно излишней и теперь оказался прав: строительство было приостановлено.

Вести из Ставки фюрера

Важнее всего в Зальцбрунне были для меня приезды замещавшего меня Шимонского. Каждый раз он привозил с собой кучу опасений, но обладал достаточным чувством юмора, чтобы преодолевать свои тревоги, несмотря на плохие вести. В Восточной Пруссии русский все ближе и ближе. Ставку фюрера вскоре придется эвакуировать. Противник ведет бои уже у Гольдапа, пробиваясь дальше на запад и в других пунктах. Я сказал Шимонскому, что, по моему мнению, неотъемлемую часть Ставки следует передислоцировать в Цоссен, около Берлина. Сам он был потрясен обстановкой в воздухе. Боеспособных авиационных соединений почти нет. Фактически люфтваффе боевых действий не ведет. Гидрогенизационные предприятия не работают, а заводы каучука сильно разрушены, так же как и шарикоподшипниковые. Это сказывается не только на выпуске продукции, но и на снабжении и пополнении войск. Американская авиация все сильнее сосредоточивается на разрушении ключевых отраслей промышленности. В общем и целом положение и на Востоке и на Западе – катастрофическое.

Шимонский рассказывал мне и о том плохом состоянии, в котором находится Гитлер. 26 сентября Гиммлер доложил фюреру о действиях Сопротивления еще в 1938-1939 гг., назвав при этом имена Канариса, Герделера, Остера{281}, Донаньи{282} и Бека. Из этого доклада явствовало, что даты начала кампании на Западе постоянно выдавались противнику. Дальнейшие расследования показали, что предпринимались сорвавшиеся попытки отстранить Гитлера от власти или убить его{283}. Эти сообщения вызвали у него катастрофическое ухудшение здоровья. В конце сентября у фюрера начались острые желудочные колики и судороги. Морелль поставил диагноз: это и другие заболевания вызваны его тяжелым душевным состоянием. Несколько дней ему пришлось бездеятельно пролежать в постели, и только в начале октября он вернулся к делам, однако поначалу очень медленно. Смерть Шмундта 1 октября от полученных при взрыве в «Волчьем логове» ранений тоже сыграла свою роль. Мне известно, что в последние месяцы Гитлер ни с кем не разговаривал столь доверительно, как с ним.

Шимонский рассказал мне также о том, что в самом конце сентября у Гитлера побывал кавалер фон Грайм. Фюрер намеревался назначить его фактическим главнокомандующим люфтваффе, оставив Геринга почетным. Я же предположил, что Грайм, также и ввиду бесперспективного положения, от работы

вместе с Герингом откажется. Смещенного к тому времени начальника генерального штаба люфтваффе генерала Крайпе Шимонский назвал «человеком, которому не повезло», но причины его увольнения с этой должности назвать не смог. Однако мы сошлись на том, что решающее слово здесь сказали люди партии. Группенфюрер СС Фегеляйн, после покушения возомнивший себя важной персоной, шпионил за Крайне.

С озлобленностью и ожесточением рассказал мне Шимонский о смерти фельдмаршала Роммеля, который перед тем по распоряжению Гитлера вышел в отставку. Ему пришлось пойти на самоубийство, поскольку стала известна его принадлежность к движению Сопротивления. Мы пришли к мысли, что Роммель стал его участником только под влиянием третьих лиц и вряд ли по собственному побуждению выступить против Гитлера. Мы знали, что начальник его штаба генерал Шпейдель{284} поддерживал теснейший контакт с движением Сопротивления, и сделали из этого факта вывод, что Роммель знал о заговоре или участвовал в нем. Но то, чтобы он являлся его движущей силой, мы полностью исключали.

Единственной положительной новостью, полученной от Шимонского, явилось сообщение о первом успешном запуске «Фау-1» по Лондону в начале сентября. Хотя целый ряд этих снарядов падал на открытой местности, многие из них наносили большой ущерб. Реакция англичан показывала, как болезненно они воспринимали обстрелы. От дальнейшего применения этого оружия Гитлер ожидал многого.

Шимонский сообщил мне и об отбитой высадке англичан в районе Аргейма, затем о тяжелых боях за Ахен, об отпадении Венгрии, о высадке англичан в Греции и захвате Афин, о потере Антверпена, а под конец, о восстании поляков в Варшаве, вспыхнувшем 2 октября 1944 г. Сообщил он и о планах Гитлера предпринять в Арденнах новое наступление против американцев с целью вернуть Антверпен. Я спросил Шимонского, чего же фюрер хочет этим добиться. Даже если Антверпен и будет снова взят нами, решающего прорыва этим не добиться. Шимонский сказал только, что Гитлер желает этого наступления, чтобы выиграть время для производства нового оружия. Я спросил: какого? На этот вопрос он ответить не смог.

В середине октября я поехал по лечебным делам в Ниенхаген. 22 октября мне позвонил Путткамер и спросил, могу ли я вернуться: люфтваффе все еще – тема № 1, а между Гитлером и Герингом – постоянная напряженность. Я ответил, что на следующий день выезжаю в Берлин и ночью с 23 на 24 октября прибуду в Восточную Пруссию, хотя чувствую себя еще не вполне

здоровым. Мне было ясно: я должен сейчас помочь Гитлеру. На этом мой отпуск для поправки здоровья неожиданно закончился.

Возвращение в «Волчье логово»

Утром 24 октября я уже снова находился в «Волчьем логове», обнаружив здесь некоторые перемены. Бункер фюрера превратился в бетонный колосс с 7-метровыми стенами. Усилены были стены и других бункеров, а все простенки прежних деревянных бараков и построек залиты бетоном толщиной 60 см.

Меня сердечно приветствовали прежде всего Путткамер и Шимонский. Первая половина дня прошла очень быстро – меня вводили в курс дел. Путткамер сообщил о тех заботах, которые изо дня в день доставляла Гитлеру люфтваффе. Он рассказал мне о посещении Грайма и намерении фюрера сделать его главнокомандующим ВВС. Путткамер был недоволен затяжкой этого дела и стремился к его решению.

В адъютантуре произошли перемены персонального характера. Генерал Бургдорф, являвшийся прежде заместителем Шмундта, теперь выполнял обе его функции: начальника Управления личного состава сухопутных воск и шеф-адъютанта фюрера. Он привел с собой молодого майора Иоханнмейера, офицера-фронтовика, награжденного Рыцарским крестом. Амзберг и Шимонский вернулись к прежним местам службы, а вскоре после Рождества появился подполковник генштаба Боргман.

О ходе событий на фронтах Путткамер смог сообщить мне только неблагоприятные вещи. В Восточной Пруссии русский стоял у Гольдапа. Гумбинен удалось вернуть, дороги были забиты возвращающимися беженцами. В районе Гумбинена русские свирепствовали: насиловали и убивали женщин, грабили и поджигали дома. На дорогах царит хаос. На более южном участке Восточного фронта ОКХ со дня на день ожидает нового крупного русского наступления. Немецкие дивизии удается пополнять лишь частично. Особенно велики потери танков, которые едва ли удастся восполнить. Немецкие соединения на Балканах в полном порядке отступают в рейх из Греции, пробиваясь через Болгарию, Румынию и Югославию. На Западе американцы и англичане оружием прокладывают себе путь к германской границе. Гитлер готовит наступление в Арденнах, которое начнется примерно 1 декабря. Надеются, что западные союзники до этого сами не проведут в этом районе более крупную операцию. Крайнюю тревогу вызывает положение в воздухе. Американцы и англичане летают над германской территорией как над собственной. О какой-либо нашей противовоздушной обороне и говорить не приходится. Последнее время авиация союзников осуществляет

точечные налеты на отдельные объекты. Они бомбят нефтеперерабатывающие заводы, авиационные заводы, заводы по производству каучука и отдельные предприятия-поставщики. Гитлер – в ярости на люфтваффе, но его можно понять. Однако вина лежит не только на ней одной. Здесь целый узел причин, начиная с долго находившегося в загоне вооружения люфтваффе, но за это сейчас, как кажется, спросить не с кого. Путткамер рассказал также о призыве создавать народное ополчение. В конце октября министр Геббельс атаковал Гитлера с требованием создать «фольксштурм». Фюрер целиком пошел навстречу этому требованию. В фольксштурм могут быть призваны все немцы от 16 до 60 лет. Ответственность за это несут партийные органы. Но оружия и снаряжения в наличии почти нет.

Намерения, соображения, иллюзии

После полудня я доложил Гитлеру о своем прибытии. Он сердечно поздоровался со мной и сказал, что для беседы вызовет меня вечером. Рабочий день фюрера, как обычно, начался с ознакомления с обстановкой на фронтах. На обсуждение явились начальник генерального штаба сухопутных сил Гудериан и начальник штаба оперативного руководства этих войск генерал Венк. Йодль в тот момент руководил подготовкой наступления в Арденнах. Командование люфваффе находилось в переходной стадии. Гитлер распорядился, чтобы генерал Крайне к нему больше не являлся. Вместо пего с докладом прибыл начальник штаба оперативного руководства люфтваффе генерал-майор Кристиан. Военно-морской флот представлял адмирал Фосс, который вернулся в строй после ранения, полученного 20 июля. В эти дни на фронтах, как на Западе, так и на Востоке, было относительно спокойно. Гитлер использовал предоставившееся время для подготовки Арденнского наступления. Все вертелось сейчас вокруг этой операции.

Вечером того же дня, как и в последующие вечера до самого ноября, Гитлер, вызвал меня к себе. Большинство этих бесед проходили между 23-24 часами и обычно продолжались часа полтора. В первый вечер фюрер был спокоен и более или менее бодр. Он сразу заговорил о положении с люфтваффе и сказал мне, что в последнее время вел переговоры с Граймом. Фюрер действительно хотел назначить его главнокомандуюшим люфтваффе, формально не лишая, однако, Геринга этого поста. Грайм предложил другой вариант, который Гитлеру не вполне подошел. Но тот еще раз побывал у фюрера, и они решили найти приемлемое решение.

Я спросил фюрера, знает ли что-либо обо всем этом Геринг, и он предположил, что знает. Я сказал ему: могу себе представить, что добровольно Геринг с этого поста не уйдет, и добавил: в коренные изменения в люфтваффе уже не верю. Наше вооружение в большей или меньшей мере уничтожено. В настоящее время происходят воздушные налеты на заводские аэродромы. Как кажется, англичане получают точные данные о количестве уже готовых самолетов и именно тогда бомбят эти аэродромы. Я придерживался мнения: надо что-то предпринимать с целью помешать Royal Air Forse{285} наносить удары по специально избранным точечным целям. Если бы у нас однажды появился «Ме-262», причем исключительно в виде истребителя, мы, как я полагаю, смогли бы успешно наносить контрудары вражеской

авиации. Гитлер отнесся к этим словам с раздражением и стал распространяться насчет предназначения турбореактивных истребителей. Я ответил, что мы должны исходить из реальностей.

В один из следующих вечеров Гитлер заговорил о событиях 20 июля и последовавших затем судебных процессах. Он сказал, что все расследованное и доложенное ему Гиммлером привело к его болезни. Ни один человек не может себе представить, какие боли ему ежедневно приходится выносить. Оказывается, противнику было выдано все: и подготовка к кампании во Франции, и дата наступления, и цели первых операций. Выдан был врагу и день начала похода на Россию. В Германии уже ничто не остается тайным. Но наиболее коварным образом действовал адмирал Канарис. И Герделер тоже был одним из самых ангажированных заговорщиков, с ним теперь все ясно. Он во всем признался, а вот Канарис, тот все отрицает.

Основная масса схваченных злоумышленников, говорил Гитлер, была вовлечена в заговор более или менее случайно. Число заангажированных заговорщиков, целиком и полностью участвовавших в осуществлении преступных планов, совсем невелико. Активным участником заговора фюрер назвал генерала фон Трескова: его рука была повсюду, но потом он по своей воле лишил себя жизни, а это значит, что он трезво оценил положение, когда покушение сорвалось. Фюрер показался мне особенно удрученным тем, что многие заговорщики были по происхождению из «образованных кругов»: именно таким людям он в большей или меньшей мере слепо доверял. Его заставляет страдать и вызывает у него отвращение не то, что они предали его лично, а то, что они предали Германию. «Я уже довольно давно, – продолжал Гитлер, – знал, что „лучшие круги“ нашего народа – против меня. Но искусство не ведать колебаний – вот неиссякаемый источник моей силы!».

В других случаях Гитлер начинал говорить о боевых действиях на фронтах. Поскольку сейчас положение там было более или менее спокойным, он рассуждал о том, что противник рано или поздно выдохнется. Он все дожидается того момента, когда между Америкой и Англией произойдет разрыв и вражеская коалиция развалится: не может себе представить, чтобы англичане признали главенство американцев в Европе. Я отвечал, что у меня мнение другое. Политика Черчилля показывает, что он целиком и полностью на стороне американцев. К тому же у американцев – огромный перевес, который позволяет им теперь действовать в Европе в соответствии с их собственными взглядами и потребностями. Англичане уже не могут сказать ни

слова. Потом фюрер к этой теме больше не возвращался.

Во второй половине дня 1 ноября у Гитлера состоялась продолжительная беседа наедине с генерал-полковником фон Граймом. Потом я спросил Грайма о результатах. Он ответил: пока все остается по-старому. Я был рад такому решению. Хотя я мог бы во многом упрекнуть Геринга, смена командования люфтваффе в то время была совершенно бесперспективной. Гитлер согласился со мной, но сказал, что следует назначить нового начальника ее генерального штаба. Я предложил кандидатуру генерала Коллера, который как начальник штаба оперативного руководства люфтваффе знает все проблемы; он казался мне в той обстановке наиболее подходящим для данной должности благодаря своему спокойствию и уравновешенности. Это решение совпадало и с намерениями Геринга, и таким образом Коллер стал последним начальником генерального штаба люфтваффе.

«Ареопаг»

К 11 ноября я выехал в Берлин, чтобы принять участие в «ареопаге», который Геринг созывал в Военно-воздушной академии, расположенной в берлинском пригороде Гатов. Руководить этим совещанием он поручил генералу Пельтцу. Среди участников я увидел известных летчиков – истребителей и бомбардировщиков, в том числе и Галланда. Заседание открыл Геринг. Он сказал, что люфтваффе оказалась несостоятельной и мы должны критически отнестись к этому, чтобы изменить положение вещей. Это следовало понимать так, что критика не должна затронуть верхушку люфтваффе и его самого, а также не следует обсуждать вопрос о «Ме-262». От слов Геринга у меня возникло впечатление, что весь этот «ареопаг» – дело бесполезное, ибо обе темы в большей или меньшей степени и есть основная причина нынешнего жалкого положения люфтваффе.

Призвав присутствующих помочь ему восстановить репутацию люфтваффе, Геринг удалился. Председательское место занял Пельтц. Я не мог избавиться от чувства, что он стоит перед неразрешимой задачей. Он знал, что такое «ареопаг», а именно – трибунал с неограниченными полномочиями. Но таковым наше собрание, после того как Геринг заранее поставил ему определенные рамки, быть не смогло. Обсуждение шло то в ложном направлении, то по второстепенным вопросам, но в любом случае – не по коренным проблемам люфтваффе. В конечном счете все свелось к таким вопросам, как, скажем, необходимость укрепления национал-социалистического мировоззрения в люфтваффе, особенно среди командиров самолетов, и заседание закончилось безрезультатно. Заключительный протокол, который Геринг потом обсудил с Гитлером, никаких новых точек зрения не содержал. Все разошлись неудовлетворенные этим совещанием, которое скорее явилось признаком того, что люфтваффе функционирует уже из последних сил. «Слишком мало и слишком поздно», – думали летчики-истребители, усаживаясь в свои самолеты.

Бесперспективное положение

В угнетенном состоянии вернулся я в «Волчье логово». Мысли мои, как уже часто случалось в последние месяцы, были заняты Гитлером и его действиями. Я спрашивал себя: как этими нашими силами, рассеянными по всей Европе, хочет он выиграть войну? Рассчитывает ли он на раскол альянса противников или же, говоря без обиняков, надеется на чудо? Да, конечно, боеспособность формирований СС гораздо выше, чем соединений сухопутных войск. Но сражаться без оружия и боеприпасов не могут и они. Я не знал, известно ли фюреру катастрофическое положение в сухопутных войсках и в люфтваффе или же он только внушает себе, что это не так.

Запланированное наступление через Арденны казалось мне заранее проигранным, малым и второстепенным, которое может быть успешным только до тех пор, пока стоит зимняя погода, препятствующая действиям самолетов. Ответов на мои вопросы я не находил.

В последующие недели новых точек зрения не появилось. Гитлер все время упирал на высокий национал-социалистический дух, который должен спаять войска и привести к успехам. Однако для этого было слишком поздно. В 1939 г. он еще не считал этот дух «всеосвящающим», но, несмотря на это, войну начал. Теперь он предполагал, что Англия поймет важность войны против Советского Союза. Но та с самого начала выступала против нас заодно с русскими. У Америки же в этой войне был только один враг: Германия. Ныне мы подошли к концу этой борьбы, и перед Гитлером стоял только один вопрос: как ему самому следует себя вести? Над этой проблемой он задумывался не раз. В последние дни в «Волчьем логове», между 16 и 20 ноября, я слышал, как Гитлер говорил об этом. Когда Йодль предложил в связи с Арденнским наступлением перенести Ставку фюрера в Берлин, он ответил, что из Восточной Пруссии уже никуда не уйдет. Война проиграна. Эти слова его звучали в те дни неоднократно. Но Борману все-таки удалось убедить Гитлера уступить.

20 ноября 1944 г. после обеда фюрер вошел в свой спецпоезд и покинул «Волчье логово» навсегда.

Незадолго до того произошло несколько заслуживающих упоминания событий. 14 ноября американская авиация начала на Западе бомбежки небольших германских городов (таких, как Дюрен, Юлих и Хайнсберг) в полосе своего будущего наступления и полностью уничтожила их, хотя для последующих боев сухопутных войск противника это большого значения не

возымело. В районе Меца американцы втянулись в тяжелые бои и продвигались медленно. В Восточной Пруссии немецким войскам пришлось отступать и дальше. Часть их закрепилась в укрепленном районе Кенигсберга, а часть была оттеснена через Восточную Пруссию в направлении Вислы. Одной из этих армий командовал генерал Хоссбах, который 21 ноября отмечал свое 50-летие. По этому случаю Гитлер направил ему чек на 50000 рейхсмарок, что явилось знаком его доверия к своему бывшему адъютанту.

21 ноября мы прибыли в Берлин. На следующий день Гитлеру пришлось обратиться к профессору фон Айкену, который в клинике «Шаритэ» удалил ему небольшие полипы на голосовых связках. Фюреру было предписано до 28 ноября щадить их и меньше говорить.

28 ноября в захваченный порт Антверпена прибыл первый американский морской конвой. Отныне никаких проблем со снабжением своих войск у противника на Западе не было. Ранее, 14 ноября, англичане предприняли наступление против наших войск на Маасе и у Венло (Голландия), но прочного успеха не имели. В это же время южнее американцы тщетно попытались прорваться на территорию Германии, однако между Дюреном и Юлихом были даже отброшены. В декабре они пробились до Страсбурга. Гитлер следил за ходом боев на западной границе рейха с большим опасением, боясь, что американцы упредят его в захвате исходных позиций в районе намеченного им наступления. Он возлагал на это наступление большие надежды и уже мысленно видел, как авангард немецких войск врывается в Антверпен.

10 декабря вечером мы выехали из Берлина и утром 11-го прибыли в Цигенберг, вблизи Бад-Наухайма. Здесь находился очень красивый старинный дворец, отреставрированный Шпеером еще в начале войны. Однако Гитлер решительно заявил, что во дворце никогда не поселится, и Шпееру было дано распоряжение построить в ближнем лесу бараки и бункеры. Мы отправились в лагерь, а во дворце и ближайших зданиях расквартировался командующий Западного фронта со своим штабом.

Арденнское наступление – последняя попытка

В течение первых двух дней нашего пребывания в Берлине Гитлер вызвал к себе около 20 генералов, в том числе командиров корпусов и дивизий, предназначенных для наступления в Арденнах. Он пытался убедить их в том, что вражеская коалиция распадется, и возлагал на это всю свою надежду. Фюрер напоминал о Фридрихе Великом, который в тяжелейший час своей войны тоже остался в полном одиночестве и все-таки выстоял. Так же, как тогда, и сейчас вражеский альянс распадется только в результате предстоящего наступления. Если каждый будет помышлять лишь об успехе, думать только о победе, она не заставит себя ждать. Такими словами Гитлер хотел должным образом настроить командующих и командиров. Он всерьез верил, что, наступая на крошечном участке последними имеющимися в его распоряжении боеспособными соединениями, сумеет достигнуть своей цели – разгрома вражеской коалиции. Я был глубоко потрясен такими мыслями и готовностью генералов осуществлять их, ибо перед лицом превосходства противника в силах ни на какой прочный успех рассчитывать было нельзя.

Наступление началось 16 декабря 1944 г. Погода стояла облачная, так что до 24 декабря ни один вражеский самолет наши войска атаковать не мог. Главный удар наносили 6-я танковая армия войск СС под командованием оберстгруппенфюрера СС{286} Дитриха и 5-я танковая армия генерала фон Манштейна, общее руководство которыми находилось в руках фельдмаршала Моделя. Совершив прорыв, 5-я танковая армия хорошо продвигалась вперед. У врага оставалась только Бастонь. Сражавшейся севернее 6-й танковой армии войск СС пришлось преодолевать более упорное сопротивление противника, и она отстала. 24 декабря небо прояснилось и противник ввел в бой авиацию, отчего передвижение наших войск по дорогам днем стало невозможным. У некоторых частей не хватало горючего. После Рождественских дней можно было ясно осознать: ожидаемого успеха добиться не удалось. Мои опасения подтвердились в полном объеме. Наступление в конце года силами 25-30 дивизий, из них – 12 танковых, в районе Моншау – Эхтернах, следовало считать провалившимся. Соединения были очень побиты и для новых операций уже не годились.

Выхода больше нет

Гитлер тоже не мог игнорировать это. Поздним вечером в один из тех дней я находился в бункере фюрера в тот момент, когда объявили воздушную тревогу. Он произвел на меня впечатление совершенно отчаявшегося человека. Ни раньше, ни потом мне его в таком состоянии видеть не приходилось. Гитлер говорил, что покончит теперь жизнь самоубийством, ибо рухнула последняя надежда на успех. Он ругал люфтваффе, поносил «изменников» из сухопутных войск и выкрикивал примерно следующее: «Я знаю, война проиграна! Превосходство врага слишком велико. Меня предали! После 20 июля случилось то, что я считал невозможным. Против меня выступили именно те круги, которые получили от национал-социализма наибольшую выгоду. Я всех их избаловал. Вот их благодарность! Лучше всего, я пущу себе пулю в лоб! У меня нет твердых людей. Такие люди – только Модель и Дитрих. Да еще Рудель{287}. Вот кто был бы моим преемником!». Потом Гитлер взял себя в руки и продолжал: «Мы не капитулируем! Никогда! Пусть мы погибнем, но мы заберем с собой на тот свет весь мир!»

Эти слова Гитлера я не забывал никогда, а о самой беседе до сего дня не рассказывал никому. Его слова ясно показали мне тогда: с избранного им пути он не свернет и в гибель свою втянет всех и вся! Итак, путь определен, и путь этот приведет нас к безоговорочной капитуляции – той самой, на которой упорствуют победители.

29 декабря Гитлер учредил Рыцарский крест с золотыми дубовыми листьями, мечами и бриллиантами. В грамоте о награждении он установил, что это отличие может быть дано всего только 12 лицам.

30 декабря у Гитлера побывал генерал Томале. Фюрер говорил с ним не только о производстве танков и обеспечении ими сухопутных войск, но и о политических проблемах и вопросах, угнетавших его. После Томале явился Гудериан. У него имелись особые опасения. Он боялся начала русского наступления в первые же январские дни 1945 г. и хотел перебросить дивизии из Арденн на Восточный фронт. Но фюрер все еще колебался. Хотя он и дал разрешение на переброску двух дивизий в Венгрию для защиты нефтяных районов, но другие забирать не позволил.

1944 г. закончился, таким образом, ощущением безысходности. Последние надежды на успех на западной границе рейха исчезли; на Востоке вырисовывались новые тяжелые

операции. Если не говорить об эпизодических успехах люфтваффе, никакого ведения воздушной войны с германской стороны заметно, больше не было ввиду превосходства союзнической авиации. Что именно думал Гитлер о дальнейшем ходе событий, никто в точности не знал. Официально он говорил только о продолжении борьбы и возлагал свои надежды на разногласия во вражеском альянсе. Поддержки таким его мыслям он не находил ни у кого. Во всяком случае, мы, в Ставке фюрера, знали, что сам по себе Гитлер не мог и не хотел сделать к необходимому решению ни единого шага. Хотя новый год и должен был принести конец войне, доживем ли мы до этого, было сомнительно.

Начало конца

В своем новогоднем обращении к населению и вермахту в наступающем критическом году Гитлер говорил о создавшемся положении весьма откровенно. Упомянул об интернациональных планах ликвидации Германии. Но, заявил он, немецкому народу до сих пор удавалось «оказывать успешное сопротивление планам наших врагов задушить нас». Сорвавшееся покушение на него фюрер назвал поворотным пунктом в судьбе Германии. Лично я был убежден в том, что, даже в этом бесперспективном положении, широкие круги народа все еще питали к Гитлеру доверие и просто не могли поверить, что при его главенстве Германский рейх может быть разгромлен. Такую уверенность я давно разделять не мог. Вот уже с осени 1944 г. единственный выход я видел только в смерти Гитлера. А о том, что о смерти своей он думал, свидетельствовали его различные намеки.

В первой половине дня 1 января 1945 г. в Ставке фюрера собрались главнокомандующие составных частей вермахта, чтобы высказать Гитлеру свои пожелания «успешного» нового года. Пожелания, в которые никто из поздравителей, пожалуй, сам не верил. После обычных разговоров о положении на данный день фюрер принял в кругу генералов полковника Руделя. Сказав несколько слов признательности и похвалы и отметив его самоотверженные действия, Гитлер вручил ему недавно учрежденную высшую награду за храбрость, которую охарактеризовал как «неукоснительно проявленное наивысшее геройство и беспримерные летные и боевые успехи». О чем он беседовал с Руделем после банкета, я так и не узнал.

Предпринятая 1 января 1945 г. крупная операция люфтваффе оказалась просто катастрофически неудачной. Геринг запланировал на новогодний день массированный налет почти 1000 самолетов с ударами по различным наземным целям на западной границе рейха. Подготовка и проведение операции «Каменная плита» («Боденплатте») были строго засекречены. Тем не менее наши воздушные соединения получили крепкий отпор. При возвращении они попали под сильный и точный прицельный огонь собственной зенитной артиллерии (которая из-за секретности операции не была информирована о ней) и понесли большие, уже невосполнимые потери. Это была последняя крупная операция люфтваффе.

12 января Герингу исполнялось 52 года. Празднование дня рождения проходило в Ставке фюрера, и Гитлер сердечно поздравил юбиляра.

В этот же самый день на центральном участке Восточного фронта началась задуманная с далеко идущими целями крупная наступательная операция русских{288} . Массированным применением артиллерии и танков, а также введенными в сражение большими силами Красная Армия прорвала немецкий фронт и двинулась в направлении Верхней Силезии и Одера, добившись уже в первые дни серьезных успехов. Гитлер тщетно пытался закрыть прорыв, подбросив один корпус из Восточной Пруссии. Он понял: это, верно, начало конца, а потому вечером 15 января выехал в Берлин и больше уже никогда, за исключением коротких выездов на фронт, столицу рейха не покидал.

Крупное русское наступление, широко развернувшееся от Сандомирского плацдарма до района севернее Варшавы, встречало всюду на своем пути измотанные и понесшие большие потери немецкие соединения. Командующие группами войск и армиями, а также начальник генерального штаба сухопутных войск советовали уклониться от удара русских, чтобы приобрести большую свободу маневра. Но Гитлер и слышать об этом не хотел. Он со всей твердостью требовал: стоять и ни шагу назад! Это создало для наших дивизий отчаянное положение и лишило их всякой возможности упорядоченной обороны. Некоторые командующие действовали на собственный страх и риск, давая приказы в соответствии с местными условиями. Это самоуправство Гитлер тотчас же заметил и немедленно вмешался в вопросы командования. Так, он заменил командующего группой армий «Центр» генерал-полковника Харпе генерал-полковником Шернером, 26 января он поменял генерал-полковника Райнхардта на генерал-полковника Рендулича, а 30 января генерала Хоссбаха – на генерала Мюллера.

Хоссбах стал жертвой интриг партийных инстанций. Гауляйтер Восточной Пруссии Кох{289} то и дело слал в Берлин пышущие яростью доклады насчет действий Хоссбаха, и Гитлер принес этого энергичного командующего армии в жертву высокопоставленному партийному функционеру.

Эти первые недели 1945 г. поставили командование сухопутных войск в такое неприятное и критическое положение, которое даже трудно себе представить. Но Гитлер твердо придерживался своего руководящего принципа, который, возможно, и был обоснованным для зимы 1941-42 г.: не отдавать по собственной воле ни одного квадратного метра захваченной земли. Однако нынешнее превосходство русских в силах на всем Восточном фронте было столь велико, что следовать этому приказу уже не был в состоянии ни один генерал. Все население

Восточной Пруссии спасалось бегством. Дороги были забиты, и передвигаться по ним войскам стало почти невозможно. Большой части беженцев так и не удалось перейти через Вислу на территорию рейха. Русские прижали их к Балтийскому морю, где, однако, все-таки была хоть какая-то надежда на эвакуацию нашими военными кораблями. Многие колонны беженцев оказались смятыми наступающими русскими войсками. Людям приходилось переживать неописуемые страдания. Потери среди беженцев были невероятными.

На южном участке Восточного фронта русские в последние дни января перешли через Одер юго-западнее Бреслау. Результатом явилась потеря нами верхнесилезско-го промышленного района. Этот город оказался в ближайшие дни окруженным и ценой огромнейших потерь отбивался вплоть до своей капитуляции 6 мая.

Против мощного продвижения русских на центральном участке Восточного фронта Гитлер бросил группу армий «Висла» под командованием Генриха Гиммлера. Это решение было встречено всеми компетентными военными с большим недоверием и скептицизмом. Подчиненные Гиммлеру войска в значительной мере состояли из отставших и отбившихся от своих частей солдат и совершенно измотанных в предыдущих боях соединений, способных бороться только за выигрыш времени. Прорыв на Одере оказался для русских удачным. Красная Армия стояла теперь у Кюстрина, Франкфурта-на-Одере и южнее вдоль Нейссе, примерно до Герлица, и пока вперед не шла. Русский главнокомандующий маршал Жуков прилагал усилия, чтобы подтянуть отставшие соединения своих войск.

Подобно тому как развивались события на фронте в восточной части нашего рейха, на Западе англичанам и американцам удалось тоже форсировать свое продвижение. На рубеже 1944-1945 гг. войска западных союзников надеялись подойти к Берлину раньше русских. Если этого не произошло, то именно благодаря той твердой дисциплине, которая все еще удерживала немецкие соединения от распада. Нежелание мириться со своей неизбежной судьбой было у них сильнее безнадежности.

В январе я несколько раз выезжал в район Гарца и до Ордурфа в Тюрингии. На этом учебном военном полигоне строилась новая Ставка фюрера. Работы шли медленно. Причин ускорять их я не видел. Гораздо сильнее интересовали меня огромные подземные цеха неподалеку от Нордхаузена, где заключенные этого концлагеря собирали в большом количестве «Фау-2». Насколько мне удалось установить, с заключенными

здесь наверняка обращались приличнее и в общем они находились в несколько лучшем состоянии, чем в других концлагерях. И все же картина была угнетающая: узники, старающиеся каторжным принудительным трудом в этих огромных заводских цехах купить себе жизнь! Их прилежная работа в конечном счете была абсурдна, ибо откуда же теперь запускать производимые ими ракеты, чтобы они долетели до своих целей в Англии? Ничто в те недели не могло показать мне яснее тщетность всех лишь затягивающих войну усилий, чем посещение этих подземных цехов.

30 января, в день 12-й годовщины своего прихода к власти, Гитлер в последний раз выступил по радио перед немецким народом. Чего еще мог потребовать он от этого народа, кроме как биться до последнего! «Мы преодолеем и это бедственное состояние, – сказал он, а потом добавил: – И в борьбе этой победят не Внутренняя Азия, а Европа!». Многие его слушатели все еще цеплялись за соломинку «чудо-оружия», которое в последнюю минуту повернет их судьбу.

Через несколько дней поступили первые сообщения о Крыме и Ялте, о встрече глав государств Рузвельта, Сталина и Черчилля. Они собрались там, чтобы обсудить раздел рейха. Хотя Гитлер и велел проинформировать его о конференции, однако к сообщениям о ней остался на редкость равнодушен, как будто все это его уже не касалось. 13 и 14 февраля произошли два ужасных воздушных налета англичан и американцев на Дрезден. Никто не ожидал в то время бомбежек немногих еще не разрушенных городов, переполненных беженцами. Это был террор против беззащитного гражданского населения, лишенный всякого военного смысла, удар по всему немецкому народу. Разрушения превосходили все, что довелось пережить германским городам за всю войну. Было разбомблено более 12000 домов, насчитывавших 80000 квартир. Навсегда погиб прекрасный старинный город на Эльбе. Сообщалось о 135000 до 300000 погибших. Число их из-за огромной массы беженцев можно было определить только приблизительно. Своими последними крупными воздушными налетами на германские города западные союзники показали их отношение к немецкому народу. В эти дни Гитлер неоднократно высказывал решимость разорвать Женевскую конвенцию, но его каждый раз удерживал от этого шага Йодль. Было просто удивительно, что при таких страшных налетах все еще функционировали службы спасения и помощи пострадавшим.

Последняя речь Гитлера перед гауляйтерами

24 февраля Гитлер созвал в Имперской канцелярии рейхеляйтеров и гауляйтеров. Все они находились в состоянии внутреннего напряжения. Гауляйтера Дрездена Мучмана окружили и расспрашивали о судьбе города. Гауляйтерам рейнских городов пришлось держать ответ и докладывать о боях на Западе. Гауляйтер Эрих Кох из Восточной Пруссии не явился. Его гау уже почти полностью была окружена русскими. Отсутствовал и гауляйтер Ханке из осажденного Бреслау. Царило настроение во всем обвинять Гитлера. Вошедший в зал фюрер вызвал у собравшихся чувство сострадания. Он сгорбился и постарел.

Свою речь Гитлер опять начал с воспоминаний о веймарских временах, о первых годах после прихода к власти и только потом перешел к тому, чего ждали от него присутствующие, – к современному положению. Он говорил о решающем часе войны. В этом, 1945 году уже решается судьба будущего века. Его слова о новом оружии для кригсма-рине и люфтваффе в данном кругу не произвели никакого впечатления.

На последовавшем обеде Гитлер, загнанный в Имперскую канцелярию и уже с печатью смерти на лице, пытался убедить гауляйтеров в том, что способен правильно оценить дальнейший ход развития. Но прежней силы внушения, которая вновь смогла захватить и увлечь за ним людей этого круга, теперь у фюрера не было. Прозвучали и примечательные слова Гитлера: «Мы ликвидировали нашего классового противника слева, но притом забыли нанести удар и по противнику справа. Это – наше огромное упущение и прегрешение».

Надежды на «Ме-262»

В феврале Гитлер беседовал с летчиком-истребителем Хайо Германом. Тот считал, что теперь самое время перейти в воздушных боях к тарану вражеских самолетов, и обрисовал фюреру возможности его применения. Но фюрер вновь не проявил к этой самоубийственной тактике никакого интереса, указав на новые истребители, которые позволят применить новые методы боевых действий. Он упомянул также о плане Геринга производить теперь в Южной Германии реактивные самолеты, от которых он, фюрер, ожидает больших успехов. Однако формирование их эскадрилий в условиях немалых трудностей дало незначительный результат из-за тех разногласий внутри люфтваффе, которые достигли своей наивысшей точки на упоминавшемся «ареопаге». Под командованием смещенного командира летчиков-истребителей генерал-лейтенанта Галланда в этих эскадрильях летали самые известные тогда пилоты. Но ход войны позволил применить реактивные самолеты лишь в ограниченном районе, от Рима до Мюнхена, так что о большом успехе, которого ожидал Гитлер, говорить не приходилось.

Кольцо замыкается

Ежедневные обсуждения обстановки (теперь они, как правило, проводились в 16.00) проходили с 16 января в большом кабинете Гитлера в Новой Имперской канцелярии, так как прежнее помещение в старом здании было сильно повреждено бомбами. Генеральный штаб сухопутных войск находился в Цоссене, южнее Берлина. Генерал-полковник Гудериан регулярно приезжал оттуда с докладом о положении на все приближавшемся к Берлину Восточном фронте. Круг присутствующих был расширен. В обсуждении постоянно участвовали Борман и Гиммлер, а также министр иностранных дел фон Риббентроп и шеф полиции Кальтенбруннер{291}. Эти расширенные обсуждения длились в большинстве случаев от двух до трех часов. Гитлер не жалел на обсуждение обстановки времени и каждый раз выискивал какой-либо путь выхода из сложного положения, предусматривавший переформирование воображаемых войск или едва боеспособных частей во все новые соединения. С реальностью представления фюрера никак уже связаны не были.

Болезненнее всего действовали ежедневные доклады о налетах вражеской авиации. Американцы и англичане летали над западными областями рейха почти беспрепятственно, как и прежде, выискивая в качестве целей жилые кварталы. При этом они осуществляли и точечные, весьма эффективные удары по определенным промышленным предприятиям военной промышленности и гидрогенизационным заводам. Противник, видимо, располагал точнейшей информацией об особенно важных и незаменимых предприятиях, тем самым все сильнее парализуя производство всяческих военных материалов. В течение марта превратились в горы щебня и развалин такие города, как Вюрцбург и Нордхаузен, а 8 апреля – Хальберштадт.

После ежедневного обсуждения обстановки Гитлер усаживался за небольшой письменный стол в старой Имперской канцелярии и в обществе своих секретарш выпивал чашку чая. Иногда и я тоже участвовал в их разговорах. Причем фюрер, чтобы отвлечься, выбирал темы, не связанные с нынешним общим положением. В одну из таких пауз он неожиданно продиктовал письмо к моей жене, вспоминая о наших частых встречах. Она даже успела еще это письмо получить.

В те последние месяцы имперский министр Шпеер уже шел своим собственным путем. Он знал: поражение – вопрос нескольких недель. Министр с полного согласия Гудериана ездил

с его офицером связи от сухопутных войск подполковником фон Позером по всей территории рейха, чтобы повсюду, где только мог, вместе с гаулятерами и соответствующими командующими хоть как-то смягчить действие отданного Гитлером распоряжения о разрушении жизненно важных предприятий и сооружений. Ему удалось, в частности, с большими трудностями и опасностями, уберечь от такого разрушения транспорт и коммунальные предприятия. При осуществлении этих нацеленных на будущее мер ему приходилось постоянно считаться с тем, что он имеет дело с убежденными в конечной победе национал-социалистами.

15 марта Шпеер вручил мне для передачи Гитлеру свой доклад «Экономическое положение в марте – апреле 1945 г. и его последствия». На 10 страницах (без приложений) он открыто и четко давал свою оценку положения и делал, безусловно, необходимые, на его взгляд, выводы. Хотя доклады Шпеера содержали лишь дурные вести, Гитлер всегда захватывал их с собой в бункер и там, уединившись, читал. В этом докладе Шпеер откровенно писал о том, что именно нам всем надлежит делать, «чтобы – пусть и в примитивной форме – сохранить для народа жизненную базу». Далее в докладе говорилось: «Мы не имеем никакого права в этой стадии войны сами предпринимать такие разрушения, которые могли бы нарушить жизнь народа… Наш долг – дать народу все возможности, которые смогли бы обеспечить в отдаленном будущем новое строительство». Но Гитлер не желал слышать подобное ни от Шпеера, ни от других. И это – несмотря на то, что со Шпеером он был связан таким многолетним сотрудничеством в лучшие времена, что тот был, пожалуй, единственным человеком, который смел говорить с фюрером столь прямо и однозначно, не боясь при этом за свою жизнь.

15 февраля Гитлер последний раз побывал на фронте. Он посетил некоторые соединения сухопутных войск на Одере в районе Франкфурта, в частности штаб 9-й армии генерала Буссе. Выглядел фюрер довольно бодро, вполне владел собой, и даже не было заметно нервного дрожания рук{292}. Но разумные и рассудительные солдаты из тех, с кем он беседовал, уже не могли верить тому, что говорил им Гитлер. То, что они должны удерживать позиции на Одере, им было ясно и без того. Но они наверняка знали, что перед лицом несомненного превосходства сил противника это едва ли возможно, если русские снова начнут наступать. Гитлер же считал свой выезд на фронт особенно важным и полагал, что тем самым укрепил стойкость солдат.

19 марта Гитлер дал всем военачальникам приказ, явившийся его «ответом» на памятную записку Шпеера. В этом приказе под

кодовым наименованием «Нерон» говорилось: «Все военные сооружения, сооружения транспорта, связи, промышленности и снабжения, а также вещественные ценности на территории рейха, которые могут как-либо послужить врагу для продолжения его борьбы и которые он сможет немедленно или в обозримое время использовать для себя, надлежит разрушить»{293}. К счастью, приказ этот был едва ли осуществим. Однако масштаб разрушений был уже достаточно ужасен и без указания превратить Германию в «выжженную землю».

В конце марта события начали нарастать как снежный ком. Американцы спешили, желая опередить русских. 23 марта они перешли Рейн у Оппенхайма, а 24-го – у Везеля. В ближайшие дни последовало окружение Рурской области. В окружении оказался во главе своей группы армий «Б» генерал-полковник Модель. Сопротивление его окруженных войск прекратилось 17 марта. Модель лишил себя жизни.

Американцы превосходящими силами продолжали двигаться на восток, встречая теперь лишь незначительное сопротивление, и 11-12 апреля вышли к Эльбе у Магдебурга. Британские соединения, наступавшие севернее американских, продвигались через Вестфалию и, тоже не встречая сопротивления, без особых затруднений достигли Бремена и Гамбурга. Из получаемых нами донесений складывалось впечатление, что население рейха, особенно в северо-западной Германии, восприняло ее захват с облегчением. Оно просто-напросто было на пределе своих сил. Мы это понимали, Гитлер – нет. Он резко критиковал такое поведение, но никакого влияния на ведение боевых действий в Западной Германии больше не имел.

Последней целью Гитлера было сдержать русскую силу на Одере. 28 марта он снял Гиммлера с поста командующего группы армий «Висла» и заменил его генерал-полковником Хайнрици. Со времени функционирования рейхсфюрера СС в качестве военачальника Гитлер все сильнее критиковал его. Видя недостатки командования Гиммлера (а сказать о том можно было мало положительного), фюрер уже не считал нужным замалчивать их. В конце концов он отстранил этого дилетанта в военном деле от командования войсками. Знал ли что-либо Гитлер о контактах Гиммлера со шведами с целью добиться заключения мира или хотя бы перемирия (что резко контрастировало с девизом СС «Моя честь – верность»), сказать не могу, но не исключаю. Во всяком случае, отношения Гитлера с Гиммлером в конце марта ухудшались на глазах.

29 марта Гитлер после острых споров расстался с генерал-полковником Гудерианом. Внешне это расставание прошло

вполне прилично, под видом отпуска пока всего на шесть недель.

Но разрыв был окончательным. В последнее время между ними вновь и вновь происходили бурные столкновения, при которых Гитлер все больше отказывался соглашаться с продиктованными разумом предложениями своего начальника генерального штаба. Тем не менее фюрер и впредь сохранял с ним добрые взаимоотношения, но сам Гудериан воспринял этот разрыв совсем по-иному. Он считал себя изгнанным.

Его преемником стал генерал Кребс, к которому Гитлер питал большое доверие и которого с давних пор ценил как высококвалифицированного офицера генштаба, а также и как человека. Фюрер впервые обратил на него внимание в связи с примечательной сценой на московском вокзале весной 1941 г., когда Сталин, провожая японского министра иностранных дел Мацуоку, демонстративно заговорил с Кребсом. В качестве начальника генерального штаба сухопутных войск он имел теперь гораздо меньше задач, чем в качестве командующего Берлинского III военного округа. В конце войны он в приступе отчаяния покончил жизнь самоубийством, когда его первый же контакт с командованием Красной Армии показал ему всю бесперспективность дальнейшего.

В тот же самый день Гитлер расстался и со своим многолетним имперским шефом печати д-ром Дитрихом. Долго просуществовавшие хорошие отношения между ними в последние месяцы ослабли. Геббельс всегда не доверял формально подчиненному ему Дитриху: тот слишком охотно выполнял все, что говорил ему Гитлер. Теперь же, в конце войны, Геббельс добился своего, и ему удалось с помощью Бормана настроить фюрера против Дитриха. И тот, и другой никогда общего языка не находили.

Прощание с женой

5 апреля я в последний раз поехал в Нойенхаген, около Хальберштадта, где жила моя жена с нашими тремя детьми. Самому мне было ясно: это может стать прощанием навсегда. Я знал, что Гитлер хочет остаться в столице рейха, что война вскоре закончится и, скорее всего, бесперспективно надеяться, что мне удастся живым выбраться из Берлина. Несмотря на грустные лица в Нойенхагене мне подумалось, что я оказался вдруг совсем в ином мире. Люди здесь жили спокойно и размеренно. На полях начинались весенние посевные работы. Жена, ожидавшая появления на свет нашего четвертого ребенка, старалась не показывать своих забот и тревог, которые она мужественно несла.

На следующий день я вернулся в Берлин. Эта поездка далась мне с трудом. Светило солнце, все вокруг выглядело так мирно, а я возвращался в ад. Хорошо, что у нас в Берлине царило такое напряжение, а потому сами мы не имели ни сил, ни времени задумываться над всем этим. В последующие несколько недель мне удалось еще несколько раз поговорить с женой по телефону, пока линия связи не оказалась блокированной американцами.

Последние дни в бункере фюрера

В конце апреля Гитлер произвел Шернера в генерал-фельдмаршалы и велел прессе широко осветить это событие. Шернер, подчеркивал он в газетном сообщении, «как никто другой среди германских генералов, стал символом непоколебимой стойкости и силы немецкой обороны на Востоке». Фюрер имел в виду эффективность действий возглавляемых Шернером групп армий в Курляндии, Силезии и теперь – в протекторате Богемия и Моравия.

13 апреля стало известно о казни адмирала Канариса и генерала Остера. В связи с этим распространились слухи, что найдены дневники адмирала, послужившие основанием для смертного приговора. Проверить это я не мог, а потому считал тогда и считаю теперь маловероятным, чтобы такой осторожный человек, как Канарис, с самого начала настроенный против Гитлера, вел дневники.

В последние дни марта Гитлера и всех нас потрясла весть о появлении в Имперский канцелярии Евы Браун. Она сама приняла такое решение. Фюрер хотел немедленно отправить ее обратно в Мюнхен и поручил Гофману убедить ее в необходимости возвращения. Но все усилия оказались напрасными. Ева Браун дала всем ясно понять: она останется рядом с Гитлером и отговорить ее невозможно. Она поселилась в его бункере, в отсеке рядом с личным помещением фюрера, и полностью включилась в атмосферу бункерной жизни. Всегда ухоженная, тщательно и безупречно одетая, она была неизменно приветливой и любезной и до самого последнего момента не показывала никаких признаков слабости.

Сам я тогда жил в комнате цокольного этажа Имперской канцелярии и только в последние дни апреля перешел в одно бункерное помещение, доверху набитое одеждой и всякими бытовыми предметами.

Постепенно вошло в привычку, что ежедневно после обсуждения обстановки ко мне на кофе приходили личная секретарша фюрера Иоанна Вольф и адмирал фон Путткамер. Мы приняли за правило в этот непринужденно проходивший час беззаботной болтовни, чтобы как-то отвлечься, не говорить о нашей безвыходной ситуации. Мы вспоминали о былых временах.

В первые дни апреля Гитлер в обычном разговоре задал мне вопрос о моих будущих намерениях и планах. Я ответил: у меня как его адъютанта выбора нет. Само собой разумеется, я останусь с ним в бункере до конца. Фюрер одобрил это лаконичной

репликой: учитывая совершенно неизвестное ближайшее будущее, он хочет, чтобы рядом с ним остались несколько человек, которым он доверяет.

12 апреля к Гитлеру в последний раз прибыл фельдмаршал Кессельринг, видимо, желая получить информацию из первых рук. Фюрер не оставил никаких сомнений насчет того, что сам он еще не сдался. Кессельринг не дал ввести себя в заблуждение и, вероятно, после этого посещения отбыл с намерением действовать по собственному усмотрению. Внешне же он по-прежнему держался с присущим ему оптимизмом, ибо всегда считал, что тем самым внушает своим людям мужество даже в самом мрачном положении.

Вечером 12 апреля приехал Геббельс. Он привез завораживающую весть о смерти Рузвельта. По всем бункерам Имперской канцелярии мгновенно разнеслось его мнение, а скорее надежда: смерть эта означает поворот в судьбе Германии! Он видел в этом «перст всемогущей истории» и говорил о том, что здесь вновь проявилась «справедливость». Гитлер отнесся к смерти Рузвельта более трезво, без большого оптимизма, но не исключал того, что она возымеет для нас политические последствия. Он упомянул о том, что Рузвельт всегда бесцеремонно обращался с Англией и всегда видел свою цель в разрушении возвеличенного Великобританией колониализма. Но Геббельс уцепился за соломинку и настроил прессу на то, чтобы она прокомментировала сообщение о смерти Рузвельта в положительном для Германии духе. Он рассчитывал на возникновение противоречий между Западом и Востоком и стремился, в меру своих сил, эти противоречия разжечь.

Тот день, 12 апреля, запомнился лично мне еще одним незабываемым событием. Шпеер устроил в полдень прощальный концерт оркестра Берлинской филармонии и пригласил также меня. Зал ее еще более или менее сохранился. Концерт перенес меня в другой мир. Вместе со Шпеером и гросс-адмиралом Деницем мы слушали финал из «Сумерки богов» Рихарда Вагнера, виолончельный концерт Бетховена и 8-ю симфонию Брукнера. Потрясенные музыкой, мы молча отправились через совершенно разрушенную площадь Потсдамерплац в обратный путь в Имперскую канцелярию.

Тем временем Гитлер принимал меры, чтобы обеспечить преемственность командования на случай расчленения территории рейха на северную и южную половины. 15 апреля он дал приказ, которым передал командование в северном районе Деницу, а в южном – Кессельрингу. Этот приказ Гитлер на следующий день сопроводил обращением к солдатам Восточного

фронта, поскольку просто с часа на час ожидал наступления русских через Одер. В последние дни он неоднократно говорил с командующим действующей на Одере 9-й армии генералом Буссе, подбрасывая ему все имеющееся еще в распоряжении оружие. Последней надеждой фюрера был успешный отпор этому наступлению. В своем обращении он провозгласил: «Берлин останется немецким! Вена снова будет немецкой, а Европа никогда не станет русской!». Указывая на смерть Рузвельта, Гитлер заключал: «В момент, когда сама судьба убрала с лица земли величайшего преступника всех времен, решается вопрос о повороте в ходе этой войны».

Я по сей день не могу дать убедительного ответа на вопрос, было ли то тенденциозным оптимизмом или же Гитлер сам верил в это, причудливо смешивая фантазию с действительностью. Мое понимание предстоящего было твердым уже несколько месяцев. Русские и американцы захватят всю территорию Германского рейха. Никаких признаков того, что они остановятся прежде, чем в их руках не окажется его последний метр, не имелось. Питаемую Гитлером в последние месяцы надежду на распад в этот момент западно-восточного альянса я никогда не разделял. Его политические идеи значительно опережают события: разногласия между Западом и Востоком, по моему убеждению, дадут себя знать только после окончания войны. Надежды на своего рода Губертусбургский мир{294} уже давно иллюзорны.

Таким образом, ход событий неотвратимо вел к безоговорочной капитуляции. Как сложится конец войны для меня лично, было мне совершенно неведомо.

Русское наступление через Одер началось 16 апреля с длившегося целых полтора часа ураганного артиллерийского огня – самого мощного по своей массированности за всю историю войн{295}. Затем Красная Армия пошла на штурм, который оборонявшимся поначалу удалось выдержать. Но после вторичного полуторачасового огневого налета всей сосредоточенной артиллерии во второй половине дня русским удалось прорвать немецкую линию обороны от Кюстрина до западного берега Одера. 17 и 18 апреля они продолжили свои усилия с целью закрепиться на его западном берегу первоначально в районе южнее Франкфурта-на-Одере.

В следующие дни весь наш Восточный фронт рухнул. Красная Армия сразу же ввела в прорывы свои танковые соединения и закрепилась на захваченных позициях. Отсюда она в ближайшие дни продолжала свои наступательные операции – то севернее Берлина в районе Ораниенбурга, то южнее Берлина, в районе Цоссена. Не требовалось особенно проницательного военного

ума, чтобы констатировать: Красная Армия стремится окружить столицу рейха. Контратаковать ее еще можно лишь на отдельных участках. На юге армия Буссе, а позднее армия Венка отступали дальше на запад через Эльбу, а на севере от Берлина пока держались последние немецкие соединения под командованием обергруппенфюрера СС Штайнера и генерал-полковника Хайнрици. Но и они не устояли перед превосходящими силами противника и, уже не сумев организовать упорядоченную оборону, были смяты и отброшены.

В эти дни Гитлер вплоть до 23 апреля следил за боями с огромным напряжением, неоднократно вмешивался в вопросы командования, но затем каждый раз видел, что со своей стороны больше уже ничего поделать не может. Наиболее ясные и трезвые доклады об обстановке делал на ее ежедневных обсуждениях подполковник генерального штаба Ульрих де Мезьер. Как правило, он ночью коротко и ясно, без всякого приукрашивания, обобщал последние события прошедшего дня.

На большинство присутствовавших это производило впечатление, и даже фюреру нравились его точные формулировки. Поскольку хороших вестей с Восточного фронта, судя по положению дел, ожидать не приходилось, он тем более ценил трезвую и лишенную пафоса манеру де Мезьера докладывать обстановку.

На обсуждение обстановки 20 апреля 1945 г., в день 56-летия Гитлера, в Берлине собрались все видные персоны рейха. Я увидел Геринга, Деница, Кейтеля, Риббентропа, Шпеера, Йодля, Гиммлера, Кальтенбруннера, Кребса, Бургдорфа и других. Перед обсуждением фюрер принимал поздравления, но сразу же вслед за тем приказал доложить о самых последних событиях. Потом беседовал с отдельными лицами.

Геринг заявил Гитлеру, что у него есть важные дела в Южной Германии, и попрощался с фюрером. Возможно, ему еще только сегодня все-таки удастся выехать из Берлина на автомашине. У меня было такое впечатление, что Гитлер внутренне уже просто на замечал Геринга. Момент был неприятный. Попрощался с Гитлером и гросс-адмирал Дениц, получив от него лаконичное указание принять на себя командование в Северной Германии и подготовиться к предполагаемым там боям. Из слов фюрера можно было заключить, что он испытывает к гросс-адмиралу большое доверие. С остальными присутствовавшими – скажем, с Гиммлером, Кальтенбруннером и Риббентропом – Гитлер попрощался без особого подъема.

В эти дни у меня складывалось впечатление, что Гитлер еще не решил, должен ли он покинуть Берлин или же остаться. В

бункерах Имперской канцелярии царило большое беспокойство – признак того, что уже все начинали думать, как вырваться из нее. Из нашей адъютантуры на Оберзальцберг отправился с двумя унтер-офицерами Путткамер, чтобы уничтожить находящиеся там документы. Я попросил его сжечь и мои оставшиеся там дневники; он пообещал и действительно сделал это. То же самое произошло и с записями Шмундта. Готовились к отъезду фройляйн Вольф, а также личные адъютанты фюрера.

Поздним вечером мы собрались в небольшом жилом помещении Гитлера, чтобы выпить на дорогу. Пришли Ева Браун, фрау Юнге, диетическая повариха фюрера фройляйн Мар-циали, а также Шауб, Лоренц и я. В этом узком кругу о войне мы не говорили. Отвлечь Гитлера от этих мыслей, как всегда, лучше всего сумела Герда Кристиан.

22 апреля Кейтель и Йодль начали решительно настаивать, чтобы Гитлер покинул Берлин. Но он все еще пребывал в нерешительности, пока при докладе обстановки не возник скандал с сухопутными войсками. Донесения командующих бьющихся за Берлин армий противоречили друг другу. Складывалось впечатление, что каждый из них сражается сам по себе и никакое упорядоченное сопротивление уже невозможно. Генерал Кребс этого противоречия объяснить не смог. Было неясно, что это: следствие русского перевеса в силах или же крах собственного командования? Как будто одно можно было еще отделить от другого! Гитлер пришел в крайнее возбуждение. Он приказал всем присутствующим, включая Кейтеля, Йодля, Кребса и Бургдорфа, выйти из помещения, а затем из его уст полился поток брани в адрес командования сухопутных войск и «давних предателей» из их рядов. Я сидел за дверью в соседнем помещении и слышал почти каждое слово. То были страшные полчаса. После этой вспышки яркости Гитлеру стал ясен конец. Фюрер приказал Кейтелю и Йодлю отправиться к Деницу и сражаться вместе с ним. Сам же он останется в Берлине и покончит жизнь самоубийством.

Кейтель и Йодль доложили о своем отбытии и направились в Северную Германию. Шауб получил задание уничтожить содержимое личного сейфа в бункере фюрера, а потом вылететь в Берхтесгаден, чтобы сжечь на Оберзальцберге его приватные бумаги.

Окружение Гитлера продолжало сужаться почти с каждым часом. Было заметно, что каждый занят собственными мыслями. В тот день царила своеобразная атмосфера. Бодро и раскованно держался только статс-секретарь Геббельса д-р Науман, который, однако, появлялся в бункере фюрера из министерства пропаганды

лишь на короткое время. Удивляло, что он вел себя так же и в дальнейшие дни.

На следующий день, 23 апреля, Геббельс велел сообщить в печати и по радио: фюрер останется в Берлине, и отдал приказ, что принимает на себя командование «всеми обороняющими Берлин силами», а все остальное с сегодняшнего дня он предоставляет Деницу и Кессельрингу. При себе же Гитлер оставляет в Имперской канцелярии в качестве своего военного советника начальника генерального штаба сухопутных войск генерала Кребса, который взял офицера генштаба майора Бернда фон Фрейтаг-Лоренгхофена и молодого ротмистра Больдта для обеспечения телефонной связи, пока она будет еще возможна.

Кроме них, с Гитлером в Имперской канцелярии остались только Борман, Геббельс, Хевель, Фосс, командир личного самолета фюрера Баур, Бургдорф со своим адъютантом обер-лейтенантом Вайзе, Гейнц Лоренц – для связи с прессой, Иоханнмейер, я – от военной адъютантуры и Гюнше – из числа личных адъютантов.

Смещение Геринга

Во второй половине дня поступила телеграмма от Геринга. Она была адресована лично Гитлеру, и оригинал уже был передан ему. Я сразу же прочел текст: «Мой фюрер! Согласны ли Вы с тем, что после Вашего решения остаться на командном пункте в крепости Берлин я, согласно Вашему указу от 29. 6.1941 г., как Ваш заместитель немедленно приму на себя общее руководство рейхом с полной свободой действий внутри. и вне его? В том случае, если ответ не поступит до 22 часов, считаю, что Вы свободы действий лишены. Тогда сочту Ваш указ вступившим в силу и буду действовать на благо народа и фатерланда. То, что я чувствую в эти самые тяжелые часы моей жизни по отношению к Вам, Вы знаете, и я не могу выразить это словами. Да хранит Вас Бог, да поможет он Вам, несмотря ни на что, как можно скорее прибыть сюда! Ваш верный Герман Геринг».

Уже читая телеграмму, я ужаснулся, боясь самого наихудшего, ибо никакого сомнения в бескомпромиссной позиции Гитлера и его полном разрыве со своим старым соратником больше быть не могло. С телеграммой в руке я тотчас же поспешил в бункер фюрера и в их общей прихожей столкнулся с самим Гитлером и Борманом, которые уже говорили о ней. Гитлер сразу понял, что я в курсе дела, и только спросил: «Что скажете на это? Я лишил Геринга его поста. Ну что, довольны?». Я ответил: «Мой фюрер, слишком поздно!». Завязался продолжительный разговор, в котором Гитлер пытался нащупать след герингoвских замыслов. Я воспринимал текст телеграммы буквально и считал, будто Геринг действительно верил в то, что с руководством Запада еще можно вести переговоры. Гитлер назвал это утопичным.

Несколько позже в бункере фюрера появился Шпеер, чтобы попрощаться с Гитлером. Фюрер говорил и с ним о поведении Геринга, настаивая на своем решении сместить его со всех занимаемых постов и держать под «почетным арестом» на Оберзальцберге. Все это было крайне неприятной и совершенно никчемной акцией. Гитлер явно давал эти распоряжения под влиянием Бормана. Именно тот и послал необходимые телеграммы на Оберзальцберг.

Вечером я еще раз поговорил с Гитлером наедине о Геринге и почувствовал: он все-таки проявляет какое-то понимание его позиции. Но фюрер считал, что Геринг как «второй человек в государстве» должен действовать лишь по его указаниям. А это значило: никаких переговоров с противниками! Гитлер приказал

мне немедленно вызвать в Берлин генерал-полковника кавалера фон Грайма. Он захотел сделать его преемником Геринга.

24 апреля вражеское кольцо вокруг Имперской канцелярии стало еще теснее. Русские части уже появлялись в районе между Ангальтским и Потсдамским вокзалами, но продвигались вперед очень медленно и осторожно, на риск не шли. Благодаря этому связь с новым комендантом Берлина генералом Вейдлингом{296} пока сохранялась. Он командовал 56-м танковым корпусом, который с Одера пробился в Берлин, и присутствовал на ежедневных обсуждениях обстановки в Имперской канцелярии. Его командный пункт располагался в западной части Берлина.

25 апреля 1945 г. русские и американские войска встретились на Эльбе у Торгау. Отвлекающее наступление «армии Венка» – последняя надежда Гитлера – захлебнулось перед Потсдамом. Венк предпринял шаги к тому, чтобы оторваться от превосходящих сил русских и отойти за Эльбу на запад. Центр Берлина находился под усиливающимся артиллерийским обстрелом. Первые снаряды уже начали рваться в Имперской канцелярии.

Американская авиация совершила 25 апреля какой-то театральный, но совершенно бессмысленный с военной точки зрения налет на Оберзальцберг. Хотя Гитлер и считался давно с такой возможностью, но сейчас, в последние дни войны, это казалось ему маловероятным. Он знал, что там для населения есть надежные бомбоубежища, и его этот воздушный налет не особенно взволновал.

Назначение Грайма

Грайм, как и было приказано, прибыл ранним вечером 26 апреля в Имперскую канцелярию сопровождаемый Ханной Райч, которая пилотировала его самолет. Поскольку в полете он получил ранение, ему сразу же оказал помощь врач д-р Штумпфэггер. Гитлер посетил Грайма в помещении медицинского пункта, и между ними состоялась очень откровенная и непринужденная беседа, преимущественно касавшаяся поведения Геринга. Затем фюрер перешел к задачам люфтваффе в ближайшие дни. Он ожидал ее вмешательства в битву за Берлин, хотя и не мог знать, что фактически боеспособных авиационных соединений нет. Этот приказ явился кульминационной точкой самообмана Гитлера. Он произвел Грайма в фельдмаршалы и назначил его главнокомандующим люфтваффе. Грайм, несомненно, нуждавшийся в излечении, сказал мне, что желает пережить коней здесь, в бункере фюрера. Ханна Райч обратилась ко мне с такой же просьбой. Но 27 апреля Гитлер решил, что Грайм должен как можно скорее покинуть Берлин. С большим трудом удалось подготовить самолет Грайма к вылету. Он и его пилот Ханна Райч чудом выбрались из этого кавардака и отправились сначала в Рехлин, что само по себе было незаурядным летным подвигом.

27-29 апреля

27 апреля Гитлер снова заговорил со мной насчет моих будущих «планов». Я ответил, что в данный момент никаких «планов» строить не могу: должен подождать, как пойдут события, и только потом решать. Знаю, что моя жена с детьми в безопасности. Фюрер вручил мне ампулу с цианистым кальцием, чтобы в тяжелой ситуации я смог покончить жизнь самоубийством. Я сунул ее в карман.

Затем Гитлер заговорил снова, ошеломив меня такими словами: «Я решил дать коменданту Берлина приказ на прорыв. Сам же останусь здесь и умру в том самом месте, где проработал многие годы моей жизни. Но штаб мой должен участвовать в прорыве. Мне важнее всего, чтобы Борман и Геббельс выбрались отсюда живыми». Если раньше Гитлер стоял на том, чтобы люди из его окружения, которым он доверял, остались с ним до конца, то теперь это его первоначальное намерение совершенно изменилось.

Я спросил фюрера, верит ли он, учитывая положение в Берлине, в то, что еще имеется какой-то шанс на прорыв. Он ответил: «Я верю, что теперь ситуация стала иной. Западные союзники не будут больше настаивать, как в Касабланке, на безоговорочной капитуляции. Из иностранной прессы последних недель слишком явно видно, что конференция в Ялте явилась для Америки и Англии разочарованием. Сталин выдвигает такие требования, которым западные союзники уступают против своей воли лишь потому, что опасаются, как бы он не пошел собственными путями. У меня такое впечатление, что Большая тройка разъехалась из Ялты вовсе не друзьями. Да к тому же и Рузвельт умер. Кроме того, Черчилль никогда русских не любил. Он будет заинтересован в том, чтобы русские не слишком далеко вошли в Германию». Фюрер закончил разговор словами, что я тоже должен принять участие в прорыве из Имперской канцелярии и пробиться к Деницу и Кейтелю.

Я сразу направился к Кребсу и Бургдорфу и доложил им о разговоре с Гитлером. Кребс проинформировал Вейдлинга об этом изменившемся намерении фюрера и сказал ему, чтобы к вечернему обсуждению обстановки тот подготовил предложения по организованному прорыву. А потом, в большом напряжении, мы сами перешли к обсуждению положения. Донесения были сплошь плохими. Армия Венка после первоначальных успехов отступала под натиском русских. При докладе ему об этом Гитлер – как часто в те дни – снова впал в апатию. Предложение

Вейдлинга по прорыву исходило из того, что удар Венка все-таки еще удастся. Поскольку теперь это уже оказалось невероятным, Фюрер осудил идею прорыва, назвав ее совершенно бесперспективной.

Тем же вечером Гитлер долго разговаривал с Геббельсом о намерениях последнего и о судьбе его семьи. Сам Геббельс уже долгое время собирался вместе с женой и своими пятерыми детьми умереть в Берлине. Фюрер тщетно пытался отговорить его от этого решения, но в конце концов все же согласился, чтобы Геббельс с семьей переселился в бункер.

В тот же день, 28 апреля, радио союзников передало сообщение о том, что Генрих Гиммлер предложил им капитуляцию. Согласно данному сообщению, тот 24 апреля встретился в Любеке со шведским графом Бернадоттом и обсудил с ним эту идею.

Примерно одновременно с полученном известием мне позвонил Фегеляйн. Он спросил о положении и на мой вопрос о его местопребывании ответил, что находится «в городе». Тогда я еще не обратил внимания на эти слова и стал догадываться обо всем только после сообщения насчет гиммлеров-ских переговоров о капитуляции, к которым Гитлер отнесся с полным презрением. От меня не укрылось, что вместе с тем эта мысль его сильно встревожила, хотя под конец он уже ожидал от Гиммлера такого шага. Фюрер вызвал Фегеляйна к себе, но в Имперской канцелярии его не обнаружили. Однако эсэсовская команда вскоре установила его местонахождение: в штатском костюме он скрывался в одной квартире на Курфюрстендамм. Эсэсовцы доставили Фегеляйна в Имперскую канцелярию. Там состоялся военно-полевой суд, который приговорил его за дезертирство к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение немедленно.

В течение этого дня множились донесения о том, что остатки немецких войск оттесняются от Берлина, частично они разбегаются или отброшены за Эльбу на запад. Гитлер просто-напросто принял это к сведению.

После ужина Гитлер через Геббельса велел позвать чиновника, ведающего актами гражданского состояния, и сочетался браком с Евой Браун{297}. Мы поздравили их, и фрау Ева Гитлер приняла наши поздравления, полностью сознавая свою роль и близость своей смерти. Потом фюрер пригласил нас в его жилое помещение выпить по такому случаю, в чем приняли участие все обитатели бункера. Мы старались держаться непринужденно и радостно, вспоминая о былых временах, – во всем этом было что-то призрачно-мертвенное. Бракосочетание Гитлера в этот час, в конце своей жизни, явилось его

благодарностью Еве Браун за то, что она по собственной воле была сейчас рядом с ним, чтобы вместе пережить последние часы Третьего рейха и разделить его судьбу.

Остаток вечера и ночь Гитлер использовал для того, чтобы продиктовать два своих завещания – политическое и личное. Он подписал их 29 апреля на рассвете, в 4 часа утра. Я был потрясен, когда он неожиданно призвал меня в качестве свидетеля поставить мою подпись под его личным завещанием рядом с подписями Бормана и Геббельса.

Политическое же завещание явилось удручающим документом самообмана Гитлера даже перед лицом смерти. Особенно поразили меня его неоднократные антисемитские выпады. Весьма своеобразно воспринял я и произведенное в этом завещании урегулирование вопроса о преемственности власти и назначение нового правительства в такой форме, которая заранее лишала преемников Гитлера свободы действий{298}. Все это изъявление политической воли в момент гибели рейха явилось, как показали ближайшие часы и дни, не имеющим совершенно никакого значения.

Личное завещание Гитлера начиналось выраженной в чувствительных тонах благодарностью супруге, которая решилась погибнуть вместе с ним. Далее следовали распоряжения насчет предназначенной для города Линца картинной галереи, а также относительно членов семьи и сотрудников. Своим душеприказчиком фюрер назначил Бормана.

Гитлер уже полностью отстранился от всего. Хотя в течение этого дня он еще и интересовался ходом боев за Берлин, никакого участия в происходящем вокруг больше не принимал. Вполне нормальное до того настроение в бункере (если, разумеется, отвлечься от того, что надежда на счастливый исход уже давно исчезла) теперь упало до нуля. Печаль, подавленность, а также и отчаяние распространялись все сильнее, срывая все маски. Каждым владела только одна мысль: что делать после смерти фюрера, каким путем следует и можно идти? Настроение самого Гитлера в этот последний день менялось много раз, а потому было во всех отношениях трудно приспосабливаться к его установке. Времена, когда мы официально, так сказать, стояли перед ним навытяжку и придерживались его позиции, давно миновали. Разговоры теперь велись весьма вольно, и каждый высказывал свое мнение открыто. Самого Гитлера еще, а под конец даже снова, признавали великим человеком, прежде всего в моральном отношении, революционером, к которому мы все еще питали уважение, считая необходимым соблюдать некоторую дистанцию между ним и нами. И все же он производил

впечатление человека, духовно еще не только не конченного, а совершенно и полностью не изменившегося.

За годы моей службы я не раз задумывался над тем, крещен ли Гитлер по католическому обряду и вырос ли он в обычаях своей церкви, чувствует ли он себя с ней связанным. Никаких признаков религиозной набожности я в нем никогда не наблюдал, равно как и преисполненной ненависти антирелигиозной настроенности, скажем, того же Бормана, примитивность и неотесанность которого, проявлявшиеся не только в этом, постоянно действовали на меня отталкивающе.

Не сомневаюсь, что Гитлер по-своему верил во всемогущество Бога, но это отнюдь не делало его смиренноподчиненным. И своих политических действиях и в отношении, например, к евреям или «славянским недочеловекам», он не чувствовал себя связанным никаким нравственным законом, а был убежден в том, что должен постоянно поступать в интересах немецкого народа и, более того, в согласии с «Провидением».

Эта установка в конечном счете рухнула, когда Гитлер почувствовал себя преданным и брошенным на произвол судьбы именно теми своими приверженцами, которым он доверял и недостатки которых старался не замечать. Теперь, в последние недели, дотоле стойко переносивший все испытания «народ» тоже стал проявлять признаки слабости. Гитлер не захотел признаться самому себе, что требования войны сделались просто чрезмерными, а впал в примитивный дарвинизм, утверждавший, что в этой борьбе победит именно более сильный. Немецкий же народ оказался слабее, а потому должен перестать играть роль среди народов всей Земли. Поэтому Гитлер был, в своем понимании, последователен, требуя неукоснительного осуществления приказа «Нерон», целью которого было превратить Германию в «выжженную землю». Народ, оказавшийся более слабым, считал он, уже не нуждается ни в какой жизненной основе: «Что гнило и старо, что должно пасть, надо не поддерживать, а подтолкнуть». Под конец Гитлер не уставал подчеркивать: «будущее принадлежит более сильному народу Востока».

Точный момент радикального изменения отношения Гитлера к немецкому народу я указать не могу, но обе эти тональности – хвала и проклятие – до сих пор звучат в моих ушах. Каждая из них в свое время выражала его убеждение. Правда, даже тогда, когда война, с военной точки зрения, уже была проиграна, после Арденнского наступления, он все еще утверждал: народ должен держаться до конца и следовать за ним.

Бросалось в глаза его почти культовое отношение к Фридриху

Великому. Гитлер постоянно говорил о присущем этому прусскому королю сознании собственного долга, «toujour eu vedette»{299}, о его внутренней скромности, мужестве, личной храбрости, сочувствии своим солдатам и верности своим советникам. Именно все это он хотел бы видеть воплощенным в самом себе. Но хотя Гитлер и проявлял к своему окружению не только терпимость, а и понимание, участие, даже сострадание, в целом эти качества были ему чужды; он, по меньшей мере, подавлял их в себе.

Значительным толчком к действиям Гитлера в конце войны послужило то, что противники, в соответствии со своими неоднократными заявлениями, не отказались от намерения уничтожить не только его самого, но и разгромить Третий рейх и наказать целиком весь немецкий народ{300}.

Бегство из Берлина

29 апреля я спросил Гитлера, не позволит ли он мне попытаться пробиться на запад. Фюрер сразу же согласился, но посчитал это едва ли уже возможным. Я сказал ему, что, по моему мнению, путь на запад сегодня еще открыт. Насчет опасности моего замысла я никаких иллюзий не строил. Он дал мне разрешение уйти и посоветовал отправиться к гросс-адмиралу Деницу. Во второй половине дня я закончил последние приготовления, решив ограничиться лишь «легкой поклажей» – вещевым мешком и автоматом. Вечером я напоследок принял участие в обсуждении обстановки, а потом доложил Гитлеру о своем убытии. На прощание он пожал мне руку и произнес: «Всего хорошего!». О том, что происходило потом в его бункере{301}, я знаю только понаслышке.

Вместе с многолетним ординарцем Матизенгом я через подземные переходы направился к восточному выходу из здания около гаражей и в полночь 29 апреля покинул Имперскую канцелярию, будучи последним военным адъютантом Гитлера, принадлежащим к его узкому военному окружению.

Выйдя из Имперской канцелярии, я увидел перед собой сущий ад. Повсюду валялись катушки кабеля, висели оборванные трамвайные провода, кругом – развалины домов, воронки от бомб и снарядов. В районе площади Потсдамерплац полыхало пламя. Над всем городом, куда ни бросишь взгляд, почти непроницаемый огненный колпак, гарь, сажа и чад от множества вспыхивающих повсюду пожаров. Я невольно спросил сам себя: а где же лучше – внизу в бункере или наверху под артогнем русских?

Мы взяли курс на север вдоль Герман-Герингштрассе к Бранденбургским воротам, а потом свернули налево в Тиргартен и двинулись по оси восток – запад, миновали Колонну победы{302}, дошли до железнодорожной насыпи, опять свернули налево и почти сразу оказались около большого бомбоубежища. Во время этого марша через горящий и в значительной части разрушенный город я испытывал чувство невероятного облегчения. С каждым шагом мне становилось все яснее: теперь я уже ни перед кем и ни перед чем не обязан. Я избавился от всей той ответственности и от всего того, что так давило на меня все эти годы.

Спустившись в бомбоубежище, я выяснил у местного начальника, что ему известно насчет обстановки. Меня больше всего интересовало, свободен ли еще от противника путь в

западную часть города и. к реке Хавель. Он посоветовал мне двигаться по Кантштрассе к Имперскому стадиону, где я найду какой-нибудь военный орган. Мы так и сделали, но медленнее, чем я предполагал: вокруг темнота, улицы труднопроходимы. Мы двигались вплотную вдоль фронта сплошных развалин. Кое-где у нас спрашивали пароль, который мы знали. Та сторона улицы, по которой мы передвигались бросками или же карабкаясь через завалы, чтобы добраться до укрытия, охранялась всего лишь жиденькой цепочкой солдат. Другая сторона вроде уже была в руках у русских, которых, однако, не было видно. Нам все-таки удалось дойти до намеченной цели, где мы нашли штаб одной войсковой части, расположенной неподалеку от Хавеля в Пихельдорфе. Нам посоветовали сразу же двинуться дальше, так как никто не знал, что готовит завтрашний день.

К утру мы дошли до Хавеля. Здесь находился батальон «Гитлерюгенд». Юноши произвели на меня очень хорошее впечатление: они выполняли поставленную им задачу с воодушевлением и со всей серьезностью. Что принесут им ближайшие часы и дни? Меня мучила ужасная мысль, что эта прекрасная молодежь бессмысленно приносит себя в жертву в последних боях. Командир дал мне одного из своих ребят, который показал место, где можно найти лодку для переправы, и сообщил, что западный берег Хавеля вверх по течению еще не занят противником. Мы залегли тут на целый день. Время от времени возникала перестрелка, но совершенно безрезультатная.

С наступлением темноты мы сели в лодку и поплыли на юг, пока не увидели на западном берегу жилые корпуса Военной академии. Здесь мы свернули в канал направо и благополучно подплыли к самому берегу, напряженно выжидая, что будет дальше. Не было видно или слышно ни одной души. Я бросил свой автомат в Хавель, и мы осторожно двинулись в путь. Недалеко от этого места мы обнаружили недавно оставленный лагерь. Потом зашагали строго на запад и, не встретив ни одного человека, достигли учебного полигона Дебериц. Тут мы уже почувствовали себя в безопасности. Нам встречались отдельные отбившиеся от своей части солдаты, а один раз даже целая отстрелявшаяся рота. На западной оконечности полигона решили немного передохнуть. Забрались в чащу и попытались поспать, но из этого мало что вышло.

В течение всего дня, а это было 1 мая, мы шли дальше на запад, соблюдая большую осторожность: по дорогам в большом количестве ехали русские. Вскоре нас заметили, но нам удалось быстро скрыться в лесу. Преследовать нас не стали, и мы провели день здесь. Ночью мы по проселкам, ориентируясь по компасу,

зашагали в северо-западном направлении. На рассвете решили опять выждать в густом лесу и пролежали в нем целый день. Я так устал, что даже заснул. Перед дальнейшим маршем вечером все-таки собрались передохнуть у сельских жителей в каком-нибудь деревенском доме. Мне казалось, что боевые действия в этом районе закончились. Мы наблюдали, как по большим дорогам без всякого контроля двигались толпы людей.

Когда стемнело, мы отправились дальше и добрались до одного стоявшего в отдалении крестьянского дома, едва освещенные окна говорили о том, что там кто-то есть. Мы долго стучали и кричали, наконец нам все-таки открыли, даже довольно дружелюбно приняли и сытно покормили. С некоторым трудом нам удалось заменить нашу военную форму на какие-то штатские отрепья. Потом мы распрощались с хозяевами и залегли на сеновале в соломе. Здесь я впервые опять хорошо выспался.

Утром следующего дня, уже 3 мая, мы в прекрасную погоду зашагали вдоль железнодорожной насыпи в направлении на запад. Но это явилось нашей ошибкой. Через несколько часов нас остановил русский патруль и отвел в ближайшую деревню, откуда вместе с другими тоже задержанными солдатами отправили куда-то на грузовике. Прошло какое-то время, и мы подъехали к большой дороге Берлин – Науэн – Фрайзак, которую должны были пересечь. Тут я громко постучал по кабине водителя и закричал по-русски: «Стой!». Машина действительно остановилась. Матизинг и я выпрыгнули из кузова и сразу смешались с толпой пешеходов, двигавшихся по шоссе во всех направлениях. Поняв, что нам лучше всего оставаться в этой толпе, мы зашагали с нею, пока не подошли к Фрайзаку. Здесь шоссе было перегорожено. Мы решили провести ночь в одном из окружающих домов, где расположились в каком-то получулане, но все-таки смогли поспать на кровати.

На следующий день, 4 мая, в послеполуденное время дорожное заграждение было снято, и мы вместе с уже собравшейся толпой смогли проследовать дальше в северо-западном направлении. Поздним вечером добрались до небольшого и почти покинутого жителями городка Зандау на Эльбе. Казалось, русские только что ушли отсюда. Мы расквартировались в брошенной вилле одного врача, где нашлось и что выпить, и чем закусить, – существенная причина побыть там подольше.

Как и прежде, нашей целью было выйти на западный берег Эльбы. В пути мы однажды попали на короткое время в русский плен. Расположенный в лесу лагерь для военнопленных, в который нас отправили, почти не охранялся. На полевой кухне

нас накормили здоровенным обедом. Один из военнопленных показал нам не охранявшуюся русскими постами дорогу, и мы сбежали во второй раз. Решили больше не рисковать, а спокойно подождать благоприятного случая. Приняли решение двигаться на Хавельберг – ближайший населенный пункт в северном направлении, зарегистрироваться там в полиции и найти себе крышу над головой. По дороге набрели на какой-то полуразрушенный постоялый двор и попросили проживавшую там пожилую супружескую пару за харч и жилье помочь им отремонтировать дом. Для начала требовалось покрыть крышу лежавшей во дворе черепицей. Сделка состоялась, и мы пробыли там недели четыре. При регистрации нам выдали документы и продовольственные талоны. Я значился как «Клаус Нагель» и первые месяцы жил под этим именем.

С ремонтом крыши мы справлялись хорошо. Погода стояла прекрасная. В данный момент у нас не было почти никаких забот, но мы постоянно высматривали подходящий случай, чтобы продолжить наш путь на запад. Хавельберг находился в центре известной зоны выращивания спаржи. Было как раз время сбора урожая. Поскольку спаржа теперь не могла, как прежде, вывозиться в Берлин, все это время мы жили почти только благодаря ей.

В начале июня Матизинг решил добраться до своей цели иным путем, и мы расстались. Я же решил покинуть Хавельберг и поехать по железной дороге в Бург, около Магдебурга. Там в небольшой деревне на Эльбе жила мать фельдфебеля Леппера из нашей адъютантуры, которую я знал еще раньше. Она приняла меня сердечно и хорошо заботилась обо мне.

Я уже был близок к цели. Русские оккупационные власти каждое утро посылали на полевые работы на приэльбских лугах команду военнопленных для уборки сена. Охрана стояла на плотине на некотором расстоянии от работающих. Пленные шли на эти работы не без охоты, так как только и ждали случая сбежать. Немного понаблюдав и поразведав возможности безопасного перехода через Эльбу, я на следующее утро дал понять моей любезной хозяйке, что, может быть, и не вернусь. В полдень я уже усердно участвовал в уборке сена и, воспользовавшись обеденным перерывом, спрятался в густом кустарнике на самом берегу Эльбы. Вторая половина дня прошла в напряжении: заметил русский или нет? Нет. Работа закончилась, а моего отсутствия не обнаружили. Когда наступили сумерки, я спокойно подготовился к переправе, найдя доску, на которую уложил мои небольшие вещи. Вечер был теплый, а ночь почти не принесла похолодания. Примерно в полночь я

осторожно вошел в воду и поплыл к противоположному берегу Эльбы. Течение немного снесло меня. Минут через 20 я почувствовал под ногами дно. Я был бесконечно рад, что мой побег удался и считал, что в британской зоне оккупации мне наконец-то ничто не грозит. Немного отдохнув в зарослях, я двинулся в путь. Это было в среду, 20 июня 1945 г.

Частично пешком, частично общественным транспортом я добрался до Магдебурга, а оттуда до Ванцлебена – старого поместья семьи моей жены, которым еще распоряжался дядя моего тестя. Побывал у его сына Клауса Кюне, который со своими семерыми детьми бежал сюда из Померании. Они приняли меня просто трогательно, обеспечили всем необходимым, а на следующее утро проводили в другое поместье, вблизи Нойенхагена, где хозяйство вел племянник тестя. И здесь тоже меня встретили сердечно. После того как мы обсудили мое довольно сложное положение, он съездил в Нойенхаген и привез моего тестя. Встреча была очень радостной. Оттуда я отправился дальше – в одно имение по соседству с Нойенхагеном. Там я и остался. Только по ночам пешком приходил в Нойенхаген, встречался с женой и видел наших детей, спящих глубоким сном. Теперь я снова дома, думалось мне. Но это было ошибкой.

Мы решили перебраться в Вернигероде. Там моя жена уже должна была лечь в клинику: мы ожидали рождения ребенка. Брат жены уговаривал меня немедленно отправиться вместе с ним в Рурскую область, ибо был уверен, что провинция Саксония попадет под господство русских. Но из-за предстоящего появления на свет младенца я отказался. Мы нашли небольшую комнату у одной старой женщины и пока поселились там. 28 июля у нас родилась дочь Криста. Эта большая радость отвлекла нас от неотложных повседневных забот. Я опасался прежде всего конфискации в русской зоне всех крупных поместий.

Еще когда моя жена лежала в клинике, ухаживавшая за новорожденной медицинская сестра принесла «Фелькишер беобахтер» от 1 сентября 1939 г. Это был тот самый номер, в котором в связи с началом войны был опубликован большой снимок Гитлера вместе со мною. Теперь мне приходилось опасаться ареста, и с помощью родственников моей жены я бежал на Запад: сначала в Шенинген, а потом в Бонн, где мне удалось поселиться под той фамилией, которую я взял себе в Хавельберге.

Летом 1945 г. семья моего тестя потеряла свое прекрасное поместье – оно было конфисковано. Это принесло много волнений и забот. Жена навестила меня в Бонне, и мы обсудили, что нам делать дальше, но выход нашли не сразу. Осенью я записался в Боннский университет с целью изучать

экономические науки, снял комнату в Бад-Годесберге и сконцентрировался на этом новом этапе моей жизни. Это время было омрачено последствиями конфискации нойенхагенского поместья. Моей семье пришлось покинуть его и переселиться дальше на запад. С помощью друзей жене в конце концов удалось к Рождеству обосноваться в Детмольде.

В английском плену и заключении

7 января 1946 г. я был по доносу арестован британцами. Я заранее рассчитывал на длительное пребывание в плену, хотя весьма вежливый и корректный офицер говорил только о моем допросе. После ночи в. боннской тюрьме меня на бронированной автомашине доставили в следственный лагерь в Изерлоне. Там меня принял и тщательно обыскал дико орущий английский унтер. Потом отвели в барак и поместили в нетопленной комнате, где находилось восемь или десять коек и столько же арестантов. Из моих личных вещей мне оставили только носовой платок.

Через два дня, проведенных в холодном бараке, начались допросы. Их вел спокойный, очень деловой и симпатичный человек. После установления личности англичане начали проявлять интерес только к последним неделям в Имперской канцелярии. Поскольку мне не приходилось скрывать никаких тайн, я отвечал на вопросы вполне откровенно и без принуждения. Постепенно стало ясно: англичане полагали, что Гитлер дал секретные указания насчет продолжения борьбы после его смерти. Я с чистой совестью отрицал это, ибо подобных приказов не было. Казалось, мне поверили. После трех-четырех допросов меня оставили в покое. Было довольно скучно, так как читать было почти нечего. Некоторое время со мной вместе сидел журналист Ганс-Георг фон Штудниц. Он развлекал нас всякими историями и анекдотами. Сколько-то дней в нашем барачном помещении находились и шесть молодых евреев из Восточной Европы; разговоры с ними были желанной сменой впечатлений.

8 февраля меня перевели в следственный лагерь Бад-Ненндорф. Еще в Изерлоне об этом лагере ходили дикие слухи, которым не хотелось верить, но действительность превзошла все ожидания. Снова знакомые уже по Изерлону грубые выкрики и брань охранников при поступлении в лагерь, снова личный обыск и лишение собственной одежды, взамен которой выдали какие-то ошметки. Меня засунули в (правда, обогреваемое днем) изолированное помещение, в котором стояли только койка, стол и стул. Передвигаться следовало бегом под постоянные окрики охраны. Питание было недостаточное и плохое. Бад-Ненндорф, где мне пришлось просидеть почти три месяца, явился наивысшей точкой всего моего плена. По ночам я слышал вопли заключенных. Мое предположение, что их истязают, было недалеко от истины.

Через несколько дней, когда я немного «обжился», меня вызвали на допрос. Пришлось бежать рысцой. Следователи

заставляли меня часами стоять. Они опять принялись за уже подробно изученную в Изерлоне тему – предполагаемые секретные распоряжения Гитлера, – только с той разницей, что теперь мне не верили. Когда же я, придерживаясь истины, в здравом уме и со знанием дела, существование таких приказов отрицал, тон допроса становился еще более резким, а обращение со мной – еще хуже. Мне уменьшили и без того жалкую пайку, убрали из моей камеры всю убогую мебель, а на ночь бросали одеяло, завернувшись в которое, я спал на голом полу. Но и этот «ночной покой» длился всего четыре часа. Утром в 4.00 часовой одеяло отбирал. Так продолжалось примерно с неделю, в течение которой меня не допрашивали. Потом опять отвели на допрос, и я повторил свои показания. Один из допрашивавших, различными способами пытавшийся вытянуть из меня нужные показания, был, как оказалось, английский историк Тревор-Ропер.

Последствием моего упорного «отрицания» явилось продолжение попыток сломать меня. Все это показалось мне настолько глупым, что я решил, просто дабы улучшить свое положение, начать плести англичанам всякие небылицы. Когда я выразил готовность говорить «всю правду», меня сразу же отвели к начальнику следственного центра, который вместе с двумя другими офицерами был в полной военной форме – при парадном ремне и в фуражке (эта официальность показалась мне даже комичной), видимо, чтобы тем самым подчеркнуть всю важность как своего задания, так и моих ожидаемых показаний. Я преподнес им – хотя и не слишком грубо утрированную – смесь вымысла и правды. Последние дни в бункере я описал такими, какими я их пережил. В качестве первого успеха я смог констатировать возвращение в мою камеру прежней «мебели». Мне дали бумагу и ручку, и я письменно изложил свои показания в семи пунктах. С тех пор меня оставили в покое, но сначала я все еще находился в одиночном заключении. Впоследствии мне доставило немалое удовольствие прочесть в книге Тревор-Ропера «The Last Days of Hitler{303} (1947) болтовню о якобы данном мне Гитлером задании передать Кейтелю его секретное послание.

Одиночное заключение в Ненндорфе действовало на меня угнетающее, и я попытался найти какой-нибудь способ отвлечься. Скука моя исчезла, когда я нашел огрызок карандаша и стал на туалетной бумаге сочинять сказку для моих детей – историю мальчика, отправившегося в кругосветное путешествие. Через некоторое время меня перевели в помещение на цокольном этаже. Камеры здесь не запирались, и днем мы могли передвигаться свободно. Среди примерно 40 размещавшихся в дюжине камер лиц я нашел интересных собеседников и встретил некоторых

знакомых. Вспоминаю двух членов правления концерна «Герман-Герингверке», нескольких дипломатов, а также офицеров ОКВ. Тут я встретил также журналиста Гейнца Лоренца из Имперской канцелярии, Фрейтага фон Лорингховена из штаба генерала Кребса. Пробыл я здесь до 11 июля.

Англичане, для которых мы были пустым местом, обращались с нами, как с китайскими кули: заставляли убирать и чистить помещения, мыть кухонную посуду. За это мы, однако, получали дополнительную еду, так что я быстро поднабрался сил.

В одиночном заключении я, разумеется, никакой информации о жизни и событиях не получал и только спустя четверть года снова стал читать газеты, а прочитанное радости никак не доставляло. Нам приходилось мириться с проигранной войной и государственной катастрофой огромного масштаба, начинать все заново с самого нуля. Меня особенно затронуло то, что из-за меня еще в январе 1946 г. перед британским военным судом (он проводился с большой шумихой и оглаской) пришлось предстать тем людям, которые помогли мне «нырнуть», в том числе моему тестю, брату жены и фройляйн Марии фон Гроот, получившей три месяца тюрьмы за то, что не выдала меня.

И июля 1946 г. меня доставили в британский тюремный лагерь Цедельгхем около Брюгге; поездка туда на грузовике была незабываемой. Генерал сухопутных войск Фрейтаг фон Лорингхофен и я были прикованы друг к другу цепью и едва могли двигаться.

Цедельгхем разделялся – на несколько «cages»{304} – для генералов, офицеров генерального штаба и старших офицеров.

Случаю было угодно, чтобы лагерным переводчиком оказался мой старый товарищ по школе из Ганновера. Условия жизни в Цедельгеме были недостойными. Нары в бараке на 100 с лишним заключенных. Мне потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть ко всему этому. Здесь я встретил много знакомых, установился какой-то распорядок дня. Хорошая погода тоже сделала свое, а потому пребывание стало более или менее сносным. Однако очень действовала на нервы неизвестность дальнейшей судьбы. Но все-таки образовался какой-то приятный круг общения, начались совместные прогулки, стали играть в бридж.

Мы жили слухами. Наиболее обсуждавшейся темой служили расформирование лагеря и его перевод в Германию. С этим связывались всякие спекулятивные предположения. 8 сентября нас действительно перевели в лагерь для военнопленных Мунстер, причем доставили туда неожиданно роскошным образом – в тогдашних экспрессных вагонах 2-го класса.

Разместили нас в Мунстере по чинам. Я в течение полугода делил комнату с хорошо знакомым мне полковником Радушем, а потом – с одним успешно воевавшим командиром ночных истребителей.

Весной 1947 г. военнослужащие младших чинов, а также все связанные с «незначительными делами» подлежали освобождению из лагеря, между тем как так называемые «нацифицеры» должны были оставаться под арестом еще неопределенное время. Решение о более продолжительном пребывании в заключении выносилось после изучения всего жизненного пути арестанта и его личного отношения к Третьему рейху, а также к нынешнему политическому положению в Германии – так называемого «sceening»{305}. Меня, разумеется, сочли наиболее опасным и вместе с другими камерадами 30 мая 1947 г. перевели в лагерь Адельхайде около Дельменхорста, где ранее находилась авиационная база.

Не успел я прибыть туда, как сокамерники сразу познакомили меня с подземной системой отопления, через которую в любую минуту можно было незаметно совершить побег. Насчет времени пребывания в этом лагере имелись совершенно различные точки зрения. Кое-кто говорил, что нам тут сидеть минимум еще 10 лет, другие считали возможным скорое освобождение. Так или иначе все наши разговоры крутились только вокруг одной и той же темы: когда мы, наконец, окажемся на свободе. От этого зависело наше соответственно менявшееся настроение. Британцы на сей счет помалкивали.

Меня поместили вместе с тремя офицерами генерального штаба сухопутных войск, и мы пустили в ход все рычаги, чтобы привлечь внимание внешнего мира к нашей ситуации. Нам удалось отправить из Адельхайде письмо британскому Верховному комиссару, которое дошло до министра по германским делам лорда Пекенхэма. Тот в конце года побывал в лагере и получил, также непосредственно от немецких заключенных, представление о существующих в нем условиях и о нашем неопределенном положении. Нам сделали некоторые послабле-ния (например, нас теперь могли целый день посещать жены). Разговоров насчет нашего предстоящего вскоре освобождения стало еще больше.

В Адельхайде я часто общался с Фрейтаг-Лорингховеном и подполковником службы генштаба бароном фон Гумбольдт-Дахреденом, с которыми неоднократно встречался в последние недели войны в Ставке фюрера. Товарищеские отношения служили нам взаимной поддержкой. В Сочельник 1947 г. или в канун нового, 1948 г. мы с бурным воодушевлением восприняли сообщение немецкого коменданта лагеря, что наш лагерь в

течение следующего полугодия будет расформирован. Действительно, в январе началась проверка, в ходе которой обстоятельные британцы желали убедиться, достаточно ли мы созрели для демократии. Каждому из нас был преподан хороший урок. Моя проверка была назначена на 2 марта, и я уже стал надеяться, что меня скоро выпустят.

Нюрнберг

Вместо освобождения меня перевели в Нюрнберг. В предназначенном для свидетелей корпусе Нюрнбергской тюрьмы я встретил большое число старых знакомых; нам было много чего порассказать друг другу.

Причину моего пребывания там я узнал на допросе. Оказалось, фельдмаршал Мильх обвинялся по «делу XII» в так называемом «Процессе ОКВ» в связи с той ролью, которую он сыграл в феврале 1938 г. на Оберзальцберге во время визита австрийского федерального канцлера Шушнига. На допросе я пояснил, что Шперрле и Рейхенау привлечены к судебной ответственности только как статисты. Впоследствии мне доводилось слышать, что мое показание содействовало оправдательному приговору, вынесенному Шперрле в октябре 1948 г.

В остальном же пребывание в Нюрнберге было довольно скучным. Хотя меня еще не раз допрашивали, мне казалось, что эти допросы никакого значения не имели и никак с текущим судопроизводством связаны не были. Вероятно, следователям просто хотелось познакомиться со мной.

Кульминационной точкой моего пребывания в Нюрнберге стала прогулка с фельдмаршалом Мильхом, приговоренным в 1947 г. к пожизненному заключению. Суд счел его ответственным за применение «рабского труда». Обвинение, которое, собственно, следовало бы предъявить уже казненному Заукелю. Мильх держался великолепно. Но оптимизм обманул его. Он рассчитывал на скорое освобождение, но был выпущен из тюрьмы только в 1954 г.

Тупое ожидание в Нюрнберге – а я провел там 10 недель – было столь утомительным, что я попросил определить меня в кухонную обслугу. Моей обязанностью была раздача пищи. Это позволяло мне общаться со многими обвиняемыми, ожидавшими своего приговора. Я разговаривал с обвиняемыми по «делу VII» («Генералы Юго-Востока»), «делу VIII» («Расово-поселенческое управление СС), „делу IX“ („Войска для специального использования“), „делу X“ („Процесс Круп-па“) и „делу XII“ („Процесс ОКВ“). Мне открылись различные взаимосвязи моих адъютантских времен, а многие события и многих лиц я теперь увидел в ином, большей частью невыгодном для них свете. В целом же такой способ завершить ужасную главу германской истории с помощью обвинителей и палачей, какого едва ли знала Европа после Первой мировой войны, показался мне

сомнительным и внушающим опасения. Я видел мало отправных пунктов для нового начала в том, чтобы оценивать вину и ответственность слишком односторонне. Но дело было в самой системе сажать на скамью подсудимых людей чести рядом с подлецами. Безрадостная и гнетущая атмосфера Нюрнберга побудила меня к письменным ходатайствам насчет как можно быстрейшей отправки обратно в Адельхайде, поскольку иначе о моем освобождения пока и думать не приходилось. В начале мая меня доставили туда в сопровождении дружелюбного унтер-офицера из цветных. Лагерь уже почти опустел. Но и для последних примерно 20 „неисправимых“ пришел час свободы.

14 мая 1948 г. мой плен закончился. Я поездом доехал до Герфорда, где меня ожидала жена с нашим сыном, которому только что исполнилось девять лет. Итак, наконец-то я был дома.

Хронология событий

1937 г.

16 июня – Вступление в должность адъютанта по люфтваффе в адъютантуру фюрера и рейхсканцлера.

6-13 сентября – 9-й Имперский съезд НСДАП («Партсъезд труда» (Нюрнберг).

19-26 сентября – Маневры вермахта в Мекленбурге.

25-29 сентября – Государственный визит Муссолини.

5 октября – «Карантинная речь» американского президента Рузвельта в Чикаго.

5 ноября – Совещание в Имперской канцелярии («Протокол Хоссбаха»).

21 ноября – Визит главы венгерского правительства в сопровождении министра иностранных дел.

1938 г.

15-22 января – Визит югославского премьер-министра Стояновича в Берлин.

24 января 5 февраля – Кризис Бломберг Фрич

5 февраля – Последнее заседание имперского правительства.

12 февраля – «Берхтесгаденское соглашение» Гитлера-Шушнига.

12-15 марта – Аншлюс Австрии.

3-10 мая – Государственный визит Гитлера в Италию.

28 мая – Совещание Гитлера с военным руководством в Имперской канцелярии (план «Грюн»).

13 июня – Речь Гитлера перед генералами сухопутных войск в Барте.

15 августа – Опытные стрельбы в Ютербоге.

17 августа – Указ Гитлера о «войсках особого назначения СС» как постоянных войсках в мирное и военное время.

21-27 августа – Государственный визит венгерского регента адмирала Хорти.

27-30 августа – Гитлер инспектирует Западный вал.

5-12 сентября – 10-й Имперский съезд НСДАП (Партсъезд «Великогермания»).

15 сентября – Встреча британского премьер-министра Чемберлена с Гитлером на Оберзальцберге.

22-24 сентября – Встреча Чемберлена с Гитлером в Бад-Годесберге.

29 сентября – Мюнхенское соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией.

3-4 октября – Поездка Гитлера в Эгер и Карлсбад. {306}

7 ноября – Покушение на советника германского посольства в Париже Рата. с 9 на 10 ноября «Имперская Хрустальная ночь».

1939 г.

26-27 января – Поездка Риббентропа в Варшаву.

14-15 марта – «Переговоры» с чешским президентом Гахой в Берлине.

15 марта – Оккупация «Остаточной Чехословакии», образование «Имперского протектората Богемия и Моравия».

25 марта – Вступление германских войск в Мемельскую область и соглашение с Литвой.

15-19 мая – Поездка Гитлера на Западный вал.

22 мая – Подписание в Новой Имперской канцелярии германо-итальянского договора о дружбе и взаимопомощи («Стальной пакт»).

23 мая – Совещание в Имперской канцелярии (главнокомандующие составных частей вермахта и начальники их генеральных штабов), «Малый Шмундт».

1-4 июня – Государственный визит регента югославского наследника престола Павла.

3 июля – Посещение Гитлером испытательного аэродрома Рехлин на оз. Мюритцзее (Мекленбург).

19 августа – Подписание германо-русского торгового соглашения.

23 августа – Подписание пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом (с секретным дополнительным протоколом о разделе «сфер интересов» в Польше).

1 сентября – Начало Второй мировой войны.

3 сентября – Объявление Англией и Францией войны Германии.

28 сентября – Риббентроп подписывает в Москве германо-советский договор о дружбе и границе.

5 октября – Парад победы в Варшаве в присутствии Гитлера.

1940 г.

2-4 марта – Визит помощника государственного секретаря США Самнера Уэллеса в Берлин.

18 марта – Гитлер встречается с Муссолини на Бреннерс-ком перевале.

9 апреля – Оккупация Дании; высадка в Норвегии.

10 мая – Начало Западной кампании.

11 мая – Британский кабинет дает приказ командованию военно-воздушных сил о начале авиационных бомбардировок территории рейха «бомбовой войны».

18 июня – Гитлер встречается с Муссолини в Мюнхене.

22 июня – Заключение в Компьене перемирия между Германией и Францией.

10 июля – Беседа Гитлера с венгерским премьер-министром графом Телеки.

13 августа (до мая 1941 г.) – «Воздушная битва над Англией».

27 сентября – Подписание Тройственного пакта Германии, Италии и Японии.

4 октября – Гитлер встречается с Муссолини на Бреннерском перевале.

22 октября – Встреча Гитлера с Лавалем в Монтуаре.

23 октября – Гитлер встречается с Франко на французско-испанской границе.

24 октября – Гитлер встречается с Петэном и Лавалем в Монтуаре.

28 октября – Встреча Гитлера с Муссолини во Флоренции.

12-13 ноября – Визит Молотова в Берлин.

23 ноября – Визит румынского маршала Антонеску в Берлин; вступление Румынии в Тройственный пакт.

1941 г.

19-20 января с февраля – Встреча Гитлера с Муссолини в Зальцбурге. Участие Германии в военных действиях на Североафриканском театре военных действий.

27 марта – Военный путч в Белграде. Решение Гитлера наряду с Грецией напасть и на Югославию.

6 апреля – Начало нападения на Югославию и Грецию.

10-11 мая – Полет Гесса в Англию.

20 мая 2 июня – Захват Крита.

27 мая – Потопление линейного корабля «Бисмарк» («Битва за Атлантику», сентябрь 1939 г. декабрь 1941 г.).

2 июня – Встреча Гитлера с Муссолини на Бреннерском перевале.

12 июня – Встреча Гитлера с Антонеску в Мюнхене.

22 июня – Начало похода на Россию.

25-28 августа – Визит Муссолини в «Волчье логово» и его поездка на Восточный фронт.

7 декабря – Нападение японцев на Перл-Харбор.

11 декабря – Объявление Германией и Италией войны Соединенным Штатам Америки.

1942 г.

Март – Начало крупного наступления английской авиации на промышленные города и базы подводного флота в Германии; 31 мая Первый крупный налет на Кельн.

29-30 апреля – Встреча Гитлера с Муссолини в замке Клезхайм.

8-15 мая – Возвращение потерянного в декабре 1941 г. Керченского полуострова (операция «Охота на дроф» «Траппенягд», 11-я армия Манштейна).

27 мая – Покушение на Гейдриха в Праге (умер 4 июня).

3 июня-2 июля – Захват крепости Севастополь (Манштейн произведен в генерал-фельдмаршалы).

21 июня – Роммель захватывает Тобрук (22 июня получает чин генерал-фельдмаршала).

19 августа – Высадка англичан у Дьеппа.

23 октября – Начало британского контрнаступления в Северной Африке.

10 ноября – Беседы Гитлера с Чиано и Лавалем в Мюнхене.

23 ноября – Начало окружения 6-й армии в Сталинграде. 10 января 1943 г. советское наступление с целью ликвидации котла; 31 января 2 февраля Капитуляция.

1943 г.

14-26 января – Конференция Рузвельта и Черчилля в Касабланке, на которой сформулировано требование безоговорочной капитуляции держав «оси».

3 апреля – Встреча Гитлера с болгарским царем Борисом.

5 июля – Начало «Цитадели» (германское наступление из районов Орла и Белгорода с целью ликвидации Курского выступа; прекращено 15 июля).

10 июля – Высадка союзников на Сицилии.

19 июля – Встреча Гитлера с Муссолини в Фельтре, около Беллуно (Верхняя Италия).

25 июля – Муссолини смещен итальянским королем; новый глава правительства Италии маршал Ба-дольо.

17-24 августа – Конференция Рузвельта и Черчилля в Квебеке.

12 сентября – Освобождение Муссолини из Гран-Сассо в Апеннинах.

28 ноября – Тегеранская конференция (Рузвельт, Сталин, Черчилль).

1944 г.

18 марта – Встреча Гитлера с Хорти. 19 марта Оккупация Венгрии германскими соединениями.

6 июня – Начало вторжения англо-американских войск во Францию (операция «Оверлорд»).

20 июля – Покушение Штауффенберга на Гитлера в «Волчьем логове».

20 июля – Встреча Гитлера с Муссолини в «Волчьем логове». с 1 августа до 2 октября Восстание польской подпольной армии в Варшаве.

16 декабря – Начало наступления в Арденнах (группа армий "Б", генерал-фельдмаршал Модель).

1945 г.

12 января – Советское наступление с Сандомирского плацдарма. В ходе этого наступления отрезана Восточная Пруссия. Красная Армия подходит к территории рейха.

18 января – Начало боев за Будапешт (Будапешт пал 13 февраля).

4-11 февраля – Крымская конференция в Ялте (Сталин, Рузвельт и Черчилль).

13 апреля – Падение Вены.

16 апреля – Советское наступление севернее Клострина и южнее Франкфурта-на-Одере.

25 апреля – Окружение Берлина (капитуляция 2 мая).

27 апреля – Гитлер решает покончить самоубийством.

29 апреля – Прощание с Гитлером.

1946 г.

14 ноября – Начало процесса по делу генерал -фельдмаршал а Мильха (приговор 16 апреля 1947 г.: пожизненное заключение).

1947-1948 гг. с февраля до 28 октября 1948 г. – «Процесс ОКВ» (оправдание генерал-фельдмаршала Шперрле).

14 мая – Освобождение из плена.

Примечания

{1} Воздушное оружие (die Luftwaffe) – официальное наименование военно-воздушных сил гитлеровской Германии. – Здесь и далее примеч. перев.

{2} капитан.

{3} Герман Геринг (1900-1946), рейхсмаршал (с июня 1940 г.), один из главных немецких военных преступников. Участвовал в Первой мировой войне в качестве летчика, был награжден высокими орденами. Член нацистской партии с 1922 г., первоначально возглавлял СА (штурмовые отряды). Организатор провокационного поджога рейхстага в феврале 1933 г. После прихода Гитлера к власти – премьер-министр (министр-президент) и министр внутренних дел Пруссии, затем – председатель рейхстага. Создатель и фактический руководитель государственной тайной полиции (гестапо). Министр авиации и (с 1 марта 1935 г.) главнокомандующий ВВС (люфтваффе). Являлся официально назначенным преемником Гитлера. В последние дни Второй мировой войны под благовидным предлогом покинул Берлин и отправился на юг Германии, в Баварию, а затем при попытке узурпации власти был снят Гитлером со всех постов, разжалован и исключен из НСДАП за «измену фюреру». Арестован американцами. Международный военный трибунал в Нюрнберге приговорил его к смертной казни через повешение, но в последний момент он покончил жизнь самоубийством, и 16 октября 1946 г. был повешен его труп.

{4} Фридрих Хоссбах (род. в 1894 г.), военный адъютант по вермахту и помощник Гитлера в 1934-1938 гг., тогда – полковник. Известен «Протокол Хоссбаха» – запись секретного совещания в Имперской канцелярии 5 ноября 1937 г. по вопросу об агрессивных замыслах Гитлера против Австрии и Чехословакии; этот документ фигурировал на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников в качестве обвинительного материала. В январе 1938 г. уволен Гитлером в отставку за то, что предупредил генерал-полковника барона Вернера фон Фрича о предпринятой против того провокации с целью его смещения с поста главнокомандующего сухопутных войск. С началом Второй мировой войны восстановлен на службе в генеральном штабе, получил чин генерал-майора (1942 г.), а затем генерал-лейтенанта. Командовал 16-м танковым корпусом и непродолжительное время – 4-й армией на Восточном фронте. 30 января 1945 г. был снят за невыполнение приказа фюрера и отвод своей армии из Восточной Пруссии.

{5} Карл-Йеско фон Путткамер (род. в 1900 г.), контр-адмирал, адъютант Гитлера по ВМФ (с перерывами до апреля 1945 г.).

{6} Рудольф Шмундт (1894-1944), в дальнейшем генерал-майор, с 1944 г. – генерал пехоты. Адъютант Гитлера по сухопутным войскам, с февраля 1938 г. – шеф-адъютант, в качестве какового присутствовал на всех секретных военных совещаниях и вел подробные записи, фигурировавшие в качестве документов обвинения на Нюрнбергском процессе. С октября 1942 г. до июля 1944 г. возглавлял Управление личного состава сухопутных войск. Во время взрыва бомбы полковника графа Клауса Шенка фон Штауффенберга 20 июля 1944 г. в восточнопрусской Ставке Гитлера «Волчье логово» получил тяжелые ранения, от которых скончался 1 октября того же года.

{7} День попытки осуществления антигитлеровского Июльского заговора 1944 г., когда после неудавшегося покушения полковника фон Штауффенберга Гитлер был легко контужен, но остался жив, что привело к провалу этого заговора.

{8} Альберт Шпеер (1905-1981), архитектор; по его проекту была построена Новая Имперская канцелярия, в которой в ноябре 1940 г. Гитлер принимал Молотова. Фаворит фюрера. С 1942 г. и до конца войны – имперский министр вооружения и боеприпасов. В последние недели войны старался противодействовать приказу Гитлера о полном разрушении немецкой промышленности и превращении Германии в «выжженную землю». Его письмо Гитлеру по этому вопросу от 29 марта 1945 г. см. в кн.: Г. А. Якобсен. 1939-1945. Вторая мировая война. Хроника и документы, с. 226-229. В эти же недели Шпеер намеревался отравить Гитлера ядом в его бункере в Имперской канцелярии через вентиляционную систему. (Подробно об этой и других попытках покушения на Гитлера см. в кн.: Will Berthold. Die 42 Attentate auf Adolf Hitler. МьпсНеп, 1981. Русский перевод – Билль Бертольд. 42 покушения на Адольфа Гитлера – вскоре выходит в изд-ве «ТЕРРА – Книжный клуб»; отрывки опубликованы в журнале «Новая и новейшая история», 1999, № 4, 5 и 2000, № 1). Единственный из подсудимых на Нюрнбергском процессе, полностью признавший свою вину. Как один из главных немецких военных преступников был приговорен Международным военным трибуналом к тюремному заключению на 20 лет, которое отбывал в западноберлинской тюрьме Шпандау (вместе с пожизненно заключенным Рудольфом Гессом). По отбытии срока освобожден и проживал в ФРГ. Автор воспоминаний, выпущенных на русском языке изд-вом «РУСИЧ» в 1997 г. в серии «Тирания».

{9} На горе Оберзальцберг в Баварских Альпах находилась

личная резиденция Гитлера – вилла «Бергхоф».

{10} Меня удивило и другое утверждение Ирвинга: будто я предоставил в его распоряжение «неопубликованные рукописи и письма того времени» и взял на себя труд (вместе с другими) «переработать многие страницы вытекающего отсюда текста». Правда, я вспоминаю об этом визите Ирвинга, когда я ответил на некоторые его вопросы. Но его далеко идущие утверждения я должен отвергнуть как не соответствующие истине. – Прим. автора.

{11} После поражения Германии в Первой мировой войне по Версальскому мирному договору 1919 г. численность личного состава ее вооруженных сил (рейхсвера) была ограничена 100 тыс. человек и ей было запрещено иметь военную авиацию, танковые войска, военно-морской флот и химическое оружие. В нарушение этого договора и в обход его с целью осуществить новое вооружение германское политическое и военное руководство пошло на осуществлявшееся в 1920-х – начале 30-х годов широкое тайное сотрудничество в военной области с Советским Союзом и непосредственно с командованием Красной Армии. Для подготовки квалифицированных немецких военных кадров на территории СССР было совместно создано (под кодовыми наименованиями) несколько учебных центров. Это авиационный центр «Липецк» (где к 1933 г. прошло теоретическую и практическую боевую подготовку 120-130 военных летчиков); танковый центр «Кама» (откуда, в частности, вышел будущий генерал-полковник танковых войск и предпоследний начальник германского генштаба Гейнц Гудериан), а также (в Самарской области) химический центр «Томка». Здесь обучался цвет будущего фашистского вермахта. Более того, в Москве в Военной академии Красной Армии получили свое высшее военное образование, к примеру, будущие гитлеровские генерал-фельдмаршалы: министр рейхсвера (военный министр) Вернер фон Бломберг, начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) Вильгельм Кейтель, главнокомандующий сухопутных войск Вальтер фон Браухич, командующие групп армий Эрих фон Манштейн и Вальтер Модель, сыгравшие немалую роль в войне против Советского Союза. По взаимной договоренности, в германской Академии генерального штаба обучались будущий Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский, расстрелянный Сталиным в 1937 г. как «немецкий шпион», а также ряд видных советских военачальников. В помощь вооружению Германии на территории СССР в глубокой тайне строились и действовали совместные военные заводы, на которых собирались из ввезенных деталей

самолеты (в том числе бомбардировщики) и танки новейших образцов (которые впоследствии использовались и на Восточном фронте), оборудовались для их испытания аэродромы и полигоны. С советской стороны у истоков и во главе этого союза с германскими вооруженными силами, возымевшего тяжелейшие последствия в годы Великой Отечественной войны, стояли высшие партийные, государственные и военные деятели, руководители ВЧК – ОГПУ и различных наркоматов. В их числе: В. И. Ленин, И. В. Сталин. Л. Д. Троцкий, М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов, Ф. Э. Дзержинский, В. В. Куйбышев, Г. В. Чичерин, Л. Б. Красин, Н. Н. Крестинский, К. Б. Радек, Э. М. Склянский, М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров, И. П. Уборевич, А. И. Корк, И. С. Уншлихт, И. Э. Якир, Я. Б. Берзин и др. – Подробнее об этом см.: Ю. Л. Дьяков, Т. С. Бушуева. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество 1922-1933. Неизвестные документы, М., 1998; Страницы немецкой истории: легенды, факты, имена. По материалам передач радиостанции «Немецкая волна», Сост. Миодраг Шорич и Ефим Шуман. Кц1п, Deutsche Welle, 1999; Д. Тихонов. Как мы помогали врагам. – Аргументы и факты, 1999, №18.

{12} кандидат в офицеры (нем.).

{13} Вильгельм Лист (1880-1971), генерал-фельдмаршал (с 1940 г.). Участник Первой мировой войны. С 1935 г. – командующий VI военным округом. При нападении на Польшу командовал 14-й армией, а во Французской кампании – 12-й, которая затем была переброшена в Югославию и Грецию. В 1941 г. был назначен командующим оккупационных войск на Балканах. С 15 июля 1942 г. командовал на Восточном фронте группой армий «А», наступавшей на Кавказ. Из-за разногласий с Гитлером по оперативным вопросам уволен в отставку в сентябре 1942 г. В 1948 г. военный трибунал в Нюрнберге приговорил его за преступления в Югославии и Греции к пожизненному заключению, но в 1952 г. он был амнистирован и затем проживал в ФРГ.

{14} Эрвин Роммель (1891-1944), будущий генерал-фельдмаршал (с 1942 г.), один из видных военачальников вермахта, фаворит Гитлера. В 1941 г. успешно командовал в Северной Африке Африканским корпусом, нанесшим английским войскам серьезное поражение под Тобруком, за что получил прозвище «Лис пустыни». С середины 1943 г. командовал группой армий «Б» в Северной Италии, а затем группировкой войск во Франции. Во время высадки союзников во Франции был тяжело ранен при обстреле английским самолетом и направлен в Ульм на излечение. Ввиду причастности к Июльскому заговору 1944 г.

был по приказу Гитлера принужден начальником Управления личного состава сухопутных войск генералом Бургдорфом принять 14 октября 1944 г. яд, после чего ему были в пропагандистских целях устроены пышные государственные похороны как национальному герою, скончавшемуся от ранений.

{15} Вольфрам фон Рихтхофен (1895-1945), генерал, позднее фельдмаршал. Военную карьеру начал в 1923 г. военным атташе в Риме. С 1936 г. принимал активное участие в действиях германской авиации против республиканской Испании в качестве сначала начальника штаба легиона «Кондор», а затем, с 1938 г. (став преемником генералов Гуго Шперрле и Гельмута Фолькмана), его командира в чине генерал-майора. Командовал бомбардировочными частями во время Польской (1939 г.) и Французской (1940 г.) кампаний. В июле 1940 г., накануне воздушной битвы за Англию, был назначен командиром 8-го авиационного корпуса. В дальнейшем командовал 4-м и 2-м воздушным флотами. Умер в июле 1945 г.

{16} Кавалер Роберт фон Грайм (1892-1945), последний назначенный Гитлером в конце войны генерал-фельдмаршал. Участвовал в Первой мировой войне в качестве летчика-истребителя. Занимал различные командные посты в ВВС. С февраля 1943 г. командовал воздушным флотом на Восточном фронте, а к концу войны – 6-м воздушным флотом в Мюнхене. 24 апреля 1945 г. Гитлер срочно вызвал его в осажденный Берлин, куда его доставила прославленная летчица Ганна Рейч; при посадке прямо на шоссе самолет потерпел аварию и Грайм получил серьезные ранения. В связи с изменой Геринга, лишенного фюрером всех своих чинов и постов, Грайм был назначен вместо него главнокомандующим люфтваффе с присвоением ему чина фельдмаршала. Затем Грайм вылетел в город Плен, в ставку командующего ВМФ гросс-адмирала Карла Денипа, где объявил находившемуся там рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру, что Гитлер за попытку переговоров с западными союзниками о сепаратном мире объявил последнего в предательстве. Покончил жизнь самоубийством 24 мая 1945 г. в Зальцбурге (Австрия).

{17} Альберт Кессельринг (1885-1950), генерал-фельдмаршал (с 1940 г.). Участник Первой мировой войны. В 1936 г., после гибели в авиакатастрофе генерала Вефера, назначен начальником генерального штаба ВВС. В 1940 г. командовал на Западном театре военных действий 2-м воздушным флотом. Со 2 декабря 1941 г. до 10 марта 1945 г. – командующий войсками Юго-Запада (Средиземноморье, Италия). С 25 марта по 6 мая 1945 г. – командующий войск группы армий «Запад». Сдался в плен

американцам. В мае 1947 г. английский военный трибунал приговорил его к смертной казни (была заменена пожизненным заключением) за массовые убийства итальянских граждан в качестве кары за действия партизан. В октябре 1952 г. амнистирован. Умер 16 июля 1960 г. в Бад-Наугейме (ФРГ).

{18} Вальтер Вефер (1887-1936), генерал-лейтенант авиации, первый начальник генерального штаба люфтваффе, рьяный нацист, фаворит Геринга. В 1933 г. стал начальником военно-учебных заведений ВВС. Убедил Геринга в необходимости создания сверхдальних бомбардировщиков, способных долетать до Урала, но этот замысел не был реализован, что оказало определенное влияние на ход Второй мировой войны. Погиб 3 июня 1936 г. в Дрездене при падении и взрыве во время взлета «Хе-70».

{19} Хорст Вессель (1907-1930), посредственный поэт, убитый в пьяной драке из-за проститутки уголовником – бывшим коммунистом и превращенным нацистской пропагандой в мученика. Его вирши стали под названием «Песнь Хорста Весселя» сначала партийным гимном НСДАП, а затем были объявлены национальным гимном Третьего рейха.

{20} Альберт Лео Шлагеттер (1894-1923) – еще один из главных нацистских «мучеников». Служил в «добровольческом корпусе», боровшемся против Веймарской республики в первые годы ее существования и действовавшем на территории Рура, оккупированного по Версальскому договору французскими войсками. Был обвинен в диверсиях и шпионаже и казнен 26 мая 1923 г. Нацистская пропаганда превратила его в национального героя.

{21} Нацисты называли свой приход к власти 30 января 1933 г. «национальной революцией».

{22}На этой же улице находилось и здание гестапо.

{23} После смерти президента Германии бывшего кайзеровского генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга вооруженные силы 2 августа 1934 г. приняли присягу на верность не отечеству, как прежде, а лично Гитлеру как верховному главнокомандующему.

{24} Аббревиатура от нем.: das Oberkommando der Luftwaffe (DKL).

{25} капитан 3-го ранга.

{26} Офицеры люфтваффе носили белую рубашку с черным галстуком.

{27} Аббревиатуры от нем.: Sturmabteilungen (штурмовые отряды) и Schutzstaffeln (охранные отряды).

{28} Соответствовало чину генерала рода войск.

{29} Эрнст Рем (Roehm) (1887-1934), капитан (гауптман) кайзеровской армии в отставке, один из ближайших сатрапов Гитлера и его личный друг, единственный, кто был с фюрером на «ты». Рейхсляйтер в первом кабинете Гитлера, начальник штаба штурмовых отрядов (СА). После Ноябрьской революции 1918 г. руководил разведывательной службой в баварском командовании рейхсвера. Именно он привлек Гитлера в качестве платного осведомителя, провокатора и агитатора, внедрив его с этой целью в организованную в 1921 г. в Мюнхене Национал-социалистическую рабочую партию Германии (НСДАП). После провала Мюнхенского «пивного путча» против Веймарской республики в ноябре 1923 г. арестован, а затем вынужден эмигрировать в Боливию, где служил в ее армии военным инструктором в чине подполковника. Впоследствии выпустил книгу «Воспоминания государственного преступника». В 1930 г. вернулся в Германию и по поручению Гитлера приступил к формированию отрядов штурмовиков. Претендовал на пост имперского военного министра. Активно выступал за создание возглавляемого им лично «народного войска» милиционного типа с целью замены регулярной армии – рейхсвера. Был широко известен своей жестокостью, разнузданностью, далеко идущими политическими амбициями, аморальностью и гомосексуализмом, который был в Германии запрещен законом. После ареста в ночь на 30 июня 1934 г. был препровожден в мюнхенскую тюрьму, где ему в ультимативной форме было предложено покончить жизнь самоубийством и для этого передан пистолет. В ответ на отказ был застрелен эсэсовцами прямо в тюремной камере.

{30} Вернер фон Бломберг (1878-1946), в то время генерал-полковник, а затем – генерал-фельдмаршал (с 1936 г.), министр рейхсвера, с 1938 г. – имперский военный министр и одновременно главнокомандующий вооруженными силами. Содействовал подавлению путча Рема. Активно участвовал в создании вермахта. В результате спровоцированного Гиммлером и Герингом «дела» (предлог – «порочащий честь офицера» брак с девицей легкого поведения) в феврале 1938 г. был уволен в отставку вместе с командующим сухопутных войск генерал-полковником бароном Вернером фон Фричем, ложно обвиненным в гомосексуализме, преследовавшемся по закону. Это открыло Гитлеру путь к посту не только номинального, но и фактического Верховного главнокомандующего вермахта. После Второй мировой войны был привлечен к суду Международного военного трибунала в Нюрнберге в качестве свидетеля, но умер в тюрьме во время следствия.

{31} Барон Константин фон Нейрат (1897-1945), имперский

министр иностранных дел с 1932 г. (входил тогда в состав «кабинета баронов», возглавлявшийся Францем фон Папеном, а затем в правительство «социального генерала» Курта фон Шлейхера). В январе 1933 г. стал имперским министром иностранных дел в коалиционном правительстве Гитлера, получив чин группенфюрера СС (соответствовало генерал-лейтенанту). В феврале 1938 г. заменен на этом посту Иоахимом фон Риббентропом. Был назначен председателем формально созданного и никогда не собиравшегося Имперского тайного совета. С марта 1939 г. по август 1944 г. – протектор Богемии и Моравии. В 1946 г. на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников приговорен к 15 годам тюремного заключения; освобожден в 1954 г. Умер в ФРГ в августе 1956 г.

{32} Сокращенное наименование нацистской партии от нем.: Nazionalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei (NSDAP) – Национал-социалистическая рабочая партия Германии.

{33} Принятое в НСДАП наименование ее членов: Parteigenossen (сокращенно – PGs) – товарищи по партии.

{34} Байройт – город в Баварии, где жил, творил и похоронен выдающийся немецкий композитор Рихард Вагнер (1813-1883), большинство произведений которого создано по мотивам германского национального эпоса (например, «Песни о нибелунгах»), что интерпретировалось нацистской идеологией и пропагандой в националистическом и шовинистском духе. С 1882 г. вплоть до 1944 г. здесь проводились ежегодные Вагнеровские празднества. Гитлер был большим поклонником Вагнера, являвшегося к тому же крайним националистом и антисемитом, и часто вместе с другими высшими персонами Третьего рейха посещал их.

{35} Ходили даже слухи о возможной женитьбе Гитлера на Винифред Вагнер, с которой он много лет поддерживал близкие дружеские отношения.

{36} Ганс Юрген Штумпф (1886-1968), генерал-полковник, 1937-1939 гг. – начальник генерального штаба люфтваффе, затем – командующий 1-го и 5-го воздушных флотов, а также воздушного флота «Рейх». 8 мая 1945 г. в качестве представителя ВВС вместе с представителем ВМФ адмиралом Фридебургом участвовал в подписании в Берлине начальником ОКВ генерал-фельдмаршалом Кейтелем Акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии.

{37} Эрхард Мильх (1892-1971), впоследствии генерал-фельдмаршал, а тогда заместитель Геринга по министерству авиации, занимавшийся преимущественно вопросами самолетостроения и авиационного вооружения; позже –

заместитель главнокомандующего люфтваффе. Ранее, в 1923-1933 гг., занимал руководящие посты в авиакомпаниях «Юнкерс» и «Люфтганза». Когда неожиданно обнаружилось «неарийское» происхождение Мильха, Геринг взял своего фаворита под защиту, заявив: «Я сам решаю, кто у меня еврей, а кто нет!». В карьерных целях Мильх не остановился перед публичной компрометацией своей матери, получив от нее «липовое» свидетельство о том, что родился не от ее законного мужа – военного аптекаря Антона Мильха, а является ее внебрачным сыном от любовной связи с неким бароном Германом фон Биром. В 1947 г. был приговорен Международным военным трибуналом в Нюрнберге к пожизненному тюремному заключению, но в мае 1954 г. освобожден. Умер в ФРГ.

{38} Эрнст Удет (1896-1941), генерал-полковник авиации (с июля 1940 г.), начальник Технического управления ОКЛ, именовавшийся «генералмейстером самолетостроения» и в качестве такового возглавлявший авиационную промышленность. Участвовал в Первой мировой войне летчиком-истребителем и был награжден высокими орденами. Фаворит Геринга, благодаря которому, будучи совершенно некомпетентным в этой области, сделал блестящую военную карьеру; алкоголик и наркоман. По его вине были запущены в серийное производство недоработанные и непригодные для боевого использования конструкции бомбардировщика «Хейнкель-177» и истребителя «Мессершмитт-210». Геринг был вынужден признать: «Он полностью провалил нашу программу развития люфтваффе». 15 ноября 1941 г. в состоянии депрессии покончил жизнь самоубийством. Из пропагандистских соображений официально было объявлено, что он погиб при испытании нового самолета.

{39} «За заслуги» (фр.).

{40} Барон Вернер фон Фрич (1880-1939), генерал-полковник, с 1934 г. – главнокомандующий сухопутными войсками. Будучи профессиональным военным, старался быть «вне политики» и от открытой критики гитлеровского режима отказывался, придерживаясь консервативных взглядов также и в области вооруженных сил. Присутствовал в ноябре 1937 г. на совещании высшего генералитета, на котором Гитлер изложил свои агрессивные планы. Считал, что Германия к большой войне не готова, и находил войну против СССР нежелательной. После сфабрикованного Герингом и Гиммлером обвинения в запрещенном законом гомосексуализме требовал «суда чести» с целью доказать свою невиновность. В процессе следствия выяснилось, что в действительности речь шла об отставном майоре по фамилии не Фрич (Fritsch), а Фриш (Frisch). Тем не

менее был вынужден (в чем по различным причинам был заинтересован Гитлер) 4 февраля 1938 г. уйти в отставку. (Его место занял будущий генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич). Гитлер назначил его командиром артиллерийского полка, вместе с которым Фрич участвовал в Польской кампании. Погиб под Варшавой от ранения 22 сентября 1939 г.

{41} Ганс Генрих Ламмерс (1879-1962), имперский министр и начальник Имперской канцелярии, обергруппенфюрер СС (соответствовало генералу рода войск) с 1940 г. На процессе в Нюрнберге в 1949 г. был приговорен к 20 годам тюремного заключения, которое в 1951 г. сократили до 10 лет; в 1952 г. освобожден. Умер в ФРГ.

{42} Отто Майсснер (1880-1953) в течение 25 лет служил начальником Имперской канцелярии – сначала при президенте Германии Пауле фон Гинденбурге (1924-1934 гг.), а затем при рейхсканцлере Гитлере (1934-1945 гг.). Фюрер сохранил этот пост за ним в награду за то, что он оказал на престарелого президента давление с целью назначения Гитлера рейхсканцлером. В 1937 г. был назначен рейх-сминистром. Военный трибунал в Нюрнберге в условиях «холодной войны» вынес ему оправдательный приговор.

{43} Виктор Лутце (1890-1943), начальник штаба СА вместо убитого в «Ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г. Эрнста Рема. Со времени этой кровавой расправы штурмовые отряды почти полностью потеряли свое политическое и военное значение, которое полностью перешло к СС. Погиб в автомобильной катастрофе 2 мая 1943 г.

{44} Фридрих Эберт (1871-1925), первый президент Веймарской республики, один из лидеров Социал-демократической партии Германии (СДПГ), по профессии – шорник. Умер в Берлине 28 февраля 1925 г., незадолго до истечения своего президентского срока (30 июня 1925 г.). Его сменил на этом посту бывший кайзеровский генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург.

{45} имперскими руководителями.

{46}почетный доктор (лат.).

{47} Эрих Редер (1876-1960), гросс-адмирал (с апреля 1939 г.), главнокомандующий военно-морского флота – кригсмарине (нем.: die Kriegsmarine). Личный враг Геринга. Ввиду охлаждения своих отношений с Гитлером 30 января 1943 г. вышел в отставку, сохранив пост почетного инспектора ВМФ. Его сменил адмирал Карл Дениц, бывший командующий подводного флота. В мае 1945 г. вместе с женой оказался в советском плену и был доставлен для допросов в Москву. Международный военный трибунал в Нюрнберге приговорил его к пожизненному

заключению. В январе 1955 г. был освобожден по состоянию здоровья. Умер в Киле (ФРГ) в ноябре 1960 г. Его перу принадлежат мемуары «Моя жизнь».

{48} Альфред Йодль (1890-1946), генерал-полковник, начальник штаба оперативного руководства вермахта, а ранее отдела обороны страны военного министерства. Ближайший советник и помощник Гитлера по оперативно-стратегическим вопросам, один из главных немецких военных преступников. 7 мая 1945 г., будучи уполномочен назначенным Гитлером в его завещании новым главой государства гросс-адмиралом Карлом Деницем, подписал в Реймсе, в штабе Главнокомандующего экспедиционными войсками союзников генерала Дуайта Эйзенхауэра предварительный протокол об общей капитуляции вермахта. Повешен 16 октября 1946 г. по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

{49} Вильгельм Кейтель (1882-1946) – генерал-фельдмаршал (с 1940 г.); в то время – начальник Общего управления (другое наименование – Управление вооруженных сил) имперского военного министерства, которым он стал по совету своего покровителя Бломберга. С февраля 1938 г. – начальник созданного Гитлером штаба Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ), правая рука и ближайший военный советник фюрера, активно участвовавший в подготовке, разработке важнейших операций и ведении Второй мировой войны. В марте 1941 г., т. е. еще до нападения на СССР, будучи уполномочен Гитлером, подписал преступный «приказ о комиссарах», а затем составлял и другие аналогичные документы. Тем не менее, по его словам, неоднократно подавал Гитлеру рапорт об отставке со своего поста и даже (тоже по его утверждению) намеревался покончить жизнь самоубийством. Как один из главных немецких военных преступников предстал перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге, который приговорил его к смертной казни через повешение, обращался к Союзному Контрольному совету в Германии с прошением заменить ее расстрелом, в чем ему было отказано. Повешен 16 октября 1946 г. – Подробно см. о нем в кн.: Вильгельм Кейтель. Размышления перед казнью. Воспоминания, письма и документы начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта. М., ТЕРРА – Книжный клуб, 1998.

{50} Рудольф Гесс (1894-1987), один из руководителей НСДАП, в прошлом – личный секретарь Гитлера, помог ему во время заключения в Ландсбергской крепости после провала Мюнхенского путча 1923 г. в написании его книги «Майн кампф», ставшей кредо национал-социализма. С 21 апреля 1933 г. –

заместитель фюрера по партии. 10 мая 1941 г. (как утверждал Гитлер, без его ведома) совершил полет в Англию с целью предложить ей мир и совместное участие в агрессии против СССР. Был официально объявлен душевнобольным. После войны приговорен Международным военным трибуналом к пожизненному заключению, которое отбывал в западноберлинской тюрьме Шпандау, где скончался при невыясненных обстоятельствах (по английской официальной версии, повесился на проволоке в своей камере).

{51} Пауль Иозеф Геббельс (1897-1945), ближайший сообщник Гитлера в борьбе за приход нацистов к власти и установление их диктатуры, был гауляйтером Берлина. С 13 марта 1933 г. – имперский министр народного образования и пропаганды. В последние месяцы войны – имперский комиссар обороны Берлина. Перед самоубийством Гитлер в своем завещании назначил его рейхсканцлером. Несмотря на категорический приказ фюрера, не покинул Имперскую канцелярию и вместе с женой Магдой покончил жизнь самоубийством, предварительно умертвив своих шестерых малолетних детей. См. его впервые опубликованное на русском языке завещание в кн.: Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., ТЕРРА. 1996, с. 508-511.

{52} Ева Браун (1912-1945). многолетняя любовница Гитлера (бывшая ассистентка его лейб-фотографа Гофмана), с которой он официально сочетался браком в Имперской канцелярии 29 апреля 1945 г., накануне своего самоубийства. Она прибыла в осажденный советскими войсками Берлин, чтобы разделить с ним его участь и войти в историю как его законная супруга Ева Гитлер.

{53} Отто Дитрих (1897-1952), рейхсляйтер, заведующий отделом печати НСДАП, обергруппенфюрер СС (полный генерал), посредственный журналист. С 1938 г. – пресс-секретарь и статс-секретарь имперского министерства пропаганды, имперский шеф безопасности. В 1949 г. приговорен в Нюрнберге к 7 годам тюремного заключения. Автор книги «12 лет с Гитлером».

{54} Зепп (Йозеф) Дитрих (1892-1966), бывший мясник, один из «старых борцов» и верных сообщников Гитлера, славившийся своей свирепостью. Во время Второй мировой войны, будучи в чине генерал-полковника войск СС командовал танковым корпусом, бравшим Париж, а затем, уже на Восточном фронте, – танковой армией войск СС. Был награжден высшими военными орденами (с бриллиантами и дубовыми листьями), но в конце войны из-за неудачных действий своей армии в Венгрии попал в

немилость Гитлера. Осенью 1943 г. был направлен Гитлером в Италию с заданием спасти любовницу Муссолини Клару Петаччи (впоследствии повешенную вместе с дуче в Милане вниз головой итальянскими партизанами во главе с коммунистом Луиджи Лонго). После войны был по обвинению в убийстве американских военнопленных приговорен к длительному тюремному заключению.

{55} Фриц Видеман (1891-1970), капитан в отставке, командир батальона 16-го баварского резервного полка, в котором в годы Первой мировой войны служил будущий фюрер. После войны – землевладелец в Альгау. Вступил в нацистскую партию в 1934 г. С конца 1933 г. до конца 1938 г. – личный адъютант Гитлера. Был направлен им в мае 1938 г. в Лондон с личным поручением информировать министра иностранных дел Великобритании Э. Галифакса о своих намерениях в отношении Судетской области. Присутствовал на Мюнхенской конференции 1938 г. по Чехословакии. В 1939 г. – германский генеральный консул в Сан-Франциско; был выслан из США в июне 1941 г. Затем – консул в Китае. В 1945 г. арестован американцами. После войны приговорен к 28 месяцам тюремного заключения. Написал воспоминания о Гитлере «Человек, который хотел стать полководцем», отрывки из которых см.: Новая и новейшая история, 1998, №5, 1999, №1.

{56} Аббревиатура от нем.: das Nationalsozialistische Kraftfahrerkorps (NSKK) – Национал-социалистический автомобильный корпус, являвшийся одной из военизированных массовых организаций НСДАП.

{57} Мартин Борман (1900-1945?), рейхсляйтер, начальник штаба заместителя фюрера по партии Рудольфа Гесса, а затем личный секретарь и ближайший сообщник Гитлера. После побега Гесса в Англию (май 1941 г.) Гитлер сделал его своим заместителем по партии и начальником Партийной канцелярии, в результате чего Борман стал фактически его «серым кардиналом». 30 апреля 1945 г., после самоубийства Гитлера, исчез из осажденной советскими войсками Имперской канцелярии. Международный военный трибунал в Нюрнберге заочно приговорил его как одного из главных немецких военных преступников к смертной казни. О его дальнейшей судьбе имелись различные версии (в частности, о бегстве в Латинскую Америку). В апреле 1978 г. западноберлинский суд официально признал его умершим.

{58} Тео Морвлль (1890-1946), доктор медицины, специалист по кожно-венерическим болезням, тем не менее ставший личным врачом Гитлера, оказывавшим немалое воздействие на его

психику. Применял для его лечения в больших дозах сильнодействующие стимуляторы и психотропные лекарства. После покушения 20 июля 1944 г. в «Волчьем логове» у Гитлера стала прогрессировать болезнь Паркинсона. Вскоре его стали лечить только профессор Брандт и эсэсовский врач Роберт Штумпфэггер.

{59} Эрих Кемпка (род. в 1910 г.), личный шофер Гитлера, штурмбаннфюрер СС (майор), служил в полку его личной охраны, именовавшемся «лейб-штандарт Адольф Гитлер». Находился до последних дней в Имперской канцелярии. После войны выпустил воспоминания «Я сжег Адольфа Гитлера», сокращенный перевод которых см. в кн.: Откровения и признания, с. 515-533.

{60} Ныне Вроцлав (Польша).

{61} Отрывки из записей застольных бесед Гитлера военных времен см. в кн.: Откровения и признания, с. 123-166.

{62} Генрих Гофман (1885-1957), личный фотограф Гитлера, по знакомивший его со своей ассистенткой Евой Браун. Гитлер во многом обязан ему стремительным ростом своей популярности. Имел звания профессора и имперского фоторепортера. Баснословно обогатился (вместе с самим фюрером) на распространении фотогра фий Гитлера, особенно в неформальной обстановке, выпустил о нем несколько фотоальбомов. В 1947 г, был приговорен западногерман ским судом к 10 годам тюремного заключения с конфискацией имущества за незаконно нажитое состояние, но отсидел всего 5 лет. Умер в Мюнхене.

{63} Так на жаргоне нацистов назывались годы их борьбы против Веймарской республики и за свой приход к власти.

{64} Имеются в виду Ноябрьская революция 1918 г., приведшая к возникновению буржуазно-демократической Веймарской республики, и «национальная революция» 1933 г., т. е. приход Гитлера к власти и установление национал-социалистической диктатуры.

{65} Людвиг Бек (1888-1944), участник Первой мировой войны, генерал-полковник (с 1938 г.), один из организаторов и руководителей германских вооруженных сил. В 1933-1938 гг. – начальник генерального штаба сухопутных войск. Сторонник сохранения вер ховного главнокомандования вооруженных сил в руках консервативного генералитета, а потому выступал против сосредоточения всей полноты командной власти в руках Гитлера как Верховного главнокомандующего вермахта. 30 мая 1938 г., мотивируя это неготовностью вермахта к крупномасштабной европейской (а возможно, и новой мировой) войне, выступал против намеченного Гитлером плана нападения на Чехословакию,

в связи с чем 18 августа 1938 г. был уволен им в отставку. Участвовал в антигитлеровском заговоре 20 июля 1944 г., в случае успеха которого предусматривалось назначение его на пост рейхспрезидепта. В результате провала заговора был арестован и после неудачной попытки самоубийства был пристрелен унтер-офицером в здании бывшего военного министерства на Бендлерштрассе.

{66} Аббревиатура от нем.: das Oberkommando des Heeres (ОКН) – Главное командование сухопутных войск.

{67} die Wehrmacht – вооруженные силы. Это наименование стало употребляться в данном конкретном смысле слова в основном после произведенной Гитлером в феврале 1938 г. реорганизации (под предлогом спровоцированной отставки Бломберга и Фрича) высших командных органов вооруженных сил, в результате которой он стал единоличным Верховным главнокомандующим также и де-факто.

{68} Аббревиатура от нем.: das Oberkommando der Wehrmacht (OK. W).

{69} Так называлось поле, с которого поднимались во время Первой мировой войны и в первой половине 20-х гг. дирижабли известного немецкого конструктора графа Фердинанда фон Цеппелина (1836-1917), сыгравшие определенную роль в ведении Германией военных действий и развитии воздухоплавания.

{70} Франц Гальдер (1884-1972), участник Первой мировой войны, генерал-полковник (с 1940 г.). После отставки генерал-полковника Бека, в 1938-1942 гг. – начальник генерального штаба сухопутных войск. Первоначально тайно сочувствовал Сопротивлению и возглавлял после Мюнхенского соглашения 1938 г. офицерскую оппозицию Гитлеру. (Являясь внутренне противником развязанной Гитлером в 1939 г. Второй мировой войны, тем не менее выполнял его преступные приказы и активно участвовал в подготовке и осуществлении агрессии против СССР, а ранее – ряда европейских стран. Однако осенью 1942 г. был отстранен от своей должности ввиду разногласий с Гитлером в основном по оперативно-тактическим вопросам. В 1944 г. был арестован по обвинению в участии в антигитлеровском заговоре 20 июля 1944 г. и до конца войны находился в концлагере Дахау, откуда 21 апреля 1945 г. был освобожден американскими войсками. Выступал в качестве свидетеля обвинения на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников. Позднее написал книгу «Гитлер как полководец», в которой объявил фюрера главным и единственным виновником поражения Германии. Его «Военные дневники» служат ценным источником по истории Второй мировой войны (отрывки из них

см. в кн.: Откровения и признания).

{71} Эрих фон Манштейн (фамилия усыновителя; настоящие имя и фамилия – Фридрих фон Левински) (1887-1973), генерал-фельдмаршал (с 1942 г.). Участник Первой мировой войны, затем служил в рейхсвере. В 1935-1938 гг. – начальник оперативного отдела и 1-й оберк-вартирмейстер генерального штаба сухопутных войск. В 1939 г. – феврале 1940 г. – начальник штаба группы армий «Юг», а затем «А». Во Французской кампании (1940 г.) командовал 38-м корпусом. В 1941 г. – командир 56-го танкового корпуса, наступавшего на Ленинград. С сентября 1941 г. по июль 1942 г. командовал 11-армией при захвате Крыма и в период боев за Севастополь. С августа 1942 г. руководил боевыми действиями под Ленинградом. С ноября 1942 г. до февраля 1943 г. командовал группой армий «Дон», тщетно пытавшейся деблокировать окруженную под Сталинградом группировку, а затем до марта 1944 г. – группой армий «Юг». За неудачные боевые действия был снят и зачислен в резерв. В 1950 г. как военный преступник приговорен английским военным трибуналом к 10 годам тюремного заключения, но в 1953 г. освобожден. В своих мемуарах «Утраченные победы» (1953 г.) и «Из солдатской жизни. 1887-1939» (1958 г.) вину за поражение Германии возлагает на «дилетанта» Гитлера.

{72} «Галерея полководцев» («Feldherrnhalle») – архитектурное сооружение в Мюнхене, на площади перед которым 9 ноября 1923 г. баварская правительственная полиция пустила в ход оружие и разогнала колонну нацистов во главе с фюрером НСДАП, тем самым ликвидировав путч Гитлера, пытавшегося захватить власть в Баварии и начать марш на Берлин, чтобы свергнуть общегерманское правительство и покончить с буржуазно-демократической Веймарской республикой. Сам Гитлер позорно бежал вместе с Гиммлером, бросив на произвол судьбы убитых и раненых сообщников. После прихода Гитлера к власти они были канонизированы как «мученики» нацистского движения, а сам этот день объявлен национальным праздником.

{73} Ганс Ешоннек (1899-1943), впоследствии – генерал-полковник авиации. Участвовал в Первой мировой войне в качестве летчика. 1 февраля 1939 г. назначен начальником генерального штаба люфтваффе в чине генерал-майора, а в апреле 1942 г. уже произведен в генерал-полковники. 19 августа 1942 г. покончил в Восточной Пруссии жизнь самоубийством из-за чрезмерных требований, предъявляемых Гитлером к авиации, и неправильного командования ею, осуществляемого Герингом.

{74} Титул короля Эдуарда VIII после его отречения от

престола ввиду мезальянса с разведенной американкой Стимпсон. Придерживался прогерманской ориентации и был поклонником Гитлера.

{75} «Германский трудовой фронт» был создан в мае 1933 г. в качестве национального профсоюзного объединения, в принудительном порядке заменившего прежние Свободные профсоюзы Веймарской республики. Возглавлял его ближайший подручный Гитлера, один из главных немецких военных преступников Роберт Лей (1890-1945), известный своей коррумпированностью и алкоголизмом. Будучи привлечен к суду Международного военного трибунала в Нюрнберге, повесился в тюремной камере 24 октября 1945 г., не дожидаясь приговора.

{76} Иоахим фон Риббентроп (1893-1946), по профессии – виноторговец. Один из главных немецких военных преступников, повешенный по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге 16 октября 1946 г. С февраля 1938 г. – имперский министр иностранных дел, до этого, с 1936 г., – германский посол в Великобритании. 23 августа 1939 г. подписал в Москве вместе с Молотовым германо-советский пакт о ненападении с секретным дополнительным протоколом о совместном с СССР разделе Восточноˆ Европы, а 28 сентября того же года – договор о дружбе (!) и границе с гитлеровской Германией. – См. об этом: Иоахим фон Риббентроп. Мемуары нацистского дипломата. Смоленск, РУСИЧ, 1998. (Главы: «Москва», «Внешняя политика во время войны» и «Разрыв с Россией»).

{77} Гуго Шперрле (1885-1953), первый командир авиационного легиона «Кондор», с 1940 г. – генерал-фельдмаршал, награжден Рыцарским крестом. Участник Первой мировой войны. Начал службу в люфтваффе в 1934 г., командуя в чине полковника ее 1-й дивизией. Руководил уничтожением республиканской военно-морской базы в Картахене и мирного испанского города Герника. Участвовал в агрессиях против Польши и Франции, принимал руководящее участие в проигранной люфтваффе воздушной «Битве за Англию». Гитлер отзывался о нем и о генерал-фельдмаршале Вальтере фон Рейхенау, как о своих двух «самых звероподобных генералах». С февраля 1938 г. до конца своей военной карьеры командовал 3-м воздушным флотом, штаб-квартира которого в последний период войны находилась в Париже, где вел роскошный сибаритский образ жизни, пренебрегая своими служебными обязанностями. Не сумел оказать серьезного сопротивления высадке союзников в Нормандии в ийэне 1944 г., за что был снят разгневанным Гитлером и находился не у дел до конца войны. 1 мая 1945 г. был арестован союзниками и на Нюрнбергском процессе осужден за

военные преступления, но 27 октября 1948 г. в условиях «холодной войны» был оправдан и затем прошел денацификацию. Умер в Мюнхене 2 апреля 1953 г.

{78} Акционерное общество – аббревиатура от нем.: die Aktiengesellschaft (AG).

{79} Герберт фон Дирксен (1882-1955), видный германский дипломат. В 1928 г. возглавил Восточный отдел министерства иностранных дел, в том же году был назначен послом в СССР и находился на этом посту до 1933 г. С сентября 1933 г. – посол в Токио, в 1938 г. – посол в Англии. После начала Второй мировой войны вышел в отставку. Впоследствии относился к гитлеровскому режиму критически. Опубликовал в 1950 г. в Штутгарте книгу «Москва – Токио – Лондон. Воспоминания и критические размышления. 20 лет германской военной политики. 1919-1939», содержащую отрицательные характеристики Гитлера, Риббентропа и других высокопоставленных лиц Третьего рейха.

{80} Август Вильгельм, принц Прусский (1887-1949), член НСДАП и приверженец Гитлера, известный в нацистских кругах под кличкой «Ав-Ви» (по первым слогам имени), с 1933 г. – депутат рейхстага. Быстро поднимаясь по нацистской иерархической лестнице, в 1943 г. получил чин обергруппенфюрера СС (полного генерала). Умер в марте 1949 г. в Штутгарте.

{81} Эрих Людендорф (1865-1937), генерал пехоты и политический деятель. Окончил кадетский корпус в 1881 г. С 1894 г. служил в генеральном штабе. Во время Первой мировой войны сначала был обер-квартирмейстером 2-й армии, а затем с 23 августа до ноября 1914 г. – начальником штаба 8-й армии, которая под командованием будущего генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга окружила и разгромила под Танненбергом (Восточная Пруссия) армию русского генерала Самсонова. С ноября 1914 г. был начальником штаба Восточного фронта, а с августа 1916 г. – 1-м генерал-квартирмейстером возглавлявшегося Гинденбургом Верховного руководства вооруженных сил (ОХЛ). 26 октября 1918 г., после ряда неудачных попыток сломить сопротивление англо-французских войск на Западном фронте, вышел в отставку, а затем, после Компьенского перемирия в ноябре 1918 г., эмигрировал в Швецию. Вернувшись весной 1919 г. в Германию, возглавил крайне контрреволюционные силы, выступавшие против Веймарской республики. Сойдясь с национал-социалистами, принял активное участие в гитлеровском Мюнхенском путче 1923 г., но на процессе по этому делу был оправдан. Стал основателем антидемократического и антисемитского «Таннен-бергского

союза». В результате разногласий с рейхспрезидентом Гинденбургом, с одной стороны, и Гитлером – с другой от активной политической деятельности отошел, оставаясь, однако, знаменем реакции. Умер 20 декабря в Татцинге (Бавария).

{82} Эту «верность» Гитлер хорошо показал в «Ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г..

{83} Геринг только 19 июня 1940 г. получил введенный исключительно для него одного уникальный чин рейхсмаршала («имперского маршала»). Еще ранее, 31 августа 1939 г., накануне начала Второй мировой войны, Гитлер назначил его своим преемником на случай собственной смерти.

{84} Граф Вернер Генрих Гельдорф (1896-1944), начальник полиции Берлина в первые годы фашистского режима. Впоследствии – участник антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г., после провала которого арестован, подвергнут пыткам и казнен.

{85} Фриц Гюртнер (1881-1941), имперский министр юстиции в первом кабинете Гитлера. Скоропостижно скончался в Берлине в январе 1941 г. Имелась версия о его насильственной смерти, поскольку он был не согласен с некоторыми решениями и действиями Гитлера.

{86} Генрих Гиммлер (1900-1945), один из главных немецких военных преступников, а также политических и военных деятелей нацистской Германии, агроном по специальности, владелец птицефермы. Первоначально был начальником баварской полиции. С апреля 1934 г., по назначению Геринга, – начальник прусского гестапо. Рейхсфюрер СС и начальник германской полиции, создатель Службы безопасности (СД), имперский министр внутренних дел (с 1943 г.). В конце Второй мировой войны командовал армией резерва, а затем на Восточном фронте – группой армий «Висла», не проявив при этом никаких выдающихся военных способностей. За попытки тайного ведения переговоров с противником о сепаратном мире на Западе Гитлер исключил его из НСДАП и лишил всех занимаемых постов. Бежал из Имперской канцелярии с целью найти себе убежище в Дании, но был схвачен 21 мая 1945 г. британскими войсками с фальшивым паспортом на имя ефрейтора Хитцингера и опознан. При первом же допросе покончил жизнь самоубийством, раскусив ампулу с ядом. Такими ампулами были снабжены все высшие чины СС (зашивались в воротник шинели или мундира).

{87} Геринг был назначен в 1936 г. уполномоченным по Четырехлетнему плану, представлявшему собой программу форсированного перевода экономики страны на военные рельсы с целью подготовки ко Второй мировой войне за установление

мирового господства фашистской Германии.

{88} Версию самого Кейтеля см. в его указанной выше книге «Размышления перед казнью», с. 155-159.

{89} Вальтер фон Рейхенау (1884-1942), предшественник Кейтеля на посту начальника Общего управления военного министерства при Бломберге. Впоследствии (с 1940 г.) – генерал-фельдмаршал, один из наиболее фанатичных нацистских генералов. В качестве командующего различных армий принимал участие в боевых действиях в Польше, Франции и против СССР. С декабря 1941 г. командовал на Восточном фронте группой армий «Юг». Скончался от апоплексического удара (официально погиб при бомбежке) 17 января 1942 г.

{90} За свою угодливость перед Гитлером он получил от генералов презрительную кличку Лакейтель (от нем. Lakai и своей фамилии, которая по-немецки произносится Кайтель).

{91} Хеннинг фон Тресков (1901-1944), генерал-майор, начальник оперативного отдела (1а), а затем штаба группы армий «Центр». Один из главных военных руководителей антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г., организатор ряда неудавшихся покушений на нацистского диктатора, единомышленник и сподвижник полковника графа Клауса Шенка фон Штауффенберга. После неудачного покушения последнего на Гитлера в «Волчьем логове» и провала заговора отправился 21 июля 1944 г. на нейтральную полосу и, имитируя перестрелку, покончил – жизнь самоубийством, подорвав себя ручной гранатой. Впоследствии стали известны его предсмертные слова: «Мы поступили правильно. Через несколько часов я предстану перед Богом […]. Верю, что могу сказать с чистой совестью, что старался бороться против Гитлера. [… J Мы не жалуемся. Тот, кто присоединился к Сопротивлению, поставил на карту судьбу. Достоинство человека в том, готов ли он пожертвовать жизнью ради того, во что верит». – Цит. по: Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996, с. 451. Подробно о нем и о заговоре в целом см., в частности: Will Berthold. Die 42 Attentate auf Adolf Hitler.

{92} 30 января 1933 г. Гитлер конституционным путем пришел к власти благодаря решению рейхспрезидента Гинденбурга назначить его рейхсканцлером и поручить ему формирование коалиционного правительства с участием реакционной партии немецких националистов.

{93} Карл Рудольф Герд фон Рундштедт (1875-1953), генерал-фельдмаршал (с 1940 г.), участник Первой мировой войны. В феврале 1938 г. вместе с 14 другими высокопоставленными офицерами был уволен в отставку в связи с делом Бломберга – Фрича, но в 1939 г. реактивирован. Во время нападения на

Польшу (1939 г.) командовал группой армий «Юг», а в 1940 г. при вторжении во Францию – группой армий «А». В июне – ноябре 1941 г. – командующий группой армий «Юг» на Восточном фронте; за поражение под Ростовом-на-Дону снят с этого поста. В марте 1942 г. – июле 1944 г. и с сентября 1944 г. – главнокомандующий войск на Западе. Был членом «суда чести» над участниками Июльского заговора 1944 г. С марта 1945 г. в отставке. До 1949 г. находился в английском плену. Умер в Ганновере 24 февраля 1953 г.

{94} Вальтер фон Браухич (1881-1948), участник Первой мировой войны, в то время – командующий 1-й армейской группы. Генерал-фельдмаршал (с 1940 г.). 4 февраля 1938 г. был назначен главнокомандующим сухопутных войск. После разгрома под Москвой, вину за который Гитлер возложил на Браухича, он сместил его, приняв командование сухопутными войсками на себя лично. По свидетельским показаниям Браухича на Нюрнбергском процессе (IMT-Prozess. Bd. XX, S. 649), он подал Гитлеру рапорт об уходе со своего поста 7 декабря 1941 г., мотивируя это плохим состоянием здоровья. Гитлер ответил, что подумает, и через десять дней сообщил тому о согласии на его отставку, которая и произошла 19 декабря 1941 г. На следующий же день Браухич вылетел на родину. В своих показаниях он заявил: «Гитлер был роком Германии, и рока этого было не избежать». Умер 16 октября 1948 г. в английском плену.

{95} Это утверждение полностью противоречит свидетельствам самого Риббентропа (в указанных выше мемуарах) о той активной помощи, которую он оказал Гитлеру в приходе к власти (в частности, в его доме велись решающие переговоры об этом с представителями Гинденбурга), а также и в дальнейшем. К тому же он вступил в НСДАП еще 1 мая 1932 г., получив сразу же чин штандартенфюрера СС (полковника), а впоследствии и обергруппенфюрера СС (полного генерала).

{96} Риббентроп скандально прославился тем, что на официальном приеме у короля Георга VI приветствовал его по нацистскому образцу – резко вскинутой вверх рукой, чем даже напугал никак не ожидавшего этого жеста монарха.

{97} Так прусский аристократ и бывший кайзеровский генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург называл «плебея» и «выскочку» Гитлера, хотя приближенные не раз напоминали ему, что тот не является выходцем из Богемии (Чехии), а родился в австрийском городе Браунау на реке Инн.

{98} Герман Эссер (1900-1981), один из ближайших сообщников Гитлера в ранние годы нацистского движения, ярый антисемит; был замешан в уголовном преступлении и вел себя

аморально даже по нацистским понятиям. Занимал различные партийные и государственные посты. В 1949 г. при прохождении денацификации был приговорен западногерманским судом к 10 годам тюрьмы (условно), лишению гражданских прав (пожизненно) и конфискации имущества.

{99} О немецком изобразительном искусстве в период нацизма см. главы «Время диктатур. 1933-1941» и «Вторая мировая война. 1941-1945» в совместном германо-российском издании «Berlin – Moskau, Берлин – Москва». Берлин, Мюнхен, М., 1996.

{100} Ганс Франк (1900-1946), рейхсляйтер, один из главных немецких военных преступников, приговоренный Международным военным трибуналом к повешению (казнен 16 октября 1946 г.). Генерал-губернатор захваченной западной части Польши, известный своими зверствами создатель лагерей смерти Освенцим (нем. название: Аушвиц) с филиалами Биркенау, Майданек и др. На Нюрнбергском процессе всячески поносил фюрера, обвиняя его единоличным виновником всех нацистских преступлений.

{101} Франц фон Папен (1879-1969), германский политический деятель и дипломат. В июле – ноябре 1932 г. – рейхсканцлер, в январе – ноябре 1933 г. – вице-канцлер в правительстве Гитлера, приходу к власти которого он активно содействовал. С июля 1934 г. до марта 1938 г. – посол в Австрии, аншлюсу (присоединению) которой к Германии всячески способствовал. Будучи в 1939-1944 гг. послом в Турции, стремился вовлечь ее во Вторую мировую войну на стороне фашистского блока. В апреле 1945 г. был арестован американскими войсками, а затем предстал перед Международным военным трибуналом, который (вопреки особому мнению судьи от СССР) его оправдал. Немецкая комиссия по денацификации приговорила его как военного преступника к 8 месяцам тюрьмы. Умер в ФРГ.

{102} Курт Шушниг (1897-1977), австрийский политический деятель. 'В июле 1934 г. (после убийства австрийскими нацистами Эн-гельберта Дольфуса) стал федеральным канцлером Австрии. 11 июля 1936 г. заключил с Германией договор о дружбе, а в марте 1938 г. под неприкрытым давлением Гитлера, угрожавшего немедленным вооруженным вторжением в Австрию, был вынужден согласиться на ее аншлюс с Третьим рейхом. 11 марта 1938 г. оказался вынужденным уйти в отставку, а на рассвете 12-го германские войска вступили в Австрию. Вскоре арестован гестапо и отправлен в концлагерь, где пробыл до мая 1945 г. В 1956 г., получив американское гражданство, стал профессором

Сант-Луисского университета.

{103} Артур Зейсс-Инкварт (1892-1946), по национальности – австриец, лидер австрийских нацистов. 30 апреля 1938 г. Гитлер назначил его рейхсштатсгальтером (имперским наместником) Австрии, которая после аншлюса получила официальное наименование Остмарк, т. е. Восточная провинция рейха. Позднее стал заместителем главы генерал-губернаторства Польши Ганса Франка. В 1940-1945 гг. – рейхскомиссар Нидерландов. Перед самоубийством Гитлер назначил его министром иностранных дел и заместителем Геббельса, который, по его завещанию, должен был стать новым рейхсканцлером. По приговору Международного военного трибунала повешен 16 октября 1946 г. как один из главных немецких военных преступников.

{104} первый среди равных (лат.).

{105} Федор фон Бок (1880-1945), генерал-фельдмаршал (с 1940 г.). Участвовал в Первой мировой войне. С 1935 г. командовал армейским корпусом, а при вступлении в Австрию – 8-й армией. Во время Второй мировой войны – командующий группы армий «Север» в Польской (1939 г.) и Французской (1940 г.) кампаниях. С июня 1941 г. до 18 декабря 1941 г. командовал на германо-советском фронте группой армий «Центр», наступавшей на Москву, а в январе – июле 1942 г. – группами армий «Юг» и «Б». Затем находился в резерве. Убит при налете английской авиации по пути в Гамбург 4 мая 1945 г.

{106} Полк личной охраны Гитлера.

{107} «Кольцо» – название садового кольца в Вене.

{108} Гели (Ангела) Раубаль (1908-1931), двоюродная племянница Гитлера (дочь сводной сестры), любовница «дяди Альфа», с которой он познакомился в 1929 г. (она будто бы являлась его первой любовью). Имеются сведения, что сексуальные отношения Гитлера с нею носили извращенный садомазохистский характер. Он обращался с ней деспотически (в частности, ревновал к своему шоферу). По официальной версии, 18 сентября 1931 г. она была найдена застреленной в частной квартире Гитлера на Принцрегентштрассе в Мюнхене. Следствие результатов не дало, а ее смерть была выдана за самоубийство. Однако вскоре духовник Гели отец Бернард был обнаружен тоже застреленным в пригородном лесу.

{109} Рейнхард Гейдрих (1904-1942), бывший морской офицер, ранее судимый «судом чести». С 1932 г. – начальник Службы безопасности (СД) нацистской партии, в 1933 г. – начальник политической полиции Баварии, с 1939 г. – начальник Главного управления имперской безопасности (РСХА). С осени 1941 г. – заместитель протектора Богемии (Чехии) и Моравии.

Умер 4 июня 1942 г. в результате покушения чешских борцов Сопротивления. Участвовал в дезинформации (с ведома и одобрения Гитлера) Сталина (через президента Чехословакии Бенеша) об «измене» маршала Тухачевского.

{110} Буквально: «народные немцы» – нацистское наименование этнических немцев, проживавших вне границ рейха.

{111} «Зеленая» – кодовое наименование секретного плана нападения на Чехословакию.

{112} Карл Генрих фон Штюльпнагель (1886-1944), генерал, с ноября 1938 г. по июнь 1940 г. – обер-квартирмейстер генерального штаба сухопутных войск. С момента нападения на СССР командовал 17-й армией. С февраля 1942 г. – командующий германских оккупационных войск во Франции, где присоединился к участникам антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г. По кодовому сигналу заговорщиков «Валькирия» арестовал в Париже 1200 высокопоставленных чинов СС и гестапо. После провала заговора был вызван Кейтелем в Берлин. По пути пытался в районе Седана застрелиться, но остался жив, потеряв зрение. Казнен 30 августа того же года в берлинской каторжной тюрьме Плеетцензее.

{113} Эрвин фон Вицлебен (1881-1944), генерал-фельдмаршал (с 1940 г.). С 1935 г. – командующий 3-го военного округа. С начала Второй мировой войны по октябрь 1940 г. командовал 11-й армией, а до марта 1941 г. – группой армий «Д», затем до февраля 1942 г. был командующим германских войск на Западе. Вышел в отставку в 1942 г. Являлся одним из руководителей антигитлеровского Июльского заговора 1944 г., предназначался заговорщиками на пост Главнокомандующего вооруженных сил Германии. После провала заговора предан суду Народного трибунала под председательством известного своей жестокостью кровавого судьи Роланда Фрайзлера. Желая унизить бывшего фельдмаршала, Гитлер (которому ежедневно показывали съемку процесса скрытой камерой, вмонтированной в перекрестье свастики на задней стене зала заседаний) приказал срезать на брюках подсудимого пуговицы, чтобы тот был вынужден все время подтягивать их. Был приговорен к смертной казни и по личному распоряжению Гитлера зверски повешен за горло на крюке для мясных туш.

{114} Эрих Гепнер (1886-1944) генерал-полковник. Впоследствии командовал на Восточном фронте 4-й танковой армией. Во время сражения за Москву был 8 декабря 1941 г. уволен из вермахта за самовольный отвод входившего в состав его армии 6-го армейского корпуса, предпринятый с целью

спасения своих войск. Позднее активно участвовал в антигитлеровском заговоре 20 июля 1944 г. и был казнен 2 августа того же года.

{115} Гейнц Вильгельм Гудериан (1888-1954), генерал-полковник (с 1940 г.). Участник Первой мировой войны. В 1935-1938 гг. – командир танковой дивизии и армейского корпуса, а в 1939-1940 гг. – танкового корпуса. Получил известность своими книгами о массированном применении танков. Командовал на германо-советском фронте 2-й танковой группой (с октября 1941 г. – 2-й танковой армией). После разгрома под Москвой отчислен в резерв. С марта 1943 г. – генерал-инспектор танковых войск. С июля 1944 г. – начальник генерального штаба сухопутных войск, в марте 1945 г. снят с этого поста за крупные неудачи на Восточном фронте. Был взят в плен американскими войсками, но вскоре освобожден. Автор книги «Упущенные победы». Умер в ФРГ.

{116} Эрнст Буш (1885-1945), генерал-фельдмаршал (с 1943 г.). С февраля 1938 г. – командующий 8-м военным округом. В 1938 г. вместе с Рейхенау активно поддерживал намерение Гитлера о вооруженном вторжении в Чехословакию. Участвовал в агрессии против Польши (1939 г.), во Французской кампании (1940 г.), а затем в военных действиях на германо-советском фронте в качестве командующего 16-й армии. С ноября 1943 г. командовал группой армий «Центр», после разгрома которой в Белоруссии летом 1944 г. смещен и отправлен в резерв. С марта 1945 г. командовал группировкой войск на северо-западе Германии. Умер 17 июля 1945 г. в английском плену.

{117} Франц Тодт (1891-1942), генерал, имперский министр вооружения и боеприпасов (с 1940 г. до 1942 г.). Возглавлял созданную в 1933 г. специальную военно-строительную организацию по сооружению военных объектов (известна как «Организация Тодта»). В 1938 г. ему было поручено возведение Западного вала. Погиб в феврале 1942 г. в авиационной катастрофе под Растенбургом. Его преемником на посту министра стал Альберт Шпеер.

{118} Аббревиатура от нем.: die Fliegerabwehrkanone (Flak) – зенитная пушка.

{119} Аббревиатура от нем: das Sturmkampfflugzeug (Stuka) – пикирующий бомбардировщик.

{120} Ныне Вроцлав (Польша)

{121} Морис Гюстав Гомелей (1877-1958), французский генерал. С 3 сентября 1939 г. – Главнокомандующий союзных войск во Франции. Один из главных виновников разгрома Франции вермахтом в 1940 г.

{122} Аббревиатура от нем.: die Panzerabwehrkanone (Pak), – противотанковая пушка.

{123} Йоханнес Бласковиц (1883-1948), генерал пехоты (с 1935 г.), кадровый офицер рейхсвера. В дальнейшем командовал 2-м военным округом, в сентябре 1939 г. – 8-й армией во время Польской кампании, а затем всеми войсками в генерал-губернаторстве. В 1944 г. стал командующим группы армий «Г» при командующем войск на Западе фельдмаршале Рундштедте, а в начале 1945 г. командовал войсками в Нидерландах. После войны американский военный трибунал предъявил ему обвинение по 12 пунктам, но 5 февраля 1948 г. он, не дожидаясь суда, покончил жизнь самоубийством в Нюрнбергской тюрьме.

{124} Надьбеньян Миклош Хорти (1868-1957), фашистский диктатор Венгрии в 1920-1946 гг. 19 марта 1944 г. с его согласия германские войска оккупировали эту страну.

{125} Вильгельм Адам (1877-1949), генерал-лейтенант, ранее командовал 7-м военным округом в Мюнхене, являлся одно время предшественником генерал-полковника Бека, возглавлял западную группировку войск, а с 1939 г. являлся начальником Академии сухопутных войск; был известен своей прямолинейностью и критическим отношением к Гитлеру. Его упоминаемый доклад вызвал ярость у Гитлера, грубо заявившего: «Солдат, который не сумеет удержать такие укрепления, – просто каналья! (Hundsfott)». Был смещен с занимаемого поста 27 ноября 1938 г. Умер в Западной Германии в апреле 1949 г.

{126} Генерал-полковник Франц Гальдер, преемник Бека на посту начальника генерального штаба сухопутных войск, примкнув к офицерской оппозиции, считал необходимым устранить Гитлера («Неужели не найдется никого, кто бы застрелил эту собаку!») и даже был готов сам сделать это (специально имел при себе пистолет при докладах фюреру). – Подробно см. в кн.: Will Berthold. Die 42 Attentate auf Adolf Hitler.

{127} Об активном участии Браухича в германском движении Сопротивления никаких достоверных данных не имеется.

{128} Невилл Чемберлен (1869-1940), английский государственный и политический деятель, дипломат. В 1937-1940 гг. – премьер-министр Великобритании, лидер консервативной партии. Известен своей политикой «умиротворения» фашистского агрессора.

{129} Министром иностранных дел Великобритании в 1938-1940 гг. являлся видный государственный деятель и дипломат барон Ирвин, граф Эдуард Фредерик Линдлей Вуд Галифакс (1881-1959), активный сторонник «умиротворения» гитлеровской Германии.

{130} Вальтер Хевель (1904-1945), посол по особым поручениям (с марта 1943 г.); с 1939 г. – личный представитель имперского министра иностранных дел Риббентропа в Ставке фюрера. В последние дни войны покончил жизнь самоубийством.

{131} «Дворец спорта» (нем.).

{132} Эдуард Даладье (1884-1970), французский государственный и политический деятель. В 1933, 1934 и 1938 гг. – премьер-министр.

{133} Один из участников движения Сопротивления, видный германский дипломат Эрих Кордт писал тогда: «Надежды… на устранение Гитлера были созывом Мюнхенской конференции сведены на нет». – Цит. по: Erich Kordt. Wahn und Wirklinchkeit. Stuttgart, 1948, S. 128.

{134} Густав Крупп фон Болен-унд-Гальбах (1870-1950), крупнейший магнат металлургической и военной промышленности, а также банкир, оказывавший щедрую материальную поддержку нацистскому движению и финансировавший Гитлера (о чем он позднее рассказал в своей книге «Я платил – Гитлеру»). Принимал активное участие в вооружении вермахта для агрессии. На его предприятиях широко использовался труд военнопленных и узников концлагерей. В 1948 г. предстал как военный преступник перед американским военным трибуналом, но был освобожден от уголовной ответственности ввиду преклонного возраста и по состоянию здоровья. Умер в Австрии 16 января 1950 г.

{135} Клайпедскую, принадлежавшую Литве.

{136} Имеются в виду годы борьбы нацистов против Веймарской республики за установление своей диктатуры.

{137} Фриц Заукель (1894-1946), один из главных немецких военных преступников. Был с 1927 г. гауляйтером Тюрингии. Во время Второй мировой войны – имперский комиссар по мобилизации и распределению рабочей силы, широко использовал в военной промышленности рабский труд заключенных концлагерей и иностранных рабочих, насильственно угнанных из оккупированных стран и областей СССР. Повешен в Нюрнберге по приговору Международного военного трибунала.

{138} «Хрустальная ночь» (die Kristallnacht) на самом деле являлась заранее подготовленной по всему рейху акцией, что, несомненно, не могло произойти без ведома Гитлера или его санкции. Об этом свидетельствует, в частности, секретный документ гестапо, адресованный «всем органам и руководящим инстанциям государственной полиции». В нем, в частности, указывалось: «В ближайшие часы по всей Германии состоятся выступления против евреев, особенно в отношении синагог. […]

Не препятствовать. […] Подготовить по всей империи арест примерно 20-30 тысяч евреев. Отобрать в первую очередь зажиточных. Дальнейшие указания поступят в течение ночи. К проведению операции могут быть привлечены как части СС особого назначения, так и „Общие СС“. Начальник II отдела гестапо Мюллер» (будущий начальник IV управления (гестапо) Главного управления имперской безопасности). Начальник полиции безопасности (СД) Гейдрих (будущий шеф РСХА) докладывал Герингу, в ведении которого находилось гестапо: «Подожжена 191 синагога. 76 полностью разрушены. Кроме того, подожжены 11 общинных домов, кладбищенских молелен и тому подобных заведений. Схвачено 20000 евреев». – Цит, по: Юлиус Мадер. По следам человека со шрамами. М., 1963, с. 28-30.

{139} Берлинский конгресс (1878 г.) европейских великих держав (включая Турцию), проходивший под председательством рейхсканцлера Отто фон Бисмарка, по требованию Великобритании пересмотрел условия предварительного Сан-Стефанского договора: России пришлось отказаться от создания Великой Болгарии, Австро-Венгрия получила за счет Турции Боснию и Герцеговину, а Кипр стал самостоятельным.

{140} Франц фон Ленбах (1836-1904), крупный немецкий художник-портретист периода «грюндерства» (строительного и финансового бума) после создания Бисмарком Второго рейха в 1871 г.

{141} Юзеф Бек (1894-1844) являлся министром иностранных дел Польши в 1932-1939 гг.

{142} Юзеф Пилсудский (1867-1935), польский политический и государственный деятель. Во время Первой мировой войны командовал польским легионом, сражавшимся на стороне Австро-Венгрии. В 1918 г. провозглашен «начальником» Польского государства. В 1926 г. совершил государственный переворот и установил «санационный» режим; до своей смерти оставался фактическим диктатором Польши.

{143} Князь Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк (1815-1898), германский государственный деятель и дипломат, министр-президент Пруссии. Завершил в январе 1871 г., после Франко-прусской войны, объединение Германии под эгидой Пруссии и стал ее первым рейхсканцлером. Проводя свою политику союзов на Западе, приведшую в 1882 г. к созданию Тройственного союза (Германия, Австрия и Италия), дабы избежать возможной войны на два фронта, заключил в 1887 г. с Россией так называемый Договор перестраховки и выступал за добрососедские отношения с нею.

{144} Имеется в виду ведшаяся в 1864 г. под руководством

Бисмарка война Пруссии против Дании, закончившаяся присоединением Шлезвиг-Гольштейна к Пруссии, что дало ей выход в Балтийское море.

{145} немецкое название ВМФ (die Kriegsmarine).

{146} ныне Клайпеда (Литва).

{147} Здесь и далее автор употребляет в оригинале немецкие названия чехословацких городов: Прессбург (Братислава), Ольмюц (Оломуц), Брунн (Брно) и др.

{148} Иосиф Тисо (1887-1947), словацкий политический и государственный деятель. В октябре 1938 г. – руководитель «независимого» правительства Словакии, а с октября 1939 г. до апреля 1943 г. – глава Словацкого государства. Казнен в 1947 г. за сотрудничество с гитлеровской Германией.

{149} Эмиль Гаха (1872-1945), чехословацкий государственный деятель. 30 ноября 1938 г. стал президентом Чехословакии. 15 марта 1939 г. вместе с министром иностранных дел Я. Хвалковским подписал в Берлине акт о ликвидации независимости Чехословакии. Затем Гитлер назначил его президентом протектората Богемия и Моравия.

{150} Альбрехт фон Валленштейн (1583-1634), герцог Фридляндский, кайзеровский генералиссимус, выдающийся германский полководец в Тридцатилетней войне 1618-1648 гг., по происхождению – аристократ из Чехии. Герой одноименной драмы Фридриха Шиллера.

{151} Ныне Свиноуйсьце (Польша).

{152} Альфред фон Тирпиц (1849-1930), гросс-адмирал. В 1897-1916 гг. возглавлял имперское военно-морское ведомство, проводил политику создания крупного, предназначенного для агрессии военно-морского флота; во время Первой мировой войны требовал ведения неограниченной подводной войны.

{153} «Сила благодаря радости» («Kraft durch Freude») – национал-социалистическая организация в составе «Германского трудового фронта», занимавшаяся вопросами досуга, развлечений и отдыха рабочих и служащих. Являлась важным средством социальной демагогии гитлеровского режима в духе «хлеба и зрелищ» с целью создать картину «народного благоденствия» в Третьем рейхе.

{154} «Белый» (нем.).

{155} Имеется в виду заключенный в 1934 г. Германией и Польшей договор о ненападении. Выступая несколькими месяцами позднее, 22 августа 1939 г., перед нападением на Польшу, на секретном совещании высшего генералитета вермахта Гитлер цинично заявил: «Мой пакт с Польшей был задуман просто как выигрыш времени». И затем добавил о подлежавшем подписанию на следующий день германо-советском договоре о ненападении: «А впрочем, господа, с Россией ведь проделывается то же самое, что я уже освоил на примере Польши!». – Цит. по сб.: Откровения и признания, с. 95-96.

{156} Вальтер Варлимонт (род. в 1895 г.), генерал-майор, впоследствии – заместитель начальника штаба оперативного руководства вермахта генерал-полковника Йодля. 6 декабря 1940 г. Гитлер поручил ему совместно с Йодлем подготовить план нападения на СССР, впоследствии ставший известным под кодовым наименованием план «Барбаросса».

{157} Речь идет о подписанной Гитлером совершенно секретной «Директиве о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939-1940 гг.», в которой, в частности, говорилось: «Будущие задачи вооруженных сил и необходимые для их выполнения подготовительные меры будут мною изложены в особой директиве». – Цит. по: В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. М., 1973, т. 1, с. 360.

{158} ретроспективный обзор (фр.).

{159} Фактически же эти денежные средства шли за счет трудящихся – членов «Германского трудового фронта» и пайщиков «Фольксвагена» на моторизацию вермахта и финансирование милитаристского формирования НСДАП – «Национал-социалистический автомобильный корпус» (НСКК). Массовый выпуск «фольксвагенов» начался только после войны.

{160} Как известно, Гитлер намеревался создать в Линце огромный музей за счет награбленных во время Второй мировой войны в оккупированных европейских странах и в оккупированных областях СССР произведений мирового искусства, представляющих уникальную художественную

ценность.

{161} Свои истинные цели, связанные с нападением на Польшу и заключением 23 августа 1939 г. германо-советского договора о ненападении («пакт Молотова – Риббентропа») с дополнительным секретным протоколом о разделе обоюдных сфер влияния Гитлер с предельной откровенностью и цинизмом высказал на секретном совещании высшего генералитета вермахта на Оберзальцберге 22 августа 1939 г.. Это выступление приводится нами ниже с сокращениями. «[…] Мне было ясно, что раньше или позже дело должно дойти до столкновения с Польшей. Я принял решение еще весной, но думал, что сначала через несколько лет выступлю против Запада, а уже потом против Востока. Однако последовательность во времени не поддается определению заранее. К тому же нельзя закрывать глаза на угрожающее положение. Первоначально я хотел установить с Польшей приемлемые отношения, чтобы потом начать борьбу против Запада. Однако этот импонирующий мне план оказался неосуществимым, поскольку изменились существенные обстоятельства. Мне стало ясно: при столкновении с Западом Польша нападет на нас […] в неблагоприятный для нас момент. В качестве причин таких соображений приведу следующие. Прежде всего два обстоятельства персонального значения. Первое […]: Ввиду моих политических способностей все в значительной мере зависит от моего существования. Ведь это факт, что никто, пожалуй, не пользуется таким доверием немецкого народа, как я. В будущем, верно, не будет другого человека, который имел бы больший авторитет, чем имею я. Следовательно, мое существование есть фактор огромного значения. Но я могу быть в любой момент уничтожен каким-нибудь преступником, каким-нибудь идиотом. Второй персональный фактор – это дуче. Его существование тоже имеет решающее значение. Если с ним что-нибудь случится, союзническая верность Италии больше не сможет быть надежной. На противной стороне в том, что касается влиятельных личностей, картина негативная. В Англии и Франции личностей крупного масштаба нет. Нам принимать решения легко, нам терять нечего, мы можем только приобрести. Наше экономическое положение таково, что мы сможем еще продержаться всего несколько лет. Геринг может это подтвердить. Нам не остается ничего, кроме как действовать. Наши противники рискуют многим, а выиграть могут немного. […]. Отношения с Польшей стали невыносимыми. […] Принятию моих предложений Польше (Данциг, коридор) мешало вмешательство Англии. Польша сменила свой тон по отношению к нам. Состояние напряженности на длительный срок нетерпимо.

Закон действия не должен перейти в другие руки. […]. Мы должны с безоглядной решимостью пойти на риск. […]. Мы стоим перед лицом суровой альтернативы: либо нанести удар, либо быть раньше или позже уничтоженными. […] Нужны железные нервы. Железная решимость. […]. Противник все еще надеялся, что Россия после завоевания нами Польши выступит как [наш] враг. Но противники не учли моей огромной способности принимать решения. Наши противники – мелкие черви. Я видел их в Мюнхене. Я был убежден, что Сталин никогда не пойдет на английское предложение. (Речь идет об англо-французских переговорах с СССР в Москве летом 1939 г. – Перев.). Россия не заинтересована в сохранении Польши, а потом Сталин знает, что режиму его конец – все равно, выйдут ли его солдаты из войны победителями или же побежденными. Решающее значение имела замена Литвинова [Молотовым]. Поворот в отношении России я провел постепенно. В связи с торговым договором мы вступили в политический разговор. Предложение Пакта о ненападении. Затем от России поступило универсальное предложение. Четыре дня назад я предпринял особый шаг, который привел к тому, что Россия ответила, что готова на заключение Пакта. Установлена личная связь со Сталиным. Фон Риббентроп послезавтра заключит договор. Итак, Польша находится в том состоянии, в каком я хотел ее видеть. Нам нечего бояться блокады. Восток поставляет нам пшеницу, скот, уголь, свинец, цинк. Это огромная цель, которая требует огромных сил. Боюсь только одного: как бы в последний момент какая-нибудь паршивая свинья не подсунула мне свой план посредничества. В своей политической цели я иду дальше. Начало разрушению господствующего положения Англии положено. После того как я осуществил политические приготовления, путь солдатам открыт. Нынешнее обнародование Пакта о ненападении с Россией подобно разорвавшемуся снаряду. Последствия – необозримы. Сталин тоже сказал, что этот курс пойдет на пользу обеим странам. Воздействие на Польшу будет чудовищным. […] С осени 1938 г. […] решение идти вместе со Сталиным. В сущности – только три великих государственных деятеля во всем мире: Сталин, я и Муссолини. Муссолини – слабейший. [..;] Сталин и я – единственные, кто видит будущее. Таким образом, через несколько недель я протяну Сталину руку на общей германо-русской границе и вместе с ним предприму раздел мира. […] Генерал-полковник Браухич обещал мне закончить войну с Польшей за несколько недель. Если бы он доложил, что мне потребуется для этого два года или хотя бы только год, я не дал бы приказа о выступлении и на время заключил бы союз не с

Россией, а с Англией. Ведь никакой длительной войны мы вести не сможем. […]. Даладье и Чемберлен […] окажутся слишком трусливы, чтобы напасть [на нас]. Они не выйдут за рамки блокады. А у нас против этого -наша автаркия и русское сырье. […]. После смерти Сталина, а он -тяжелобольной человек, мы разгромим Советский Союз, тогда забрезжит заря германского господства на всем земном шаре. […] Ведение новой войны соответствует установлению новой границы. Вал от Ревеля (Таллинн. – Перев.), Люблина, Кошице до устья Дуная. Остаток получают русские. Риббентропу дано указание принимать любое требование русских. […] Я дам пропагандистский повод к развязыванию войны, безразлично, правдоподобен он или нет. Победителя потом не спрашивают, говорил он правду или же нет. Когда нападают и ведут войну, дело не в праве, а в победе». – Цит. по сб.: Откровения и признания, с. 91-96.

{162} Альвин Альбрехт, корветтен-капитан, военно-морской адъютант Гитлера.

{163} Граф Галеаццо Чиано (1903-1944), государственный и политический деятель Италии, дипломат. В 1936-1943 гг. – ее министр иностранных дел. Зять Муссолини. В январе 1944 г. расстрелян по приговору фашистского военного трибунала за участие в заговоре против Муссолини.

{164} Немецкое название польского города Грудзенс.

{165} повод для войны (лат.).

{166} Выступление Гитлера на этом секретном совещании высшего командования вермахта см. на стр. 211-213 настоящей книги.

{167} Ганс фон Сект (1886-1936), генерал-полковник, командующий рейхсвера – вооруженных сил Веймарской республики. Поддерживал в 20-е годы тесные контакты с Красной Армией и являлся одним из организаторов тайного сотрудничества с нею с целью в нарушение и обход Версальского мирного договора 1919 г. осуществить новое вооружение Германии. Первоначально относился к нацизму отрицательно, но впоследствии признал гитлеровский режим. В 1930-1932 гг. – депутат рейхстага, в 1934-1935 гг. – военный советник Чан Кайши в Китае. Умер в Берлине 29 декабря 1936 г.

{168} О подготовке и заключении германо-советского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. с дополнительным секретным протоколом подробно см.: Иоахим фон Риббентроп. Мемуары нацистского дипломата. М., РУСИЧ, 1998, с. 187-192. В частности, Риббентроп констатирует: «В начале беседы [со Сталиным] я высказал желание Германии поставить германо-советские отношения на новую основу и прийти к компромиссу

наших интересов во всех областях; мы хотим договориться с Россией на самый долгий срок. […] Затем заговорил Сталин. Кратко, точно, без лишних слов. То, что он говорил, было ясно и недвусмысленно и показывало, как мне казалось, желание компромисса и взаимопонимания с Германией. Сталин использовал характерное выражение: хотя мы многие годы поливали друг друга бочками навозной жижи, это еще не причина для того, чтобы мы не смогли поладить друг с другом. Свою речь 10 марта 1939 г. он произнес сознательно, чтобы намекнуть о своем желании взаимопонимания с Германией. Как видно, у нас это поняли правильно. Ответ Сталина был столь позитивен, что после первой принципиальной беседы, в ходе которой мы конкретизировали взаимную готовность к заключению пакта о ненападении, мы сразу же смогли договориться о материальной стороне разграничения наших обоюдных интересов и особенно по вопросу о германо-польском кризисе. На переговорах царила благоприятная атмосфера, хотя русские известны как дипломаты упорные. Были разграничены сферы интересов в странах, лежащих между Германией и Советским Союзом. Финляндия, большая часть Прибалтийских государств, а также Бессарабия были объявлены принадлежащими к советской сфере. На случай возникновения германо-польского конфликта, который в создавшемся положении казался не исключенным, была согласована „демаркационная линия“. […] Затем в том же самом помещении (это был служебный кабинет Молотова) был сервирован небольшой ужин на четыре персоны. В самом начале его произошло неожиданное событие: Сталин встал и произнес короткий тост, в котором сказал об Адольфе Гитлере, как о человеке, которого он всегда чрезвычайно почитал. В подчеркнуто дружеских словах Сталин выразил надежду, что подписанные сейчас договоры кладут начало новой фазе германо-советских отношений. Молотов тоже встал и тоже высказался подобным образом. Я ответил нашим русским хозяевам в таких же дружеских выражениях. Таким образом, за немногие часы моего пребывания в Москве было достигнуто такое соглашение, о котором я при своем отъезде из Берлина и помыслить не мог и которое наполняло меня величайшими надеждами насчет будущего развития германо-советских отношений. [… J. Когда я докладывал Адольфу Гитлеру о московских переговорах, у меня сложилось впечатление, что и он, безусловно, воспринимает этот компромисс с Россией всерьез».

{169} См. также письменное заявление заместителя статс-секретаря министерства иностранных дел Германии посла Фридриха Гауса от 15 марта 1946 г., сделанное для

Международного военного трибунала в Нюрнберге. В нем говорится: «23 августа около полудня самолет имперского министра иностранных дел, которого я сопровождал в качестве советника по международно-правовым вопросам на запланированные переговоры, прибыл в Москву. Во второй половине того же дня состоялась первая беседа господина фон Риббентропа с господином Сталиным […]. С этой долго продолжавшейся беседы имперский министр иностранных дел вернулся весьма удовлетворенный и высказался в том смысле, что все это, можно не сомневаться, приведет к заключению тех соглашений, к которым стремится германская сторона. Продолжение переговоров, при котором должны были быть обсуждены и изготовлены подлежащие подписанию документы, намечено на поздний вечер I…]. С русской стороны переговоры велись господами Сталиным и Молотовым [..,]. Быстро и без всяких трудностей было достигнуто соглашение относительно текста германо-советского пакта о ненападении. […] По сравнению с пактом о ненападении гораздо дольше велись переговоры об особом секретном документе, который, как мне помнится, получил наименование „секретный протокол“ или „секретный дополнительный протокол“ и содержание которого сводилось к разграничению сфер интересов обеих сторон на европейских территориях, лежащих между обоими государствами […]. Что касается польской территории, то была установлена демаркационная линия. […]. В отношении Польши было достигнуто соглашение примерно того содержания, что обе державы рассматривают окончательное урегулирование относящихся к этой стране вопросов во взаимном согласии […]. Пока готовились чистовые экземпляры документов, господину Риббентропу был подан завтрак, во время которого он в ходе возникшей беседы рассказал, что публичная речь Сталина, произнесенная весной [на XVIII съезде партии], содержала одну фразу, которая, хотя Германия в ней и не была названа, была воспринята так, будто господин Сталин тем самым хотел намекнуть, что Советское правительство считает возможным и желательным достигнуть лучших отношений с Германией. На это господин Сталин ответил лаконичной репликой […]: „Таково было намерение“. В сделанной тем же Гаусом протокольной записи беседы Риббентропа со Сталиным и Молотовым после подписания документов в ночь с 23 на 24 августа 1939 г. говорилось: „В ходе беседы Сталин спонтанно произнес речь в честь фюрера: „Я знаю, как сильно немецкий народ любит своего фюрера, и потому хотел бы выпить за его здоровье“1…]. При прощании господин Сталин заявил господину имперскому

министру иностранных дел, что Советский Союз никогда не обманет своего партнера“. – Цит. по: Откровения и признания, с. 62-64. При этом Сталин, как свидетельствует в своих воспоминаниях Никита Хрущев, „в тот день 123 августа 1939 г.] правильно оценивал значение этого договора и понимал, что Гитлер хочет нас обмануть, перехитрить. Он считал, что мы его перехитрили, подписав договор. По вопросу о Польше Сталин сказал, что Гитлер нападет на Польшу и сделает ее своим протекторатом. Восточная часть Польши, населенная белорусами и украинцами, отойдет к Советскому Союзу. Естественно, что мы – члены Политбюро были за это, хотя чувство было смешанное… Ведь мы вроде! – Г.Р.\ отдали Польшу на растерзание гитлеровской Германии и сами приняли в этом участие. Сталин это понимал. Он говорил: «Тут, знаете, идет игра, кто кого перехитрит, кто кого обманет“. – Цит. по сб.: Накануне. 1931-1939. М., 1991, с. 238, 239.

{170} Об одном таком эпизоде с диверсионной командой абвера см. в кн.: Юлиус Мадер. Гитлеровские генералы абвера дают показания. – В сб. Империализм: шпионаж в Европе вчера и сегодня. М., 1985, с. 18-19.

{171} Текст ее см. в кн.: В. И. Дашичев, Банкротство стратегии германского фашизма, т. 1, с. 385-386. В ней, в частности, говорится: «Теперь, когда исчерпаны все политические возможности урегулирования мирным путем положения на восточной границе, которое стало невыносимым для Германии, я решил добиться этого силой».

{172} Вильгельм Фрик (1877-1946), рейхсляйтер, один из главных немецких военных преступников, повешенный в Нюрнберге. По профессии юрист, был руководителем фракции НСДАП в рейхстаге. С 1933 г. – имперский министр внутренних дел, которого позднее сменил Гиммлер.

{173} Карл Вольф (1900-?), оберстгруппенфюрер СС и генерал-полковник войск СС, ближайший помощник и начальник личного штаба рейхсфюрера СС Гиммлера в 1935-1943 гг., а затем – его личный представитель в Ставке фюрера. Весной 1945 г. по указанию Гиммлера в тайне от Гитлера вел в Швейцарии с резидентом американской разведки (Управление стратегических служб США) Алленом Даллесом переговоры о сепаратном мире на Западе. После войны был арестован американскими оккупационными властями, но в августе 1945 г. выпущен и затем долгие годы скрывался; в 1967 г. был приговорен в Мюнхене судом присяжных к пожизненному тюремному заключению.

{174} Текст этой речи см. в сб.: Откровения и признания, с. 96-97.

{175} Множественное число женского рода от нем.: die Papteigenossin.

{176} Центральный орган нацистской партии. («Народный наблюдатель»).

{177} См. фотографию на обложке настоящей книги.

{178} Герман Фегеляйн (1906-1945), в дальнейшем группенфюрер СС, с января 1944 г. – офицер связи с войсками СС в Ставке фюрера. В прошлом – конюх и жокей. Муж сестры Евы Браун – Гретль. 28 апреля 1945 г. пытался по сговору с Гиммлером сбежать из Имперской канцелярии в штатской одежде, но по приказу Гитлера (в значительной мере по настоянию Евы Браун) был здесь же расстрелян за дезертирство эсэсовской командой.

{179} Гюнтер Ганс фон Клюге (1882-1944), генерал-фельдмаршал (с 1940 г.). Участник Первой мировой войны, а также Польской (1939 г.) и Французской (1940 г.) кампаний. Принимал участие в нападении на СССР, командуя 4-й армией. 18 декабря 1941 г. сменил генерал-фельдмаршала Федора фон Бока на посту командующего группой армий «Центр», на котором пробыл до осени 1943 г., когда в результате автомобильной аварии на шоссе Орша – Минск надолго выбыл из строя. 2 июля 1944 г. Гитлер назначил его командующим группой войск «Запад» взамен генерал-фельдмаршала Герда фон Рундштедта, смещенного с этого поста за то, что не сумел предотвратить высадку союзников в Нормандии. 18 августа 1944 г. уволен в отставку как замешанный в антигитлеровском Июльском заговоре 1944 г. Будучи вызванным для показаний из Парижа в Берлин, покончил в пути жизнь самоубийством, приняв яд.

{180} Вильгельм Лист (1880-1971), генерал-фельдмаршал (с 1940 г.), участник Первой мировой войны. В дальнейшем принимал участие во Французской кампании 1940 г., а затем командовал оккупационными войсками на Балканах, где жестоко расправлялся с югославскими партизанами… В июне – сентябре 1942 – командующий группой армий «А», действовавшей на Северном Кавказе. В 1944 г. ввиду разногласий с Гитлером по вопросам стратегического планирования уволен в отставку. В 1946 г. как нацистский военный преступник приговорен военным трибуналом в Нюрнберге к пожизненному заключению, в 1952 г. освобожден американскими оккупационными властями, проживал в ФРГ.

{181} Ганс Франк (1900-1946), один из главных немецких военных преступников, рейхсляйтер, по образованию юрист, начальник Юридического управления НСДАП. Принимал участие в Мюнхенском путче 1923 г., с 1930 г. – депутат рейхстага. 12

октября 1939 г. Гитлер назначил его руководителем Управления по делам населения оккупированной польской территории, а затем генерал-губернатором. Проводил политику безудержного террора и ограбления. Международный военный трибунал в Нюрнберге приговорил его к смертной казни, повешен 16 октября 1946 г.

{182} Альберт Форстер (1902 -?), группенфюрер СС, гауляйтер «вольного города» Данциг, впоследствии возглавлял его городскую администрацию. 28 апреля 1948 г. Гданьским судом был приговорен к смертной казни, замененной позднее пожизненным заключением.

{183} О своем втором визите в Москву Риббентроп сообщает следующее: «В конце сентября 1939 г. – еще в последние дни Польской кампании – я во второй раз вылетел в Москву для урегулирования вопросов, возникших в результате советского вступления в Польшу. Я нашел у Сталина и Молотова ярко выраженный дружеский, почти сердечный прием». (По утверждению Альфреда Розенберга, по возвращении Риббентроп в присутствии Лея, рассказывая имперскому министру сельского хозяйства Дарре о своих московских впечатлениях, даже воскликнул: «Русские были очень милы, он чувствовал себя среди них, как среди своих старых партайгеноссен! »). Риббентроп продолжает: «Во время этого визита большой линией на карте были установлены известные границы между будущим генерал-губернаторством и Советским Союзом. Одновременно было обсуждено далеко идущее торговое соглашение и подписан [28 сентября 1939 г.] договор о дружбе. Упорство русских в достижении дипломатических целей вновь дало себя знать, когда Сталин и Молотов, даже идя на отказ от некоторых областей (Люблин) в противоположность заключенному в августе соглашению, стали притязать на включение в советскую сферу интересов Литвы. Поскольку в этом вопросе русские были весьма настойчивы, я из Кремля по телефону поставил о том в известность фюрера. Некоторое время спустя он сам позвонил мне к заявил – явно не с легким сердцем, – что согласен включить Литву в сферу советских интересов. При этом он добавил: „Я хотел бы установить совсем тесные отношения“. Когда я сообщил Сталину эту реплику, тот лаконично произнес: „Гитлер свой гешефт понимает“. Далее Риббентроп, вопреки антисемитским утверждениям Гитлера о наличии мирового еврейского заговора, констатирует: „[…] Все мои наблюдения […] во время обоих моих посещений Москвы подтвердили мое убеждение: ни о какой акции, руководимой интернациональным еврейством, согласованной между Москвой, Парижем, Лондоном и Нью-

Йорком, всерьез говорить не приходилось. В московском Политбюро, этом абсолютно всесильном органе для всей России, кроме Кагановича, не было ни одного еврея. И среди высших советских функционеров я обнаружил их очень мало… По моим собственным наблюдениям, а также на основании исследований, которые я приказал провести по данному вопросу, могу сказать: никаких перекрестных связей между московскими и подобными еврейскими кругами в западных столицах не имелось. Возможно, связи с этими городами и странами и поддерживались через коминтерновский центр, и наверняка в нем тоже сидели евреи. Но тезис, будто какой-то интернациональный межгосударственный еврейский центр планомерно действовал с целью большевизации всего мира, я считаю несостоятельным“. Цит. по: Иоахим фон Риббентроп. Мемуары нацистского дипломата, с. 211, 215-216.

{184} Цит. по документальному приложению к русскому изданию указанных воспоминаний Риббентропа, с. 334.

{185} Цит. по: В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма, т. I с. 445, 446.

{186} Карл Дениц (1891-1980), гросс-адмирал (с 1943 г.), один из главных немецких военных преступников. До 1943 г. командовал подводным флотом, а затем явился преемником Редера на посту главнокомандующего военно-морских сил, 1 мая 1945 г., согласно завещанию Гитлера, стал рейхспрезидентом Германии и Верховным главнокомандующим вермахта. 2-3 мая 1945 г. сформировал новое имперское правительство во Фленсбурге (земля Шлезвиг-Гольштейн). 22 мая был арестован союзническими оккупационными войсками и затем предстал перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге, который приговорил его к 10 годам тюремного заключения. Освобожден по отбытии срока в 1956 г. В 1958 г. выпустил воспоминания «10 лет и 20 дней», отрывок из которых «Двадцать дней на посту преемника Гитлера» см. в кн.: Откровения и признания, с. 535-567.

{187} Подробно о нем см. в кн.: Will Berthold. Die 42 Attentate auf Adolf Hitler. Совершивший покушение далекий от политики столяр Георг Эльзер был отправлен в концлагерь Дахау, где 5 апреля 1945 г. был убит по указанию РСХА, объявившего его погибшим при бомбежке.

{188} Видкун Квислинг (1887 – казнен в 1945 г.), норвежский фашист и коллаборационист. В 1941-1945 гг. возглавил фашистское правительство Норвегии. Его имя стало символом сотрудничества с гитлеровскими оккупантами и национального предательства.

{189} Фридрих II (1712-1786), король Пруссии (с 1740 г.), символ прусского абсолютизма, милитаризма и агрессии. Служил для Гитлера кумиром и образцом для подражания. Добился расширения Пруссии в результате второго и третьего раздела Польши. В ходе Семилетней войны (1756-1763) против коалиции Австрии, России, Франции и Швеции захватил Силезию. Потерпел тяжелые поражения при Гросс-Егерсдорфе (1756 г.) и Кунерсдорфе (1759 г.), в результате которых русские войска в 1760 г. вошли в Берлин. Характеризуя его, известный немецкий историк Александр Абуш в своей книге «Ложный путь одной нации. К пониманию германской истории» (М., 1962, с. 120-121) писал: «Фридрих II был предшественником Вильгельма II и Гитлера и в том, что он (как позже они) развязал мировую для того времени войну, привел собственную страну на край пропасти и подверг ее угрозе территориального расчленения. После взятия Берлина русскими войсками он писал своему брату принцу Генриху: „Если теперь, вопреки нашим надеждам, никто не придет нам на помощь, то, говорю вам прямо, я не вижу никакой возможности отсрочить или предотвратить нашу гибель“. Историческая случайность, спасшая Фридриха II, была (вплоть до последних месяцев Гитлера) источником суеверной веры в существование какого-то союза Пруссии с небесным Провидением. Спасительной случайностью для обанкротившегося в военном отношении Фридриха II (который, запасшись пузырьком яда, был уже готов покончить жизнь самоубийством, как и его нацистские последыши) явилась смерть русской императрицы Елизаветы. Вступивший на русский трон слабоумный царь Петр III был почитателем Фридриха II. Петр заключил с Фридрихом весьма выгодный для последнего мирный договор и вступил в союз с ним».

{190} 13 декабря 1939 г. в морском бою крейсер «Адмирал граф Шпее» нанес повреждения трем английским крейсерам, но ввиду полученных им самим повреждений был вынужден произвести самопотопление на рейде Монтевидео (Уругвай). Команда этого крейсера возвратилась в Германию через Москву.

{191} Иозеф Тербовен (1998-1945), гитлеровский рейхскомиссар Норвегии (с 24 апреля 1940 г.), известный также своими антисемитскими акциями в этой стране. Умер в мае 1945 г., предположительно, покончив жизнь самоубийством.

{192} австрийские.

{193} Кавалер Вильгельм Иозеф Франц фон Лееб (1876-1956), генерал-фельдмаршал (с 1940 г.), тогда – генерал-полковник, участник Первой мировой войны. В дальнейшем занимал ряд командных постов, затем был зачислен в запас, но позднее вновь

возвращен на действительную военную службу. В 1938 г. командовал 12-й армией, осуществившей оккупацию Судетской области. Во Второй мировой войне – командующий группой армий «Ц», которая после нападения на СССР была переименована в группу армий «Север» и имела задачей захват Ленинграда и соединение с финнами на суше. Ввиду неудач на фронте и некоторых враждебных Гитлеру высказываний 16 января 1942 г. был уволен в отставку. После войны арестован союзниками и приговорен к 3 годам тюремного заключения. Умер в Баварии (ФРГ).

{194} Матиас Эрцбергер (1875-1918), политический деятель, один из лидеров католической партии Центр. В 1918 г. – председатель, германской комиссии по перемирию с Францией. В 1919-1920 гг. – имперский министр финансов и вице-канцлер. Убит немецкими националистами за «национальное предательство», выразившееся в подписании 9 ноября 1918 г. акта о капитуляции Германии в Первой мировой войне.

{195} Подробно см. об этом: Вильгельм Кейтель. Размышления перед казнью, с. 212-214, а также дневниковые записи Геббельса в сб.: Откровения и признания, с. 211-213.

{196} Бальдур фон Ширак (1907-1974), руководитель (в 1933-1940 гг.) нацистской молодежной организации «Гитлерюгенд», член НСДАП и СА с 1925 г. В 1928 г. возглавил Национал-социалистический германский студенческий союз, а затем Гитлер назначил его рейхсляйтером и начальником отдела НСДАП по делам молодежи. С июля 1941 г. до 1945 г. – гауляйтер Вены, активно участвовал в депортации венских евреев в лагеря уничтожения. На Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников был приговорен в 1946 г. к 20 годам тюремного заключения, по отбытии которого освобожден. В 1967 г. выпустил в Гамбурге воспоминания «Я верил Гитлеру».

{197} Уинстон Леонард Спенсер Черчилль (1874-1965), английский государственный и политический деятель. В сентябре 1939 г. – мае 1940 г. – военно-морской министр, в мае (после отставки Чемберле-на) 1940 г. – июле 1945 г. – премьер-министр коалиционного правительства Великобритании, министр обороны и министр финансов, руководитель военного кабинета.

{198} Цит. по: В.И. Дашичев, Банкротство стратегии германского империализма, т. 1, с. 664.

{199} das Geschьrft – дело, сделка, бизнес.

{200} Цит. по: В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма, т. 1. с. 678.

{201}1с – начальник разведывательного отдела.

{202} Чин рейхсмаршала, как уже указывалось, был введен

персонально и исключительно для Геринга и больше не присваивался никому.

{203} Ион Антонеску (1882-1946), генерал, в 1940-1941 гг. - военный диктатор («кондукатор») Румынии, которая с июня 1941 г. воевала против СССР. 23 августа 1944 г. в результате антифашистского вооруженного восстания был арестован и как военный преступник расстрелян 1 июня 1946 г. по приговору Народного трибунала.

{204} Пьер Лаваль (1883-1945), французский политик. В 1931-32 гг. и 1935-36 гг. – премьер министр, в 1940 г. – вице-премьер министр Франции; с 1940 г. до 1944 г. – премьер-министр правительства Виши в неоккупированной зоне Франции. После освобождения страны был казнен как государственный изменник и коллаборационист.

{205} Баламонде Франсиско Франко (1892-1975), глава испанского государства в 1939-1975 гг., диктатор Испании («каудильо»). В 1936 г. возглавил военно-фашистский мятеж против Испанской Республики, опираясь на помощь, а затем и открытое вмешательство гитлеровской Германии и Италии.

{206} Анри Филипп Петэн (1856-1951), французский генерал и политик, участник Первой мировой войны (командовал в 1916 г. обороной Вердена), в 1917 г. – главнокомандующий французских вооруженных сил, в 1934 г. – военный министр. В 1940-1944 гг. – глава коллаборационистского правительства Виши в неоккупированной зоне Франции. В 1945 г. за сотрудничество с Гитлером приговорен к смертной казни, замененной заключением в крепости.

{207} День очередной торжественно отмечаемой годовщины Мюнхенского путча 1923 г.

{208} Цит. по В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма, т. 1, с. 735.

{209} Там же, с. 738-741

{210} О переговорах Гитлера и Молотова в Берлине в ноябре 1940 г. см. протокольную запись личного переводчика Риббентропа посланника Пауля Шмидта в сб.: Откровения и признания, с. 109-114.

{211} Текст основополагающей директивы см. в кн.: В. И. Даишчев. Банкротство стратегии германского фашизма, т. 2, с. 86-89. Главная цель была сформулирована так: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. (Вариант „Барбаросса“.)».

{212} В Германии со времен Реформации начала XVI в. официально существовали две религиозные конфессии:

католическая и протестантская (евангелическая или лютеранская).

{213} Небольшой город (население в 1939 г. – 17 тыс. человек) в Литве юго-западнее Каунаса в треугольнике Восточная Пруссия, Польша, Литва. Суть этого недовольства Гитлера советник посольства Германии в СССР Густав Хильгер разъясняет следующим образом: «В дальнейшем у германской стороны возникло возражение в связи с введением советских войск в Литву. При заключении договора о границе и дружбе германская сторона высказала свою особую заинтересованность в небольшом приграничном уголке на юго-западной оконечности Литвы, который был уступлен Германии. Несмотря на это, Красная Армия заняла его, рассматривая его как часть новой Литовской Советской [Социалистической] Республики. На соответствующий германский протест Молотов ответил, что, хотя притязания Германии на этот кусок страны обоснованны, для советского правительства чрезвычайно неудобно и трудно это требование удовлетворить. Поэтому он приветствовал бы, чтобы Германия в духе существующих отношений нашла путь к тому, чтобы оставить эту территориальную полосу за Литвой. Переговоры по этому поводу длились несколько месяцев, и решение было найдено только гораздо позже: 10 января 1941 г. граф Шуленбург и Молотов подписали секретный протокол, в котором Советский Союз брал на себя обязательство выплатить за эту территориальную полосу 31,5 млн. рейхсмарок. Тот факт, что потребовалось так много времени, чтобы договориться по столь незначительному вопросу, позволял осознать, в какой мере отношения между обеими странами ухудшились». – Цит. по: Откровения и признания, с. 73.

{214} Антони Иден, граф Эйвон (1897-1977), английский государственный деятель и дипломат. В 1935-1938, 1940-1945, 1951-1955 гг. – министр иностранных дел; в 1955-1957 гг. – премьер-министр Великобритании. С 1961 г. – член палаты лордов.

{215} Фриц Гюртнер (1881-1941), имперский министр юстиции еще в первом кабинете Гитлера с 1933 г. В связи с этой скоропостижной кончиной имелась версия о его насильственной смерти, поскольку он был не согласен с некоторыми решениями и действиями Гитлера.

{216} Адольф Хойзингер (1897 г. -?), генерал-лейтенант. С 1931 г. служил в генеральном штабе сухопутных войск, став затем начальником его Оперативного управления. По некоторыми данным, был осведомлен об антигитлеровском Июльском заговоре 1944 г., но участником его не был. В связи с провалом

этого заговора был временно арестован, однако сумел доказать на суде свою непричастность. При взрыве бомбы полковника фон Штауффенберга в Ставке Гитлера «Волчье логово» 20 июля 1944 г. был легко ранен. После войны принимал активное участие в демилитаризации ФРГ, с апреля 1961 г. по февраль 1964 г. являлся генеральным инспектором бундесвера, занимал руководящие посты в НАТО.

{217} Официально – о нейтралитете.

{218} Ганс Кребс, генерал пехоты, последний начальник генерального штаба сухопутных войск с 29 марта до 30 апреля 1945 г. До начала войны против СССР был помощником военного атташе германского посольства в Москве. В ночь с 30 апреля на 1 мая 1945 г. явился в Берлине на командный пункт 8-й гвардейской армии генерала армии В. И. Чуйкова с письмом Геббельса, в котором тот сообщал «вождю советского народа», что 30 апреля в 3.30 «добровольно ушел из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Деницу, мне и Борману». По некоторым данным, покончил жизнь самоубийством в мае 1945 г. или умер в советском плену.

{219} Граф Вернер фон дер Шуленбург (1875-1944), профессиональный «карьерный» дипломат старой школы. В 1939-1941 гг. – посол Германии в СССР. Участвовал в заключении германо-советского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г., а также договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. Понимал опасность и гибельность для немецкого народа войны против СССР. Тщетно пытался предупредить советское правительство о готовящемся нападении гитлеровской Германии. По свидетельству генерал-лейтенанта бывшего КГБ СССР С. Кондрашова, из агентурных материалов архива ОГПУ – НКВД довоенного периода «следует, что нацистское руководство было недовольно деятельностью Шуленбурга и рассматривало возможность акции против него со стороны гестапо» и, более того, замышляло против него террористический акт, предотвращенный советской контрразведкой. «Шуленбург, – говорится далее, – считал себя другом тогдашнего Советского Союза», он «увидел угрозу нацизма и в течение последующей жизни был его убежденным противником», а также «глубоко переживал крушение своих надежд на улучшение отношений Германии с Советским Союзом. Он считал, что советско-германский пакт 1939 г. – „это временная мера, она дает лишь передышку“. Он осуждал Риббентропа и его руководство внешней политикой Германии». (Известия, 4 февраля 1992 г.). Во время Второй мировой войны примкнул к верхушечной

антигитлеровской оппозиции и участвовал в Июльском заговоре 1944 г. Был готов по заданию заговорщиков (как единственный из них, лично знавший Сталина) перейти линию фронта для прямых переговоров с ним о выходе Германии из войны. В случае успеха заговора предназначался на пост министра иностранных дел. После провала этого заговора казнен 10 ноября 1944 г. по приговору Народного трибунала.

{220} Сделанную Гальдером в его военном дневнике запись этой речи см. в сб.: Откровения и признания, с. 118-119. На полях записи имеется пометка Гальдера: «Приказ главнокомандующего сухопутными войсками».

{221} Цит. по: В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма, т. 1, с. 715.

{222} В своей дневниковой записи от 13 мая 1941 г. Иозеф Геббельс так оценивал этот скандальный для нацистов эпизод: «В коммюнике фюрера в качестве причины названы маниакальные представления насчет зондажа возможности заключения мира [с Англией]. Все это пока весьма сумбурно. Тяжелый, почти непереносимый удар. В данный момент его последствия даже невозможно предвидеть. Фюрер совершенно раздавлен. Какая картина для всего мира: душевнобольной является вторым после фюрера человеком! Такое даже помыслить и то невозможно! Сейчас надо сжать зубы! И прежде всего – пролить свет на это довольно-таки таинственное дело». А 14 мая добавляет: «И вот такой человек правил Германией! Все это можно объяснить его физическим состоянием и атмосферой его жизни травоядного животного. Совершенно патологическая история. Хотелось бы избить до полусмерти его жену, его адъютантов и врачей… Тому, что это безумная выходка Гесса, не верит ни один человек. Гесс проявил чудовищную недисциплинированность. Но с этим мы справимся. Нам бы только выиграть время. Через несколько недель ни один человек больше не заговорит об этом […]». – Цит. по сб.: Откровения и признания, с. 243-244.

{223} Команда «Бисмарка» была вынуждена прибегнуть к самопотоплению. – См.: Г. -А. Якобсен. 1939-1945. Вторая мировая война. Хроника и документы, с. 348.

{224} Вильгельм II, император Германский и король Прусский (с 1888 г.), после своего свержения Ноябрьской революцией 1918 г. бежал в Голландию, где и умер в г. Дорн. Выражая истинное отношение к нему нацистской верхушки, Геббельс писал в своем дневнике 5 июня 1941 г.: «Вчера […] умер Вильгельм II. Даем холодный комментарий. В нем не слишком много любви и не слишком много горя. Он заслуживал бы куда более суровой отповеди, но все же как-никак мертв. Он

надолго пережил свое время […]»… – Цит. по: Откровения и признания, с. 274.

{225} Карл Фридрих Герделер (1884-1944). В 1930-1937 гг. – обер-бургомистр Лейпцига, в 1931-1932 гг., а также в 1934-1935 гг. (уже в правительстве Гитлера) – имперский комиссар по ценам. Впоследствии – гражданский руководитель антигитлеровского Июльского заговора 1944 г., после провала которого был казнен 2 февраля 1945 г. в каторжной тюрьме Плетцензее. Придерживался ярко выраженной прозападной ориентации. Во время Второй мировой войны, особенно на ее заключительном этапе, стремился к сепаратному миру на Западе с целью устранения Гитлера и спасти позиции германского монополистического капитала, ранее активно поддерживавшего фюрера. По некоторым данным, был готов пойти на продолжение Германией совместно с западными державами войны против СССР. О его деятельности, взглядах и программе, как и о заговоре в целом см: Д. Мельников. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. М., 1962, и статью того же автора в журнале «Новая и новейшая история» (1984, № 4), а также Курт Финкер: Заговор 20 июля. Дело полковника Штауффенберга. М., 1975.

{226} 6 июня 1941 г., т. е. еще до нападения на СССР, по уполномочию Гитлера начальником штаба Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) генерал-фельдмаршалом Кейтелем был подписан так называемый «приказ о комиссарах» (официальное наименование этого секретного документа: «Директива по обращению с политическими комиссарами»). В этом преступном приказе, в частности, говорилось: «В борьбе с большевизмом на соблюдение врагом принципов гуманизма или международного права рассчитывать нельзя! Особенно жестокого и диктуемого ненавистью бесчеловечного обращения с нашими военнопленными следует ожидать от всякого рода комиссаров, этих подлинных носителей сопротивления. Войска должны осознавать следующее: в нынешней войне пощада к этим элементам и соблюдение в отношении их международных правил неуместны. Они представляют собой угрозу нашей безопасности и быстрому освобождению нами населения захваченных областей. Политические комиссары – инициаторы варварских азиатских методов ведения войны. Поэтому против них следует немедленно и без всяких задержек действовать со всей беспощадностью. […] Комиссары в качестве солдат не признаются; никакая международно-правовая защита к ним не применяется. После произведенной сортировки их надлежит уничтожить», – Цит. по: Г. А. Якобсен. Вторая мировая война, с. 246-247.

{227} В целях оправдания предпринятого им якобы

превентивного, упреждающего нападения на СССР Гитлер в своей декларации к немецкому народу 22 июня 1941 г. (согласно секретному и неопубликованному сообщению ТАСС) заявил следующее: «… Москва предательски нарушила условия, которые составляли предмет нашего пакта о дружбе. Делая все это, правители Кремля притворялись до последней минуты, симулируя позицию мира и дружбы, так же как это было в отношении Финляндии и Румынии. Они сочинили опровержение, производившее впечатление невинности. В то время как до сих пор обстоятельства заставляли меня хранить молчание, теперь наступил момент, когда выжидательная политика является не только грехом, но и преступлением, нарушающим интересы германского народа, а следовательно, и всей Европы. Сейчас, приблизительно 160 русских дивизий находятся на нашей границе. В течение ряда недель происходили непрерывные нарушения этой границы, причем не только на нашей территории, но и на крайнем севере Европы и в Румынии. […] Ночью 18 июня русские патрули снова проникли на территорию Германии и были оттеснены лишь после продолжительной перестрелки. Теперь наступил час, когда нам необходимо выступить против этих иудейско, англосаксонских поджигателей войны и их помощников, а также евреев из московского большевистского центра. Осуществляется концентрация войск, которая по своим масштабам является величайшей, какая когда-либо имела место в мире. […] В задачу этого фронта входит уже не защита отдельных стран, а обеспечение безопасности Европы и, следовательно, защита всех стран Европейского континента. Таким образом, я решил передать судьбу государства и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Бог в этой важнейшей борьбе!». – Цит. по: Великая Отечественная война 1941-45. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998, с. 497.

{228} Отрывки из записанных Г. Пиккером по поручению Бормана застольных бесед Гитлера (август 1941 г. – июль 1942 г.) см., в частности: Откровения и признания, с. 123-167 («Если Черчилль – шакал, то Сталин – это тигр»).

{229} Ввиду катастрофического поражения советских войск летом 1941 г., а также весной и летом 1942 г. Сталин издал два драконовских приказа. Первый – это не предназначенный для публикации приказ Ставки Верховного главнокомандования Красной Армии от 16 августа 1941 г., объявлявший сдавшихся в плен красноармейцев предателями Родины и лишавший их семьи государственного пособия и помощи, а также требовавший «командиров и политработников, во время боя срывающих с себя

знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу' и предавших свою Родину дезертиров», а потому «расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава». Второй – это еще более жестокий приказ народного комиссара обороны Союза ССР № 227 от 28 июля 1942 г., известный под названием «Ни шагу назад!», в частности, вводивший на фронте штрафные батальоны для офицеров и штрафные роты для рядовых. При этом Сталин, именно по вине которого сложилось крайне угрожающее для нашей страны положение, цинично заявил, имея в виду гитлеровцев: «Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу? Я думаю, что следует». – Тексты обоих приказов см.: Великая Отечественная война 1941-1945. Военно-исторические очерки. Книга 1, с. 503-504, 506-507.

{230} Название прежней столицы Литвы Каунаса.

{231} Немецкое название Львова, бывшего австрийского города.

{232} Пауль Людвиг Эвальд фон Клейст (1881-1954), генерал-фельдмаршал (с января 1943 г.), происходил из старинной аристократической семьи, близкой к фон Гинденбургам. Занимал в 30-х гг. ряд крупных военных постов. С августа 1939 г. командовал в чине генерала кавалерии 22-м армейским корпусом, а в 1940 г. – танковой группой на Западном фронте. В 1941 г. воевал на Балканах, участвовал во взятии Белграда. При вторжении в СССР – командующий 1-й танковой армии, принимавшей затем участие в боях под Ростовом и на Северном Кавказе. В конце войны попал в плен в Югославии и был передан англичанами Советскому Союзу; умер в лагере для военнопленных во Владимире в октябре 1954 г.

{234} Прежнее название польского города, отошедшего по секретному дополнительному протоколу и германо-советскому пакту от 23 августа 1939 г. Литве и ставшего впоследствии ее столицей Вильнюсом.

{235} Немецкое название города Даугавпилс (Латвия).

{235}Немецкое название Чудского озера.

{236} Альфред Розенберг (1893-1946), один из главных немецких военных преступников, повешенный в Нюрнберге 16 октября 1946 г. по приговору Международного военного трибунала. По происхождению – прибалтийский немец, свободно владевший русским языком. С 1923 г. – шеф-редактор центрального органа НСДАП «Фелькишер беобахтер». С 1933 г. – начальник управления внешней политики НСДАП, влиятельный

противник Риббентропа в борьбе за руководство германской внешней политикой. Главный идеолог национал-социализма, заместитель Гитлера по вопросам духовной и идеологической подготовки членов нацистской партии. Во время войны против СССР – имперский министр по делам оккупированных восточных территорий. Автор «теоретических» работ «Будущий путь германской нации» (1927 г.) и «Миф XX столетия» (1929 г.). Впервые опубликованные отрывки из его политического дневника см. в сб.: Откровения и признания, с. 37-46.

{237} Предложения ОКХ по продолжению операций группы армий «Центр» во взаимодействии с операциями войск групп армий «Юг» и «Север» от 18.8.1941 г. см.: В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма, т. 2, с. 230-234.

{238} Там же, с. 234-235

{239} Фридрих Вильгельм Канарис (1887-1945), адмирал, начальник Управления разведки и контрразведки штаба Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) – абвера (слово die Abwehr означает по-немецки: оборона, отражение вражеской деятельности). Возглавлял это Управление с января. 1935 г. до февраля 1944 г., когда (в связи с расформированием абвера как военной разведки и поглощением его Главным управлением имперской безопасности – РСХА) был уволен в отставку. Являясь руководителем созданной им широкой сети зарубежного шпионажа и диверсий, тем не менее весьма критически и, более того, враждебно относился к нацистскому режиму, придерживался прозападной ориентации и накануне Второй мировой войны даже сотрудничал с английской разведкой, вынашивая планы свержения Гитлера. Это в конечном счете привело его в ряды участников Июльского заговора 1944 г., после провала которого был арестован и 9 апреля 1945 г. повешен в концлагере Флоссенбург. См. о нем: Д. Мельников, Л. Черная, Двуликий адмирал. М., 1965; В. М. Гиленсон. Адмирал Канарис. – Новая и новейшая история, 1996. № 1.

{240} Под этим названием известно совещание представителей соответствующих министерств и ведомств рейха (во главе с Главным управлением имперской безопасности, включая гестапо), проходившее в пригороде Берлина Гросс-Ванзее. На нем по настоянию Геринга и под руководством начальника РСХА Гейдриха было принято злодейское, преступное решение об «окончательном решении» еврейского вопроса на основе национал-социалистической расовой теории. Оно означало массовое уничтожение («холокост») всех евреев в захваченных европейских странах и на оккупированной территории СССР. Практическое осуществление этого геноцида

еврейской нации было поручено оберштурмбаннфюреру СС (подполковнику) гестаповцу Адольфу Эйхману, который в августе 1944 г. (сетуя на отсутствие точных статистических данных) доложил Гиммлеру о произведенном уничтожении минимум 6 миллионов евреев. Долгое время скрывавшийся после войны от возмездия кровавый нацистский преступник предстал перед израильским судом и был повешен по его приговору; тело сожжено, а прах брошен в море.

{241} Цит. по: В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма, т. 2, с. 241, 242. Эта операция, имевшая кодовое наименование «Тайфун», была сорвана советскими войсками в ходе Московской битвы.

{242} Московская битва 1941-42 гг. – оборонительные (30 сентября – 5 декабря) и наступательные (5 декабря 1941 г. – 20 апреля 1942 г.) операции, проведенные советскими войсками с целью обороны Москвы и наступавших на нее ударных группировок группы армий «Центр». На завершающем этапе этой битвы из строя были выведены 16 дивизий и 1 бригада противника, а потери группы, армий «Центр» с 1 января по 30 марта 1942 г. составили свыше 333 тыс. человек. Московская битва явилась первым крупным поражением фашистской Германии с начала Второй мировой войны; был развеян миф о «непобедимости» вермахта и вырвана стратегическая инициатива из рук германского командования. В ходе зимней кампании оно широко применяло репрессивные меры в отношении своих войск. Так, военные трибуналы осудили 62 тыс. солдат и офицеров вермахта за дезертирство, самовольный отход, неповиновение и т. д. Были отстранены от занимаемых постов 35 генералов, в том числе фельдмаршалы Браухич и Бок, генерал-полковники Гепнер и Гудериан. – См.: Великая Отечественная война. 1941-1945. Энциклопедия. М., 1985, с. 464-466. Объективную и компетентную оценку военно-политических и оперативно-стратегических просчетов Гитлера в связи с битвой за Москву дал в 1978 г. Г. К. Жуков в своей беседе с Константином Симоновым. «Вопрос. Георгий Константинович, зарубежные историки, особенно немецкие, особенно германские генералы, очень много пишут о причинах поражения, выделяя при этом климатические условия, грязь, снег, большие морозы. Говорят также, что в этих поражениях виноват Гитлер, который не послушал Гудериана, не послушал Браухича и Гальдера. Как вы оцениваете причины поражения германской армии под Москвой? Жуков. Видите ли, чтобы оправдать провал, надо выискивать причины. Что можно сказать, если говорить о климатических условиях? Конечно, грязь была, мороз был, зима была, осень была. В этих климатических

условиях действовали и советские войска. Так что это не доказательство провала плана взятия Москвы, а в сущности, провала молниеносной победы. Причина, конечно, не в том, что в августе Гитлер повернул часть сил, в том числе и армию Гудериана, на юго-восток с целью помочь своей южной группировке взять Украину, затем Крым. Не в этом дело. У немецкой армии, если бы она бросилась на Москву в тот период, могло получиться еще хуже, чем получилось. Потому что те резервы, которые Ставка вынуждена была потом использовать для создания нового фронта на юго-западном направлении, могли быть использованы во фланг и в тыл Гитлеру, если бы он сразу бросился на Москву в тот период, когда его отговаривали отложить это наступление на месяц. Дело, конечно, не в этом, а в том, что Гитлеру, его генералитету, его генеральному штабу так и не удалось осуществить в сорок первом году ни одной стратегической цели. Не только взять Москву, но и взять Ленинград. Не смог он осуществить своих стратегических целей и на юге страны. Гитлеровцы не рассчитывали, что им будет оказано такое сопротивление, и чем дальше они продвигались, тем сильнее нарастало это ожесточение. […] И противник на каждом шагу нес потери за потерями. […] Когда началось это сражение, немцы, как я уже упоминал, истекли кровью, не добившись поставленной цели. Вот где надо сказать немецким генералам, что они просчитались. То же было и под Ленинградом. […] Считаю, что Московское сражение явилось очень крупной победой стратегического масштаба. Оно заложило основу для дальнейшего и окончательного разгрома немецких войск». – Цит. по: Константин Симонов. Сегодня и давно. М., 1980, с. 624-625.

{243} Начальник тыла.

{244}Ныне город Вроцлав в Польше.

{245}der Blitzkrieg (нем.) – молниеносная война.

{246} В этой речи Гитлер, в частности, вновь утверждал, что его нападение на СССР носило превентивный, упреждающий характер, и сам он войны не желал: «[…] Я не искал войны, а напротив, делал все, чтобы ее избежать. Но я забыл бы свой долг и действовал бы против своей совести, если бы, несмотря на знание неизбежности военного столкновения [с Советским Союзом], не сделал отсюда одного-единственного возможного вывода. Считая Советскую Россию смертельнейшей опасностью не только для Германского рейха, но и для всей Европы, я решил всего за несколько дней до этого столкновения дать сигнал к наступлению. Сегодня имеются поистине неоспоримые и аутентичные материалы, подтверждающие факт наличия у русских намерения осуществить нападение на нас. Точно так же

нам известен и момент, когда это нападение должно было произойти. Учитывая осознанную нами во всем ее объеме только ныне огромную опасность, могу лишь возблагодарить Господа нашего, вразумившего меня в нужный час и давшего мне силу сделать то, что должно было сделать […]». – Цит. по: Откровения и признания, с. 119-120. По данному вопросу см., в частности: Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сб. материалов. М., 1995; А. Мерцалов, Л. Мерцалова. Сталинизм и война. М., 1998; В. Суворов. Ледокол. М., 1993; Werner Maser. Der Wortbruch. Hitler, Stalin und der Zweite Weltkrieg. МьпсНеп, 1994.

{246} Тем самым Гитлер переложил на Браухича всю вину за разгром немецко-фашистских войск под Москвой. Согласно показаниям Браухича на Нюрнбергском процессе (1МТ – Prozess, Bd. XX, S. 649), он подал фюреру рапорт об уходе со своего поста 7 декабря 1941 г., мотивируя состоянием здоровья. Гитлер обещал подумать и через 10 дней дал согласие на его отставку, о которой официально было объявлено 19 декабря 1941 г. На другой же день Браухич вылетел на родину. В своих показаниях он добавил: «Гитлер был роком Германии, и рока этого было не избежать».

{247} Дневниковые записи генерал-фельдмаршала Бока о битве за Москву см. в сб.: Откровения и признания, с. 363-366.

{249} Начальник ОКВ генерал-фельдмаршал Кейтель считал с оперативно-тактической точки зрения действия Гепнера правильными (ибо корпусу грозило полное уничтожение), но, узнав противоположное мнение Гитлера, поддержать генерала отказался. Приводим мнение по данному вопросу Г. К. Жукова, командовавшего тогда Западным фронтом (высказано в беседе с писателем Константином Симоновым в 1966 г.). Отметив, что в декабре 1941 г. момент для контрнаступления под Москвой «был выбран довольно удачный, потому что у противника уже не только не было сил наступать на Москву, но и фактически он не способен был выдержать наши контрудары и организовать оборону», Г. К. Жуков сказал следующее: «И скорей других это поняли Гудериан и Гепнер, которые взяли на себя ответственность уже третьего числа, так сказать, сматывать удочки, постепенно отводить свои войска, с тем чтобы не подвергнуть их полному уничтожению». – Цит. по: Константин Симонов. Сегодня и давно. М., 1980, с. 625.

{250} В преамбуле ее указывалось: «Цель заключается в том, чтобы окончательно уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров». – Цит. по: В. И. Дашичев.

Банкротство стратегии германского фашизма, т. 2, с. 320.

{251} Там же, с. 322.

{252} Фридрих Паулюс (1880-1957), генерал-фельдмаршал (с января 1943 г.). Участник Первой мировой войны. После начала Второй мировой войны участвовал в нападении на Польшу (начальник штаба 4-й армии) и разгроме Франции (начальник штаба 10-й армии, позже переименованной в 6-ю). В сентябре 1940 г. – январе 1941 г. в качестве Первого обер-квартирмейстера (заместителя начальника) генерального штаба сухопутных войск – один из разработчиков плана «Барбаросса». С 1942 г. командовал 6-й армией на германо-советском фронте, осуществлял общее руководство группировкой немецких войск, окруженной в ходе Сталинградской битвы. 31 января 1943 г., несмотря на категорический приказ Гитлера стоять до последнего, вместе со своей армией прекратил сопротивление и сдался советским войскам. Находясь в плену, в 1944 г. вступил в антифашистский Союз немецких офицеров, а затем вошел в состав Национального комитета «Свободная Германия». В 1946 г. выступал свидетелем советского обвинения на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками. С 1953 г. проживал в Дрездене (ГДР). Имеется изданный в 1960 г. во Франкфурте-на-Майне Вальтером Герлицем сборник его материалов, писем и документов «Ich stehe hier auf Befehl» («Я стою здесь по приказу»), отрывки из которого см. в кн.: Откровения и признания, с. 367-370; адресованную Паулюсу телеграмму Гитлера и его ответ, а также данную им оценку Сталинградской битвы и своего личного поведения см. в кн.: Гельмут Вельц. Солдаты, которых предали. Записки бывшего офицера вермахта. Изд. 2-е, Смоленск, РУСИЧ, 1999.

{253} Курт Цейтцлер (1895-1963 гг.), генерал пехоты (с 24 сентября 1942 г.), начальник генерального штаба сухопутных войск с конца сентября 1942 г. (ранее – в чине генерал-майора – начальник штаба группы армий «Д» на Западном фронте), до июля 1944 г., когда его сменил генерал-полковник Гейнц Гудериан (находившийся на этом посту до марта 1945 г.). Вышел в отставку 31 января 1945 г. Запись обсуждения с ним Гитлером обстановки под Сталинградом см. в кн.: Гельмут Вельц, Солдаты, которых предали, с. 354-355.

{254} Таким образом, Цейтцлер получил этот чин, минуя чин генерал-лейтенанта. В вермахте существовала следующая система генеральских чинов: генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал рода войск или вида вооруженных сил (пехоты, артиллерии, танковых войск, авиации и т. д.), генерал-полковник и генерал-фельдмаршал.

{255} О своих намерениях, связанных с захватом Сталинграда, Гитлер говорил в речи в Мюнхене в ноябре 1942 г.: «Я хотел выйти к Волге в определенном месте, у определенного города. Случайно он носит имя самого Сталина. Так что не думайте, что я двигался туда по этим причинам […]. Я делал это потому, что там находится весьма важный пункт. Ведь там мы отрезаем транспортные пути, по которым перевозится 30 миллионов тонн грузов, в том числе 9 миллионов тонн нефти. Туда стекалась вся пшениица из гигантских областей Украины, Кубани, чтобы затем быть транспортированной на север. Там добывалась марганцевая руда, там находился гигантский перевалочный пункт. Все это я и хотел захватить и – вы знаете, мы люди скромные! – мы это и получили. Там осталось всего каких-то несколько совсем мелких местечек. Так вот, некоторые спрашивают: а почему же вы не продвигаетесь быстрее? Да потому, что я не хочу иметь там второй Верден, а предпочитаю добиться этого при помощи совсем небольших ударных групп. При этом время не играет для меня никакой роли. По Волге теперь не ходит ни одно судно. Вот что самое главное!». – Цит. по: Откровения и признания, с. 121.

{256} Карл Дениц (1891-1980), гросс-адмирал (с января 1943 г.). До того командовал подводным флотом Германии, а затем ее военно-морскими силами. 1 мая 1945 г., согласно завещанию Гитлера, стал рейхспрезидентом и Верховным главнокомандующим вермахта. 2-3 мая сформировал имперское правительство в Фленсбурге (земля Шлезвиг-Голштиния). 23 мая был арестован англо-американцами. На процессе главных немецких преступников в Нюрнберге приговорен к 10 годам тюремного заключения. Освобожден по отбытии срока в 1956 г. Отрывки из его воспоминаний «Десять лет и двадцать дней» (Бонн, 1958) см. в сб. Откровения и признания, с. 534-569.

{257} Об этом, а также о Сталинградской битве и последующей операции «Цитадель» см.: Эрих фон Манштейн. Утерянные победы. Ростов, 1999, а также отрывки из его военного дневника в сб. Откровения и признания, с. 371-374.

{258} Подробно об этом см. главу «Бомба в самолете фюрера» в указанной книге Билля Бертольда «42 покушения на Адольфа Гитлера».

{259} Подробно об этом см. главу «Место действия – Цейхгауз» в этой книге.

{260} Вальтер Модель (1891-1945), генерал-фельдмаршал (с 1944 г.), в то время – командующий 9-й армии, входившей в группу армий «Центр». В дальнейшем командовал группами армий «Север» и «Северная Украина», а в апреле – июне 1944 г. –

группой армий «Центр». В августе 1944 г. сменил покончившего жизнь самоубийством генерал-фельдмаршала Клюге на посту командующего группой армий «Запад». В апреле 1945 г. войска группы армий «Б», которой он командовал, были разгромлены союзниками в ходе Рурской битвы и 18 апреля капитулировали, после чего 21 апреля застрелился в лесу под Дуйсбургом.

{261} Курская битва 1943 г. – оборонительная (5-23 июля) и наступательная (12 июля – 23 августа) операции, проведенные советскими войсками в районе Курского выступа по срыву крупного наступления и разгрома стратегической группировки противника. Было разгромлено 30 его отборных дивизий, в том числе 7 танковых; вермахт потерял свыше 500 тыс. солдат и офицеров, 1,5 тыс. танков, более 3,7 тыс, самолетов, 3 тыс. орудий. Советские войска продвинулись на 140 км, ликвидировали Орловский и Белгород-ско-Харьковский плацдармы противника и создали условия для освобождения Левобережной Украины и выхода на Днепр. – См.: Великая Отечественная война, с. 392-394.

{262} Пьетро Грациаио Монферрато Бадольо (1971-1956), итальянский военный и государственный деятель, маршал (с 1926 г.). Участвовал в государственном перевороте 25 июля 1943 г., приведшем к падению диктатуры Муссолини, и затем возглавил правительство.

{263} Речь идет о беспилотном самолете-снаряде «Фау-1» и ракете «Фау-2», конструктором которых являлся видный специалист по созданию этого вида оружия Вернер фон Браун, после войны возглавивший производство ракет в США с центром в штате Алабама. Наименование «Фау» происходит от первой буквы немецкого слова die Vergeltungswaffe, т. е. «оружие возмездия» (подразумевалось, за налеты английской авиации на германские города). Подробно об этом см.: Юлиус Мадер. Тайна Хантсвилла. М., 1964.

{264} Отто Скорцени (1908-1975), в дальнейшем – оберштурм-баннфюрер СС (подполковник) по национальности – австриец, фаворит Гитлера, один из самых удачливых нацистских диверсантов и контрразведчиков. В 1939 г. был зачислен в полк личной охраны фюрера. С апреля 1943 г. под руководством начальника IV управления РСХА Вальтера Шелленберга возглавлял зарубежную диверсионную службу этого ведомства. 13 сентября 1943 г. по личному заданию Гитлера в результате специально разработанной воздушно-десантной операции (кодовое наименование «Дуб») похитил из Гран-Сассо (район Абруццо) Бенито Муссолини, арестованного правительством маршала Бадольо и охраняемого большим отрядом карабинеров.

Лично доставил дуче в «Волчье логово», где Гитлер собственноручно повесил ему на шею Рыцарский крест, а Геринг снял со своего мундира «Золотой почетный знак летчика» и приколол его на грудь Скорцени, ставшего отныне национальным героем. Во время германского наступления в Арденнах (декабрь 1944 г.) имел задание убить командующего экспедиционных войск союзников генерала Дуайта Эйзенхауэра (будущего президента США) и по личному приказу Гитлера осуществил диверсионную операцию «Гриф» с запрещенным международным правом переодеванием в военную форму противника. В конце войны был арестован американцами и в сентябре 1947 г. предстал в Дахау перед их трибуналом, который в интересах секретных служб США его оправдал. В июле 1948 г. бежал из лагеря для интернированных в Дармштадте. В 1949 г. под именем Роберта Штайнбахера создал подпольную организацию СС «Паук» («Spinne»), которая помогла скрыться за границу более чем 500 эсэсовским чинам. Затем под покровительством каудильо Франко поселился в Испании, где для вида занялся коммерцией. Умер в Мадриде 5 июля 1975 г. – Подробно см. о нем: Юлиус Мадер. По следам человека со шрамами. Документальный рассказ о бывшем начальнике секретной службы СС Отто Скорцени, а также сб.: Отто Скорцени и секретные операции абвера. М., 2000.

{265} 23 сентября 1943 г. Геббельс записал в своем дневнике: «Фюрер скорее [чем с Черчиллем] пошел бы уже на переговоры со Сталиным, но он не думает, чтобы это привело к результату, ибо то, чего он [фюрер] требует на Востоке, Сталин ему отдать не может. Но как бы ни складывались дела, говорю я фюреру, мы должны выяснить этот вопрос с той или другой стороной. Война на два фронта рейхом еще никогда не выигрывалась. Поэтому мы должны видеть, как нам выйти из войны на два фронта». – Цит. по сб: Откровения и признания, с. 301.

{266} Цит. по: В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма, т. 2, с. 541.

{267} Кодовое наименование плана вторжения войск западных союзников на Европейский континент. Был принят 17 августа 1943 г. на конференции Рузвельта и Черчилля в Квебеке в качестве первой наземной и воздушной цели на 1944 г. (первоначальная Дата начала высадки в Нормандии – 1 мая 1944 г., но в мае 1944 г. она перенесена на 6 июня 1944 г.).

{268} Да здравствует победа!

{269}Аббревиатура от нем.: der Jagd bomber (Jabo).

{270} Имеются в виду участники движения Национального комитета «Свободная Германия», возникшего летом 1943 г. в СССР из числа антифашистски настроенных немецких

военнопленных. В него входили представители различных мировоззрений и слоев немецкого народа – солдаты, офицеры и генералы вермахта, осознавшие преступный характер гитлеровской войны. Председателем Комитета являлся известный поэт-коммунист Эрих Вайперт. К Комитету примкнул и организовавшийся вскоре «Союз немецких офицеров», президентом которого стал взятый в плен под Сталинградом бывший командир корпуса генерал артиллерии Вальтер Зейдлиц; позднее в него вступил и генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс. Союз вел большую разъяснительную работу не только среди пленных офицеров, но и непосредственно в немецких войсках также с помощью своих специальных групп, засылаемых за линию фронта.

{271} Аббревиатура от нем.: Nationalsozialistische Fhhrungsoffiziere (NSFO) – офицеры по национал-социалистическому руководству.

{272} Георг фон Кюхлер (1881-1968), генерал-фельдмаршал, командовал 18-й армией и затем группой армий «Север».

{273} Фердинанд Шернер (1892-1973), генерал-фельмаршал с января 1945 г. С апреля 1944 г. – командующий группы армий «Юг», с июля 1944 г. – группы армий «Север», с января 1945 г. – группы армий «Центр». В конце войны эта группа армий прикрывала Берлин и затем продолжала сопротивление в Чехословакии даже некоторое время после капитуляции гитлеровской Германии. После полного разгрома своих войск на самолете отправился в американскую зону оккупации Австрии, но был выдан американцами советскому командованию и приговорен к 10 годам заключения. В апреле 1955 г. был освобожден из советского плена и вернулся в ФРГ, где в 1957 г. суд в Мюнхене вновь приговорил его к 4 с половиной годам заключения как виновного в гибели многих тысяч немецких солдат. Умер в июле 1973 г. в Мюнхене.

{274} Ханна Райч (1912-1979), капитан люфтваффе, единственная женщина, награжденная Железным крестом I и II степеней. 26 апреля 1945 г. на самолете доставила в Берлин назначенного взамен Геринга нового главнокомандующего люфтваффе фельдмаршала кавалера фон Грайма. Пожелала остаться в Имперской канцелярии до конца вместе с семьей Геббельса, но по приказу Гитлера 29 апреля вылетела вместе с Граймом на юг Германии.

{275}Ныне Щецин (Польша).

{276} Белорусская операция 1944 г. (кодовое наименование «Багратион») – одна из крупных стратегических наступательных операций советских войск, проведена 22 июня – 29 августа с

целью разгрома группы армий «Центр» и освобождения Белоруссии. Эта группа армий потерпела катастрофическое поражение, ее главные силы были окружены и разгромлены. За время боев были полностью уничтожены 17 дивизий и 3 бригады вермахта, а 50 его дивизий лишились более трети своего состава. Противник потерял убитыми и пленными около 0,5 млн. человек. Наступая в полос-е 1100 км по фронту, советские войска подошли к границам Восточной Пруссии, создали благоприятные предпосылки для наступления на Львовско-Сандомирском направлении. – См.: Великая Отечественная война, с. 83-85.

{277} Граф Клаус Шенк фон Штауффенберг (1907-1944), полковник генерального штаба, один из главных военных руководителей антигитлеровского Июльского заговора 1944 г. Происходил из старинной аристократической семьи, получил воспитан'ие в духе монархического консерватизма, а потому критически относился к национал-социализму и его режиму, хотя и исправно нес военную службу, проявляя в ней большие способности и сделав успешную карьеру. В 1943 г., будучи начальником штаба дивизии, был тяжело ранен в Северной Африке (потерял глаз, правую руку, получил травму ноги). После излечения был назначен начальником штаба армии резерва и в качестве такового имел прямой доступ к Гитлеру. Под видом плана подавления возможного восстания насильно угнанных в Германию иностранных рабочих разработал план антигитлеровского заговора (кодовое наименование «Валькирия»), который подлежал утверждению самим фюрером. После неудачи покушения 20 июля 1944 г. и вызванного этим провала заговора был в тот же вечер расстрелян вместе со своими ближайшими соратниками эсэсовской командой во дворе военного министерства на Бендлерштрассе. После подавления заговора Геббельс с презрением и издевкой отзывался о его участниках и называл их акцию «революцией по телефону». Однако он не мог отказать в уважении самому Штауффенбергу: «Вот Штауффенберг – это молодец! Его почти жаль. Какое хладнокровие! Какой ум, какая железная водя! Просто непостижимо, как он только связался с этим сборищем дураков!» (Цит. по: H. Fraenkel, R. Manvell. 20. Juli. Berlin, 1964). Подробно о жизненном пути и политических взглядах Штауффенберга, его ключевой роли в подготовке заговора и самого покушения, а также его героической смерти см.: Д. Мельников. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. Легенда и действительность; статью того же автора в журнале «Новая и новейшая история (1984,. № 4); Курт Финкер. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. Дело полковника Штауффенберга; Билль Бертольд. 42 покушения на Адольфа

Гитлера, а также беседу бывшей советской переводчицы на Нюрнбергском процессе Е. Щемелевой с его вдовой графиней Ниной фон Штауффенберг. – А. Плутник. „Покушение на Гитлера для графа фон Штауффенберга было формой его покаяния“ – Известия, 17 января 1998 г.

{278} Фридрих Ольбрихт (1888-1944), генерал пехоты, с 1943 г. -заместитель командующего армии резерва, один из активных участников Июльского заговора 1944 г. Во время взрыва в «Волчьем логове» находился в Берлине в здании военного министерства на Бендлерштрассе. После прибытия в Берлин Штауффенберга с ошибочным известием о гибели Гитлера вместе с полковником Мерцем фон Квирнхаймом потребовал от командующего армии резерва генерал-полковника Фромма дать условный сигнал «Валькирия» об аресте всех высших чинов СС и руководителей НСДАП на местах, а также о захвате важных правительственных зданий и учреждений. Однако Фромм, узнав, что Гитлер уцелел, предал заговорщиков, арестовал Ольбрихта и приказал расстрелять его вместе со Штауффенбергом.

{279} О том, с какой кровожадной жестокостью расправился в действительности нацистский фюрер с заговорщиками, см. в книге Билля Бертольда «42 покушения на Адольфа Гитлера». Он, в частности, приказал вешать их на крюках, как туши мяса. Заседания Народного трибунала снимались скрытой кинокамерой (вечером Гитлер смотрел эти фильмы), а фотографии садистских казней также делались по его приказанию и направлялись ему.

{280}Распространенная в Германии кличка американских солдат.

{281} Ганс Остер (1888-1945), генерал-майор, начальник штаба абвера, правая рука и единомышленник адмирала Канариса. Убежденный противник нацизма и один из организаторов Июльского заговора 1944 г., после неудачи которого повешен вместе с Канарисом.

{282} Ганс фон Донаньи (1902-1945), военный юрист, участник указанного выше заговора. В марте 1943 г. принимал участие в организованном генерал-майором фон Тресковым неудавшемся покушении на Гитлера в группе армий «Центр» на Восточном фронте. После провала Июльского заговора отправлен в концлагерь Заксенхаузен, а 8 апреля 1945 г. казнен в Флоссебурге.

{283} Подробно см. об этом в указанной выше книге Билля Бертольда.

{284} Ганс Шпейдель после войны активно участвовал в ремилитаризации ФРГ вопреки Потсдамским соглашениям 1945 г. и создании бундесвера, а также занимал высокие командные

посты в НАТО.

{285}Королевские военно-воздушные силы (англ.).

{286} Равнозначно чину генерал-полковника вермахта.

{287} Ганс Ульрих Рудель (род. в 1916 г.), полковник люфтваффе, единственный кавалер Рыцарского креста с золотыми дубовыми листьями, мечами и бриллиантами. С 1938 г. служил в полку пикирующих бомбардировщиков. По данным «Энциклопедии Третьего рейха» (М, 1996, с. 415), к концу войны имел более 2530 боевых вылетов и уничтожил 532 танка противника. В сентябре 1941 г. потопил советский крейсер «Марат». В марте 1944 г. был сбит, попал в советский плен, однако сумел бежать; в феврале 1945 г. снова сбит, потерял ногу. После войны скрывался в Аргентине. В 1953 г. вернулся в ФРГ и принимал участие в неонацистском движении.

{288} Висло-Одерская операция 1945 г. – стратегическая операция советских войск с целью разгромить группу армий «А» (с 26 января – группа армий «Центр»), завершить освобождение Польши и создать условия для нанесения решающего удара на Берлин. Начало ее намечалось Ставкой ВГК на 20 января. Однако, учитывая тяжелое положение союзников на Западном фронте (после удара вермахта в Арденнах в декабре 1944 г. – январе 1945 г.), она решила по их просьбе (в частности, идя навстречу личной просьбе Черчилля, адресованной Сталину) начать наступление 12-15 января. В результате этого наступления советские войска вступили на территорию рейха и вышли на подступы к Берлину. Они разгромили 25 и полностью уничтожили 35 вражеских дивизий, захватили 147,4 тыс. пленных, около 14 тыс. орудий и минометов, около 1,4 тыс. танков и штурмовых орудий и другой боевой техники. – См.: Великая Отечественная война, с. 130-131.

{288} Эрих Кох (1896-1961), с 1928 г. – нацистский гауляйтер Восточной Пруссии. С 1941 г. по 1944 г. – рейхскомиссар оккупированной Украины, был известен своей крайней жестокостью.

{291} Эрнст Кальтенбруннер (1903-1946), один из главных немецких военных преступников, повешенный по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге. По национальности австриец. Участвовал в нацистском путче в Австрии в июле 1934 г., когда был убит федеральный канцлер Энгельберг Дольфус. Во время аншлюса в марте 1938 г. был назначен статс-секретарем по вопросам безопасности в кабинете Зейсс-Инкварта. С июля 1941 г. – фюрер СС и начальник полиции в Вене. С января 1943 г. – начальник полиции безопасности («зипо») и Службы безопасности (СД). а также (после убийства Гейдриха) – Главного управления имперской безопасности

(РСХА).

{292} Гитлер в последние годы своей жизни страдал болезнью Паркинсона.

{293} Цит. по; Г. А. Якобсен. 1939-1945. Вторая мировая война. Хроника и документы, с. 259.

{294} Губертусбургским миром, подписанным в 1763 г., закончилась Семилетняя (1755-1763), или Третья Силезская, война, которую прусский король Фридрих II вел против Австрии, России, Франции, Швеции и большинства германских князей, захватив в ходе ее Силезию. Во время этой войны русские войска в 1760 г., как указывалось выше, вошли в Берлин, и прусский король оказался в почти безнадежном положении, уже помышляя о самоубийстве, но вступивший на российский трон царь Петр III, ярый поклонник прусачества, в последний момент заключил выгодный для Фридриха II мир и даже вступил с ним в союз.

{295} Берлинская операция 1945 г. – завершающая стратегическая операция, проведенная советскими войсками 16 апреля – 8 мая с целью разгрома группировки войск противника, оборонявшейся на Берлинском направлении, овладения Берлином и выхода на р. Эльбу на соединение с войсками союзников. В ходе этой операции советские войска разгромили 70 пехотных, 23 танковых и моторизованных дивизий, большую часть авиации вермахта, взяли в плен около 480 тыс. солдат и офицеров, захватили до 11 тыс. орудий и минометов, свыше 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий, 4500 самолетов. 8 мая 1945 г. представители германского Верховного командования подписали в Карлсхорсте (Берлин) Акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. – См.: Великая Отечественная война, с. 96-97.

{296} Гельмут Вейдлинг (1891-1955), генерал артиллерии; с апреля 1945 г. – командир 56-го танкового корпуса и военный комендант Берлина.

{297} По воспоминаниям личного шофера Гитлера Эриха Кемпки, на бракосочетании присутствовали: семья Геббельса, Борман, Бургдорф, Хевель, секретарша фюрера Кристиан, Аксман, а также фон Белов, подпись которого в качестве свидетеля стоит на тексте завещания после подписей свидетелей Бормана и Геббельса. – См.: Откровения и признания, с. 525.

{298} В политическом завещании Гитлера говорилось: «Перед своей смертью я изгоняю бывшего рейхсмаршала Геринга из партии и лишаю его всех прав, которые могли бы вытекать из указа от 29 июня 1941 г., а также и моего заявления в рейхстаге от 1 сентября 1939 г. Я назначаю вместо него гросс-адмирала Деница рейхспрезидентом и Верховным главнокомандующим

вермахта. Перед своей смертью я изгоняю бывшего рейхсфюрера СС и имперского министра внутренних дел Генриха Гиммлера из партии, а также лишаю его всех государственных постов. […] Геринг и Гиммлер без моего ведома вели тайные переговоры с врагом и вопреки моей воле предприняли попытку в нарушение закона захватить власть в государстве в свои руки, чем причинили стране и всему народу необозримый вред, совершенно не говоря уже о попрании верности мне лично. Желая дать немецкому народу состоящее из достойных людей правительство, которое выполнит свое обязательство продолжать борьбу всеми средствами, я назначаю руководителями нации следующих членов нового кабинета: рейхспрезидент – Дениц, рейхсканцлер – д-р Геббельс, министр по делам партии – Борман, министр иностранных дел – Зейсс-Инкварт, министр внутренних дел – гауляйтер Гизлер, военный министр – Дениц, главнокомандующий сухопутных войск -Шернер, главнокомандующий авиации – Грайм, министр юстиции – Тирак, культов – Шеель, министр пропаганды – д-р На-уман, министр финансов – Шверин фон Крозиг, рейхсфюрер СС и шеф германской полиции – Ханке, министр труда – д-р Хуп-фауэр, министр вооружения – Заур, руководитель Германского трудового фронта и член имперского кабинета – имперский министр д-р Лей. […] Совершено в Берлине 29 апреля 1945 г. в 4.00. Адольф Гитлер. Свидетели: д-р Йозеф Геббельс, Мартин Борман, Вильгельм Бургдорф, Ганс Кребс». – Цит. по: Г. -А. Якобсен. 1939-1945. Вторая мировая война, с. 231-232.

{299} всегда быть звездой первой величины (фр).

{300} Как известно, Сталин в своем выступлении по радио 9 мая 1945 г. сформулировал основополагающее положение, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается. Таким образом, уголовному преследованию и справедливому наказанию за свои преступления против мира и человечности подверглись только нацистские и военные преступники (что и было осуществлено в Нюрнберге Международным военным трибуналом, а также в процессе денацификации), а отнюдь не весь немецкий народ в целом. Понятие коллективной вины к нему странами антигитлеровской коалиции не применялось, хотя он и понес ответственность за захватническую-войну в виде репараций и первоначального оккупационного режима. Немецкий народ после Второй мировой войны сумел извлечь уроки истории, он отрекся от национал-социализма и Гитлера, от его идеологии и политики и нашел в себе силы в основном преодолеть свое недавнее прошлое и твердо вступить на путь мира и демократии.

{301} Когда в ночь с 30 апреля на 1 мая 1945 г. командующий 1-ого Белорусского фронта Г. К. Жуков доложил по телефону Сталину о переданном через генерала Кребса сообщении Геббельса о самоубийстве Гитлера, тот отреагировал на этот исторический факт характерной для него репликой: «Доигрался, подлец!» – и отправился спать. – Беседу с Г. К. Жуковым см.: Елена Ржевская. Послесловие. – Дружба народов, 1966, №12.

{302} Была установлена на Шарлеттенбургском шоссе в честь победы над Францией во Франко-прусской войне 1870-1871 гг.

{303} «Последние дни Гитлера» (англ.).

{304} «клетки», в смысле: тюремные камеры (англ).

{305}отбор (англ.).

{306} Ныне Карловы Вары (Чехия).